

Умидас
УМАРБЕКОВ
Повести

Перевод с узбекского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1987

ББК 84.Уз. 7
У 52

*Оформление Алексея Томила
Форзац и рисунки Ивана Царевича*

Умарбеков У.

У 52 Повести. Пер. с узб.— М.: Советский писатель,
1987.— 528 с.

В сборник известного узбекского прозаика У. Умарбекова вошли повести, написанные в последние годы. Главная тема произведений — жизнь и нравственные поиски наших современников. Герои сборника — сельские труженики, студенты, молодые партийные работники, отдающие все свои силы тому, чтобы торжествовала правда там, где пытаются ее поднять бесчестье, чтобы щедрой была родная земля, здоровой и вечной природа.

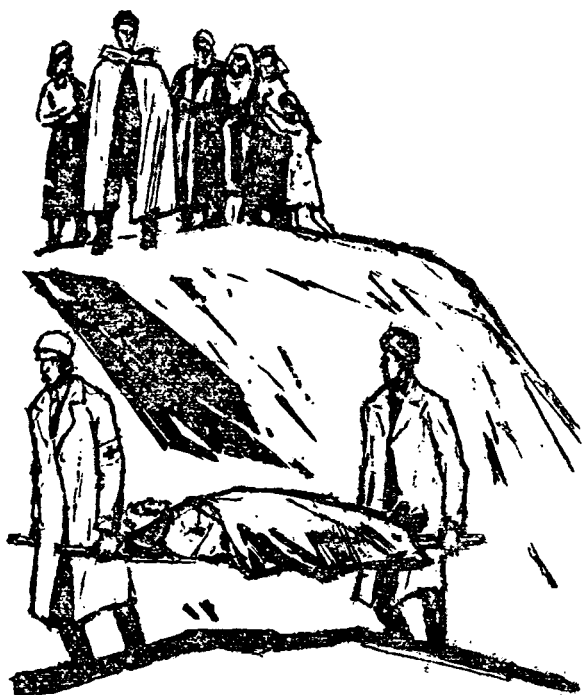
В сборник вошла также историческая повесть «Пустыня», воссоздающая события послереволюционной поры в Узбекистане.

У $\frac{4702570200-225}{083(02)-87}$ 351-87

ББК 84. Уз 7

© Состав и оформление. Издательство «Советский писатель», 1987 г.

ДВЕ ВЕСНЫ ДАМИРА УСМАНОВА

Районная партийная конференция в этот раз завершила свою работу, как и предполагалось, в шесть часов вечера. Председательствующий Кудрат Саимович Садыков, взглядываясь в глубину вмещающего более семисот человек зала, поблагодарил присутствующих за их выступления и, опережая шум, который непременно за этим следует, возвысив голос, объявил, что после получасового перерыва состоится большой концерт художественной самодеятельности. И люди сразу пришли в движение, в разных концах зала раздались аплодисменты. Смысл их был конечно же всякому понятен — люди остались довольны, что конференция не затянулась дотемна, как это нередко случалось. Председатель райисполкома Садыков с улыбкой наблюдал, как постепенно пустеет зал, и слегка постукивал кулаком о ладонь левой руки со скрюченными, омертвевшими после перенесенного им год назад гипертонического криза пальцами. За его спиной члены президиума двигали стульями, переговаривались, покидая сцену. Только второй секретарь райкома партии Казим Бурханов медлил, держа себя как хозяин дома, которому положено сначала пропустить вперед себя гостей, а затем уже самому переступить порог. Садыков, тоже собираясь пройти мимо, дружелюбно заметил:

— Вот если бы все собрания заканчивались так, а, Казим Бурханович? Видали, как люди довольны? И я, знаете ли...

Бурханов иронически усмехнулся, но тут же перебил, насупив брови:

— Угощение готово?

— Все готово, — ответил Садыков, тоже помрачнев.

— Тогда незачем терять время, — буркнул Бурханов и первым направился к выходу.

Кудрат Саимович последовал за ним, опустив голову и вытирая носовым платком толстую шею, враз покрывшаяся холодным потом.

Вот уже два года, как собрания в районном центре, неизменно сопровождавшиеся обедами, доставляли Кудрату Саимовичу чересчур много хлопот. Кто знает, может, они и стали причиной повышенного артериального давления у него, в результате которого почти перестала действовать левая рука? Так оно и есть, скорее всего... Тогда, помнится, было в разгаре лето. Стояла жара, когда на кустиках хлопчатника еще только завязываются коробочки. И как раз в такой ответственный момент из соседней соревнующейся с ними области в их район прибыла делегация. Днем им решили показать два-три колхоза, осмотреть вместе поля, а вечером наметили провести собрание партийно-хозяйственного актива. По настоянию Бурханова было решено организовать хорошее угощение во дворе райисполкома. Садыков в душе был недоволен таким предложением секретаря: застолье можно было организовать и в любом колхозе, там оно всегда бывает даже куда более щедрым. К тому же гости за целый день устали, никто бы из них и не обиделся, если бы их не повезли в райцентр. Однако возражать секретарю райкома Садыков не посмел. Лично с ним согласовав меню, он с утра дал работникам райобщепита указания и вместе с гостями отправился на поля.

Собрание вечером прошло без сучка без задоринки. И прием начался вроде бы неплохо. Во дворе райисполкома, благоухающем розами, росли две старые-престарые чинары со стволами в четыре обхвата. Под ними и усадили гостей за длинным столом, покрытым белоснежной скатертью. Сначала было подано первое — жирная шурпа из баранины. Потом побаловались шашлычком, после которого был особенно приятен зеленый чай. Когда же дело дошло до плова, гости ждать не стали и поднялись с мест.

Бурханов, однако, остановил их, дескать, не спешите, гости дорогие, сейчас будет подано главное угощение. И люди, которым действительно спешить было некуда, снова заняли места, оживленно беседуя. А плова все не несли и не несли. Садыков уже дважды сам бегал на кухню. Но как ошпазы¹ ни суетились, ни вертелись, плов никак не упревал. Садыков, конечно, понимал, что в плове и надобности-то нет, и все же от неловкости не знал, куда себя девать. Клял про себя Бурханова: если бы его черт не дернул за язык, гости могли бы и не знать, что готовится

¹ Ошпазы — повар, мастер приготовления национальных блюд.

еще и плов; остались бы довольны добрым угощением, хорошей беседой и отправились бы восвояси.

Так оно в конце концов и случилось. Гости ушли довольные, хоть и не дождались плова. И все бы ничего, но несколько слов секретаря райкома, брошенные как бы мимоходом, задела Садыкова за живое. «К ним с взаимной проверкой поедете сами. Быть может, заодно научитесь и гостеприимству», — сухо сказал Бурханов, садясь в машину.

Садыкову показалось, будто ему дали оплеуху. С тех пор и стал он чураться всяких там собраний, которые венчались шумными застольями, старался по возможности оставаться от них в стороне. Но не так-то это просто председателю райисполкома. Волнения, видимо, все же сказались, и его неожиданно свалил гипертонический криз...

А сегодняшнее собрание совсем иное. За сегодняшнюю конференцию ответствен не только он один, Садыков Кудрат Саимович, но и другие работники райкома и райисполкома. В выступлениях товарищей тщательно проанализирована вся хозяйственная и организаторская работа, дана объективная оценка деятельности партийной организации района, намечены пути дальнейшего улучшения этой деятельности. Настроение у всех приподнятое. Но тревога Бурханова за сегодняшний прием напомнила Садыкову, что за столом впервые будет присутствовать первый секретарь обкома партии. «Как бы не осрамиться, — с тревогой подумал Садыков, следуя за секретарем райкома. — Как бы не осрамиться...»

Почти все члены президиума собрались в комнате отдыха напротив зала заседаний. Но тут ныне не витал, как обычно, глухой гул голосов и над головами не нависал синий туман сигаретного дыма, а все сидели молча. И не где попало сидели, а на расставленных в строгом порядке подле стены креслах и стульях. Людей, видимо, несколько сковывало присутствие первого секретаря обкома партии Искандера Гаиповича Гаипова. А Искандер Гаипович в это время стоял возле окна, увлекшись беседой с первым секретарем райкома Дамиром Усмановичем, высоким худощавым человеком, еще молодым, но с уже поседевшими висками. Дамир Усманович внимательно слушал его, наклонив голову, изредка вставлял фразу, задавал вопросы, что-то уточняя, и, с чем-то соглашаясь, кивал.

Разговор между ними прервался, когда в комнату вошел Бурханов, а вслед за ним и Садыков. Искандер Гаип-

пович обернулся и, словно извиняясь, что оставил присутствующих без внимания, мягко улыбнулся.

— Товарищи, конференция прошла очень хорошо, — сказал он, подойдя к большому сервированному столу посреди комнаты. Но не сел, а лишь взялся двумя руками за спинку стула с зеленой обивкой. — Еще раз поздравляю членов райкома партии, его секретарей. Сегодня товарищи высказали весьма полезные и ценные мысли. Вы, Дамир Усманович и Казим Бурханович, хорошенько изучите их высказывания и примите меры к осуществлению важных предложений. — Он отвернул манжету, посмотрел на часы и нахмурился. — К сожалению, не могу остаться посидеть с вами. — Искандер Гаипович обвел каждого лучистыми черными глазами. — Ну ничего, еще у нас будет время, поговорим. Всем вам больших успехов, товарищи! До свидания. Нет, нет, пусть никто меня не провожает.

Последние слова секретарем были брошены торопливо, ибо все сидевшие поднялись с мест. Но теперь никто не пошел за ним к дверям. Только Дамир Усманович, слегка помедлив, все же вышел вслед за секретарем обкома.

— Прошу, присаживайтесь, — сказал Бурханов после того, как дверь за ними закрылась, и занял место во главе стола.

Присутствующие начали устраиваться за столом. Сразу появились откуда-то официантки с подносами, на которых красовались расписные чайники с чаем и источали дымок груды румяного шашлыка. И сразу завязался веселый разговор, последовали шутки и голоса гостей смешались со звоном посуды. Молодой парень с белым колпаком на голове и в белом фартуке ловко разложил шампуры с шашлыком по тарелкам. Заметив два пустующих места у противоположного торца стола, где обычно усаживают самых почетных гостей, он подошел к Садыкову и что-то прошептал ему на ухо.

Бурханов понял, о чем речь, и тихо, но достаточно громко, чтобы услышало большинство, заметил:

— Нет, Дамир Усманович не вернется, — и выразительно посмотрел на Садыкова, будто желая сказать: что, мол, у вас за люди, до сих пор не могут себе усвоить простой истины!

...На улице, несмотря на то что еще только был конец февраля, дул теплый влажный ветер. Спускаясь по ступенькам, Искандер Гаипович заметил, что за ним кто-то вышел, и обернулся.

— Не ходите без головного убора, довольно свежо, — обронил он, узнав в сумерках секретаря райкома.

— Привык, — улыбнулся Усманов, приблизившись к нему. — Искандер-ака, может, посидели бы немного?..

— Жене с утра нездоровилось, надо пораньше попасть домой.

— Передайте привет.

— Спасибо, передам.

Зашуршав шинами по талому снегу, подкатила и замерла возле них обкомовская белая «Волга». Они стояли, будто не замечая ее. Стояли и молчали. У обоих было на душе как-то беспокойно, оба испытывали желание поговорить друг с другом. Только не знали вот, с чего начать, вернее, как начать.

— Теперь догадываетесь, почему он не стал первым? — спросил Искандер Гаипович, в упор взглянув на Усманова. И, заметив, что тот размышляет над ответом, добавил: — Уже более года вместе работаете — срок достаточный, чтобы изучить друг друга... Впрочем, не Бурханов меня сейчас беспокоит. Он на виду. А скорее те люди, которые его поддерживают. Я знаю, кто они. И вы тоже знаете некоторых. Мой вам совет: будут пытаться чинить помехи — пока не обращайтесь внимания. Есть хорошая поговорка у нашего народа: «Собака лает, а караван идет». Но будьте поосмотрительнее. Обдумывайте каждый свой шаг. Будете слишком круты — многих оттолкнете от себя, лишитесь их поддержки, чистосердечия; а проявите слабыхарактерность, излишнюю уступчивость — сядут на голову.

— Знаю, — вздохнул Усманов. — Одному поражаюсь: неужели за это время он так ничего и не понял?.. А мне казалось, он в последнее время как-то изменился.

— Увы, я этого не заметил. Или... убрать его от вас?

Усманов опустил голову, не выдержав пронизывающего взгляда секретаря обкома.

— Попробую еще поработать.

— Вот это по-нашенски. — Искандер Гаипович протянул ему руку. — Я и не ожидал от вас иного ответа. Он все-таки немало сделал для района. Имеет опыт, хороший организатор. Вот и постарайтесь использовать эти его качества. Ну, еще раз поздравляю с итогами года.

— Рахмат. Благодарю.

Усманов подождал, пока машина, объехав обширную круглую клумбу с прошлогодними цветами, примятыми талым снегом, выехала на асфальтированную дорогу

и, помигивая красным огоньком поворотника, не скрылась за углом. Затем вернулся в здание райкома и поднялся в свой кабинет. Надел пальто, ондатровую шапку и, заперев кабинет на ключ, спустился вниз. Из зала заседаний доносилась музыка — видимо, уже начался концерт.

Выйдя на улицу, Усманов поднял воротник пальто. Машина стояла у подъезда. Увидев его, водитель открыл заднюю дверцу, в салоне загорелся свет. Но Усманов хлопнул дверцу и проследовал мимо:

— Поезжайте, Рустамджан. Я пройду пешком.

Районный город был невелик. Спустя минуту он вышел на центральную улицу и не спеша направился домой. Под ногами чавкала грязная снежная каша, с крыш, позванивая, падали капли. Ветер, прилетающий из степи, уже приносил запахи оттаявшей земли. Хотя и шел медленно, но чересчур быстро оказался у своей калитки. Но в дом заходить не хотелось. Он и машину-то отпустил потому, что не спешил домой. С тех пор как не стало Хафизы, он себя нигде не чувствовал таким одиноким, как дома. Впрочем, его всегда дожидается мать. Хорошо, хоть она у него есть. Как бы поздно он ни пришел, она ждет, чтобы подать горячий ужин. Но в последнее время она все чаще хворает. Нет-нет и затевает разговор: дескать, не годится молодому мужчине одному век вековать. А сегодня, особенно сейчас, ему не хотелось слышать этих слов, на которые ему удавалось отвечать шуткой, когда на душе было спокойно. Ведь наверняка мать опять начнет свои уговоры с мольбой в голосе, станет жаловаться, что ей трудно вести хозяйство без невестушки. И Усманов медленно зашагал дальше по безлюдной улице, успевшей стать ему близкой и родной. Ноги сами вывели за окраину. Вскоре редкие огоньки городка остались далеко за спиной. По краям дороги тихо колыхались еще голые прутья шелковиц. Навстречу, разбрызгивая грязь, проехал грузовик, ослепив его фарами.

Усманов сошел с дороги и, перебравшись через кювет, стал осторожно, стараясь не поскользнуться, взбираться на пологий холм. Упругий ветер трепал полы пальто. Там-сям, полузанесенные снегом, чернели угловатые силуэты каменных надгробий.

В этих местах, близких к горам, всегда ветрено. Приняв решение переехать сюда, Усманов беспокоился, что Хафизе не понравится постоянно дующий здесь ветер. А он даже очень пришелся ей по душе. «Какой тут ласковый

ветерок! — сказала она. — Хорошо, если он и в летнюю жару не перестает...»

Тогда была весна, и влетающий в окно ветер доносил запах цветов. Им не спалось. Вечером Дамир успел показать жене главные улицы райцентра, парк, вернулись усталые, желая одного — скорее добраться до постели, и все равно сон не шел к ним. Лежа в темной комнате, они болтали до полуночи. Потом, как бывало в первые ночи после свадьбы, не лениясь оделись и вышли опять прогуляться. Тихо отворили дверь, чтоб не услышала мать, которая все время журила невестку, что она мало отдыхает, не бережет себя, нося под сердцем ребенка... Но чистый ночной воздух, пропитанный запахами цветов, разве не полезен и для нее и для ребенка?.. Улицы были пустынные, и они могли бродить по ним, обняв друг дружку за плечи и никого не стесняясь; несколько раз обошли центр; строили планы на будущее, как в юности, и, как бездомные студенты, целовались, прячась в тени и прислонясь к шершавым стволам деревьев.

Сейчас этот неугомонный ласковый ветер напомнил ему о тех сладостных минутах. Какая-то необоримая сила привела его сюда, в обитель почивших людей. Сила эта — тоска по утраченной любви, боль разлуки — она будет приводить его сюда и каждую зиму, и каждую весну. Зимой — для того, чтобы он вспомнил запахи весны, наполнявшие сердце лишь кратковременной радостью, а весной — чтобы он излил тут свою печаль, весь год терзающую сердце, и нашел утешение...

Усманов стоял у белой мраморной плиты, установленной в изголовье могилы, и думал о Хафизе. И мнилось ему, что Хафиза рядом. Ветер треплет ее белое платье и длинные черные волосы. В шелесте ветра он улавливал шепот: «Она жива... Она жива!..»

Долго стоял он так, положив на камень ладонь и припав к ней лбом. Наконец не выдержал — из груди вырвался вскрик... «Хафиза! Зачем же ты так, а, Хафиза?!»

Шумел ветер, кружил среди могильных плит, шуршал сухими стеблями умерших цветов: Хафиза... Хафиза...

II

Год назад в один из мартовских дней Дамир Усманов сидел в своем кабинете. В окно в упор били прямые лучи уже по-весеннему горячего солнца. Рабочий день только

начался, и, как всегда по утрам, он просматривал газеты. Внезапно на столе зазвонил внутренний телефон.

— Усманов,— сказал он, взяв трубку и продолжая скользить взглядом по строчкам.

— Как вы там, братец, живы-здоровы? — прозвучал в трубке густой баритон.

— Спасибо,— буркнул Усманов, гадая, чей же это голос. А узнав, вскочил: — Вы, Искандер-ака? Салом алейкум! Как сами чувствуете себя? Я слушаю вас!

— Вы очень заняты?

— Пока не очень.

— Поднимитесь ко мне...

— Сию минуту.

Усманов положил трубку, а сердце все колотилось, не могло успокоиться. «Что это со мной?» — удивился Усманов. Первый секретарь не впервые разговаривал с ним по телефону. С тех пор как Усманова пригласили работать инструктором в областной комитет партии, в течение этих двух лет Искандер Гаипович несколько раз на день звонил ему и задавал самые неожиданные вопросы. Поначалу Усманов, пока не привык, очень волновался, а позже завел блокноты: отдельный по каждому вопросу, которые входили в его компетенцию и которыми он обязан был заниматься, чтобы неожиданные вызовы к Гаипову не заставляли его врасплох. Такие блокноты он увидел у заведующего сельскохозяйственным отделом Муслима Иноятова, самого старого сотрудника обкома. Как-то зашел к нему, чтобы выяснить, соответствуют ли истине сводки о ходе уборки хлопка, публикуемые районными газетами. Прежде чем ответить на вопросы инструктора, Муслим-ака не спеша достал из ящика небольшой блокнот и начал медленно перелистывать.

— Сведения всех районов совершенно правильны. И печатаются вовремя,— сказал он, задержав взгляд на одной из страничек,— можете даже не проверять. Вот только о Бадамсае... За последнюю декаду сводка дважды была опубликована с опозданием. Одиннадцатого ноября и шестнадцатого. Да-а, а газета «Алга»¹ хромает на обе ноги. Редактора всегда хвалили, не знаю, что теперь у них там происходит...

Усманова удивило, что заведующий сельскохозяйственным отделом так хорошо осведомлен о деятельности районных газет. Эти же сведения он, естественно, мог по-

¹ «А л г а» — «Вперед».

лучить и в своем отделе пропаганды и агитации. Но заведующий отсутствовал, а спрашивать у своего коллеги Далимова ему не хотелось.

— Простите, в эти блокноты вы каждый день все записываете?

— Конечно. Пожалуйста, можете ознакомиться. Тут нет никакого секрета. — Муслим-ака осторожно вынул из ящика небольшие разноцветные блокноты и протянул Усманову: — Партийный работник что солдат на посту. Всегда — и днем и ночью — должен быть готовым выполнить любое поручение, а значит, должен быть в курсе всех дел. Я так считаю.

Ознакомившись с блокнотами, новичок Усманов сразу понял, что ему перво-наперво надо сделать. Он вернулся в кабинет довольный и благодарный Муслиму-ака. В тот же день на его столе появились такие блокноты.

— Я в восторге от ваших успехов! — сказал сидевший напротив Тешабай Далимов и, кивнув на блокноты, насмешливо ухмыльнулся. Далимов тоже работал инструктором и, как и Усманов, занимался делами областных газет и радио. Этот человек неопределенного возраста с первых же дней не понравился Усманову. Как и всякому новичку, ему то и дело приходилось обращаться к Далимову с самыми различными вопросами. А у того, прежде чем произнесет слово в ответ, на лице возникала саркастическая усмешка. Вскоре каждое движение его, каждое слово стали казаться Усманову нарочитыми. В этот раз в словах Далимова тоже нетрудно было уловить иронию. — Судить по вас, вы очень долго собираетесь работать в нашем аппарате. — Далимов, все еще продолжая скалить зубы, облокотился о стол. — Но только вы тут... долго не продержитесь. Вот помяните мои слова!..

— Почему же? — опешил Усманов.

— Потому что... — Далимов оглянулся на дверь и, убедившись, что она плотно закрыта, продолжал: — Потому что к вам очень хорошо относится первый.

Усманов почувствовал, что краснеет. Ему в тот момент трудно было сказать, справедливы ли слова Далимова. Он никогда над этим не задумывался, да и не имел оснований для таких раздумий. Когда работал в педагогическом институте, а потом учился в аспирантуре, всего раза два-три и видел-то Гаипова на общих собраниях института, на научных конференциях, здоровался с ним, как и со всеми. Слышал, правда, что первый секретарь обкома когда-то работал вместе с его отцом, и только. Может, мнение Да-

лимова сложилось в результате того, что работу в аппарате обкома партии Усманову предложил сам Искандер Гаипович?.. «Пусть и ученые отдадут дань нашему общему делу», — пошутил он тогда. Вот и весь разговор. На каком же основании Далимов намекает на какое-то покровительство? Размышляя над этим, Усманов спросил:

— Откуда вы взяли?

— Ну посудите сами, я уже четвертый год работаю в аппарате, а он мне еще ни разу не позвонил. А с вами он всякий раз говорит по телефону по поводу и без повода!

Усманов рассмеялся. Слова Далимова и задели его, и рассмешили. Он решил его утешить:

— Значит, вы работаете как следует, и у вас все в порядке.

— Вы думаете? — с деланным равнодушием спросил Далимов, приподняв брови.

Усманов кивнул. Он думал, что разговор на этом и закончился. Но не тут-то было. Далимов глубоко задумался, глядя в окно, а потом вдруг брякнул:

— Все равно отношение-первого к вам совсем иное. Вы же... из пострадавших. Ваш отец...

— Товарищ Далимов, — в сердцах перебил его Усманов, — мое прошлое, в особенности мой отец, к вам не имеют никакого отношения. Я вам советую выбросить из головы такие мысли. А что касается отношений, хорошие ли они или плохие, — все это зависит от работы человека и его добросовестности...

— Конечно, конечно! — согласился Далимов и быстро закивал. Чувствуя, что сказал лишнее, он слегка побледнел, глаза забегали. — Я такого же мнения. Только, похоже, что я не совсем правильно сумел выразить свою мысль!.. Простите меня!..

Усманов покинул кабинет.

После этого случая они говорили только о работе. Усманова это вполне устраивало — он был немногословен от рождения. Пообвыкнув, он перестал краснеть и теряться, когда ему звонил кто-нибудь из секретарей. А сейчас невольно бросил взгляд на стол своего коллеги. Далимов еще отсутствовал.

По какому же поводу вызывает первый? Интересно. Усманов на всякий случай перебрал в памяти все дела, которыми занимался последнюю неделю. Ни план работы, ни его выполнение не вызывали тревог. Правда, не успел ответить на два письма. Первое письмо от пенсионера: старый человек обращает внимание обкома на неточность

приводимых в газете «Алга» фактов. Второе — жалоба местного поэта, стихи которого уже давно лежат в редакции и до сих пор не рассмотрены. Срок ответа на эти письма еще не истек. Что же еще может быть?

С этими тревожными мыслями и вышел Усманов из кабинета, захватив с собой блокнот в кожаном переплете, подаренный ему женой в день рождения.

В приемной Искандера Гаиповича сидела только секретарша Валентина Ивановна и вкладывала в машинку бумагу, собираясь печатать. Она ласково улыбнулась:

— Здравствуйте, Дамир Усманович. Входите, он ждет вас.

Искандер Гаипович сидел не за своим широким письменным столом, на котором в определенном порядке лежали разные бумаги и книги, а за длинным полированным столом, обставленным стульями, за которым обычно занимали места во время заседаний члены бюро. Он читал какую-то бумагу. Усманов по виду плотного белого листа догадался, что он читает постановление Центрального Комитета. Сюда же были перенесены с письменного стола некоторые из телефонов. Всякий раз, когда Усманов входил в этот прохладный тихий кабинет, бесшумно ступая по ковровой дорожке, ему казалось, что однотонное постукивание старинных настенных часов усиливалось, становилось громче.

— Салом,— сказал Усманов, осторожно закрыв за собой массивную дверь.

Искандер Гаипович оторвал взгляд от постановления.

— Пожалуйста, прошу вас.

Пока Усманов пересекал кабинет, он поднялся с места и протянул руку:

— Как жизнь, братец?

Преодолевая волнение, Усманов улыбнулся. Столь непосредственное обращение первого секретаря обкома несколько обескуражило и одновременно переполнило его признательностью.

— Все хорошо, спасибо.

Искандер Гаипович, опускаясь на место, указал на стул рядом с собой. Усманов сел.

— Какими делами заняты сегодня?

— Никакими,— простодушно сказал Усманов и тут же, устыдясь собственных слов, поправился: — Собирался подготовить ответы на некоторые письма...

Заметив его смущение, Искандер Гаипович улыбнулся, его глаза потеплели.

— А не съездить ли нам с вами в Бадамсай?

— Я готов, — сказал Усманов, беря себя в руки.

— Превосходно. Через пять минут я спущусь вниз, ждите меня там.

Когда Усманов возвратился в кабинет, Далимов сидел на месте. Едва успев ответить на приветствие, спросил:

— Вызывал? Все, надеюсь, в порядке?

— В порядке, — ответил Усманов. — Едем в Бадамсай.

Смуглое лицо Далимова, на котором уже начала было сквозить ирония, застыло.

— Пока, — кивнул ему Усманов и, схватив с вешалки плащ, выскочил из кабинета.

III

Уже выйдя из здания обкома, Усманов вспомнил, что не предупредил заведующего отделом. Надырхан Салиев не любил, когда сотрудники отсутствуют, а он не знает, где они. Но вернуться и тем самым заставить Искандера Гаиповича ждать показалось Усманову еще более неудобным. Далимов, конечно, скажет заведующему, но лучше бы доложить самому. Надырхан Салиев всегда и во всем исключительно пунктуален и даже педантичен. Он строго требует, чтобы и подчиненные делали свое дело точно и своевременно. Ни себе не дает спуска, ни другим. «Мы пропагандисты и должны идти в авангарде, — говорит он. — Мы подобны компасу. Люди равняются по нас, сверяют свои поступки и дела. А если мы не можем подняться до такого уровня, чтобы служить примером, то нет в нас никакой необходимости». Справки, постановления, проекты — словом, все документы, подготовленные им, служили в обкоме образцом. Они отличались безукоризненной логикой, простотой изложения, ясностью и точностью формулировок и вызывали восхищение даже у бывалых журналистов. Поэтому Надырхан Салиев, проработавший в обкоме партии почти столько же, сколько и Муслим Иноятов, требовал и от своих сотрудников, чтобы подготовленные ими документы отличались безукоризненной точностью. Даже ответы на письма он всегда проверял, вносил при необходимости ясность и определенную простоту. Закончив правку такого письма, он, удовлетворенный, поднимал голову и, возвращая сотруднику, вразумлял:

— Отвечая на письма, надо быть особенно внимательным и чутким. Ведь письмо — это исповедь человека.

А душу человека очень легко поранить и одним неосторожным словом...

Усманов был рад, что ему посчастливилось работать под руководством такого человека. «Если бы во всех учреждениях наладить такой же порядок, какой навели у себя в отделах Надырхан-ака и Муслим-ака, то мы, несомненно, опередили бы уровень нашего сегодняшнего социального развития лет этак на двадцать — тридцать», — думал иногда Усманов. Правда, если Муслим-ака полагался в работе на различные блокноты да записи, то Надырхан-ака преимущественно доверял своей памяти. Иногда он, споря с кем-нибудь или когда возникала необходимость, приводил наизусть целые цитаты и отдельные пункты давнишних постановлений, поражая всех своей исключительной памятью. Однако, в представлении Усманова, и у такого доброго, высококультурного человека, обладавшего широчайшим кругозором, имелись свои недостатки. Недаром говорят: и на солнце имеются пятна. Надырхан-ака все старался делать сам, в лучшем случае в содружестве с кем-либо из работников. А это ограничивало инициативу коллектива. Он не допускал и того, чтобы люди какие-то вопросы решали с вышестоящими руководителями, минуя его. Что ж, может, он и прав. Должен же быть какой-то порядок и дисциплина. Ведь если не придерживаться общепринятых правил, то человек вольно или невольно может нанести ущерб и собственному авторитету, и авторитету своего руководителя. Поэтому Усманов всякий раз, когда получал задания от вышестоящего руководителя, считал долгом докладывать в первую очередь заведующему. Надырхан-ака внимательно выслушивал и говорил добросердечно:

— Очень хорошо. Понадобится моя помощь, не стесняйтесь, заходите.

И конечно же очень редко дело обходилось без помощи Надырхана Салиевича. У него всегда можно было узнать, к каким людям обратиться по тому или иному вопросу или какими пользоваться источниками.

А сегодня Усманов не успел предупредить заведующего. Вспомнив, что можно ведь позвонить по внутреннему телефону, он вернулся в фойе, но Искандер Гаипович уже спускался по лестнице. А за ним семенил, еле поспевая, сам Надырхан Салиевич. Усманов поздоровался с ним и уже открыл было рот, чтобы сказать о неожиданной поездке, но Салиев опередил его:

— Знаю. Желаю успеха.

Усманову показалось, что в свои последние слова заведующий вложил и несколько иной смысл, нежели только пожелание доброго пути. И то, что Искандер Гаипович обернулся к Салиеву и засмеялся, показалось ему не случайным. Во всяком случае, по глазам Надырхана Салиевича Усманов понял, что заведующему известно нечто такое, что ему самому еще неизвестно.

Через несколько минут они уже мчались в мягко пружинящей «Волге» по гладкой и широкой дороге.

Есть неповторимая прелесть в бескрайних, только что распаханых полях, освободившихся от бремени снега и наледи и теперь вдыхающих, впитывающих тепло весенних ветров. Жирная черная земля ждет семян. На обочинах среди желтой прошлогодней травы уже проклянулась зелень. Деревья еще голы, но на ветках уже бугрятся набухшие почки, греясь на солнце, и вот-вот брызнут клейкими ярко-зелеными листочками. Вода в канавах и арыках прозрачна, как хрусталь. Всю зиму никто не нарушал ее спокойствия, не преграждал ей пути запрудами. Гул тракторов, доносящийся с бескрайних просторов, где поднимали зябь, запах вспаханной земли, перемешанный с ароматом мяты и базилика, стаи птиц в голубом небе с редкими пухинками облаков и их тревожные голоса перед гнездованием властно напоминали, что прожит еще один год жизни.

Влюбленный в картины весны, плывущие мимо, попеременно сменяющие одна другую, Усманов не отрывал от них взгляда и не заметил, как покрыли половину пути. Искандер Гаипович тоже смотрел в боковое стекло и был занят своими мыслями. Усманов несколько раз порывался спросить, по какому делу они все-таки едут — не на прогулку же! — но задумчивый вид секретаря заставлял его отказаться от этого намерения. Знал, что по приезде на место все выяснится. Однако же спокойствие не приходило, и он ломал голову, зачем Искандеру Гаиповичу понадобилось захватить его с собой.

У поворота на Бадамсай Искандер Гаипович обернулся к нему и заговорил сам:

— Вы хорошо знаете этот район?

— Не очень... Так, относительно... — уклончиво ответил Усманов.

— Район большой, хозяйство многоотраслевое... — Искандер Гаипович сделал паузу и, устремив вдаль задумчивый взгляд чуть прищуренных глаз, добавил: — Только какая-то неслаженность стала в нем наблюдаться

за последние годы. Урожайность хлопчатника едва достигает сорока центнеров с гектара. Соседи обогнали бадамсайцев и в хлопководстве и в животноводстве.

Нахмутив густые черные брови, резко контрастирующие с поредевшими седыми волосами, он долго молчал, пристально вглядываясь в дорогу. Затем, облокотясь о спинку сиденья, обернулся к Усманову и задал вопрос, которого тот вовсе не ожидал:

— Отца помните?.. Сколько вам было лет?

Усманов хорошо помнил, в каком возрасте лишился отца.

— Я был маленьким. Пять лет было, — ответил он, пытаясь представить себе облик отца. — Помню, но смутно...

Он говорил правду. Своего отца он знал не очень хорошо. Преимущественно понаслышке. От матери, от родственников, от друзей отца, многие из которых здравствуют и по сей день. Все они об отце говорили только хорошее. Что же собирается о нем сказать Искандер Гаипович?

Чувствуя, как все внутри напряглось, Усманов в волнении посмотрел на первого секретаря обкома.

— Да, маленьким... — повторил Искандер Гаипович. — А я хорошо помню вашего отца. Удивительный был человек. Настоящим коммунистом был. После окончания института я год работал под его руководством в колхозе. Потом он направил меня в партийную школу... После этого мы больше не виделись... В то время в Бадамсае было всего три колхоза. И самым крупным среди них — «Красный Октябрь», где председательствовал ваш отец, Усман-ака. Хороший был колхоз. В то время имя Усмана-ака не сходило со страниц газет...

Искандер Гаипович опять умолк, устремив хмурый взгляд в сторону пашни, по которой деловито расхаживали черные грачи. Усманов тоже молчал. Ему не хотелось нарушать течение мыслей секретаря. Да и самому не хотелось ни о чем говорить. То, что он услышал сейчас об отце, и так наполнило его сердце волнующей грустью.

Последний раз он видел отца в одну из промозглых осенних ночей, когда не переставая шли нудные дожди. Сквозь сон и шум ветра, слепо бьющегося в мокрые окна, он услышал в доме чьи-то голоса. Чужие голоса. Что-то загремело в прихожей. Но он не придал этому значения: отец и приходил домой и уходил в разное время. Когда нужно, тогда и шел на работу. В доме к этому привыкли. Ночь ли, день ли — дом бывал полон людей. Но внезапно

какое-то недоброе предчувствие заставило Дамира проснуться. Он открыл глаза, протирая их маленькими кулачками, и увидел перед собой отца. На нем было его каждодневное потертое пальто, черные волосы зачесаны назад. В руках он мял свою шапку.

— Я разбудил тебя, сынок? — спросил он, ласково улыбнувшись.

Дамир не успел ничего ответить. Отец порывисто поднял его с постели и прижал к груди. Будто делаясь тайной, прошептал:

— Не обижай маму... Будь хорошим, ладно?.. А я скоро вернусь.

Однако отец не вернулся, а у мальчика отпечаталась в памяти та ночь, самая черная, самая ветреная и дождливая.

Спустя некоторое время мать и сын переехали в город. В их доме, стоявшем рядом с правлением колхоза, поселился районный прокурор. А потом и он переехал в город. Дом снесли и на том месте посеяли ячмень.

Накануне войны Усман-ака был реабилитирован. Но он так и не возвратился. Заключение его в тюрьму и исчезновение были результатом чьей-то страшной клеветы, теперь-то это понятно. Кто был этот враг? Почему отец им оговорен? Этого Усманов не мог установить, как ни старался и какую бы помощь в этом ему ни оказывали.

Недаром говорят, лучший врачеватель — время. Оно сделало свое дело. С годами рана на сердце затянулась. И мать и сын свыклись с мыслью о тяжелой утрате.

Вдали показались белые домики с шиферными крышами.

— В райком? — спросил шофер, хранивший до сих пор молчание.

— К Носиру-ака, — бросил Искандер Гаипович и посмотрел на Усманова. — Знаете его?

— Слышал.

— Славный человек. И руководитель хороший. Но вот, бедняга, хворает. Проведаем, а? Как вы?

Усманов кивнул.

Через несколько минут, свернув вправо и укатив от районного центра километра на два, машина въехала в кишлак и остановилась напротив больших голубых ворот.

— Что ж, идемте, — сказал Искандер Гаипович и вышел из машины.

Бывший первый секретарь Бадамсайского райкома партии Носир Пулатов во дворе подрезал виноградные лозы. Увидев гостей, бросил работу.

— Саида! — окликнул он жену, спеша к воротам. — Искандер Гаипович?.. Входите, входите! Салам алейкум! Ну и уважили старика!.. Ну и уважили...

Искандер Гаипович крепко обнял, похлопывая по спине такого же высокого, как и сам, но худощавого Пулатова:

— Вы же здоровы как конь! Или работать надоело?.. Пулатов рассмеялся.

— Познакомьтесь, — сказал Искандер Гаипович, выпустив наконец его из объятий и показав на Усманова. — Усманов, инструктор обкома.

— Здравствуйте, укаджан!¹ — Пулатов тепло поздоровался с Усмановым и, не выпуская его руки, повел их в дом. — Идемте, идемте!

Навстречу вышла полноватая женщина средних лет.

— Саида, смотри, кто к нам пожаловал! — сказал ей радостно Пулатов.

Нетрудно было догадаться, что секретарь обкома близок к этой семье и что их, как видно, связывает давняя дружба. Искандер Гаипович держал себя свободно, как в собственном доме, то и дело шутил, заставляя звонко хохотать и хозяина и хозяйку.

Когда они вошли в дом, Саида-апа поставила перед ними на стол большой чайник со свежезаваренным чаем и, сказав: «Я сейчас», — вышла из комнаты. Как только она удалилась, Искандер Гаипович посерьезнел и спросил:

— Ну, как здоровье?

Пулатов потупил взгляд, вздохнул и грустно ответил:

— Неважно.

Некоторое время царила тишина. Никто не решался первым нарушить молчание. Наконец Искандер Гаипович поднял голову и, взглянув в упор на старого друга, промолвил:

— Я надеялся, что вы вернетесь...

— Нет, — твердо сказал Пулатов. — Я ушел вовремя. На нашем месте человек не может отдаваться работе лишь наполовину. Могу подвести. Как раз этого и не хочу...

— Ладно, вам виднее. Но ваша помощь нам всегда будет нужна. — Искандер Гаипович слегка пожал у локтя бледную и тонкую руку Пулатова, еле державшего пиалу.

¹ Укаджан — братец, братишка.

— Благодарю вас.

— Вы не узнали этого парня, а?

— Нет. — Пулатов внимательно посмотрел на Усманова. — Нет, не узнаю. — Несмотря на улыбку, в самой глубине его поблекших глаз пряталась грусть.

— Вы помните первого председателя колхоза «Красный Октябрь»? Знаменитого Усмана-ака?

— А как же!.. — оживился Пулатов, снова взглядываясь в своего гостя. — Да-да, понимаю, понимаю...

— Этот парень его сын.

— Замечательно! — Пулатов поднялся с места и, подойдя к смущенному Усманову, вторично пожал его руку, энергичнее и горячее: — Пусть высокои будет ваш полет, уақджан...

Гости не могли не внять просьбам Саиды-апа и остались обедать.

Наломав кусочки тандырной лепешки в шурпу и утапливая их ложкой в жирном бульоне, Искандер Гаипович стал с огорчением говорить о сегодняшнем дне района. По его мнению, район живет прежними заслугами. А взглядеться... На многих наиважнейших участках хозяйства положение безотрадное. Слишком большая разница между передовыми хозяйствами и отстающими. Условия одни и те же, а разница огромная. Средние же хозяйства почти не развиваются, топчутся на месте. Конечно, все эти недостатки пока не лезут в глаза. А что будет года через два-три?.. Совершенно очевидно, если район оставить без внимания, пустить все на самотек, не расшевелить руководителей некоторых хозяйств, то вскоре он окажется в хвосте по всем показателям. Искандер Гаипович, загибая на руке пальцы, перечислил ошибочные решения райкома и в сердцах помянул недобрым словом тех, кто их принимал. Его огорчало, что райком партии ни разу не принял никаких мер по отношению к председателям, которые допускали отставание в весенне-полевых работах, а во время уборки не укладывались в сроки и привлекали к сбору урожая школьников. Исполняющий же обязанности первого секретаря райкома Казим Бурханов носится, как курица с яйцом, лишь с именитыми руководителями передовых хозяйств, видит опору района только в них, на всех совещаниях поет им дифирамбы, живет по их подсказке, а о хозяйствах, что плетутся кое-как, словно бы забыл...

Пулатов, молча ожидавший, когда первый секретарь обкома выскажет свои замечания, с ним полностью согласился. И в свою очередь заметил, что беда отстающих хо-

зьяйств в том, что в них почти не придается значения смешанным посевам, освоению новых земель. А работы по строительству современных кишлаков в районе сокращаются с каждым днем, вот-вот приостановятся совсем...

Они подъехали к райкому уже во второй половине дня. Шофер остановил машину в тени старых чинар, возвышавшихся возле райкомовского здания. Искандер Гаипович с завидной легкостью поднялся на второй этаж и вошел в приемную. Молоденькая секретарша, узнав его, растерялась и открыла перед ним дверь кабинета первого секретаря.

— Казим Бурханович отсутствует, — сказала она смущенно. — Он сейчас должен быть в колхозе «Победа». Посидите, я его разыщу.

— Не стоит, — сказал Искандер Гаипович. — А Алиев? Где Алиев?

— Тоже только что поехал в «Победу». Там сегодня отчетно-перевыборное собрание.

— Так. — Искандер Гаипович, не снимая плаща, фуражки, несколько секунд сидел в задумчивости, барабанил пальцами по краю полированного стола. — Скажите Казиму Бурхановичу, что мы заехали попутно. Сейчас поедem в колхоз «Правда». Оттуда в «Шарк юлдузи»¹. Пусть не разыскивает.

— Хорошо, — охотно согласилась девушка.

Возвращались в город уже в сумерках. Они побывали не в двух, а в пяти колхозах. Знакомились с ходом подъема зяби. Искандер Гаипович брал комки земли, растирал в ладони, спрашивал у бригадира, сколько внесено удобрений. Узнавая секретаря издали, трактористы останавливали трактор у края поля и подходили здороваться, предлагали сигареты из мятых, потемневших от машинного масла пачек и закуривали сами. Искандер Гаипович расспрашивал трактористов о делах, о нуждах. Все, как один, говорили о нехватке запасных частей, о том, что иногда из-за пустячной поломки техника простаивает по нескольку дней...

Побывали на нескольких фермах. Усманов про себя отметил, что и в коровниках чисто, и коровы в меру упитанны. Кое-где подача корма даже механизирована. Но Искандер Гаипович был молчалив, и весь вид его говорил,

¹ «Шарк юлдузи» — «Звезда Востока».

что он чем-то не удовлетворен. Может, его расстроили жалобы колхозников? В каждом колхозе кто-нибудь подходил к нему, улучив момент, и высказывал свои жалобы, претензии к кому-либо из начальства.

Причину недовольства Искандера Гаиповича Усманов узнал, когда они уже подъехали к городу.

Гаипов молчал, будто наблюдая, как умирает день. А думал, оказывается, о другом. Неожиданно он с досадой проговорил:

— Все идет по инерции! Не хватает новизны, инициативы!.. Как два-три года назад все было, так и осталось. В мастерских беспорядок!.. В кишлаках рядом с домами мусор, свалки. А ведь живут там люди как люди, обыкновенные, не то чтобы особые неряхи. Но есть, разрази их гром, нерадивые руководители. Кое-кто из них еще пытается и жить и работать по-старому. А людям это не нравится. И правильно, что не нравится! Слыхали, как крыла заведующего фермой доярка в «Шарк юлдузи»? И справедливо крыла... Да, изменились люди, себя хозяевами чувствуют. Прямо душа за них радуется. Когда колхозы еще только создавались, почти все были неграмотны, многого не понимали. Поэтому наряду с разъяснением, убеждением применялись и административные меры. И в тех условиях это не вредило делу. А сейчас же совсем другое время! Люди стали образованными. Вон на какой уровень поднялась техника! Теперь окриком, руганью многого не добьешься, я так думаю. Каждый и сам знает, что выполнение плана — его долг, закон. А вот как его выполнить? Как раз этому и надо учить людей, а не только требовать. Требовать-то легко. А попробуй-ка на практике осуществить...

Искандер Гаипович, не обращая внимания на протесты Усманова, подвез его к самому дому.

Хафиза, хотя и привыкла к тому, что муж, с тех пор как начал работать в обкоме, иногда возвращается поздно, уже начала беспокоиться. Бросилась, услышав звонок, в прихожую, открыла дверь. И сразу по глазам мужа заметила, что он чем-то радостно взволнован. Облегченно вздохнула: «Ну слава богу...»

Он перешагнул порог и, закрыв дверь, обнял жену.

— Беспокоилась?

— Нисколечко, — улыбнулась Хафиза, кокетливо качая головой.

— В Бадамсае был, — начал рассказывать Усманов, снимая плащ, и пошел в ванную помыть руки. — Знаешь,

с кем? С Искандером Гаиповичем! Я раньше слышал о нем столько хорошего, а теперь сам убедился... Знаешь, золотой, оказывается, человек! А какая эрудиция!.. Разбирается и в агротехнике, и просто в технике! Область знает как свои пять пальцев. И ее сегодняшний день у него как на ладони, и завтрашний...

— Вы же говорили, он агроном...

— Агроном, — усмехнулся Усманов, — академик! Настоящий академик в агрономии!

— Проголодались, поди, — сказала Хафиза и направилась в кухню.

Муж появился в домашней фланелевой куртке, перепоясанной витым шнурком, в тапочках.

— Не нужна мне еда. Мне нужна ты! — сказал он, пытаясь обнять жену.

Хафиза со смехом отстранилась. Она была беременна, и это уже бросалось в глаза.

— Думаешь, его побеспокоим? — Он кивнул на ее живот.

— Конечно, ему уже пять месяцев, и он все понимает.

Усманов, ребячась, присел на корточки и приложил ухо к ее животу:

— Что-то он мне ничего не хочет сказать.

Хафиза рассмеялась.

— Ну не балуйся, встань. Мама же может войти.

— А где она? Ее же нет дома...

— Пошла проведать твою тетушку.

Усманов включил приемник и растянулся на диване, развернув газету.

— Ты в самом деле не хочешь есть? — спросила Хафиза из кухни.

— Выпью чаю.

По радио передавали вечерний концерт. Однако Усманов не слышал ни музыки, ни песни, исполняемой популярным певцом. И смысла газетных строк никак не мог ухватить — приходилось перечитывать по нескольку раз одно и то же... Он все еще находился под впечатлением сегодняшней поездки.

Если для Искандера Гаиповича подобные рейсы по области были обычным делом, то Усманову эта поездка позволила увидеть многие вещи с новой, неожиданной стороны. Он увидел воочию, насколько трудна работа партийного руководителя, как она хлопотна и в то же время благородна.

В течение двух с половиной лет Усманов задавал себе вопрос, правильно ли поступил, оставив работу в институте и перейдя в обком, и не находил однозначного ответа. То ему казалось, что в науке он мог бы принести гораздо большую пользу, то приходил к мысли, что жизнь все настойчивее требует вторжения в сегодняшний день, а не копания в прошлом.

Дамир Усманов еще в школе полюбил историю, особенно историю древнего мира и средних веков. Жизнь Спарты и Карфагена, трагическая судьба цветущей Византии, кровопролитные сражения между христианами и мусульманами за Иерусалим, фараоны и их величественные, полные тайн гробницы, борьба Согдианы с полчищами Александра Македонского всецело занимали его детское воображение; он еще в школе, оставляя значительно меньше времени для занятий другими предметами, читал толстые исторические романы, начал мечтать, что посвятит всю свою жизнь изучению далекого прошлого. Давно минувшие времена с их опасностями и звонким блеском стали, соперничеством и борьбой не на жизнь, а на смерть между поборниками науки, изящных искусств и мракобесами, с возрождением из пепла одних держав и обращением в прах других представлялись ему окрашенными налетом романтики, и он порой даже жалел, что родился не много веков назад.

Закончив школу, Усманов поступил на исторический факультет педагогического института. В студенческие годы интерес его к древней истории еще больше возрос. Чем больше он узнавал о прошлом, тем больше оно влекло его к себе как далекая экзотическая страна, где он еще не был, но очень хотел побывать. Он написал несколько научных работ, посвященных жизни народов Средней Азии до нашей эры. А после окончания третьего курса ему выпало счастье, какое выпадает нечасто: во время каникул он в качестве рабочего участвовал в раскопках холма Дальверзин-тепа в Сурхандарьинской области, которые велись под руководством выдающегося историка и археолога Пугаченковой. Они нашли много предметов, проливающих свет на культуру Древней Согдианы. А спустя несколько лет его кандидатская диссертация тоже была посвящена истории Древней Согдианы. Он все время готовил себя к преподавательской деятельности, но его неожиданно пригласили работать в обком. Резкая перемена в жизни пугала его, и он дважды отказывался. Но в третий раз, когда ему позвонил сам Искандер Гаипович, он не смог не

дать своего согласия. И до сих пор ни разу не пожалел о принятом решении. Хотя временами и находила на него тоска, и он терзался, что остались неосуществленными мечты о занятиях историей, работа в аппарате обкома казалась ему интересной. Каждый день новые задачи, встречи с разными людьми... И это ведь тоже история, только история сегодняшнего дня, история, которая еще только пишется, история, в которой еще трудно отделить главное от второстепенного, что обычно, спустя века, делает само время. Поэтому он всем сердцем, со всей энергией отдался новой работе. А работа здесь такая — сколько ни делай, всего не переделаешь, делам и конца не видно. Домой нередко возвращался уже ночью, неизменно усталый, с головной болью. И в такие минуты в душе опять шевелилось сомнение: правильно ли сделал, соглашаясь работать в обкоме? Ведь мог без хлопот, мирно посиживать в тиши библиотек и в спокойной обстановке уже заканчивать диссертацию! Но об этих его переживаниях не ведали даже самые близкие — ни жена, ни мать...

А сегодня он, можно сказать, впервые убедился, насколько плодотворна и важна его новая работа. Если у него хватит сил, ума, знаний, он посвятит ей себя целиком. Есть ли еще что-нибудь почетнее, чем думать и заботиться о людях, делать их счастливыми, стараться, чтобы их сегодняшний день стал лучше предыдущего, а завтрашний лучше, чем сегодняшний!

Хафиза принесла чайник с пиалой и перебила его размышления.

— Чую,— сказала она, наливая в пиалу чаю,— предстоят перемены?

— Разумеется! — подхватил Усманов весело.— У нас скоро родится сын или дочь!

— Нет, я имею в виду другое.— Хафиза присела рядом с мужем.— Мне кажется, что-то изменится в вашей работе. Сердце меня никогда не обманывает.

— Вот еще предсказательница! — рассмеялся муж.— Работа у меня хорошая, я никуда отсюда не уйду.

Эти слова он произнес твердо, чтобы укрепить веру не столько в Хафизе, сколько в себе.

IV

А Хафиза оказалась права. На следующее утро, придя на работу, Усманов заметил, что люди с ним здороваются теплее, чем обычно. Конечно, он не придал этому значе-

ния, пока не вошел в свой кабинет и Далимов не встретил его с распростертыми объятиями:

— Поздравляем, Дамир Усманович, поздравляем! Пусть ваш полет будет еще более высоким!

— В чем дело? Какой еще полет? — спросил Усманов, недоумевающая и пытаясь вырваться из его цепких рук.

Далимов покачал у него перед глазами длинным указательным пальцем.

— Не-ет, уже не скроете! Все знаем! Все-е!..

— И что же вы знаете? — усмехнулся Усманов, усаживаясь на свое место, уверенный, что коллега придумал опять бог весть что.

И в ту же минуту зазвонил телефон. Усманов снял трубку.

— Дамир Усманович! — послышался голос Валентины Ивановны.

— Я.

— Вас просит к себе товарищ Гаипов.

Усманов взял блокнот в кожаном переплете и торопливо вышел, оставив Далимова в полном замешательстве.

— Ну зачем ему скрывать? Тавба!..¹ — пробормотал тот, разведя руками, и опустился на стул.

Искандер Гаипович сидел за длинным столом, где любил сидеть всегда, и беседовал с Надырханом Салиевым.

— А-а, входи, входи, братец, — сказал он, увидев Усманова, и, привстав, протянул руку. — Присаживайся.

Усманов кивком поздоровался с Надырханом Салиевым, сидевшим по другую сторону стола.

— Ну как вам Бадамсай?.. Понравился?.. — с улыбкой спросил Искандер Гаипович.

— Хороший район, — ответил Усманов, помедлив.

— Разве может показаться плохим район, где вы родились! — пошутил Искандер Гаипович. И тут же, посерьезнев, добавил: — Земли много. А сколько можно еще освоить! И воды предостаточно. С одной стороны горы, с другой — долины, поля. Но главное — славный, трудолюбивый народ живет в Бадамсае. Были годы, когда селевые потоки смывали огромные площади посевов, так бадамсайцы дневали и ночевали на полях, пока не пересевали все заново. А летом засуха. Опять и мужчины и женщины работают не покладая рук. Нет, не боятся бадамсайцы никаких трудностей. Вот только заботиться надо о них по-настоящему, уважать их самих и их личную

¹ Т а в б а — восклицание при удивлении, недоумении.

инициативу... В прошлом году я как-то беседовал с одним зоотехником. Молодой парень, всего год, как закончил институт. — Искандер Гаипович улыбнулся, вспомнив что-то, и обернулся к Салиеву: — Помните, Надырхан-ака, старика лепешечника? Люди, которым предстояло играть свадьбу, назначали ее в зависимости от свободного времени Назиркула-ака.

— Мы же посылали его лепешки на выставку! — засмеялся Надырхан Салиевич.

— Вот-вот! Мир его праху, в прошлом году, оказывается, умер, а я и не знал. Так это его сын зоотехник в колхозе имени Максима Горького. Никому в колхозе покоя не дает. Надо, говорит, коз разводить. В горной местности, туда, куда не могут добраться овцы, добираются, говорит, козы. И к тому же козья шерсть, оказывается, необходима авиационной промышленности. Этот парень уверяет, что через два-три года колхоз начнет получать огромные прибыли, если заведет коз. А председатель будто бы против. И даже, говорят, обругал его.

— От Хаитбая-ака можно ожидать и такое, — смеясь, заметил Салиев.

Искандер Гаипович ударил ладонями себя по коленям и тоже захохотал:

— Говорит, все надо мной смеяться станут, если я опущусь до такого!.. Однако дело не в председателе, а в этом упорном парне. Если он прав, почему бы не прислушаться к его словам? А если не прав, то следует объяснить, почему не прав. А не ругаться... Энергичных людей, таких, как этот джигит, много в Бадамсае. На таких, как мне кажется, нам и надо сегодня опираться. Только энергию их следует направить по правильному руслу. — Искандер Гаипович внимательно посмотрел на Усманова. — Мы тут посоветовались с членами бюро и решили направить вас, укаджан, на работу в этот район.

Сердце Демира Усманова гулко забилося. Он растерялся, не знал, что и ответить. А Искандер Гаипович выждал, давая ему возможность осмыслить услышанное, и неторопливо продолжал:

— Вы приобрели хороший опыт в аппарате обкома. Научились работать с людьми. Знаете партийную работу. Я не стану объяснять вам, сколь трудна, сложна, но и почетна задача, которая возлагается на плечи первого секретаря райкома. Вы и сами это знаете. Как вы относитесь к нашему предложению?

Усманов задумался. Стать партийным руководителем целого района — большая ответственность. По силам ли она ему? Задача-то почетная, но, если недостаточно подготовлен, и осрамиться недолго. Нет, вряд ли он с этим справится.

Усманов поднял голову, устремив открытый и в то же время настороженный взгляд на секретаря обкома:

— Я очень благодарен вам за высокое доверие, Искандер Гаипович. Однако боюсь, что не справлюсь. Могу подвести и вас и себя...

— Обком вам поможет, — быстро проговорил Искандер Гаипович, нахмурился брови. Его выводило из себя, когда он замечал в ком-либо колебание, когда требовалась решительность. — Можете обращаться в любой день и по любому вопросу. Да и в самом районе немало опытных товарищей, они всегда поддержат. Значит, решено?

Усманов еще несколько мгновений подумал и кивнул:

— Решено.

Искандер Гаипович встал с места.

— Завтра в Бадамсае партийная конференция. Поедем вместе.

Этими словами он как бы дал понять, что разговор окончен, и протянул Усманову руку.

Усманов, почти физически ощущая свалившуюся ему на плечи тяжесть, медленно вышел из кабинета. Куда пойти, с кем посоветоваться? Идти к себе ему сейчас не хотелось. Далимов небось заждался, чтобы пристать с расспросами, а потом, притворно радуясь, обрушить на него свои поздравления.

Уйти домой? Хафизу, пожалуй, напугаешь таким ранним возвращением. Она сначала удивится, потом забеспокоится и станет расспрашивать, все ли благополучно на работе, допытываться, почему он так рано пришел. И он не устоит: расскажет все как есть. Нет, домой ему лучше сейчас не идти. Он не должен никому говорить о сделанном ему предложении до тех пор, пока не состоится партийная конференция и заседание бюро обкома.

Держась за гладкие перила, он неспешно спускался по мраморной лестнице, когда мимо, обгоняя его, проследовал Салиев.

— Поздравляю. От всего сердца, — бросил он мимоходом.

Усманов кивнул, но не успел ответить, а лишь улыбнулся старику вслед. Вот, оказывается, почему люди се-

годня здоровались с ним как-то необычно! Откуда они могли узнать?

Он вышел на улицу. Ярко сияло солнце, отсвечивая в лужах на асфальте, но не грело, как летом. Без плаща и головного убора было холодновато. Еще только десять часов. Куда же пойти? Но он непременно должен куда-нибудь пойти и в спокойной обстановке подумать о внезапно происшедшей в его жизни перемене, разобраться в ней, что ли, осмыслить, наметить какие-то планы, да и попросту прийти в себя. Вспомнился редактор областной газеты Исмаилджан Ахмедов, бывший однокурсник. Вот с кем встретиться бы и поговорить! Но Усманов тотчас же отказался от этой мысли. Исмаилджан наверняка в редакции, если, конечно, не уехал в какой-нибудь район. Но о чем с ним теперь толковать? Какого совета он ждет, если уже дал согласие? Вдобавок ко всему с той поры как Усманов стал работать в обкоме, в их отношениях возникла какая-то непонятная официальность. Исмаилджан, человек откровенный, всегда называвший вещи своими именами, весельчак и балагур, видимо благодаря своему доброму нраву рано пополневший и приобретший кругленький живот, казался несколько старше своего возраста. Так вот этот самый Исмаилджан, однокурсник, при встречах стал разговаривать несколько сдержаннее, чем раньше. Напускал на себя серьезность и, можно подумать, вовсе разучился шутить. Однажды Усманов даже рассердился:

— Ты что со мной официализируешься? Мы же старые друзья, а ты «вы» да «вы»!.. «Дамир Усманович»! Какой я тебе Усманович?

Исмаилджан засмеялся:

— Я-то могу и по-дружески. Да не возникнут ли у тебя сложности, дружок? Ты работник обкома, к тому же занимаешься вопросами печати. Если увидят, что я с тобой на короткой ноге, кой-кто не преминет сказать: мол, Усманов друг редактора, потому и скрывает недостатки газеты. Я просто не хочу, чтобы из-за меня склоняли твое имя.

В душе Усманов был благодарен другу. Но все же решил настоять на своем:

— И все-таки держись со мной, как прежде. Я никак не могу привыкнуть к твоему «Усмановичу».

— Ничего. Это оттого, что недавно работаешь. Привыкнешь.

Однако Усманов не мог привыкнуть, Исмаилджан же гнул свое. Несмотря на это, привязанность Усманова

к нему не ослабевала, и желание встретиться с ним возникло сейчас совершенно естественно. Будь сегодня воскресенье, он обязательно пошел бы к нему и отвел душу за разговорами, насмеялся бы всласть, слушая его анекдоты. А в редакции другое дело, там себя как дома не поведешь.

Усманов свернул в сторону ботанического сада и медленно зашагал по широкой тихой улице. И чем ближе он подходил к ботаническому саду, тем острее пах воздух первой весенней зеленью. В кронах деревьев радостно чирикали воробьи. Навстречу, громко разговаривая, смеясь, прошла группа девушек, одетых легко, по-весеннему. Все рады весне, а он... Ему вспомнились слова отца Исмаилджана, сказанные в один из тех дней, когда Усманов еще только начал работать в обкоме и никак не мог обрести уверенность в себе, беспокоился, что не справится, но с немногими делился тогда своими тревогами. Отец Исмаилджана, Ахмаджан-ака, был одним из тех старых интеллигентов, которые начали учиться еще до революции, а закончили образование уже при Советской власти. Он всю свою жизнь посвятил преподавательской деятельности, но внес свой личный вклад и в литературу, в особенности в поэзию. В тридцатые годы в его переводах были изданы некоторые произведения классиков русской и мировой литературы, а некоторые из них вошли в школьные учебники. В молодости Ахмаджан-ака писал собственные стихи и небольшие пьески. Одно из его стихотворений о подснежнике, цветущем наперекор зимней стуже, стало песней и часто передается по радио в «Пионерской зорьке». Этот человек пришел в воскресенье в гости к сыну и, сидя с ними за столом, говорил Дамиру:

— Дамирджан, сынок, это же очень хорошо, что вы переживаете, беспокоитесь. Только человека, равнодушного к своей работе, никогда ничто не волнует. А вы болеете за дело... Только запомните: не существует работы, с которой не смог бы справиться человек. Если, конечно, он не апатичный, не безучастный, а достаточно усердный. Меня радует, что именно такие люди, как вы, трудятся в партийном аппарате. Вы должны этим гордиться, ибо наш партийный аппарат — это не только руководящий орган, но и большая школа знаний, где воспитываются кадры, преданные делу партии. Сегодняшняя ваша работа — это, думается, еще только первый шаг к настоящим большим делам...

Припомнившиеся слова Ахмаджана-ака разволновали Усманова еще больше. Старик словно в воду глядел. Да

и Усманов сам, конечно, знал, что не будет все время ходить в инструкторах, что со временем произойдут перемены, но не предполагал, что жизнь его изменится так быстро и так круто.

Первый секретарь райкома!..

Вот где круг наисложнейших проблем, справиться с которыми может лишь многоопытный человек!.. Нет, надо сейчас же вернуться в обком и, пока не поздно, отказаться. Усманов даже приостановился, чтобы вернуться обратно. Но ему вспомнились ободряющий взгляд Искандера Гаиповича и его крепкое рукопожатие. Секретарь обкома верил ему...

Вот почему Искандер Гаипович, не предупредив никого в райкоме, повез Усманова в Бадамсай и знакомил его с районом! Хотел, чтобы Усманов увидел все как есть, не растерялся, не испугался трудностей, но и чтобы у него не создалось впечатления полного благополучия там. Показал что успел — и хорошее в районе, и плохое, а о том, чего не увидели, рассказал. Теперь дело только за ним, за Усмановым. Какое же о нем впечатление создастся у Искандера Гаиповича, если явится он сейчас к нему и скажет: «Нет, я не смогу!» Трудно приобрести авторитет и веру в себя, потерять легко. Для отступления пути закрыты. Теперь он всеми силами должен стараться лишь оправдать оказанное ему доверие, использовать для этого все свои знания, опыт, волю... Он старался убедить себя в этом, а у самого в глубине души перемешивались и тепло радости, и холодок неуверенности, сомнения...

Ему вдруг вспомнился случай из детства. Года четыре ему исполнилось, а может, пять. Однажды под вечер они с ребяташками играли в прятки. Он подбежал к большой ветвистой орешине, растущей у арыка, вскарабкался на нее и спрятался среди густой листвы. Дети долго искали его, но не нашли и разбрелись. А он все сидел, притихнув. На землю спустились сумерки, и Дамир понял, что товарищи о нем позабыли, что остался один, и заплакал. А когда понял, что самому с дерева не слезть, то разревелся и того пуще.

Услышал его плач кто-то из взрослых, снял с дерева и полусхутя стал ругать:

— Орехи же еще не созрели, зачем было лезть на орешину?! А если бы пришибла нечистая сила? ¹ Хочешь, чтобы искривился рот?

¹ По поверью, возле орешин обитает нечистая сила.

И в ту самую ночь приснились ему два черта. С козлиными рогами, выпученными глазами и длинными хвостами. Один схватил его за голову, а другой стал сдвигать ему на одну сторону рот. Дамир проснулся с воплем, весь в поту, подбежал к лампе и, подняв фитиль, со страхом подошел к висевшему на стене зеркалу. Нет, рот как рот. На месте. Но успокоиться он уже не мог и продолжал плакать, обливаясь слезами. В комнату влетели мать, тетюшка со своим сынишкой Тухтасыном и еще какая-то гостившая у них женщина. Мать прижала его к себе, принялась успокаивать. А он сквозь слезы ничего не видел, слышал только голоса:

— Ребенок испугался!.. Напугали его!

Кто-то посоветовал:

— Надо скормить ему воробьиное сердце!

И это было сказано при двоюродном брате Дамира, Тухтасыне. В кишлаке, наверное, не нашлось бы человека, хотя бы раз не пострадавшего от озорства Тухтасына. Он всего года на четыре родился раньше Дамира, но в придумывании шалостей не уступал мальчишкам и много старше себя. То привяжет, бывало, к хвосту теленка ведро — перепуганное бедное животное с воплем носится по всему кишлаку, вздымая облако пыли. То у болота поймает полоза и выпустит его прямо на дастархан во время обеда, — с криком вскакивают гости, и летит к черту вся посуда и угощение. После одной из подобных шуток бабушке его сделалось плохо. И тогда отец, распластав Тухтасына на широкой деревянной кровати, так выпорол его ремнем, что он несколько дней не мог садиться. Но, чтобы озоровать, необязательно садиться...

Так вот этот самый Тухтасын спозаранок собрал целую ватагу мальчишек и повел их в заросли ловить воробьев. Дамир последовал за ними. За считанные минуты они поймали пять воробьев. Тухтасын оторвал всем им головы. Дамир закрыл глаза и одним духом проглотил теплое воробьиное сердце. Он на что угодно был готов, лишь бы избавиться от трусости. Ему вложили в руку второе сердце, но проглотить его он уже не смог... И впоследствии Дамира тошнило при одном виде воробьев. Но это еще полбеды. Куда обиднее было, что после стольких мук товарищи стали дразнить его Воробьиным сердцем, нередко доводя до слез. И это прозвище ему приклеил не кто иной, как сам Тухтасын... Много позже Тухтасын вспоминал об этих своих проделках в одном из последних писем с фронта

и просил у Дамира прощения. Дамир бы, конечно, все ему простил, лишь бы он вернулся. Но Тухтасын погиб...

Сейчас тоже Усманов себя чувствовал, как тогда в детстве на вершине высокого дерева... В тот раз он избавился от страха, проглотив воробьиное сердце. Неужели теперь не найдется никакого средства? Должен же быть выход...

Хотя о чем он? Его тревогу не назовешь боязнью, он попросту пытается здраво осмыслить, оценить ту высокую ответственность, которую берет на себя. Да что он все о себе да о себе! Будто ему одному работать в районе! Есть же там и другие партийные работники, председатели колхозов...

Не дойдя одного квартала до ботанического сада, он резко повернулся и зашагал обратно. У него же на сегодня полно неоконченных дел. Надо ответить на письма. К тому же еще не просмотрел сегодняшние газеты. В Бадамсае выходит «Алга». Перед тем как туда поехать, надо изучить по меньшей мере годовую подшивку этой газеты. Так он ближе познакомится с районом, с его жизнью.

Когда Усманов вошел в кабинет, Далимов положил шариковую ручку, которой писал что-то, усмехнулся:

— А я уж подумал, вы ушли не попрощавшись, Дамир Усманович!

Усманов сел на место, гадая, ответить ему на плоскую шутку или, не обостряя отношений, промолчать, однако не выдержал. В упор взглянув на коллегу, сказал:

— Товарищ Далимов, хочу дать вам дельный совет. Никогда не пускайте коня вскачь, пока не начались состязания.

Далимов округлил глаза и сделался пунцовым. Изменившись в лице, раскрыл было рот, чтобы сказать что-то резкое, но раздумал, как видно вспомнив, что перед ним уже не равный ему коллега, а без пяти минут первый секретарь райкома. И Усманов чуть не рассмеялся, заметив на его вытянувшемся лице растерянность.

На конференции коммунистов Бадамсайского района в первую очередь рассматривались планы нового года. Наиболее важное из принятых решений — сдать на хирман¹ сверх плана не десять тысяч тонн хлопка, а пятнадцать. Двое из выступавших заметили, что в прошлом году в некоторых хозяйствах не были заблаговременно подготовлены корма для скота, из-за чего зимой создалось бедственное положение на фермах. Руководителям таких

¹ Х и р м а н — ток, площадка для просушки хлопка.

хозяйств было поставлено на вид, и они взяли на себя обязательство заготовить, кроме сена, еще и силос. Участники конференции единогласно поддержали предложение Искандера Гаиповича — в следующую страду не привлекать к сбору хлопка школьников. Это постановление с особым энтузиазмом было воспринято директорами школ и учителями.

Домой Дамир Усманович возвратился около полуночи уже в новой должности. Хафиза заждалась его, стоя у окна. Увидев подкатившую к подъезду машину, кинулась к двери.

— Как? — спросила она, едва муж переступил порог.

— Порядок, — устало улыбнулся он.

— Я же говорила! — хлопнула в ладоши Хафиза. — Говорила или нет?

Усманов, смеясь, обнял ее одной рукой и поцеловал в висок. Из кухни, вытирая о фартук руки, появилась мать.

— Я очень рада за тебя, сынок. — Она припала лбом к груди сына и погладила плечи его. — Будь как отец. Иного желанья у меня и нет. Ну раздевайся скорее, Исмаилджан ждет тебя.

— Где? — обрадовался Усманов.

— Я здесь, — слышался глуховатый голос Исмаилджана из гостиной, а затем в прихожей появился и он сам. — Поздравляю.

Они обнялись.

— Ну, что скажешь? — спросил Усманов, когда они вошли в комнату.

— Слава, сынок, тебе слава!.. — ответил Исмаилджан стихами известного поэта.

Друзья рассмеялись.

— А если без шуток?

— Этого и следовало ожидать. Иначе быть не могло.

— Значит, ты знал заранее?

— Не знал, но предполагал. Тебя в районах хорошо знают, уважают...

— Да брось, — недоверчиво проговорил Усманов и поморщился. Он выдвинул из-за стола стул и сел.

Исмаилджан занял место напротив.

— Я без преувеличений. И работники аппарата, и в районах о тебе говорят только хорошее.

— Ты почти не уделял внимания Бадамсаю. Теперь, если через три дня не будет в газете сообщений о районе,

не сносить тебе головы! — произнес Усманов, занеся над столом кулак.

Исмаилджан засмеялся, но тут же, согнав с лица веселость, задумался.

— Начнем с тебя самого,— сказал он, облокотясь о стол.— Новый секретарь райкома прежде всего должен ознакомить народ со своей программой. Вот и давай нам ее... После твоей статьи информации будут печататься регулярно, даю слово. Информация к информации, и за год, глядишь, более тысячи информации из одного только Бадамса! — воскликнул он и зычно захохотал.

Хафиза принесла глиняное блюдо с горячим пловом, сразу наполнившим комнату аппетитным запахом.

— Исмаилджан, пока ждал тебя, поди, проголодался, — сказала она, ставя блюдо на стол.

— Что верно, то верно. Ничего не ел с самого обеда, — подтвердил Исмаилджан.

— Что, если по маленькой? — спросил Усманов. — Что будем пить?

— Если только воду Земзем¹.

Усманов вынул из бара бутылку. Исмаилджан взял в огромную ручищу рюмку. Он держал ее так осторожно, словно боялся раздавить, как яичную скорлупу.

— «Едва мы, дружище, с детством простились...» — начал он.

— «Мирские заботы на нас навалились!..» — подхватил Усманов, вспомнив это стихотворение.

Они просидели до первых петухов.

Когда Исмаилджан ушел, Хафиза стала разбирать постель и как бы между прочим спросила:

— А что теперь будет со Спитаменом?

— Со Спитаменом? — Усманов задумался. — Спитамен вместе со своими храбрыми джигитами и седобородыми советниками разорвал кольцо окружавших его врагов и, перебив сотни воинов Александра Македонского, направился в Самарканд. Он верил, что согдийцы примут его и окажут помощь. Но...

— Я не об этом. Я про вашу диссертацию...

Усманов не ответил. Он и сам теперь толком не знал, что будет с диссертацией. Он лег и, натянув до подбородка простыню, закрыл глаза, ожидая, когда жена погасит свет. «Спитамен... как жаль, что слишком редко на свет рожда-

¹ Земзем — вода из колодца у храма Каабы в Мекке, считавшаяся святой.

ются такие люди, — думал он. — Сколько надо воли, умения, чтобы увлечь за собой народ, заставить поверить в себя. Есть ли во мне хоть малая доля этих способностей?..»

С тех пор как он впервые побывал в Бадамсае, вопрос этот задавал себе множество раз. Однако, сколько ни думал, ответа не находил. Ответ могло дать только время.

V

Председатель Бадамсайского райисполкома Кудрат Садыков предложил новому секретарю райкома временно поселиться в одном из недавно построенных коттеджей соседнего совхоза. Однако Усманов предпочел двухкомнатный номер районной гостиницы. Гостиница находилась почти рядом с райкомом партии. И потом он счел для себя неудобным вселяться в коттедж, предназначенный для рабочих совхоза. Ничего, поживет в гостинице. Много ли надо удобств одному? А Хафиза и мать решили повременить с переездом. Хафиза конечно же под воздействием свекрови сказала, что ей в ее положении в городе спокойнее. Пусть он сначала устроится, узнает, хорошая ли там больница, а тогда уже она и приедет. Не надо ее уговаривать и убеждать, сама знает, что место ее рядом с мужем... И мать тоже пока осталась в городе, ссылаясь на то, что не может же она невестку, ждущую ребенка, оставить одну. Невестка невесткой, а Усманов понимал, что переезд на старое место, туда, где она тридцать лет назад перенесла страшное потрясение, потеряла мужа, дело непростое. Болезненно это для нее... Все равно как соль на рану. Она, правда, не говорит об этом, но трудно ли самому понять? Поэтому он не торопил мать. Ныне они все — и он сам, и жена, и мать — лучшие свои надежды связывали с рождением ребенка. С его появлением на свет, наверное, забудутся все печали этого мира.

Усманов с вечера тщательно подготовился к своему первому рабочему дню в Бадамсае. Попросил дежурную гостиницы заменить лампочку в его настольной лампе на более яркую и просидел до полуночи.

Утром он вышел на улицу, довольный тем, что заранее распланировал весь день. Первым делом он, конечно, познакомится со всеми работниками райкома, вникнет в дела, которыми занят каждый из отделов, затем еще раз проштудирует постановления конференции, выступления участвовавших в прениях. Да, ему сегодня же следует по-

дробно ознакомиться с планом работы райкома в целом, со всеми предложениями, которые за последнее время вносились на заседаниях бюро, и уже в зависимости от этого придется наметить порядок посещения хозяйств, чтобы иметь ясное представление о каждом из них. Однако по мере приближения к зданию райкома волнение Усманова возрастало. Это волнение было сродни тому, что он испытывал сначала в школе, а потом в институте, отправляясь на трудный экзамен. У подъезда он приостановился, вдохнул полную грудь освежающего холодного воздуха и начал легко подниматься по лестнице на второй этаж. Он приглядывался к каждой ступеньке, к стенам, к окнам еще малознакомого здания, которое должно стать ему родным на многие годы.

Однако первый рабочий день Усманова начался совсем не так, как он предполагал.

Еще в коридоре он услышал чей-то визгливый голос. Открыв дверь в приемную, увидел уже немолодую пышнотелую женщину в платке, из-под которого выбились растрепанные волосы. Размахивая руками, она кричала на девушку-секретаршу:

— Я тебе покажу мелицу! Это тебя надо отправить в мелицу, старая дева, а не моего мужа! Надела брюки и думаешь, что можешь давать советы, да, бесхозная?!

— О чем, собственно, речь? — с удивлением спросил Усманов, входя.

Секретарша со слезами на глазах обернулась к нему и еле выговорила, заикаясь:

— Вот эта женщина... У них дома, оказывается, скандал...

Женщина всплеснула руками и не дала ей договорить:

— Вай, попугай! Я уже стала для тебя «вот эта женщина», да? Я уже пятьдесят лет Салтанат. Когда тебя нарекали именем, я принесла тебе подгузники и ползунки, сгинуть тебе!..

— Пожалуйста, спокойнее, говорите без ругани, — сказал ей Усманов.

— Я разве ругаюсь? Вы еще не слышали, как я могу ругаться!.. Если я начну ругать...

Усманов приблизился к секретарше:

— Объясните, пожалуйста, что происходит?

— У них дома произошел скандал, — чуть не плача, проговорила секретарша, — с мужем... Я и сказала: «Пойдите в милицию...» А она... напустилась на меня. Говорит,

ей нужен секретарь. А Казим Бурханович еще не пришел, прежде он принимал ее...

— Я осенью была у него, — уточнила женщина. — С тех пор у меня дома был рай! А нынче... За один день все перевернулось вверх дном!

— Что ж, заходите, — пригласил Усманов, открывая дверь, на которой уже красовалась табличка с его фамилией и инициалами. «И когда успели?» — подумал он, входя в кабинет.

— Дамир Усманович, сейчас придет Казим Бурханович, вы...

Усманов понял, что хотела сказать секретарша, и улыбнулся ей:

— Ничего, ничего.

— Ты не вмешивайся! — шикнула на нее женщина. — Без тебя разберемся!..

И, войдя вслед за Усмановым, тихо прикрыла массивную дверь.

— Пожалуйста, присаживайтесь, апа¹.

Усманов повесил плащ и шляпу на вешалку и направился к массивному письменному столу, стоявшему в глубине кабинета, обошел его и опустился в удобное крутящееся кресло.

— Итак, чем вы с утра недовольны, Салтанат-апа?

Он как можно приветливее посмотрел на женщину.

То ли оттого, что к ней обратились так уважительно, по имени, то ли повлияла официальность обстановки просторного кабинета, женщина вдруг покраснела, застыдилась и опустила, точно невеста, голову:

— Что вы, товарищ... секретарь. Зачем мне быть недовольной? Малохатхон моя соседка. Просто немножечко пожурила ее... Как вы сами-то, здоровы? Все ли в семье в добром здравии?

Усманов с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться.

Женщина, сидя на стуле, потупилась, затеребила кисти на конце цветастого платка.

— Я... — замялась она. — Я пришла с нестоящей вовсе просьбой... И раньше я приходила. Спасибо товарищу Бурханову, очень вежливый человек, приветливо встречал меня. И сегодня с тем же... Но, оказывается, рано еще пришла. Поговорила с Малохатхон и немножко расстроилась. — Женщина смущенно прикрыла углом платка

¹ А па — старшая сестра; в знак уважения прибавляется к имени женщины, старшей по возрасту.

рот.— Иногда вот так... нервничать стала. Прежде спокойная была — пусть хоть всемирный потоп, я и бровью не поведу. А как только ваш зять стал спесалисом, на меня то и дело находит эта проклятая хворь.

— Кем, кем стал? — переспросил Усманов, с улыбкой отмечая про себя, как ловко женщина мужа своего обратила в его зятя, кол же уж он назвал ее апой.

— Спесалисом!

Усманов хотел спросить, что она имеет в виду, но женщина принялась пояснять сама:

— Автомобили чинит. Любые. И большие легковушки, на которых впереди стоит блестящий олень, и инвалидные коляски. Раньше шофером работал, водил грузовую машину и совсем хороший человек был. А два года тому назад, как только открылась мастерская по ремонту машин прямо возле базара, его пригласили спесалисом. И с тех пор, товарищ секретарь, я живу в муках. Оказывается, поломанных машин больше, чем больных людей. От их хозяев нет никакого спасенья. Ни днем ни ночью не дают покоя. Ваш зять с утра до вечера на работе, а придет домой — и тут очередь. И все просят, умоляют: «Ака, акаджан¹, сделай это, проверь это!..» Лебезят, как перед беком. Наверное, поэтому он и изменился. Даже передо мной задается: «Я спесалис, я спесалис!» Выпивать начал. Если на улице выпил, а ноги еще держат, приносит домой. Если не верите, придите посмотрите. Ладно бы, выпил и лег спать. Но ведь нет, детям не дает покоя. А как вожжа угодит под хвост, достается... и мне. Спасибо товарищу Бурханову, он сделал для меня очень много хорошего, буду помнить до конца жизни. Позвал моего спесалиса в свой кабинет, посадил напротив и уж стыдил его, стыдил. Он послушался товарища Бурханова, испугался — стал как шелковый... Но прошло несколько месяцев, и опять все забыл, снова началось то же самое. Пьет и никому в доме покоя не дает. А вчера лопнуло мое терпение...

Наш младший сынок Юсуфбек, как и отец, помешан на машинах. Ни книжек, ничего не надо, лишь бы весь день на лисапеде гонять. Вчера из школы двойки принес. И не одну, а целых две, скажу я вам. Дала я ему подзатыльник и сижую ругаю. Тут как раз и появляется муж, пьяный. Я всегда за километр вижу, когда он нетрезв. Когда напивается, поет свою любимую песню: «Я веселенький буду

¹ Ака, акаджан — старший брат; в знак уважения прибавляется к имени мужчины, старшего по возрасту.

идти, пока ноги могут нести...» Знаете эту песню? Не слышали, говорите? Так вот, с той песней вваливается ваш зятек в калитку. Увидел меня, примолк. А у самого из кармана бутылка торчит. И, смотрю, чтобы я не заметила, эдак бочком пробирается. Тут я и не стерпела. Хоть ты и спесалис, думаю, а все же мой! Схватила скалку и шмяк его по мягкому месту. А он хотел увернуться, ну и... бутылка вдребезги. Она, оказывается, почти полной была. За секунду его штаны стали мокрыми, как у ребенка обмочившегося. Вот тут-то все и началось. Ах-ах, не приведи господи, что тут началось... «Ты кого ударила, а? Чью ты кровь пролила? Ты пролила кровь спесалиса! Ты кто такая, чтобы бить спесалиса? Ты шпингалет — вот кто ты такая!» И тут он бросился на меня как настоящий лев. Испугалась я очень, хоть он ростом мне вот до сих пор, — она провела рукой поперек могучей груди. — Кинулась от него. А он за мной по всему двору... Но не то обидно, что гонялся. Пусть себе гоняется, на то он и мой муж. Но зачем он обозвал меня шпингалетом?.. — Она всхлипнула и стала вытирать глаза концом платка. — Я вырастила ему пятерых детей, и после этого он меня последними словами? Дождалась такого прозвища!.. Всю ночь проплакала. Если он опять назовет меня таким поганым словом, сердце мое не выдержит. Поговорите с ним, избавьте меня от позора, товарищ секретарь... А Малохатхон мне советует сходить в мелицу. Я что, сумасшедшая, чтобы туда идти? Мелица долго не разговаривает, берет и сажает. Что я, отца своих детей в тюрьму буду сажать, что ли? Нет, этого человека надо воспитывать добрыми словами, лаской, а не мелицей. — Женщина с ненавистью посмотрела на дверь, за которой раздавалось постукивание машинки. — Товарищ Бурханов беседовал с ним раза три, спасибо ему. После этих разговоров он стал мягкий, как белая булка. А сейчас опять... Товарищ секретарь, пусть и ваш авторитет будет столь же высок, как у товарища Бурханова, я скажу вашему зятю...

— Как ваша фамилия? — спросил Усманов, взяв карандаш, чтобы записать на листке, и пытаюсь представить себе облик «зятя».

— Карамонова, Карамонова я, — охотно ответила женщина. — Мне уже пятьдесят два года. Работаю сменным поваром в шестнадцатых яслях. Приходите как-нибудь, товарищ секретарь. То, что я готовлю, все до капельки съедают дети, даже тарелки облизывают. И дети

у нас все как куколки. Вот такие бутузы с красными щеками. Родители так довольны, так довольны!

— Конечно, приду, — пообещал Усманов. — А как фамилия мужа?

— Вай, я же на фамилии мужа. А моя девичья фамилия... Как ее?.. Шодмонкулова, вот! — гордо заявила женщина.

— А зовут как?

— Кого, зятя?

— Ваше имя я знаю.

— Полвонкул-ака.

Усманов сдержал улыбку. Крупная и сильная женщина, жалуясь на своего щуплого мужа, произнесла его имя так ласково и нежно, что способна была этим растрогать и самое черствое сердце.

— Вы поговорите с ним? — с надеждой спросила она воркующим голосом.

— Непременно. Идите и спокойно работайте, — сказал Усманов, вставая с места. — Однако и вы, апа, будьте помягче. Попробуйте на него воздействовать, как сами сказали, добрыми, ласковыми словами...

— Вай, прожила бы я с ним столько лет, обходясь черство? Только вчера за всю жизнь и ударила!..

— Ладно, всего хорошего.

Женщина со смущением, как-то не очень гармонизировавшим с ее внушительной комплекцией, пятясь и раскланиваясь, вышла из кабинета.

«Придется побывать и на техстанции, — подумал Усманов. — Надо посмотреть, что за «спесалисы» там работают».

«Пусть и ваш авторитет будет столь же высок, как у товарища Бурханова...» — прозвучал в ушах голос женщины.

Значит, Бурханова в районе уважают. Да и естественно. Он же много лет работает в Бадамсае. Все его знают. И немало таких, кто будет его поддерживать. Об этом Усманов подумал еще на конференции. Сейчас ему вспомнилось, казалось бы, незначительный эпизод, омрачивший тогда настроение. Двое при тайном голосовании подали голос против кандидатуры нового секретаря. Потом, возвращаясь в город с Искандером Гаиповичем, они в машине говорили об этом, высказывали каждый свое предположение. Им неважно было узнать, кто эти два человека. А вот чем они руководствовались? Проголосовали против, чтобы просто досадить и испортить Усманову настроение? Это же

ребячество!.. А может, они убеждены, что первым следовало назначить Бурханова?.. Значит, исполнявший вот уже год обязанности первого секретаря Казим Бурханов тут довольно влиятелен. Не за красивые же глаза уважают его?..

«Казим Бурханович обладает массой ценных качеств! Вы это увидите,— сказал Искандер Гаипович, когда Усманов последнюю мысль высказал ему вслух, и, секунду подумав, добавил: — И постарайтесь эти его качества использовать правильно...»

И все же интересно, эти двое людей вычеркнули фамилию Усманова, согласовав друг с другом или не сговариваясь? Впрочем, какая разница! Ясно одно: чтобы завоевать авторитет, каким уже обладает Бурханов, он должен работать и работать. Причем работать лучше, чем предшественник. Только тогда люди ему поверят и пойдут за ним.

Из селектора послышался голос секретарши:

— Дамир Усманович, извините. Возьмите, пожалуйста, синюю трубку. Звонят из колхоза имени Максима Горького.

Усманов взял синюю трубку:

— Слушаю.

— Дамир Усманович!..— В трубке слышалось учащенное хриплое дыхание, будто человек бог весть сколько бежал перед тем, как позвонить.— Вас беспокоит Курбанов, секретарь парткома...

— Слушаю вас, товарищ Курбанов.

— Простите, Дамир Усманович, в ваш первый рабочий день я обращаюсь... с неприятной вестью...

— Говорите! — сказал Усманов, когда на противоположном конце провода умолкли в нерешительности.

— Дело в том... Один наш тракторист... Яхшибай Эргашев... только что попал под трактор...

Усманов вскочил:

— Каким образом?

— Сегодня с утра он распахивал участок возле оврага. Его трактор увяз в грязи, соскользнул вниз и перевернулся. А он сам...

— Живой?

— Когда вытащили, еще дышал... Сейчас в больнице... Я вас побеспокоил... Может, врачи лучше присмотрят, если вы позвоните. У него как-никак шестеро детей, и все девочки...

— В какой больнице?

— В райцентре.

— Хорошо. Я сейчас свяжусь, — пообещал Усманов. — Примем меры, какие только возможны.

— Спасибо, Дамир Усманович. Еще раз прошу извинить за беспокойство.

Усманов опустил трубку и вызвал секретаршу:

— Свяжите меня с главврачом больницы.

Однако передумал и, на ходу надевая плащ, вышел из кабинета. Лучше побывать в больнице самому.

Состояние тракториста оказалось тяжелым. Главврач делал операцию сам.

— Уже минут двадцать прошло, — сообщила медсестра.

— Надежда есть? — спросил Усманов.

— Не знаю. Много крови потерял. Матлаб-ака опытный хирург, но он давно не оперировал. Решился только потому, что нельзя было терять ни минуты.

Решив дождаться конца операции, Усманов зашел в кабинет главврача и придвинул к себе телефон, набрал обкомовский номер Муслима Иноятова.

— Салам, Муслим-ака. Усманов беспокоит. Один наш тракторист пострадал при аварии. Сейчас его оперируют. Нам нужны хороший терапевт и хирург. Поможете?

Муслим-ака пообещал сию же минуту выслать врачей в Бадамсай и спросил фамилию тракториста.

— Эргашев. Яхшибай Эргашев.

— Знаю, — сказал Муслим-ака. — Из колхоза имени Максима Горького. Это же знатный тракторист! Как же его угораздило?

— Пока точными данными не располагаю, — ответил Усманов. — Съезжу, разберусь...

Муслим-ака огорченно вздохнул и положил трубку.

В этот момент во дворе больницы послышался громкий плач женщины. «Жена, — догадался Усманов. — Хоть бы все обошлось благополучно...»

Он вышел во двор, чтобы поговорить с женщиной и хоть как-то утешить. Однако нужды в этом не было. Группа людей обступила ее, и каждый что-то говорил, успокаивал как мог. В сторонке с несколькими мужчинами беседовал Бурханов. Увидев Усманова, он направился к нему.

— Сказали, вы здесь, — произнес он, подавая руку. — Как?..

Усманов сказал, что вызвал врачей из города.

— Хорошо. Очень хорошо сделали,— одобрил Бурханов.— Трудно будет его семье, если он не выживет...

— Что же там случилось? Знаете подробности? — спросил Усманов.

Вместо ответа Бурханов обратился к мужчинам, с которыми беседовал, и зычно крикнул:

— Султанов! Подойдите сюда.

Из толпы отделился человек лет шестидесяти, дородный, с пышными усами. Усманов узнал председателя колхоза имени Максима Горького. Султанов снял тубетейку и, вытирая платком бритую голову и шею, подошел к ним. Он был бледен. Несмотря на прохладную погоду, по его лицу катился обильный пот.

— Как это все-таки произошло? — строго спросил Бурханов, встав у него на пути и не давая возможности даже поздороваться с Усмановым.— Я вас спрашиваю!

Председатель, однако, обошел Бурханова и, прежде чем ответить, протянул Усманову пухлую влажную ладонь.

— Неподалеку от главного арыка Кумарык есть овраг. Метра три-четыре глубиной.— Он говорил, обращаясь в основном к Усманову.— Вдоль оврага проходит межа одиннадцатой бригады. Каждый год земля возле оврага пустует. А овраг длинный, и, если подсчитать, огромная площадь зря пропадает. Вот мы и решили вспахать эту землю. Я не доверил нашим молодым трактористам. Велел Яхшибаю. Но, видно, после позавчерашнего дождя земля не успела просохнуть, трактор заскользил юзом... Яхшибай мог спрыгнуть, но не спрыгнул. Трактор пожалел, что ли... Ничего бы не случилось с трактором. Что до меня, лучше бы трактор разбился, лишь бы сам остался цел... В общем, как бы там ни было, беда...

Султанов потупился, вытер потное лицо уже мокрым платком и посмотрел на Усманова: мол, есть к нему еще что-нибудь? Усманов промолчал. Вопрос был ясен. Ему стоило труда подавить в себе гнев на чересчур жадного до земли райса¹.

— Так я пойду узнаю? — спросил Султанов, обеспокоенно поглядывая на дверь больницы.

— Идите, идите,— разрешил Усманов и сам медленно направился вслед за ним.

Операция закончилась через полчаса. Усталый главный врач, снимая с лица маску, сказал:

¹ Райс — председатель.

— Трудно надеяться... Грудная клетка раздавлена, три ребра сломаны, травмирована печень... Увидим. Он сильный человек, может быть...

Однако, не окончив фразы, он пристально взглянул на Султанова, вынул из нагрудного кармана сигареты и задымил. Подошел к окну, открыл форточку и резко обернулся к секретарю райкома:

— Товарищ Усманов! Подобные явления то и дело происходят в «Максиме Горьком». В прошлом году загорелся амбар, три человека получили ожоги, слава богу, остались живы. Года четыре назад кто-то, помнится, отсек серпом себе палец. Правильно я говорю, Хаитбай-ака?

Султанов вместо ответа еще ниже наклонил голову.

— А как в других колхозах? — спросил Усманов.

— Случается и в других. Вместо того чтобы заниматься профилактикой болезней, нам приходится иметь дело с такого рода трагедиями.

Усманов заметил, что Бурханов метнул на главврача предостерегающий взгляд, и понял, что стоит перед неожиданной задачей. Значит, в районе не придается значения технике безопасности, слабо контролируются условия труда. Придется этим вплотную заняться самому. Проверка хозяйства района, надо уделить особое внимание этой стороне дела.

Усманов поднялся с места.

— Я пригласил из города врачей, чтобы в случае чего помогли вам, — сказал он главному врачу. — С минуты на минуту должны подъехать. Держите меня в курсе.

Главврач кивнул.

— Казим Бурханович, я съезжу и взгляну на этот овраг.

Бурханов пожал плечами и посмотрел с удивлением: дескать, имеет ли смысл? Усманов промолчал. Не время было заводить дискуссию. Султанов тоже встал, видимо намереваясь сопровождать его, но Усманов ему сухо бросил:

— Вы оставайтесь.

Растерянный раис возвратился на место и тяжело опустился на скрипнувший под его тяжестью стул, вынул влажный платок.

К оврагу пришлось пробираться пешком по пашне. Усманов, выбирая места посуше, направился к видневшимся вдалеке людям. Ноги вязли, скользили, на сапоги

налипала грязь. Время близилось к полудню, но было довольно прохладно и дул влажный, пронизывающий ветер. Солнце, похожее на раскатанное для лапши тесто, еле проглядывало сквозь толстый слой белесых облаков.

Люди, возившиеся вокруг опрокинутого трактора на дне оврага, увидев незнакомого человека, прекратили работу и притихли. Высокий смуглый парень вышел навстречу Усманову:

— Ассалом алейкум. Это я утром звонил вам. Кабулов. Усманов пожал ему руку.

— Вашему трактористу сделали операцию. Положение его тяжелое.— Усманов подошел поближе к оврагу. Эта сторона была пологой и поросла травой, а противоположный голый склон крут и сплошь изрезан следами весенних ручьев.— Как он мог перевернуться? Вы разобрались? Как это произошло?

— Да. Вот и акт составлен,— сказал Кабулов, кивнув в сторону поднимавшихся к ним навстречу начальника районного отделения милиции и инспектора.

Они подошли, поздоровались за руку.

— Тут не только трактор, и волю не развернутся,— сказал инспектор.— Во время разворота трактор заскользил под уклон. Край оврага обрушился, машина сползла вниз, тяжела ведь...

Усманов не без риска сорваться вскарабкался на противоположный склон, где утром работал Эргашев. Расстояние между распаханном полем и оврагом составляло не более полутора-двух саженей. Из-за этого клочка рисковать жизнью человека?!

— Не измеряли, сколько гектаров составляет эта... «целина»? — спросил Усманов у следовавшего за ним по пятам секретаря парткома.

— Два гектара,— ответил Кабулов.— Можно и обойтись без этого клочка. Вон степь рядом — не два, а двести гектаров можно освоить!

— Почему об этом раньше не сказали председателю?

Кабулов смутился. По его реакции можно было догадаться, что на этот счет он уже имел неприятный разговор. А сейчас чего-то недоговаривал и мялся.

— Что все-таки вас прельстило в этом клочке? — настаивал на ответе Усманов.

— Земля уж больно плодородная,— вздохнув, произнес парторг.— Самое меньшее по пятьдесят центнеров можно получить...

— А человек для вас, значит, стоит меньше ста центнеров?! — вспыхнул Усманов. — Да Яхшибай Эргашев сам распахал бы вам сто гектаров целинных земель в степи!.. С каких пор являетесь парторгом?

— Первый год, — упавшим голосом ответил Кабулов и потупился. — До того бригадиром был, а в этом году выбрали парторгом. Я не хотел, а они... Раис-ака настоял...

Усманов заметил, что колхозники прислушиваются к их разговору, и поймал себя на мысли, что повел себя неверно. Не сдержался. Не следовало в присутствии людей отчитывать секретаря парткома, если даже он и столь молод. Стараясь исправить положение, он тепло попрощался с Кабуловым, велел ему в случае каких-либо затруднений обращаться за помощью прямо в райком. Пожелав колхозникам успехов, Усманов опять тяжело зашагал пашней, направляясь к дороге.

Парторг Усманову все же понравился. Серьезен, правдив... Судя по рассуждениям, знает подноготную колхоза. Но пока не осмеливается говорить обо всем откровенно. Во-первых, еще недостаточно знакомы. А во-вторых, относится с большим уважением к раису, хотя их взгляды по некоторым вопросам ведения хозяйства, видимо, расходятся. По сути дела, он стал парторгом по настоянию самого раиса. Вот и не может распрямить собственных крыльев. Возможности для этого есть, а раис не допускает...

Выйдя на дорогу, он сучком счистил грязь с сапог. Шофер медленно подогнал машину.

На дороге попадались выбоины, и машину временами подбрасывало, так что приходилось держаться за ручку дверцы, чтобы не стукнуться головой о верх. Навстречу неслись старые корявые шелковицы, росшие по обеим сторонам дороги вдоль арыков. Поля уже распаханы и ждут сева. Поодаль перелетает с места на место стая диких голубей. А вон по обнаженному еще клеверному полю бродят овцы, и одинокий чабан стоит в отдаленье, опершись на посох.

Усманов вдруг увидел на обочине женщину, сидевшую на чемодане.

— Останови, — бросил шоферу.

Машина замерла и, дав задний ход, подкатила к женщине. Та посмотрела, лишь слегка повернув голову, укутанную темным платком. Усманов вышел из машины:

— Куда направляетесь, апа? Может, подвезти?

И тут он разглядел, что перед ним не женщина, а совсем молодая девушка с большими черными глазами, полными слез...

— Простите... — смутился Усманов. — Мне показалось...

— Чего уж там, — устало ответила девушка и поднялась с чемодана. — Мне уж все равно, если и теткой назывете. Я уезжаю отсюда.

— Куда, если не секрет?

— Домой. В Ташкент. Куда же еще...

— Могу подбросить до райцентра.

— Спасибо.

— Садитесь. — Усманов открыл перед ней дверцу.

Долго ехали молча. Теперь девушка не плакала, но то и дело тяжело вздыхала и подносила к покрасневшим глазам платочек.

— Чем же вы так расстроены? — решил наконец спросить Усманов.

Девушка метнула на него неприязненный взгляд: мол, вам-то какое дело? Потом, поняв, что спрашивают у нее не ради того, чтобы только завязать разговор, смягчилась.

— Сама во всем виновата, — произнесла она, водя пальцем по запотевшему боковому стеклу. — Предлагали остаться в институте — не согласилась. Думала, тут больше будет от меня проку. А оказывается, не нужна. Ах, если б знала!

Она не выдержала и опять всхлинула. Усманов растерялся, не зная, что сказать, что предпринять. Он и в прежние времена не мог выносить женских слез. Дома, говорят, не бывает без ссор: если Хафиза плакала даже из-за пустяка, он уже не знал, куда себя девать. Но Хафиза — жена, свой человек, а вот придумай-ка, что сказать в подобном случае чужой женщине?

— Возьмите себя в руки. Ведь слезы старят человека, — невнятно промямлил он.

Сказал и устыдился такой нелепости, сорвавшейся с языка. Заметив в зеркальце улыбку шофера, покраснел еще больше.

— Наверное, поссорились с муженьком, — посмеиваясь, сказал шофер, чтобы разрядить обстановку.

Девушка улыбнулась и вытерла слезы:

— Муженька нет еще...

— А может, на работе обидели? — спросил Усманов.

Девушка кивнула. И, словно радуясь, что встретила человека, который готов и выслушать, и понять, а может,

и посочувствовать, стала рассказывать. История ее оказалась совсем немудреной. Она агроном. После окончания института попросилась в район. Ее направили в Бадамсай, в колхоз «Шарк юлдузи». Все ее несчастья и начались с того момента, как она приехала в этот колхоз. Сначала, правда, все как будто были довольны. Особенно раис. Еще бы, прибыл агроном со специальным высшим образованием, о каком давно мечтали! А потом отношения с раисом испортились.

— Ни о чем другом, кроме хлопка, и думать не хочет,— с огорчением рассказывала девушка.— Только хлопок, хлопок, хлопок!.. Наверное, и во сне ему снится только хлопок. Правильно, колхоз хлопководческий. Разве я этого не понимаю? Но ведь человек живет не только хлопком! Может, у кого-то совсем другое призвание. В данном случае я не о себе говорю, не подумайте... Ведь пять пальцев на руке и те неодинаковы. И люди так же. У каждого свои интересы. А этот человек все мерит только своим хлопковым аршином. Если посылать кого-либо на учебу, то только по хлопководству. Даже на курорт люди могут поехать в зависимости от того, сколько собрали хлопка. Ну а если он ветеринар? Или библиотечарь? Или завклубом? Так им и отдыхать и лечиться не надо?! Вот такое у нас положение. А кое-кто разводит руками: почему, мол, молодежь в колхозе не остается? Одни подаются в город, другие в райцентр. На худой конец, идут рабочими в совхоз... Мы, несколько девушек и парней, хотели собственными силами построить теплицу. В совхозе вон по соседству построили, а мы что, хуже?.. Вы, наверное, слышали про старика мичуринца, который живет под Ташкентом в Орджоникидзевском районе? Слава его гремит по всей республике! А наш раис о нем ничего не знает! Или прикидывается, что не знает... Так этот мичуринец круглый год выращивает в теплице бахчевые, помидоры, огурцы. А почему мы не можем?.. Потому что этот несносный человек, раис, нам заявил: «Если найдете способ выращивать хлопок и зимой, тогда пожалуйста: сколько гектаров земли надо, столько и дам. А насчет дынь, арбузов и не заикайтесь. Они вредны для организма,— живот набьешь, работать не можешь. А если кто хочет и зимой уплетать арбузы, пусть с осени запасется сортом «кузибай»... С этим сортом и до лета ни черта не делается!..» Вот вам и весь наш раис налицо! Ну скажите, разве можно с таким работать?..

— А вы ни к кому не обращались?

— К кому?

— Например, к парторгу.

Девушка горько усмехнулась:

— Секретарь парторганизации — его шурин. Говорит, а сам в рот раису смотрит. Не успеет раис слово сказать, парторг тут же подхватывает.

— Ну уж, наверное, не настолько, — смеясь в душе, возразил Усманов.

— Вообще-то, может, он и неплохой парень... Как-то шепнул мне, чтобы я шла в райком.

— И что же?.. Не пошли?

— А, — махнула рукой девушка, — стоит ли... Раис же сам член бюро райкома. К тому же товарищ Бурханов очень уважает этого человека. Станет разве меня слушать?.. Правда, я слышала, прибыл новый секретарь. Интересно, что это за человек? Поймет ли?.. А впрочем, это уже не имеет значения.

— Почему же?

— Уезжаю ведь.

— Трудностей испугались, выходит?

Девушка со злостью взглянула на Усманова:

— Я проработала год. Попробуйте на моем месте хотя бы день проработать.

— Хорошо, — сказал Усманов. — День я поработаю на вашем месте. Только с одним условием. Вы сегодня же вернетесь в свой колхоз.

— Нет! — отрезала девушка.

— Тогда оставайтесь сегодня в райцентре. Завтра утром мы вместе поедем в «Шарк юлдузи» и во всем разберемся. Согласны?

— Сами-то вы кто? — спросила попутчица, изучающе глядя на Усманова.

— Новый секретарь райкома.

— Вай!.. — Девушка зарделась и закрыла лицо руками.

Чтобы вывести ее из неловкого положения, Усманов протянул руку:

— Будемте знакомы. Усманов.

Девушка положила ему на ладонь маленькую горячую кисть.

— Халида, — еле слышно произнесла она.

Возле райкома партии Усманов вышел из машины и сказал шоферу, чтобы он отвез девушку в гостиницу. А ей на ходу бросил:

— Значит, договорились? Завтра поедем в ваш колхоз.

Девушка, просияв, взглянула в упор и кивнула.

Усманов с дороги осведомился у секретарши о состоянии тракториста. Малохатхон сообщила, что звонил главный врач: тракторист пришел в себя. «Слава богу,— подумал Усманов, входя в кабинет.— Теперь можно, наконец, приступить и к осуществлению планов на сегодня». Он разделся, сел в кресло и выдвинул ящик стола. С утра он, кажется, собирался просмотреть материалы конференции. Это, пожалуй, можно оставить и на ночь. В гостинице тихо, никто не мешает. К тому же Бадамсай для него еще место новое. Он же, пока не привыкнет к месту, и уснуть не может — будет хоть чем заняться. А сейчас самое время ознакомиться с планами работы отделов. С этим намерением он и нажал кнопку селектора.

Однако в гостиницу Усманов попал только к полуночи. Проглотил несколько ложек янтарного, еще теплого плова, принесенного кем-то заботливым, и позвонил домой:

— Хафиза? Ты спала?

— Нет. Сидим с мамой и беспокоимся. Несколько раз тебе звонили, но не могли застать. У тебя все хорошо?

— Конечно. А как малыши?

Хафиза рассмеялась.

— Растет. С каждым днем все больше... Дамир-ака!

— Молодец!..

— Я хочу в Бадамсай.

— С ума сошла. Мы же все давно обговорили.

— Мне нужен покой. А я, оказывается, не могу жить спокойно в разлуке.

— Но в городе лучше условия, ты же знаешь...

— Будто до меня никто не рожал в районном родильном доме. Вот и мама твоя... Там мне будет лучше.

— Почему же лучше? Почему?..

— Свежий воздух... И ему, чтобы быть крепеньким, нужен свежий воздух.

Усманов улыбнулся. Хафиза почувствовала это и весело продолжала:

— Ты согласен? Правда, согласен?

— Поговорим завтра.

— Ладно,— вздохнула Хафиза.— Ты поужинал?.. Что ты ел?

Усманов перечислил самые вкусные блюда, которые знал, пожелал жене спокойной ночи и положил трубку.

Едва улегся, его тотчас сморил сон. Зыбкий и тревожный. Приснилось, будто он с группой людей несет на

кладбище погребальные носилки. А в них, укутанный саваном, лежит он сам...

Усманов проснулся и сел в постели, чувствуя, как колотится сердце, вот-вот из груди выскочит. Опять вспомнился тракторист. Кажется, он думал о нем и во сне.

Отпил воды прямо из горлышка графина, подошел к окну и распахнул форточку.

VI

В тот вечер, когда Усманов, задержавшись в райкоме, заново знакомился с материалами конференции, у высоких, украшенных замысловатой резьбой ворот дома Казима Бурханова остановился «ГАЗ-69» с брезентовым верхом. Полный человек выбрался из машины и огляделся. На улице было темно и тихо. Ни души.

— Поезжай, — буркнул полный мужчина шоферу, и, когда машина отъехала, из щели между опорой ворот и стеной дома он достал крючок из проволоки. С его помощью ловко отомкнул запор в калитке.

В темном проходе подворотни с надстройкой послышался звон цепи и грозное рычание собаки.

— Олапар! — поспешно и ласково произнес поздний гость. — Это же я. Не узнал?..

Пес успокоился, ласково заскулил.

В двух окнах огромного дома с верандой горел свет.

— Казим Бурханович! — негромко позвал толстый человек хрипловатым голосом и по широким деревянным ступеням поднялся на веранду.

Дверь отворилась, выплеснув сноп света, и навстречу ему вышла средних лет женщина в пестром шелковом халате.

— Входите, Хаитбай-ака, — приветливо сказала она, принимая у гостя пальто и шапку. — Поди, совсем замутились сегодня, изнервничались...

— Да-а... Иной раз смертным и такое приходится переживать...

Хаитбай-ака, не дожидаясь повторного приглашения, вошел в дом, поглаживая ладонью бритую голову.

Бурханов сидел на диване, взобравшись с ногами и опершись локтем о подушку, перелистывал какую-то ветхую книгу. На антикварном письменном столе красного дерева, ножки которого изображали львиные лапы, на блюде золотисто желтели ломтики лимона, присыпанные сахарной пудрой.

— Прошу, прошу,— не поднимая головы, буркнул хозяин.

— Извините, что я так поздно. Наверное, сердце разорвалось бы, если бы не повидал вас...

— Что, испугался? — с иронией в голосе спросил Бурханов, закрывая книгу и отыскивая ногами стоявшие на ковре тапочки, расшитые на восточный манер.

Султанов кряхтя опустился на диван рядом с ним, не спеша извлек из нагрудного кармана кителя чувстскую тубетейку, расправил ее, ударив о колено, и водрузил на поблескивающую влажную голову. Было заметно, что он обдумывает ответ.

— Султанов не из тех, кто боится собственной тени, Казим Бурханович! — промолвил он.— Тот, кто может напугать Султанова, пока что находится во чреве матери!.. Однако... Хороший был тракторист. Хотел сделать его Героем...

— Почему же в прошедшем времени?

— Врач говорит, сломан позвоночник. Если и останется жив, вряд ли сможет работать,— сказал Султанов и вздохнул.

В комнату на цыпочках, шурша шелковым халатом, вошла жена Бурханова, молча поставила на стол немного казы на синей тарелочке с изображением хлопка и так же тихо, на цыпочках, удалилась.

Бурханов взял ломтик лимона и, обсасывая его, осведомился:

— Что говорит семья?..

— Трудно будет семье,— покачал головой Султанов.— Шестеро детей. Дочки. Старшей, правда, уже семнадцать. Осенью собирался свадьбу справлять... Что семья... занята охами да ахами. Однако...

— Что... однако? — спросил Бурханов, когда пауза чересчур затянулась.

— Как бы милиция не подпортила все дело... Я с утра и до сих пор пробыл в больнице, не смог перемолвиться с Мамурджаном. Хайдарали, правда, виделся с ним, но разве он может поговорить толком с начальником милиции? Молодой еще...

— Кто такой Хайдарали?

— Мой парторг. Способный парень, но...

— А, знаю,— сказал Бурханов и дружески хлопнул по круглому колену Султанова.— Ладно, не думай о милиции, Хаитбай-ака. С Мамурджаном я поговорю сам.

— Не повредит, я думаю. Чтоб не пошли всякие там толки.— Султанов углубился в собственные мысли.

Да, разговоры вокруг такого происшествия сейчас ни к чему. Обычно люди из мухи слона делают. А если и милиция еще подбавит масла в огонь... Ого, что тут будет! Немало найдется и таких, кто всю вину постарается свалить на раиса.

Конечно, всякое несчастье — это несчастье, и сердце от него болит, как от ножевой раны. Иногда кажется, гору на плечах удержать легче, чем пережить такое горе. А всякие там слухи, распространяемые и с умыслом и без умысла, только усугубляют переживания. И странное понятие у людей: что бы ни произошло, всю вину сваливают обычно на руководителя. Там недосмотрел, тут недоглядел, этого не сделал, того не сказал!.. Во всех бедах одна голова и виновата — Султанова голова...

Конечно, можно и не трогать было этот нестоящий клочок земли. Урожай, полученный с него, и плевка не стоит, не поднимет до небес славу колхоза. Однако, если подумать, в большом хозяйстве и копейка имеет значение. Если там бросить клочок, здесь пяточок, то что станет с хозяйством?.. За колхоз душой болел, а не из праздных соображений велел Яхшибаю, чтобы он вспахал этот участок. Не поручил же молодым, вчера оседлавшим трактор, дал задание самому опытному, самому передовому механизатору.

Султанов вдруг вздрогнул, внезапно осознав, что ищет для себя оправдания. Будто кипятком его ошпарило, когда вспомнил слова, сказанные накануне Яхшибаю Эргашеву. Их не выхватишь из головы и не выбросишь.

Приехав на поле, Султанов накинудся сначала на бригадира механизаторов Мусабая. А Яхшибай стоял рядом с ним и помалкивал.

— Когда, наконец, вы будете прислушиваться к разумным словам? — говорил раис со злостью, вышагивая взад-вперед, заложив руки за спину. — Я и в прошлом году вам не раз твердил, чтоб это место не пустовало! Чтоб завтра же этот участок распахали! Лично проверю!

Бригадир хотел что-то возразить, но Султанов не пожелал и слушать, прикрикнул:

— Разговор окончен! Вы знаете, какая земля лежит у вас под ногами? Золото, а не земля! По меньшей мере центнеров по пятьдесят возьмем с нее!..

— Урожай урожаем, а джигиты боятся тут работать, Хаитбай-ака, — вмешался в разговор молчавший до сих пор Яхшибай.

— Что-о? И у тебя, оказывается, есть язык? — возмутился раис. — Кто тебя назовет джигитом, а тем более старшим механизатором, если боишься тут пахать? Дай мне твой трактор! Сам вспашу! Целых два гектара чтоб пропадали?.. Два гектара, по-вашему, на улице валяются?

Видать, задел-таки Яхшибая за живое. Ранним утром следующего дня он подогнал трактор к краю оврага и начал пахать...

Кроме бригадира Мусабая, к счастью, никто не слышал того разговора. А Мусабай не глуп, лишнего не сболтнет. Да он и от природы молчалив. За день с десятков слов произнесет... Недаром же люди его прозвали Мусой-немым. И все же... Вдруг взбредет ему на ум кому-то что-то брякнуть. И поскачет его случайное словечко из уст в уста, от дома к дому, обрастая, как тот снежный ком, и доскачет до... Тьфу-тьфу, про то даже думать не хочется!.. Тогда Мусу-немого легко будет превратить и в Мусу-болтуна. Человек иной раз только на первый взгляд кажется скрытным. Если подобрать нужный ключ, то сразу и раскрывается весь, прямо наизнанку выворачивается. А в соответствующих местах умеют подбирать такие ключи — разговорят и немого. Если Мусабай проболтается, мол, раис заставлял Яхшибая, то да се, пиши пропало. И разговоров тогда не оберешься. Как вода камень точит, так ведь и дурные слухи для авторитета. А авторитет потерять после тридцатилетнего пребывания в председателях — все равно что всенародно на полном скаку с коня слететь... Ладно бы, тихо-мирно наказали, а поставят вопрос на общем собрании, что тогда? Тогда и медная копейка будет значить больше, чем ты...

Тревоги и предстоящие хлопоты и заставили Султанова, несмотря на поздний час, появиться в доме своего покровителя Казима Бурханова.

— Ничего. Разговоров никаких не будет, — успокоил его Бурханов. — Выдели материальную помощь семье этого... — как его там? — тракториста. Чтoб были довольны. Детям с устройством поспособствуй... Дом там или той...

— Конечно! Конечно! — закивал Султанов. — Старшую самолично выдам замуж. Или помогу поступить в институт!..

— Вот об этом и намеки им,— посоветовал Бурханов.— Только умеючи. Если будешь навязываться с благодарениями, сразу и подумают, что за собой грешок чувствуешь...

— Что вы, что вы, я сумею...

— И потом, незачем убиваться так. Вон на тебе лица не стало. При чем тут ты, скажи, пожалуйста... Каждый человек свою голову должен иметь на плечах. Если ты велел вспахать эту землю, пускай бы и пахал... сообразно обстоятельствам. Ты же не сказал ему: «Падай в овраги!» Сам должен был думать. Конечно, дело прескверное. Пять-шесть лет будут вспоминать о нем на каждом собрании да перемалывать. Склонять будут и тебя, и твой колхоз, и весь район. Но ничего. Где работа, там и хлопоты.

— Спасибо вам, спасибо. Рахмат.

Потому Султанов и шел сюда, знал, что услышит ободряющие слова. Да, в жизни необходимо иметь надежную опору. Но едва подумал об этом, как изболевшую душу Султанова с новой силой ожгла тревога: «Почему Бурханова не избрали первым секретарем? Ну почему?!»

Он давно хотел этого, полагал, что так и будет, с нетерпением ожидал конференции. Но почти все проголосовали за Усманова. Только двое против. Один из них — Султанов. Кто же второй?.. Султанов поднял на Бурханова изучающий взгляд. И словно бы только сейчас заметил, насколько у того усталый вид. Веки припухли, как после кутежа или бессонницы. Да-а, за последнее время он заметно сдал, тоже переживает, бедняга. «У него своих забот полон рот, а тут еще я... — подумал Султанов.— Вот у кого сердце изболелось, наверное. А виду не подает. Крепкий человек... В районе давно считали, что он станет первым... Где-то сплеховал, где-то не так ступил... А работу знает. С трибуны говорить умеет. И знаниями не обделен. Но кому-то пришлось не по нутру...»

Слегка кружилась голова, и медленно ворочались в ней нерадостные мысли. Он проникся к Бурханову таким нежным сочувствием, что в глазах защипало, ему захотелось обнять его, сказать что-то приятное, чтобы поднять ему настроение. И вдруг вспомнил о сплетне, только что переданной ему по пути шофером.

— Слыхали новость? — спросил он с усмешкой и поправил на бритой голове тубетейку.

— Смотря какую...

Султанов, хотя и был уверен, что в комнате, кроме них, никого нет, все же огляделся. И, помолчав для значительности, понизив голос, проговорил:

— Похоже, наш новый — шустрый малый!..

— Да? С чего вы это взяли?

— Говорят, в гостинице полно молоденьких девочек, хи-хи...

— Что вы, не может быть, — проговорил спокойно Бурханов, однако не сумел скрыть удивления и проскользнувшего в глазах любопытства.

— Истина!.. Одна еще днем приехала в райкомовской машине. В руках чемодан. Говорят, хороша чертовски!..

Бурханов засмеялся, и брови его разгладились. Но тут же посерьезнел:

— Откуда сведения?

— Шофер мой...

— Сказал мне, и будет. Больше никому, ясно?

— Что я, сумасшедший? Или болтун какой? — буркнул Султанов и даже обиделся.

— Девушка, которая приехала с чемоданом, агроном колхоза «Шарк юлдузи». Товарищ Усманов ее встретил на дороге и подвез.

— Что вы говорите?.. — удивился, в свою очередь, Султанов. Правда, не столько подробностям, сколько осведомленности Бурханова.

— Так-то, — сказал Бурханов с иронией. — Она разругалась с Сатыбалды-ака и хотела уехать. Усманов решил ее вернуть в колхоз... А кто сказал подобную чушь вашему шоферу?

— Знакомый один.

— Тавба! Ну и люди! — с огорчением проговорил Бурханов. — Увидят старика и уверяют, что видели твоего деда!

— Я тоже не поверил, — сказал Султанов, пожимая плечами и пытаясь исправить свою оплошность. — Не может же он... не успев проработать и дня...

— Нет-нет, Усманов не такой человек! — оборвал его Бурханов. — Отчитайте как следует своего шофера, пусть не треплет языком, а не то...

— Ясно, ясно, я ему язык укорочу! Если еще раз услышу... Ух! — Султанов погрозил увесистым кулаком. Но тут же сник и виновато опустил голову.

Однако утром своим он чувствовал, что возникшие о новом секретаре толки все же заинтересовали Бурханова. По каким признакам он определил это, и сам не знает.

Может, по радостной искорке, вспыхнувшей в глубине взгляда. Или по злорадному смеху, которого тот не смог удержать?.. Трудно сказать. Но Султанов почти был уверен, что второй человек, проголосовавший против Усманова, это Бурханов. Почему так решил? Кто его знает. Ведь на лице Бурханова каждая черточка, каждая морщинка ему знакома... Да, второй человек, зачеркнувший имя Усманова, без сомнения, он! Но почему только двое оказались против Усманова? Ведь многие хотели, чтобы первым стал Бурханов. К примеру, Сатыбалды-ака, директор совхоза Мухамеджанов, водхоз Садыков... Да мало ли кто еще мотыльком порхал вокруг Бурханова!..

— Наверное, Усманов хороший человек, — после продолжительной паузы нарушил молчание Султанов. — Был бы плохим, не послали бы сюда. Однако... Было бы гораздо лучше, если бы стали вы... Район знаете как свои пять пальцев и людей...

Бурханов помалкивал, задумавшись. Султанов забеспокоился, что опять, может, сказал не то. Спихватясь, продолжал:

— Все же голосование прошло хорошо. За вас сто процентов голосов, за Алиева тоже сто. Против Усманова всего-то два... И вообще конференция прошла удачно. Мне кажется, Искандер Гаипович остался доволен.

— У нас конференции всегда проходят удачно, — медленно выговорил Бурханов, вперив отяжелевший взгляд в противоположную стену, завешанную ковром. — Только я не понимаю тех, кто проголосовал против него. Какой прок? Что решают два голоса? Только немножко омрачили настроение, и все. Человека познаешь в деле. Поживем — увидим. А голосовать против приезжего, который и дня не проработал тут, это же глупо!..

Султанов знал Бурханова как человека решительного, который иногда бывает даже груб с подчиненными. А такой осторожности в нем он никогда не замечал. Даже наоборот, Бурханов нередко шел напролом, не думая о последствиях. И вдруг... его словно подменили. И поговорить откровенно нельзя.

Султанов взглянул на наручные часы. Время приближалось к полуночи. Хлопнув себя по коленям, он поднялся:

— Пойду, пожалуй...

Бурханов не возражал. Лишь кивнул на прощанье. И проводить гостя до калитки, как это делал прежде, не пошел.

Приход раиса лишь усугубил его дурное настроение. С того дня, когда прошла конференция, Бурханов и так наэлектризован. Недаром говорят: «Человек предполагает, а бог располагает». Думал одно, получилось другое. Как был два года вторым, так им и остался. А ведь не сидел сложа руки все это время, заручился поддержкой авторитетных людей района; все шло как будто к тому, что он станет головой. И на тебе! И вот уже который день он места себе не находит. Одолевают тревоги. Почему его приклеили к старому месту? Ведь там, «наверху», его кандидатура в свое время была обсуждена и, как ему стало потом известно, одобрена. В чем причина столь резкой перемены?

Когда он услышал, что Искандер Гаипович привозил в Бадамсай Усманова и что они заезжали к Носиру Пулатовичу, а потом побывали в нескольких хозяйствах района, сердце его екнуло от недоброго предчувствия. Однако по здравом рассуждении он успокоил себя. Вложить огромный район в руки инструктора, проработавшего каких-нибудь два года в обкоме, — событие из ряда вон выходящее. Иногда, конечно, таких людей направляют в район, но не первыми же секретарями. «Может, его прочат на место Алиева?» — подумал Бурханов. Года три назад они вместе с Носиром Пулатовичем выдвинули молодого энергичного директора школы на должность секретаря по идеологии. Конференция избрала его. Алиев взялся за дело с огоньком. В течение года навел порядок в партийном просвещении, поставил на ноги художественную самодеятельность в районном Доме культуры, возобновили свою работу клубы в кишлаках, и в них еженедельно демонстрировались новые кинофильмы. А когда Пулатов ушел из первых секретарей, то Алиев почему-то скис и дела пустил на самотек. Потому Бурханов и подумал: может, обком намечает Усманова на место секретаря по идеологии?

Председатель райисполкома Садыков тоже приходил на ум. В последнее время он слишком часто стал болеть. Обком конечно же знает об этом. «Может быть, на его место?..» — рассуждал Бурханов. Однако несмотря на то, что он все время старался себя успокоить, до самого начала конференции в глубине его души жила тревога. И предчувствия не обманули. Он и не помнит теперь, как смог высидеть до конца конференции и на собрании актива, откуда у него взялись силы казаться спокойным, внешне бесстрастно выслушивать выступления товарищей.

Сколько ни ломал себе голову Бурханов, не мог взять в толк, в чем его ошибка. За те восемь месяцев, что он замещал Носира Пулатовича, район ни по одному вопросу, ни по каким показателям не огорчал вышестоящих организаций. Хлопок удался на славу. Выполнены и план, и соцобязательства. Если только животноводство... Оно, правда, не получило особого развития, но и не хуже, чем у других. И строительство в районе идет вроде бы неплохо. Конечно, недостатки имеются, но у кого их нет. Большинство из них — мелочи, которые то вроде бы исчезают, то вновь возникают, как грубое перо из подушки. Но непосредственного отношения к ним Бурханов не имеет. То есть отношение-то, конечно, имеет, как всякий руководитель района, но лично не может нести за них ответственность...

Бурханов еще и еще раз перебирал в памяти поручения, данные ему за последние восемь месяцев обкомом и лично Искандером Гаиповичем. Все до единого выполнены!.. На чем же зуб сломал? Что сделал не так?.. Не находя ничего, за что можно было бы его упрекать, винил в душе Гаипова и весь аппарат обкома. «Вот она, цена моим стараниям, — сокрушался он. — Работашь до седьмого пота, забываешь о доме, о семье, об отдыхе, а никто и спасибо не скажет! Никто с тобой и не считается!.. Молокососа, только вчера научившегося вытирать сопли, ставят над тобой начальником! Эх, жизнь...»

Он не раз встречал Усманова, когда бывал в обкоме. И почему-то сразу почувствовал к нему антипатию. Такие мужчины, пожалуй, нравятся женщинам. А ему вот Усманов не понравился. Хотя видный, с острым внимательным взглядом; начавшие сесть виски придавали его лицу, и без того серьезному, еще большую значительность. Усманов чем-то напоминал Бурханову его собственную молодость. Быть может, встречаясь с ним, Бурханов попросту вспоминал о минувших годах, сожалел о безвозвратно утраченном, отсюда и раздражение? Всего каких-то двадцать лет назад и он был таким же чернобровым, черноглазым, стройным парнем с серебром на висках. Все спорилось, за что ни возьмется. После окончания партийной школы сразу начал работать заведующим отделом в обкоме, а не каким-то там инструктором. Не минуло и года, его направили в Шодликский район. Вторым. Он работал на совесть. О нем всюду говорили только хорошее. Но он тогда и в мыслях не допускал стать первым... Эта мечта появилась позже. Значительно позже...

Шли годы. Его переводили из одного района в другой. Но он так и оставался вторым секретарем. И вот... восемь месяцев назад, когда Пулатов заболел и фактически отошел от дел, возложив на него руководство районом, он вдруг подумал: «А почему бы мне не стать первым?.. Не боги же горшки обжигают».

Он чувствовал, что там, «наверху», о нем не забывают, приглядываются. Уже долгие годы приглядываются. И почему-то не дают самостоятельности. Что их не устраивает? Уровень его знаний? Или сомневаются в его уменье руководить?..

И вот, казалось, настал самый удобный момент проявить себя, доказать, что руководить умеет не хуже других. Старался, из кожи лез. И вот благодарность. Прислали!..

Бурханов понимал, что не по своей воле приехал сюда Усманов, а по поручению обкома, но все же простить ему не мог, что он явился на все готовенькое. Он, Бурханов, покоя не знал, пестовал в районе и специалистов, и хозяйства, а этот — на тебе! — пришел и сел в хозяйское кресло!..

Вспомнилась сплетня, переданная Султановым, и подумал злорадно: «Плохи твои дела, если с первого дня о тебе такие слухи пошли...»

Любой руководитель, как и всякий другой работник, может ошибаться, иметь недостатки. В ошибках разберутся, слабости простят. Лишь при наличии одного из трех пороков ни один руководитель не может надеяться на снисхождение — по своему многолетнему опыту Бурханов это хорошо усвоил. Первый такой порок — пьянство, второй — взяточничество, третий — распутство... Усманов еще не успел начать работу, а уже попался на крючок, разговоры пошли. Если же эти слухи направить по верному руслу...

Быстрая, молнией пронесшаяся мысль заставила Бурханова вскочить с дивана и подсесть к столу. Резко сдвинув локтем посуду в сторону, он притянул к себе стопку бумаги, схватил привычно авторучку с красными чернилами. Однако, поразмыслив, отложил ручку и взял простой карандаш. Он дрожал от возбуждения. Черное острие карандаша уперлось в бумагу. Но во дворе в этот момент резко прокричал петух. Бурханов вздрогнул и посмотрел в окно. Там еще была ночь, и окно казалось занавешенным черным бархатом. Петух захлопал крыльями и прокричал еще раз, теперь потише и напевнее.

— Еще рано... — вслух проговорил Бурханов. — Рано еще...

И с маху бросил карандаш на чистую бумагу.

VII

Хотя дни заметно прибавились, светало еще поздно, и, когда Усманов вышел из гостиницы, едва только проснулась и завозилась пара горлинок, облюбовавшая себе место для гнезда под стрехой веранды. У входа, сидя на табуретке и прислонясь к стене, дремал старик вахтер. Небо было шелковисто-голубое, без единого облачка. Восточная сторона шиферных крыш, макушки чуть зазеленевших уже деревьев ярко высветило розовым лучом восходящее солнце. По пустынной, еще погруженной в прохладную тень улице, гремя железными ободьями огромных колес, проехали две арбы, груженные сеном.

Усманов с наслаждением глубоко вздохнул, ощущая прохладу и сладость утреннего воздуха, и направился в райком. Вчера с самого утра были скомканы все его заметки на день. Несмотря на это, и сегодняшние свои дела он распланировал заранее. И, что бы ни случилось, он должен их осуществить. Первым делом вернуть в колхоз молодого специалиста. Он постарается сам отвезти девушку, как и обещал. Заодно познакомится с хозяйством. Теперь так устроена его жизнь — одно дело влечет за собой другое, из первого мероприятия вытекает следующее. Важно, как говорит Искандер Гаипович, научиться отделять важное от второстепенного и суметь дать людям большую самостоятельность. Тогда и самому будет работать легче.

Перед райкомовским подъездом, прямо на ступеньках, залитых солнцем, несмотря на ранний час, недвижно сидел кто-то, сгорбясь и скрестив по-восточному ноги. По-видимому, человек сидел здесь давно. Края ушанки были опущены, завязаны под подбородком, озябшие руки сунуты в рукава черного чапана. На посланной перед ним тряпиче что-то ярко поблескивало в лучах солнца. Недоумевая, кто бы это мог быть, Усманов подошел ближе и увидел перед собой глубокого старика со сморщенным, как высухшее яблоко, лицом и слезящимися глазами. А на белом, тщательно отглаженном платке лежали тончайшей работы ювелирные изделия.

— Ассалом алейкум, ота ¹.

¹ Ота — отец.

В ответ старик еле приметно кивнул головой, но не глянул.

— Что это за вещи, ота?

— Не видишь разве, сынок, зачем спрашиваешь? — недовольно прошамкал старик.

— Продаете, что ли?

Внимание Усманова было приковано к украшениям, и он не заметил неудовольствия старика. Присел на корточки, чтобы получше разглядеть изящные брошки в виде жуков, бабочек, пауков с вкрапленными мелкими разноцветными камешками, резные деревянные и роговые гребешки, золотые перстни с красными, голубыми, зелеными камешками различной формы, всевозможные серьги и другие серебряные, бронзовые, золотые изделия. Ему особенно понравился браслет — змея с поднятой головой, изготовившаяся к броску. Он не удержался и взял его в руки, любуясь.

— Они продаются, я спрашиваю?

— Э-э, сынок, ну что ты пристал? Иди своей дорогой. У меня тут дело. Для продажи есть же базар, братец!

— Какое дело? Может, чем помогу? — сказал Усманов, не отрывая взгляда от браслета, поворачивая и так и эдак, любуясь его игрой на солнце.

Старик медленно поднял голову, окинул незнакомца оценивающим взглядом; на озабоченном лице его скользнуло выражение любопытства, в бесцветно-водянистых глазах мелькнул и пропал радостный свет. И тотчас уголки его рта изогнулись вниз в недоверчивой улыбке.

— Что, хороши?

— Еще как хороши! Очень!.. — с чувством произнес Усманов. Эти украшения напомнили ему далекое прошлое, археологические раскопки на холме Дальверзинтепа. — Где вы их нашли?

— Нашел? — изумился старик. — Где их найдешь? Мои они! Я сам их сделал!

— Вы ювелир?

— Да, ювелир! И отец был ювелиром! И отец моего отца был ювелиром! И прадед, и прапрадед тоже считались славными мастерами и были известны от Карши до самого Туркестана! Самым неудачливым оказался я! Жду Бурханова...

— Зачем?

Старик вдруг с юношеской легкостью вскочил на ноги.

— Будто я испикулян! Слышишь, ис-пи-ку-лян! Я, Мамашариф-ювелир, стал испикуляном? Вчера обахес

опечатал мой дом. Говорит, конпис... тьфу, отберет мое имущество, а меня изгонит из района. Такое распоряжение Бурханов дал. Вот так-то, братец! Но еще не родился тот, кто может меня прогнать из собственного дома. Если меня не знает обахес, не знает Бурханов, то меня знает Москва. Вот гляди!

Старик достал из-за пазухи тряпичный сверточек и дрожащими руками развернул. Из кипы пожелтевших, потершихся бумаг, писем, напечатанных на машинке, он отделил кусок газеты и протянул Усманову:

— Читай! Женщина приезжала из Москвы. Она написала. А потом собственноручно послала мне!

Ключок газеты оказался вырезкой из газеты «Советская культура». В заметке под заголовком «Народный умелец» давалась высокая оценка ювелирным изделиям, изготовленным потомственным мастером Мамашарифом-ота Кадыровым. И говорилось, что эти изделия могут украсить любой музей искусств.

— Знают меня и в Ташкенте! — говорил старый мастер, часто переводя дыхание. — Ты слышал про артистку Тамару-ханум? Она сама приезжала ко мне и заказала диадему с подвеской. А потом выступала с этой подвеской по телевизору. Я сразу узнал подвеску, которую своими руками сделал... И вдруг я оказался ненужным Бадамсаю, где родился и вырос!..

— Успокойтесь, ота, — мягко проговорил Усманов. — Вас никто не обидит. Пойдемте со мной.

— Куда? И на шаг не сойду с этого места! Я должен увидеть Бурханова...

— Увидите. Сейчас придет. Соберите свои вещи.

С этими словами Усманов стал сам заворачивать в платок украшения. Его взволновала встреча с этим необыкновенным человеком. Если ему предоставить условия, он же может создать настоящие шедевры!..

— Ученики есть? — спросил Усманов, вкладывая в руки старика сверток и сделав знак, чтобы он следовал за ним.

— Е-есть. Моя старушка! — горестно сказал старик, семена следом. Усманов придержал дверь, пропуская его вперед. — Спрашиваешь про учеников. Где уж там ученики, когда меня самого хотят прогнать как испикуляна!.. Если б они были, ученики! Сколько мне осталось жить, один бог знает. Мое ремесло, видно, окажется вместе со мной в могиле. Несколько раз ходил в райисполком, в райсобес...

— В собес-то зачем?

— А куда же мне? Одна дорога — в мелицу?! — сказал старик с укором в голосе. — Садыков в последний раз сказал: «Ота, я в этих вещах не разбираюсь, сходите к Бурханову». Я и пошел. Три-четыре раза приходил, пока нашел его. Нашел и попал в беду. Молча выслушал меня и позвонил по телефону. «Что за безобразие? — говорит. — В районе, у вас под носом, сидит испикулян и торгует золотом!..» А мне сказал, мол, идите, вами займутся... Наутро узнаю, он, оказывается, позвонил в мелицу. Весь дом перевернули вверх дном. Ничего не нашли. Остались мы со старухой перепуганные и в слезах, слова друг дружке сказать не можем... Раньше золото считалось благородным металлом. Только самые искусные мастера с ним дело имели. А теперь с ним работать грех, да? Ну и что, если золото? Если оно у кого-то есть, зачем прятать, пусть принесят. И из золота я делаю многие изделия — одно загляденье! Я смастерил для Тамары-ханум и артистки Тургунбаевой из их золота такие серьги, что эта самая женщина из Москвы, увидев эти изделия, только ахнула, а потом в газете написала. И Тамара-ханум обрадовалась. Сто рублей заплатила мне. Я своей старухе и себе на эти деньги купил сапожки и галоши. Вот эти, в которых и поныне хожу. За всю жизнь я не заработал ни копейки бесчестным путем, ничего лишнего не имею. А они отобрали мои инструменты. Среди них были недоработанные подвески, тумары, которые носят засватанные девушки. Мол, будем конпис... конписковать... Я сказал, я сам с вами поступлю так...

Войдя в кабинет, Усманов жестом указал старику на стул, бросил на стол шляпу и, даже не снимая плаща, набрал телефонный номер председателя райисполкома.

— Кудрат Саймович? Салам. Вы знакомы с делом ювелира Мамашарифа-ота Кадырова? Спекулянт?.. А это проверено?.. Если трудно доказать, то к вам такая просьба: пусть старика не трогают. Там, дома, у него опечатали мастерскую. Дайте команду, чтобы открыли. Что? Да, слушаю... По распоряжению Казима Бурхановича? Я с ним переговорю. Видимо, получилось недоразумение. Мамашариф-ота сейчас будет у вас. Хорошо. Потом подумаем, что можно сделать. Если мы не сможем найти применения его самобытному мастерству, то, конечно, может начать и приторговывать: жить же как-то надо. Прикиньте, где и как его использовать. Все. Да, кстати... там кое-что забрали у него, пусть все возвратят... Договорились.

Усманов тихо опустил трубку и посмотрел на старика, как бы спрашивая: «Вам все понятно?»

— Сынок, кто ты?.. Извините, кто вы? — растерянно спросил старик.

— Здесь работаю, — улыбнулся Усманов. — К вам просьба, ота. Найдите себе учеников. Не одного, а пятерых, десятерых. Пусть молодежь учится вашему ремеслу. Среди них найдутся, думаю, и талантливые, которые смогут каждое изделие превращать, как и вы, в произведение искусства.

— Найду! — пообещал старик, поднимаясь. — Найду талантливых. Я подготовлю таких учеников, которые превзойдут в мастерстве и меня!

Лицо старика просветлело и теперь казалось помолодевшим.

— Сейчас ступайте в райисполком. Зайдите к товарищу Садыкову, — сказал ему Усманов, направляясь к вешалке, на ходу снимая плащ.

— Хорошо, сынок. Дай бог вам долгой и счастливой жизни!

— До свидания, ота.

Старик торопливо направился к двери, но, взявшись за ручку, обернулся, словно забыл что-то еще сказать:

— Сынок... А вам от этого Бурханова не попадет, нет?

— Не беспокойтесь. Работайте спокойно.

Усто¹ Мамашариф-ота еще раз поклонился и покинул кабинет.

В коридоре послышались женские голоса, смех, кашель. В райкоме начался рабочий день. В кабинет порывисто вошла Малохатхон:

— Ой, вы уже здесь?.. Салам, Дамир Усманович! Вам заварить чаю?

Усманов улыбнулся и кивнул. Он еще не завтракал и был благодарен девушке за догадливость.

— Потом соедините меня с колхозом «Шарк юлдузи», — сказал он.

Секретарша уже затворяла за собой дверь, когда Усманов опять остановил ее:

— Малохатхон!.. Скажите товарищам, пусть каждый день по утрам приносят мне районную газету «Алга» и прогноз погоды, хорошо?

— Хорошо, — кивнула девушка и замаялась, словно испытывая неловкость. — Прогноз погоды нам доставляют

¹ Усто — мастер.

всегда вовремя. Я сама буду заносить вам. Но газета... газета не всегда выходит утром. Хорошо, если к полудню... Сегодня, наверное, тоже выйдет поздно...

— Почему? — удивился Усманов.

— Казим Бурханович был занят и задержал материалы. Поздно просмотрел...

— А что, Казим Бурханович просматривает все газетные материалы? — еще более изумился Усманов.

— Да, конечно. Просматривает и подписывает. Только после этого несут в типографию. С самой весны... с марта такой порядок.

— Зачем же он это делает?

— В номере за восьмое марта была допущена политическая ошибка.

— Что за ошибка? Нельзя ли подробнее?..

Малохатхон кашлянула, выпрямилась, словно собираясь прочесть наизусть стихотворение, и начала говорить высоким громким голосом:

— В день Международного женского праздника Восьмое марта газета «Алга» обнаружила свою политическую близорукость и, вместо того чтобы в этот день напечатать достойные передовых женщин очерки, зарисовки об их самоотверженном труде и вкладе в международное женское движение, раскритиковала отдельных женщин нашего района, опубликовав о них фельетон. Фельетон обсуждался на бюро райкома и признан неправильным. По отношению к его автору и редактору газеты приняты строгие меры.

«Наверное, слова из решения райкома, которые ей, бедняжке, не раз пришлось перепечатывать», — подумал Усманов, вслушиваясь в звонкий голос секретарши...

— А вы сами читали этот фельетон?

— А как же! Очень хороший фельетон! — И, спохватившись, что сказала впопыхах не то, Малохатхон вскрикнула «Вай!» и прикрыла рот ладонями.

Усманов рассмеялся.

— Ну и что в нем было хорошего? Говорите, не стесняйтесь.

— Ой, Дамир Усманович, простите! Я хотела сказать... он хорошо был написан, хорошим языком. А материал я не имела в виду.

— Я так и понял, — успокоил ее Усманов. — О чем же фельетон?

— Вы знаете, на целую страницу! В нем критиковались женщины, которые бегают по магазинам, заводя зна-

комства с продавщицами, охотясь за красивыми нарядами, и не делают ничего полезного для общества.

— Конкретные лица имелись в виду?

— Да. Фамилии, правда, изменены, но в них без труда можно было узнать... — Малохатхон прыснула. — Простите, Дамир Усманович, но фельетон был такой смешной!.. Почему-то каждый из наших руководящих работников решил, что речь идет о его собственной жене и дочерях. Имена совсем другие, а они — нет, узнают своих! Вай, какой был скандал! Люди ищут газету, а газеты уже нет. За час вся разошлась. Казим Бурханович так рассердился, так разгневался!.. В тот же день созвали бюро и хотели снять с работы редактора. Но ограничились объявлением строгого выговора.

— А кто написал этот фельетон?

— Мирхайдар Барат, сотрудник газеты. Он и стихи часто пишет, рассказы. Еще молодой, а такой способный парень. В ташкентском пединституте учится заочно. На бюро его тоже вызывали... С тех пор в газете не печатали ни одного фельетона. — Помолчав, девушка спросила: — Мне можно идти?

— Да, конечно.

Усманов задумался. Он вспомнил, что Муслим-ака был обеспокоен именно этой газетой, но тогда Усманов не придавал его словам особого значения. «Надо заняться, — решил он, внося пометку в блокнот. — Надо немедленно отменить порядок, при котором райком знакомится с каждым материалом газеты. В противном случае какая же нужда в редакторе?.. Райком должен ознакомиться с планом работы редакции, утвердить этот план на бюро и контролировать его выполнение. Можно просматривать некоторые передовые статьи, но не все же материалы...» В свое время он слышал, что Бурханов — человек деспотичный, крутой и любит власть, однако не предполагал, что это будет проявляться столь откровенно. Правда, и Искандер Гаипович с Носиром Пулатовичем предупреждали Усманова. Носир Пулатов, хотя еще и не знал, что Усманов приедет в Бадамсай, как инструктору обкома признался ему: «С этим человеком идти в разведку опасно, я бы не хотел, — полушутя-полусерьезно сказал он, когда невзначай зашла речь о Бурханове. — Слишком зычно команды отдает!»

«Неужели не сработаемся? — подумал Усманов. — С первых же дней разногласия. Что потом?..»

Зазвонил телефон. В трубке послышался рокочущий голос Сатыбалды Полвонова:

— Салам алейкум, товарищ Усманов. Слушаю вас.

Тон знатного раиса, Героя Социалистического Труда, старого хлопкороба был несколько холоден и грубоват. Усманов мысленно усмехнулся, догадываясь, в чем дело. Но старался говорить возможно мягче, чтобы не задеть его самолюбия:

— Как вы там, Сатыбалды-ака? Поздравляю с окончанием подъема зяби!

— Благодарствую. Рахмат.

— Мне хотелось повидаться с вами. Однако вчера не представилась такая возможность. Если сегодня приеду, не обременю?

— Пожалуйста. Когда?

Усманов взглянул на часы:

— Через час.

— Жду.

Сатыбалды-ака положил трубку.

Да, с такими людьми будет нелегко работать. Привыкли делать что хотят. За короткое время пребывания в Бадамсае Усманов понял, что «руководители со стажем», «знатные» обладают значительно большими правами, чем остальные, и составляют как бы отдельную касту. Проницательному человеку нетрудно было это заметить уже на партконференции. Они держались всегда вместе, вместе обедали, вместе отдыхали, даже в президиуме восседали рядом. Разумеется, и Казим Бурханович только с ними... А остальные руководители — председатели средних колхозов, директора совхозов — тоже держались особняком. Молодые, те вообще собирались в сторонке, ровно бы чувствовали себя чужими и старались по возможности скорее отправиться по домам.

Директор совхоза имени Икрамова Джура Муминов, смуглый молодой мужчина, похоже, ровесник Усманова, на протяжении всей конференции явно чувствовал себя неспокойно, ерзал на месте, то и дело поглядывал на часы. Как только конференция закончилась, он направился к двери. Не задержав его Искандер Гаипович, он, не теряя ни минуты, помчался бы в совхоз. А Искандеру Гаиповичу давно хотелось с ним потолковать по душам.

Джура Муминов приехал в Бадамсай после окончания института. Его сразу же назначили агрономом совхоза имени Икрамова. Спустя год он возглавил одну из отстающих бригад и поднял урожайность хлопка до сорока пяти

центнеров с гектара. К нему стали приезжать со всей области позаимствовать опыт.

Носир Пулатов, учитывая молодость Муминова, его задор, организаторские способности, пригласил его в райком инструктором. Два года проработал Муминов в райкоме. Старался. Но окружающие видели, что его манит к себе простор полей, вольный воздух предгорий, где колосятся яровые. Он никак не мог и часа усидеть в кабинете. Найдя повод, уезжал и неделями пропадал в отдаленных колхозах и совхозах. Пулатов намеревался предложить ему место заведующего отделом, а затем рекомендовать и секретарем райкома. Но при первом же намеке на это Муминов наотрез отказался. «Направьте лучше меня в любой колхоз или совхоз, мое место там!» — попросил он.

Как раз в это время директор совхоза имени Икрамова защитил кандидатскую диссертацию и собирался перейти на научную работу. Он давно хотел заняться только наукой, но Пулатов никак не мог подобрать ему замены и не давал согласия. Дело даже дошло до того, что вмешалось министерство...

«Что ж, — сказал Пулатов Джуре Муминову, — пусть будет по-твоему». И рекомендовал его директором совхоза, где он когда-то и начинал работать.

И вот уже три года Муминов руководит этим совхозом. Но за все это время хозяйство никто не хвалил, никто не ругал. Словно забыли все о нем. Совхоз, не сходявший в прежние времена со страниц газет, как бы исчез из поля зрения. По всем показателям он, конечно, план выполнял, но особого сдвига к лучшему не наблюдалось. А о некоторых затеях нового директора даже ходили странные слухи. Наслышавшийся о них Искандер Гаипович собирался поговорить с Джурой Муминовым, да никак не выпадало случая. И, увидев, как тот после конференции направился к выходу, он даже обиделся.

— Что так торопишься? Малые дети дома ждут? — спросил он, беря директора под руку.

Муминов смущенно улыбнулся:

— Не домой, на ферму.

Услышав слово «ферма», Искандер Гаипович сразу вспомнил о странных разговорах вокруг имени Муминова, усмехнулся:

— Говорят, ты везде скупаешь и пригоняешь к себе лошадей. Что, хочешь изменить профиль совхоза? Твоих людей видели в Ростове-на-Дону. Будто они во весь опор и с гикапьем скакали по улицам города...

— Узбеки же прирожденные наездники. Разве плохо, если они садятся на коней? Тем более если на хороших — карабаиров, буденновской породы, ахалтекинцев? — в тон ему ответил Муминов.

— Значит, ради этого ты и скупаешь повсюду хороших коней? И сколько их набралось у тебя?

— Немного. Пока десять. Зато каких! Такие кони могут прославить нас на всю республику!

— И все же? Что ты собираешься делать? Объясни.

— Как вам сказать... В республике существует несколько конноспортивных школ. Одна есть и в нашей области, так ведь?

— Ну?

— Кроме того, есть киностудии, телестудии. Так ведь?

— Ну? — Искандер Гаипович кивнул, все еще не понимая, куда клонит собеседник, и гадая, какое имеют отношение к совхозу всякие там студии и спортивные школы.

— Я не помню фильма, в котором не участвовали бы лошади. Я уже не говорю про фильмы о гражданской войне. Там и красноармейцы, и басмачи — все верхом. Каждый год по меньшей мере выпускается один такой фильм. Так ведь?

— Ну так, так! Однако какое отношение все это имеет к тебе?

— Самое непосредственное, — убежденно произнес Муминов. — Для съемок всех этих фильмов, для спортивных школ нужны хорошие кони? Нужны. А их мало. Не хватает. Вот я и хочу поставлять таких лошадей. Мы подсчитали — за три года все расходы окупятся; вдобавок мы получим столько же прибыли. — Подождав, не возразит ли чего секретарь обкома и с беспокойством поглядывая на него, Муминов взволнованно продолжал: — Еще одна мысль имеется, Искандер Гаипович... Хочу организовать фермы по производству кумыса. Обеспечу кумысом весь район, а затем и всю область. И тут одна польза. Разве я не прав?.. Совхоз наш подле самых гор, для табунов простор! Почему бы не заняться?..

Искандер Гаипович не ответил. «Если бы все руководители хозяйств были столь деятельны! — подумал он. — Заботились бы о народных деньгах да прибавляли копейку к копейке!.. Необязательно хватать звезды с неба, соизмеряли бы действия с возможностями! Были бы сэкономлены миллионы и миллионы народных денег. Да что сэкономлены — приумножены!..»

— Райком знает? — спросил он.

— Райком... — усмехнулся Муминов. — Товарищ Бурханов признает только плановые работы, обсужденные и утвержденные... — В голосе Муминова прозвучала обида. — Может быть, теперь... Не знаю... Новый секретарь, мне кажется...

Муминов умолк на полуслове, решив не продолжать. Искандер Гаипович протянул ему на прощанье руку и посоветовал:

— Поговори с Усмановым. Скажи, что разговаривал со мной. А теперь... что ж, отправляйся на свою ферму.

Муминов молча ответил на рукопожатие, его взгляд выражал признательность.

По пути в город Искандер Гаипович поведал Усманову о своей беседе с Муминовым и посоветовал всячески поддерживать инициативу таких руководителей. На них он и должен опираться, проводя в жизнь свои планы. Когда будет налажен крепкий контакт с молодыми, но деятельными руководителями и дела их хозяйств пойдут в гору, тогда и «знатные» последуют за ними. Кое-кто, привыкший к постоянному вниманию к своей персоне, конечно, будет недоволен и станет пытаться по-прежнему гнуть свою линию, таких нужно суметь поставить на место, направить по верному пути. Но не приведи бог проявить при этом бесхарактерность!..

Думая о том, что в ближайшее время следовало бы повидаться с Муминовым и ознакомиться на месте с его начинаниями, Усманов вышел из-за стола.

Появился Бурханов.

— Уходите? — спросил он, здороваясь за руку.

— Хочу съездить в «Шарк юлдузи». — Усманов был вынужден вернуться и снова занять свое место; он показал на кресло: — Присаживайтесь.

Взявшись за подлокотники, Бурханов устало опустил в кресло и иронически засмеялся:

— Нажаловалась девушка-агроном?

Усманов бросил на него быстрый взгляд. «Кажется, в районе нет ничего такого, о чем бы этот человек не знал», — подумал он.

— Да. Хочу помирить ее с райсом. Инициативная девушка и, кажется, знающий агроном. Чем больше у нас будет таких специалистов, тем лучше.

— Верно, — согласился Бурханов. — В прошлом году по этому вопросу мы обратились в Госплан. У нас нехватка и агрономов, и зоотехников, и инженеров-строителей. Но...

как бы вам сказать, — смуглое, почти коричневое лицо Бурханова приняло озабоченное выражение. — Правильно меня поймите, напрасно вы собираетесь это сделать...

— Почему?

— Сатыбалды-ака ни за что не отступит от своих слов. Я его хорошо знаю. Мне не хотелось бы, чтобы вы оказались в неловком положении.

Усманов положил руки на стол, сцепил пальцы. Он это всегда машинально делал, если в чем-то колебался. «А не получится ли в самом деле, как он говорит? Сразу по всему району станут злословить: «Новый секретарь не сумел настоять!..» Ну и что? Пусть болтают! На работе все бывает. Кто барса боится, тот в горы не ходит».

— Ладно, — сказал наконец Усманов. — Съезжу посмотрю. Если прав раис, то агроному найдем другую работу... У меня к вам просьба, Казим Бурханович...

— Пожалуйста, — Бурханов посмотрел ему в глаза.

— Трагедия в «Максиме Горьком» не должна остаться без последствий. На очередном бюро мы рассмотрим это как отдельный вопрос. Если бы вы сами подготовили его...

— Да-а, — вздохнул Бурханов, отводя взгляд, и на его лице опять появилось выражение озабоченности. — Скверное дело случилось... Врачи говорят, человек останется инвалидом. Повсюду только и разговору об этом происшествии. Но разговоры разговорами, а семье какво? Шестеро детей, мал мала меньше... Я велел Хаитбаю-ака, чтобы оказывал его семье постоянную помощь. Он ходит сам не свой, бедняга... Я тоже такого мнения, Дамир Усманович. Надо вынести на бюро, чтобы другим был урок. Пусть научатся быть предусмотрительными.

— Это одна сторона вопроса, Казим Бурханович. Вторая — придется сурово наказать виновных. Иначе разговор останется разговором.

Бурханов отвел в сторону рассеянный взгляд.

— Насколько мне известно, это обычный несчастный случай, Дамир Усманович. Какие тут могут быть виновные? Можем строго предупредить, принять какие-то профилактические меры, но наказать... Извините меня, это невозможно, не имеем права. Правильно меня поймите...

— С юридической точки зрения, может, вы и правы, — согласился Усманов, чувствуя, как в нем начинает вскипать гнев. — Но есть еще и другой судья — наша совесть. Один приказал, другой стоял в стороне сложа руки, хотя

и знал, что работать здесь опасно!.. Ладно, вернемся к этому вопросу на бюро.— Взглянув на часы, Усманов встал, давая понять, что времени у него в обрез. Направляясь с Бурхановым к двери, он вдруг остановился.— Кстати, в нашем районе, оказывается, есть удивительный мастер. Ювелир. Мы с ним случайно познакомились. Золотые руки. Его поделками мог бы гордиться любой музей. Вы видели его изделия?

— Слышал. Однако...

— Мало слышать. Вы посмотрите! Будете довольны, ей-богу. Покажите вашей супруге! Я тоже хочу приобрести у него какую-нибудь вещицу. Но вот... у такого мастера нет условий для работы. Я сказал Кудрату Саймовичу, он обещал помочь...

Они вышли из кабинета. Бурханов пропустил его к выходу, пересек приемную и вошел в свой кабинет. С маху опустился в кресло и тяжело вздохнул. Настроение с утра было испорчено. Усманов не внял ни одному из его советов. Что ж, не приняв первого совета, он сделал хуже себе. Переубедить Сатыбалды невозможно. Легче задержать падающую скалу, чем повернуть вспять Полвонова... А что касается происшествия в «Максиме Горьком», то он прав, черт возьми. Виновный имеется. Налицо виновный. «Почему я сам не завел разговора об этом? Зачем было ждать, пока он скажет?.. Теперь так и тащиться у него на прицепе?» Думая об этом, Бурханов все более злился на самого себя. И это дежурство! Усманов установил постоянное дежурство по райкому. Неужели такое пустячное дело не мог решить сам? Не приходило в голову? Приходило! Мог и должен был давно установить эти круглосуточные дежурства в райкоме!..

Бурханов с силой опустил кулак на стол. Посидел несколько минут в задумчивости, откинулся в кресле и закурил сигарету. «Началось,— думал он, глядя, как синие колечки дыма медленно всплывают к потолку и тают.— Однако... В народе говорят, что прыткий теленок бегаёт до хлева... Бурханов не молодое деревце, которое можно гнуть и в ту и в другую сторону, Бурханов — платан, его и ураган не согнет!..»

Он резко встал, обошел вокруг стола и нажал на кнопку селектора:

— Малохатхон! Найди мне Султанова. Хоть из-под земли!

Старик ювелир не выходил из головы. «Надо показать его изделия Пугаченковой, — подумал Усманов, торопливо спускаясь по лестнице. — Они ничуть не хуже тех украшений, которые мы нашли на Дальверзин-тепа. Тогда они произвели целую сенсацию в ученном мире. Эти, конечно, новые, но и от них веет духом древности. Люди, по-видимому, еще толком не разглядели и не успели их по-настоящему оценить. Хотя что это я? Тамара-ханум, Муккарама Тургунбаева ведь поняли, что перед ними не ремесленная поделка, не примитивная стилизация под старину, а настоящее искусство!.. Нет, надо купить что-нибудь для Хафизы. Может, даже тот браслет в виде змеи...»

На улице было прохладно, как и утром, хотя ярко светило солнце. На скамье возле пожелтевшей клумбы сидели, беседуя, девушка из «Шарк юлдузи» и шофер.

— Ну, Халидахон, как спали? — спросил Усманов, здороваясь с ней за руку. — Значит, едем?

— Едем, — ответила девушка и смущенно отвела глаза. — Дамир Усманович, вчера я наговорила много лишнего. Со зла... Простите меня.

— Ничего. Все это сегодня выскажете самому райсу.

— Вай! Тогда и в самом деле придется бежать из колхоза! — воскликнула Халида и засмеялась.

То ли ямочки на ее тугих розовых щеках, то ли тонкие тени по углам налитых и темных, как спелая черешня, губ напомнили ему что-то знакомое. Он быстро отвернулся и направился к машине. Хафиза тоже смеется в точности так, переливчато, весело, словно звенит бьющий из-под земли родник!

— Поехали! — бросил он, садясь на переднее сиденье.

Машина тронулась. Усманов отогнал мысли о жене, и его опять всецело захватили беспокойные раздумья о делах района, о газете. Беседуя только что с Бурхановым, он намеренно не обговорил с ним положение районной газеты. Ясно было одно: что порядок, установленный Бурхановым после случая с фельетоном, неверен. Но он еще не был готов к разговору на эту тему. Придется сначала съездить в город, чтобы зайти в областную газету и посоветоваться с Исмаилджаном.

Вскоре они свернули с асфальтированной магистрали на колхозную дорогу, покрытую щебенкой, и почти сразу увидели по обеим сторонам широкой улицы, обсаженной молодыми деревьями, одинаковые, словно бусины в оже-

релье, побеленные дома с шиферными крышами и с еще не крашенными крылечками.

— Кишлак?.. Что-то не припомню,— недоуменно проговорил Усманов.

— Это новый кишлак! — весело сказала Халида.— Сюда пока что переехало всего четыре или пять семейств. Я тоже здесь живу. Смотрите, какие хорошие домики! — Она облокотилась о спинку переднего сиденья и, поглядывая то вправо, то влево, восторженно рассказывала о новом селении сидящему впереди Усманову: — И все одинаковые. Три комнаты и айван¹. Двор — шесть соток. Весной вдоль улицы — видите? — всем колхозом сажали чинары. А сад во дворе каждый посадит себе сам. Какие деревья нравятся, такие и посадит. И через два-три года это место знаете каким красивым будет! Вон там новый клуб. А справа от него школа. Уже и водопровод провели. Только еще газопровода нет. Пока нет. Пользуемся природным газом...

— Сколько домов готово?

— Более сорока. Сатыбалды-ака собирается сюда переселить всех жителей Ширмансая. А Карасу рядом. Со временем наш кишлак и Карасу сольются, и название останется общее — «Шарк юлдузи». Почти все жители нашего колхоза будут жить в одном месте. Здорово, правда? Работать на дальние участки людей будет отвозить автобус...

«Действительно здорово! — подумал Усманов, восхищаясь способностями Полвонова вести хозяйство.— В «Максиме Горьком» тоже кишлаки разбросаны по всей огромной территории колхоза. Если у них там в перспективе нет таких планов, придется сюда привезти парторга, раиса и показать...»

— Остановите,— попросил он шофера.— Давайте посмотрим.

Машина съехала на обочину и стала.

Усманов перепрыгнул через арык и дорожкой, засыпанной красноватым песком, приблизился к дому. Да, строились основательно. Фундаменты высокие, из красного кирпича. По ступенькам, еще пахнущим свежими досками, он поднялся на айван. На одном из опорных столбов кто-то из ребят написал мелом «М+С=Л». Усманов улыбнулся. Пустой дом уже казался обжитым.

¹ А й в а н — веранда.

В углу двора под навесом сооружена летняя кухня. Даже тандыр¹ сделан и, кажется, уже испытан в деле.

— Это дом Машрабхон, — объяснила Халида, стоя на нижней ступеньке айвана. — Есть у нас замечательная девушка, Машрабхон. Она трактористка. Осенью будет ее свадьба. Сатыбалды-ака решил, что той состоится в этом новом доме.

— Хороший дом, — сказал Усманов, оглядываясь по сторонам. — Все такие?

— Все.

— А почему до сих пор пустуют? Разве люди не спешат вселяться в новые дома?

— Не знаю, — пожалала плечами девушка и опустила голову. — Говорю же: иногда Сатыбалды-ака трудно понять... Наверное, у него какие-то свои наметки...

«И все же им нельзя не восхититься, — подумал Усманов. — Вот это размах! Надо распространить его опыт по всему району...»

— Говорите, у раиса есть еще какие-то наметки?

— Скорее всего. Только мыслей этого человека никто, кроме него самого, не знает. В последний момент скажет: «Надо сделать вот так-то», — и все. И попробуй не сделай... Иногда некоторые спорят, но потом осознают, что раис, оказывается, говорил правильно. Как он предсказывал, так всегда и выходит... В колхозе все делается только по его планам. Ни одна свадьба в кишлаке не играется, если не была им заранее намечена. В конце концов оказывается, что даже и чья-то болезнь была предусмотрена раисом...

Усманов не понял, осуждает девушка председателя или восторгается им. Взглянув на нее, рассмеялся.

— Правда! — сказала Халида и улыбнулась. — То, что сказал больному врач, в расчет не принимается. «Ты можешь валяться в постели пять дней! А тебе хватит и трех!» — говорит раис. И знаете, люди выздоравливают! Ровно за отпущенный им срок... Было и так: человеку, который вовсе и не собирался жениться, он велел: «Сыграешь свадьбу. Срок — одна неделя!»

— И тот... согласился?

— Попробовал бы не согласиться: раис-то прав был... Но вообще я не знаю случая, чтобы кто-то ослушался... Вот до свадьбы Машрабхон еще целых четыре месяца. Но каждому уже известен день, когда она состоится. Двадца-

¹ Т а н д ы р — глинобитная печь для выпечки лепешек.

того октября, в субботу. Ни раньше, ни позже. Кстати, приезжайте, увидите. У нас свадьбы проходят знаете как весело! Сатыбалды-ака обычно сам возглавляет застолье, руководит всем тоем, веселит всех. В такие моменты просто не узнать его, становится настоящим артистом! Шутит, смеется, и всем весело. Приезжайте, будете довольны!..

— Благодарю, обязательно приеду,— пообещал Усманов, возвращаясь к машине, и открыл перед девушкой дверцу.

— Так что только самому раису ведомо, кто еще переселится в эти дома и когда... — вздохнула Халида и, вдруг покраснев, опустила голову.— Дамир Усманович!

— Да?

— Может, мне остаться?.. Не хотелось бы с чемоданом являться в правление. Вон мой дом! — Халида указала на стоящий по другую сторону дороги дом, под окном которого уже ярко цвели ирисы и гладиолусы.— Я приду тут же... вслед за вами...

Усманов согласился.

Едва машина остановилась у двухэтажного, недавно побеленного, еще пахнущего известкой здания правления колхоза, у подъезда с четырьмя резными деревянными колоннами появился сам Полвонов, худощавый, высокий и жилистый. Сколько Усманов его помнит, он все время ходит в одних и тех же защитного цвета брюках галифе и френче; на ногах коричневые парусиновые сапоги, на голове черная чувствская тубетейка, вышитая белыми шелковыми нитками. Под крупным крючковатым носом пышные усы с лихо подкрученными кончиками. Монгольские глаза с чуть припухлыми веками смотрят сверху вниз. Сросшиеся на переносице брови кажутся сдвинутыми и придают его лицу суровый вид. Должно быть, поэтому те, кто не очень близко знал Полвонова или встречался с ним впервые, обычно робели под его пронзительным взглядом. И, лишь заметив на его губах скрытую пышными усами улыбку, обретали спокойствие и могли включиться в беседу.

Сойдя по ступенькам, он крупными, размашистыми шагами направился навстречу Усманову. Лицо у раиса было сумрачное и настроение, как видно, неважное.

— Я не заставил вас ожидать? Салам алейкум! — приветствовал Усманов, пожимая его руку.

— Нет, как раз вовремя, как обещали,— спокойно ответил Полвонов.— Добро пожаловать, товарищ Усманов.—

И, отступив на шаг в сторону, жестом пригласил в правление.— Только я еще не успел собрать всех членов правления...

— Ничего, ничего. Мне достаточно повидаться и поговорить с вами,— весело сказал Усманов, стараясь по возможности не придавать их встрече официальности.— По пути посмотрел ваш новый кишлак. Здорово вы его отгрохали, Сатыбалды-ака! Такие дома не только кишлак, но и город украсили бы!

— Уж как смогли,— скромно ответил Полвонов, но в его внимательных глазах промелькнуло выражение довольства.— Начали, да вот никак не закончим.

— И все равно молодцы. Хорошо, если бы ваш опыт подхватили другие колхозы...

Полвонов не отреагировал. Проследовав по длинному прохладному коридору, они вошли в кабинет раиса. В нос Усманову ударил сильный запах одеколona. Он усилием воли заставил себя не поморщиться, дабы не смутить хозяина, лишь приотстал, чтобы оставить дверь открытой. Из форточки погянуло свежим воздухом.

Кабинет был просторный, аккуратно прибранный. Перед письменным столом два зачехленных кресла. Вдоль стен мягкие стулья с красной обивкой. Полвонов, чтобы не наследить, прошел к своему месту не по ковровой дорожке, постланной от порога, а по крашеному желтому полу, провел ладонью по полированной поверхности стола и посмотрел на ладонь. Пыли не было.

— Прошу вас,— сказал он, указав на кресло перед столом, а сам сел на стул у стены.

Опускаясь в кресло, Усманов обратил внимание на чернильницу, полную чернил, и на стопку бумаги. Но перо в ручке было новехонькое, ни разу не использованное. По некоторым приметам нетрудно было определить, что люди в этом кабинете бывают чрезвычайно редко. Раис, по-видимому, большую часть своего времени проводил в поле, а не в правлении, но в кабинете поддерживались порядок и чистота.

Как только они сели, молодой парень внес большой фарфоровый чайник с чаем и две пиалы. Он тоже, как и председатель, прошел в глубь кабинета, минуя ковровую дорожку.

— Товарищ Усманов,— сказал Полвонов,— познакомьтесь, это вожак наших комсомольцев Абдуманнон Хидиров.

Парень застенчиво улынулся, осторожно поставил чайник с пиалами на стул рядом с раисом и, подойдя к Усманову, подал руку.

— Прекрасно, — сказал Усманов, здороваясь с ним. — Много молодежи в колхозе?

— Членов комсомола сто двадцать один, — не задумываясь, ответил парень. — Сейчас готовим к приему еще десять человек.

— А сколько домов в новом кишлаке предназначено молодым?

Парень посмотрел на раиса, как бы ожидая, что на этот вопрос ответит старший, но, видя, что тот как ни в чем не бывало переливает чай из пиалы обратно в чайник, чтобы погуще заварился, сказал с улыбкой:

— Новый кишлак в основном наш, молодежный. Более половины домов предназначены молодым. Двадцать восемь домов.

Он опять посмотрел на раиса: мол, правильно говорю? Перевел взгляд на Усманова, ожидая новых вопросов. Затем разлил по пиалам чай, подал старшим и бесшумно удалился.

Парень понравился Усманову. Когда он об этом сказал Полвонову, лицо раиса озарила улыбка.

— Хороший парень, — согласился раис. — Энергичный, умный. Заочно учится в институте. Он старший в семье... Отец бросил его мать с четырьмя детьми и последовал за какой-то эстрадной певичкой. Сейчас они все на иждивении этого парня. Потихонечку учу. Будущее колхоза им принадлежит...

Усманов по пути сюда продумал предстоящий разговор с Полвоновым, приготовил ряд аргументов в защиту де-вушки-агронома и намеревался начать беседу со слов: «Зачем вы обижаете молодежь, Сатыбалды-ака?» Если не прав, слова эти могут сойти за шутку, а если прав — за серьезный укор. Однако теперь Усманов понял, что раис такого упрека не заслуживает. Этот пожилой уже человек, сам немало лиха хлебнувший за долгие годы председательствования, посвятивший свою жизнь огромному коллективу... нет, не мог он ни с того ни с сего обидеть другого человека. Понял это Усманов и решил говорить откровенно.

— Я вашего агронома привез обратно, Сатыбалды-ака, — сказал он, взглянув ему в глаза.

— Напрасно, — улыбнулся тот.

— То есть?

— Через неделю сама бы вернулась. Не могла она долго от нас... Ведь, как и я, землей бредит. Молодая, а понимает язык земли... Пробыла бы день-другой в городе, пришла бы в себя, поостыла и вернулась бы. Не может она долго прожить без земли.— Полвонов налил в пиалу чаю и задумался.— Землю-то знает, но еще не хозяйка ей. Уменье ладить с нею, голубушкой, приходит с годами, с опытом. А она этого еще не понимает. Шустра больно. А ведь жизнь наша не то что у воробья, что день-деньской скачет по веткам да чирик-чирик... Планов у нее полно, что лепешек в тандыре. Но ни один еще не допекла как следует. А земля не любит спешки... Сама-то она где, здесь?

Усманов сказал, что должна прийти. Полвонов встал и, опять стараясь не наступать на ковровую дорожку, вышел из кабинета. За открытой дверью послышался его бас:

— Ты что тут сидишь? В приемной дожидаются те, кто приходит с какой-то просьбой, и те, кто совершил какой-то проступок.

Через минуту Полвонов вернулся, а за ним вошла и Халида, присела на крайний стул у двери. Раис взял пиалу с чаем, поднес ей:

— Наверно, и не позавтракала еще?

Халида молча приняла пиалу и опустила голову. Полвонов сел неподалеку от нее и, посмотрев на Усманова, развел руками:

— Оказывается, в колхозе Зайниддинова под Ташкентом и зимой растут арбузы, помидоры, огурцы! Зеленый лук прямо с грядок идет конвейером! Эх-хе-хе, — вздохнул раис и после небольшой паузы стал медленно рассуждать тихим хрипловатым голосом: — В колхозе, расположенном близко к городу, конечно, это хорошо. И нужно... Горожанину только подавай овощи. Круглый год. И люди благодарны, и колхозу выгода.

Усманов слушал, не отрывая взгляда от его коричневых лежавших на коленях рук. На этих жилистых руках, словно выпирающие из земли корни дерева, вздулись вены. Эти большие крестьянские руки с длинными корявыми пальцами держали и винтовку, и соху, и перо, и руль трактора. Все умели делать эти грубые руки. Большой палец на левой руке когда-то, видимо, был глубоко порезан ножом или серпом, пожелтевший ноготь на нем свернулся, уподобясь ракушке, и одним краем врос в тело; всякий раз, когда этот палец двигался, почему-то казалось, что раис

держит в руке пятак. Слушал Усманов Сатыбалды-ака и будто разом увидел всю его жизнь, начиная с того времени, когда тот батрачил — погонял пару волов, прокладывая борозду за бороздой на чужой земле, и кончая сегодняшним днем, когда уже руководит огромным хозяйством. И вспомнил своего отца. Они, пожалуй, ровесники. Отец бы, конечно, тоже изменился с годами, поседел бы. Может, и усы бы отпустил. Такие же, как у Полвонова. И его руки тоже были бы такими же крепкими, а лицо коричневое, обожженное солнцем и знойными ветрами. Ну кому было бы худо, если бы он сидел сейчас вот здесь, живой, невредимый? Кому?.. В Полвонове неуловимо проскальзывало нечто такое, что напоминало Усманову отца: то ли задумчивость и грусть в глазах, то ли твердость в голосе, даже когда он говорил очень тихо.

— Мы тоже можем построить парник. А что, разве не можем? — продолжал Полвонов, ни к кому конкретно не обращаясь. — В два раза больший, чем у Зайниддинова, можем построить. Вырастут и арбузы, и лимоны, и помидоры. Даже укроп и петрушка зазеленеют. Но кому все это мы станем продавать? Кому? Для колхозника дорого. А город далеко... По мне, если колхозник в течение двух месяцев не поест свежих помидоров, он от этого не умрет. Давайте лучше увеличим объем заготовок хлопка, будем строить дома с обширными дворами, где у каждого будет свой огород с помидорами и укропом, увеличим производство мяса, молока! Если в доме колхозника один день не будет лимонов, ничего с ним не случится. А вот если молока не будет... У него же дети... Чтобы хорошо трудиться на поле, надо побольше есть мяса. Пусть каждую неделю люди готовят казы¹...

— Нужна и теплица, — все же ввернула свое и Халида, не поднимая головы.

Полвонов резко встал и зашагал взад-вперед по кабинету.

— Согласен. Нужна. Но не сейчас. У тебя терпения нет, Халида. Дехканин не берется за все сразу. Сначала пашет, арыки проводит, а потом уже сеет. Должна же быть последовательность в делах. Колхоз — это не наши с тобой приусадебные участки, чтобы экспериментировать. Надо семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Всему свое время. Ладно, ступай, вчерашние твои дела, я слышал, не закон-

¹ К а з ы — колбаса из конины.

чены, в поле тебя ждут. Об остальном поговорим потом.

Халида бросила быстрый взгляд на Усманова — мол, видели? — и молча вышла из кабинета.

Усманов не хотел возвращаться к их весьма сложным взаимоотношениям. Главное, Халида осталась в колхозе. Полвонов сам ее оставил. А что касается отношений, они у них наладятся. В этом нет сомнения. Видно же, как они друг друга ценят. А это главное. Что еще нужно работающим вместе, имеющим одну и ту же цель?..

Давая понять, что говорить о его споре с Халидой более не намерен, Усманов предложил раису обойти колхозные поля. Полвонов благодарно взглянул на него и встал с места.

— Я тоже хотел просить вас об этом же, Дамир Усманович. Если есть какой-то разговор, то лучше продолжить его на свежем воздухе.

IX

Полвонов сам вел свой газик. Когда кишлак остался позади, он предложил:

— У нас есть чабан, Саидмурад Ишимов. Сейчас он с овцами в кошаре. Как только закончится окот, погонит отары в горы. Я давно обещал побывать у него. Если не возражаете, и вас сведу к нему...

— Едемте, — кивнул Усманов.

Ему было все равно, куда ехать. В период работы в обкоме он в «Шарк юлдузи» бывал не часто и знал его не очень хорошо. Обычно из области наведываются в большие и богатые колхозы или же, наоборот, в совсем уж отсталые и бедные. В первые приезжают похвалить, изучить опыт, ставить в пример другим. Во вторые же — чтобы изучить положение на месте, покритиковать, устранить недостатки... И уже как-то вошло в правило, что о средних хозяйствах говорят мало. Хвалят редко и не критикуют. Пожалуй, у руководителей таких хозяйств на душе всегда легко. Дела идут по плану, ничто не вызывает тревог. И народ живет спокойно, в достатке. И руководители-то этих хозяйств словно на подбор, особого рода. Будто нарочно подобраны. Их всех хлебом не корми, лишь бы оставаться в тени, не привлекать к себе внимания. Никакой тебе нервозности, никаких хлопот. И времени больше для работы, и на сердце поспокойнее, а значит, и здоровье получше. В хозяйстве нет ни суеты, ни путаницы. Что запланиро-

вали, то и сделали. Не спеша, не поря горячку. Ведь главное — итог. А итоги года в конце концов оказываются отрядными. Во всех отраслях. Не обязательно же первыми выполнять план, главное — выполнить. И районное руководство удовлетворено, и колхоз...

Такие хозяйства есть в каждом районе. Районное начальство питает к ним симпатию, но хвалит сдержанно. Впрочем, они и сами не ликуют при похвалах в их адрес. Ведь каждая похвала влечет за собой и какие-то хлопоты...

С тех пор как тридцать лет тому назад Полвонов стал председателем в «Шарк юлдузи», колхоз этот из отсталых сделался благополучным. Но долгое время не заслуживал ни похвалы, ни критики. Он весь стал какой-то чистенький, аккуратненький и напоминал двор, в котором только что тщательно подмели, прибрали перед приходом гостей. Ни соринки, которая может попасться на глаза и умалить достоинство хозяев.

Усманову еще в то время было известно, что многие председатели передовых колхозов не любят Полвонова, но в душе ему завидуют. Вот, мол, устроился: хозяйством управляет ого каким, а все время в тенечке! И их понять можно: в районе и в области многие постановления принимаются на основе опыта передовых хозяйств, а это, в свою очередь, возлагает дополнительные заботы не на средние или отсталые хозяйства, а именно на передовые. Проверка выполнения этих постановлений опять же начинается с передовых хозяйств. А Полвонов все время оставался вне этих соревнований и как бы усвоил роль стороннего зрителя. Но так конечно же казалось только несведущим. По сути дела, постановления четко выполнялись и в средних хозяйствах, но без стремления вырваться вперед. «Нельзя быть острием колышка, — рассуждал иногда среди близких ему людей Полвонов. — Вгонят в землю. Нельзя быть и верхом колышка, — будут бить по голове. Лучше всего быть серединкой...» Поэтому или по другой причине среди председателей за ним закрепилось прозвище Философ, произносимое ими в разговоре между собой несколько иронически, но и не без доли уважения. Полвонов знал о своем прозвище, но, по обыкновению, прикидывался незнающим.

Как-то речка Бадамсай после обильных весенних дождей вышла из берегов и затопила поля. Во многих хозяйствах погибли всходы хлопчатника. Пришлось пересевать заново. Но в большинстве хозяйств, даже в передовых, не

осталось семян. Они вынуждены были обратиться в область за помощью. А Полвонов не просил. Земли его расположены ближе других к Бадамсаю, а он не просит. Многие райсы что ни день в райкоме, у них просьба за просьбой, а Полвонов не появляется. Тогда Бурханов здорово на него рассердился. «Какого черта медлит опять!» — подумал он и сам позвонил в колхоз.

— А-а, товарищ Полвонов, что-то вас не видно?! — В дурном настроении он обычно переходил на официальный тон. — Вам, наверное, не нужно семян? Или там у вас не было потопа?

— Был, — буркнул Полвонов. — Мы же сообщили, сколько гектаров будем пересевать.

— А почему за семенами не едете? Или, может, сам райком должен вам доставить их? — сыронизировал Бурханов.

— Семян у нас достаточно, — спокойно ответил Полвонов. — Мы подсчитали и нашли, что просить не стоит. Даже еще останется.

— Сколько? — быстро спросил Бурханов, забыв о досаде.

— Килограммов двести. Сорта «Ташкент-два».

— Ну и молодчага! — воскликнул с удовлетворением Бурханов. — Может, с соседями поделишься, а?..

— А что ж, и поделюсь. Взаимообразно...

После этого Бурханов на нескольких собраниях хвалил Полвонова как «бережливого хозяина».

О бережливости Полвонова знали все. Находились и люди ехидные, считавшие его скорее скаредным, чем бережливым. И немудрено. Кое-кто из председателей это качество Полвонова, говорят, испытал на себе. А одно из происшествий стало даже притчей во языцех, и о нем нередко рассказывали в узком кругу в качестве анекдота.

Колхоз «Правда» владел в горах большими участками земли, богатыми травой. Но технике туда было не пробраться, и эти участки каждый год оставались нескошенными. Об этом прознал Полвонов. Договорился с председателем и, купив сено на корню за бесценок, скошил его...

А зима в тот год выдалась суровой, с гор долгое время не сходил снег. Лошади, коровы, овцы остались без кормов. И тогда председатель колхоза «Правда» уплатил Полвонову в десять раз дороже за то самое сено, что продал ему за бесценок.

То ли в свое время сыграла свою роль похвала Бурханова, то ли всякие были и небылицы, передаваемые из уст в уста, принесли популярность Полвонову, то ли, как говорится, пища из казана попала наконец в половник, но последние пять лет «Шарк юлдузи» числится в ряду знаменитых. А три года тому назад Полвонов получил Золотую Звезду Героя...

Усманов до этого знал о Полвонове больше понаслышке. Прежде не доводилось соприкасаться с ним вплотную, не беседовал по душам, как вот сегодня. Однако первая же встреча со знаменитым райсом, неожиданно раскрывшиеся перед Усмановым его душевная мягкость и щедрость, мудрые отцовские наставления в беседе с Халидой пробуждали к нему доверие и симпатию.

Зная, что человек, подобный Полвонову, ничего не делает так просто и каждый его шаг продуман, рассчитан, Усманов спросил, имея в виду чабана:

— У вас к нему дело?.. Все там у него благополучно?

— Благополучно, — ответил Полвонов почти равнодушно. — Давно не виделись. А сам, если нет ко мне серьезного дела, ни за что не придет. Вот и решил проведать. Хороший человек и чабан отменный... — Полвонов задумался, нахмурил брови. — Но не везет ему...

— Почему? — удивился Усманов.

— Уже пять лет подряд выдвигаем его на звание Героя — не проходит. Не проходит, и все. Дают Почетную грамоту. Даже многие из тех, кто имеет куда более низкие показатели, уже давно ходят в Героях. А у него даже медали нет... Все грамоты да грамоты.

— А вы узнавали причину? — поинтересовался Усманов.

— А то нет... — Полвонов умолк, завидев впереди медленно ползущий навстречу бульдозер. Остановив машину, высунулся из кабины и раздраженно спросил у совсем юного бульдозериста: — Ты еще только едешь?

Чумазое лицо паренька расплылось в улыбке.

— Возвращаюсь. Все закончил. Теперь еду в бригаду к Мамаду-ака.

— Молодец! — похвалил Полвонов и, тронув машину, сразу поддал газу. — Суюнбай, сын тракториста. Отличный парень. Недавно вернулся из армии. Осенью женим. — Он сделал небольшую паузу, углубившись в собственные мысли, затем посмотрел на Усманова. — Узнавал. Но, кажется, все бесполезно... Дамир Усманович, я слышал, что вы историк, так скажите мне... Уже тридцать лет, как

кончилась война. Почему в некоторых вопросах до сих пор нет ясности?

— Что вы имеете в виду?

— Взять хотя бы пленных... Ведь иногда люди оказывались в плену после ранения. А наш Ишимов Саидмурад... С ним так было. Во время боя рядом разорвался снаряд, и его засыпало землей. Очнулся, а вокруг немцы... Друзья видели, как его засыпало, решили — погиб. Домой пришла похоронка, справили поминки. А он, оказывается, не погиб. Бежал из плена и партизанил. В Югославии. Ему до сих пор оттуда письма приходят. А мы... До каких пор будем унижать этого человека, мол, «был в плену»? Он же герой! Или я не прав?

Усманов не ответил. Есть очень сложные вещи, которые двумя словами не объяснишь. Рассказ раиса об Ишимове опять напомнил ему об отце. Усманов знал по именам группу реабилитированных. Некоторых освободили еще в годы войны и направили на фронт. Кое-кто вернулся после победы домой. Некоторые на пенсии, а некоторые и поныне трудятся. Он перебирал в памяти имена этих людей, живых, здоровых, стараясь представить их лица, и как-то тоскливо защемило сердце из-за того, что нет среди них отца. Наверное, отец предпочел бы погибнуть на фронте, подумал Усманов. А если бы на его долю выпала судьба Ишимова, он считал бы себя счастливым.

— Дети у него есть? — спросил Усманов.

— У Саидмурада? Был. Сын... — ответил Полвонов, сосредоточенно глядя на проселочную дорогу, где то и дело попадались рытвины, вымоины, и ловко крутя баранку. — Погиб. В армии. Пограничником служил. Два года прошло.

Если бы отец оказался случайно в плену, то и там, за колючей проволокой, продолжал бы сражаться с врагом. Усманов в этом не сомневался. Тогда почему же нельзя поверить Ишимову? Допустим, у него нет свидетелей, никто не видел, как он попал в плен. Но ведь вся дальнейшая жизнь Ишимова говорит о том, что он не сложил оружия. Десятки людей знают, как самоотверженно он дрался с фашистами. Пусть в Югославии, пусть среди партизан. Не все ли равно... Если мы станем перед необходимостью каждый свой поступок объяснять с помощью свидетелей, какая же это будет жизнь? И если не верить одному, то почему можно верить другим, свидетелям?..

Целый рой противоречивых мыслей носился, кружась

и путаясь, в голове Усманова. Он задавал себе вопросы и искал ответы, спорил с собой.

Правильно, сложный это вопрос — плен. Были же случаи, когда изменники, пользуясь отсутствием свидетелей их предательства, жили себе долгое время припеваючи. Но как отличить честного человека от подлеца? А отличить надо. Нельзя, чтобы невинный человек страдал всю жизнь.

Усманову припомнился один давний случай. Он тогда учился в институте. На четвертом курсе уже в конце сессии ректорат объявил, что пятеро лучших студентов во время каникул могут отправиться в путешествие вокруг Европы. Желаящие должны обратиться в комитет комсомола. Желаящие тут же нашлись...

В группе, где старостой был Усманов, учился Мухамед Мирзоев, немногословный, нелюдимый парень, был одним из самых лучших студентов. Так вот, он грустно посмотрел на товарищей и сказал, мол, тоже поехал бы, но ему не разрешат. Все удивились: как не разрешат? Почему? «Отец...» — только и объяснил он. «Ты сначала оформи документы и сдай, а потом узнаешь, разрешат или не разрешат», — посоветовали ему сокурсники.

Мирзоеву разрешили поехать вместе с другими, даже никаких разговоров не было об отце.

«Может, и сейчас такой же случай?» — подумал Усманов и спросил:

— А документы оформлялись правильно?

— Хе!.. — хмыкнул Полвонов. — А то неправильно! Тысячу раз проверяли. Я лично сам проверял. Последние даже собственной рукой заполнил. Как только документы доходят до Бурханова, дело сразу и стопорится. Так было и в позапрошлом году, и в прошлом...

— Что говорит Казим Бурханович?

— Да то самое, что я вам! Был, мол, в плену... А разве он нарочно в плен попал? Даже те, что из-за трусости сдавались, вернулись кроткие, как овечки, раскаялись и живут себе спокойненько. А Саидмурад ни в чем не виноват. Я верю каждому его слову, всему, что он рассказывает, еще и письма его боевых друзей-югославов читал!.. Вот сейчас увидите его и сами поймете, какой это человек. Ведь у людей по лицу видно, могут они лгать или нет...

— Да, поговорить следует, — согласился Усманов.

И подумал, что, если человек незаслуженно страдает уже годы, значит, не встретил никого, кто пожелал бы ему

помочь. А может, и не искал, разуверясь в успехе, в людях. Разувериться легко, куда труднее вновь обрести веру в добро. Усманов это знает. По себе знает и по матери своей. Помнит, будто вчера это было, как мать, обливаясь слезами, ходила из одного учреждения в другое, стучалась то в одну дверь, то в другую, и нигде никто не желал ее выслушать. Сердце у нее и у сына отвердело, стало каменным. Немало весен минуло, пока оно отмякло, ожило. С тех пор, конечно, многое переменилось, и все же трудно было им поверить опять в доброту людей. Очень трудно... А сейчас многое зависит от него самого, чтобы люди никогда не теряли этой самой веры.

— Военный комиссар знает? — спросил он.

— Знает, — кивнул Полвонов. — Да что он может сделать? С военной точки зрения документы Саидмурада в порядке. А вот... Раза два мы хотели послать его в Югославию на встречу бойцов Сопротивления, он сам не пожелал. «Зачем беречь старую рану?» — говорит. Я и не стал настаивать... А после гибели сына как-то сразу постарел, осунулся, хотя и старается держаться молодцом. В горах и живет, в работе старается забыться, в ней утешение ищет. А работа его, скажу я вам, заслуживает всяческой похвалы... Скрывать мне от вас нечего, вы и сами, наверное, знаете, что в некоторых хозяйствах в Герои заранее «готовят» то одного, то другого. Создают им условия, чтобы они смогли показать себя. Может, эти самые «герои» и поднимают авторитет хозяйства, не знаю. Однако Саидмурад, даю вам слово, настоящий герой! Немнимый. Истинный герой труда!.. Может, раз в год ездит в город, два-три раза в кишлак, а все остальное время то в горах, то на луговых пастбищах. Если мы не в состоянии по достоинству оценить работу такого человека, то чей же труд мы можем приводить в пример другим? Что скажут люди, глядя на нас? А молодежь?.. — Полвонов изучающе посмотрел на сидящего рядом Усманова и умолк на целую минуту. Лобовое стекло покрылось тонким слоем пыли, и сквозь него с трудом можно было различить дорогу; впереди виднелись горы; по мере приближения к ним они росли прямо на глазах, все четче проступали из марева. Полвонов дорогу знал хорошо и ехал, почти не сбавляя скорости. Он еще раз мельком взглянул на соседа и проговорил извиняющимся тоном: — Простите меня, Дамир Усманович, при первой же встрече я затеял этот трудный разговор. Не горит, могли бы поговорить и позже...

— Ничего,— сказал Усманов хмуро.— Хорошо сделали, что рассказали... Если и впредь мы с вами будем столь же прямыми и откровенными, то дела наши пойдут хорошо. Я займусь этим вопросом, обещаю. Попытаюсь помочь Саидмураду-ака. Вы очень правильно заметили: если мы не научимся правильно оценивать труд людей, то можем поколебать их веру в справедливость.

Машина, надсадно подвывая, преодолела подъем, и, когда стала спускаться с холма, впереди открылась зеленая долина, разделенная надвое голубой извилистой полоской речки, начало которой терялось далеко в тумане, у подножия гор. Неподалеку от речки как на ладони виднелись два выложенных из камня загона для овец и приземистое жилище чабанов с плоской крышей, на которой уже цвели маки.

Около одной из кошар стоял кокетливого вида ярко-желтый микроавтобус с антенной.

— Кажется, приехали? — спросил Усманов, расправляя затекшие ноги.

— Приехали,— ответил Полвонов.— Интересно, кто еще пожаловал сюда? Какая-то машина...— И тут же, вспомнив, шлепнул себя по лбу.— Да это же из Ташкента! Из телевидения.

Подогнав газик почти вплотную к микроавтобусу, Полвонов выключил зажигание. Они вышли из машины и стали отряхивать с себя пыль. По виду раиса, оглядывающегося по сторонам, было заметно, что он в некотором недоумении, что их никто не встречает.

Перед входом в хижину стояло пять или шесть человек. Они были явно чем-то расстроены. Седой молодежавый смуглый мужчина в джинсовом голубом костюме отделился от группы и направился к председателю.

— Ну как вы тут, братец? Работа подвигается к концу? — спросил Полвонов, здороваясь с ним за руку. И, не дожидаясь ответа, представил его Усманову: — Знакомьтесь, Дамир Усманович, режиссер из столицы Гафуров...

— Вообще-то дела закончены,— сказал режиссер и иронически усмехнулся.— Но вот... Остался всего один кадр. А Саидмурад-ака не соглашаются сниматься... Осерчали немножко...

— Из-за чего? — удивился Полвонов.— Где сам Саидмурад?

— Там,— кивнул режиссер в сторону хижины и, не скрывая досады, пожаловался: — Битых два часа упра-

шиваем, а он не выходит. Не желает, и все тут! А кадр-то главный!.. Знаете какой? Символ! Основная идея произведения! Столько средств уже затрачено, а он хочет все испортить...

— Что, что? Какой символ? — поморщился Полвонов. — Что за кадр?

Режиссер плавно провел рукой вдоль горизонта, будто наносил кистью изящный мазок на полотно:

— Представьте себе — раннее утро. Солнце только что выглянуло из-за гор и протянуло к земле первый ласковый луч. На просторах бескрайних полей вот-вот начнутся работы. А для чабана рабочий день уже начался раньше. Чабан гонит бесчисленные отары овец навстречу солнцу, навстречу алой заре. И отары словно бы выходят из утренней тени, из облака пыли на свет. Представили?

— Ну, ну, — кивнул внимательно слушавший Полвонов.

— Этот кадр, — с чувством продолжал режиссер, — должен быть в начале и в конце фильма. Так написан сценарий.

— А почему же он не соглашается? — быстро спросил Полвонов, кивнув на занавешенную рогожей дверь хижины.

— Да, знаете ли, несостоящее происшествие, — махнул рукой Гафуров, изобразив на лице кислую мину.

Режиссер чем-то не понравился Усманову. Наверное, из-за высокомерия, что ли, из-за пренебрежительного тона. Усманов отошел в сторонку, незаметно разглядывая столичных гостей. Помощники режиссера тоже одеты модно. Двое с густыми бородами, в темных очках. У одного подвитые волосы до плеч. Режиссер, пожалуй, среди них старший по возрасту. Остальные молодые, наверное, недавно окончили школу. Стоят, сгрудившись в кучу и опустив головы, словно дети, совершившие нехороший поступок, изредка с тревогой поглядывают в сторону председателя. Видимо, здесь что-то произошло.

— Несостоящее дело, ей-богу! — говорил Полвонову режиссер, проходя мимо Усманова. — Скажите ему, еще один кадр. Всего один!..

— Лжет он, лжет!.. — Из хижины выбежал мужчина лет пятидесяти в чапане, подпоясанном платком, Он был такой же высокий и сухощавый, как Полвонов, крепкий и жилистый. Усманов сразу догадался, что это и есть Саидмурад Ишимов. — Ложь! — повторил Ишимов. — Стал бы я с ними из-за несостоящего дела браниться!

«Вот видите? Что я говорил!» — словно бы хотел сказать режиссер, обернувшись к Усманову и разведя руками.

— Ассалом алейкум! — поздоровался Ишимов с раисом, а потом шагнул к Усманову.

Пожимая его жесткую горячую руку, Усманов почувствовал, что она слегка дрожит. Что же могло так расстроить этого человека?

— Что случилось, Саидмурад? Все ли в порядке? — спросил Полвонов.

— Где там порядок! — махнул рукой Ишимов. Он был бледен, губы дрожали. — Застрелили моего Куктая. И зачем только вы их послали ко мне, Сатыбалды-ака? На что мне их кино! Я остался без любимого пса! Эх-х!..

— Когда? Зачем застрелили? — ничего не понимая, спросил Полвонов, но волнение чабана передалось и ему.

— Откуда я знаю — зачем! Застрелили, и все. А я, душень, еще принес им свою двустволку! Если б знал, зачем она им, гнал бы самих до самой границы колхоза!.. Вот этот подал знак, — Ишимов показал рукой на режиссера, — а вон тот, с бородой, вон он стоит отвернувшись... Эй, выйди сюда, не скрывай лица! Вот этот, с бородой, застрелил! Нужно, мол, для кино! На черта мне такое кино, которое так снимается! Я же не отдал эту собаку Юсуфали даже за коня и двадцать баранов! А эти... Не киношники они, а фашисты!

— Думайте, что говорите, Саидмурад-ака! Зачем понапрасну оскорбляете? — возмутился режиссер, и его оттопыренные уши стали пунцовыми. — Искусство требует жертв. Подумаешь, пес издох! Зато сами остались в истории. Надо же это понимать!

— Я остался без собаки! Ты это понимаешь, глухая башка?

— Успокойся, Саидмурад, — мягким голосом заметил Полвонов. — Нельзя же так разговаривать с гостями.

— Не можете ли объяснить, почему искусству потребовалась такая жертва? — спросил Усманов у режиссера.

— Сейчас все расскажу, — охотно согласился тот, явно заботясь о том, чтобы избежать скандала. — Только вы, товарищ Ишимов, помолчите, не перебивайте. Так вот, уже прошло три дня, как мы приехали в колхоз. Не потехи ради, а работать. У нас командировочные, в которых черным по белому написано, чтобы нам оказывали содействие...

Сатыбалды-ака еще год назад сказал: «Если хотите сделать передачу о нашем колхозе, то у меня есть замечательный чабан». И попросил снять его. Мы не забыли, приехали. По просьбе самого председателя. И вот уже трое суток днюем и ночуем тут. В процессе знакомства с Ишимовым появилась идея создать о нем документальный фильм. Чабан он действительно что надо! И, оказывается, убил более пятнадцати волков!.. Мы отсняли его с овцами и на склонах гор, и в кошаре, и как он новорожденных ягнят принимает. В общем, можно сказать, все его дела теперь на ленте. Остался единственный эпизод. Мы приступили к его съемкам сегодня утром. Эпизод такой... — Режиссер выхватил из нагрудного кармана джинсовой куртки сложенные вчетверо листки бумаги и, развернув, начал читать: — «Светает. Саидмурад-ака еще в постели...»

— Да когда это было, чтобы я нежился в постели, если уже светает?! — пришел в негодование чабан.

— Да погодите вы! — махнул рукой режиссер, не отрывая взгляда от бумаги: — «...Внезапно залаяла собака, овцы в страхе заметались, заблеяли. Саидмурад-ака вскакивает с постели. В руках у него двустволка. В кошару забрался волк...» — Режиссер на мгновение поднял голову, чтобы взглянуть на председателя и Усманова. — Это по сценарию. Сценарий я сам написал. В таких вот условиях приходится иногда заниматься творчеством. «Чабан стреляет и убивает волка. Остальная стая разбегается...»

— Разбежится тебе стая волков с одного выстрела!.. — проворчал Ишимов. — Да будь он проклят, этот твой эпизод! Где я найду такого пса? Не я чабан, а Куктай был чабаном!

— Позвольте вы мне закончить? — раздраженно огрызнулся режиссер. И, повернувшись к Усманову, уже спокойнее продолжал: — Конечно, пес и в самом деле был завидным. Тысячу сожалений. Ну что поделаешь... Где мы нашли бы волка? Я понимаю, вы скажете, могли бы взять в зоопарке, но сколько бы мы потеряли драгоценного времени? А у нас минуты на счету, дел невпроворот. К тому же Куктай издали смахивал на самого настоящего волка. Мы и решили воспользоваться этим — дать псу роль волка. Конечно, Саидмурада-ака мы не предупредили. Зачем, если заранее знаешь, что человек не поймет и ни за что не согласится. Мы же сами интеллигентные люди, видим... Нет-нет, эпизод получился вполне реалистическим.

Крупным планом мы сумели отснять гибель волка. Искусство должно убеждать! Иначе какое же это искусство? Собака погибла, зато мы имеем прекрасный реалистический фильм.

— Значит, вы считаете, что поступили правильно? — спросил Усманов.

— Несомненно! — ответил режиссер. — Например, немецкие документалисты побывали в Чили. Они палачей, пиночетовцев...

— Да, видели по телевизору, — перебил его Усманов. — Однако у них задачи были иные, и они действовали, сообщаясь с обстановкой...

По блестящим и холодным, как стекло, глазам режиссера Усманов понял, что спорить с ним бессмысленно, и после короткой паузы спросил:

— Когда мы увидим фильм?

— Весной. Весной выйдет на экран. Если мы сегодня доснимем последний кадр...

— Хватит! — прервал его Ишимов. — Тут нет глупцов сниматься в твоём кино. Собирай свои манатки и катись отсюда!.. Я простой человек, товарищ Усманов. Говорю, что думаю. Если мы будем снимать кино всякий раз с жертвами, то зачем оно нам? Как же я буду смотреть этот фильм? Все время перед глазами будет мой пес! Как же я после этого взгляну в глаза людям? Разве не скажут они: «Вон тот человек, который ради того, чтобы сняться в кино, убил свою любимую собаку!»?

— Да-а, хороший был пес, — с огорчением произнес Полвонов и вздохнул. — Саидмурад взял его у одного своего друга в Казахстане. Договорились в письмах, а потом специально съездил. Такие псы редко встречаются, Дамир Усманович. Одолевал любого волка. Тут упомянули, что Саидмурад убил более пятнадцати волков. Но Саидмурад только десять застрелил. И тех бы, может, не выследил, если бы не учуял пес. Остальных Куктай сам задушил... Эх, братец, разве нельзя было как-то иначе, чтобы не убивать?

— Можно было! — громко и зло крикнул один из помощников режиссера, стоявший в стороне. — Не обязательно было показывать агонию собаки! Это же фильм не о волке, а о чабане. Я говорил...

Режиссер неприязненно покосился в его сторону и, отвернувшись, иронически усмехнулся:

— Простите его, молод еще. Не знает, что такое под-

линное искусство. В последний раз спрашиваю, Саидмурад-ака, будете сниматься или нет?

— Не буду! — упрямо повторил Ишимов.

Режиссер пожал плечами и посмотрел на раиса:

— Может, вы убедите?

— Этот человек говорит только раз. Коль отказался, теперь не согласится, — ответил Полвонов, отводя в сторону хмурый взгляд.

— Поехали! — крикнул режиссер, махнув своим парням рукой, и, заметив, что Усманов отошел в сторону, попрощался только с раисом: — Фильм будет отменный. Весной привезу.

Через несколько минут микроавтобус уехал, оставив после себя запах выхлопных газов и облачко пыли над дорогой. Ишимов, поостыв, опомнился и теперь стоял с опущенной головой, не произнося ни слова, испытывая горький стыд оттого, что к нему пожаловали почетные гости, а он при них учинил скандал. Раис и Усманов понимали его состояние и тоже молчали. Если бы эти киношники приехали снимать не Ишимова, а кого-нибудь другого, Полвонов сделал бы так, что в следующий раз они бы забыли сюда дорогу. А фильм про Ишимова, лучшего чабана колхоза, все же следует закончить... Только ради этого и сдержался раис, хотя внутри все у него кипело, постараясь спровадить киношников по-доброму, по-хорошему.

С этим молодежавым седым режиссером Полвонов знаком давно. Лет десять назад, на Празднике урожая в Ташкенте, брал он у Полвонова интервью, а вечером они сидели вдвоем в «люксе» гостиницы и смотрели эту передачу по цветному телевизору. Передача Полвонову понравилась. Тогда он и пригласил режиссера в колхоз. Вскоре тот прибыл с тремя товарищами; они отдохнули с недельку и укатили обратно. С той поры, как только планируется в телестудии передача из Бадамсая, Гафуров всякий раз приезжает в «Шарк юлдузи». Полвонов старается, делает все, чтобы он остался довольным и возвратился как с праздника... А в прошлом году в очередной его приезд раис ему поведал об Ишимове. Попросил, чтобы тот подготовил о нем передачу. Верно, сам попросил.

Потому Полвонов и сдержался. Не то бы...

А Усманов в душе недоумевал, почему председатель так мягко обошелся с режиссером и даже, провожая, пригласил, кажется, приехать еще раз. Зачем он ему, этот человек, весьма и весьма далекий от настоящего искусства?

Очевидно же, что такой мастер никогда не сумеет создать стоящего фильма. Даже чабан Ишимов сразу это понял. А раис на что-то надеется?.. Что и говорить, не всегда искусству служат истинные художники. Но этот человек с благообразным лицом на глазах у всех совершил аморальный поступок, мотивируя его законами искусства. Законами! А это уже страшно.

— Не огорчайтесь, Саидмурад-ака, — сказал Усманов, положив ему на плечо руку, — у меня в Казахстане много знакомых. Я думаю, мы вам найдем хорошего пса...

Слова секретаря рассеяли воцарившуюся неловкость.

— Конечно, найдем! — подхватил Полвонов.

— Извините. Я немного погорячился, — виновато пробубнил Ишимов, не поднимая головы.

— Но вы правы, — сказал Усманов.

Ишимов поднял на него недоверчивый взгляд, как бы стараясь определить, действительно ли секретарь так считает или только успокаивает.

— Вы правы, — повторил Усманов. — Пес для чабана — самый близкий друг.

— Да, да, товарищ Усманов, — оживился Ишимов. — Как мне не злиться, когда он этого не понимает! А еще режиссер! Хотя что же это я опять? Идемте в наше жилище. Добро пожаловать. Очень хорошо, что вы приехали. — Быстро приблизясь к двери хижины, он отвел в сторону рогожу. — Прошу вас. Давеча зарезал маленького барашка, в казане варится. Ваши тещи, наверное, любят вас. Присаживайтесь на курпачи¹. Сейчас я сам и дастархан растелю, и чаю заварю. Жену отправил верхом в кишлак за продуктами. Вот-вот начнется окот, дел навалится столько, что некогда будет и лепешек испечь...

— Хороший ожидаете приплод? — поинтересовался Усманов, сев на курпачу рядом с раисом.

— По сто сорок ягнят на сотню маток, думаю, получим.

Полвонов довольно улыбнулся, погладил усы и посмотрел на Усманова — дескать, я же говорил!..

¹ Курпача — тонкий матрас.

По пути в кишлак их настиг вечер. В потемневшем небе почти одновременно вспыхнули мириады звезд. Полвонов включил фары. Дорога была неровной, и яркий сноп света то припадал к земле, то взметался кверху, выхватывая из тьмы одинокие кусты за придорожными кюветами, деревья, покатые бока зеленеющих холмов. Прямо у передних колес тенью мелькнул через дорогу то ли шакал, то ли бродячий пес. На переднем щитке фосфоресцировали приборы. Тихо и успокаивающе играла музыка. Оба молчали. Ночные поездки, когда вокруг одна только мгла и не на чем остановиться взгляду, всегда располагают к раздумьям. Полвонов, видимо, уже обдумывает свой завтрашний день. И не только свой, а большого трудового коллектива.

А Усманов находился под впечатлением разговора с Ишимовым. Он действительно, как и говорил Полвонов, оказался человеком незаурядным. Вначале, правда, чувствовал себя скованно, избегал разговора о своем прошлом. Но потом, кажется, проникся к Усманову доверием и за чаем поведал ему обо всем, что некогда пережил.

Летом 1943 года Ишимов попал в плен...

Взвод сержанта Саидмурада Ишимова держал оборону на подступах к Белгороду. Еще в начале боя Ишимова ранило в левую руку и голову, но он не ушел с позиции и продолжал командовать бойцами. Решил стоять насмерть, пока не получит приказа об отходе на вторую линию обороны. Но такого приказа не поступило. Прорвавшиеся немецкие танки проутюжили их окопы по нескольку раз; лязгая гусеницами и сминая края траншей, проползли над головами бойцов и помчались дальше. Из взвода в живых осталось всего трое. Не успели они прийти в себя, в траншею как горох посыпались фашисты. Наши бойцы отбивались штыками, прикладами, лопатками. В нескольких шагах от них громыхнул взрыв, разметало землю. Ишимов лишь почувствовал, будто кто-то сильно толкнул его в спину... Так он оказался в плену. Его отправили в Германию. Через некоторое время, отобрав наиболее крепких из пленных, немцы повезли их в Югославию. По пути, уже в Черногории, Ишимову удалось бежать. Много дней он скитался в горах, нередко падая и теряя сознание от истощения, и, наконец, отыскал партизан. И уже до конца войны сражался в составе интернациональной партизанской бригады. Ишимов возглавлял

диверсионную группу и среди товарищей был известен под кличкой Черный Миша...

Весной 1946 года Ишимов вернулся на Родину. Командир партизан, прощаясь с ним, подарил ему свой пистолет. С надписью. Ишимов как-то слышал, что этот пистолет сейчас хранится в музее Министерства обороны. Правда или нет, кто его знает. Ишимов сам не видел. Некогда поехать взглянуть, все дела и дела. Но фамилию своего командира помнит. Антонов-Ристич. Он уже генерал-лейтенант. В прошлом году с группой югославских военнослужащих приезжал в Москву. Ишимов читал об этом в газете...

Этих сведений, думается, достаточно, чтобы заняться делом Ишимова. Правда, Усманов ничего ему не обещал, но уезжал с твердой уверенностью, что предпримет все необходимое.

Перед правлением колхоза стояла, дожидаясь его, райкомовская бежевая «Волга». Усманов отказался от приглашения Полвонова зайти в правление.

— Благодарю вас, — сказал он, прощаясь. — Вы познакомили меня с интересным человеком. К его судьбе нельзя оставаться равнодушным...

— Я и говорю! — обрадовался Полвонов. — Ему надо помочь... Я был уверен, Дамир Усманович, что вы ему можете. Отца вашего я знал. Он не проходил мимо чужой беды... Когда я осиротел, меня, мальчишку с шестиклассным образованием, послал на курсы бухгалтеров. Заставил учиться. Разве я это забуду?.. Добро не забывается. Такова жизнь. Все можно забыть: и боль, и горе, а добро — нет. Я рад, что вы приехали в наш район, я бы сказал — вернулись. Желаю всяческих успехов, Дамир Усманович.

— Рахмат.

Испытывая искреннюю признательность к этому внешне суровому, но очень доброму и сердечному человеку, Усманов коротко пожал ему руку и сел в машину.

Проезжая через новый кишлак, он невольно посмотрел в сторону дома, который Халида назвала своим. Из окон ярко лучился свет. «А что, если неожиданно пожаловать в гости?» — подумал он и сам устыдился своих мыслей. Нет, не знает она толком Сатыбалды-ака. Столько работает с ним, а не знает. Иначе сработалась бы... Как часто люди рука об руку проходят через всю жизнь, а не понимают

души друг друга! Встречаются каждый день, разговаривают, занимаются одним делом, а души друг от друга на замке. А может, просто не стараются подобрать ключики?.. Какой огромный мир открылся бы в каждом из людей! Об этом ему хотелось сейчас сказать Халиде. Ладно, как-нибудь в другой раз... Чем-то эта девушка напоминает Хафизу. Интересно, что сейчас делает Хафиза? Скорее всего названивает ему по телефону. Он посмотрел на часы и обернулся к водителю:

— Прибавь-ка газу, братец.

Позавчера поздно вечером, идя по коридору, он услышал, как надрывается в его номере телефон. «Голос у тебя усталый. Трудно, да?» — справилась Хафиза после того, как они расспросили друг друга о самочувствии. Он перевел разговор на другое. Мужчина не должен жаловаться женщине на трудности. Конечно же нелегко ему. А то как же. Ответственность за целый район не мешок на плечах. Тут физические силы еще не всё. Тут в тебе еще и какая-то другая сила должна быть. Жизнь человека, ответственного за большое дело, никогда не бывает легкой. А тут люди. Они очень разные. К каждому надо иметь ключик. Сегодня день удачный. Сегодня он встретился с хорошими людьми, и на душе от этого легко. Полвонов, Ишимов, Халида... Нет, с ними ему не будет трудно. И таких, наверное, в районе немало. Он только должен найти их. Он должен знать, чем живут эти люди в районе, их горести и радости и по возможности помогать. Тогда и они ему всегда помогут. Тогда легко будет поднять район, люди сами будут поднимать его...

В райкоме, кроме дежурного, уже никого не было. Заведующий отделом сельского хозяйства Назир Каримов сидел в приемной и, увлекшись, что-то писал, потому не сразу заметил появление первого секретаря. Он был примерно одних лет с Усмановым. Прежде работал агрономом в колхозе у Хаитбая-ака. Бурханов год назад освободил его от должности и перевел в райком. Усманов давно собирался у него порасспросить, почему он ушел из колхоза, да все было как-то недосуг.

— Порядок? — спросил Усманов, входя.

— Порядок, Дамир Усманович, — ответил Каримов, поднимаясь с места.

В помещении было накурено. На столе лежали исписанные листы бумаги, стояла пепельница, полная окурков.

— Чем-то заняты? Я не помешал? — спросил Усманов, кивнув на бумаги.

— Нет, совершенно!.. — смутился Каримов и одним из листов накрыл пепельницу. — Кое-какие записи... Остались еще со студенческих лет...

Было заметно, что ему не хочется вдаваться в подробности. И Усманов проследовал в свой кабинет, оставил там свой блокнот и вышел.

— Будут какие-нибудь поручения, Дамир Усманович? — спросил Каримов.

— Нет, — улыбнулся Усманов, — можете заниматься своими делами. — Однако у дверей он обернулся: — Вы знаете чабана Ишимова? Саидмурада Ишимова?

— Из «Шарк юлдузи»? Знаю.

— Завтра покажите мне его документы.

— Хорошо. Они у меня.

— До свидания. В случае чего я в гостинице.

Усманов уже спускался по лестнице, когда его догнал Каримов:

— Дамир Усманович! Извините, забыл сказать, вас спрашивала одна женщина.

— Женщина?

— Говорит, была у вас на приеме. Очень благодарила...

— Кто же это?

— Карамонова. Она, скорее всего, и сейчас все еще ожидает вас в гостинице. Говорит, у нее важное дело. Мне не сказала. Мол, только лично...

«Что там у нее еще стряслось?» — подумал Усманов, вспомнив могучую жену «спесалиса» и испытывая неловкость, что так и не смог выполнить обещания и поговорить с ее мужем.

Подъезжая к гостинице, он увидел крупную фигуру Карамоновой, прохаживавшейся по тротуару у подъезда, заложив руки в рукава бархатного жакета. Как только он вышел из машины, лицо ее расплылось в улыбке и она устремилась к нему навстречу. Но, вдруг застыдившись, остановилась:

— Ассалом алейкум, товарищ Усманов! Сказали, что вы приедете поздно, а вы совсем рано!..

— Здравствуйте. Что же не подождали в райкоме? — спросил Усманов, зная, что женщина ожидала давно и, по-видимому, озябла.

— В райкоме мне теперь нечего делать, товарищ Усманов. Тысячу раз спасибо вам! — сказала Карамонова, сверкнув глазами. — С тех пор как я вам пожаловалась,

ваш зять стал тише воды и ниже травы, ласков, как теле-нок, спокоен, как ягненок. Минута в минуту уходит на работу и минута в минуту приходит. Куда там выпить водку, провалиться ей, даже минеральную воду в рот не берет! Все сам делает дома. И даже, скажу я вам, товарищ секретарь, — она перешла на шепот, косясь на входную дверь, — ...и постель сам стелет. Я стала жить как молодая жена, только вчера пришедшая в дом мужа.

— Видите, как славно, я очень рад, — сказал Усманов, сдерживая улыбку. — Понял, значит, свои ошибки?

— Еще как понял, товарищ Усманов! Теперь прислушивается к каждому моему слову. Позавчера я приготовила острую-преострую мاستаву¹, сидим ужинаем, а он мне и говорит: «Одну вещь я понял, жена: мужчину может возвысить до небес женщина и с землей сровнять тоже может женщина. Я это тебе говорю как спесалис». Сказал он это мне и даже есть перестал. У него аппетит пропал. И я пожалела, что огрела его скалкой. «Вот видишь, — обрадовался он, — мужчину делает мужчиной только женщина! Маладес!»

— Хорошо, очень хорошо, — перебил ее Усманов, желая закончить разговор. — Ну, а зачем же вы ждете меня?

— У меня просьба, товарищ Усманов.

— Какая же?

— Уже не надо принимать никаких мер к вашему зятю...

— Хорошо, апа, — пообещал Усманов. — Не буду.

— Спасибо. Тысячу раз спасибо. До свидания. — Женщина хотела было идти, но остановилась: — Товарищ Усманов!

— Ну?

— Без жены вам трудновато, я знаю. Я принесла вам манты². В комнате вашей. Сразу ешьте, пока не остыли. А в столовой разве это еда...

Он засмеялся и, благодарно кивнув ей, вошел в гостиницу. «Вот уже и подношение принял», — подумал он, понимая, однако, что это сделанное честными руками «подношение» не что иное, как проявление заботы доброй женщины. Так заботились бы о нем мать или сестра. Надо не забыть рассказать об этом Хафизе. Будет рада, что приходят люди, которые проявляют заботу о ее муже. Удивительно устроен человек: иногда простые слова подни-

¹ М а с т а в а — рисовый суп с приправами.

² М а н т ы — паровые пельмени.

мают у него настроение, придают силы, пробуждают в нем доброту. И слово же может убить...

Он отпер ключом дверь и зашел в комнату. Не успел снять пальто, как зазвонил телефон. Хафиза!

Они разговаривали долго. Усманов рассказал ей, где побывал сегодня, с кем встречался. Доволен ли он? Доволен. Доволен тем, что приехал именно в Бадамсай, что тут живут замечательные люди. Скучает ли по ней? Конечно. Еще как. Им обоим неприятна разлука. Но что поделаешь? Хорошо, что это ненадолго. Как только уладится с жильем, она приедет к нему, и жизнь их наладится. И они никогда больше не станут разлучаться... Нет, он не забывает маленького. Разве можно о нем забыть?.. Почему девочка? Нет, у них будет сын. Сын с глазами и бровями, как у нее, у его любимой Хафизы. И сердце доброе, как у нее, и ум... Девочка? Что ж, он будет рад и девочке. Только она в таком случае должна быть похожа на него: говорят, девочки, похожие на отца, счастливы... Не голоден ли он? Сыт. Что ел? Днем ел шашлык. В гостях у чабанов, на вольном горном воздухе. А сейчас примется за манты. Точно такие же, какие готовит она, Хафиза: в меру крупные и так аппетитно пахнут, что не откажешься, если даже только что упледел барана. Кто принес? Нет, совсем не молоденькая и вовсе не красивая, пусть не в обиду ей будет сказано, а средних лет женщина. Она раза в четыре толще Хафизы. Но очень веселая и общительная тетька. Да, конечно, он обязательно познакомит с нею Хафизу... Что, позвонить завтра?.. Он не знает, когда вернется. Как только придет к себе, сам позвонит. Спасибо за добрые пожелания. И им тоже всем троим он желает спокойной ночи.

Не откладывая, Усманов решил поговорить с Исмаилджаном. Уже потом спокойно поужинает. Исмаилджан оказался дома и сам взял трубку:

— Дамирджан?

— Говори прямо, — потребовал Усманов. — Когда на страницах областной газеты будет отведено более обширное место Бадамсаю?

— В ближайшее время. Организуем целую страницу. Я уже и «шапку» придумал.

— Какую?

— «Товарищ Усманов, куда вы ведете Бадамсай?» Как? Ничего? — Исмаилджан зычно рассмеялся.

— Ничего. Только не забудь про инициалы, — засме-

ялся и Усманов, подумав, что его друг без шутки ну никак не может, и, сразу перейдя на серьезный тон, продолжал: — Исмаил, нужна твоя помощь. В колхозе «Шарк юлдузи» есть чабан. Саидмурад Ишимов. Слышал? Нет? Ты сказал про страницу, так вот этот человек заслуживает многих страниц. Нет, не корреспондента. Я хочу, чтобы ты приехал сам. Мне нравится, как ты пишешь. А этот человек для тебя находка, слышишь? Находка! Судьба его может послужить основой для большого и серьезного произведения. Приедешь? Когда?..

— Дня через три-четыре.

— Жду. Запиши. Саидмурад Ишимов. Тебе непременно надо с ним встретиться. Сегодня я слушал его и не заметил, как пролетел день.

— Послушай, Дамир! — спохватился Исмаилджан, когда они уже распрощались. Чем кончилось дело... Ну случай с тем трактористом? Султанов отделается легким испугом? В редакцию поступила жалоба из колхоза...

— Послезавтра бюро, — сказал Усманов.

XI

Придя утром на работу, Усманов встретил в приемной Хайдарали Кабулова, как видно истомившегося уже оживлением.

— А, Хайдарали, заходи!

Осторожно прикрывая за собой дверь, Кабулов сообщил, что он не мог уснуть всю ночь и ни свет ни заря, даже не позавтракав, примчался сюда.

— Что же случилось? — насторожился Усманов, садясь в кресло и предлагая парторгу из колхоза занять место напротив. — Надеюсь, все в полном здравии?

— Здоровы-то здоровы, — ответил Кабулов, запинаясь от волнения, не зная, с чего начать разговор. — Знаете, Дамир Усманович... Вчера вечером у нас состоялось партийное собрание. Открытое... А двумя днями раньше мы провели бюро, хотели серьезно поговорить с Хаитбаемака. Но Хаитбай-ака попросту не явился на бюро. Сказал, что у него срочные дела, и куда-то уехал. Что ж, решили обойтись без него... Заседали долго. О многих вещах говорили члены бюро. И о пренебрежении в нашем колхозе техникой безопасности... И об уходе молодежи из кишлака... И о недопустимом самовольстве некоторых бригадиров... Словом, очень активно выступали товарищи... По-

дробно обсудили последнее происшествие. Тщательно продумали, взвесили все «за» и «против» и решили объявить мне и председателю выговор. Мусабай-ака, бригадир, сказал, что наказать, по-видимому, следует и его, поскольку случай произошел на его участке. Но большинство с ним не согласилось. И я тоже высказался против. На наш взгляд, он тут ни при чем. Он же... наоборот, пытался отговорить раиса и Яхшибая, сказал им: «Если так уж необходима эта земля, пусть немножко потеплеет и просохнет, вспашем край этого поля омачем»¹. Словом, его мы наказывать не стали... И вот какое приняли решение...

Кабулов вынул из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо листок, исписанный чернилами, и протянул Усманову.

Хотя решение бюро излагалось несколько упрощенно и даже с орфографическими ошибками, основная мысль была ясна, мотивировки убедительны.

— Что ж, решение верное, — сказал Усманов, дочитав бумагу до конца.

— Верное-то верное, но... не прошло оно, — вздохнув, произнес с огорчением Кабулов.

— Почему?

Узнав о таком решении бюро, Султанов страшно разгневался. Около полуночи — Кабулов уже собирался ложиться спать — раис прислал за ним человека и, вызвав к себе, резко отчитал.

— Что ты за человек? Соображение у тебя есть? — возмущался Султанов, вертя у виска указательным пальцем. — Разве парторг сам себя наказывает? Да еще и раис заодно?! Это глупость, а не решение! В колхозе я главное лицо, тут нет никого, кто мог бы дать мне выговор! Порви эту бумаженцию и выбрось! Не срамись лучше. Если же ты собираешься вынести это дело на суд народа, то, говорю сразу, со мной работать не сможешь! — И раис решительно рубанул воздух кулаком.

Султанов, конечно, кое в чем и прав. Секретаря парторганизации колхоза могут наказать только вышестоящие партийные органы. Однако члены бюро и сам Кабулов пошли на маленькую хитрость: наложив взыскание на парторга, они как бы изыскали возможность наказать заодно и председателя. До каких пор раис будет чувствовать себя единовластным правителем и делать что хочет?.. Пора

¹ О м а ч — соха.

дать ему почувствовать, что в колхозе имеется власть и посильнее его, султановской.

Когда же угрозы не подействовали, Султанов выбрал другую тактику — стал просить парторга не выносить такого решения на обсуждение общего собрания, не позорить его перед честным народом. Так умолял и заклинал, что сердце Кабулова дрогнуло и размякло, как попавший в бульон хлебный мякиш, и он чуть было не согласился. Но решить сам этого он уже не мог...

А вчерашнее собрание затянулось чуть ли не до полуночи. Вообще-то понятно, оно прошло неплохо. Но как только дело дошло до обсуждения решения бюро, для его утверждения вдруг не хватило голосов. Вдобавок ко всему еще и жена Яхшибая Эргашева, до сих пор, можно сказать, ни разу не ходившая на собрания, взяла да и выступила. В категоричной форме она заявила: «Если вы накажете Хаитбая-ака, то я с этим не согласна!..» И посеяла тем самым среди людей сомнение... Словом, решение бюро не прошло. Вот так... Большинство настояло на другом решении: дескать, тракторист Яхшибай виноват сам, ему следовало быть осторожнее...

Усманов задумался. Легкое ли дело Кабулову, молодому еще, неопытному парню, бороться с Султановым. Но он сумел все же настоять на своем и вынести решение бюро на обсуждение собрания. Молодец! Усманов в душе радовался за него. Ведь чтобы ослушаться такого раиса, как Султанов, немалое мужество нужно. А на жену тракториста тоже обижаться не стоит. Понять и ее можно. Она знает, что муж долгое время не сможет работать, и ей в этих условиях не резон попасть к председателю в немилость. Что случилось, того не исправить. И ссора с председателем ничего, кроме лишних хлопот и огорчений, не сулит. Да и какая ей польза, если кто-то будет наказан? Душу придавит еще большая тяжесть, и только.

— Дамир Усманович! — прозвучал по селектору голос секретарши. — Из больницы спрашивают.

— Слушаю, — сказал Усманов, прижав к уху трубку. И, едва поздоровались с ним, узнал низкий голос главного врача. — Салам.

— Дамир Усманович!.. Тракторист из колхоза имени Горького... Яхшибай Эргашев... скончался.

Усманов растерянно молчал, позабыв, что и говорят в подобных случаях, лишь мысленно произнес с горечью: «Пусть пухом будет земля ему...» Наконец спросил, и го-

лос с трудом вырвался из горла, хрипловатый и сдавленный:

— Сколько ему было?..

— Тридцать три.

«Почти мой ровесник», — подумал Усманов. Помедлив, сказал:

— Ладно. Сейчас приеду...

Положив трубку, он посидел минуту молча, стараясь овладеть собой, унять внутреннюю дрожь. Не глядя на Кабулова, произнес глухо:

— Слышали?.. Эргашев скончался...

Кабулов хотел что-то сказать, да так и застыл с полукрытым ртом. На его лице проступила бледность.

Первым человеком, которого они встретили во дворе больницы, была жена Эргашева. Всего за несколько дней она осунулась, похудела, ее темное сморщенное лицо сделалось маленьким, с кулачок. Женщина сидела на скамейке у входа в больницу, обхватив голову руками, а рядом с ней стоял узелок с кастрюлей. Видимо, принесла поесть... Она не ответила на приветствие, будто не слышала ничего и никого не видела. Даже не пошевелилась, отрешенно глядела в землю. Тонкие бесцветные губы что-то шептали. Быть может, и не шептали, а дергались от нервного напряжения, от дрожи, охватившей ее всю, от неожиданно свалившегося горя.

Усманов и Кабулов лишь замедлили возле нее шаги, но не остановились и не решились заговорить с ней. Хотели пройти в здание больницы, но дверь отворилась, и на встречу им вышел главный врач.

— Ничего не могли поделать, — грустно ответил он на их немой вопрос. — Перестала функционировать печень...

— В колхоз сообщили? — спросил Усманов.

— Позвонил. Раис обещал подъехать...

Усманов посмотрел на Хайдарали. Взглядом показал на женщину:

— Побудьте с ней, пока приедут из кишлака люди.

Усманов сел в машину, когда перед больницей остановилась зеленая «Волга» Султанова. Водитель, включивший было двигатель, опять выключил мотор, полагая, что секретарь райкома выйдет, чтобы поговорить с раисом. Но Усманов не вышел.

— Поехали, — сказал он.

И прикрыл глаза. Потер двумя пальцами переносицу. Ясно увидел овраг с обрывистым краем, на дне опрокинутый трактор с вмятой в рыхлую землю кабиной, тускло мерцающими, задранными кверху гусеницами, а вокруг суетятся люди... И, как из потустороннего мира, прозвучал в ушах голос: «Это же знатный тракторист!..» Голос Муслима-ака. И сразу звонкий, медсестры: «Матлаб-ака опытный хирург. Вся надежда на него...» Тотчас перед глазами замелькало множество лиц, мужских, женских, знакомых и незнакомых. Одутловатые, щекастые и худые, бледные, одни обливались слезами, другие смеялись, разевая до ушей рты. Но не от горя плакали и не от веселья смеялись, а дразнили его, строили ему рожи. Бред!.. Неудивительно, если подскочило давление. В затылке тупая боль, будто надавили чем-то жестким.

Машина качнулась, замерла. Усманов поднял голову. Они уже стояли перед райкомом.

— Похороны, наверное, сегодня. Поедем? — спросил шофер.

Усманов утвердительно кивнул.

Секретарша перестала печатать и проводила его впросительным взглядом. Войдя в кабинет, он плотно прикрыл за собой дверь, чтобы не слышать тарактения машинки. Малейший звук отдавался болью в голове.

Усманов по селектору пригласил к себе Бурханова.

— Казим Бурханович! — сказал ему, как только тот появился на пороге. — Завтра на бюро соберите руководителей всех хозяйств. Непременно должны быть все.

Бурханов кивнул.

В эту ночь Усманов почти не сомкнул глаз. На душе скребли кошки. Едва погружался в сон, как тут же просыпался от ощущения, будто задыхается, будто ему не хватает воздуха. И снова мучился от мысли, что уже минул немалый срок, как он приехал в район, а ничего толком так и не сделано. Никак не удастся войти в колею, что-нибудь да мешает работать по выработанному заранее плану...

За минувший день он ознакомился с подшивкой газеты «Алга» за последние три месяца. Съездил на насосную станцию, строящуюся на берегу Бадамсая. Зашел в районную библиотеку и поинтересовался списком книг, которые за последние два года прочли работники райкома и райисполкома. Съездил в колхоз имени Максима Горь-

кого и принял участие в похоронах Эргашева. Как ни просил Султанов зайти в правление, Усманов отказался, сославшись на усталость. Знал: стоит зайти, начнется тягостный для них обоих разговор. А сегодня не хотелось затевать его.

Дотемна просидел в своем кабинете, изучая документы последних лет. Когда головная боль сделалась невыносимой, он выключил свет, попрощался с дежурным и вышел на улицу.

Впервые после приезда в Бадамсай он вечером не позвонил Хафизе. И хорошо сделал, что не позвонил. Он был не в себе, раздражен и вряд ли отыскал бы слова, способные поддержать ее. Скорее, испортил бы ей настроение...

В полночь, почувствовав жажду, встал напиться. После этого, однако, не лег, а включил настольную лампу и стал перелистывать «Анналы» Тацита. Сначала листал стоя. Потом сел. Он очень любил эту книгу. Перечитал ее несколько раз. Даже конспектировал разделы, относящиеся к Средней Азии и Ирану. И все-таки не расставался с этой книгой. Если отправлялся в дальнюю поездку, всегда брал ее с собой. И в тот день, когда уезжал в Бадамсай, он в последний момент засунул эту книгу в чемодан, уже уложенный Хафизой, куда, казалось, не поместится и иголка. Эта книга ему нравилась не только обилием интересных фактов, касающихся давнего прошлого его родного края, но он восхищался и ясностью изложения. Язык книги напоминал прозрачную поверхность родника, на дне которого видны и малейшие песчинки; увлекшись, перестаешь замечать строки, забываешь, что ты занят всего лишь чтением, а становишься сам участником давным-давно минувших событий, видишь людей, живших много веков назад, их одежду, выражение лиц, слышишь их голоса...

Открыв книгу наугад, Усманов углубился в чтение. Ему попалась страница, где живописуется приход центуриона к Сенеке. Вот он, спеша исполнить приказ императора, поднялся по мраморным ступеням, свернул в одну из боковых палат и оказался лицом к лицу с Сенекой. Старый философ знал о его приходе и внутренне подготовился к встрече. Представитель власти молча вынул из ножен длинный кинжал с рукояткой из слоновой кости и протянул седому старцу. По лезвию кинжала скользнул красноватый блеск стоявшего в нише светильника. Сенека не принял оружия. Ученый, посвятивший всю жизнь воспи-

танию нынешнего властителя, но не дождавшийся от него ни капли добра ни для себя, ни для народа, ни для государства, брезгливо отвернулся от посланца императора. Он умрет, коль его приговорили к смерти. Но умрет от собственного оружия. Сенека встал и произнес с обычным своим спокойствием:

— Передай Нерону, приказ его будет исполнен.

Сказав это, он неспешно прошествовал во внутренние покои. За ним последовала жена...

Усманов каждый раз, когда доходил до этого места, поражался спокойствию и самообладанию Сенеки. Старый философ своей смертью потряс всю Римскую империю, пред ним почтительно склонят голову все последующие поколения, а имя осудившего его на смерть Нерона вот уже двадцать столетий предается проклятию человечеством. Думая об этом, Усманов вдруг явственно представил себе Нерона, ждущего возвращения центуриона. Он не знает, куда себя деть, бесшумно расхаживает взад-вперед по мягкому ворсу ковров, малейшие звуки заставляют его вздрагивать. Он хорошо понимает, на кого занес руку. Но не видит иного выхода. Жизнь Сенеки — вызов ему, императору. Нерон совершил столько преступлений, столько несправедливостей, что ему страшно даже представить себя рядом с человеком кристально чистой совести, любимцем Рима. Нет, или Сенека, или он! Другого не дано.

Светильники догорали, и Нерон распорядился подлить в них масла. Центурион возвратился поздно.

— Старик умирал очень долго, — сказал он. — Ваш кинжал он отверг.

— Как он умер? — спросил император.

— В бане. Собственным кинжалом вскрыл себе вены. Точно так же поступила его жена.

— А она... зачем? — поразился Нерон.

Центурион не ответил...

Да, Сенека и в смерти своей одержал победу над Нероном...

Усманов с трудом заставил себя закрыть книгу. В окно уже вливался бледный свет утра. День обещал быть трудным.

За несколько минут до начала заседания бюро райкома в кабинет Усманова один за другим вошли руководители хозяйств; члены бюро заняли места вокруг длинного стола, приставленного торцом к письменному столу секретаря, а приглашенные расселись на стульях, расставленных

вдоль стен. Усманов сам просил их не ждать в приемной или коридоре. Но Султанов пока отсутствовал. Без трех минут десять пришли Садыков и районный прокурор Соколов. И в самый последний момент вошел Бурханов с толстой красной папкой под мышкой. Хотя Бурханов и пришел на работу час назад, он уединился в кабинете и не показывался, не поздоровался с Усмановым ни лично, ни по селектору, а главное, не разговаривал с ним ни по одному из вопросов, которые ставились на бюро. Конечно же им следовало заранее обговорить все, и Бурханов это знал. Поэтому Усманов не приглашал его для специального разговора. С тех пор как Усманов приехал в Бадамсай, Бурханов избегает по утрам первым заходить к нему в кабинет и здороваться. Смешно, но факт. Стараясь не заострять на этом внимания, Усманов сам несколько раз заходил к нему в кабинет, чтобы поприветствовать. Решил ли Бурханов, что так оно и должно быть — ведь он старше по возрасту, или всякий раз хотел подчеркнуть перед работниками аппарата свою независимость, но он не изменил своих привычек. Что ж, придется просто не придавать этому значения. И все-таки временами Усманова брала досада: «Почему он так ведет себя?.. Чего добивается? Ссоры?»

Вот и сейчас... Перед тем как занять свободное место поближе к столу, за которым сидел первый секретарь, Бурханов подал Усманову руку, как бы тем самым подчеркнув перед присутствующими: вот, мол, и я, как и вы все, только что вошел в этот кабинет. Наконец появился запыхавшийся Султанов.

— Прошу извинения, — сказал он, вытирая обильный пот с красного лица. И, ни на кого не глядя, присел на краешек стула возле самых дверей.

В кабинете воцарилась тишина.

Члены бюро с повесткой дня были ознакомлены, но Усманов зачитал ее еще раз для приглашенных. Вначале предстояло утвердить решения местных парторганизаций о приеме в партию нескольких товарищей, кандидатский срок которых истек. Принимаемых было четверо. Двое рабочих — один с насосной станции, другой из совхоза; доярка из колхоза «Правда» и сотрудник газеты Мирхайдар Баратов. Все четверо произвели на членов бюро хорошее впечатление. Вопросы им задавали не много.

У молодого поэта Усманов спросил:

— Почему газета выходит поздно?

Спросил и пожалел, что поставил его в неловкое поло-

жение. Баратов покраснел, мельком взглянул на Бурханова. Усманов понял, что ему известна причина, но называть ее молодой человек не решается, и повернул разговор на другое:

— Вам доводилось бывать в колхозе «Шарк юлдузи»?

— Довольно часто, — оживился Баратов.

— Чабана Саидмурада Ишимова знаете?

— Слышал о нем.

— Вам стоит повидаться с этим человеком, — посоветовал Усманов. — Ветеран войны. И хороший чабан. Может, что-нибудь напишете...

— Хорошо! — обрадовался Баратов. — Сегодня же поеду.

Члены бюро засмеялись.

Усманов поздравил молодого поэта с вступлением в партию и отпустил его.

— Переходим ко второму вопросу, — сказал он. — Слово товарищу Бурханову.

— Я буду краток, — предупредил Бурханов, поднимаясь с места. — Вы все, наверное, знаете о происшествии в колхозе имени Горького. Тракторист Яхшибай Эргашев попал под трактор. Машина перевернулась, он не успел спрыгнуть и... Вчера похоронили его... Несчастный случай... — Он посмотрел на Султанова; тот кивнул: правильно, мол, согласен. — Районная партийная организация, бюро не могут пройти мимо такого случая, закончившегося гибелью человека. Я лично одобряю то, что по инициативе Дамира Усмановича этот вопрос вынесен на наше бюро и сюда приглашены все руководители хозяйств. Происшествие это обязывает нас сделать для себя очень серьезные выводы. Что же, собственно, произошло? Правление колхоза решило освоить нынче в течение многих лет не обрабатывавшуюся землю вдоль оврага. Так ведь, Хаитбай Султанович? — Султанов, не отрывая от него взгляда, утвердительно кивнул головой. — Благие намерения! Однако во время работы трактористом Эргашевым были нарушены элементарные правила техники безопасности. Он не учел, что накануне прошел дождь и земля скользкая. Но ни правление колхоза, ни партийная организация не обратили внимания на это обстоятельство. Положились на то, что тракторист имеет опыт и сам примет меры предосторожности. Но, увы, он их не принял... Зная сложные условия данного участка, Хаитбай-ака поручил вспашку не какому-то молодому джигиту, а опытному Яхшибаю Эргашеву. Я подчеркиваю — опытному трактористу. Однако я не со-

бираюсь, конечно, оправдывать раиса. Он виноват. И партийная организация колхоза тоже. У них абсолютно не налажены охрана труда и техника безопасности. Вот почему я их считаю виноватыми, товарищи! По-моему, этому вопросу уделяется недостаточно внимания и в других хозяйствах. Прав я или нет? Скажите честно, товарищи?..

— Правы.

— Верно говорите, — послышались голоса.

— Дамир Усманович, у меня имеется предложение, — продолжал Бурханов. — Нам следует создать авторитетную комиссию и поручить ей изучить эту сторону дела во всех хозяйствах района. Что же касается случая с трактористом Эргашевым... я предлагаю строго предупредить товарища Султанова. Учитывая, конечно, что сама трагедия — достаточно серьезное наказание для этого человека и всего коллектива.

Бурханов сел и медленно оглядел присутствующих, словно желая определить, какое впечатление на них произвело его выступление.

Усманову выступление его не понравилось. Говорил вроде бы все верно. Прав и насчет того, что раис да и весь коллектив наказаны. Смерть человека конечно же для всех тяжкое наказание. Однако Бурханов сглаживал причины, повлекшие за собой трагедию, смягчал вину тех, кто мог предотвратить ее, но не предотвратил, сводил все к нарушениям техники безопасности. Самовластие Султанова и то, что именно он приказал, не теряя ни дня, ни минуты, пахать в опасном месте, осталось в стороне, — об этом Бурханов не обмолвился ни словом. Усманова так и подмывало тут же выступить самому, задать тон обсуждению, но он заставил себя повременить.

— Кто желает еще выступить? — спросил он, оглядев членов бюро.

Слова попросил председатель райисполкома Кудрат Саимович Садыков.

— Казим Бурханович исключительно прав, — сказал он, покашляв в кулак. — Сегодня мы должны сделать серьезные выводы. Аналогичное случается то в одном, то в другом колхозе. Помнится, лет десять назад, кажется, в колхозе «Айбек» один арбакеш вез сено и свалился с арбы. Мы тогда не обратили внимания на этот случай, и сам пострадавший никуда не пожаловался. Между тем этот человек с того самого времени не поднимается с постели. Кто в этом виноват? Бесспорно, в первую очередь он

сам. Но косвенно виноваты и мы, товарищи! Мы нередко забываем про заботу о людях. Никто не сказал этому арбакешу: мол, зачем так много грузишь, лучше сделай еще одну езду... Теперь вот и Эргашеву никто не сказал: «Этот склон скользкий, будь осторожен». Как говорят люди, его даже заставили начать там пахоту. Вы заставили, Хаитбай Султанович! Да, вы! Я побывал там, осмотрел участок. Там же очень легко перевернуться даже при соблюдении всех правил безопасности! Неужели вы этого не видели? Земли-то с ладонь. Нет, не было необходимости пускать туда трактор. — Садыков откашлялся, помолчал, как бы собираясь с мыслями, и обратился к Усманову: — Дамир Усманович! Я не против предложения товарища Бурханова. В конце концов сейчас не главное, какое наказание применить к виновным, а главное — осознать, что произошло, главное — понять свою вину в происшедшем. Если Хаитбай Султанович не понимает этого, если не понимают этого и другие, то мы не излечимся от своих «болезней» и такие трагедии будут повторяться и впредь...

— Почему я не понимаю? — пробубнил Султанов, подетски надув губы. — Я всё понимаю. Очень нехорошо получилось. Только одного не возьму я в толк. Вы что, хотите, чтобы я вообще не распорядился? Тогда зачем в колхозе председатель?

— Вот видите! — сказал Садыков, обращаясь к Усманову. И, обернувшись к Султанову, с укоризной покачал головой: — Распорядитесь, товарищ Султанов, распорядитесь. Только распорядитесь разумно. Распорядитесь так, чтобы люди не гибли.

— Я, что ли, его убил?! — повысил голос Султанов, поднимаясь с места. — Вы хотите меня сделать убийцей? Я за свою жизнь и воробья не убил. Думайте, что говорите, товарищ Садыков.

— Не забывайте, что вы на бюро, товарищ Султанов, — строго сказал Усманов, постучав о стол тупым концом карандаша.

Султанов недовольно крикнул, вытер платком покрывшийся испариной лоб и опустил на место.

После Садыкова выступил районный прокурор Виктор Иванович Соколов. Усманов очень давно знал этого человека, хотя общаться близко до приезда в Бадамсай с ним не приходилось. Виктор Иванович жил в этих местах очень долго, и все считали его местным. Хорошо знал людей района. В самом начале войны Соколов добровольно ушел на фронт. Отступал с нашими войсками до самой Москвы,

а потом гнал врага до Берлина. По возвращении долгое время работал в республиканской прокуратуре, а восемь или девять лет назад его потянуло в родные места: он и попросился снова в Бадамсай. С тех пор тут и работает. В областной и республиканских газетах часто появляются его статьи на морально-этические темы, о воспитании молодежи. Работы у него невпроворот. Усманов по прибытии в Бадамсай видит его лишь вторично. В первый раз он разговаривал с ним по делу ювелира Мамашарифа-ота. Виктор Иванович внимательно выслушал его и полностью поддержал.

Внимательно вслушиваясь в неторопливое выступление Виктора Ивановича, Усманов порадовался про себя, что работает с таким человеком. Им надо встретиться особо и обговорить ряд вопросов. Усманов полистал настольный календарь и сделал пометку.

— Простите меня, Хаитбай Султанович, — сказал в заключение Виктор Иванович. — С юридической точки зрения, конечно, за вами никто не усматривает вины. Однако вы виноваты. Вы же заставили его! И напрасно обижаетесь на Кудрата Саимовича. Из-за вашего неразумного распоряжения погиб человек. Я ни в коей мере не могу согласиться с предложением Казима Бурхановича. Наказание должно соответствовать тяжести вины. Виновному в трагедии, повлекшей за собой смерть человека, предупреждение — слишком легкое взыскание. Я предлагаю председателю колхоза Султанову объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Заседание продолжалось до полудня. Выступили почти все члены бюро.

— У вас есть что сказать? — спросил Усманов, обращаясь к Султанову, который сидел, облокотясь о колени и опустив голову.

Раис поднялся с трудом, будто ноги едва держали его.

— Я же не знал, что так получится, — еле слышно произнес он сдавленным голосом. — Разве я хотел, чтобы он погиб?.. Мой лучший тракторист... Трудяга был. Скромный. Думал, представлю его к званию Героя. Он бы стал Героем... Думаете, мне легко? Как увижу его детей, сердце кровью обливается... Конечно, я виноват, кто же еще?.. Ругаю себя. Если бы не пожадничал, ничего бы не случилось... Товарищ Садыков говорит, я не понимаю. Нет, я очень хорошо понимаю. Но ведь он сам не без головы, должен же был работать осторожно!.. Я же с благими намерениями послал его туда. Из сотни парней выбрал его...

Эх-х... — Он махнул рукой и, взглянув на Усманова, тут же отвел глаза: мол, закончил я. И сел на место.

В комнате воцарилась тишина. Все ожидали, что скажет первый секретарь. А Усманов о чем-то задумался, поигрывая карандашом. Из выступления Султанова он понял, что раис не о своем поступке сожалеет, а лишь огорчен судьбой покойного, его семьи. Садыков прав: как бы ни страдал Султанов, он таки не понял сути трагедии. Произносил тут правильные слова, как и Бурханов, но в них не чувствовалось уважения к человеку, заботы о нем. Эта трагедия для него — простой несчастный случай, и только.

— Вчера я встретил в больнице жену Эргашева, — тихо произнес Усманов и, отодвинув назад кресло, медленно поднялся. — Я видел ее и в первый день, когда ее мужа привезли в больницу. Но вчера... Вчера я не мог смотреть ей в лицо. Стыдно мне было. Мне не довелось быть на войне. Но в книге военных воспоминаний я прочитал недавно, как командир, потерявший в рукопашной схватке своего солдата, после боя плакал.

— Правильно, — негромко произнес кто-то.

Усманов знал, что говорит правильно. Если не ошибается, он читал об этом эпизоде в воспоминаниях маршала Конева.

— То было на войне... А в мирное время хороший командир тем более не пошлет солдата на верную смерть, — продолжал ровным голосом Усманов. — Согласен, большую часть работ без распоряжений не осуществишь. Но нельзя же командовать вслепую. Если в чем-то недостаточно компетентен, надо же советоваться, прежде чем отдавать распоряжения. А вы, товарищ Султанов, не только не посоветовались ни с кем, но даже не вняли разумным словам бригадира механизаторов и самого Эргашева. Они же высказывали свое опасение!.. А вы за это накричали на них. Невежество, самодовольство всегда приводят к несчастью, все это знают... Человек же погиб! Это надо понять. Но до вашего сознания все еще не дошло случившееся... Если вы не измените отношения к людям, то руководить колхозом вам будет трудно. И нам будет трудно с вами работать... Казим Бурханович внес очень дельное предложение. Мы создадим при райкоме партии специальную комиссию и проверим состояние охраны труда и техники безопасности во всем районе. Решение же сегодняшнего бюро мы разошлем во все хозяйства. Трагедия,

происшедшая в колхозе имени Горького, не должна повториться нигде. И прежде всего в самом колхозе имени Горького. Голосуем, товарищи. Первое предложение: за нарушение правил техники безопасности, приведшее к несчастному случаю со смертельным исходом, председателя колхоза имени Максима Горького товарища Султанова предупредить. Кто за это предложение?

Первым поднял руку Бурханов, медленно поворачивая голову из стороны в сторону, будто запоминая, кто не поддержал его предложения. «Неужели не ясно, что не прав? — подумал Усманов.— Мог бы отказаться от своего предложения до голосования...»

Под взглядом Бурханова нерешительно поднял руку заведующий отделом народного образования. Этого человека Усманов еще, можно сказать, не знал. Лишь раза два встречал на собраниях. Кажется, он давно работает в районо. Однако как работает? Это пока ему неизвестно. Усманов заметил, что тот нет-нет да и поглядывает на Бурханова. И это его покорило.

Никто больше не проголосовал за первое предложение. Султанову был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Все вопросы, вынесенные на повестку дня бюро, тщательно проанализированы, по каждому принято решение. Заседание прошло именно так, как Усманов и предвидел. Однако чувство неудовлетворенности почему-то не покидало Усманова.

В конце дня к нему зашел Бурханов. Он был заметно взвинчен. Его состояние, конечно, можно было понять.

— Ко мне у вас ничего? — хмуро спросил он, глядя в сторону, мимо Усманова.

— Нет,— Усманов встал из-за стола и подошел к нему.— Вид у вас очень усталый, Казим Бурханович.

— Голова разболелась. Полежать бы... Если вы не против...

— Идите, идите. Только не расхворайтесь.

Бурханов кивнул и вышел.

С его уходом мысли Усманова обрели ясность. Неприятный осадок у него остался от выступления Бурханова, от его стремления оградить Султанова от неприятностей. Он и прежде слышал, что они близки с Султановым, почти приятели. Дружба дружбой, но не должны же приятельские отношения отражаться на деле, наносить ущерб авторитету партийного органа. Невольно пришли на ум слова Ивана Александровича Гончарова: «Если ты не можешь

прямо, откровенно, даже резко сказать другу все, что ты думаешь о нем, о его поступках, или выслушать от него такую же правду о себе, значит, вы не верите по-настоящему друг другу, не понимаете и не уважаете друг друга».

Да, если учесть, что на заседании, кроме членов бюро, присутствовали руководители колхозов, то второй секретарь райкома, откровенно встав на защиту Султанова, допустил промах. Понял ли он это?..

Надо поговорить с Бурхановым с глазу на глаз. Откровенно. И не откладывая. Он же многоопытный человек! А почему-то притворяется простаком. Хочет продемонстрировать свое «человеколюбие»? Но в районе его давно знают как человека жесткого, с «твердой рукой»... Да, Бурханов, кажется, посложнее, чем Усманов предполагал раньше. Что же он задумал?..

XII

Поначалу весна была нерешительной, уступчивой, и даже в середине марта не раз вторгались на уже подвластную ей территорию ветры и холодные дожди. Но в конце концов, потеряв терпение, она объявила себя единственной хозяйкой и смела с неба серые тучи, открыла солнечным лучам свободный доступ к земле. И враз склоны холмов, берега арыков покрылись изумрудной зеленью с вкраплениями красных, желтых, синих цветов. Среди деревьев первыми зацвели-заневестились кокетливые урючины и резко выделялись теперь своим то белопенным, то розовым нарядом во все еще темных садах. Начались дни, когда спешка, как говорят дехкане, вводит в соблазн и надувает, а промедление разоряет. На полях с рассвета до ночи рокотали тракторы, шел сев хлопчатника. По утрам люди, едва протерев глаза, хватали газеты, отыскивая взглядом сводку, чтобы знать, на каком месте по севу их область, их район, их колхоз или совхоз...

В эту страдную пору и состоялось расширенное собрание партийно-хозяйственного актива Бадамсайского района. На нем присутствовал Искандер Гаипович. Усманов очень обрадовался тому, что он приехал. С тех пор как Усманов стал в Бадамсае секретарем райкома, этот актив был первым крупным собранием. Подготовка к нему доставила Усманову немало хлопот и волнений.

Вначале были заслушаны отчеты трех председателей колхозов, расположенных в гористой местности и занимающихся в основном скотоводством. Они говорили о ходе окотной кампании. В этом отношении положение района беспокойства не вызывало. Куда более волновал всех ход посевной. Поговорка «Что посеешь, то и пожнешь» в народе родилась неспроста. И совершенно естественно, что большинство руководителей хозяйств уделяло в выступлениях главное внимание севу. Выступил и Хаитбай Султанов. Сделав в конце своего сообщения многозначительную паузу, он обвел зал орлиным взглядом и вдруг объявил о том, что колхоз имени Максима Горького сверх взятых обязательств решил продать государству еще одну тысячу тонн хлопка-сырца.

В зале бурно зааплодировали.

Султанов и сам, стоя у трибуны, несколько раз вяло ударил ладонью о ладонь, медленно оборотился к президиуму, как бы вопрошая: «Ну как, довольны?»

Конечно, довольны! Еще бы не быть довольным! Усманов от чистого сердца хлопал ему. Продать государству дополнительно тысячу тонн хлопка — это ли не подарок! Усманов еще раз убедился, что Хаитбай-ака — умелый руководитель, дело свое знает отменно и справедливо пользуется авторитетом не только в районе, но и в республике. И прежде поговаривали, что на все большие собрания Султанов приходит с какой-нибудь доброй новостью, а сегодня Усманов и сам в этом убедился. И все же где-то в уголке сердца шевельнулась обида: «Если собираешься внести такое ценное предложение, неужели нельзя хоть двумя словами информировать райком перед началом собрания?! Почему ждал актива? Чтобы отличиться и еще более умножить свою славу?.. Если бы проинформировал нас заранее, райком посоветовал бы и другим руководителям пересмотреть свои обязательства. Нашлись бы, наверное, коллективы, пожелавшие продать государству хлопка больше, чем задумали вначале. А сейчас... Султанов один. Султанов — герой дня... И район, возможно, взял бы дополнительное обязательство сверх того, что объявлено на курултае¹ хлопкоробов... Тысяча тонн хлопка! Не шутка. Здорово, что и говорить. Но обещание Султанова сейчас выглядит как посулы человека честолюбивого. А может, он об этом все же сказал кому-нибудь в райкоме? Например, Бурханову? Отношения

¹ Курултай — съезд.

между ними более чем хорошие. Когда Султанов приезжает в райком, первым делом заходит к Бурханову. Если он заранее уведомил Бурханова, то второй секретарь, скрыв это, допустил большую оплошность. Можно же было до актива еще раз, хотя бы приблизительно, прикинуть возможности хозяйств, найти дополнительные резервы. Тогда бы и район, безусловно, повысил свои обязательства...»

Когда Султанов отошел от трибуны и стал спускаться со сцены, Искандер Гаипович громко спросил Усманова:

— Ну а район? Какие планы у района?

Хотя аплодисменты еще не стихли, но вопрос первого секретаря обкома услышали все. В зале воцарилась тишина. Ведь вопрос, обращенный к Усманову, касался всех. Усманов задумался. Гаипов застал его врасплох, он не был готов к ответу. Султанов своим предложением поставил всех в неловкое положение.

Молчание первого секретаря райкома несколько затянулось. И тогда, то ли придя Усманову на помощь, то ли еще из каких соображений, Бурханов не очень громко, но уверенно произнес:

— Искандер Гаипович!.. По предварительным расчетам, сверх обязательства шесть тысяч тонн. Предполагаю, что будет даже больше.

— А что скажет первый секретарь? — снова спросил Искандер Гаипович.

Усманов не спеша поднялся с места. Весь зал смотрел на него. Что сказать? Мол, Казим Бурханович прав, наш расчет именно таков? Большинство уверено было, что он это и скажет. Но Усманов не мог произнести этих слов. Потому что ответ Бурханова не был согласован ни с ним, ни с руководителями хозяйств, это лишь личный подсчет опытного человека. А Усманов считал, что ни актив, ни секретарь обкома не нуждаются в таком ответе. Им нужны ясность и точность.

— Хаитбай-ака выступил с хорошим предложением, — начал он. — Но это пока лишь желание. В сердцах тружеников всех без исключения хозяйств нашего района есть такое желание. Я в этом убежден...

— Правильно!.. Верно!.. — слышались голоса в разных концах огромного зала.

— И конечно же имеются свои намерения и у района. Но наше твердое слово мы вам скажем, Искандер Гаипович, когда засеет поля, — заверил Усманов, повернувшись

вполоборота к секретарю обкома. — Можете нам верить: бадамсайцы пересмотрят свои обязательства.

В зале дружно зааплодировали.

Улыбка секретаря обкома говорила о том, что он удовлетворен ответом.

Уезжая, Искандер Гаипович пошутил, прощаясь с Усмановым:

— Дамир Усманович, я был убежден, что из вас выйдет хороший партийный работник. Но вы, оказывается, еще и дипломат...

Усманов смутился.

— Правильно ответили, — Гаипов дружески положил руку ему на плечо. — Райком знал об инициативе Султанова?

— Нет.

— Я так и подумал. Инициатива вещь хорошая, но ею надо управлять. Актив прошел на высоком уровне. Поздравляю. Однако должен сказать, на всех наших активах пускает корни определенный штамп. И Бадамсай не исключение. Заранее известно, кто выступит и даже что он скажет. От этого надо избавляться. — Искандер Гаипович отворил дверцу и уже садился в машину, но, вспомнив что-то, выпрямился. — Почему вы не переезжаете в отведенный вам дом? Первый секретарь райкома не гость для района. Ему не к лицу жить в гостинице. Он отец района, глава большой семьи... Договорились?

Усманов кивнул.

Искандер Гаипович уехал. А Усманов еще долго стоял, не трогаясь с места. «Как же я так опростоволосился? — подумал он и ударил кулаком о ладонь левой руки. — Как не догадался обсудить с товарищами взятые хозяйствами обязательства?..» Легкий ветерок освежал лицо, трепал ему волосы. Большая круглая клумба в скверике напротив уже была сплошь в цветах. В тени темно-зеленой арчи сидела молодая женщина и покачивала детскую коляску, держа на коленях раскрытую книгу. Усманов подумал о Хафизе. Как она там? Искандер Гаипович прав: нехорошо столько времени жить врозь. И опять, словно электрический ток, пронзила мысль: а правильно ли поступил, приехав в Бадамсай?.. Что ни день, то новые трудности, которых не ждал. И борьба, борьба... Надолго ли хватит сил?.. Должно хватить. Отступать поздно. Какими глазами он посмотрит в лица товарищей, когда будет их просить: мол, не могу, освободите меня? Как просить об этом Ис-

кандера Гаиповича, который возлагает на него столько надежд? А другие? Разве не скажут они ему: «А ты думал, партийная работа — это игрушка?!» А мать?.. Хафиза?.. Впрочем, он приблизительно знает, что скажет Хафиза. Она скажет: «Ладно, не огорчайся, занимайся себе спокойно своим Спитаменом». Сказать-то скажет, а сама будет за него переживать. Если и не выдаст ничем своих волнений, он-то все равно почувствует. А мать, та прямо скажет: «Твой отец никогда не искал в жизни легких путей! И он ошибался, но не отступал — учился. Не нужно пугаться своих ошибок, лучше постараться скорее их исправить. Твой отец не боялся трудностей, и ты не должен бояться». Да, так скажет мать. А друзья? Они будут удивлены и разочарованы. Исмаилджан, пожалуй, даже обидится... Возрадуются только недруги. У всех они имеются. Есть и у Усманова. Усманов представил себе ехидную ухмылку на лице Далимова. «Вот тебе и любимчик обкома!» — скажет он, хлопнув в ладоши, и захихикает...

Нет, отступать поздно. Остается работать. Работать, не зная ни дня ни ночи. Только так можно приобрести опыт. Опыт накапливается только в работе. «Не ошибается тот, кто ничего не делает» — так, кажется, говорят мудрые. Становился ли кто секретарем, заранее все умея? Может, и есть такие, кому любое дело по плечу. Но Усманов не из таких. Он из тех, которых большинство. Ну и что из того? Постепенно он постигнет суть многих дел, изучит район и будет знать его не хуже самого старого старожилы. Вот если и тогда, спустя четыре-пять лет, он станет ошибаться, как сегодня, тогда что ж, тогда можно будет сказать: «Эта работа не по мне, освободите меня». У него есть специальность, которую он любит. Вот и будет преподавать историю...

От раздумий его отвлек председатель райисполкома Садыков. Он, видимо, направлялся к себе, но, увидев Усманова, подошел:

— Дамир Усманович, простите... Но сегодня вам уже нельзя не переехать в новый дом... Искандер Гаипович отругал меня...

— Да, да, — рассеянно ответил Усманов. — Надо переехать. В тот самый?

Его вопрос Садыков истолковал по-своему:

— Есть и другой дом. Там жил председатель комитета народного контроля. Тоже хороший дом. Только требует небольшого ремонта. Рядом с домом товарища Бурханова...

— Нет, нет, меня вполне устраивает этот,— быстро ответил Усманов, но было заметно, что мысли его заняты чем-то другим.

— Тогда я распорядюсь, чтобы ваши вещи перенесли из гостиницы?

Усманов кивнул и взял Садыкова под руку:

— Кудрат Саимович, как вы думаете? Мне кажется, после сегодняшнего актива не стоит проводить нового собрания в ближайшее время. Что, если вопрос о дополнительных обязательствах решать в каждом хозяйстве отдельно? Как вы на это смотрите?

— Очень хорошо,— поддержал его Садыков.— Я тоже как раз подумал об этом. Поговорить здесь — это одно, а поговорить там, непосредственно в хозяйствах,— совсем другое. Повышается ответственность.

Они помолчали. Мимо них к клумбе и обратно словно пули пролетали пчелы. Кудрат Саимович потер увечную руку и посмотрел на Усмана почти с отеческой нежностью. Он с первого дня почему-то сразу преисполнился симпатией к этому человеку. Бывает так: еще не обмолвились ни словом, еще, как говорится, и ломтя хлеба не делили, а уже чувствуешь душевную близость.

— Дамир Усманович,— сказал он.— Я побеседовал с некоторыми председателями. Все довольны вашим ответом...

Усманов испытующе посмотрел на Садыкова, будто сомневаясь в его искренности. Искандер Гаипович сказал то же самое, только Усманову казалось, что он это сказал лишь для того, чтобы его успокоить, поддержать дух. Иначе и нельзя было ответить, но Усманову хотелось, чтобы это поняли и другие.

Садыков выдержал его взгляд.

— Все, с кем я разговаривал, довольны,— повторил он.— Все так считают: рано говорить что-либо определенное. Сегодняшняя бравада — это голые обещания. Хаитбай Султанов щедр на обещания. Тем более ему хорошо известно, что сегодня хоть с три короба наобещай, это нигде не фиксируется и не накладывает строгой ответственности. Посмотрим, что будет через месяц...

Настроение Усмана улучшилось. Садыков сразу это заметил и опять завел разговор о переезде:

— Значит, пусть вещи перевозят? По-моему, Хафизе Рахимовне дом понравится. Светлый, окна на солнечную сторону выходят...

— Значит, в этом доме раньше никто не жил? — еще раз уточнил Усманов.

Об этом он спрашивал не впервые. Поинтересовался этим и когда ходил взглянуть на предложенный ему дом, стоявший приблизительно в километре от районного центра, в тихом, малолюдном тупике, и когда в гостиницу к нему приходили директор совхоза и парторг, чтобы узнать, скоро ли он намерен вселиться. У него имелись свои причины на это. Во-первых, он вообще не любил пользоваться подержанными вещами. Когда был мальчишкой, мать покупала ему одежду в комиссионном магазине, где вещи стоили дешевле. Как-то — он уже учился в девятом классе — она на свои сбережения приобрела ему бобровую шапку. Зима в тот год выдалась очень холодная, а он носил старую фуражку с помятым козырьком. Можно ли было не обрадоваться настоящей бобровой шапке, пушистой и переливающейся, словно присыпанной блестками! Но едва взял ее в руки, в нос ему ударил запах нафталина, смешанный с кислым духом пота. Он брезгливо поморщился и отложил шапку, даже не примерив. Мать расстроилась, стала допытываться, чем он недоволен, почему не приглянулась шапка, а он не мог толком объяснить. Не мог ее, будь она неладна, эта шапка, нахлобучить на себя, и все тут. Почему-то в нем возникла убежденность, что бывший хозяин шапки был недобрым человеком, к тому же и нечистоплотным. Он и сам не знал, почему решил так. Просто вспомнил, что одиннадцать лет назад в их прихожей, после того как увели ночью отца, долго держался в точности такой же вызывающий тошноту смрад. Они с матерью тогда открыли окна, проветрили дом. Но этот запах ему помнился многие годы, преследовал его...

Он больше никогда не надевал подержанных вещей, а мать перестала их покупать. Теперь он боялся, что и старый дом может оказаться для него такой же вот одеждой с чужого плеча...

Была и другая причина. И она, быть может, еще более важная... Спустя несколько дней после того, как отца арестовали, им предложили срочно съехать, а в их доме поселился прокурор, тот самый, который подписал ордер на арест отца. Дом, конечно, был не их собственный, а государственный, и отца арестовали вовсе не потому, что это жилье кому-то понадобилось. И мать и сын хорошо понимали это. И все же на сердце остался осадок... Поэтому Усманову не хотелось вселяться в дом, где недавно кто-то жил.

Кудрат Саимович еще раз заверил, что коттедж совершенно новый и находится в ведении исполкома, хотя и расположен на территории шестого совхоза. Место хорошее, возле речки, вокруг сады, виноградники. Прямо рай. Какие могут быть сомнения?

— Дом вам выделен по решению исполкома. Если хотите, могу показать решение, — добавил Кудрат Саимович.

— Спасибо, не нужно, — ответил Усманов и улыбнулся. — Будем считать, вы меня убедили. Сегодня же перееду.

Решился — и будто гора с плеч. Да, именно с этого дня он начнет вращать корнями в бадамсайскую землю.

Он на прощанье кивнул Садыкову и легко взбежал по ступенькам райкомовского подъезда.

На столе лежала кипа бумаг, приготовленная еще со вчерашнего вечера. Жалобы, просьбы, накопившиеся дела, требующие решения. К тому же сегодня приемный день. С пяти часов приемная наполнится людьми. Надо каждого выслушать, с каждым обстоятельно поговорить. Опускаясь в кресло, он взглянул на часы: уже перевалило за вторую половину дня, а он еще и не пообедал. Как бы то ни было, а до пяти надо с делами управиться.

Взял письмо, лежавшее поверх остальных бумаг. Начал читать, увлекся и сразу позабыл обо всем: и о предстоящем переселении в новый дом, и о недавних сомнениях в своих силах, и о голодном посасыванье под ложечкой. Несколько страниц были исписаны убористым почерком. Лично к первому секретарю райкома обращался персональный пенсионер, член партии с 1919 года. Он подробно излагал события времен гражданской войны, происходившие в Бадамсае. Автор письма был активным участником этих событий, встречался с видными деятелями революции: Юлдашем Ахунбаевым, Михаилом Васильевичем Фрунзе, Валерьяном Валерьяновичем Куйбышевым. Эти люди несколько раз бывали у него в доме, а однажды проводили даже военный совет. Как сообщал автор, у него имеется множество ценных документов и фотографий. Заботясь о сохранности этих бумаг и снимков, автор письма предлагал превратить его дом в музей. С этим предложением он, оказывается, не раз обращался во многие инстанции, но ниоткуда не получил определенного ответа. «Слышал, что вы историк, — прочел Усманов

и улыбнулся. И откуда они прознали, что он историк? Историк ли теперь?.. — Потому и обращаюсь к вам, надеюсь, что правильно меня поймете. Жить мне осталось немного, кто знает, сколько еще протяну... Боюсь, что с моим уходом из жизни могут затеряться и все эти документы...»

В конце письма значился адрес: улица Бадамзарская, дом номер тридцать один. Абдували Инагамов.

«Надо зайти, — подумал Усманов и отложил письмо на видное место. — Вдруг и в самом деле там поджидают историков интересные находки!»

Теперь перед Усмановым лежали документы Саидмурата Ишимова. Автобиография. Усманов прочел ее. Вот и бумаги, связанные с представлением его к награде. Много их, всяких бумаг. Первые заполнены еще в 1977 году, края уже успели измяться, пожелтеть. Несколько характеристик, выданных колхозом. Каждый год писались. Но ни на одной не имеется резолюции райкома; неизвестно, читал ли их кто-нибудь вообще. При рассмотрении кандидатур для представления к награде эти документы всякий раз оставались в стороне, никуда не отсылались.

Усманов нажал кнопку селектора:

— Казим Бурханович, если не очень заняты, зайдите на минуту.

Пригласив второго, он тут же подумал, что поспешил. Лучше бы сначала дожидаться приезда Исмаилджана и выхода в газете очерка об Ишимове. А впрочем... Впрочем, и правильно сделал, что пригласил. Нужно поговорить конкретно и внести в это дело ясность. Зачем ждать обнародования материалов? Пусть все идет своим чередом.

— Я вас слушаю, — сказал Бурханов, входя в кабинет.

Он сел в кресло перед письменным столом и закинул ногу на ногу. Руку положил на край стола, постукивая пальцами. Всем своим видом, движениями, взглядом выражал спокойствие и самоуверенность.

— Я хотел спросить вас... — Усманов придвинул к нему бумаги Ишимова. — Почему до сих пор не рассмотрены эти документы?

— Что это? — Бурханов, не меняя позы, чуть наклонился вперед и, слегка щурясь, посмотрел на бумаги.

— Собралась их целая кипа. И, видимо, лежат давно...

— Это же документы Ишимова... Ну конечно... Чабан из колхоза «Шарк юлдузи». Что, пожаловался? — Бурханов криво усмехнулся.

— Нет, не пожаловался. Я сам узнал, когда ездил в «Шарк юлдузи». Это и неважно. Важно другое. Четвертый год подряд на Ишимова заполняются наградные листы, но дальше райкома они не идут...

— Правильно, — качнул головой Бурханов, отодвинул бумаги к Усманову. — Ишимова нельзя представлять к награде. А Сатыбалды Полвонов даже собирался его сделать Героем!..

— Почему нельзя? Работает хорошо. Такое трудолюбие заслуживает награды.

— Работает-то хорошо, верно. Но к награде представлять нельзя. Райком против. Ишимов долгие годы находился в плену.

— Ну и что из того?

Бурханов устремил на собеседника удивленный взгляд:

— По-моему, этого достаточно.

— Такого мнения придерживаются все члены райкома?

— Сейчас затрудняюсь сказать. Но вопрос обсуждался на бюро. Например, такого же мнения придерживается товарищ Султанов. Прокурор, кажется, тоже склонен так думать... И...

— А вы знаете, что Ишимов делал в плену?

Бурханов иронически усмехнулся:

— По мнению Сатыбалды-ака, он там вершил героические дела. Однако... утверждения эти беспочвенны, просто слухи. Райком не может руководствоваться слухами при решении вопросов.

— В райкоме не могут и безразлично относиться к судьбам людей, сидеть сложа руки, пока бумаги, от которых зависят судьбы, не пожелтеют. — Усманов произнес эти слова, сохраняя внешнее спокойствие, хотя внутри у него все кипело.

— В этом виноват он сам, — сказал Бурханов, пожимая плечом. — Если кто не хотел сдаваться в плен, никто же не тянул его туда за руку!

— На войне случалось всякое, Казим Бурханович. Это ведь война... Согласен с вами: были и предатели, которые по своей воле шли в плен. Некоторые и посейчас болтаются на чужбине... Ишимова я не могу причислить к таким. Он честный человек. Вы только вникните в его документы, прочтите письма его соратников. Да и по лицу видно же...

Бурханов опять криво усмехнулся, обнажив желтоватые зубы:

— Я не исключаю возможности, что вы опытный физиономист. Но поймите меня правильно, Дамир Усманович. Мне тоже безразлична судьба Ишимова. Трудолюбив, передовой чабан, ничуть не хуже тех чабанов, которые давно уже ходят в Героях. Однако мы же ничего не знаем, что он делал на той стороне...

— Ну так узнайте!

— Нет никаких свидетельств!

— А эти письма?

— Письма не документ.

«Да, с этим человеком трудно разговаривать, — подумал Усманов. — Он верит только официальной бумаге, в действиях руководствуется только бумагами с печатями и штампами». Стараясь не потерять над собой контроля, спокойно произнес:

— Авторы писем — свидетели. Свяжитесь с ними...

— Но эти свидетели не знают, как он очутился в плену.

— Но его близкие получили извещение, что он героически погиб. Геройски! Это ли не доказательство, что он не поднял рук перед врагами?!

— Во время войны многие получали похоронки, — возразил Бурханов. — Однако большинство из тех людей действительно отдали жизнь за Родину... Случалось, конечно, что о некоторых тяжелораненых сообщали, что они погибли, а те чудом выжили. Но в конце войны их родственники о них уже имели сведения. А об Ишимове и после войны долгое время никто ничего не знал. Домой он возвратился аж в сорок седьмом году. Вот тут-то и заковыка. Почему сразу не вернулся? Боялся? Не хотел?... — Бурханов выпрямился в кресле, уверенный в своей правоте, и небрежно махнул рукой. — Ладно, пусть себе работает, трудом смывает свое бесчестье. Закрытый казан оставлять закрытым, забыть прошлое — это неправильные взгляды, Дамир Усманович. То, что мы не тронули его, а оказали доверие, предоставив возможность спокойно жить и трудиться, разве это не свидетельствует об уважении государства к его работе? Если он этого еще не понял, то я скоро буду в «Шарк юлдузи» и растолкую как следует...

— В этом нет надобности, — негромко произнес Усманов и вздохнул. Он ощущал страшную тоску и опустошенность. Вспомнил отца, прижавшего к груди маленького сына, его пушистые, порыжевшие от курева усы. — Нет надобности, Казим Бурханович. Делом Ишимова вы не будете уже заниматься. Я сам займусь им... Кстати, не

довелось ли вам посмотреть телефильм о Зиямате Хусанове?

— Нет, не довелось, — ответил Бурханов и сжал губы, лицо его сделалось каменным.

— Тоже попал в плен. Под Курском. В рукопашном бою был ранен. А дома получили извещение о его гибели... Но Хусанов бежал из плена, воевал против фашистов в отряде болгарских партизан. Вот этому-то человеку, побывавшему в плену, но нашедшему силы и возможность продолжать борьбу, наша партия и наше правительство недавно присвоили высокое звание Героя Советского Союза! Вы не на высоте, Казим Бурханович...

Бурханов покинул кабинет, не произнеся более ни слова. А Усманов некоторое время сидел еще неподвижно, чувствуя невероятную усталость.

И он должен работать с таким человеком! Не год, не два, а многие годы. Трудно. А работать надо... Интересно, он только документам Ишимова не дал ходу? Или и еще есть «лишенные доверия»? Надо проверить.

Размышляя о Бурханове, Усманов находил все больше причин, объясняющих, почему обком не рекомендовал его первым секретарем. Значит, там неплохо знают его. И, видимо, считают, что этот человек, предвзято относящийся к зависимым от него людям, не всегда объективный в своих действиях, должен быть под постоянным контролем. Мало приятного в этом. У Усманова забот и так предостаточно. Но только он может контролировать работу второго секретаря. И никто более. А как это делать? Ведь ясно, что Бурханов и ухом не ведет в ответ на критику, на советы других людей. Шутка ли сказать — чтобы он, Бурханов, внял чьему-то совету! Ясно, самолюбие не позволит. Но исполнять свой долг и работать как положено — тут его надо заставить. Коль скоро он признает лишь официальную бумагу и факты, только этим и можно его одолеть — бумагами и фактами. А когда нужно, придется воспользоваться и своим положением... Первой победой над Бурхановым будет разрешение проблемы с Ишимовым. Значит, делом этим придется заниматься очень серьезно...

Усманов попросил секретаршу принести ему крепкого зеленого чая и принялся изучать остальные заявления и письма. Увлекся и не заметил, как пролетело время. Из селектора донесся голос Малохатхон:

— Дамир Усманович, будете принимать по личным вопросам? Уже пять часов.

— Буду. Много посетителей?

— Шестеро. Первым хочет зайти к вам Носир Пулатович.

— Пригласите.

Усманов поспешно встал и направился к двери.

— Что же сидите там, Носир Пулатович? — укорил он Пулатова, который переложил из одной руки в другую палку, чтобы обменяться рукопожатием. — Надо было сразу зайти.

— Знаю, что заняты. Не хотел помешать раньше времени. К тому же я по личному вопросу на этот раз. Как все, так и я...

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Усманов взял Пулатова под руку и проводил к дивану, с радостью отмечая про себя, что на палку Пулатов почти не опирается, а взял ее скорее по привычке.

— Как здоровье, Носир Пулатович? Выглядите превосходно!

— Благодарю.

Они сели на диван напротив распахнутых настежь окон. В кабинет, шевеля бордовые портьеры, вливался теплый ветерок. Прячась в густой листве чинары, заливалась майна, выводила такие рулады, что впору и соловью заслушаться.

— Мне кажется, дело идет на поправку, — сказал Пулатов, потирая колено. — Суставы, слава богу, теперь не болят. Только голова порой кружится, в такие минуты непременно надо на что-то опереться, вот и ношу палку с собой... Но, думаю, скоро и это пройдет.

— Непременно пройдет! — поддержал Усманов.

— Ну а как сами? — спросил Пулатов, внимательно приглядываясь к нему.

— Рахмат, тружусь потихоньку, — улыбнулся Усманов.

— Не потихоньку, а превосходно! Думаете, откуда я знаю? Районный «телеграф» работает! Людям ведом каждый ваш шаг. А значит, и мне. Правильно поступили, что не оставили без последствий случай с трактористом в колхозе имени Горького. И Мамашарифу-ота помогли. Мудро поступили, мудро. Люди к вам приглядываются, все замечают. И ваших добрых дел никто не позабудет.

Усманову была приятна похвала старого и опытного партийного работника. Знал, что прямолинейный и откровенный Носир Пулатович не сказал бы этих слов лишь для того, чтобы доставить ему удовольствие. Вот только

сам Усманов не был собой доволен. И сейчас испытывал чувство вины перед Носиром Пулатовичем. Сколько уже времени в районе, а так и не собрался провести его. Вернее, собирался, и не один раз,— хотел посоветоваться по ряду вопросов, но в последний момент передумывал: как-то неловко было беспокоить нездорового человека. А он выглядит вон каким молодцом! И не скажешь, что болен.

— Значит, мы с бадамсайцами испытываем друг к другу всевозрастающую симпатию,— смеясь, сказал Усманов.— Я ведь тоже стараюсь в меру сил изучить район, его людей...— Но тут же оборвал смех.— Только знаете, Носир Пулатович, как бы вам это объяснить?.. Мне все кажется, что ни одного дела я не довел до конца...

— Вам это только кажется. Недаром существует поговорка: «Не рассказывай о своих делах. Лучше послушай, что говорят о них другие». Люди рады, что вы сюда приехали. Я тоже рад.

— Благодарю. И я не жалею, что приехал. Буду и впредь стараться не разочаровать бадамсайцев. Однако многое мне все еще неясно. Хотел зайти к вам посоветоваться...

— Пожалуйста. В любое время. Буду рад. Но сейчас я к вам за советом.

— Слушаю вас, Носир-ака.

— Издавна лелеял мечту... К землям колхоза имени Горького с юга подступает степь. Целина. Вода туда не поднимается, а без нее там ничего не посеешь. Когда я работал в райкоме, не раз говорил Султанову: мол, давайте освоим эти земли, разобьем там сад. Огромный сад, на много гектаров! Он соглашается, обещает... и ничего не делает. Мол, времени не хватает. Вот если бы присоединить к его владениям готовый колхоз, то он не отказался бы. А осваивать новые земли — забот много... Ну а мне эта мечта до сих пор покоя не дает... Я уже, можно сказать, здоров. А главное — свободен. Если вы не возражаете, хочу с десятком парней освоить эти земли. А?.. Как считаете?.. Что же мне, остаток своей жизни дома прозябать? Останется от меня хоть какая-то память. И не заметим, как промчится несколько лет и здесь вырастет замечательный сад. Впоследствии можно будет неподалеку построить небольшой консервный завод.

— Завод? Сколько же там земли?

— Пятьсот — шестьсот гектаров. Площадь, достаточная для целого садоводческого совхоза. Я и имя нашел

этому совхозу. «Бадамсай»! Как? Ничего?.. Если райком даст свое «добро», можно начать хоть сегодня. Энтузиасты найдутся.

Усманов задумался. Тут есть над чем помозговать. Бывший секретарь пришел, конечно, с дельным предложением. Но по силам ли груз он хочет взвалить на свои плечи? Говорит, здоров. Но не так уж он и пышет здоровьем. Искандер Гаипович говорил о его тяжком недуге, от которого так просто не избавляются. Не окажет ли ему Усманов медвежью услугу, согласившись? Врачи же рекомендуют ему покой и покой... А сказать: «Знаете, Носир-ака, не стоит пока этим заниматься», — значит, обидеть его крепко. Пока он медлил с ответом, Пулатов не сводил с него пронизательных глаз и, будто угадав его мысли, сказал:

— Я знаю, кое-кто против этого предложения. Есть такие и в райкоме. Говорят, что я болен... Сомневаются, есть ли нужда в таком совхозе. В целесообразности создания такого совхоза могут сомневаться только близорукие люди. Их обычный аргумент — у нас фруктов и так предостаточно. Но они упускают из виду, что один наш совхоз сможет ежегодно обеспечивать фруктами два-три сибирских города. Думаете, строители БАМа или других строек не будут рады нашим фруктам?.. — Он помолчал, задумчиво глядя на трепещущую листву чинары, высвеченной вечерним солнцем. — А что касается моего здоровья... Чего уж там... Я не строю никаких иллюзий. Но тем не менее... не может же человек прежде времени хоронить себя. И домашние мои успокоятся, будут рады, видя, что я бодр, тружусь. А там... Да что загадывать? Там пусть продолжает кто хочет. Ведь главное — начать. Если дерево посажено в добрую почву, оно уже вырастет... Не подумайте, что все это взбрело мне в голову сейчас. Вопрос согласован. — Пулатов улыбнулся. — С моей благоверной согласован. И она готова отправиться со мной. Поставим шалаш, будем работать вместе, вспоминая молодые годы наши и первые народные стройки, где мы с ней познакомились. А к концу осени и какие-никакие жилища возведем... Ну, что скажете, Дамир Усманович?

— Удивительный вы человек, Носир Пулатович!

— А насчет сада?..

— Вашу мечту будем претворять в жизнь вместе!

Еще ни разу, с тех пор как приехал сюда, Усманов не испытывал такого удовлетворения. Предложение Пулатова открывало для него новое поле деятельности. Вливалось

в однообразную повседневность новую живую струю. На пустом месте будет создан совхоз! Конечно же Усманов создаст Пулатову все условия, будет помогать. Совхоз «Бадамсай»!.. Хорошо придумал Носир Пулатович. Есть еще, оказывается, у старой гвардии порох в пороховницах!.. Кто знает, может, в районе еще немало людей, которые вынашивают в сердце прекрасные идеи! Как узнаешь?.. А сколько таких идей, наверное, безвозвратно утрачено из-за скромности самих этих людей или из-за отсутствия человека, с которым можно поделиться, кто смог бы внимательно выслушать...

Проводив Носира Пулатовича до двери и сердечно простившись, Усманов опять подумал о старом пенсионере, письмо которого лежит на столе. Усманов обязан встретиться с ним. Завтра же. Не так-то уж много осталось активных участников гражданской войны, свидетелей бурной эпохи.

Усманов принял последнего посетителя и прибрал у себя на столе, собираясь уходить, когда вошел секретарь по идеологии Холяр Алиев.

— Я по личному делу, Дамир Усманович, примете? — явно испытывая неловкость, спросил он.

— Прошу вас, Холяр Алиевич.

Усманов, хотя и встречался уже с ним сегодня, поздоровался за руку и, сев на диван, хлопнул около себя ладонью, приглашая сесть рядом.

— Все благополучно?

— Да вроде бы... — сказал смущенно Алиев, отводя взгляд в сторону. — Дамир Усманович, я все собирался поговорить с вами, да никак не мог решиться... Вы меня поймете. Я, Дамир Усманович, много думал, прежде чем решился зайти к вам по этому поводу. Мне кажется... будет лучше, если я вернусь на прежнюю работу...

— Почему? — спросил Усманов.

— Видимо, эта работа для меня слишком трудна...

Именно от Алиева Усманов никак не ожидал такого. Этот скромный, немногословный человек всегда был занят какими-то делами. Нет, замечая его рвение, никак нельзя было сказать, что он тяготеет своей работой. Когда Усманов посылал за ним секретаршу, то почти никогда его не оказывалось на месте: то он в какой-нибудь школе, то в клубе, то на полевом стане, куда приехали артисты. В один из первых дней своей работы здесь Усманов, знакомясь с районом, объезжал колхозы. В правлении колхоза имени Горького он никого не застал, а из открытых окон

клуба доносились чьи-то голоса. Усманов зашел туда. И сразу обратил внимание на то, с каким умением велась наглядная пропаганда. На стенах красочно оформленные плакаты, ежедневные боевые листки, фотомонтажи, стенная газета. Еще тогда он решил поговорить с Алиевым, попросить ознакомить его с культурно-просветительной работой в районе. Но до сих пор ему так и не удалось этого сделать. Алиев два года не был в отпуске и теперь около двух месяцев отдыхал в санатории. А когда вернулся, уже всю шла посевная, тут уж Усманов был слишком занят. Сейчас Усманов пожалел, что не нашел времени поговорить с Алиевым. Необходимость в этом была. Недостатки в культурно-просветительной работе даже в райцентре стали заметны. А в клубе колхоза имени Максима Горького висели все те же плакаты и листки, которые когда-то так порадовали его. Пришлось крепко поговорить и с райсом, и с парторгом.

Усманов намеревался создать комплексную бригаду для проверки культурно-просветительной работы в колхозах и совхозах и обсудить результаты на бюро. После завершения сева он сразу и займется этим...

Но почему Алиев решил уйти? Увидел недостатки в своей работе — и в кусты? Или причина в другом?.. Усманов знал, что Алиев в райкоме работает более двух лет. До этого был директором школы. Большинство сотрудников о нем хорошего мнения. Во всяком случае, пока ничего плохого об Алиеве Усманов не слышал. А на последней партконференции Алиев получил при голосовании сто процентов голосов. Уж это ли не свидетельство того, что он пользуется авторитетом! Что же случилось? «Может, не хочет работать со мной?..»

— Мне тяжело это слышать... — сказал наконец Усманов.

Алиев поднял голову:

— Я боялся, что вы так подумаете. Нет, мое решение не имеет к вам никакого отношения.

— Надеюсь, — сказал Усманов. — И тем не менее... Я тут новый человек. А новичку обычно все помогают. Я же не помощи прошу. Если бы каждый занимался своим делом на совесть, уже это было бы большой помощью...

— Правильно... Я тоже так считаю. Поэтому как раз я и решил... Я же чувствую и вижу, что работу свою не выполняю как следует, как хотелось бы...

— Что же вам мешает?

Алиев взглянул на него и тут же отвел глаза, вздохнул:

— Что может мешать секретарю райкома?.. По-видимому, виноват сам. Не могу наладить дела... В школе... там все было ясно. Я четко знал, что мне предстоит сделать через месяц, не говоря уже о завтрашних делах. А сейчас... Занимаюсь какими-то мелочами, которые и сами по себе могут решаться в хозяйствах. А серьезные дела остаются в стороне. Приведу хотя бы один пример.

Ташкентское телевидение зимой организовало межколхозный конкурс «Добро пожаловать, таланты!». От нашего района участвовал в конкурсе коллектив колхоза имени Горького. Вторую премию получили. Это хорошо, конечно. В районе есть способные музыканты, певцы, танцоры. К конкурсу готовился весь район. И это хорошо... Плохо то, что мы готовились к этому конкурсу для того, чтобы занять какое-то призовое место, а вовсе не для того, чтобы поставить на должный уровень развитие нашей художественной самодеятельности. Единственная цель — победить в конкурсе. Под видом самодеятельных артистов колхоза имени Горького мы собрали способных участников самодеятельности со всего района, одели их, учили. К тому же, не доверяя своим специалистам, пригласили художественных руководителей из Ташкента. Обратились к видным композиторам республики, умолили их написать специально для нас новые песни... Конкурс прошел, диплом получили — и опять... как говорится, старый таз и старая баня... В большинстве колхозов так и не создано более или менее укомплектованных ансамблей. Даже в самом колхозе имени Горького. А в клубах, к стыду нашему, мы содержим шелковичных червей, храним зерно. Как будто не хватает амбаров!.. Это только один пример...

— Давайте еще.

— Из года в год принимаем решение не привлекать к сбору хлопка школьников. Принимаем, но не выполняем. Качество учебы в школах от этого страдает. В прошлом году в школах района посредственные оценки составили семьдесят процентов. Самый низкий показатель в области!

— А вы ставили эти вопросы на бюро? — спросил Усманов.

Очертания чинары перед окнами размылись в вечерних сумерках, листва слилась в сплошную темную массу,

с улицы потянуло прохладой. Усманов встал, включил электрический свет и вновь вернулся на место.

Подумав, Алиев ответил:

— До вас ставил неоднократно. Есть даже решения бюро. А что касается выполнения... — Алиев развел руками. — Все соглашаются, решение, мол, верное, но никто не выполняет. Я собирался поставить на бюро отчет некоторых райсов, но... не получил согласия... В первое время старался, пытался что-то изменить, а теперь... просто руки опускаются...

Усманов догадался, кто не дал согласия. Конечно же Казим Бурханович.

— Я сожалею, что мы с вами раньше не поговорили так же откровенно, — сказал Усманов. — Поначалу вы отсутствовали... Да и я, признаться, еще не был готов к подобному разговору. Все, что вы сказали, правильно. Недостатков у нас немало, предстоит еще многое, многое сделать... О своем решении уйти вы сказали только мне, пусть никто больше не узнает об этом. По-моему, мы хорошо сработаемся. Договорились?

С этими словами Усманов протянул Алиеву руку. Тот встал и крепко пожал ее.

— Я не хотел жаловаться, Дамир Усманович...

— Мне кажется, по многим вопросам наши взгляды совпадают. Теперь вам будет полегче. Вот мне без вас было бы тяжело. — Усманов улыбнулся. — В ваше отсутствие я дважды побывал в колхозе «Максим Горький»...

— Мне уже все известно, — сказал Алиев, виновато потупившись. — Сейчас парторг колхоза «Максим Горький» составляет годовой план работы клуба. Каждый пункт согласован с управлением культуры... Видимо, прослышали об этом и в других колхозах: приходят, просят показать им план. Словом, люди интересуются. Понимают, что от них самих во многом зависит, насколько полной, интересной будет жизнь в кишлаке.

Алиев перечислил готовящиеся мероприятия и конкурсы, назвал наиболее активных и способных организаторов.

Они беседовали долго. За окнами совсем стемнело, угас дневной шум. Лишь чуть слышно доносились звуки оркестра из парка да изредка где-нибудь сигналил автомобиль. Пришлось к слову, и Усманов рассказал о старом ювелире Мамашарифе-ота.

— Таких мастеров еще лет двадцать назад было много,

а теперь почти не осталось, — с сожалением заметил Алиев. — Бадамсайцы должны гордиться, что среди них живет настоящий художник. Кудрат Саимович недавно сказал, что исполком решил открыть для Мамашарифа-ота мастерскую. Он сможет подготовить учеников...

— Видите, как много дел у нас впереди. А вы...

Алиев опустил глаза и негромко проговорил:

— Будем работать, Дамир Усманович. Вот теперь я, кажется, начинаю чувствовать себя секретарем райкома. Будем работать!

Усманов еще раз, не скрывая симпатии, внимательно посмотрел на своего ровесника, начавшего преждевременно сидеть и чем-то — выражением ли глаз или манерой разговаривать, — еще неясно чем, напоминающего Пулатова.

ХIII

— В новый дом поедем? — спросил шофер, когда Усманов сел в машину. Но в его интонации прозвучал не столько вопрос, сколько напоминание об уже принятом решении.

А Усманов и в самом деле забыл, что сегодня может ехать не в гостиницу. С улыбкой кивнул — да, в новый. Интересный народ эти шоферы, все они всегда узнают, ничего, кажется, мимо них не проходит. Наверное, уже несколько раз побывал в новом доме...

Усманов давно собирался спросить у этого с виду сильного и неробкого парня, почему он работает на легковой, когда мог бы с такими физическими данными найти себе занятие более подходящее и лучше оплачиваемое — управлять, к примеру, экскаватором или, на худой конец, бульдозером, но все как-то не решался, думал: вдруг человек обидится? Рустамджан как демобилизовался из армии, так и работает с тех пор в райкомовском гараже. Ему бы штурвал хлопкоуборочной машины или МАЗ в руки! И зарабатывал бы больше, и работа для джигита. Усманов хотел сейчас затеять этот разговор, но сказал совсем другое:

— Рустамджан, в гостинице у нас ничего не осталось?

— Абсолютно. Все взяли, — весело ответил шофер, прибавляя скорость, и как-то странно посмотрел на Усманова. Будто собирался сказать что-то, но раздумал и лишь улыбнулся многозначительно.

«Вот теперь становлюсь настоящим бадамсайцем,—

подумал Усманов. — Дом есть. Интересно, понравится Хафизе? Понравится. Все, что нравится мне, нравится и Хафизе».

Усманов попробовал представить себе, что сейчас делает жена. Он любил ее, и с годами любовь его только крепла. Некоторые утверждают, что со временем любовь угасает, остается привычка. Но вот они с женой восемь лет прожили, а кажется, только вчера поженились. Хафиза стала ему близким другом, мудрым советчиком. Кто знает, может, женщины так и задуманы — должны быть семи пядей во лбу, во всяком случае Хафиза, хоть и моложе его на три года, куда мудрее и опытнее, чем он сам. Усманов часто не замечал даже, как во многих житейских ситуациях поддавался влиянию жены. Со стороны могло показаться, будто все делается, как хочет он, однако сами-то они знали, чья воля в данном случае возобладала. Он ни разу не раскаялся, что послушал жену. Потому что все, о чем заранее говорила Хафиза, что предсказывала, в конце концов исполнялось. Иногда он уступал ей после долгих споров, но и тогда оказывалось, что жена была права. «Вот видишь! — радуясь, говорила она в таких случаях. — А ты не верил...» — «Ты моя добрая ведунья!» — смеясь, отвечал Дамир.

Они познакомились во время сбора хлопка. Как давно это было! Усманов был секретарем комитета комсомола в своем институте и в страдную пору работал в штабе при правлении колхоза. Однажды он отправился верхом в бригаду, где собирали хлопок первокурсники; объехал поля, проверяя, чисто ли обобраны кусты, не остается ли в коробочках ошипков хлопка, который потом развеет ветер. Вечерело. Сборщики несли уже собранный хлопок на хирман. Парни с трудом тащили на себе мешки-канары, девочки, поддерживая обеими руками, несли на голове, словно большие белые караваи, набитые хлопком узлы. Скосив глаза, они с интересом поглядывали на молодого всадника. Многие узнавали его, здоровались. А кто на язык побойчее, опускали ношу на землю, словно бы передохнуть, и с улыбкой говорили: «Дамир-ака, покатайте! На таком скакуне хоть на край света... с вами!» Ну и сороки, любого джигита могли в краску вогнать. Он поднимал коня на дыбы и пускал вскачь. Под ним и вправду был добрый скакун. На солнце гладкий круп его блестел как шелковый. Ноги длинные, тонкие и быстрые. Сам раис одолжил ему своего коня. А кому не известно, что раис ездит на самом лучшем в колхозе жеребце.

На хирмане высилась белоснежная гора хлопка. А сборщики все несли и несли набитые мешки и фартуки. У весов собралась очередь. На хирмане первокурсников каждый день хлопковая гора вырастала выше, чем у соседей. Переходящее Красное знамя они удерживали у себя до конца сезона. И так каждый год — никто не мог отобрать знамени у первокурсников. Чем выше курс, тем ниже хлопковая гора на хирмане. А меньше всех собирали дипломники. Ни критика, ни уговоры на них не действовали. Если же их пытались пристыдить, приводя в пример первокурсников, они отвечали, что тоже были первокурсниками и собирали не меньше сегодняшних, если не больше. И это было правдой. Студенты старших курсов переиначили народную песню и весело распевали:

Мы были такими, как вы,
Вы станьте такими, как мы!..
Мы джигиты что надо — Алпымышу под стать,
А ваши девушки красивы, как Барчиной...¹
Помогайте сокурсницам норму собрать,
А нам предоставьте девчат развлекать,
С ними гуляя всю ночь под луной.
Собирайте, эй, собирайте,
Ощипок на кустах не оставляйте!..

Первокурсники, конечно, замечали в песне скрытую иронию, но и пожеланием старшекурсников оставались довольны и, теша себя надеждой, что спустя три-четыре года тоже станут такими, как они, старались до конца сезона работать на совесть.

И в тот день, как всегда, первокурсники поработали на славу. Усманов взял у табельщика сведения, опять сел на коня и поехал в правление. Дорога шла краем поля. Смеркалось. Вдалеке слышались голоса, смех сборщиков, возвращающихся в кишлак. Вдруг откуда-то из почти невидимых в сумерках междурядий до него донесся тоненький жалобный голосок:

— Эй, дядя!..

Усманов натянул поводья, конь нетерпеливо затоптался на месте.

— Дядя, подойдите, пожалуйста, сюда!..

Дамир прищпорил коня и въехал в поле. Конь резкими скачками, словно чего-то испугавшись, преодолел несколько междурядий. Дамир осадил его и увидел пря-

¹ Алпымыш, Барчиной — герои дастана «Алпымыш».

мо перед собой девушку, испуганно отпрянувшую в сторону.

— Вай, это вы, Дамир-ака? — удивилась она. — А я думала, тот дядя, который хлопок принимает!..

— Что так задержались? — спросил Дамир, слезая с седла.

— Не заметила, как наступил вечер, — простодушно ответила девушка и огляделась, отыскивая взглядом среди междурядий узел, до отказа набитый хлопком. Она была невысокого росточка и хрупкой, и, должно быть, поэтому узел ее показался Дамиру невероятно большим. — Не могу поднять, — смущенно сказала девушка.

Усманов нагнулся, чтобы одной рукой взять узел и положить на седло: мол, знай наших.

— Тяжелый... — предупредила девушка.

Дамир хотел поднять рывком, но узел выскользнул из пальцев. Осердясь, схватил обеими руками, поднатужился, но из-под ноги выскользнул ком сухой земли, он остутился и бухнулся на колени. Девушка звонко рассмеялась. А он залился краской — благо было темно и она не заметила, как он смутился и покраснел.

— Камней, что ли, для веса добавили? — спросил он, раздражаясь.

— Хлопок... С обеда не сдавала. Я помогу...

Девушка нагнулась и тоже взялась за узел. Дамир почувствовал ее теплое чистое дыхание. Ее выбившиеся из-под платка волосы коснулись его щеки. Он смягчился:

— Сами собрали столько?

— Конечно.

— Многовато.

Дамир положил свои ладони поверх ее рук. Они были теплые, нежные и очень маленькие. Девушка выпрямилась и поспешно спрятала руки за спину, поглядела исподлобья.

А Усманову в эту минуту почему-то смерть как захотелось понравиться ей. Он собрал все свои силы, поднял узел и взгромоздил его на седло. От напряжения даже испариной покрылся. Стараясь дышать ровно, как можно спокойнее посоветовал:

— Завтра не задерживайтесь так поздно. Вдруг я поеду другой дорогой?

— Ладно, — кивнула девушка и улыбнулась.

Однако он приехал и назавтра. И на следующий день. А спустя некоторое время уже весь институт говорил о влюбленных. Но Усманова эти разговоры нисколько не

смущали. Он чувствовал себя на седьмом небе, что встретил такую славную девушку. Всем сердцем полюбил он Хафизу. Мучился, не зная, любит ли она. А вскоре, когда они сидели на травянистом берегу канала, Хафиза призналась, что видела его во сне. А когда же девушке может присниться юноша? Только в том случае, если она его любит...

Они уговорились, что поженятся, когда оба закончат учебу. Но спустя два года пришлось спешно сыграть свадьбу. О причине знали только они двое: Хафиза сказала, что у них будет ребенок. Да не дождалась — не получилось, как они хотели. Хафиза тяжело заболела гриппом, и... не суждено было родиться их ребеночку. Оба извелись. Хафиза все глаза выплакала. Мاستура-апа старалась успокоить их: дескать, молоды еще, успеете обзавестись и детьми и богатством. Она очень привязалась к Хафизе, полюбила как родную дочь. И Хафиза с первого дня называла ее «онаджон» — мамочкой. Усманов радовался этому. Ведь мать с таким трудом вырастила его, единственного сына, и ему было бы больно, если бы невестка была с ней холодна и сдержанна. До женитьбы он не раз слышал о том, как бывает: невестка и свекровь нередко не понимают друг друга, и это приводит к разладу в семье. Он боялся даже думать об этом, зная, что не сможет вступить ни за ту, ни за другую, — он и к матери и к Хафизе относился с одинаковой нежностью. К счастью, его опасения оказались напрасными. И мать и жена были на редкость сердечны друг с дружкой. Они никогда не обидели бы никого напрасно, да и сами не были чрезмерно обидчивы.

Иногда Усманов шутя говорил Мاستуре-апа:

— Мама, не очень ли вы разбаловали свою невестку?

А та, не принимая шутки, отвечала:

— Почему это я разбаловала? Она меня называет мамой, как и ты. Я осталась в свое время с одним ребенком, а теперь вас у меня двое.

Усманов не без удовольствия передавал жене слова матери.

— Я тоже онаджон очень люблю, — говорила Хафиза. — Она только посмотрит и уже знает, что у меня на душе...

Но шли годы, а детей у них все не было и не было. И учебу закончили, и работать начали, поздравляли с первенцами своих друзей, которые поженились много

позже. А сами... Правда, ни Дамир, ни Хафиза никогда не заводили разговора о детях, хотя временами, особенно когда в доме становилось нестерпимо тихо, сердца их наполнялись безотчетным беспокойством...

А позже... У каких только врачей не побывала Хафиза! И в Ташкент ездила с Мастурой-апа, и в Москву. И все безрезультатно. Кто-то из врачей прямо сказал, что детей у них не будет; другие все-таки оставляли надежду.

И вот после стольких переживаний они вновь ожидают ребенка. Мастура-апа не позволяет Хафизе ничего делать по дому, сторожит каждый ее шаг, каждое движение.

«Рискнет ли мать привезти невестку сюда до родов?» — подумал Усманов, когда «Волга», скрипнув тормозами, остановилась у ворот.

А в новом доме, оказывается, его ожидала радость. Давешняя улыбка Рустама имела особый смысл! Едва Усманов, отворив калитку, шагнул во двор, увидел Хафизу.

— Хафиза! Когда же? — Он бросился к ней, обнял.

— Я их привез еще днем, — сообщил Рустам, поднимаясь мимо них по широким ступенькам веранды с охапкой книг в руках.

Голос шофера отрезвил Усманова. Выпустив жену из объятий, он взял у него книги и укоризненно покачал головой:

— А мне хоть бы слово, а, Рустам?

Рустам взглянул на Хафизу, улыбнулся:

— Сюрприз!

— Что ж, за такой сюрприз полагается суюнчи¹! — смеясь, сказал Усманов. — Проходите в дом.

— Не-е, мне домой пора.

— Оставайтесь поужинать, — предложила Хафиза.

Но Рустам поблагодарил, попрощался и ушел. На веранду неспешно вышла Мастура-апа в фартуке и с шумовкой в руках. Свободной рукой обняла сына, поцеловала.

— Хафиза решилась. Одна, говорит, поеду. А разве ж я отпущу ее в дорогу одну? Как можно... А ты похудел, скулы выступают, — заметила она, внимательно взглядываясь в лицо сына.

— Что же не сообщили? Завтра-послезавтра собирался съездить за вами. Зачем было спешить?

— Не посмели послушаться Искандера-ака, — ответила

¹ Суюнчи — подарок за радостную весть.

Хафиза, лукаво поблескивая глазами. — Он позвонил нам и упрекнул, что мы тебя бросили одного.

— Только мы с собой не захватили почти никаких продуктов. Так, налегке, — призналась Мастура-апа. — Взяла только крупного девзиранского рису. Умывайся скорее. Плов, наверное, уже готов.

И она заспешила обратно на кухню.

— Значит, рад? — спросила Хафиза, когда они остались одни.

Усманов осторожно прижал ее к груди. Его поразила перемена в ней: лицо сделалось одутловатым, в пятнах, но глаза все так же были полны лукавства.

— А чья это кастрюлька в гостинице, признавайтесь?

— Какая кастрюлька? — удивился Усманов и вдруг ощутил толчок в ее округлом, касающемся его животе. — Это он шевелится?

— Такая белая с красными цветочками... Этой... Карамоновой, да?

Усманов рассмеялся:

— Нет, не ее. А молодой... красивой... очень стройной и симпатичной девушки.

Он попытался положить ладонь на ее высокий живот.

— А как ее зовут? — спросила Хафиза, отодвигаясь.

— Как зовут? — С языка чуть не слетело первое пришедшее на ум имя — Халида, но спохватился, подумал, что они ведь могут встретиться, и тогда шутка делается слишком похожей на правду. — Мухаббат! Ее зовут Мухаббат!

— Красивое имя, — задумчиво проговорила Хафиза и по-детски надула губы.

— Самое красивое твое, — поспешил сказать Усманов, заметив, что глаза жены вдруг погрустнели. — Соскучился! Хорошо, что ты приехала!

— Я тоже... соскучилась, — сказала Хафиза тихо, почти шепотом и, закрыв лицо руками, прижалась к его груди.

Во время ужина Усманов, окинув взглядом комнату, спросил:

— Нравится?

Хафиза положила ложку и внимательно осмотрелась, словно до этой минуты толком и не разобралась, где находится. Видимо, так оно и было. Хафиза радовалась не дому, а тому, что они наконец вместе.

— Одну комнату отведем вам под кабинет, — сказала она.

— Тогда наш малыш останется без комнаты. Нет, лучше одну из комнат сделаем детской,— предложил Усманов.

Мастура-апа перевела взгляд с сына на невестку, потом опять на сына.

— Двор, оказывается, большой,— вступила она в разговор.— Если где-нибудь в углу соорудите мне комнатушку с маленькой верандой, то все прекрасно разместится...

— Ну что вы, мама! — запротестовал Усманов.— Лучше я пристрою для себя отдельное помещение для кабинета. А вы будете жить здесь. С невесткой.

— Конечно! — поддержала его Хафиза.

После ужина Мастура-апа заставила их пойти прогуляться. Хафиза надела широкое клетчатое пальто, скрадывавшее ее полноту. Усманов бережно взял ее под руку. Он решил, что они дойдут до райцентра и вернутся обратно. Уже стемнело. Вдалеке мерцали огни районного центра. В густых зарослях джиды и плакучих ив, разросшихся по берегам речки, всюду заливались соловьи. Слушая их, Хафиза некоторое время шла молча. Потом принялась рассказывать, как они жили вдвоем с матерью, шутила, смеялась. Не заметили, как дошли до райцентра. Когда проходили мимо здания райкома, Усманов увидел на втором этаже свет. Хорошо, что он организовал дежурства. В любой час дня и ночи каждый человек, если необходимо, может обратиться прямо в райком.

— Это мои окна,— показал он на два темных окна рядом со светящимся.

Хафиза остановилась и долго смотрела на них. Потом внезапно спросила:

— Дамир... Ты... не боишься?

— Чего? — не понял Усманов.

— Ведь район какой большой, а?.. Сколько людей! И надо знать, что у них на сердце, что думают... Это же такая ответственность...

— Иногда боюсь,— признался Усманов.— Когда остаюсь один...

— Я никогда не оставлю тебя одного,— сказала Хафиза и крепче прижала локтем его руку к себе.

Усманов улыбнулся. Как здорово, что приехала Хафиза. На душе спокойно, и думается лучше. Пока прогуливались, он рассказывал ей о Полвонове, о Носире Пулатовиче, об Ишимове. Когда знаешь, что вокруг тебя такие люди, можно ни о чем не тревожиться.

Свернув с главной улицы, они вошли в садик. Хафиза устало опустила на скамейку.

— Знаешь... уже скоро, — прошептала она и улыбнулась таинственно и робко.

Усманов нежно взял в руки маленькие горячие ладони жены, поднес к губам...

— Если родится сын, как мы его назовем?

Усманов молча улыбнулся. Наверняка Хафиза уже знает как.

— А я придумала. Улугбек. Сыновья историков должны носить славные имена. Да и красиво, правда? Мне кажется, такое имя могут носить только мужественные люди.

— А если девочка? — спросил Усманов.

— Икбол. Девочку назовем Икбол. Это имя означает «счастье». Мы же с тобой счастливые, правда?..

Хорошие имена придумала Хафиза. Наверное, долго выбирала.

Вдруг Усманов почувствовал, как вздрогнули ее руки в его ладонях.

— Дамир! — испуганно сказала Хафиза, и в ее глазах он увидел растерянность и страх: — А вдруг... Опять... Родится мертвым?..

— Не говори так... — Усманов опустил глаза. У него у самого нет-нет да и мелькала эта пугающая мысль. — Не думай об этом. Теперь он будет жить. Вот же он, живехонький, шевелится...

— Если опять... больше рожать не буду... Не могу я больше...

Она заплакала.

Усманов обнял ее за плечи, прижал к себе и прошептал, касаясь губами ее волос:

— Ты мне дороже всего на свете. Дороже жизни, дороже ребенка. Была бы ты! Ты мое счастье.

— А люди?.. Люди не дадут покоя. Скажут: такой человек и без детей. Будут советовать тебе жениться на другой. И будут правы. Да что там, если и на этот раз... возьми себе другую. Ладно? — Хафиза опять всхлипнула и уткнулась мокрым лицом ему в грудь.

Усманов рассмеялся:

— Ну и глупышка... О чем ты, право? Я же сказал — ты мне нужна. — Он посерьезнел. — Даже если и не будет у нас ребенка — не судьба, значит. Что ж, не одни ведь мы на свете без детей.

— Тогда... Тогда возьмем на воспитание, — еле слышно прошептала Хафиза.

— Не бойся так... У нас будет свой.

Усманов крепко прижал жену к себе, почему-то испытывая необъяснимую жалость к ней и тревогу. Он вспомнил жену тракториста, как она сидела, придавленная горем. Ее все жалели, никто не мог остаться равнодушным: вдова и с шестью детьми. Но куда труднее, наверное, было бы ей пережить горе, если бы она осталась совсем одна. Кажется, все женщины боятся одиночества. Но Хафизе он никогда не даст даже подумать об одиночестве.

Он вытер слезы на ее щеках и стал целовать, как давно не целовал, торопливо, нежно, в лоб, в глаза, в щеки, в шею.

— Ну что ты, перестань... увидят же, сумасшедший, — смеясь, тихо приговаривала Хафиза, а сама теснее прижалась к нему, обвила руками его шею. — Скажут, секретарь райкома по ночам в парке целуется с девчонками.

— Ну и пусть. Секретарь райкома тоже человек!

Мастура-апа заждалась их и начала беспокоиться.

— Как же ты так, Хафиза! — упрекнула невестку, едва та переступила порог. — Надо же беречься! Тебе уже нельзя по стольку ходить.

Хафиза многозначительно посмотрела на мужа, будто хотела сказать: «Да, я очень устала. Зато счастлива. Около тебя мне ничего не страшно...»

Ночью у нее начались схватки. Усманов вызвал машину и сам отвез Хафизу в родильный дом.

XIV

Бюро райкома обсуждало ход посевной. В середине заседания Бурханов почувствовал себя нехорошо. По телу разлилась какая-то слабость, и голова разболелась, словно налилась свинцом. С ним иногда случалось такое, и он надеялся, что вот-вот само и пройдет, полегчает. Но боль не отпускала. Он почти не слышал, о чем говорят выступающие. В ушах звучали голоса, а слова как бы пролетали мимо сознания. Он постарался вслушаться, когда снова зашла речь о Султанове. Опять толкут воду в ступе. Говорили же о нем на предыдущем бюро, разве недостаточно?.. И все Усманов. Он. Еще и об Ишимове разговор затеял. Заодно и Бурханова помянул. Что он от Бурханова хочет? Собирается с грязью смешать? А иначе зачем подрывать

его авторитет перед членами бюро? Нет, Бурханов не из тех, кого легко сломать. Бурханов сам может кого хочешь...

Бурханов с трудом дождался конца заседания. Еще никто не успел встать с места, он поднялся и первым покинул кабинет. Зайдя к себе, бросил в рот сразу две таблетки анальгина и запил двумя пиалушками остывшего зеленого чая. Посидел в кресле, закрыв глаза, прислушиваясь к голосам идущих через приемную членов бюро. Облегчения не наступило. Прибавилась еще и ноющая боль в левом плече. Боль эта ему уже знакома — сердце дает о себе знать. Обычно с ним такое бывает, когда он чем-нибудь сильно раздражен. Но, слава богу, быстро проходит. А сейчас... Все еще жжет плечо, будто раскаленную иглу вогнали в него.

Взглянул на часы. Ого, давно пора быть дома...

Придя домой, Бурханов велел жене сварить маставу поострее. Зашел в кабинет и, не дожидаясь, пока будет готов ужин, медленно выцедил рюмку коньяку. Затем переделся и растянулся на диване. Упругие толчки крови в голове ослабли, покалыванья в сердце стали утихать.

Что вообще случилось? Что его так расстроило? Ведь никто из членов бюро и слова не сказал против Бурханова. Только этот выскочка Усманов... Все, конечно, почувствовали, что Бурханов защищает Султанова. Ну и что? А если он так считает? Его твердое убеждение — нельзя без конца винить Султанова. Если за каждый несчастный случай привлекать к ответственности руководителя, то он мало-помалу потеряет инициативу, станет и тени своей бояться, перестанет самостоятельно решать наипростейшие вопросы. А такое положение хозяйству, более того — району не может сулить ничего хорошего. Ну и что, если раис приказал вспахать этот злополучный участок? Должна же быть у каждого человека и своя голова. Если тебе приказывают спрыгнуть с крыши, надо ли прыгать? Конечно, нельзя сказать, что Султанов совсем уж не виноват, однако главная вина лежит на самом трактористе! Так считает Бурханов. Убежден. Не согласились с ним — и не надо. В спорах рождается истина. Диалектика! Стоит ли из-за этого так расстраиваться?..

Бурханов закрыл глаза. Побаливали веки. Приподнялся на локте и, подложив под голову две расшитые шелком подушки, взял лежавший на валике журнал.

«Шум и ярость», — прочитал он по-русски. По-видимому, сын оставил. Фолкнер. Знакомое имя. Что же он читал из его произведений? Попытался вспомнить, но не мог. Он вообще читал немного. Не потому, что не хватало времени, просто не любил. Зато обожал песни. Знал наперечет всех певцов республики. И поэтов-песенников тоже знал. Если в район приезжала бригада писателей, а среди них не оказывалось поэтов-песенников, то он сам предлагал организаторам встречи немедленно пригласить их. И до самого отъезда гостей находился с ними. Бурханов любил лично участвовать в составлении программы поэтических вечеров или концертов, а затем, сидя в зале, когда выступал поэт или певец, со знанием дела объяснял сидящим рядом суть песни, кто и как ее исполняет. Впрочем, он и сам неплохо пел, аккомпанируя себе на дутаре. В узком кругу друзей не заставлял себя долго упрашивать. Ему нравились и собственный голос, и аплодисменты. Самым любимым его поэтом был Бабур, царствовавший несколько веков назад и находивший время писать стихи, волнующие и наших современников. А среди хафизов¹ он отдавал предпочтение Фахриддину Умарову. Он и других певцов, конечно, слушал с удовольствием, но никого не ставил выше Фахриддина Умарова... Что же он еще любил?.. Да, еще он любил мультфильмы. Если в официальном кругу или с друзьями речь заходила о культуре и искусстве, то он обязательно замечал, что в Ташкенте давным-давно пора открыть кинотеатр для демонстрации мультфильмов. А в Бадамсае дважды в год проводились недели мультфильмов. По чьей инициативе? Конечно, по инициативе самого Бурханова. Эти недели становились настоящим праздником. Радовались и дети и взрослые. Госкинокомитет республики несколько раз награждал Бурханова почетными грамотами.

Он, конечно, слышал о Фолкнере по печати. «Шум и ярость»... О чем эта вещь? Интересное название. Надо спросить у Мансура. Опять словно буравчик ввинтилась в голову боль. Лекарства бы еще выпить, да лень пошевелиться. Даже жену позвать лень... Он, кажется, понял наконец, что сегодня его так расстроило. Усманов. Не столько сам он, сколько... Изо дня в день все больше и больше людей проникается к нему симпатией. И чем больше он нравится окружающим, тем большую неприязнь испытывает к нему Бурханов. Вот и на бюро сегодня...

¹ Хафиз — певец, исполняющий старинные народные песни.

Усманов держался весьма свободно, не то что в первые дни. А Бурханов чувствовал себя неважнецки, скованно. Будто они местами поменялись, будто не Бурханов проработал тут с этими людьми столько лет, а он, Усманов!.. За все заседание произнес с десяток слов, зато как произносил: веско, внушительно... А эти...тьфу, сидят и смотрят ему в рот, стараются каждое слово на ус намотать. Определенно Усманов сегодня еще больше расположил к себе этих людей. Быть может, и самому Султанову приглянулся. Как прилежный ученик сидел Сатыбалды, не сводя с Усманова глаз, и после каждого его слова кивал головой. А Полвонов? Тот и вовсе таял как масло... Не только эти двое — все слушали, вытянув шеи и растопырив уши. Усманов говорил негромко, голос у него не такой зычный, как у Бурханова. А Садыков... Садыков сегодня прямо расцвел. И спину распрямил, и голос у него опять прорезался. В прежние времена он при Пулатове подобным образом держался. А когда Пулатов ушел, Бурханов его крепко в руки взял. Что Бурханов хотел, то Садыков и делал. При разговоре не смел и в лицо глянуть. А сегодня... Ишь, храбрец, показал себя — выступил против Бурханова. И как выступил! Мог бы свою мысль выразить и поиному. Так нет, рубанул напрямик: «Не могу присоединиться к предложению товарища Бурханова!» Не можешь... А в другое время присоединился бы. Еще как присоединился бы. Значит, силу за собой почувствовал. Силу, которая превосходит силу Бурханова... Когда и в чем Бурханов дал маху? Как Усманову удалось достичь такого влияния?

Бурханов принялся перебирать в памяти все то, что сделал Усманов по приезду в Бадамсай. И ничего такого он не находил в его делах, что можно было бы особенно отметить. Все это могло делаться и без него. А может, о некоторых его начинаниях Бурханов просто не знает? Неужели он так хитер, этот Усманов?..

Вспомнилось дело Ишимова. Правильно, его документы задержал Бурханов. И любой честный человек поступил бы так. Лучше документам этим лежать здесь, чем они будут возвращены сверху. Ну и что же, что хороший чабан? Ну и что, если трудолюбивый, опытный? А в биографии много «белых пятен». Никто, кроме него самого, не знает, как он очутился в плену и что там делал. Были бы свидетели, тогда другое дело. Жаль, конечно, что у него нету свидетелей. Бурханов же тоже человек, не бревно: как только подумает про Ишимова, всегда огорчается,

жалеет его. Но в жизни, особенно в партийной работе, бывают вещи, которые стоят выше всяких там огорчений и жалости. Разве не сказали бы в обкоме, в Центральном Комитете, Президиуме Верховного Совета: «Послушайте, что вы делаете? Глаза у вас есть? Ум есть? А вот мы в этом крепко сомневаемся!» Нет, Бурханов прав. И что бы ему ни сказали, он от своего не отступится...

Да, сегодня еще говорили о ювелире. Кажется, Садыков что-то о нем упомянул. Это же мелкий вопрос. Неужели секретарь райкома и бюро должны заниматься всякими там стекляшками и мишурой? Ну хорошо, произошла ошибка, согласен. Затем старик по чистой случайности наткнулся на Усманова, хотя встретиться и поговорить собирался с ним, с Бурхановым. Обратись он к Бурханову, объясни все как есть, неужели же он не понял бы его? Понял бы и оставил бы в покое. Что в том плохого, что проверили старика? Честен. Ну и хорошо, что честен, пусть себе трудится. Зато другим наука, тем, кто занимается частной торговлей: прижмут небось хвосты, а некоторые и свои «лавочки» прикроют. Нет, и в вопросе с ювелиром Бурханов не дал маху. Правда, жестковато обошелся. Но иногда и так не мешает. Иначе в районе не будет чувствоваться сильной руки. А в случае чего кто виноват? Бурханов. Потому что Бурханов стоял во главе района.

Да, стоял... Мог бы и остаться. Почему обошли его?.. Вспомнилась одна из бесед с Носиром Пулатовичем.

Пулатов в меру сил еще работал, но его заявление уже лежало в обкоме. Однажды в беседе с Бурхановым он как-то обмолвился о своей болезни и желании уйти с работы. С того момента Бурханов потерял покой. Сам чувствовал, что старается чаще попадаться на глаза Пулатову, что по несостоящим вопросам заходит к нему советоваться. Иной раз за это корил себя и все равно иначе поступать не мог. Пулатову он, конечно, говорил, когда приходилось к слову: «Ну что вы, напрасно вы это затеяли. Зачем уходить? Вы обязательно поправитесь, наберетесь сил...» — а в душе радовался. Разумеется, он отдавал себе отчет, что на место Пулатова могут и не его поставить, а прислать нового человека. Однако, когда речь пойдет о первом, могут вспомнить и про него. Почему бы и нет? Он уже столько лет в районе. Работает неплохо. С тех пор как прибыл сюда, план по хлопкозаготовкам выполняется. Бадамсай считается одним из передовых районов области. Его, Бурханова,

знают и в обкоме, и в Ташкенте. Выходит, первым стать он может, и это не так уж и нереально.

Бурханов с нетерпением ожидал дальнейших событий, волновался. Каждый день, являясь на работу, первым делом заходил к Пулатову в надежде узнать, нет ли чего нового. Если звонили из обкома или из Ташкента, сердце его екало, билось чаще и не успокаивалось до тех пор, пока он не выяснял причины звонка. Однако минул и месяц, и другой, а в его жизни ничего не менялось. И тогда он решил действовать. По всякому — стоящему и нестоящему — поводу мчался в Фергану, заходил в обком партии. А если не мог поехать, то без конца звонил знакомым, полагая, что, может, услышит от кого-нибудь что-либо для себя приятное. За суюнчи, конечно, дело бы не стало. Но, увы, никто ничего не знал, и никто из близких знакомых не говорил ничего приятного. Терпенье лопнуло, и тогда он сам зашел к Пулатову якобы посоветоваться по некоторым делам. Поговорили. Пулатов налил ему пиалушку крепкого горячего чая. Бурханов незаметно подвел разговор к интересующей его теме:

— Носир Пулатович... это... ваше заявление уже рассматривается или нет? Поймите меня правильно, я интересуюсь просто так.

Пулатов умолк. Задержав на Бурханове тусклый и усталый от болезни взгляд, улыбнулся. Бурханов не выдержал, отвел глаза.

— Заявление... — произнес глухим и каким-то чужим голосом Пулатов. — Рассматривается... Я знаю, мою просьбу удовлетворят. Как мне известно, сейчас подбирают кандидатуру. Бадамсай не маленький район, сложный, многоотраслевой... Думаю, человек найдется. Не сегодня завтра... найдется...

— Конечно, конечно, — поспешно закивал Бурханов. — Человек, разумеется, найдется. Но, знаете ли... Мы, конечно, не хотим, чтобы вы нас покинули, мы все очень хорошо с вами сработались. Однако... Если уж вы в самом деле решили уйти... желательно на ваше место кого-то из своих... или из тех, кто хорошо знает район...

Тирада эта ему далась не без труда, и он почувствовал, что краснеет, а на лбу выступили капельки пота. Не дождавшись ответа Пулатова, который сидел, задумчиво подперев рукой щеку, добавил:

— Поймите меня правильно... Меня беспокоит... Меня беспокоит будущее района. Я за район болею...

Пулатов и на этот раз промолчал. Бурханов взглянул на него исподлобья и в знак того, что не намерен более отнимать у собеседника время, попытался встать, однако не смог и пошевелинуться, словно приклеенный к месту.

— Казим Бурханович!..— сказал Пулатов, глядя в окно, где медленно угасал день.— Давайте поговорим откровенно... Как коммунисты...

— Я слушаю вас,— проговорил растерянно Бурханов, почувствовав, как внутри у него что-то оборвалось, как заняли от напряжения фаланги пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла.

— Вы знаете, что я отношусь к вам с уважением,— негромко произнес Пулатов, продолжая глядеть в окно, где постепенно меркли лучи солнца, пронизавшие крону чинары. То ли его душила астма, то ли он медлил, подбирая и обдумывая слова,— после каждой фразы он умолкал на секунду-другую, и в груди у него слышался хрип. Чувствовалось, что разговор ему стоит усилий, но он не хочет, чтобы это заметили.— Вы хорошо знаете свою работу... И район, и людей... Если будете в дело вкладывать сердце, то станете хорошим секретарем. Вторым... Это очень большая ответственность. Большое дело... А для того чтобы подняться до уровня первого секретаря, необходимо обладать еще некоторыми свойствами. Например, душа должна быть шире. И чувствительнее, что ли... Нужно уметь не только думать о завтрашнем дне, но уже осязать его... Надо больше уважения к людям, внимания, любви... К сожалению, не могу сказать, что я сам обладаю всеми этими качествами... И быть может, потому собираюсь уступить свое место другому... Правильно поймите меня, как сами выражаетесь. Первый секретарь просто не имеет права таить на кого бы то ни было обиду, или, как в народе говорят, держать камень за пазухой. Он должен относиться ко всем одинаково... Для него нет крупных и мелких дел, важных и второстепенных. Все для него важно. Потому что за всяким делом, за всякой бумажкой стоит человек...

«Видимо, считает, что у меня эти чувства атрофированы. Потому и говорит,— с неприязнью подумал Бурханов.— А другие что... Такие уж идеальные? А ведь работают!..»

— Без этих качеств быть первым секретарем невозможно,— продолжал Пулатов.— Если даже он многоопытен, грамотен, окончил высшую партийную школу... Го-

ворят, у одного поэта спросили, мол, который из ваших сыновей станет поэтом? Он показал на одного из них и сказал: «Вон тот! Лжет много. Но лжет так, что эту ложь можно принять за правду!»

Пулатов засмеялся, и его желтое, будто пергаментное лицо вдруг порозовело. Бурханов тоже заставил себя улыбнуться, еще не понимая, к чему клонится разговор.

— Если бы меня спросили, кто может быть партийным работником, в частности первым секретарем райкома, я бы ответил: «Тот, кто любит людей и может пожертвовать собой ради правды». Может, ответ примитивный, но правильный... Писателей называют инженерами человеческих душ. Это название подходит и для партийных работников. Не зная тонкостей человеческой души, не умея разобраться в ней, вникнуть, трудно что-либо требовать от людей... Так что простите, Казим Бурханович... Я не могу рекомендовать вас первым секретарем. Пока... невозможно.

— Я... я не имел в виду себя... Я же не предлагаю своей кандидатуры!..

Бурханов и сам не знал, откуда нашел в себе силы, чтобы сказать так. Он был растерян, оглушен, все его существо будто обледенело.

— Знаю, знаю, — поспешно согласился с ним Пулатов. — Вы не предлагаете своей кандидатуры. И не предложите. Вы не из тех, кто печется лишь о себе... И, видимо, понимаете, что это выглядело бы... гм... нескромно. Но со временем, мне кажется, из вас может получиться хороший секретарь. Ведь все зависит от самого себя...

Бурханов сидел потупясь и молча кивал. Он не помнит, как вышел тогда из кабинета Пулатова, как возвратился домой. Он еще ни разу не попадал в столь неловкое положение. Из разговора с Пулатовым он понял, что не только не станет первым, но и на своей-то работе едва держится. Если бы его кипятком окатили с ног до головы, и тогда, наверное, он чувствовал бы себя лучше. Крепко обиделся он на Пулатова, хотя в ушах все еще звучал его голос: «...секретарь просто не имеет права таить на кого бы то ни было обиду...» Хочешь не хочешь — обозлишься. Ведь этот человек в прах развеял все его намерения, мечты! Дал понять, что Бурханов не годится в партийные работники. Неужели теперь он должен начинать жизнь заново?!

У Бурханова пропал всякий интерес к работе. Ни до чего не было ему дела. Будто одеревенели и душа и тело.

Бог знает, сколько бы это тянулось. Но Пулатов слёг, и выяснилось, что на работу он больше не выйдет. А Бурханова вызвали в обком и сказали: мол, будете пока исполнять обязанности первого секретаря. Так-то!.. Бурханов взял себя в руки. Былые мечты вновь ворвались в сердце. «А кто такой Пулатов? — рассуждал он, вспоминая беседу с ним.— Вопрос решает обком. Наверное, хотят испытать. Пусть испытывают. Бурханов еще покажет, чего он стоит!..» Так он утешал себя. Но нет-нет да и приходили в голову слова Пулатова. Старался забыть их — тщетно. Вот и сегодня пришли на память. Неужели еще кто-то думает о нем так же, как Пулатов? Это он, Пулатов, считал, что Бурханов увлекается администрированием. Не убеждает, нет, а лишь приказывает. Но если тебя посадили на это место, должен же ты иногда уметь и приказывать. Разве можно из этого делать вывод, что у тебя нет любви к людям! Когда надо, он ради людей себя не пощадит. Взять хотя бы сель прошлого года. Он же чудом остался жив, спасая людей. Искандер Гаипович, узнав об этом, даже отругал его. А потом, правда, все-таки поздравил, руку пожал. Да, очень просто мог тогда Бурханов погибнуть.

Случилось это в середине марта. Внезапно потеплело, в горах начал интенсивно таять снег. Бадамсай вышел из берегов. Однако синоптики сообщили, что половодье не представляет опасности, что к вечеру вода убудет. Хорошо еще, Бурханов их не послушался и предпринял кое-какие меры предосторожности. Всю ночь не мог уснуть, будто сердце чуяло беду. А перед утром по телефону сообщили, что в кишлаке Сельетди наводнение и три-четыре дома уже смыты потоком. В ту же минуту Бурханов выехал в Сельетди. Подъехать к кишлаку уже было невозможно. Бурханов выскочил из машины и увидел страшную картину. Перед ним разлилось целое море мутной воды. Где-то в его середине бурым островком возвышались глинобитные дома, темнели деревья — голые ветви, словно воздетые руки, молили о пощаде. А вода прибывала, бурлила, закручивала воронки. На ее поверхности плавали двери, оконные рамы, сундуки, тряпье. Проплыл, жалобно мыча, уносимый потоком теленок.

— Жертв нет? — спросил Бурханов.

— Пока нет. Но кто знает... В кишлак пробраться нельзя, — ответили ему.

И в это мгновение в середине потока показалась деревянная люлька. Накренясь на один бок, она плыла по те-

чению, плавно кружась у краев воронок. Не успел Бурханов подумать, пустая она или нет, как со стороны кишлака донеслись отчаянные крики женщины. Потом она показалась сама. Вернее, в воде промелькнули ее голова и руки.

— Сынок!.. Алишер!.. — кричала она, барахтаясь и пытаясь добраться до середины потока.

Бурханов бросился в воду. Едва пальто успел сбросить. Ледяная вода ожгла тело. В несколько взмахов он настиг люльку. Полный щекастый бутуз, уставясь круглыми глазами в небо, преспокойно сосал свою соску. Бурханов в отяжелевшей одежде едва мог двигать руками и ногами, он с трудом тянул люльку к берегу. Вода несколько раз накрывала его с головой, думал, все, не выплывет. Но подошли люди, вытащили и его и люльку.

— Где его мать? Спасите мать! — сказал Бурханов, ступив на берег. Его тошнило от усталости, а глаза заволокло черной пеленой.

Мать ребенка уже выбралась на этот берег и бросилась к люльке вне себя от радости.

Спустя четверть часа прибыли военные на вездеходах-амфибиях. Они эвакуировали людей из Сельетди в безопасное место. В тот же день жители кишлака в знак благодарности подарили Бурханову чапан — надела на него собственноручно мать спасенного ребенка. И слышать не хотела возражений, почти насильно натянула на его плечи бекасамовый чапан, еще и шелковым платком перепоясала.

— Через двадцать лет придете на его свадьбу! Алишер теперь и ваш сын! — сказала она.

Потом ее муж, служивший в это время в армии, прислал Бурханову телеграмму. Благодарил.

Что и говорить, об этом событии долго вспоминали в районе.

А происшествие в колхозе «Правда»?..

Года три или четыре прошло. Бурханов теперь и не помнит, по какому делу приехал в кишлак. То ли на партийное собрание, то ли с какой-то проверкой. При въезде в кишлак перекинут мост через Бадамсай. Сейчас новый построили, широкий, бетонный. А тогда был другой мост, деревянный. Когда проезжали по нему в машине, Бурханов вдруг заметил в реке опрокинувшуюся арбу с сеном. Из воды выступали только голова ишака и одно колесо, охапки мокрого сена медленно плыли вниз по течению.

— Останови! — крикнул он шоферу.

Они выскочили из машины и стали смотреть по сторонам, надеясь увидеть хозяина арбы.

— Эй, есть там кто-нибудь? — крикнул Бурханов в сторону арбы, сложив ладони рупором.

Из-за арбы показалась захлебывающаяся старушка; ее платок, видимо, уплыл. Седые мокрые волосы облепили лицо, шею. Бурханов подал ей руку, помог выбраться на берег.

— Этот проклятый боится моста, — проговорила она, трясаясь от холода и испуга.

Поблизости никого не было. Бурханов взглянул на шофера.

— Вытащим!

Через несколько минут они вдвоем добрались до арбы. Вода доходила до пояса. Половина сена уплыла. Но то, что осталось, промокло, потяжелело; им вдвоем лишь с большим трудом удалось поднять арбу и поставить на колеса. Ишак, который уж почти захлебывался, встал на ноги, напрягся изо всех сил, потянул, фыркая и отдуваясь. Бурханов и его шофер налегли на арбу сзади, поднатужились и, подзадоривая друг друга криками, вытащили арбу на берег.

Старушка не знала, как и благодарить их, приглашала домой. «Зайдите, выпейте хоть по пиалушке чая, погрейтесь», — просила она.

Бурханов тепло попрощался с ней и велел шоферу ехать прямо к дому раиса. Им прежде всего следовало обшиться...

И об этом событии столько было разговоров!..

Можно ли его после этого упрекнуть в черствости, невнимании к людям?..

А чего ради он связался с этим Мукимовым, директором совхоза имени Нариманова? Что ни встреча, то спор, дело чуть до скандала не доходит. Чего ради он стал бы портить себе нервы, если б не забота о людях?

Джура Мукимов, поездив по стране, побывав за границей, повидав свет, построил у себя поселок нового типа. Тридцать два двухэтажных коттеджа построил. На крышах открытые площадки: хочешь — сад разводи, хочешь — огород, а хочешь — наполни водой бассейн и купайся на здоровье. Хорошие дома. Бурханов приехал, посмотрел, похвалил. Потолки высокие — и прыгнешь, не достанешь. При каждом доме двор. По шесть соток. Любой, кажется, жил бы в таком доме да радовался. Ан нет...

На днях заспорил с Мукимовым, чуть не рассорился. И все из-за этих домов.

Мукимов планировал переселить в новый поселок всех жителей Найманчи. А старый кишлак снести и на его месте разбить хлопковое поле. Но некоторые сельчане, особенно старики, категорически выступили против. Когда Мукимов пожаловался на них Бурханову, то не получил поддержки, на которую рассчитывал.

— И правильно возражают! — сказал Бурханов.

— Почему? — удивился Мукимов.

— Потому что Найманча — их родной кишлак. Они здесь родились, выросли. Здесь жили и отцы их, и деды, тут могилы нескольких поколений. Можно ли взять и перерубить с маху все корни? Нужно начать с молодых, пусть они переселяются, а стариков пока не стоит трогать. Повременить надо. Постепенно, конечно, и они переберутся к своим детям... Словом, пусть Найманча остается на старом месте.

— В таком случае невозможно повышать культуру быта в кишлаке! — Мукимов, побагровев, развел руками. — Что же теперь... из-за стариков и нам жить по старинке?

— Постепенно надо, постепенно. Потихоньку...

— Как «потихоньку»? Век-то космический! Скорости нынче совсем другие. А нам плестись позади всех? По-моему, вы не правы, Казим Бурханович. Мы уже сегодня должны максимально приблизить условия жизни в кишлаке к городским условиям. Пусть и у нас будут свои ателье, свои парикмахерские...

— Не горячись, Джура Мукимович, не горячись, — попытался успокоить его Бурханов. — Культуру нельзя повышать отращиванием длинных волос и мини-юбками. Трудно да и неправильно ликвидировать старые обычаи и традиции, а вместо них придумывать нечто новое. Ваш совхоз ведь объединяет четыре кишлака. Соберите из этих кишлаков молодые семьи и вселите в новые дома. Молодежь быстро привыкает к новым местам. А стариков не трогайте, пусть старики остаются на своем месте.

Но Мукимов и слышать об этом не хотел.

— Нет, переселю всех, — упрямо заявил он. — Вы только представьте себе Найманчу! Это же самый старый кишлак. Одни полуразвалившиеся глинобитные хижинки. Жить в таком кишлаке в конце двадцатого века? Ну уж увольте... Ни газа, ни воды! Даже захудалого клуба и то нет. Будем переселять!

— Ничего не выйдет, — возразил Бурханов, напустив на лицо строгость. — Райком этого не разрешит. А станете самовольничать, обсудим на бюро. Оставьте в покое стариков, мой вам совет!

После этого Мукимов возражать не стал. Распрощался и ушел. И, как Бурханову доподлинно известно, старикам сейчас никто не треплет нервов... Разве же эти пререкания с директором совхоза не свидетельствуют о том, что Бурханов не о себе думает, а заботится о людях?.. Почему такие, как Пулатов, не видят этого?

В комнату вошла жена. Заслышав ее легкие шаги, Бурханов спустил с дивана ноги и сел, потирая лоб. Головная боль прошла.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Карима, ставя на стол касу с маставой.

— Мансур дома? — осведомился Бурханов, пропустив вопрос мимо ушей.

Мансур, их младший сын, в этом году заканчивал школу. А старший, Элнур, учился в Ташкенте на пятом курсе мединститута.

— В школе. Сегодня у них практика.

Бурханову хотелось расспросить у сына о Фолкнере. «Фолкнер... Должно быть, не наш. Иностранец...» — подумал он.

— Дай-ка вон... — Бурханов кивком показал на бутылку пива, стоящую в буфете. — А сама не будешь ужинать?

— Пусть Мансурджан придет. Поужинаю с ним. А то он ничего не ест, совсем похудел в последнее время.

Бурханов выпил еще пива и начал есть. Ел он с аппетитом, торопливо, зачерпывая по полной ложке. Привычка эта у него с детства. Отец, торопясь на работу, ел всегда быстро и помногу. А он старался во всем подражать отцу. Да и тоже спешил в школу. А теперь ел быстро, если и не спешил. В гостях иногда раньше всех опустошал посуду и испытывал неловкость, когда ему предлагали добавку, думая, что он не наелся.

— Жена вашего Усманова приехала, — сообщила Карима.

Это известие не удивило Бурханова. Поразило другое. То, что жена сказала «вашего Усманова». Как она догадалась о его взаимоотношениях с Усмановым?

— Когда?

— Вчера.— Карима заметила, что разговор заинтересовал мужа.— Она, оказывается, была в положении. Ночью Усманов отвез ее в роддом.

— Вот как? — Бурханов отложил ложку.— Надо же... Ничего не сказал. Вот почему он был немножко рассеян сегодня... Проведай ее завтра-послезавтра,— посоветовал он и снова принялся есть.

— Я и сама подумывала. Решила сначала посоветоваться с вами...

— Ну?

— Что-нибудь понести или пойти так... с пустыми руками?

— Откуда мне знать ваши женские дела?

— Они молодые... Прямо не знаю, что и нести...

Бурханов промолчал. Покончил с ужином и опять вытянулся на диване, поглаживая живот. Да, Усманов молод, значительно моложе его. Образованнее, культурнее. Его умение держаться говорит об этом и каждое его слово...

— Я принесла из библиотеки несколько книг,— сказала жена, спутав его мысли.

— На старости лет решила повысить эрудицию? — усмехнулся Бурханов.

Карима когда-то окончила медицинский техникум и некоторое время работала медсестрой. А с тех пор как вышла замуж за Бурханова, сидела дома. Раза два-три намекала ему, что хотела бы устроиться на работу, так он на нее накричал. «Ты что, умираешь с голоду?.. Лучше тратить время на детей!..»

— И вашу,— улыбнулась жена, загадочно глядя исподлобья.

— Что? — не понял Бурханов.

— И вашу эрудицию. Говорят, Усманов наводит справки, кто и сколько книг прочел. В его списках, говорят, видели и наши фамилии.

Бурханов внутренне обмер. Но, не выказывая перед женой волнения, спокойно сказал:

— Хорошо сделала. И Фолкнера, значит, ты взяла?

— А что это? — недоуменно округлила глаза Карима.

— Не что, а кто? Писатель такой. Ладно, ступай... Я немного подремлю. Если по телевизору будет кино, разбудишь.

Бурханов отвернулся к стене и закрыл глаза.

Проснулся он в полночь, как от толчка. Необычайное

волнение овладело им. Такое волнение, что внутри все дрожало. Он сел за письменный стол, включил лампу и лихорадочно быстро начал писать:

«Мы, группа трудящихся из Бадамсая, озабоченные событиями, происходящими в нашем районе в последнее время, вынуждены взять в руки перо. Первый секретарь райкома партии товарищ Усманов...»

Он задумался. Рука, державшая ручку, мелко-мелко тряслась. Он впервые решился на то, чего никогда в жизни не делал. Когда пришла ему в голову эта мысль? Давно! Он давно подумывал об этом, да все не отваживался. А сейчас... Он даже подумал, как лучше отправить письмо. Оно должно быть отправлено не из Бадамсая. Завтра он поедет в колхоз имени Горького, там и опустит в ящик. Получится, будто написали сторонники Султанова. Он это прекрасно придумал!.. Что же написать? Письмо должно быть кратким, но изобилующим фактами. Конечно, одним таким письмом не устранишь Усманова, на это и надеяться не приходится. На анонимные письма сейчас не обращают внимания. И все же они изучаются. Проверяются. Об Усманове слухи пойдут. А для начала это уже немало...

Острые пера быстро забегало по бумаге.

«...Товарищ Усманов творит дела, не соответствующие его положению. Сейчас мы еще не можем его винить в моральном разложении, но весь район только и говорит о его интимных отношениях с молодой женщиной, агрономом колхоза «Шарк юлдузи». Наша партия и правительство ведут непримиримую борьбу со спекуляцией, а товарищ Усманов берет районных спекулянтов под свое крылышко. Одного даже освободил из-под следствия. А также у него находят защиту лица, которые в годы Великой Отечественной войны неизвестно где были и чем занимались.

Мы глубоко огорчены поведением товарища Усманова. Желая, чтобы наш район, как и прежде, оставался незапятнанным, мы решили написать это письмо».

Пожалуй, достаточно. Три серьезных обвинения выдвинуты против Усманова. Каждое требует серьезного изучения. А это означает, что об Усманове постепенно начнет складываться определенное мнение.

Бурханов перечитал письмо. Написано, как и надо, шероховато, кратко, а главное, мягко, без злости. Пусть не подумают, что кто-то руководствовался личной неприязнью к секретарю. Бурханов вынул из ящика стола конверт, вложил в него письмо и, проведя языком по краю конверта, заклеил. И задумался. Кому адресовать? Если на имя

Искандера Гаиповича, то могут и не прислать никакой комиссии. Гаипов слишком высоко ценит Усманова. Не поверит. В лучшем случае пригласит Усманова к себе, даст ему прочесть, а затем порвет анонимку и выбросит в корзину... Пожалуй, лучше послать в отдел. Тогда письмо будет переходить из рук в руки, и прочтут его многие. А это как раз и надо. Тогда это письмо нельзя будет скрыть. И факты, указанные в нем, само собой, начнут проверять... Но на чье же имя написать? Бурханов начал перебирать в памяти ответственных работников обкома. Ага, Далимов. Пожалуй, лучше всего ему. Правда, Бурханов его знает не очень близко: просто здоровались, задавали традиционные вопросы, справлялись друг у друга о жизни, на том и расставались. Но недавно, когда они случайно встретились в коридоре обкома, Далимов пожал ему руку, словно старый, добрый друг, и как бы между прочим спросил:

— Ну, как новый шеф?

Бурханов уловил в его тоне иронию, посмотрел ему в глаза, чтобы убедиться, не ошибся ли. Но тот быстро отвернулся и прошел в кабинет, не дождавшись ответа...

Письмо, конечно, подлежит разбору в орготделе, но все-таки лучше, наверное, его отправить на имя Далимова.

Бурханов аккуратно вывел адрес и, как человек, завершивший тяжелую работу, закинул руки за спинку кресла и, сцепив пальцы, прогнул плечи так, что хрустнуло между лопаток. И долго оставался в таком положении, глядя в темное окно. Странно, душа не испытывала облегчения. Наоборот, стало еще хуже, совсем скверно. Ему вдруг захотелось порвать письмо на мелкие клочки, но он подавил в себе это желание. Быстро встал и, накинув на плечи легкий халат, висевший у двери, вышел во двор. Небо было усыпано звездами, и сияла полная луна. Пес-волкодав радостно взвизгнул и рванулся к хозяину, ласкаясь и гремя тяжелой цепью. Бурханов оттолкнул его и, отперев ворота, вышел на улицу.

Шагах в ста от его дома по обеим сторонам неширокой дороги росли высокие тополя. Это место он очень любил. Даже в безветренную погоду их серебристые листья мягко шелестели. Кроны деревьев почти смыкались над дорогой и образовывали длинный коридор, наполненный зеленым светом. В их гуще многие поколения птиц вили себе гнезда и выводили птенцов. Когда Бурханов уставал или находился в подавленном состоянии, ему хотелось побыть одному и о чем-то поразмыслить, он приходил сюда и гулял

ло аллее. На север от Бадамсая вела только эта дорога. Когда бы Бурханов ни проезжал по ней, всегда любовался ровными белыми стволами тополей, похожими на мраморные колонны старинных построек. Кто и когда посадил эти деревья? Когда он приехал в Бадамсай, они были такими же большими и величавыми. Только внимательно присмотревшись, можно увидеть среди старых деревьев и молодые. А кое-где тянулись кверху и совсем еще тонкие побеги. Известно, что тополя недолговечны. Но эти, казалось, стоят уже многие века. Число их не увеличивалось и не уменьшалось. Чьи-то заботливые руки спиливали засыхающие деревья, а на их место сажали новые, молодые. И те быстро догоняли в росте стариков. Кто этот заботливый человек, ухаживающий за деревьями? Оказалось, ухаживают все. Ни один бадамсаец не выбросит свеже-резанную ветку, а посадит ее в землю. И, казалось бы, обыкновенная палка пускает корни, превращается в росток, одевается в зеленое платье из листьев. Выращивание тополей и уход за ними стали для бадамсайцев традицией. Несколько лет назад Бурханов увидел пожелтевший, засыхающий тополь и, когда проезжали мимо, показал его шоферу, а на следующий год на месте этого тополя уже рос другой, молодой и стройный.

Сейчас на дороге было темно, как в тоннеле. Зато по обе ее стороны за зыбко белеющими стволами деревьев голубел простор, затопленный лунным сиянием. Не видно и края хлопковых полей. Убегают вдаль, смыкаясь где-то в сумраке, как у нижнего конца гигантского веера, рядки молодых всходов. И вдоль них мерцает, переливаясь, роса, будто кто-то не семенами засеял поле, а драгоценными камнями...

Бурханов перепрыгнул через глубокий арык и, выйдя на свет, зашагал по тропке. Под ногами виднелся каждый комочек, золотисто сияла каждая соломинка. Споткнуться тут мог разве только слепой. На душу снизошло спокойствие, и можно было предаться раздумьям... Должно быть, не один он, и другие приходили сюда, чтобы разобраться в самих себе, навести порядок в запутанных мыслях, и находили успокоение для души под этими высокими тополями; а может, и счету нет тем, кто тут размышлял о будущем, о жизни и строил свои планы... Многие видели эти тополя и многое знают. Кто-то шествовал под ними, выпятив горделиво грудь, распираемый радостью и счастьем; другие приходили с поникшей головой, пряча покрасневшие от слез глаза, с ноющим от горя сердцем...

Да, иначе и быть не могло: эти тополя видели и счастье людей, и беды. А с чем пришел к ним сегодня он, Бурханов?.. Почему так тяжело на душе у него, куда девался его покой?..

XV

Усманов, как обычно, пришел на работу раньше всех. Благо светает рано. Ему нравится выходить из дому на восходе и отправляться до райцентра пешком. Улицы еще погружены в прохладную тень, и только на вершинах деревьев, позолоченных солнцем, начинают робко тренькать птицы. Тротуары подметены, побрызганы водой. И когда хозяева успели потрудиться? Ночью, наверное...

В коридорах райкома тишина. Не слышно ничьих голосов, ничьих шагов. До прихода сотрудников Усманов успеваает просмотреть почту, на которую каждый день приходится затрачивать немало времени. Сегодня тоже он с этого и начнет. Хорошо, когда день начинаешь в приподнятом настроении. На душе у него как в праздник. Да есть ли на свете больший праздник, чем приезд жены и ожидание рождения ребенка! Славно поступила Хафиза, что приехала в Бадамсай! Теперь их сын будет коренной бадамсаец. Вырастет здесь, окончит школу, поедет учиться. После института, может, опять вернется сюда. Почему «может»? Обязательно вернется! Усманову тогда еще только исполнится пятьдесят четыре — пятьдесят пять. Значит, он еще не будет на пенсии. И он и сын станут трудиться в одном районе. А Бадамсай к тому времени неузнаваемо изменится. Городом станет. Уже сейчас в нем живет более семи тысяч человек. А до того времени население увеличится вдвое. Надо подсчитать... И вообще надо разработать перспективный план развития района, рассчитанный на пятнадцать — двадцать лет. Такой план, конечно, уже имеется. Но его необходимо пересмотреть. Теперь многое изменилось. В горах появился новый карьер, где добывают мрамор. Там построили поселок, приехали люди... А рыбоводческий совхоз? И этот совхоз в свое время не был предусмотрен планом. Образовался только в прошлом году. Но всего за один год набрал сил, стал мощным хозяйством, обеспечивающим всю область живой рыбой. Да, жизнь опережает все планы, все расчеты...

Захваченный раздумьями, Усманов вошел в приемную и на месте секретарши вместо Малохатхон обнаружил

Носира Пулатовича, который сидел, задумчиво глядя в окно.

— Я знал, что вы приходите рано, — сказал он, поднимаясь навстречу.

Они обменялись рукопожатием. Усманов отпер кабинет и пропустил вперед Носира Пулатовича.

— Прошу вас. Очень хорошо, что зашли. А я уже собирался наводить справки, как движутся ваши дела.

— Пока не вызывают тревог. Мне с помощью райисполкома, правда, не без труда, но все же удалось кое-что для себя выбить. «Сельхозтехника» выделила два трактора-универсала, бульдозер и две грузовые машины. Спасибо. Оказывается, и вы звонили им. Теперь у нас особых трудностей нет. Я зашел попрощаться. Сегодня мы с женой переезжаем. Председатель Сатыбалды дал нам две юрты. Пока поживем в юртах, а там к осени поставим и дома. И Султанов — я, признаться, не ожидал от него — проявил щедрость: у него оказалось три разобранных финских дома, он и отдал их нам... Дней за десять мы их соберем. Я не приглашаю вас сейчас. Приезжайте через месяц. Поговорите с людьми, боевой дух у них поднимете. Ваша поддержка нам необходима.

— Непременно приеду. Если будут какие-либо трудности, сразу же сообщите...

— Есть просьба...

— Пожалуйста.

Усманову нравилось разговаривать с этим человеком, немногословным, прямолинейным. Не раз замечал, что и сам старается вести беседы, как Пулатов, — четко, поделовому. Иначе уходит масса времени впустую.

— Дали бы вы мне Назирджана... — сказал Пулатов после короткой паузы.

— Назирджана?

Усманов с самого начала разговора чувствовал, что Насир Пулатович зашел не только попрощаться, но и по какому-то более важному делу.

— Назирджана Каримова, — повторил Пулатов.

— Нашего заведующего отделом?

— Да. Я его давно знаю. Он любит садоводство. А главное, руки у него добрые, все спорится.

Усманов, потирая гладкий подбородок, задумался. Член бюро райкома, заведующий отделом пропаганды и агитации Назирджан Каримов — номенклатурный работник райкома. Не будет ли ошибкой, если такой человек уйдет в агрономы? Он с его организаторскими способ-

ностями заслуживает куда более высокой должности. Самостоятельной работы. Сам может возглавить какой угодно совхоз... В душе Усманов даже слегка обиделся на Пулатова. Неужели столь опытный человек забыл о политике партии в вопросе кадров? Легко ли воспитать человека в аппарате, научить его работать? А Каримов уже три года трудится в райкоме. И прекрасно справляется. Спокойный, вдумчивый.

Заметив его колебания, Пулатов решил объяснить:

— В свое время он был агрономом в колхозе имени Горького, но не поладил с Султановым. Казим Бурханович его взял в райком, и, по-моему, он тут неплохо работает...

— Хорошо работает, — подчеркнул Усманов.

— Я и не собирался его сманивать. Но вчера он сам пришел ко мне... Не скрывает, что доволен работой. Многому, говорит, научился. Но он же, говорит, агроном — со студенческой скамьи мечтал своими руками осваивать новые земли, разводить сады. Из-за этого, мол, и с Хаитбаемака не поладили: еще когда предлагал ему разводить сады, а тот не согласился... Так вот теперь этот парень пришел ко мне и говорит: «Давайте создавать новый совхоз вместе!» Я очень обрадовался его предложению, Дамир Усманович. Он мне напомнил десятитысячников, тех, что в тридцатые годы уходили в кишлаки поднимать хозяйство...

Усманов сразу же вспомнил отца. У них дома была пожелтевшая фотография: большая группа людей, многие стоят, некоторые сидят на корточках, а двое полулежат впереди всех прямо на земле. Славные, веселые лица. Большинство в тибетейках, в чапанах. Усманов много раз слышал о них от матери. Кое-кого она знала по именам, рассказывала, как сложилась их дальнейшая судьба. Это партийные работники, ушедшие работать в кишлак. Добровольно вызвавшиеся поехать в глушь и преобразовывать там жизнь. Их было тогда десять тысяч... В детстве Дамир более всего любил отыскивать отца среди множества лиц на этой фотографии.

Усманов нажал на кнопку селектора, попросил зайти Каримова.

Каримов появился тотчас, будто ожидал приглашения.

— Проходите, Назир Каримович. Садитесь. — Усманов показал на кресло напротив Пулатова. — Ваше решение твердо?

— Да, — кивнул Каримов, садясь. — Я бы поехал...

Садоводство — моя основная профессия, Дамир Усманович. Люблю... Услышав, что Носир Пулатович взялся... Словом, я очень обрадовался. Я хорошо знаю те земли. Исходил вдоль и поперек. Можно создать замечательный сад. Я давным-давно прикинул, на каком участке какие деревья сажать...

Слушая его, Усманов все более убеждался, что Пулатов сделал свой выбор правильно. Каримов как раз тот человек, который ему нужен. Да, эти люди вырастят замечательный сад. Никакие должности их не интересуют, спокойная жизнь и комфорт тоже. Они одержимы мечтой и лишь тогда будут счастливы, когда мечта их исполнится. Можно ли не внять их просьбе, не помочь?..

— Хорошо, — сказал Усманов, — думаю, бюро пойдет вам навстречу.

— Рахмат, — глаза Каримова радостно блеснули. — Разрешите идти? — спросил он, поднимаясь с кресла.

— Да. Пока продолжайте заниматься своими делами, а там посмотрим.

Носир Пулатович тоже встал и, благодарно пожав Усманову руку, покинул кабинет одновременно с Каримовым. Оставшись один, Усманов сразу же позвонил в родильный дом.

— Ну как?

— Не беспокойтесь, Дамир Усманович, все будет хорошо, — ответила главный врач роддома.

Усманов с этой полноватой, средних лет женщиной познакомился позавчера, когда отвез туда Хафизу. Ее фамилия тоже была Усманова. Хамида Усманова.

— Как мать? — Усманов впервые назвал Хафизу так. Сам не заметил, как у него вырвалось это слово.

— Настроение у нее хорошее, смеется, — ответила врач. — Говорит, что хочет сына. Думаю, вы сегодня станете отцом.

«Дочь или сын? — мелькнула мысль. — Сын...»

— Откуда вы знаете?

— Это тайна, — засмеялась врач. — Я вам позвоню. Не беспокойтесь.

Усманов опустил трубку. Рядом стояла Малохатхон. Он не заметил, когда она вошла. Девушка улыбалась.

— Первой узнаю я, дадите суюнчи, — кокетливо предложила она.

Усманов засмеялся:

— Непременно.

— Сегодня «Алга» в восемь утра уже продавалась

в киосках, — сказала Малохатхон и положила на стол два свежих номера, еще пахнувших типографской краской.

Разворачивая газету, Усманов вспомнил одну из бесед с Бурхановым. Он не приглашал Бурханова специально для этого разговора. Тот зашел по какому-то делу.

— Казим Бурханович, газетой «Алга» почти перестал заниматься редактор, — сказал Усманов без всяких предисловий. — Предоставьте это дело самому Сабиру Алиевичу. У вас предостаточно других дел. Если у нас с вами возникнут какие-то соображения относительно газеты, их можно высказать Сабиру Алиевичу. Но прямую ответственность за газету должен нести все же он.

По выражению лица Бурханова было заметно, что замечание ему пришлось не по нутру. Он нахмурил брови, но возражать не стал. Сказал только:

— В последнее время газета сделалась неинтересной. Стали появляться устаревшие материалы.

— Вы имеете в виду фельетон насчет женщин? — улыбнулся Усманов.

— Есть и другие материалы, — еще более насупился Бурханов.

— Фельетон я прочел, — сказал Усманов. Он и в самом деле во время одного из ночных бдений перелистал всю подшивку газеты, прочел и этот фельетон, написанный живо и остро. Главное, в нем приводились серьезные факты, хотя читать о них без улыбки было невозможно. Автор показал женщин, которые когда-то учились, получили образование, специальность, но превратились в домохозяйек, в женушек своих мужей и только омещанились. — Если факты верные, то сказано о них своевременно, а автор достоин всяческой хвалы.

— Простите, но в этом я с вами не могу согласиться, — запротестовал Бурханов. — Правильно меня поймите. Здесь речь идет не только о женщинах... Нетрудно заметить и прозрачный намек на мужчин. Фельетон унижает многих авторитетных людей района, нельзя этого допускать...

— А если авторитетные люди сами дали повод для такой критики?.. Хотя фельетон и был оценен как неправильный, но свое дело он, если я не ошибаюсь, сделал. Жены тех авторитетных людей, о которых вы изволили упомянуть, стали работать. Правильно? Не все, конечно. Но некоторые...

Бурханов не ответил. Лишь хмыкнул. И, чтобы скорее покончить с неприятным для него разговором, добавил:

— Хорошо. Я скажу Сабиру Алиевичу. Пусть занимается он.

Значит, сказал.

Передовица. «Залог высокого урожая». Наверное, на основе материалов актива, предположил Усманов. «Культурная хроника» — под этой рубрикой шли пять-шесть небольших заметок. Следующая страница под шапкой «Передовики нашего района». Очерк, несколько зарисовок, фотографии. Так... А это что? «Обычный день». Рассказ. Чей же? Усманов взглянул в конец материала. Мирхайдар Барат. Он улыбнулся. Ох и молодежь! Опубликуют одно-два стихотворения или рассказ и уже стараются придать своим фамилиям поэтический оттенок. Не Баратов, а Барат. Надо прочесть. Судя по фельетону, талантливый парень.

Усманов начал с передовой статьи. Но не прочел и половины, по селектору раздался голос Малохатхон:

— Дамир Усманович! К вам товарищ Мукимов, разрешите?..

— Пожалуйста.

Усманов сложил газету и положил на край стола, чтобы была на виду. Как бы не забыть, уходя.

Вошел Мукимов:

— Салам.

— Входите, Джура Мукимович! Алейкум салам.

— Пришел посоветоваться, — сказал Мукимов, подавая руку. И вздохнул, что свидетельствовало о серьезности предстоящего разговора.

— Чем смогу, пожалуйста... — Усманов жестом предложил ему сесть.

— На днях я был у Казима Бурхановича. По этому же делу. Но все обернулось не так, как я надеялся...

— А если поконкретнее?

Темный от загара, высокий, плечистый, с крупным крючковатым носом, Мукимов напоминал Полвонова. И взгляд у него такой же энергичный, острый, и голос басовитый, но помягче, пожалуй, даже какой-то ласковый. Слова, произносимые им, получались как смазанные маслом крендели:

— Дело в том, что поселок, который мы строили несколько лет, готов. Есть и детский сад, и кинотеатр, и библиотека, и магазин... Словом, все для нормальной жизни. В этом месяце подключим и газ...

— Поздравляю с новосельем, — сказал Усманов, гадая, что же последует за этим вступлением.

— Спасибо.— В голюсе Мукимова не было и тени радости.— Но мы оказались в затруднительном положении. Поселок был рассчитан для жителей Найманчи. Вы, наверное, знаете Найманчу?

Усманов кивнул.

— Глаза бы мои не смотрели на этот кишлак! — горячо выпалил Мукимов.— Ни кино, ни библиотеки. Дома не дома, а полуразвалившиеся хибары. Потолки из рогожи, полы земляные! И единственный колодец на весь кишлак. Как люди там живут, представить себе не могу. Я намеревался всех жителей Найманчи переселить в новый поселок. Разве же это плохо? Пусть, думаю, и название останется прежнее — Найманча. Нет, некоторые и не желают переезжать. «Почему?» — спрашиваю у них. «Нам и здесь хорошо!» — отвечают. Ну, думаю, коль вы не отличаете белого от черного, переселю силком. Решил согласовать с райкомом. Но товарищ Бурханов говорит, мол, не трогай тех, кто не хочет. А не желает кто? Преимущественно старые люди. Но если старики не переедут, то и молодежь не стронется с места. Молодежь в новом поселке, а старики в заброшенном, полуразваленном кишлаке? Одни?.. Какая же это будет жизнь?.. Да и кто из молодых согласится бросить там родителей, дедов, бабушек? Никто!.. Дамир Усманович, все должно быть в меру. Я уважаю наши обычаи, традиции. В них очень много хорошего. Взять хотя бы нежелание наших джигитов и девушек оставить стариков одних — это ли не прекрасный обычай, который прямо в крови у нас. Но до каких пор мы будем носиться с так называемыми обычаями, традициями, которые идут во вред? Совхоз затратил столько средств, построил современный поселок! Но из-за четырех-пяти отсталых людей будем всех лишать удовольствия жить в новых домах? Как хотите, но, по-моему, это неправильно. Надо переселить всех! Сразу! Тогда все население Найманчи опять будет в одном месте. А спустя две-три недели те, кто сейчас не решается переехать, привыкнут к новому месту.

— А молодежь? Что говорит молодежь? — поинтересовался Усманов.

— Что скажет молодежь?.. Молодежь готова хоть сегодня переехать. Только у большинства из них есть и родители, и деды, и бабушки... Они говорят: старики, мол, к нашим уговорам не прислушиваются, вот если бы руководство приняло решение...

— С товарищем Садыковым советовались?

— Советовался. Интересный человек Кудрат-ака, ей-

богу, — засмеялся Мукимов. — «Если б моя воля, говорит, я бы сейчас своими руками снес старый кишлак». Но стариков, мол, надо уговорить. «Чтоб не приходили ко мне жаловаться». Но зачем им ходить жаловаться? В каких домах они сейчас живут и какие дома им предлагают! Это же небо и земля!..

— Ладно, переселяйте, — сказал Усманов, решившись. — Если пожалуются, вдвоем как-нибудь найдем, что ответить. Найдем?

— Конечно, найдем! — обрадовался Мукимов. — Рахмат. Я был уверен, что вы меня поймете, Дамир Усманович! Сейчас же поеду в Найманчу и проведу собрание.

Нахлобучивая на ходу соломенную шляпу, Мукимов торопливо покинул кабинет.

Усманов позвонил Садыкову:

— Кудрат Саимович, не распространить ли почин Мукимова в районе? Мне кажется, он начал большое дело.

— Хорошее дело, вы правы, — ответил Садыков. — То же самое и в «Правде». Видели, наверное, вдоль дороги новый поселок? Только Сатыбалды-ака не спешит переселять людей.

— Надо поторопить, — посоветовал Усманов. — Чем скорее люди переедут в новые дома, тем благоустроеннее станет район.

— Оно-то верно, — согласился Садыков. — Только, сдается мне, переселение будет не таким уж легким, Дамир Усманович. Во всяком случае, оставить землю, где человек родился, очень трудно. Особенно старикам...

Слова председателя райисполкома заставили Усманова задуматься. Не поторопились ли они с Мукимовым? Что, если переселение — все равно что выдергивание корней из родной почвы? Растения, пересаженные на новое место, долго болеют, выживают не все. Да, мероприятие это действительно необычное и трудное. Но кто медведя боится, тот в лес не ходит. Так говорят в народе.

— Посмотрим... Пусть Мукимов начнет первым, — сказал он Садыкову и положил трубку.

Обеденный перерыв Усманов решил использовать для посещения Мамашарифа-ота. Еще при первой встрече со стариком ювелиром он загорелся желанием купить для Хафизы браслет в виде змеи. Сейчас как раз кстати. Хотя Хафиза не бог весть какая охотница до всяких украшений, такому подарку будет рада. Не очень дорогой браслет, но красивый. Усманову он тогда среди поделок мастера по-

правился более всего. В свое время на раскопках Дальверзина-тепа они нашли немало драгоценностей. И среди них был в точности такой браслет. Позже его снимок Пугаченкова поместила даже в своей книге. Браслет, изготовленный стариком, как две капли воды похож на тот. Неспроста же Усманов, как только увидел, сразу и вспомнил те далекие счастливые дни, когда еще учился, а летом уезжал на раскопки в составе археологической экспедиции.

Усманов миновал центральные улицы и свернул в переулок, ведущий в старую часть поселка. Дом Мамашариф-ота располагался в конце узкой кривой улочки и был ветх, как сам хозяин. Небольшие воротца отворены настежь. Небольшой зеленый дворик. Дорожки подметены — ни соринки. Перед домом традиционный просторный айван. Усманов поднялся на айван, чтобы постучать в узорчатую дверь, украшенную, словно кружевом, ажурной резьбой. «Видимо, и это сделал сам», — подумал Усманов, звякнув металлической цепочкой, прилаженной вместо ручки. В углу айвана стояли две глиняные амфоры в рост человека. А рядом медный таз и узкогорлый кувшин.

Мамашариф-ота оказался дома. Усманова узнал сразу. Тепло поприветствовал, повел в дом.

— Вот, сынок, по одному вашему слову я обрел спокойствие, — сказал он, усаживая гостя на новый узкий матрац, посланный на полу вдоль стены. — И дела мои пошли на лад. Учеников дали. Теперь десять учеников у меня. Все славные ребята.

Усманов высказал свою просьбу. Старик всплеснул руками и покачал головой:

— Ах, какая досада! Какая досада! Я же отдал его кому-то... Вспомнил. Ко мне приезжала артистка. Из Ферганы. В театре оперы и балета работает. Имя запомнил. Вот она и купила. Ладно, сынок, не огорчайся, для моей невестушки я сделаю еще лучше. Сколько витков сделать, три или четыре?

— Поскромнее, — ответил Усманов.

— Ладно. Сделаю три... с глазком из яхонта. В темноте будет гореть. А вы знаете, как появились браслеты, напоминающие змей?

Усманов отрицательно покачал головой.

— О-о, это интересная история! — Мамашариф-ота налил в пиалу немного горячего чая, подал гостю, прижимая левую руку к груди в знак особого почтения. — Дав-

ным-давно это было, когда Искандер Зулькарнайн¹ завоевал Мавераннахр... Люди этих земель не желали покориться ему. То в одном месте, то в другом восставал народ, завоеватели безжалостно расправлялись со всеми... Одно из самых крупных восстаний возглавил батыр по имени Аспирух. Много он врагов побил... И повсюду за Аспирухом следовала его жена по имени Зебонасаб. Она была столь прекрасна, что женщины, равной ей по красоте, не существовало ни на земле, ни во всех семи небесных сферах. Ловок был Аспирух и смел, но враги были коварны. Однажды заманили они Аспируха в узкое ущелье и зажали с двух сторон. Бились воины Аспируха, словно барсы. Бились, пока хватило сил. И полегли все, как один. Последним упал смертельно раненный Аспирух. Схватила его меч Зебонасаб и бросилась на врагов. Увидел ее предводитель вражьего отряда, удивился несравненной красоте женщины и ее смелости. Повелел взять ее живой, чтоб сделать своею наложницей. Не десяток и не два нападавших воинов уложила Зебонасаб своим мечом. Но враги обступили ее со всех сторон, как туча. Меч Зебонасаб зазубрился и наконец сломался. Кинулись к ней враги, чтобы схватить и отвести в шатер своего предводителя. Но в этот миг прекрасная Зебонасаб увидела у своих ног свернувшуюся в кольцо змею. Миг — и обмотала ее вокруг руки. Не успели враги коснуться красавицы... она была уже мертва... С тех пор женщины и носят змееподобные браслеты, которые символизируют супружескую верность. В прежние времена эти браслеты так и назывались — зебонасаб. Сейчас древнее название забыто. Помнят о нем только такие старые мастера, как я... Через четыре дня, самое большее через пять, браслет для моей невестушки будет готов. Не возражаете, сынок?

Довольный и услышанной легендой, и обещанием мастера, Усманов распрощался с хозяином. Мамашарифота в знак особого расположения к нему объявил, что принесет свое изделие сам, но Усманов, не желая утруждать старого человека, пообещал зайти к нему во вторник.

Уже у самого райкома у него ни с того ни с сего тоскливо защемило сердце. «Вот тебе и на,— подумал он.— Не рановато ли? Мотор начинает пошаливать...» Но это была не боль. Какая-то необъяснимая и странная тревога сдавила грудь. О чем он подумал минуту назад? Замедлив шаги и незаметно для окружающих стараясь вдохнуть

¹ Искандер Зулькарнайн — Александр Македонский.

поглубже, перебрал в памяти свои сегодняшние дела. Вспомнил стариков Найманчи. Все они сейчас казались ему похожими на Мамашарифа-ота, такими же мудрыми и искусными во всем, за что ни возьмутся. Не доставит ли им чересчур больших переживаний и хлопот переселение? Поймут ли, что никто им не желает ничего худого? А, напротив, заботятся об их спокойной старости... И Мукимов, и Усманов хотят, чтобы каждый их день был светел и полон радости.

Из подъезда райкома, распахнув дверь, выбежала Малохатхон. Сердце Усманова упало. Он ускорил шаги. Увидев его, девушка бросилась навстречу:

— С вас суюнчи! Хафиза-апа родила сына!

Не обращая внимания на прохожих, Усманов обнял ее, расцеловал:

— Когда?

— И получаса не прошло. Позвонила Хамида-апа!

— Скажи Рустаму, пусть подаст скорее машину!

...Высочив из машины, Усманов быстрыми шагами направился в больницу. В руках у него был букет роз — Малохатхон ради такого случая нарвала с клумбы перед райкомом. Навстречу вышли мать и Хамида Усмановна. Обе в белых халатах.

— Поздравляю с сыном! — сказала Хамида Усмановна.

А Мастура-апа обняла сына:

— Ну в точности как ты! Копия! Богатырь!.. Три килограмма четыреста граммов!

— Такой маленький? — изумился Усманов, вспомнив большой, прямо огромный, как ему казалось, живот Хафизы.

— Очень хороший вес, — сказала Хамида Усмановна. — Матери было очень тяжело, бедняжке.

— Как она?

— Устала. Отдыхает.

— Можно ее увидеть?

— Нет. Сейчас нельзя. А завтра к вечеру, думаю, она сама подойдет к окну.

— Передайте, пожалуйста, ей цветы...

...Однако Хафиза не дожила до завтра. Она умерла вечером того же дня, прижимая к лицу переданные мужем свежие розы. На полу валялись осколки вазы, из которой она, видно, успела выхватить букет, почувствовав приближение конца...

Врачи признали инфаркт.

Усманов, когда ему сообщили, вначале не поверил. Похолодел. И сразу почувствовал страшную слабость, как при тяжелой болезни. Хотел кинуться в больницу... к милой, дорогой, ненаглядной Хафизе... но не было сил пошевелиться... Он словно бы окаменел. Видел, как возле него суетятся люди в белых халатах, колют в руку, что-то говорят, и почти не сознавал, что происходит...

На следующий день он сам спустился в могилу, чтобы своими руками уложить в ней Хафизу. Это должен был сделать самый близкий покойной человек. Потом бросил первую горсть земли. Все делал машинально, как во сне, будто весь одеревенел, а в движение его приводит какая-то закрученная до предела пружина. Кажется, собралось много народу, но он не различал лиц... Только возвратясь домой, вспомнил, что там, похоже, были Искандер Гаипович, Пулатов, Муслим-ака Салиев. А он и словом с ними не обмолвился. Кажется, и не поздоровался даже. Они что-то говорили... Должно быть, успокаивали. Но сердце его сделалось как камень, а глаза как высохший от суховея родник — ни слезинки...

И, только возвратясь в осиротевший дом, он вдруг сразу почувствовал всю боль утраты. Будто сердце враз обрело чувствительность, к нему вернулась способность плакать.

— Мама! Как же это, мама! Я бы и тысячу детей не поменял на одну Хафизу!

Мастура-апа, прижимая голову сына к груди, пыталась его утешить:

— Не говори так, сынок. Пусть долго живет наш ребеночек.

Она и сама не в силах была сдержать слез.

XVI

Бурханов принял участие в расширенном заседании бюро обкома, продлившемся до полуночи. Пообедал вместе со всеми в обкомовской столовой и решил вернуться домой. Он уже садился в машину, когда его кто-то окликнул. Обернувшись, увидел инструктора Тешабая Далимова, торопливо направляющегося к нему:

— Извините за беспокойство, Казим Бурханович. У меня к вам дело. Не могли бы вы подняться ко мне на пять минут?

— Пожалуйста.

Пришлось вслед за Далимовым вернуться в обком.

Поднялись на второй этаж и направились вдоль прохладного коридора, застланного плюшевой дорожкой. Далимов семеня мелкими, перепелиными шажками впереди, то и дело оборачиваясь, и, встречаясь с напряженным взглядом Бурханова, странно улыбался. Впрочем, этот человек улыбался всегда, даже когда его ругали. «Что у него за дело ко мне?» — подумал Бурханов. На сердце было неспокойно. Неужто по поводу письма? Успел он его прочесть или нет? Конечно, успел. Сколько дней прошло? Бурханов почувствовал ломоту в суставах, казалось, что вот-вот подломятся колени. Письмо-то он отправил, но только и после этого ему не полегчало, а, наоборот, стало еще хуже. Тревога не покидала его все последующие дни, началась бессонница, чего никогда с ним не случалось. Выглядел он больным. А с того дня, как у Усманова случилось несчастье, Бурханов и вовсе не находил себе места. Ни дома не знал, куда себя деть, ни на работе. Справедливо сказано: «Если твоя желчь кипит от гнева — побудь на кладбище». Большая мудрость заключена в этих словах. Вместе со всеми, кто был на похоронах жены Усманова, пришел на кладбище и Бурханов. Странно он себя чувствовал там. Как правоверные, входя в мечеть, снимают перед порогом обувь, так словно бы и он оставил за пределами кладбища все, что угнетало его совесть. Сейчас Бурханов не помнит, какие мысли навеяли ему в те минуты и каменные надгробия, и еле приметные бугорки забытых могил, поросших травой. Да и вряд ли он думал о чем-то другом, постороннем — он искренне разделял горе Усманова. А когда начали бросать в могилу горсти земли, он подошел к Усманову и, переполненный волнением и скорбью, даже всплакнул, поднеся к глазам платок. Забылись тревоги. Забылись заботы и обиды. Все забылось, что грызло его беспокойную душу до последнего дня. И вдруг, будто электрический ток, пронзила мысль об этом письме. Он утирал слезы и едва сдерживал себя, чтобы не сказать: «Простите меня, Дамир Усманович! Я совершил по отношению к вам подлость...» Нет, он, конечно, не сказал этого. Но на душе было отвратительно. В эту минуту, у разверстой могилы женщины, которая только вчера еще была жива, весело смеялась, строила планы на много лет вперед и вдруг угасла, словно свеча от порыва ветра, не успев осуществиться и малой доли того, о чем мечтала, он представил себе собственную жизнь... «Странен мир, странен... — думал Бурханов, покидая кладбище. — Неужели же понимание самого себя достигается ценой чьей-то

смерти?..» Ему хотелось немедленно помчаться на почту, заполучить письмо обратно и разорвать его на мелкие кусочки. Увы, было поздно. Письмо, вероятнее всего, уже давно находилось в руках адресата...

Далимов занял место за столом. Бурханов сел напротив. Далимов испытующе посмотрел на него и почему-то до кончиков ушей залился краской. Но тут же принял деловой вид, спросил:

— Как там Дамир Усманович? Трудно ему сейчас? На работу еще не вышел?

Бурханов прокашлялся, желая оттянуть время и успокоиться, унять волнение. Он бы сейчас многое дал, чтобы Усманов и впрямь оказался в опасности, дабы защитить его и тем самым оправдаться. Нет, не перед Усмановым. Перед совестью. Перед собственной совестью.

— Работает, — негромко ответил он, досадуя, что голос выдает его волнение. — На следующий же день вышел на работу. Дела у него идут хорошо. Как только район закончил сев, взяли дополнительное обязательство. Восемь тысяч тонн. Это точный подсчет. По инициативе Дамира Усмановича собрания на местах проводили, в колхозах...

— Слышал. Очень хорошо, очень хорошо, — проговорил Далимов, продолжая с улыбкой разглядывать Бурханова.

«Он мне хочет что-то сказать», — подумал Бурханов, скользнув взглядом по его красным, просвечивающим ушам.

Далимов, поразмыслив, посмотрел на дверь и, убедившись, что она плотно закрыта, вновь устремил на собеседника цепкий взгляд.

— Казим Бурханович, мое уважение к вам беспредельно. Вы опытный работник, с большим стажем. Потому я и выбрал вас, чтобы посоветоваться. Но разговор наш сугубо конфиденциальный.

— Понимаю. Пожалуйста, — ответил Бурханов, еле приметно кивнув.

Далимов опять бросил взгляд на дверь и сунул руку в ящик стола.

— На мое имя поступило одно странное письмо...

Бурханов почувствовал, как кровь отливает от сердца.

— Какое письмо? — спросил он, и голос с трудом пробился сквозь перехваченное волнением горло.

— Вот, прочтите...

Далимов положил перед ним письмо. То самое, что написал Бурханов, подделав почерк. «Неужели догадывается, что я?.. Нет, не может быть...»

Чтобы не дрожали руки, он облокотился о стол, вынул из конверта листок и начал читать. При этом краем глаза видел белые блестящие зубы Далимова. «Ну какого черта скалится?..»

— Автора не установили? — как можно спокойнее спросил Бурханов, кончив читать.

А голову сверлила мысль: «Подлость это! Подлость!..»

— В том-то и дело, — ответил Далимов, не спуская с него глаз. — Автора я не установил. Да и невозможно...

Бурханов облегченно вздохнул, закинул ногу на ногу.

— Мне показалось несколько странным... — продолжал Далимов, изобразив на лице удивление. — Почему это письмо адресовано мне?.. Какое отношение я имею к секретарю райкома, тем более к первому? Они должны были адресовать его в орготдел. Или на имя одного из секретарей.

— А... оно зарегистрировано?

— Еще нет. Письмо на мое имя, вручили лично мне. Вот уже три дня не знаю, что с ним делать.

— Тогда порвите и дело с концом.

— Ну что вы!.. — усмехнулся Далимов. — Я сегодня собирался показать его Надырхану Салиевичу.

— По-моему, — сказал Бурханов, задумчиво потирая лоб, — в этом нет необходимости... Во-первых, поверьте мне на слово, письмо от начала до конца ложь, клевета. Во-вторых, оно же адресовано, гм... не в обком, а лично вам...

— Я тоже считаю так, — согласился Далимов. — Я же знаю Дамира Усмановича. Он чист как стеклышко. Тут и другие о нем такого же мнения. И я не могу, естественно, без причины обидеть человека. Но одно все же меня тревожит... Авторы письма по истечении срока могут же написать и секретарю обкома. А если они сообщат — дескать, в свое время мы сигнализировали, писали на имя товарища Далимова?

Опасения Далимова, конечно, справедливы. Бывает и так. Разумеется, Далимов тогда оказался бы в неловком положении. Но как Бурханову сказать ему, что другого такого письма не последует, как заверить, что автор письма вторично подобной подлости не сделает?.. Или все же сказать? Вот, мол, автор письма, сидит перед вами! Нет, у него на это не хватит духу!

— По-моему, они этого не сделают, — сказал Бурханов, напустив на себя солидность. — Дамир Усманович в первые дни работы, возможно, и не понравился кому-то. Однако люди изо дня в день все лучше и лучше узнают, что это за человек. И уважение к нему растет. Нет, я убежден, что другой такой глупости никто себе не позволит. Кто знает, может, авторы письма уже сейчас раскаиваются... А что касается того, что адресовали именно вам, так это тоже понятно. Вы давний друг Усманова. Вместе работали, сидели в одной комнате, плохого ему не желаете. Думаете, люди об этом не знают? Знают.

— Вы думаете? — недоверчиво проговорил Далимов, взглянув искоса. — Вместе работали, это верно. Однако дружба наша... Значит, больше писать не будут?

— Не напишут! — твердо сказал Бурханов. — Я бы на вашем месте, гм... ради старой дружбы порвал и выбросил...

— Спасибо, Казим Бурханович.

Далимов поднялся и вышел из-за стола. Бурханов тоже встал, протянул на прощанье руку. И легко, словно человек, сбросивший тяжелую ношу, поспешно покинул кабинет.

Однако Далимов в этот день не порвал письма. Он показал его заведующему отделом Надырхану Салиевичу. Тот прочел и брезгливо швырнул письмо на стол:

— Какие все же есть еще низкие люди! Пригласите Усманова, пусть прочтет. Не повредит... Потом напишите заключение отдела и снимите с учета.

— Письмо не зарегистрировано.

— В таком случае с заключением отдела вручите самому Усманову.

Далимов так и поступил. На другой день позвонил в Бадамсай и попросил Усманова, чтобы тот, когда приедет в обком, постарался встретиться с ним.

Усманов приехал уже в конце дня. Он хотел повидаться с Искандером Гайповичем, чтобы поговорить с ним о Саидмураде Ишимове, показать его документы для представления к награде. Исмаилджан сдержал обещание. В республиканской газете «Совет Узбекистони» вышел его большой очерк, написанный совместно с Мирхайдаром Баратом. В этом очерке, озаглавленном «Биография подвига», рассказывается об Ишимове, о том, как он партизанил в годы Великой Отечественной войны, о его сегодняшнем труде. Исмаилджан связался с обществом ветеранов войны и собрал богатый материал о боевых действиях

югославских партизан, о сражавшихся в их рядах советских воинах. И даже получил письмо от бывшего командира партизанского соединения в Черногории генерал-лейтенанта Антонова-Ристича, где тот подробно рассказывал об Ишимове.

Усманов решил сначала заглянуть к Далимову, полагая, что там долго не задержится.

Далимов встретил его приветливо, как старого друга.

— Еще раз примите мои искренние соболезнования, Дамир Усманович, — сказал он, крепко пожимая его руку.

Усманов кивнул и, сев, посмотрел на него вопросительно.

— Да нестоящая вещь... — сказал Далимов, разводя руками. — Но мы посоветовались с Надырханом Салиевичем и нашли целесообразным все же передать вам...

— Что это? — спросил Усманов, глядя на конверт, который Далимов положил перед ним.

— Письмо. Не стоит придавать особого значения, но все же... Не принимайте близко к сердцу...

Далимов говорил искренне. Увидев осунувшееся лицо Усманова, его поседевшие волосы, он в самом деле проникся к нему сочувствием. Нет, он ни за что не хотел бы оказаться на его месте: целый район, постоянные тревоги, заботы о незнакомых людях... Сотни глаз следят за каждым твоим шагом, а в награду анонимка... Нет, кому что, а Далимову это все не подходит. Лучше жить себе спокойно, как он живет. Вот скоро завершит свою диссертацию. Потом защитится... Хм, а ведь было время, когда он Усманову завидовал.

— Имеется и заключение отдела, — сказал Далимов и протянул Усманову лист бумаги с отпечатанным текстом.

Усманов взглянул на него и грустно улыбнулся:

— В первый раз в жизни читаю такое о себе.

— По-моему, и в последний... Я не хотел вам показывать. Но Надырхан Салиевич сказал: пусть, мол, прочтет. Пожалуй, он прав. Такие письма настораживают, заставляют человека всегда быть начеку. Конечно, вы в этом не нуждаетесь, и все же...

— Кто писал заключение?

— Я.

— Благодарю. — Усманов встал. — Никак не выходит из головы... — проговорил он задумчиво. — На первой

партконференции двое проголосовали против меня. Почему? Кто они? Не знаю.

— Не исключено, что и письмо от них же...

— Кто знает... — пожал плечами Усманов.

— Не обращайтесь внимания, — посоветовал Далимов. — Начали вы хорошо. Сезонные работы проходят быстро, напряженно. Здесь о вас все очень хорошего мнения. Словом, собака лает, а караван идет!..

Усманов попрощался с Далимовым и, поднявшись этажом выше, зашел в приемную Искандера Гаиповича. Секретарша сидела одна и чистила пилкой ногти.

— Здравствуйте, Валентина Ивановна!

— Здравствуйте, Дамир Усманович! — Валентина Ивановна встала и подала руку. — Мы все знаем о вашей горе и все соболезнуем вам. Будьте мужественны.

— Стараюсь... У себя? — Усманов кивнул на обитую черным дерматином дверь.

— Да. У него человек из Ташкента. Из Минводхоза. Уже давно зашел. Посидите немного.

Но посидеть Дамиру Усмановичу не пришлось — ташкентский гость вышел. Усманов посмотрел на Валентину Ивановну.

— Пожалуйста, — кивнула она.

Усманов, стараясь не спешить, медленно вошел в знакомый кабинет. Ничего здесь не изменилось. Те же портреты, те же часы в рост человека с медленно двигающимся из стороны в сторону огромным маятником... Искандер Гаипович, как обычно, когда принимал посетителей, сидел не за своим письменным столом, а за столом заседаний возле ряда окон, откуда виден весь город.

— А-а, заходите, Дамир Усманович! — Искандер Гаипович встал из-за стола, вышел навстречу Усманову и обнял его одной рукой. — Дополнительные обязательства не слишком велики, а?

— Мы подсчитали. — Усманов сел на крайний стул, рядом с Гаиповым. — Выполним.

— Дела в вашем районе, в общем, пошли лучше, — сказал Гаипов, постукивая о ладонь длинным красным карандашом. — Спасибо. И хорошо сделали, что поддержали Пулатова. Я рад.. И... его просьбу насчет Каримова... удовлетворите. Я этого парня знаю. Коль уж решился, пусть идет. Но помните — из него выйдет превосходный ответственный работник.

Усманов без традиционных вступлений сказал, зачем зашел. Показал очерк и документы Ишимова. Гаипов от-

ложил газету в сторону — видимо, читал уже, а документы внимательно просмотрел.

— Хорошо,— сказал он.— Прибавьте итоги работы Ишимова за этот год и внесите предложение. Поддержим. Этот человек заслуживает звания Героя Социалистического Труда.

Усманов, хотя иного ответа и не ожидал, обрадовался. Но тут же отвел глаза.

— Что еще? — спросил Гаипов, заметив, что по лицу его пробежала тень.

— В обком на меня поступило письмо...

— Какое?

Усманов вынул из нагрудного кармана письмо вместе с заключением отдела и протянул.

Гаипов не спеша прочитал и письмо и заключение. Положив на стол, небрежно отодвинул от себя кончиками пальцев и задумался.

— Мы еще не полностью избавились от клеветников, человеконенавистников,— сказал он.— Они еще долго будут пытаться мешать нашей работе, отнимать у нас время. Однако... Никто не сможет нас свернуть с правильного пути, не заставит поколебаться. Только не таите на людей в душе обиду. Вы не первый, кто попадает в такие переплеты,— засмеялся Гаипов.— На меня тоже писали.

— На вас? — удивился Усманов.

— Писали,— повторил Искандер Гаипович.— И не раз. Прямо в ЦК КПСС. Эх-ха... В чем только не обвиняли меня! Но если человек на правильном пути, на пути, предначертанном партией, то все это че-пу-ха!.. Правильное заключение написали товарищи из отдела.

— Спасибо, Искандер Гаипович!

Усманов встал. Попрощавшись, направился к двери. Гаипов, как бы неожиданно вспомнив, бросил вслед:

— Стариков Найманчи оставьте в покое, Дамир Усманович. Такие дела нельзя вершить администрированием. Пусть переезжают молодые. За ними потихоньку и остальные потянутся.

Усманов остановился. Да, он, кажется, поторопился. Ошибся. Бурханов был прав.

— Хорошо, Искандер Гаипович,— сказал он.— Я это исправлю.

Гаипов удовлетворенно кивнул. Встав, приблизился к нему, положил руку на плечо:

— Как сын? Растет Улугбек?

— Спасибо.

— Небось с рук не спускаете? Я все понимаю. Это чувство мне знакомо...

— Да, конечно...

Усманов поймал себя на том, что говорит неправду. С тех пор как умерла Хафиза, за весь месяц он даже не взглянул на малыша. Никак не мог избавиться от мысли, что в смерти Хафизы виноват ребенок.

XVII

К Бадамсаю Усманов подъезжал в хорошем настроении. Солнце еще не село, повисло над темными силуэтами далеких тополей огромным красным шаром. Усманов намеревался зайти в райком и оттуда позвонить Мукимову, но передумал. Лучше прямо сейчас поехать в Найманчу. Если старики на него в обиде, он соберет их и публично извинится... К этой затее Усманов с самого начала отнесся без особого энтузиазма. Но хотелось поддержать Мукимова, его инициативу и то новое, что может быстро изменить лицо района. Но как только дал свое согласие, его не покидало беспокойство. Значит, сердце прежде рассудка почувствовало, что ошибся... Поспешил... Прав Искандер Гаипович — приказами нельзя совершенствовать культуру. Да и необходимости в этом нет никакой. У старых людей своя культура, вросшая корнями в века. И она заслуживает уважения. Многое у них можно перенять и многому научиться. Существуют у людей и обычаи, связанные с тем местом, где они родились. Невозможно же от них отказаться лишь по желанию Мукимова или Усманова. Почему он сразу не подумал об этом и не вник в проблему глубже? Ведь приблизительно такие же мысли приходили в голову, когда он беседовал со старым ювелиром Мамашарифом-ота!..

— Рустам! Давай в Найманчу.

Шофер тормознул, медленно развернул машину и погнал ее в обратную сторону. Лишь уточнил:

— Через колхоз имени Горького? Так ближе...

— Можно.

Усманов посмотрел вправо, потом влево, на проносящиеся по обеим сторонам дороги густо-зеленые поля. Хлопчатник уже цвел.

— В этом году хлопок хороший, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить, — сказал Рустам, словно угадав его мысли.

— Кстати, Рустам... — обратился к нему Усманов, решив наконец выведать то, что давно хотел. — Вам нравится ваша работа?

— Нравится, — сказал Рустам и скользнул по нему быстрым взглядом. Он, кажется, понял, чем вызван вопрос секретаря райкома. Минуту помолчав, добавил: — Уже после демобилизации ногу покалечил... Носир Пулатович узнал и взял к себе... шофером... Я в протезе... Ступня...

— Простите меня, Рустам, — Усманов легонько коснулся его плеча.

— Ничего.

— Просто вы мне нравитесь.

— Благодарю...

По левую сторону замелькали дувалы — глинобитные дома.

— Колхоз... Минут через пятнадцать будем на месте, — заметил Рустам.

Впереди на самой середине дороги показался гусеничный трактор. Рустам взял правее и слегка нажал на тормоз.

— Что-то тащит...

Поравнявшись с трактором, он остановил «Волгу». Тракторист, совсем молодой парень, нервно переключал рычаги, резко двигая окутанный пылью трактор то вперед, то обратно, и при этом, высунувшись по пояс из кабины, глядел назад, что-то негодуя кричал; чумазое лицо было искажено от напряжения. Однако голоса его сквозь рев мотора почти не было слышно. Стальной трос, зацепленный за крюк позади трактора, то натягивался как струна, то, слабея, падал на дорогу. Трактор снова, взревев, устремлялся вперед, и его гусеницы, пробуксовывая, вспарывали землю.

Усманов проследил взглядом, куда вел натянутый трос. Он был привязан к одному из кряжистых тополей, растущих в ряд вдоль арыка. Раскаленное солнце било в глаза, слепило, и Усманов не сразу заметил прижавшегося к тополю старика. В развевающихся на ветру длинной белой рубахе и белых шароварах, он стоял, распластавшись по толстому пепельно-серому стволу дерева, сливаясь с ним, обхватив его руками, словно пытаясь удержать, не дать ему упасть. Усманов понял, что здесь происходит что-то странное, и поспешно вышел из машины.

— Стой! Стой!.. — закричал он трактористу, направляясь к дереву.

Однако уже было поздно. Тракторист, видимо, решил поскорее покончить с делом и надал газу. Трос натянулся. И через мгновение вывороченный с корнями крижистый тополь, с треском ломая ветви, рухнул на дорогу. Не успел Рустам оправиться и добежать до трактора, чтобы предупредить водителя, как и старик и Усманов исчезли под обрушившейся кроной.

— Дамир-ака! Дамир-ака! — не своим голосом закричал Рустам, раздвигая ветви поверженного дерева.

— Иди сюда, Рустам, — слышался наконец снизу глухой голос Усмана.

— Он здесь, — сказал кто-то.

Это был тракторист. Бледный как полотно, он дрожал так, что у него клацали зубы.

— У-у, г-га-ад!.. — заорал на него Рустам и бросился на голос секретаря.

Усманов лежал, придавленный упругими толстыми ветвями, и упирался руками в землю, пытаясь встать.

— Быстрее, подо мной старик, — сказал он, увидев подоспевшего Рустама.

— Иди сюда! — крикнул Рустам трактористу.

Но тракторист и без того уже был рядом. Они вдвоем раздвинули ветви, протянули Усманову руки.

— Берите старика. Я сам... — Усманов, приподнимаясь, отогнул спиной ветку; когда из-под него вытащили потерявшего сознание окровавленного старика, он рывком поднялся с земли. Тополь покачнулся, завалился набок, и его тяжелый ствол, ломая ветви, ухнул на то место, где только что был Усманов.

— Ничего?.. С вами ничего?.. — ощупывая его, спросил Рустам.

— Кажется, ничего, — улыбнулся Усманов и принялся отряхиваться. У него был порван рукав, щека оцарапана. — Как старик?

Не ответив, Рустам кинулся к арыку, на берегу которого тракторист уложил старика; черная воду пригоршнями, смачивал ему голову и грудь.

— Живой?

— Дышит... Чокнутый старик, — процедил тракторист сквозь зубы.

— Сам ты чокнутый! — не выдержал Рустам. — Видишь человека и валишь!..

— А что же мне оставалось делать, если он не отходит? Тысячу раз просил его отойти! А он знает свое: «Сынок,

сыннок!..» — и хватается за дерево. А у меня распоряжение! Попробуй не выполни...

— Чье распоряжение? — спросил Усманов.

— Раиса! Чье же еще... — буркнул тракторист, готовый расплакаться.

— Давайте положим в машину... — распорядился Усманов и, просунув руку под шею старика, приподнял его. — Помогите... И быстро в больницу! Скажите, я направил. Пусть хорошенько осмотрят. Я подожду вас здесь.

— Хоп!

Рустам круто развернул машину и на предельной скорости помчался в районный центр.

Привлеченные шумом, собрались жители кишлака. Многие выбежали из домов, прослышав, что «Шакира-ота придавило деревом!». Эта весть в одну минуту облетела весь кишлак. Сваленное дерево обступила толпа. Многие узнали Усманова. Кто-то принес из дома йод и смазал его ссадину на щеке. Тракторист растерянно стоял в сторонке. Люди с негодованием поглядывали в его сторону.

— Есть кто-нибудь из близких Шакира-ота? — спросил Усманов у собравшихся.

Шагах в пятнадцати от тополей возвышался глинобитный дувал, и за ним через отворенную калитку виднелся обширный двор.

— Дочь есть, — сказал кто-то. — Учительница. Утром повезла школьников в город на экскурсию. Еще не вернулась.

— Было у него пятеро сыновей, — мрачно заметил средних лет мужчина. — Все пятеро погибли на войне. Эти тополя он посадил в память о них. А этот... что свалили, был им посажен в честь первенца, Мирбилала.

— Первенец не Мирбилал, а Мирджалал! — поправила его стоявшая рядом пожилая женщина.

Сердце Усманова дрогнуло, запершило в горле. Чтобы люди не заметили слез на его глазах, он перепрыгнул скорее через арку и направился в сторону открытой калитки, уверенный, что тут и живет Шакир-ота. Вошел во двор. Лохматый черный щенок, лежавший в виноградной беседке, сорвался с места и, как видно приняв Усманова за своего, стал кидаться, ласкаясь и повизгивая, ему на ноги. За беседкой, вокруг которой ярко цвели розы, простирался ухоженный сад.

— Ну ступай, ступай!.. — сказал Усманов щенку, легонько отстранив его ногой.

Поднялся на айван. Дверь в дом отворена настежь. У окна, выходящего на айван, низенький столик, застланный скатеркой, и на нем чайничек и пиала с недопитым чаем. «Наверное, сидел и пил чай, — подумал Усманов. — Услышал шум трактора, скрип раскачиваемого тополя и бросился на улицу...»

В комнате ничего лишнего. В нишах в полумраке сверкает посуда. На полу лежат одеяла — курпачи. Противоположная стена завешана старым красивым ковром, а поверх висят в одинаковых рамках пять портретов. Усманов подошел поближе, чтобы рассмотреть. По-видимому, сыновья Шакира-ота. Все пятеро в гимнастерках, один острижен наголо, без головного убора, а остальные в лихо заломленных пилотках со звездочками. И все похожи друг на друга. И брови, и глаза, и взгляд... Лишь младший тем только отличается, что оставил под носом квадратик усов, как видно, для солидности...

На айване послышались торопливые шаги. В комнату вступили, шумно дыша, Султанов и Кабулов. Усманов ощутил прилив бешеного гнева и, стараясь сдержаться, спросил тихим напряженным голосом:

— До каких пор будете увечить людей?

Кабулов виновато потупился, поглядывая с неприязнью на раиса. Султанов растерянно вытирал лицо и толстую шею огромным, с полотенце, платком, а пот, не переставая, лил с него.

— Хотели расширить дорогу, Дамир Усманович... — виновато проговорил раис. — И старик вроде бы согласился... Портреты его сыновей мы повесим в музей... А тополя... какой же это памятник?

Усманов прошел мимо них к двери. Спускаясь с айвана, через плечо бросил:

— Завтра бюро. Приезжайте оба.

В этот день он так и не попал в Найманчу. Вернулся в райком и позвонил из своего кабинета Мукимову, передал ему разговор, состоявшийся с Искандером Гаиповичем. Затем отправился в больницу. Главный врач сказал, что Шакир-ота оправился от шока. Он просто сильно ушибся, да к тому же еще и перепугался. Кости, самое главное, целы. А царапины быстро заживут. Завтра вернется домой...

У Усманова будто гора с плеч свалилась. Он успокоился, но злость не прошла. Домой не хотелось. И он более часа бродил по темным опустевшим улицам...

На заседании бюро, состоявшемся утром, выяснилось, что Султанов и на этот раз пренебрег советами членов правления колхоза, которые предостерегали его, говорили, что не стоит трогать деревья, поскольку Шакир-ота категорически против. По предложению Усманова бюро вынесло решение освободить Султанова от работы. Председателем колхоза был рекомендован Хайдарали Кабулов.

Вечером в клубе колхоза имени Максима Горького состоялось общее собрание колхозников. Собрание единогласно поддержало решение бюро райкома.

Домой Усманов возвратился в полночь. Мастура-апа сидела возле кровати внука. Усманов в первый раз после смерти Хафизы не прошел мимо в свой кабинет, а сначала заглянул в комнату, где находился сын.

— Еще не спит? — спросил тихо.

— Только что уснул, — ответила мать.

Усманов склонился над кроватью и впервые внимательно взгляделся в мальчика. Пухленький, белолицый, совсем как Хафиза. Бровей еще нет, а ресницы уже длинные, черные. Такие же, как у Хафизы... Словно почувствовав взгляд отца, Улугбек зачмокал во сне, вздохнул. Усманов улыбнулся. Ему захотелось погладить редкие темные волосы ребенка, но он этого не сделал, побоялся разбудить. В самом деле, при чем ребенок? Что он сделал плохого? Разве он виноват, что родился?

— Днем приходила какая-то девушка... — робко заметила Мастура-апа. — Принесла Улугбеку игрушку. Долго играла с ним, пока я хлопотала по дому. А он словно ее понимает, смеется, гугукает...

— Кто это? — без капли интереса спросил Усманов, не сводя с ребенка глаз.

— Халида. Сказала, что вы знакомы...

Да, глупо и жестоко винить ребенка. И потом, Улугбек все же ее ребенок, Хафизы...

XVIII

Осень выдалась щедрая и теплая. За весь сентябрь и первую половину октября небо ни разу не заволакивали облака, и под жаркими лучами солнца хлопок быстро зрел, коробочки на кустах лопались и раскрывались, как кукуруза на сковороде. Первыми в Бадамсае приступили к уборке в колхозе «Правда». А уже через неделю началась страда по всему району. В райкоме наметили завер-

шить сбор хлопка к ноябрьским праздникам. Однако, если весь октябрь продержится такая погода, не только план, но даже и социалистическое обязательство район сможет выполнить уже к первому ноября.

Сатыбалды Полвонов, Хайдарали Кабулов и еще два-три председателя пришли в райком с ходатайством: дескать, чтобы хлопок был почище и шел первым сортом, а главное, чтобы собрать урожай, пока стоит погода, неплохо бы привлечь к сбору школьников хотя бы дней на двадцать, не более. Райком не пошел на это. Раисам напомнили, что решение не отрывать школьников от занятий было принято в начале года единогласно. А всякое решение бюро райкома, безусловно, должно выполняться. Правда, поначалу твердо стоял на своем только Усманов. А Бурханов под натиском раисов спасовал, готов был поддержать их. Даже попытался уговорить Усманова, намекая на то, что, если привлечь школьников, можно выйти в передовые не только по области, но и по республике. Дети ведь, они как муравьи: несут вроде бы по пригоршне, а в результате горы собраны. Вон, мол, если поглядеть на соседние районы...

— Казим Бурханович, зачем нам смотреть на других? А мы что, лыком шиты?.. — спросил Усманов.

— Да... Конечно... — смутился Бурханов. И в конце концов принял его сторону.

Однако в выходные дни все трудящиеся района, и рабочие и служащие, выезжали в колхозы и собирали хлопок. Работники райкома тоже трудились со всеми на поле от зари до зари.

В колхозе «Шарк юлдузи» сбор начался дней на десять позже, чем в других передовых хозяйствах. Сказались последствия затяжных весенних дождей. На большинстве полей пришлось сеять повторно. Но, несмотря ни на что, урожай был выращен хороший. Уже к середине октября колхоз догнал соседей. Работники райкома чаще всего работали на полях этого колхоза.

— Вот видите, Сатыбалды-ака, а вы просили школьников. Каждый работник райкома стоит десяти учеников! — пошутил Усманов.

— Работников райкома лучше слушать, чем заставлять работать, — ответил шуткой на шутку Полвонов. — Наши мужчины скоро поднимут бунт.

— Почему? — удивился Усманов.

— С тех пор как вы появились тут, подавая личный пример, в поле выходят все до одного. Ни в одном доме не

осталось даже человека, чтобы приготовить обед. Моя разлюбезная жена тоже собирает вон за тем арыком. Я из-за этого не только не могу пригласить вас к себе в гости, но и сам хожу голодный...

Усманов засмеялся. Ему куда больше нравилось обедать вместе с колхозниками на полевом стане, черпать из алюминиевой миски пропахшую дымком наваристую шурпу. Раис это знал, потому и шутил.

Настроение Усманова в последнее время заметно улучшилось. Жизнь, полная забот и тревог, втянула его как водоворот. Теперь он не чувствовал себя таким несчастным, таким потерянным, что хотелось бежать из Бадамсая. Правда, ни один человек, кроме него самого, не знал об этих недавних его мыслях. Даже матери ни словом не обмолвился. Но месяца два назад в нем не раз просыпалось желание махнуть на все рукой и вернуться в город... Потом постарался собрать все свое мужество — надо было жить. Жить здесь. Ради памяти Хафизы. Она верила в него. Ему часто слышался ее голос. Сидит, бывало, в кабинете, работает, и вдруг... «Дамир, хочешь чаю?» Вздрагивает, оборачивается. Никого. Или идет по улице и вдруг слышит: «Не спеши, мне же за тобой не угнаться!..» Ее голос... А иногда, увидев вдалеке похожую женщину, он принимал ее за Хафизу, и его будто окатывало кипятком... Ему казалось, он сходит с ума... Но человек есть человек. Иногда, наверное, железо не выдержит — согнется, сломается, а человек выдерживает. Для этого нужно работать. Работать, не отдыхая... А отрешиться от всего, оторваться от людей, погрузиться в боль — это проще простого. Поступить так — все равно что зажмуриться, когда в тебя летит камень. Нет, Усманов должен работать. И за себя, и за Хафизу. И пусть лучше никто не узнает, что за мысли бродили недавно в его голове...

В тот день, когда колхоз «Шарк юлдузи» должен был выполнить план, Полвонов пришел на поле к райкомовцам:

— Дамир Усманович, сегодня после сбора вы все остаетесь у нас.

— Зачем? Сегодня же мы решили уйти пораньше, чтобы ваши мужчины не подняли бунт! — сказал Усманов.

— Сегодня кое-кому из мужчин привалило счастье. Вы слышали про нашу Машрабхон? Она в этом году славно поработала на хлопкоуборочной машине. Уже двести тонн

хлопка собрала. Обещает еще семьдесят тонн собрать. Так вот, сегодня ее свадьба!

— Поздравляю, — сказал Усманов. — А кто жених?

— Свой. Мирзагани. Тоже механизатор. «Сумеешь обскакать во время сбора хлопка свою невесту, разрешу ей выйти за тебя и благословлю вас!» — сказал я ему...

— И обскакал?

— Обскакал! — хохотнул Полвонов. — Ух как старался! Сегодня получит свою награду.

Усманов вспомнил, что об этой свадьбе еще весной говорила Халида.

— Свадьбу справляют в новом доме? — спросил он.

— В новом, — удовлетворенно подтвердил Полвонов и спохватился: — Откуда вы знаете?

— Халида говорила. Помните, когда я привез ее обратно?.. У Сатыбалды-ака все учтено заранее — так она сказала. Даже свадьбе Машрабхон наметил срок!

Полвонов засмеялся:

— Сейчас она и сама без точного расчета не делает и шагу. В руках счеты, блокнот... Я вам тогда сказал, что она и сама вернулась бы. Но то, что ее привезли вы, получилось хорошо. Она это оценила. А если говорить начистоту, то вы и мне показали тогда ее настоящую цену. Я даже побаивался, как бы она опять вам не пожаловалась. — Полвонов говорил вроде бы шутя, но лицо его и взгляд оставались серьезными. Помолчав, добавил: — Хорошая девушка. Дело свое знает. А когда я в отъезде, совсем не беспокоюсь о колхозе. И с председательскими обязанностями справляется.

Об этом Усманов услышал с удовольствием.

Как-то в середине лета у него был разговор с Сулаймоном-ота Юлдашевым, председателем колхоза имени XX партсъезда. Вот после этого разговора Усманов и стал все чаще вспоминать о Халиде.

Сулаймон-ота Юлдашев был одним из самых первых председателей в Ферганской долине, ветеран гражданской войны, дважды удостоивался ордена Ленина. В свое время во всех газетах упоминалось имя этого знатного человека. К нему в колхоз со всех концов республики приезжали молодые руководители хозяйств поучиться опыту. Но в последние годы разговоры о нем поутихли. Да и сам он стал редко показываться на слетах, на больших собраниях, где в прежние времена, бывало, сидел в президиуме.

Тогда, летом, Сулаймон-ота, седой и дебелий, некоторое время молчал, не зная, с чего начать разговор. Усманов не торопил, предложил ему пиалушку чаю, парварды¹. Сулаймон-ота выпил чай и, пристукнув доньшком пиалы о стол, неожиданно сказал:

— Освободите меня...

— Да что вы?.. Что-нибудь случилось? — спросил Усманов.

— То же самое, что со всеми в конце концов случается, — грустно улыбнулся Сулаймон-ота. — Постарел...

— Но у вас в колхозе все благополучно...

— Благополучно? — усмехнулся Юлдашев. — Конечно. Благополучно... Но разве таким он прежде был, наш колхоз? А настанет день... и могу не заметить, как окажемся позади всех... Вот чего я боюсь.

Усманов в замешательстве смотрел на него, не зная, отговаривать ли заслуженного председателя от выхода на пенсию, и будет ли сам он искренен, если сумеет склонить раиса остаться на прежней работе.

Сулаймон-ота разволновался, ему трудно было говорить. Он опустил глаза и мял в дрожащих руках тюбейку.

— Да, Дамирджан, сынок, не думал и я о старости. Не заметил, как подкралась она. Только теперь, когда то одного дела не успеваю сделать, то другого. «А-а, — подумал я. — Это она, дряхлость, меня за руки держит...» — Он поднес большие руки к глазам и с грустью посмотрел на свои ладони, покрытые бороздками, мозолями и шрамами: — Нет в них прежней силы, сынок. Раньше я вставал до петухов и не ложился, пока не угомонится весь кишлак и в последнем окне не погаснет свет. Сорок лет работал, не зная, что такое отдых, что такое болезнь. А позавчера, стыдно сказать... Позавчера на собрании я потерял нить своей речи. Как зайка умолк на полуслове, забыл, что хотел сказать. Мне кажется, и люди заметили. Но никто не смеялся, нет. Молча сидели, пока я не поймал за кончик нить разговора. Эх, сынок, что с меня спрашивать теперь, со старого человека? В таком состоянии я развалю хозяйство. Надеюсь, вы поймете меня и простите. Ведь в свое время я что мог сделал. А теперь... Если у вас есть подходящий человек, то замените меня.

— Так уж сразу? Может, с годик-другой еще порабо-

¹ Парварда — особый вид конфет.

таете? У вас же есть энергичные помощники, — сказал Усманов, чтобы хоть как-то поддержать старика.

Сулаймон-ота махнул рукой.

— Я много думал прежде, чем прийти сюда. Думаете, легко признать свою немощь? Прямо сердце разрывается. Но нет другого выхода...

— Ладно, — согласился Усманов, зная, что Сулаймон-ота относился к той категории людей, которые, приняв однажды решение, от него не отказываются. — А кого бы вы могли рекомендовать вместо себя?..

— Я знал, что вы об этом спросите, — ответил Сулаймон-ота. — Кандидатура есть... И не одна, а четыре-пять. Могут справиться и мой заместитель, и агроном, и парторг. И еще имеются. Но лучше взять со стороны, мне кажется. Если один из них станет раисом, то остальные подумают: «А почему не я? Разве я хуже?» Разлад начнется. Перестанут по-настоящему работать. Лучше, если все останутся на своих местах. Раис найдется. А людей, которые смогли бы в этом колхозе так же хорошо выполнять их работу, труднее подобрать...

Усманов отметил про себя, что в рассуждениях Сулаймона-ота присутствует опыт жизни. Видимо, не один день и не одну бессонную ночь размышлял мудрый старик.

— Ладно, Сулаймон-ота, — сказал Усманов. — Только у меня к вам просьба: подождите до осени. Соберем урожай, тогда и вернемся к нашему разговору.

— Хорошо, сынок, до осени подожду, — согласился Сулаймон-ота.

С той самой поры Усманов и подумывает все чаще о Халиде. Были у него на примете и другие люди. Но после долгих раздумий он пришел к выводу, что Халида, пожалуй, лучше остальных справится с обязанностями раиса. Образование есть. Землю знает и любит. Все ее мечты связаны с землей. Энергична. Настойчива. Капризы? Ну и что? На то ведь она и молодая женщина. Начнет работать самостоятельно — посерьезнеет...

Своими умозаключениями Усманов еще ни с кем не делился. Хотел посоветоваться с Бурхановым, но совершенно случайно заметил, что у того какое-то предвзятое отношение к Халиде. Как-то в присутствии Полвонова зашел разговор о современных методах агротехники; пришлось к слову, и раис принялся расхваливать своего агронома, Халиду.

— Э-э, ничего из этого попугая не выйдет! — перебил его Бурханов. — Рано или поздно она все равно сбежит

в город. В голове у нее одни только наряды да украшения.

Полвонов вскипел.

— Во-первых, она еще молода и не столь мудра, как некоторые из нас, — ответил он, покраснев от негодования. — А во-вторых, какая женщина не любит красивых нарядов и украшений? Пусть одеваются, пусть украшают себя! Это не мешает работе... Недавно я поехал проведать свою младшую дочь в город. Увидел и чуть не ахнул. Платье едва прикрывает бедра. Объясняет: сейчас такая мода. А что я мог сказать?..

Усманов промолчал, но был доволен ответом Полвонова. И сейчас, услышав от Полвонова столько хорошего о Халиде, он хотел было поделиться с ним своими планами, посоветоваться, но раздумал. Он заранее знал, что скажет Полвонов. Ни за что не захочет отпустить от себя Халиду. Начнет протестовать. И, чего доброго, у него испортится настроение перед свадьбой его подопечных. А поскольку он главный на всех застольях, от его настроения сегодня зависит многое...

Тот самый двор, в котором Усманов когда-то побывал, был заполнен людьми. Посередине полыхал традиционный костер, а вокруг него плясала молодежь. Вовсю гремела музыка, оповещая и ближние и дальние кишлаки о тое... Старики, подобрав под себя ноги, сидели на помостах — сури, застланных паласами, а молодежь расположилась за столами, составленными в ряд. Многие пришли прямо с поля. Возбужденные и веселые, они не чувствовали усталости. Шутили, смеялись, предлагали тосты. А управлял свадьбой сам Сатыбалды-ака. Он поздравил молодых, сказал много трогательных и ласковых слов, шутками заставлял всех смеяться и в разгар веселья обратился к Усманову, попросил пожелать что-нибудь молодым.

Усманов сразу почувствовал, что не по силам ему тягаться с раисом в красноречии, и просто, но от чистого сердца поздравил молодых, пожелал им счастья, здоровья и долгих лет совместной жизни. Все выпили. И он осушил рюмку. И подумал, что он на первой свадьбе в Бадамсае. Если бы жива была Хафиза, она сидела бы сейчас рядом с ним, видела бы радость на лицах жениха и невесты, радость всех людей, радость мужа и сама была бы весела...

Спустя некоторое время Усманов поднялся. Сидящие поблизости забеспокоились, стали уговаривать не спешить,

посидеть еще немного. Подошли Полвонов и жених, просили остаться — ведь веселье еще только началось, будет длиться до утра. Ведь это, мол, не просто свадьба, но и праздник урожая: на торжество собрались все колхозники.

— Казим Бурханович останется. А у меня еще дела, — сказал Усманов. — Да и мать забеспокоится. Одна весь день с внуком.

Халида, смущенно потупясь, сказала:

— Я сегодня была в райцентре, заходила к вам и предупредила вашу маму...

Но Усманов не остался. Бурханов и Полвонов проводили его до машины. Бурханов раскраснелся от выпитого, но был угрюм. Прощаясь, сказал:

— У меня к вам разговор... Давно хотел... Личный...

— Говорите, — Усманов вопросительно посмотрел на него.

Бурханов взглянул на Полвонова.

— Ладно, в другой раз... Не к спеху... Потом...

Усманов не настаивал. Но в дороге подумал: «Что за разговор у него ко мне?..»

За последнее время Бурханова словно подменили. Улыбчив, приветлив. Изменил отношение к нему, к Усманову? С чего бы вдруг?.. Во всяком случае, хотя и не часто, заходит к нему в кабинет, советуется. Что же с ним произошло?..

Они проезжали через кишлак, где жил Пулатов, и Усманов попросил остановить машину возле знакомых голубых ворот. Уже неделю Пулатов по настоянию врачей находился дома и лежал в постели. Вместо себя он оставил на новых землях Каримова.

Увидев Усманова, Носир-ака попытался встать.

— Нет, нет, лежите! — сказал Усманов и, придвинув к кровати стул, сел. — Из «Шарк юлдузи» еду. Дай-ка, думаю, зайду, хоть и поздно. Не надоел своими посещениями?

— Ну что вы, спасибо, — печально улыбнулся Пулатов. Выглядел он неважно. Белки глаз пожелтели, лицо осунулось, побледнело. — Ну как у них там план, скоро выполнят?

— Сегодня выполнили. Дня через три-четыре, думаю, и район выполнит.

— Хорошо. Поздравляю... Только я вот подвел вас, слег не вовремя.

— Ну, с кем не бывает, Носир Пулатович! Вы пере-

напряглись. Да и осень жаркая... Ничего, вот полежите и скоро подниметесь.

— Конечно, — обрадовался Пулатов. — И врачи так говорят. Самое большее еще дней десять проваляюсь. Я и сам чувствую. Вчера не мог и голову поднять, а сегодня ничего. Давеча добрался до айвана самостоятельно...

Они долго беседовали. Саида-апа принесла чай, сладости. Усманов несколько раз порывался встать, боясь утомить больного, но Пулатов клал легкую, как перышко, ладонь ему на колени и просил посидеть еще чуть-чуть. Он говорил о будущем совхоза, о людях, с которыми там работает, посвящал Усманова в свои мечты. Он разговаривал с учеными. Уже через четыре года совхоз окупит себя. Неподалеку от совхоза они построят санаторий. Грех не построить! Там же из-под земли бьет настоящий бальзам, а не вода! Люди смогут вылечиваться от желудочных, почечных заболеваний... Но минеральная вода при этом будет лишь вспомогательным средством, а не главным. Главным будут арбузы, виноград... Четыре гектара самых сладких на свете арбузов! А в теплицах они могут вызревать и зимой... И это еще не все. После того как вступит в строй консервный завод, совхоз в скором времени станет хозяйством-миллионером...

Усманов слушал, дивясь силе и увлеченности этого человека, восхищаясь им и от всего сердца желая, чтобы он поскорее выздоровел. Лежать дома для него мука. Если бы у всех людей старость была бы такой полной, насыщенной делом, как у него!..

Когда Усманов наконец встал и начал прощаться, Саида-апа обратилась к нему:

— Он с вами хотел поговорить кой о чем. Поговорил?

— Нет... О чем же?

Саида-апа обернулась к мужу:

— Вы же сказали, что непременно поговорите с Дамиром Усмановичем насчет Султанова, забыли?

— Хорошо, что ты напомнила, — спохватился Пулатов, приподнимаясь на локте. — Дамир Усманович, посидите, пожалуйста, еще минутку.

Усманов опять опустил на стул.

— Хайтбая правильно сняли с работы, — начал Пулатов, волнуясь. — Я ничуть не против... Он зазнался, начал возводить постамент для самого себя... Но тем не менее заслуги его перед Бадамсаем, да и перед всей Ферганой большие, и о них нельзя забывать. В годы коллективизации враги новой жизни его называли Хайтбаем-кафиром,

Хаитбаем-отступником. Отступником от веры, от законов, заповеданных якобы аллахом. И многие — те, кто не понимал смысла колхозов, — пугали Хаитбаем своих непослушных детей... Я смутно помню, когда тут был организован первый колхоз. Но в памяти осталось, что в тот год у нас выдался богатый урожай гранатов. Колхоз просто не знал, что делать с плодами. И как раз в эту пору в Бадамсай приехал товарищ Ахунбабаев. Увидел на кустах несобранные перезревающие гранаты и сказал: «Вам всего этого не съесть... А сколько людей, которые таких плодов и не видели! Надо повезти в Ленинград...» И по его совету двое колхозников — председатель Хаитбай и еще... не помню сейчас, как звали, а фамилия его была Исмаилов — повезли в Ленинград целый вагон гранатов... Теперешний Кировский завод прежде назывался «Красный путиловец». Вот на этот завод они и сдали оптом все плоды. Обоих принимал у себя сам Сергей Миронович Киров. Они целую неделю гостили в Ленинграде. А когда собрались в обратный путь, по совету Кирова, рабочие завода подарили им два трактора «фордзон», и еще с ними приехал с завода специальный человек, чтобы обучить колхозников управлять трактором. Но многие дехкане не решались и близко подходить к диковинной машине. И первым взялся за руль трактора сам Хаитбай... Эх, сколько раз враги пытались убить его, а трактор поджечь... А тот «фордзон» и до сих пор еще живой стоит... Так что же я хочу сказать этим?.. Может быть, он от жизни отстал, зазнался? Да... Правильно ли, что сняли? Правильно. Но... провожая его на пенсию, нельзя не вспомнить обо всем хорошем, что он сделал для колхоза. Я думаю, справедливо было бы дать Хаитбаю персональную пенсию республиканского значения. Вот об этом я и хотел с вами поговорить.

Усманов обещал похлопотать.

Уже сидя в машине, Усманов подумал, что было бы хорошо встретиться как-нибудь с Султановым и услышать от него самого о прошлых его делах. Доставивший ему немало неприятностей Султанов раскрылся вдруг перед ним с неожиданной стороны... Спасибо Пулатову! Внезапно в голову пришла мысль: этот самый ленинградский «фордзон» надо бы поставить на постамент у въезда в Бадамсай. Это же первый трактор, появившийся в Фергане! Подарок ленинградских рабочих. Нет, лучше всего построить музей. Музей истории революции и коллективи-

зации. Перед музеем установить этот трактор... Впрочем, такой музей, видимо, целесообразнее иметь в масштабах республики или хотя бы области. А для района это уж слишком... Хотя почему бы и нет?..

Размышляя, он не заметил, как доехали до райкома. Дежурил Алиев.

— Поздравляю, Дамир Усманович, с вашей помощью колхоз «Шарк юлдузи» завершил план! — сообщил он полушутя-полусерьезно.

— Да, и той справили! — в тон ему ответил Усманов. — Все в порядке?

— Вроде бы в порядке, — ответил Алиев, странно улыбаясь.

Усманов посмотрел на него вопросительно:

— Что?

— Тут одна женщина долго вас ждала. Всего за несколько минут до вашего прихода уговорил ее уйти домой, — засмеялся Алиев. — Муж привязал к урючине.

— Как так?..

— Пьянка до чего не доводит...

— Она?..

— Нет, муж! Вечером, говорит, вернулся пьяный и учинил скандал. А наутро, когда он протрезвел, жена пригрозила ему: уйду, мол, не буду с вами жить. Муж, видимо, поверил. Обманом подвел ее к урючине и привязал накрепко бельевой веревкой. Женщина не заметила, что у него в руках веревка. А когда он замелькал вокруг нее и дерева, словно паук, оплетающий паутиной, то уже было поздно. Если бы я, говорит, заметила у него веревку, то не стояла бы сложа руки, сама бы привязала его к дереву. В общем, муж привязал ее и ушел на работу. Женщина так и стояла, пока сын не вернулся из школы. Постеснялась соседей звать на помощь. Мужа ругает, а сама все время называет его на «вы». «Они спесалисом работают, потому так фордыбачат...»

— А-а, это Карамонова, — догадался Усманов. — Она еще придет?

— Сказала, придет утром. Мне, говорит, может помочь только товарищ Усманов. Вы, оказывается, уже однажды разговаривали с ее мужем. Хоть он и «спесалис», но надо его перевести на более скромную работу, иначе у него слишком много лишних денег, считает она.

«Не говорил. Но, видимо, все-таки надо поговорить с ее мужем», — подумал Усманов, а вслух сказал:

— Вы правильно заметили, она любит своего мужа.

Помолчали.

Усманов взял стул, сел и рассказал Алиеву все, что услышал от Пулатова и чем был так взволнован.

— Надо что-то придумать. Надо. Это же большое дело. Памятник или что-то другое, не знаю. Во всяком случае, нужно помнить о дружбе наших хлопкоробов с путиловцами.

Алиев обещал покопаться в архивах. Сообща что-нибудь придумают.

Улугбек все еще не спал. В прихожей, разуваясь, Усманов услышал его звонкий голос.

Мастура-апа и все колыбельные песни перепела, которые знала, и уговаривала внука закрыть глазки — все тщетно. Улугбек не желал засыпать — ожидал отца. Он первым услышал, как ключ повернулся в замке, завертел головкой, закричал. Увидев отца, протянул к нему ручки. Усманов взял его на руки.

— Почему не спишь, а? — строго спросил он, делая вид, что сердится, и одновременно целуя сына.

— Дождается отца, — сказала Мастура-апа. — Так и прислушивается, так и прислушивается, не раздадутся ли шаги...

— И опять новые игрушки, я вижу!..

— Да-а! — подхватила мать. — Одна надоест, другая уже готова! Халида сегодня принесла еще одну. Саблю. Рановато, но ничего, скоро наш малыш джигитом станет! Знаешь, как только твой сын видит Халиду, радуется, смеется, что-то лопочет. И она рассказывает ему всякие веселые сказки и тоже смеется. Разговаривают и вроде бы понимают друг друга...

Усманов понял, на что намекала мать. Она не в первый раз заводила разговор о Халиде, но слова эти не находили отзвука в его сердце. Халида хорошая девушка, что и говорить. Он уважает ее, как уважал бы одну из своих сестер. Она и поступила, как сестра, когда Мастура-апа спустя неделю после смерти Хафизы принесла Улугбека домой. Халида зашла к ним и сказала:

— Моя сестра умерла, когда ее дочери исполнился месяц. Племянницу растила я. Если разрешите, я буду время от времени заходить к вам и помогать...

С тех пор Халида и бывает у них. Правда, чаще всего в отсутствие Усманова. Но стала близкой их семье. Мать уже души в ней не чает, то и дело заводит с сыном разго-

вор о ней. Нехорошо, если девушка будет надеяться... Надо бы намекнуть ей... Снова обзаводиться семьей он не собирается. Хотя Хафизы нет, но она живет в его сердце, он слышит ее голос, не проходит ночи, чтобы она не приснилась ему. Не сможет он забыть ее...

Он хотел сказать об этом матери и только собрался с духом, как из другой комнаты донесся звонок телефона. Улугбек, словно боясь, что его опять уложат в постель, обхватил отца за шею ручонками. Усманов засмеялся и вместе с ним направился в свой кабинет. Включив настольную лампу, снял трубку.

Звонил Исмаилджан.

— Дамир! — послышался его голос. — Извини, что поздно. Я знаю, что ты раньше и не приходишь домой. Я тут кое-что сделал от твоего имени. Думаю, не обидишься.

— Что именно?

— Всесоюзное общество ветеранов войны пригласило группу участников партизанского движения Югославии. Среди них есть и Антонов-Ристич. Я включил в их программу посещение Бадамсая. От твоего имени. Ты слушаешь?

— Да, да, — ответил Усманов. — Хорошо сделал. Когда они приедут?

— В конце месяца.

— Превосходно. К тому времени справимся как раз с планом, — сказал Усманов и сразу переключился на другое: — Послушай! В твоей газете ничего не публиковалось о Султанове? Да, о бывшем председателе колхоза имени Горького. Нет, не фельетон. Просьба к тебе, побывай у него. Нет, сам. Сам побывай.

— Это заказ райкома? — смеясь, спросил Исмаилджан.

— Можно сказать и так. Биография у него интересная. Когда приедешь?

— Через недельку. Сейчас занят по горло. Улугбек как?

— Вот устроился у меня на руках и пытается отнять трубку. — Усманов нежно поцеловал сына, вцепившегося обеими ручонками в трубку. — Растет не по дням, а по часам, как князь Гвидон. Скоро станет женихом. Только не спит вот, мучает свою бабушку.

— Ребенок же, — сказал Исмаилджан. — Вспомни, сам каким был. Только теперь...

— Да, только теперь... — перебил его Усманов

и вздохнул.— Только теперь... Едва мы, дружище, с детством простились...

— Мирские заботы на нас навалились! — подхватил Исмаилджан.

— Так через неделю? — еще раз спросил Усманов.

— Обязательно! — заверил Исмаилджан.— Коль обещал, ты же знаешь...

Они простились, и Усманов положил трубку.

Он поиграл еще с Улугбеком, а потом, заметив, что у ребенка начинают слипаться глаза, прижал его к груди и стал тихонько укачивать.

Вошла Мастура-апа и взяла у него уснувшего ребенка.

Усманов выключил настольную лампу. Из темноты медленно проступил блеклый квадрат окна. Надо подумать о делах на завтрашний день. В сумерках как-то легче размышлять, ничто не отвлекает. За окном от поднявшегося ветра раскачивались голубоватые под луной тополя. Кружились в воздухе сорванные с ветвей голубоватые листья.

Еще только полгода он здесь.

И сколько было всего...

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Близится утро. Небо начинает светлеть. Тротуары в эту пору безлюдны. А вымытый ночью поливалками асфальт блестит, переливаясь, будто проезжую часть улицы выстлали черным бархатом. В мокром асфальте отражаются гирлянды огней, пунктирной линией убегающие вдаль.

Мунира вывела трамвай из ворот парка и, хлестнув тишину пронзительным звонком, тем самым как бы оповещая сонных горожан, что движение городского транспорта началось, подкатила к первой остановке. В вагон вошел пассажир. Мунира узнала его. Она встречала его всякий раз, когда работала в первую смену. Это был мужчина средних лет, в форме железнодорожника. В руках у него всегда была одна и та же большая черная сумка.

— Салам алейкум, амаки! На работу? — приветствовала его Мунира как старого знакомого.

— Здравствуй, дочка, — ответил пассажир. — Припоздала немного? Сколько на твоих?

Мунира взглянула на часы:

— Нет, амаки, вовремя иду. Всего лишь десять минут шестого.

— Ну, хорошо, если так. А я было начал беспокоиться. Сегодня тепловоз сдаем после ремонта. Помучились мы с ним.

Слушая пассажира, Мунира вкладывала рулон билетов в автоматическую кассу. Случайно взглянула в окно и вздрогнула. В зарослях шиповника, разросшегося у самого тротуара, она увидела женщину. Квадрат света, падающий из окна вагона, высветил из темноты край белого платья и белые дамские туфли, торчащие носками вверх.

— Ой, амаки, взгляните сюда! — крикнула Мунира.

— Что случилось?

Мужчина подошел к Мунире.

— Вон там, среди кустов...

Они вышли из вагона. Колючие ветви шиповника сверху густо переплелись, будто кто-то специально соорудил

дил здесь шалаш. Железнодорожник осторожно раздвинул ветви.

— Фонарь у тебя есть? — спросил он.

И по тому, как прозвучал его голос, Мунира поняла — случилось недоброе. Она бросилась в вагон и через мгновение вынесла карманный фонарь.

— Посвети сюда.

Мунира направила луч на лицо женщины.

— Сдается мне, что ее убили, — проговорил железнодорожник.

— Ой, что вы, не может быть! — пролепетала Мунира. — Что же делать?

— Беги в парк, вызови «скорую помощь».

— Я... я... — Она не могла выговорить ни слова, ее трясло как в лихорадке.

— Беги! Беги!

2

Говорят же, муж и жена помирятся быстрее, чем кисейный платок высохнет. Говорят. А вот Рахим Саидов так не считает. Всякую ссору в семье он склонен сравнивать с короедом, подтачивающим дерево. Каким бы ни было дерево крепким, крошечный червь в конце концов свалит его или иссушит. Так и семья. Незаметно, от ссоры к ссоре, обиды вытесняют из сердец любовь.

Рахим Саидов старался, чтобы ссор в доме не было, но они случались все чаще и чаще. Говорят, нельзя луну прикрыть решетом. Их шумные пререкания с женой становились достоянием чуть ли не всего многоквартирного дома. В конце концов слухи достигли и его работы. И хотя хорошо знающие Саидова люди сочувствовали ему, легче от этого не становилось.

Стараясь с головой уйти в работу, он вскоре забывал о причинах, вызвавших скандал. Спустя день или два Рахим, не задумываясь над тем, кто из них прав, кто виноват, просил у жены прощения. Мунис оттаивала, и начинались обоюдные заверения и клятвы. В доме опять воцарялись мир и согласие. Вновь собирались у Саидовых друзья, и веселый смех и шумные разговоры доносились из открытых окон их квартиры. Соседки, что сидят по вечерам у подъезда на лавочках, многозначительно переглядывались. Одни осуждали Саидовых, другие сочувствовали им.

— Эх, послал бы бог Мунисхон ребенка, и успокоились бы они, — говорила какая-нибудь сердобольная женщина,

и все охотно принимались рассуждать о том, какое значение имеет ребенок для укрепления семьи.

Невдомек было соседям, что Мунисхон сама не желает иметь ребенка. Не знали они и того, что Рахим смирился с этим.

Когда между ними вырастала стена отчуждения, Рахим не находил себе места. В глубине души он понимал, что бесконечно так продолжаться не может. Настанет день, когда надо будет предпринять решительный шаг. Но при одной только мысли об этом мужество оставляло его. И не только потому, что предстоял мучительный разговор с женой, — просто он все еще любил эту женщину. Потому что не слишком прельщала его перспектива стать снова свободным. Не раз, стараясь помочь, вмешивались в его семейные дела родственники, но Саидов вежливо давал им понять, что при надобности решит все сам. И родственники махнули на него рукой.

...Впервые он встретил ее на горном перевале дороги Коканд — Ахангаран. Девушка стояла возле сделанной из ганча скульптуры льва. Лев был весь забрызган грязью, вылетавшей из-под колес проносящихся мимо машин. Тем более поразительной казалась на его фоне стройная, хрупкая девушка в ярком платье. Сердце Рахима вдруг наполнилось непонятной радостью. Нет, он не помышлял о знакомстве с нею. Стало радостно и хорошо на душе оттого, что есть на свете такая девушка.

Саидов возвращался из Алтыарыка, где находился опытный участок их института. Рано утром позвонил директор и просил немедленно выехать в Ташкент.

Председатель колхоза благожелательно относился к сотрудникам института, ибо его хозяйство ожидало немалую прибыль от проводимых здесь экспериментов. Узнав о срочном вызове, он, не колеблясь, предложил Рахиму свою «Волгу».

Как только миновали Коканд, шофер, помня наставления председателя, прибавил газу. До самого поселка Чадак мчались со скоростью сто — сто десять километров. Рахим, расположившийся на заднем сиденье, с тревогой поглядывал на спидометр. У него захватывало дух всякий раз, когда машина взлетала на подъем и его плотно прижимало к сиденью. А через мгновение, казалось, они стремительно падают в пустоту — дорога круто уходила вниз.

— Сулейман-ака вас ждет, наверное, только к вечеру. Удивим его сейчас, подкатив к самому институту, — посмеиваясь, сказал шофер. — Сам-то директор обычно ездит

медленно. Несколько раз приходилось его в Ташкент отвозить, так, веришь, весь правый бок после таких поездок в синяках бывает. Стоит нажать на газ, он тут же в бок толкает: потише. — И шофер расхохотался.

Директор института — известный ученый. Сулейман-ака часто разъезжает по колхозам, того же требует и от подчиненных. «Дехкане должны знать, над чем институт работает. Иначе не станут обращаться к нам за помощью, и окажется, что мы им попросту не нужны», — говорил он в тех случаях, когда видел, что тот или иной сотрудник неохотно отправляется в дальний кишлак.

А кишлаки, где при его непосредственном участии создавались опытные участки, были разбросаны по всей республике — институт вел наблюдения за тем, как приживаются новые сорта хлопчатника в различных по климату и по характеру земель районах. Сектор, в котором работал Рахим Саидов, проводил опыты главным образом в Ташкентской и Ферганской областях. За последние два года здесь в отдельных колхозах неожиданно снизилась урожайность, вновь вырос процент заболеваемости хлопчатника вилтом. Что является возбудителем этой проклятой болезни, как избавиться от нее растения? Над этим уже многие годы бьются хлопкоробы и ученые-селекционеры. И в этот раз Саидов ездил в Алтыарык все по той же причине — опять некоторые поля подверглись нападению вилта. Кроме того, Саидову хотелось проследить за развитием нового сорта хлопчатника, высеянного нынешней весной. Кусты уже начали цвести. И как раз в этот ответственный момент его вызвал директор. Сколько ни гадал Саидов, не мог понять причины. Директор сказал: «Срочно выезжайте!» — и ни слова больше.

Машина стала подниматься к перевалу. Горячий душный воздух, влетавший в кабину, сменился холодным. Едва проехали Ак-Тепе, начал накрапывать дождь. К счастью, он вскоре прекратился.

— Хорошо, что дождь перестал, — заметил умолкший было шофер. — А то бы на спуске пришлось помучиться...

Частенько ездил Рахим по этой дороге и всякий раз с удивлением и восхищением глядел на панораму, открывающуюся взору. Серпантин дороги то вьется по склонам, огибающим величественные скалы, то вдруг, точно в игольное ушко, протискивается сквозь ущелье. Сейчас по левую сторону от машины возвышались горы. На самых высоких вершинах лежит снег. А бросишь взгляд направо, замирает сердце — в двух метрах от дороги разверзлась

пропасть, затопленная синью. Дорога огибает гору, и за каждым поворотом новая картина. Вершины горбятся то слева от тебя, то справа. И в сердце порой закрадывается сомнение: да появится ли он когда-нибудь, этот долгожданный перевал? Но вот дорога круто идет вверх. Мотор ревет от напряжения. Машина не останавливается. Она, как сказочный крылатый конь Дуль-дуль, устремляется вперед и каким-то чудом выносит тебя к перевалу. Кажется, будто ты на вершине мира, и все — города и сами горы — у твоих ног. Дышится удивительно легко. И вдруг сердце замирает — машина, точно птица, летит вниз...

На этой-то дороге и встретил Рахим Саидов свое счастье. Так, по крайней мере, он долгое время считал.

У чайханы, расположенной на последнем перевале, шофер резко свернул к обочине и остановил машину. Здесь его, видимо, знали — помощник чайханщика тут же вынес им в глубокой пиале остуженный желтый, как янтарь, кокчай. Шофер пил медленно, наслаждаясь горьковатым напитком. Затем протянул пиалу Рахиму. Утолив жажду, они отправились дальше. На этом перевале дорога километра два тянется по ровной местности. Перед поворотом на большом постаменте стоит скульптура льва. На дощечке, прибитой к постаменту, значится цифра 2342 — высота над уровнем моря.

На этом месте и увидел Рахим Саидов Мунискохон.

Девушка стояла на ступеньке постамента. Дул ветер, и платье на ней трепетало, облекая стройную фигуру. Чуть поодаль, у края дороги, стоял «Москвич» с открытым капотом.

Увидев приближающуюся «Волгу», девушка замахала рукой.

— Видно, у них вода закипела, — предположил шофер и резко затормозил. — Что случилось? — спросил он, высовываясь из кабины.

— Больше часа стоит, — сказала девушка, кивнув в сторону «Москвича». — Не подвезете ли меня?

По ее произношению Рахим Саидов безошибочно определил, что она из Коканда. Еще в студенческую пору ему очень нравилось, как говорят кокандские девушки — они очень мягко произносили окончания слов.

Шофер, не спрашивая согласия Саидова, отворил дверцу:

— Прошу!

В это время к ним подошел парень в белой нейлоновой рубашке, перепаханной машинным маслом.

- Салам алейкум, — смущенно поздоровался он.
- Что у тебя случилось? — поинтересовался шофер.
- Бог его знает. Не тянет... Может, взглянете? Уже

час канителюсь...

Шофер вышел из машины, и они вдвоем направились к «Москвичу».

Рахим почему-то ощутил неловкость — рядом стояла девушка, а он не знал, что делать. Наконец, сообразив, открыл заднюю дверцу и невнятно произнес:

— Садитесь.

— Я сейчас! — улыбнулась девушка и побежала вслед за парнем. Рахим невольно проводил ее взглядом. Да, она была очаровательна. Платье, сшитое по-европейски, в талию, очень шло ей, подчеркивало стройность фигуры. Тяжелая черная коса была закручена в узел на затылке.

Через несколько минут шофер возвратился:

— Прокладку пробило.

— А запасной у него нет? — спросил Рахим.

— Что ты, братец! Яйцо сказочной птицы Анко легче достать, чем прокладку, — покачал головой шофер. — К тому же от «Волги» им все равно бы не подошла. Раздобудут в Пункане. Дал ему адрес.

Саидов слушал шофера вполуха. Он не в силах был отвести взгляд от девушки. Она в это время, открыв дверцу «Москвича», наклонилась, чтобы взять какие-то вещи. Потом выпрямилась, что-то резкое сказала виновато потупившемуся парню и торопливо направилась к «Волге».

— Разрешите?

— Милости просим! — Рахим подвинулся, предлагая место рядом с собой.

— У меня неотложное дело, опаздываю, — извиняющимся тоном проговорила девушка, усаживаясь на заднем сиденье.

— А спутника, значит, оставляете на произвол судьбы? — не без иронии спросил шофер, берясь за баранку. Ему, кажется, не по душе пришлось то, что она расположилась не рядом с ним. — Нельзя так разбрасываться кавалерами.

— Ой, с чего вы взяли! — всплеснула руками девушка. — Это же мой двоюродный брат! Дядя поручил ему отвезти меня в Ташкент. И такая неудача...

— А я думал... Извините, — пробормотал шофер. — Ну что ж, поехали?

— Поехали, — кивнул Рахим.

Машина резко тронулась с места.

— Учитесь в Ташкенте? — спросил Саидов.

— Да. В институте иностранных языков. Закончила четвертый курс.

— О, превосходно, — сказал Рахим, хотя и сам не знал, почему это так уж превосходно. — Значит, скоро закончите?

Девушка кивнула и засмеялась. Смех у нее был звонкий, приятный.

— А потом? Какие планы?

Ее узкие бархатные брови вопросительно поднялись:

— Что вы имеете в виду?

— Чем собираетесь заняться после окончания института?

Она пожала плечами.

— Еще не знаю. Все будет зависеть от распределения.

— Я тоже когда-то мечтал поступить в «иностран- ный»... На английское отделение.

— А сейчас вы кто? — спросила девушка, бросив на него любопытный взгляд из-под пушистых ресниц.

— Химик, биохимик...

— Хорошая специальность... А мне в школе хотелось стать историком. Обожаю историю. Провалилась на вступительном.

— Вам повезло.

— Почему же? — удивилась девушка, и вновь ее брови взметнулись вверх.

— Люблю людей, знающих языки. Послушайте, а я все еще не знаю, как вас зовут, — неожиданно сказал Рахим, набравшись наконец смелости.

Девушка внимательно посмотрела на него:

— Мунис.

Он назвал себя. И подумал о том, как славно находиться в обществе такой милой и непосредственной девушки. Ему казалось, будто знаком с нею давным-давно. На минуту Рахим вообразил себя в кругу семьи и улыбнулся своим мыслям. Да, о такой жене можно только мечтать. Красива, скромна и, кажется, умница. Хотя трудно понять, чего больше во взгляде ее прекрасных глаз — ума или лукавства.

Мунисхон, прижав виском к стеклу, задумчиво смотрела вдаль.

— Устали? — спросил Рахим.

— Немного. Долго пробыла на солнце, что-то голова разболелась.

— Вздремните. До Ташкента далеко.

— Еще полтора часа, — подал голос шофер.

— Спасибо. — Девушка откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза.

Чтобы она могла расположиться удобнее, Рахим отодвинулся к самому краю.

Выехав на гладкую дорогу Алмалык — Ташкент, машина вновь стремительно понеслась. Рахим был переполнен странным и радостным чувством — его волновало присутствие этой девушки. Прекрасная природа и терпкий запах трав, смешанный с едва уловимым ароматом духов, одурманили его — он находился во власти грез. Машину тряхнуло — голова Мунистон упала на его плечо. Рахим замер. Он боялся неосторожным движением помешать ее сну.

Рахим так и не шелохнулся до самого Ташкента.

Но вот они прибыли — сейчас девушка простится и уйдет. И быть может, навсегда! От этой мысли ему стало не по себе. Надо что-то придумать... А что, если пригласить Мунистон в кино или театр?

Машина остановилась. Они находились в центре города — около курантов.

— Где вам удобнее выйти? — спросил шофер, обернувшись к Мунистон.

Девушка слегка вздрогнула и выпрямилась.

— Ой, уже приехали? — сказала она и потерла кулачками глаза. — А я задремала. — Мунистон смущенно улыбнулась.

— Вот и хорошо, немного отдохнули, — сказал Рахим. — Вам в какую сторону?

— На Ак-Тепе, в общежитие...

— О, это совсем в другом конце города, — перебил ее шофер. — А нам нужно в Академгородок!

Рахима покорила бестактность шофера, но что он мог сделать?

— Извините, что не можем подбросить до самого места.

— Ну что вы! Я и так у вас в долгу.

— А где на Ак-Тепе общежитие?

— Рядом с аптекой.

Они обменялись рукопожатием, и Мунистон вышла. Шофер рванул машину с места.

— Легкомысленная, видать, девица! — покачал он головой.

— Почему вы так решили? — обиделся Саидов.

— Бросила в беде брата... раз. Всю дорогу спала на груди у незнакомого мужчины... два.

Рахиму хотелось в ответ сказать что-нибудь резкое, отчитать, наконец, за непочтительный отзыв о девушке, но по виду шофера он понял, что того не переубедишь, и решил промолчать. Да так ли уж и важно, что подумал о ней шофер. Главное — его собственное впечатление.

Въехав во двор института, они увидели Сулеймана-ака, собравшегося уже идти домой. Директор всплеснул руками:

— Уже! Прибыли! Ну, Рахимджан, поздравляю! Прислали ваш кандидатский диплом!

Рахим был ошеломлен подобным известием, чего, видно, и ожидал Сулейман-ака. Обычно по году и больше ждут молодые кандидаты своих дипломов, а вот его поступил спустя всего лишь три месяца после защиты.

Насладившись произведенным эффектом, директор пожал своему ученику руку.

— Очень уж быстро, — только и нашелся что сказать Саидов.

— А по мне, так для стоящей работы и трех месяцев многовато. Исследование ваше оценено высоко. Я вызвал вас, чтобы лично поздравить да еще и суюнчи за радостную весть получить, — засмеялся директор. — Кроме того, есть к вам еще одно важное дело. Но об этом завтра. Не возражаете?

— Конечно, — согласился Рахим, пожимая руку Сулеймана-ака.

— Значит, на том и порешим.

И директор уехал.

Подумать только! В один день два счастливых события! Рахиму немедленно захотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью.

— Садриддин! — крикнул он привезшему его шоферу. — Какие у вас планы на сегодня?

— Как, то есть, какие? Еду обратно. Файзимат-ака в район собирался.

— Разве в колхозе нет других машин? Обойдутся. А вы сегодня моим гостем будете.

Садриддин минуту колебался, затем махнул рукой:

— А, была не была! Нельзя обижать отказом достойного джигита. — Он подмигнул Рахиму: — Ну и везучий же день у вас сегодня!

— Вы правы, дружище! — воскликнул Рахим. — Пришел, как говорится, и на нашу улицу праздник.

Они до полуночи просидели в небольшом ресторанчике, что находится на территории Академгородка. Рахим успел забежать к некоторым из друзей, и компания, сдвинув столы, принялась чествовать настоящего кандидата наук.

Говорят, жизнь состоит из случайностей. Вопреки логике, вопреки здравому смыслу Рахиму казалось, что случайная встреча с девушкой сделала сегодняшний день днем сюрпризов. Если бы не встреча с Мунис, кто знает, может быть, и причина, по которой вызвали его в институт, оказалась бы совсем иной?! Конечно, он понимал, что все эти домыслы из области фантастики. Но ему было так приятно связывать счастливый день с именем Мунис! И много времени спустя, когда ему бывало трудно, становилось не по себе из-за семейных неурядиц, он старался припомнить именно этот день, первый день их знакомства. И перед его взором всегда возникали залитые солнцем величественные горы и стройная девушка в трепещущем на ветру платье. Воспоминание это заставляло его забывать обиду, гнало прочь дурные мысли.

На следующий же день он разыскал Мунисхон. Они пошли в театр, потом долго бродили по городу. И еще много вечеров провели они вот так — взявшись за руки, позабыв обо всем на свете.

А теперь необходимо сказать, что за день до того события, с которого началось повествование, между мужем и женой произошла ссора. Нет, это случилось в их семье не в первый раз. Просто в тот день они поссорились гораздо серьезнее, чем прежде. А причиной явился сон. Да, не удивляйтесь, обыкновенный сон, который иногда озаряет нам душу радостью, а то вдруг омрачает ее тягостным видением, в котором склонны видеть мы недоброе предзнаменование.

Рахим проснулся с какой-то непонятной тяжестью на сердце. Неужели так подействовал на него этот глупый сон — какой-то мужчина отталкивающей наружности надел на руку Мунис перстень. Золотой перстень с крупным рубином. Рахим хотел броситься на нахала, но ноги его точно приросли к месту. Мунис насмешливо посмотрела на мужа, помахала ему рукой, на которой ослепительно сверкал перстень, и кинулась догонять удалявшегося мужчину. Рахим пытался кричать, но голос не повиновался ему.

Он резко поднялся, сел на краю кровати — и надо же присниться такой ерунде! Мунис спала. Он невольно бросил взгляд на ее руку и вздрогнул — тот самый перстень, золотой, с крупным рубином, — украшал один из ее пальцев. И тут он вспомнил, что еще вчера вечером кольцо это видел на руке Мунис, но не обратил на него особого внимания — очередная покупка жены. Однако ж почему и сама Мунис не похвасталась приобретением? Станный сон поселил в его душе тревогу и... сомнение. Рахим попытался снять кольцо с пальца жены.

Мунис открыла глаза.

— Что вы? — сонно проговорила она.

— Ничего, — резко сказал Рахим.

Мунис поняла, что муж не в духе. Она натянула одеяло до подбородка, спрятала под него руки:

— Что так рано поднялись?

Рахим не ответил. Несколько минут он сидел молча. И вдруг выпалил:

— Поздравляю с обновой!

Мунис мгновенно сообразила, с какой обновой ее поздравляют.

— Правда красивое кольцо? — Она высвободила из-под одеяла руку, стала любоваться камнем.

— Красивое! — сам не зная почему, зло проговорил Рахим.

Мунис сделала вид, что не замечает его раздражения. Она порывисто поднялась и обняла мужа:

— Купите мне золотое кольцо! Ну пожалуйста...

Алый глазок перстня сверкал у подбородка Рахима.

— А это? Разве не золотое? — спросил он уже более спокойно.

— Да что вы! Разве не видно? Медь обыкновенная. — И она ласково потерлась щекой о его плечо.

Рахим с облегчением вздохнул, будто гора свалилась с плеч.

— Уж очень похоже на золото, — все-таки заметил он.

— На какие же деньги я куплю золотое?! Я даже платье не могу забрать у портнихи — расплатиться нечем! Уже десять дней, как платье готово, даже неудобно...

Рахим и вовсе успокоился. Неприятный сон был им забыт. Мунис, как всегда, без особых усилий развеяла его сомнения. Но вдруг он вспомнил:

— Постой, постой. Ты же позавчера принесла свое платье...

— То другое. А на это материал мне привезла мама. Но при чем здесь, собственно, платье? Я-то ведь вас прошу о кольце! Ну?! Так купите или нет?

— До зарплаты еще несколько дней.

Объятая Мунис ослабли. Руки ее словно бы даже стали холодными.

— Я и не ожидала иного ответа.

— Мунисхон! Я же...

Жена, не дослушав, стремительно вскочила и, шаркая шлепанцами, вышла из комнаты. Рахим сидел, глубоко несчастный, не веря тому, что жена способна на подобную грубость. Немного спустя Мунис вернулась:

— Сама куплю, залезу в долги, но куплю! Все мои подруги ходят в золоте. Одна я, несчастная, каждую копейку считаю, еле свожу концы с концами.

— Перестань врать! — резко сказал Рахим, не в силах более сдерживаться.

— Вижу, правда глаза колет! И не кричите на меня!

— Я не кричу, — сказал Рахим уже спокойнее. — Но ведь это неправда, что нам с тобой не хватает на жизнь.

— Нет, вы кричите, — вхлипнула Мунис. — И на кого? На жену, которая, едва лишь слышит ваши шаги, бежит навстречу. А кто дома в одиночестве сидит, вас поджидая? Кто вас обстирывает? Кто ухаживает за вами? А вы — кричать. За что, спрашивается? За то, что попросила колечко. Конечно, вам куда выгоднее, если жена будет ходить вот в таких побрякушках...

Мунисхон сорвала с пальца кольцо и швырнула его.

— Довольно! — кричала Мунис сквозь слезы. — Кончилось мое терпение. Ухожу! Мама права — надо это делать, пока не поздно. Ухожу!

И она громко разрыдалась.

Как всегда при виде слез жены, Рахим растерялся. Он пытался успокоить, утешить ее. Но Мунис ничего и слушать не хотела.

На работу Рахим ушел подавленный. Из института несколько раз звонил домой. Мунис не подходила к телефону.

В те дни в лаборатории проводились химические анализы нового препарата против вилта. Опыты ставились под непосредственным руководством Рахима Саидова. Результаты этих опытов все ждали с нетерпением. Если они будут положительными, наука обогатится новым ценным вкладом. Урожайность хлопчатника значительно возрастет. От Рахима как от руководителя требовалась полная

отдача. А он, как назло, без конца возвращался мыслями к их утренней ссоре.

От внимания сослуживцев не укрылось то, что Рахим был сегодня необычно рассеян. В обеденный перерыв к нему подошел заведующий лабораторией Хафиз Абдуллаев, бывший однокурсник Рахима по институту.

— Что... опять поскандалили? — спросил он.

— Да. Кажется, действительно нет иного выхода — придется нам расстаться...

— Тебе виднее, — сказал Хафиз, подумав. — Только познать душу женщины — тоже великая наука. Это тебе не какой-то там вилт.

После работы Рахим зашел в ювелирный магазин. Перстней, подобных тому, о каком просила Мунисхон, не оказалось. Продавец, молодой симпатичный парень, заинтересовался:

— Хотите кольцо выбрать?

— Да. Но чтобы глазок был рубиновый...

Продавец усмехнулся:

— У нас таких давно уже не было. — Однако, заметив, что покупатель огорчился, он, подумав, добавил: — Подождите минуту! — и исчез в подсобном помещении.

Через некоторое время продавец принес черную бархатную коробочку, в ней оказался перстень с тремя маленькими бриллиантами.

— Самое лучшее, что у нас имеется. И модно и красиво.

Кольцо действительно было великолепное, тонкой работы.

Руки Рахима, державшие бархатную коробочку, стали влажными. Да это же его месячная зарплата! Он возвратил кольцо:

— Хорошее, слов нет.

— Значит, берете?

Рахим задумался. А что, если перехватить у кого-нибудь нужную сумму? Зато как будет счастлива Мунис!

— До которого часа работаете? — спросил он.

— Через полчаса закроем. Если при вас нет денег, — парень улыбнулся, обнажив золотые зубы, — припрячу до завтра. Такой подарок — радость для женщины.

— Да, конечно, — рассеянно кивнул Рахим и вышел.

Может быть, позвонить Хафизу? У него всегда есть деньги. Он, кажется, копит на автомобиль. Уж наверное выручит друга.

Разыскав телефон-автомат, набрал номер Абдуллаева.

— Что за разговор, конечно, одолжу, — сказал Хафиз, как только услышал просьбу.

— Минут через двадцать буду у тебя! — радостно закричал Рахим в трубку.

Спустя час он вышел из такси напротив семиэтажного дома по улице Энгельса. В одной руке портфель, в другой — торт «Пахта», который обожала Мунис. Лицо его светилось радостью. Не дожидаясь лифта, Рахим взбежал на четвертый этаж. Нажал кнопку звонка. У него был свой ключ, но ему нравилось, когда дверь открывала Мунис. Вот сейчас она выйдет и по его виду поймет, что он все забыл, что он не сердится, что...

Он позвонил еще раз.

За дверью было тихо. «Может, спит? Устает, бедняжка. И работа, и домашние хлопоты...» Он поставил портфель на площадку и вынул из кармана ключ.

— Мунис! Мунисхон! — позвал он, зайдя в квартиру.

Жены не было. Рахим расстроился. Тяжело опустился на стул. Куда она могла пойти? Не в Коканд же уехала? Не глупая, чтобы из-за пустячной ссоры оставлять мужа. Может, у кого-нибудь из подруг? В последнее время она часто в разговорах упоминала имя Каримы. Карима вместе с ней окончила институт иностранных языков. Преподает в техникуме. Как же ее фамилия? Кажется, Кадырова. Ага, Карима Кадырова. Рахим бросился в гостиную, схватил телефонную книгу. Полистал. Слава богу, у нее есть телефон. Поднял трубку, но тут же раздумал звонить. А если у Каримы ее нет? Он окажется в неловком положении. Такое уже случалось. Однажды Рахим разыскивал Мунисхон, обзванивая всех подруг, а жена в это время, оказывается, прогуливалась по улице. На второй день подруги, разумеется, не преминули заметить Мунис, что муж ей, видно, не доверяет... Вечером они из-за этого поскандалили.

Он положил трубку, вошел в спальню. Постель не убрана. На бархатном пуфе возле трюмо лежит небрежно брошенная ночная рубашка. Пестрые коробочки, баночки, склянки на тумбочке зеркала — в беспорядке. На ковер просыпана пудра. Значит, куда-то собиралась, прихорашивалась. Причем, видимо, торопилась. Он вспомнил про фальшивый перстень, закатившийся утром под кровать. Нагнулся, чтобы достать. Перстня не было. Надела. Куда же она отправилась?

Рахим вернулся на кухню, вскипятил чай. Есть не хотелось. Выпил зеленого крепкого чая и стал просматривать свежие газеты. Но даже чтение не могло его отвлечь от тягостных мыслей. Прошло более часа...

Что же делать? Где она может быть так поздно? Уже одиннадцать. Беспокойство в нем росло. Хоть бы позвонила. Некоторое время Рахим неподвижно сидел у телефона, затем решил выйти на улицу.

Не спеша направился по улице Энгельса в сторону сквера Революции. Навстречу шли редкие прохожие. Он несколько раз прошелся по скверу, вглядываясь в прогуливающих по аллеям людей. Нет, Мунисхон не было, ни одной, ни с подругами. Он поспешил домой, в уголке души теплилась надежда — а вдруг она уже вернулась? Квартира показалась опустевшей — Мунис не пришла. Он пересилил в себе чувство неловкости и позвонил Кариме.

— Нет. Ее нет у меня, — раздался недовольный сонный голос.

Ему вспомнились слова Мунис, брошенные утром вгорячах: «Мама права, надо уходить, пока не поздно...» «Неужели ушла? Но тогда она бы взяла свои вещи». Он распахнул шифоньер. Чемоданы стояли на месте. А может, в порыве гнева ушла, ничего не взяв? Но куда?

Он опять схватился за телефонную трубку. Часы показывали три минуты пятого. Телефонистка междугородной линии предупредила, что Коканд придется ждать час, не меньше. Голос у нее был пронзительный, неприятный.

— Нет, нет, сестренка! — взмолился Рахим. — Очень прошу вас, соедините сейчас. Это очень важно!

— У всех важно! — строго ответила телефонистка. — Иначе ночью не стали бы звонить.

— Пожалуйста, сестренка! — дрожащим от волнения голосом говорил Рахим. — Потерялся человек, понимаете? — Ждите.

Саидов вздохнул, удобнее расположился на стуле. Захотелось курить. Дома он обычно не курил. А вот Мунисхон любила, когда муж затягивался дорогими сигаретами. Порой, как бы в шутку, закуривала сама. Невесть где она доставала «Филипс», «Кент» — импортные сигареты в яркой упаковке.

Рахим прошел в гостиную, взял с серванта пачку. Сломал спичку, другую, пока раскурил сигарету. У него

дрожили руки. Вдруг тишину огласил неожиданный и потому показавшийся оглушительным звонок.

— Алло! Ташкент! — послышался уже знакомый голос телефонистки. — Вы заказывали Коканд?

— Да, да! Заказывал, — поспешно ответил Рахим.

— Соединяю.

— Алло, алло! Это вы, мама? — Но в трубке раздался хриплый мужской голос. — Отец? Это вы? Салам алейкум! Извините, что беспокою в неурочный час. Мунисхон не приехала?

— Куда? — недоуменно спросил тесть.

— К вам! К вам не приезжала?

— Нет, не была... Опять повздорили?

Рахим вынужден был обо всем рассказать.

— И вот приехал домой, а ее нет. Думал, к вам... — заключил он дрогнувшим голосом.

— Если приедет... отправлю назад.

— Что? — не расслышал Рахим.

— Говорю, всыплю ей как следует и отправлю назад.

А сейчас возьми себя в руки и успокойся. Ты же ее знаешь — не пропадет. Заночевала у какой-нибудь подруги, чтобы досадить тебе. Иди ложись спать. Похоже, ты чересчур расстроен. Как дела на работе?

— Спасибо, там-то все хорошо, — проговорил Рахим, немного успокаиваясь. Тесть — старый педагог. Любил своего зятя и чаще всего становился на его сторону. — Как только Мунис придет, я позвоню вам.

— Пусть сама позвонит.

— Ладно. До свидания.

Что и говорить, незавидное у него положение. Еще ни разу после ссоры Мунис не исчезала на всю ночь.

Его стал одолевать сон. Он облокотился на спинку стула и, положив голову на сложенные руки, закрыл глаза. Голова была тяжелой, точно с похмелья. «Где она может быть? Лишь бы ничего не случилось с нею...» Ему никогда не было так тяжело, как теперь. Нет, и раньше жизнь не слишком-то баловала его. Всякое пришлось испытать. Каких, например, усилий, каких нервов стоила ему учеба в институте. Приходилось после занятий работать, чтобы помогать семье. Он уставал — это сказывалось на занятиях. Однако Рахим Саидов считался одним из способных студентов. И вот, когда он добился кое-чего в жизни, когда, казалось бы, только жить да радоваться, Мунис заставляет его страдать.

...Кажется, он задремал... Перед ним расстиралось обширное клеверное поле. Поют, перекликаясь, перепелки. Вот после купанья на берег вышла Мунисхон, отжала длинные волосы, уложила их вокруг головы и с улыбкой пошла ему навстречу...

До его сознания не сразу дошло, что звонят. Он вскочил, бросился было к телефону, но сообразил, что это дребезжит звонок в передней. Мунис! Он опрометью кинулся отпирать дверь. Но это оказалась не она. Перед ним стоял незнакомый мужчина в милицейской форме.

— Извините, здесь живет Саидова Мунис?

— Да, а что случилось?

Рахим почувствовал, как слабеют его колени.

Мужчина шагнул в коридор, показал удостоверение.

— Лейтенант Султанов, — представился он.

— Что-нибудь случилось? Что с Мунис? Ее со вчерашнего дня нет дома.

— Кем она вам доводится?

— Жена. Говорите скорее: что с ней?

— Возьмите себя в руки, я принес нерадостную весть.

Рахим побледнел. Выжидающе смотрел он на лейтенанта, не в силах более вымолвить ни слова.

— Ваша жена... Она погибла... Два часа назад ее нашли на Чорсу... мертвой.

— Как... мертвой?

Рахим пошатнулся, точно от удара. На минуту ему показалось, что он все еще видит сон. Ощувив слабость во всем теле, Рахим прислонился к стене.

Лейтенант взял его под руку, отвел в гостиную и усадил в кресло.

— Призовите на помощь все свое мужество, — сказал он.

Бледные губы Рахима дрожали, из глаз катились слезы. От этого человека в форме он готов был услышать самую недобрую весть, но не думал не гадал, что весть эта будет такой трагической. Мунис погибла. Что он теперь? Зачем ему все? Мунис! Мунис! Что ты наделала?

— Это я убил ее! — сдавленным голосом проговорил Рахим. — Из-за меня... Я во всем виноват.

— Вам необходимо взять себя в руки, — строго сказал лейтенант. — Хлопот у вас будет много. Вы один?

Рахим кивнул. Затем поднял покрасневшие глаза на милиционера, безжизненно проговорил:

— Какое теперь это имеет значение?

— У нее, наверное, есть родители...

— Да... конечно...

— Где они живут? Курите? — Лейтенант протянул сигареты.

Рахим дрожащей рукой взял сигарету, поднес было ко рту и выронил.

— Возьмите другую, — предложил лейтенант. — Так где они живут?

— Что? Ах, да... В Коканде.. У них есть телефон... — Рахим назвал номер телефона.

— Ладно, позвоню им с работы. Мне пора.

У самой двери лейтенант обернулся:

— Вашу жену... через два часа доставят в морг медицинского института. Будьте мужественны.

Лейтенант ушел. Рахим продолжал сидеть, потрясенный известием. Да нет же, нет, все это бред! Он очень устал, ему померещилось. Это бывает от переутомления. Сейчас Мунисхон, улыбаясь, выйдет из спальни. На ней шелковая рубашка в кружевах. Подойдет к нему и, сев на колени, теплыми губами нежно коснется его виска...

— Мунис! Мунисхон!

Не в силах более сдерживать себя, Рахим обхватил голову руками и зарыдал...

3

Капитан милиции Сабир Алиев был не в духе. Завтра предстояло идти в отпуск, и вдруг это дело. Заранее, еще неделю назад, написал он заявление. Уже который год обещает жене, что поедет отдыхать с ней вместе, да так ни разу еще и не выполнил обещание. В этом году, казалось, все складывается как нельзя лучше. Он даже приобрел две путевки в Трускавец. И на тебе — как снег на голову новое дело! Уйди он в отпуск вчера, это дело поручили бы другому. А теперь... Вот и поехал в отпуск летом... По правде говоря, ему не столько было жаль летнего отпуска, сколько совестно перед женой. Живут они уже больше четырех лет, а так еще нигде вместе и не побывали. А сколько было обещаний... Собирался показать ей Ферганскую долину. Не получилось. Хотел как-то повезти в Самарканд — и этому не дано было осуществиться.

Он уже понял, что порученное ему дело непростое и потребует немалого напряжения. Вот и ломай теперь голову, как объяснить все жене. Он сидел в своем кабинете, не решаясь позвонить домой. А она-то уже собрала необходимые вещи...

Вошла секретарша, молоденькая девушка в мини-юбке, принесла чаю.

— Султанов не появлялся? — спросил капитан.

— Нет.

— Как только придет, пусть зайдет ко мне.

— Хорошо.

— Заключение экспертизы не поступило?

— Товарищ Гулямов хотел сам зайти через полчаса.

Капитан занялся чаем, давая понять, что секретарша свободна. Но она не уходила:

— Товарищ капитан, как же теперь ваш отпуск?

— Откладывается...

— Дело в том, что я тоже собиралась отдохнуть...

— Придется вам менять планы, я же без вас как без рук, — виновато улыбнулся капитан.

Девушка вышла. И капитан Алиев позвонил домой:

— Санобар? Это я. Нет, еще не купил, не удалось вырваться. И, кажется, это... не удастся... Ну подожди, выслушай-ка. И слова не даешь сказать... Ну да, дорогая, отменили отпуск... Ты слушаешь? Месяц придется подождать. Всего месяц. Путевки? Пустяки, поменяю...

Капитан положил трубку, с облегчением вздохнул и вытер платком взмокший лоб. Минуту посидев, Алиев открыл лежавшую перед ним папку.

«Саидова Мунис. 1970 год; 22 августа...»

Что же произошло нынешней ночью на площади Чорсу? Он располагал лишь двумя исписанными страницами, где подробно излагалось, как была найдена убитая, перечислены обнаруженные у нее вещи. Перед ним лежали извлеченные из ее сумочки удостоверение и фотография с этого удостоверения, экстренно увеличенная в их лаборатории. Ничего больше пока не принесли — вещи находились в отделе дежурившей ночью опергруппы. Однако все ли? Есть ли среди тех предметов что-нибудь, способное пролить хоть чуточку света на происшедшее? Саидова Мунис... молода, красива... Впрочем, теперь это уже не имеет значения...

Капитан раскрыл ее удостоверение. Ташкентский государственный педагогический институт иностранных языков. Заведующая кабинетом французского языка. Ясно и определено. Больше это удостоверение не скажет, как ни бейся.

Почему убили? Кто убил?

Секретарша, открыв дверь, доложила:

— Явилась свидетель Шайхудинова.

— Зовите.

В кабинет вошла бледная и осунувшаяся, как после болезни, девушка-вагоновожатая. Остановилась около двери, растерянно глядя на капитана.

— Проходите, товарищ Шайхудинова, присаживайтесь. — Капитан указал ей на стул по ту сторону стола. — Ну, товарищ Шайхудинова, успокойтесь, пожалуйста. И расскажите, как было дело.

Мунира с готовностью рассказала во всех подробностях знакомую уже нам историю.

— Вы эту женщину прежде никогда не видели? — спросил капитан.

— Прежде? — Мунира задумалась. — Не знаю... Я ее и не рассмотрела, темно было.

Капитан положил перед ней увеличенную фотографию Саидовой. Мунира взяла фотографию в руки и долго смотрела.

— Вы знаете, у меня такое ощущение, будто я эту женщину где-то видела... Да, конечно, видела. Она на Чорсу выходила. А вот где садилась в трамвай, сказать не могу.

— Это фотография убитой.

Мунира положила фотографию на стол.

— Бедняжка... Красивая-то какая...

— Да, она была красива. Что ж, товарищ Шайхудинова, благодарю вас.

Капитан вызвал секретаря, попросил дать Мунире Шайхудиновой бумагу и ручку, чтобы она записала свой рассказ и подписалась. Выходя из кабинета, Мунира столкнулась в дверях с лейтенантом Султановым.

— Что нового? — спросил у него капитан, когда свидетельница вышла.

— Разыскал местожительство. Видел ее мужа. Одежда помятая, по всему видно, на ночь не раздевался. На всякий случай взял отпечатки пальцев.

— Курит?

— Да. Сигарету отдал на экспертизу. Родители убитой живут в Коканде.

Капитан, задумавшись, потер подбородок. Не успел ответить, вошла секретарь:

— Пришел капитан Гулямов.

— Пригласите.

В кабинет вошел пожилой полный мужчина в форме военврача.

— Закончили, — сказал он, усаживаясь рядом с Султановым. — Смерть наступила часов в двенадцать ночи. Агония длилась около получаса. На теле две ножевые раны. По правому виску нанесен удар тупым тяжелым предметом, обнаружена трещина затылочной кости. Словом, это не несчастный случай, а убийство. И еще одна деталь: за час до гибели женщина выпила коньяк — «Плиску».

Гулямов положил перед Алиевым папку с заключением экспертизы.

— Где вечером был ее муж? — спросил Алиев у лейтенанта Султанова.

— Выяснением этого занимается старший лейтенант Кадыров, — ответил тот.

Капитан повернул рычажок радиорубки:

— Соедините меня со старшим лейтенантом Рузиевым.

— Рузиев слушает!

— Товарищ старший лейтенант, закончили проверку?

— Так точно!

— В таком случае зайдите ко мне с вещами Саидовой и результатами проверки.

Капитан Алиев машинально открыл папку, принесенную врачом, пробежал взглядом записи.

— Разрешите?

Вошел старший лейтенант Рузиев. Это был высокий, смуглый, примерно одних лет с Султановым, молодой человек. В руках он держал металлическую коробку. Открыв ее, стал выкладывать на стол содержимое.

— Серьги. Золотые. С бриллиантовыми камешками. Стоимость — четыреста восемьдесят рублей. Золотой перстень с крупным рубином. Стоимость — триста сорок шесть рублей. В Ташкенте были в продаже год назад — в ювелирном магазине на Урде, и всего три штуки. Все три покупателя нам известны. А где куплен этот перстень, выяснить пока не удалось. Серьги нынешней весной приобретены в магазине «Рубин», по улице Богдана Хмельницкого... Золотые часы. Мужские. Сто восемьдесят рублей. Подарок от Р. Саидова. Имеется надпись.

— Это муж, — вставил лейтенант Султанов.

— В сумке также найдены тридцать рублей, — продолжал Рузиев. — Помада, пудреница, карандаш для бровей. Носовой платок, приобретенный в магазине, подержанный. Пользовалась только сама. И вот эта маленькая коробочка, завернутая в клочок газеты. — Он протянул коробочку капитану Алиеву.

— Что в ней было? — спросил тот, разглядывая ее.

— Мы выяснили, что в ней находился вот этот самый перстень с рубином. Коробочка новая. И перстень новый. Вот еще — обручальное кольцо. Шестьдесят четыре рубля... Ее одежду я не принес.

Капитан Алиев, глядя на разложенные на столе женские украшения, задумался.

— Она, оказывается, состоятельная женщина. Где ее муж работает? — спросил он.

— В Научно-исследовательском институте биологии растений, — ответил лейтенант Султанов. — Кандидат наук. Старший научный сотрудник.

Алиев оглядел своих помощников:

— Ну, что вы скажете?

— Думаю, следует допросить ее мужа, — предложил лейтенант Султанов.

— В то время, когда на него и без того обрушилось столько хлопот? — проговорил капитан задумчиво. — Допросим позже. А сейчас надо выяснить, где Саидова была вчера.

Капитан решил сам побывать в институте, где Саидова работала, но сначала заехать на Чорсу. Он прошел в комнату отдыха, расположенную рядом с его кабинетом, переоделся в гражданский костюм и вышел на улицу.

— Давай на Чорсу! — сказал он шоферу.

Машина миновала улицу Ленина, свернула на проспект Навои.

Обогнув сверкающий серебристыми струями фонтан, расположенный посредине площади Хадра, свернули направо.

— Подождите меня здесь, — сказал капитан.

Машина стала неподалеку от ворот трамвайного парка. Было душно и безветренно. Размякший асфальт вдавливался под каблуками. Над шашлычной стлался густой синий дым.

Капитан надел темные очки, пересек улицу, направляясь к шашлычной, потом быстро зашагал по широкому тротуару в сторону Чорсу. Он и сам понимал, что вряд ли сможет там выяснить более того, что ему доложили. Здесь прошло столько людей — все следы затоптаны. Однако привычка взяла верх. Хотя он ясно представил все, выслушав донесение лейтенанта Султанова, все же чувствовал необходимость увидеть это место собственными глазами.

Вот и тот тротуар. Прохожих не счесть.

Капитан остановился у края тротуара около зарослей шиповника. Двое пожилых мужчин стояли, опершись на кетмени, у арыка и негромко беседовали. Капитан закурил. Мужчины не обратили на него внимания.

— Найдут, никуда он не денется,— сказал один.— Убил человека, и чтобы тебя не нашли? Как бы не так!

— Рассуждаешь, будто ты сам милиционер или прорицатель! — с усмешкой заметил второй.— Думаешь, тот, кто убил, так глуп, чтобы не замести следов? Он, злодей, давно унес ноги куда-нибудь подальше!

«Прорицатель» опять сплюнул.

— Куда ему бежать? Попадется рано или поздно.

— А ты не знаешь, кто она?

— Никто не знает. Э, Мамарасул, какая разница! Дитя какого-то несчастного человека — разве этого мало? Представляешь, какое горе у родителей...

К остановке подкатил переполненный трамвай. Из обеих дверей выплеснулся шумный поток пассажиров. А те, кто ожидал на платформе, ринулись в вагоны и снова заполнили их до отказа. Беседовавшие у арыка люди тоже протиснулись в трамвай.

Капитан обвел внимательным взглядом заросли. В небольшой клумбе, отделяющей тротуар от проезжей части улицы, он заметил несколько смятых кустиков райхона. Как раз напротив зарослей шиповника! Снова пришла в голову мысль, промелькнувшая, когда садился в машину: «Может, ее здесь оставили, привезя откуда-то?» Шагнул к клумбе, он сорвал сломанные стебли.

— Эй, что вы делаете? — раздался позади сердитый женский окрик.

К Алиеву направлялась решительная женщина средних лет с метлой в одной руке и совком для мусора в другой.

— Взрослый человек! Не стыдно? Разве для этого их сажали?

— Извините, тетушка, они были сломаны. Кто-то прошел здесь, глядите — следы. Вы здесь работаете? — спросил капитан, пряча улыбку.

— Уже больше месяца, как подметаю эту улицу вместо покойного мужа.

— И до которого часа вы тут наводите лоск?

— Э, братец, думаешь я часы соблюдаю? Я здесь и живу! Домишко мой рядом, вон за той будкой. Как свободная минута выпадет, так я и спешу сюда, подметать да поливать.

— А по вечерам приходите сюда?

— Для меня разве существует вечер или утро? Говорю же: как только освобожусь от хлопот по дому, бегу сюда. И утром и вечером.

— А вы слышали, что вчера произошло на этом месте?

— С тех пор места себе не нахожу, братец. Вчера я как раз отмечала сороковой день смерти мужа. Только один раз не вышла — и уже, видите, что случилось. А сами-то вы откуда?

— Я из милиции, — признался капитан Алиев. — Вы не возражаете, если мы зайдем к вам?

— Прошу, братец, прошу. Обеденное время как раз. Идемте, милый.

Держа в руках обломанные веточки райхона, капитан пошел вслед за женщиной. А перешагнув порог калитки, остановился и прикрыл дверь. Как хозяйка ни приглашала зайти в дом, он отказался. Вынул из кармана фотографию Мунис Саидовой и показал ей:

— Вы встречали где-нибудь эту женщину?

Женщина взгляделась в фотографию:

— Что-то не припомню, братец...

— Попробуйте хорошенько вспомнить. Волосы подстрижены. На левой щеке родинка... Белая сумка, белые туфли.

— Пойдите, пойдите! Белая сумка, говорите? Волосы подстрижены? Я же ее позавчера видела! Днем. Вон у той будки газводу пила. Я как раз мела около будки. Ну конечно, это она, милый, она... — Женщина оживилась и будто даже обрадовалась. — На лице, вот здесь, правда родинка. С соевое зернышко. И одета с иголочки. Загляденье. Она мне даже что-то сказала. Ага, вспомнила! Видела, что я подметаю, и говорит: «Что же вы так пылите, тетя?» Я рассердилась на нее. «Во-первых, никакая я тебе не тетя, — говорю. — А во-вторых, сама разве не видишь, что убираю?» Она промолчала.

— Напилась воды. А потом?..

— Потом? Что потом? Потом ушла. В сторону Самаркандских ворот направилась. И сумка в самом деле белая, одна сторона будто плетеная...

— Да, именно такая. С ней никого не было?

— Нет, одна была. А там кто знает... Не обратила внимания.

— Тетушка, я вас прошу, о нашем разговоре никому... Хорошо?

— Не дура, понимаю.

— И потом... подумайте еще. Может, еще припомните что-нибудь. Не исключено, что вы ее и раньше видели с кем-нибудь, только забыли, а? Постарайтесь вспомнить. Я через день-два навещу вас.

— Если вспомню, тотчас сама к вам приду, милый, сама.

Капитан кивнул и вышел со двора.

Направляясь в сторону Хадры, он размышлял. Место-жительство Саидовой известно. Место работы тоже. Это в разных концах города. Что привело ее к Самаркандским воротам?

К вечеру ему была известна биография Саидовой. Родилась в Коканде. Отец, Убайдулла Халиков, заслуженный учитель, сейчас на пенсии. Мать — домохозяйка, в военное время проработала два года в какой-то артели. Время большей частью проводит дома. Дочь их в 1963 году подала заявление в ТашГУ, но провалилась на экзаменах. После этого отнесла документы в институт иностранных языков. В шестьдесят восьмом году закончила этот вуз и около года преподавала французский язык в школе. Затем около восьми месяцев работала в «Интуристе». А с сентября прошлого года заведовала кабинетом французского языка в институте, который закончила. Муж — биохимик. Старший научный сотрудник Научно-исследовательского института экспериментальной биологии растений. Занимается главным образом проблемами хлопководства. Принимал непосредственное участие в выведении нового сорта хлопчатника «Ташкент-2». Сейчас работает над созданием препарата для борьбы с вилтом.

Капитан оторвался от бумаг и, устало откинувшись на спинку кресла, обратился к лейтенанту Султанову:

— Кто был на работе у ее мужа?

— Старший лейтенант Абдуллаев.

— Его мнение о нем?

— Саидов — крупный ученый. Работа, которую он нынче ведет, интересуется исследовательские институты многих стран. Вилт является бичом хлопководства не только в нашей стране...

— Ваша осведомленность заслуживает похвалы, — улыбнулся Алиев.

— Дело требует, — не без гордости ответил Султанов.

— В таком случае, думается, вы мне можете сказать, где вчера была Саидова?

Султанов посмотрел на старшего лейтенанта Рузиева.

— Вчера в двенадцать ноль-ноль она явилась на работу, — быстро ответил он. — Пробыла час. Затем ушла, оставив ключ от кабинета у библиотечарши. Куда ушла, не сказала, хотя обязана находиться на работе до четырех. Где она была, пока выяснить не удалось.

— А муж?

— Вчера до семи находился на работе, — продолжал лейтенант Рузиев. — По пути домой зашел в ювелирный магазин на Урде и выбрал перстень. Дорогой. С тремя бриллиантовыми камнями. Просил продавца оставить перстень до завтра. Выйдя из магазина, звонил по телефону-автомату.

— Кому?

— Коллеге, заведующему лабораторией института Хафизу Абдуллаеву. Просил займы денег. Они встретились у подъезда. Взяв деньги, он на той же машине поехал обратно. Но не успел — магазин закрыли. В половине девятого соседи видели его возвращающимся домой с большим черным портфелем и коробкой торта. Ночью он несколько раз выходил на улицу. Утром лейтенант Султанов застал его в весьма подавленном состоянии. Да, ночью, часа в четыре, звонил в Коканд и разговаривал с тестем — справлялся, не приехала ли к ним дочь.

— Беседовали с его коллегой?

— Да. По его словам, между мужем и женой нередко происходили ссоры. Вчера утром пришел на работу расстроенный. Оказалось, опять поссорились. Признался, что наконец решил развестись... Соседи тоже подтвердили, что они жили в последнее время недружно. Были случаи, что Саидова выезжала в Коканд к родителям. По прошествии трех-четырёх дней ее, как правило, обратно привозил отец. О матери мнение соседней весьма сдержанное. Бывая у молодых, она всякий раз заходила к соседям, осуждала зятя и выгораживала дочь. Жаловалась, что ее дочери не повезло, что ей нужен был муж, который хорошо зарабатывает...

— Сколько получает Саидов?

— Двести шестьдесят.

— А какой оклад был у жены?

— Десяносто восемь рублей.

— Дети есть?

— Она не хотела иметь детей.

— Украшения на ней свои?

— Они совсем новые и, скорее всего, ее. Но на какие деньги приобретены — пока загадка.

— По этому адресу живут давно?

— Я побывал в домоуправлении. Эту квартиру Саидову выделил институт. В шестьдесят девятом году. Вселились, как только был отстроен дом. До этого жили у родителей Саидова. Улица Большая Мирабадская, дом три. У Саидова, кроме матери и отца, есть младшая сестра. Еще не замужем. Отец, Саид Мухамедов, до пенсии работал на текстильном комбинате. Был начальником цеха. Мать, Рахима Мухамедова, преподает в начальных классах школы. Она же устроила невестку в свою школу. Но Саидова проработала здесь всего полгода. Сестра Саидова учится на четвертом курсе в Ташкентском университете.

— Анварджан, вы, кажется, говорили, что застали Саидова в помятой одежде, и высказали предположение, что он на ночь не раздевался, — обратился капитан Алиев к своему заместителю.

— Да, Сабир Алиевич. Он не ложился, это ясно.

— И что вы думаете по этому поводу?

— Он разыскивал ночью жену. Обзванивал знакомых и в Коканд позвонил. — Султанов усмехнулся. — Станный у него тесть. Сказал, что если дочь приедет, то прогонит ее обратно.

— Наверно, добрый и справедливый человек, — заметил капитан.

— Скорее всего, хорошо знает свою дочь! Да, между прочим, у Саидова на буфете стоял поднос с распечатанной бутылкой «Плиски». Наверное, вечером она была дома. Представим себе: Саидов пришел с работы, жены дома нет. Он ждет, нервничает, пьет коньяк, пьянеет. Она приходит поздно, и... происходит ссора.

— Почему вы уверены, что должна произойти ссора? — спросил капитан Алиев, хмуря брови.

— А как же? — удивился лейтенант Султанов. — Кто не станет ссориться с женой, возвратившейся поздно невесть откуда? К тому же утром они уже повздорили, Саидов даже решил с ней развестись.

— Но почему она направилась именно на Чорсу? — спросил капитан. — Кроме того, нам неизвестно, был Саидов с ней или нет. Да, вот еще некоторые дополнительные детали. — Капитан показал присутствующим обломанные ветки райхона, вызвал секретаршу и вручил ей: — Отдайте на анализ.

Девушка кивнула и удалилась.

— Сигарету проверили? — спросил капитан.

— Да. Но отпечатки на ней не совпадают с отпечатками, обнаруженными на окурке, который подобрали на месте преступления, — сказал лейтенант Султанов и, помолчав, добавил: — Товарищ капитан, необходимо допросить Саидова.

— Он не убежит, — сказал капитан и взглянул на Рузиева, как бы ища поддержки.

Рузиев чуть приметно кивнул.

— Итак, чем мы в данный момент располагаем?

Совещание длилось долго. За окном густели сумерки. Пришлось включить свет. В кабинет заглянула секретарша и попросила отпустить ее домой. Алиев кивнул.

Выходит, за один день узнали не так-то мало. Собраны сведения о жизни пострадавшей. Известно, что собой представляет ее муж, Рахим Саидов. Но многое еще осталось неясным. Кто бы ни был преступник, «операцию» он провел со знанием дела — не оставил приметного следа. Но где-то преступник, конечно, себя проявит.

— Сделаем так, — сказал капитан Алиев и, постукивая карандашом, поднялся с места. — Завтра надо повидаться с теми жителями махалли Чорсу, которые приходят к первому рейсу трамвая. Надо со всеми поговорить. Кто это возьмет на себя?

— Я займусь этим, — сказал старший лейтенант Рузиев.

— А вы, Анварджан, в таком случае поинтересуйтесь близкими знакомыми и подругами Саидовой, — сказал капитан Алиев.

Султанов и Рузиев ушли.

Капитан постоял, опершись руками о край стола, разглядывая цепочку знаков, нанесенных на бумагу, будто хотел прочесть неведомые миру письма. Потом опустился в кресло и взял телефонную трубку. Он собирался предупредить жену, что задерживается, но раздумал и набрал другой номер.

— Алло, мне товарища полковника!

— Товарищ полковник на приеме у министра, — ответил женский голос.

— Замира? Рад вас приветствовать.

— Здравствуйте, товарищ капитан! Доложить товарищу полковнику, что вы звонили?

— Не стоит. Завтра сам зайду.

Вдруг дверь отворилась, и появился лейтенант Султанов. Капитан положил трубку.

— В чем дело?

— Товарищ капитан, там вас какая-то женщина спрашивает. Говорит, по важному делу. А со мной отказывается разговаривать.

— Пригласите, пусть войдет.

Это была дворничиха с Чорсу.

— А-а, заходите, заходите!

— Здравствуйте, братец! Вспомнила я! — выпалила женщина с порога. — Я ее раза два с мужчиной видела.

— Что за мужчина? Каков он из себя?

— Среднего роста, такой же интересный, ей под стать. Чернобровый, черноглазый. В руках большой черный портфель.

— Не этот? — Лейтенант Султанов показал ей фотографию Рахима Саидова, которого ему удалось сфотографировать утром, когда тот открывал дверь.

— Похож, — проговорила женщина, поглаживая щеку, — но кто знает... Боюсь ошибиться. Если б самого увидела, может, узнала бы...

— С черным портфелем, говорите? — спросил капитан.

— Да, здоровенный такой черный портфель...

Алиев и Султанов переглянулись.

4

Взошло солнце. Комната наполнилась теплым золотистым светом. Рахим Саидов недвижно сидел, уставясь в одну точку. В опущенной руке, почти касающейся пола, была сигарета, о которой, он, видно, забыл — ни разу не затянулся. Сколько времени прошло с той минуты, когда ему принесли черную весть? Час, два или вечность? Дрожь в теле унялась, и он почти физически ощутил, как к нему постепенно возвращаются силы. Только внутри ощутил пустоту. Такую пустоту, точно из него все вытряхнули, оставили одну оболочку. Или выгорело все в нем. Притупились чувства. Он не плакал, не терзался, будто случилось то, что и должно было случиться, чего он ожидал давно. Ему и показалось, что все это произошло давно, так давно, что успело забыться. Только комната не изменилась. То же самое кресло. И на столе все то же, что было тогда, — чайник с голубыми цветами, две пиалы, половина гандырной лепешки. И сам он в той же одежде, в которой был тогда. Когда-то это уже было? Когда? Всегда, после каждой ссоры. Он так же усаживался в кресло и, подперев рукой голову, погружался в тяжелые думы. А вчера утром, ополоснув лицо холодной водой, он зашел на кухню. Есть

не хотелось. Постояв минуту у окна, вернулся в гостиную и напился вот из этого чайника холодного чая. И с размаху опустился в кресло. Долго сидел недвижно. Ожидал, что Мунис выйдет из спальни и скажет что-нибудь. Он бы обнял ее, извинился и с легким сердцем ушел на работу... Жена не вышла. Из приоткрытой двери доносились ее всхлипывания. Потом она затихла. Рахим Саидов прислушался. Не выдержал и позвал:

— Мунисхон! Я ухожу.

В другое время, когда в доме мир, жена выбегала и, обняв мужа у порога, приникала к его груди. Сейчас не подала даже голоса.

Рахим Саидов взял портфель и, намеренно громко топая, дошел до двери. Постоял минутку. Нет. Мунисхон не появилась.

Чаще всего так и бывало: чем громче кричала жена, тем тише говорил он, Рахим Саидов. А то и вовсе не произносил ни слова. Стоял перед ней, потупив голову. И тем самым еще больше выводил Мунисхон из себя. «Ну, скажите же хоть слово!» — восклицала она и ударялась в слезы. И это было началом их примирения. Когда она в слезах исчезала в спальне, инициатива переходила к Рахиму. Он присаживался на край кровати и гладил плечи уткнувшейся в подушку Мунис. Жена постепенно успокаивалась, потом садилась и утыкалась мокрым лицом в его шею. «Извини, Мунисхон, я виноват», — говорил он. «Вы только и умеете это твердить», — говорила Мунисхон, утирая слезы. — Я вас уже тысячу раз прощала...» — «Ну, пожалуйста, прости и в тысячу первый раз...» Руки Мунисхон крепче обвивались вокруг его шеи.

И в эти минуты в мире не было для Рахима никого милее и дороже ее. И ругал же он себя, что расстроил Мунис! Заставил плакать! Трудно ли сразу же уступить, сделать, как просит она. Рахим покрывал поцелуями мокрые щеки жены, и Мунисхон преображалась. Взгляд ее становился чарующим, улыбка лукавой. Она как бы наполнялась светом радости, его Мунис.

Словно кинжал воткнули ему в грудь: нет теперь его Мунис. И никогда не будет. Зачем она поехала на Чорсу? Что ей там было нужно? Горло будто перехватило тугим железным кольцом.

— Ой, Мунис, что же ты, а?! — вслух сказал он и вздрогнул, испугавшись своего голоса. Быстро поднялся, постоял, не зная, что делать, в какую сторону идти. Подался в спальню.

Постель не убрана. Поперек кровати лежит ночная рубашка Мунис. Его губы задрожали, а на глаза навернулись слезы. Он спрятал рубашку под подушку, как это обычно делала Мунис, и прибрал кровать. Уходя, на пороге остановился, взглянул на себя в зеркало. Он увидел свое небритое лицо, темные круги под глазами и удивился, что можно так измениться.

Он вышел на кухню. На буфете стояла бутылка «Плиски». Ее распечатали позавчера, когда заходил Хафиз. Тогда Хафиз один выпил стопочку. Его рюмка все еще стоит на подносе. Рахим Саидов наполнил ее коньяком и залпом выпил. Ему ожгло горло.

Зазвонил телефон.

— Рахимджан? — раздался в трубке голос Хафиза. — Ты не болен, отчего не пришел? Что ты молчишь?

— У меня... Вчера убили Мунис...

В трубке молчание. Наконец Хафиз с трудом вымолвил:

— Я сейчас приеду.

Рахим Саидов сел. Хорошо, что приедет сейчас Хафиз. Хафиз приедет, и все прояснится. Может, он просто не в себе, чего-то не понял. Как это — убили Мунис? Верно, ему все еще снится один из дурацких его снов. Он вскочил с радостной надеждой:

— Мунис!

Никто не отозвался. Жены не было. Ни на кухне, ни в спальне. У кровати стоят ее расшитые золотом тапочки.

Постучали в дверь. Телеграмма! Это от тестя. «Вылетаем двухчасовым рейсом», — сообщалось в телеграмме. Он взглянул на наручные часы. На них было начало восьмого, часы остановились. Стенные часы на кухне показывали десять минут первого. Значит, они будут часа через три. Он предвидел трудный разговор с матерью Мунис. Она конечно же станет во всем винить зятя. Теща почему-то с самого начала его невзлюбила. И Рахим платил ей тем же. От вида ее, от всегдашнего недовольства у него тотчас портилось настроение. Хорошо, что им сообщила милиция. Он, Рахим Саидов, не смог бы этого сделать.

Пришел Хафиз. Рахим почувствовал, как опять горло сдавило железным обручем.

Рахим рассказал события минувшей ночи.

— Вчера только перстень просила... — горестно проговорил Рахим. — Перстень с рубином. Искал и не нашел. Таких давно нет в продаже. Но я разыскал не хуже. Теперь ей не надо... ей ничего теперь не надо.

— Своим родителям сейчас сообщишь? И в Коканд надо бы...

Рахим показал телеграмму.

— Внизу машина, — сказал Хафиз. — Сулейман-ака дал в наше распоряжение. Он велел тебе передать его соболезнование.

Это было первое соболезнование.

Рахим вышел на улицу. Солнце было в зените и палило немилосердно. Несмотря на жару, улица была многолюдной. У каждого свои заботы, никто даже не обернулся в его сторону, не спросил о его горе. Никому не ведомо, что у него на душе. Да! Такова жизнь.

Рахим пересек тротуар, у края дороги стояла директорская синяя «Волга». Водитель поспешил навстречу.

— Знать, на роду написано, что поделаешь!.. — проговорил он.

Рахим тяжело опустился на заднее сиденье. Водитель ждал, вопросительно глядя на него. Потом спросил:

— Куда поедем, Рахимджан-ака?

— Ах да... в институт.

У ворот было трудное объяснение, сторож потребовал пропуск.

— Какой пропуск? Я... я за женой.

— Где она, ваша жена? — еще строже спросил сторож.

— Она... Там, в морге...

— Извините, сынок, проезжайте.

Медленно спустились они по ступенькам в подвальное помещение. Шофер, привалившись плечом, открыл массивную дверь. Сырой холодный воздух и запах прелости ударил в лицо. За столом, тускло освещенным настольной лампой, спиной к ним сидел худощавый рыжеволосый мужчина, облаченный в черный халат.

— Можно? — спросил Рахим. — Жена моя, Мунис... Саидова... Сегодня привезли.

— На крайнем столе.

Рахим Саидов подошел к крайнему столу и осторожно приподнял простыню.

Дрожащей рукой поправил ее волосы.

— Мунис... — проговорил он; ей на висок упала его слеза.

Шофер тоже смахнул слезу. Он попытался увести Рахима. Но тот все стоял возле Мунис. Случайно Рахим нащупал в кармане деньги. Откуда они взялись? Ах, да, он же вчера занял их у Хафиза. На перстень, который и сей-

час ждет его в ювелирном на Урде. Вынул одну купюру, дал мужчине:

— Присмотрите, пожалуйста, за ней...

Тот принял деньги, молитвенно провел по лицу руками.

Рахим тоже машинально провел по лицу руками и поспешил из мрачного подземелья.

Отсюда он решил поехать к своим родителям, жившим на окраине города в старой махалле. Калитка оказалась незапертой. Они вошли во двор. Огромная серая собака с громким лаем кинулась навстречу.

— Коктай! Не узнал, Коктай?

Пес виновато завилял хвостом.

Под урючиной посредине двора стояло сури — широкий деревянный помост, застланный кошмой и узкими одеялами.

Здесь Рахим оставил шофера и пошел в дом. Поднялся на веранду. Позвал: «Мама!» Никто не отозвался. И он возвратился к сури.

— Наверное, ушли к соседям, — сказал он, садясь рядом с шофером. Коктай вытянулся у его ног. — Я родился здесь...

Когда он входил в эту калитку, он испытывал странную, одному ему ведомую боль. Тридцать лет прожил он в этом доме. Каждый гвоздик, трещинка в дверях, каждая щербинка в старых оконных рамах, каждый сучок на деревьях были ему знакомы и дороги. И этот постаревший Коктай, который лежит у ног, преданно заглядывая в глаза, тоже родился здесь. Рахим Саидов его помнит еще слепым щенком. И родителей Коктая знал, его мать и отца.

В тот день, когда Мунис и Рахим переезжали на новую квартиру, Коктай нервничал, не находил себе места. Когда Рахим выносил из дому вещи к машине, Коктай валаивал и ворчал. Потом понял, что его не слушают, залез в конуру и долго не показывался. Но, заслышав урчанье машины, подошел к Рахиму и лизнул ему руку.

Настояла тогда Мунисхон, чтобы жили отдельно. Рахим Саидов любил свой старый дом и своих родителей. Для них он оставался ребенком. Особенно для матери, которая провожала его на работу, как в школу. Она собирала ему портфель, провожала до калитки, а вечером, когда он возвращался, встречала ласковыми словами. А вот с Мунисхон не очень ладила. Беда, если две женщины в доме не поладят. Сейчас трудно сказать, кто из них сделал первую ошибку, повлекшую за собой много других.

Рахима-апа много познала в жизни трудностей. Потому детей своих не баловала. Хотела, чтобы знали цену хлебу, который едят, и одежде, которую носят. Мунисхон хотела жить легко, о завтрашнем дне не задумывалась. Не исключено, что это и явилось главной причиной недовольства друг другом. На второй же день после свадьбы Мунисхон заявила мужу, что ей не нравятся ни дом этот, ни двор, ни махалля, стиснутая со всех сторон высокими многоэтажными домами. И комнаты, отведенные в доме для молодых, не пришлись ей по душе. Рахима-апа видела это, конечно. Но обострять отношения между молодыми не хотела, поэтому ни разу и не пожаловалась сыну на невестку. Но Рахим Саидов видел, что между Мунисхон и матерью растет неприязнь, как бы ни скрывали это от него обе женщины.

Так прожили они два года. Саид-ака тоже видел, что и у сына портятся отношения с женой.

— Сынок,— сказал он однажды.— Не попробовать ли вам пожить отдельно? Мы с матерью состарились. У нас свои привычки, взгляды. Как бы нам не стать вам в тягость.

Рахим понял отца. Он был благодарен ему. Он и сам не раз собирался поговорить об этом, но не решался.

Молодые поселились в новой квартире, но отношения между невесткой и свекровью не улучшились. Всякий раз, когда к ним навещалась Рахима-апа или когда сами они навещали стариков в старом их доме, Мунисхон раздражалась по пустякам. Нередко от каких-то даже самых безобидных слов она вспыхивала.

...Коктай забеспокоился, негромко тьякнул. Калитка распахнулась, и вошла Рахима-апа с тяжелой сумкой.

— Рахимджан? Родной мой сыночек! — Рахима-апа поставила сумку на землю и распростерла руки для объятий.— Давно пришел? А я жду тебя каждый день, все глаза проглядела. Здоровье как? Невестка моя чем занята, что носа не кажет? Вчера собралась было к вам, отец не пустил. Считает, что я раздор вношу в вашу семью.

— Ах, мама, нет больше нашей Мунис.

Мать посмотрела на сына, не понимая, что это он такое говорит.

— Что означают твои слова, сынок?

— Мунис... вчера убили.

— О боже!.. — простонала Рахима-апа. — Бедная моя головушка! За что? Кому она сделала плохое? Моя бедная девочка!..

Рахима-апа на что-то причитала, плакала. Потом стала успокаивать безутешного в своем горе сына, ссылаясь при этом на бога и судьбу.

— Где отец? — спросил Рахим, как только она умолкла.

— Скоро придет. Ему путевку выделили на комбинате. За ней пошел. Как же случилось такое несчастье? Я сейчас соберусь, милый. Вот только чай тебе приготовлю. О сынок, какое же тебе горе приходится переносить! Мало ли трудностей выпало на твою долю...

Рахима-апа засуетилась, направилась к очагу, расположенному под навесом, стала разводить огонь. Оттуда все еще доносились ее вздохи, причитания. Конечно же ей тоже сейчас тяжело. Муниسخон, как ни суди, была ей не чужой.

Да, мать права, трудностей в жизни он испытал немало. Но эту беду, свалившуюся на него неожиданно-негаданно, ни с чем не сравнить. Бедная Муниسخон! Она, верно, кричала, звала на помощь. От этой впервые пришедшей к нему мысли Рахиму стало трудно дышать, он расстегнул ворот рубашки. Глаза обожгли слезы.

— Рахимджан-ака... — напомнил о себе шофер.

— Да, да, конечно, все это бесполезно, — кивнул Рахим Саидов.

Мать принесла чайник и пиалы.

— На тебе лица нет, сынок... Ах, бандиты проклятые, чтоб под ними земля разверзлась! Кому это понадобилась невинная душа моей невестушки?!

Выпили по пиале крепкого зеленого чая. Вскоре, постукивая палкой, пришел Саид-ака. Едва он появился в калитке, Рахима-апа с плачем бросилась ему навстречу:

— Ой, отец! Какое горе-то свалилось на нас! Великая беда обрушилась на нашу голову! Нет у нас больше нашей невестушки!

Старик выронил из рук палку. Лицо его сделалось бледным.

— Что ты плетешь, неумная?

— Нашу Муниسخон убили. Ой, несчастная моя головушка! Лучше бы мне умереть!

Саид-ака сел рядом с сыном и спросил, что произошло.

Слушая рассказ сына, старик сидел молча, низко опустив голову.

Рахиму ни разу не доводилось видеть, чтобы отец плакал. Он всегда мужественно принимал трудности. От природы он неразговорчив. Чтобы победить горе, уходил с головой в работу. Чего-чего, а уж работы у него всегда хватало. Он не умел сидеть сложа руки, от безделья уставал.

С виду отец был суров. Но, несмотря на внешнюю суровость, за всю жизнь он грубого слова сыну не сказал. Если уж очень был недоволен, обращался к нему на «вы». И такое его обращение порой ранило сильнее бранных слов. Рахим Саидов помнит один из таких разговоров с отцом, хотя давно это было.

В их махалле поселился с семьей полковник. У него было двое детей: сын — ровесник Рахима и дочка — на год или два младше. Звали девочку Света. Веселая она была. Песенки любила петь. Рахимджан подружился с ее братом. Но вскоре поймал себя на мысли, что частит к ним не столько из-за него, сколько из-за Светы. Случалось, он задерживался у них допоздна, и тогда родители приходили за ним, чтобы увести домой.

Все бы ничего, да стал Рахимджан хуже учиться. За первую четверть в его табеле появились четыре тройки. И это в то время, когда школа в числе трех лучших учеников намеревалась выдвинуть его кандидатуру на золотую медаль.

Однажды, возвращаясь вечером от Светы, он увидел директора школы, выходящего из их калитки. Рахимджан спрятался за дерево и глядел вслед директору, тревожно раздумывая, что же привело его к ним в дом.

Рахимджан всю ночь проворочался в постели. Утром за завтраком отец сказал:

— Сынок, кажется, вы у нас стали совсем взрослым?

Рахимджан растерянно посмотрел на отца, на мать.

— Оказывается, вы под ручку с барышнями разгуливаете?

Рахим почувствовал, как у него вспыхнули уши. Всего-то один раз, когда шли из кино, он взял Свету за руку.

— Если так, то давайте-ка лучше мы женим вас — и дело с концом. Бросайте, сынок, учебу. Верно я говорю, Рахима?

— Не говорите так, — смеясь, ответила мать. — Рахимджан наш закончит школу на золотую медаль. Поступит в институт. А там и подберет невесту себе.

— Какое будет ваше решение, сынок?

Рахимджан сидел с неразжеванным куском во рту, не мог проглотить. Он мотнул головой.

— Не слышу, сынок, вы что-то сказали?

Рахим с трудом проглотил.

— Будет так, как мама сказала.

— Значит, договорились.

Рахимджан много дней затем старался не попадаться отцу на глаза. Исчезал из дому ранним утром, еще до того, как отец вставал, возвращался, когда он уходил на работу. А вечером, едва отец входил в дом, он прятался в своей комнате. У Светы он перестал бывать. Но очень ему хотелось сбегать к ней хоть на минуту. Эх, учились бы они в одной школе! Тогда бы уж непременно виделись каждый день.

Прошло около трех недель. У ворот Мирабадского базара Рахимджан неожиданно встретил брата Светы. Они поздоровались.

— Ты что перестал бывать у нас? — сказал тот.

Рахим покраснел.

— Много уроков задают, — соврал он, не поднимая головы. — Не успеваю.

— А мы уезжаем...

— Куда?! — испугался Рахим.

— Папу опять переводят на новое место. В Алма-Ату. Заходи попрощаться. Уезжаем утреним.

Рахимджану очень хотелось их проводить, но он так и не решился это сделать.

Спустя месяц пришло письмо. В конверте оказалась большая фотография Светы. Она была снята в школьной форме. На черном переднике комсомольский значок. В толстую косу вплетен бант, похожий на белую розу. Волнистые светлые волосы, зачесанные назад, прикрывают уши. Рахимджан не помнил, чтобы прежде она так причесывалась. Обычно заплетала две косички, которые смешно торчали в разные стороны. А теперь — толстая коса. Света стала еще красивее. Улыбается чему-то грустно и задумчиво. Глаза у нее голубые-голубые, как весеннее небо под Ташкентом.

До последнего времени Рахим Саидов берег ту фотографию. Прятал между страницами книг. И только недавно она пропала. Кто знает, может, Мунисхон порвала и выбросила. Однако спрашивать у нее об этом не стал.

В тот год он закончил школу с серебряной медалью. Получил четверку за сочинение. Родители и все близкие поздравляли. А ему было совсем невесело. Ему казалось, что он потерял в жизни что-то очень дорогое. Дважды сдился за ответ, но оба раза рвал листки на мелкие кусочки.

Проходили дни, недели, месяцы. Он все думал о Свете. Мечтал о нечаянной встрече с нею. В конце учебного года поделился тайной со своим другом Хафизом. Друг назвал Рахимджана простофилей и посоветовал немедленно написать Свете. И Рахим написал письмо. Это было искреннее письмо, теперь уже он не скрывал своих чувств.

Как ждал Рахимджан ответа! Но письмо его возвратилось назад со штемпелем: «Адресат выбыл».

Вот так обернулась беседа с отцом, когда он единственный раз в жизни говорил с ним на «вы». Долго потом с болью в сердце вспоминал Рахим историю своей первой любви.

Настенные часы пробили три раза. «Сейчас придут», — подумал Рахим. Но теперь встреча с родителями жены не пугала его, как утром. Горе было сильнее всех иных чувств. Оно его примиряло со всеми. Мунис, Мунис... Не один, а тысячу таких перстней достал бы, лишь бы ты была жива! Выполнял бы все, что ни велела. Мысли бы угадывал. Он вспомнил ее сияющие глаза, ее беззаботный заразительный смех.

«Вы не цените меня, — порой упрекала она полушутя-полусерьезно. — Вот умру, будете жалеть...» Рахим сердился: «Не болтай глупостей!»

Но он тогда и подумать не мог, что шутка Мунис обернется жестокой действительностью.

...Однажды они с Мунисхон поехали на Комсомольское озеро. Был воскресный день. Несмотря на осень, погода стояла жаркая. Рахим Саидов с раннего утра просидел за письменным столом, изучая записи недавно проведенных опытов. Очень устал и с удовольствием теперь гулял.

Они дважды обошли озеро. Потом посидели в кафе, ели мороженое, пили шампанское.

Рахим Саидов расплатился с официанткой, и они направились к выходу из парка. Вдруг Мунисхон, прижавшись к его плечу, попросила:

— Прокатите меня на лодке, Рахимджан-ака! Поглядите вон на тех... Как они счастливы!

У Рахима не было желания кататься на лодке, он ни разу в жизни не держал в руках весел, но все-таки не мог отказать жене:

— Идем!

По озеру плавало с десятков лодок, которые то и дело оказывались на пути Рахима. Хорошо, что встречные вов-

ремя сворачивали. Мунис была очень довольна. Когда на нее попадали брызги с весел, она взвизгивала, как ребенок.

— Вы, оказывается, настоящий гребец! Мы будем каждое воскресенье приходить сюда! — возбужденно говорила она.

Рахим улыбался ей, а сам лишь одного желал — благополучно довести лодку до берега.

О, как бы он хотел, чтобы это повторилось!

...У подъезда раздался громкий плач.

— Доченька моя! Куда же ты ушла от нас, моя единственная!..

Рахим узнал голос тещи. К ее голосу присоединились причитания матери. И опять весь дом огласился воплями женщин.

Старики заспешили на лестничную площадку.

Встреча была не столь уж тягостной, как предполагал Рахим, более всего опасавшийся этой минуты. Первым по лестнице поднимался Убайдулла-ака. Он поздоровался за руку с Саидом-ака, другими стариками, затем обнял зятя.

— Разлучились мы с нашей доченькой... — негромко начал он, но голос его сорвался.

— Я виноват. Не должен был ее одну выпускать из дому.

— Откуда было вам знать, сынок... Видно, на роду написано... лежит бедняжка моя, уснула.

Убайдулла-ака всхлипнул, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

Теща поднималась медленно, держась за перила. Часто останавливалась, переводила дыхание. И снова шла, горестно причитая:

— Саид-ака... что же это за доля у меня такая, а? За что меня так наказал аллах? Что плохого я ему сделала? Кто теперь будет оплакивать меня после моей смерти?..

Рахим Саидов шагнул ей навстречу:

— Здравствуйте, матушка...

— Вай, сынок, что же это сделала с нами Мунисхон, а?

Она припала к груди зятя и заплакала горько. Рахима-апа взяла ее под руку, усадила на диван.

Рахим Саидов не понял, отчего в глазах у него потемнело и земля ушла из-под ног. Хафиз не успел его поддержать, он оказался на полу.

Придя в себя, он так и не мог понять, что произошло. Почему он лежит в кровати, а вокруг суетятся люди.

— Все в порядке, сынок, — услышал он голос отца. — Призови свое мужество, сынок.

Это было ранним утром. Санобар чистила на веранде брюки мужа. Щетка ударилась обо что-то твердое. Похоже на зажигалку. Но муж держал зажигалку в нагрудном кармане. А сейчас, припомнила Санобар, зажигалка лежит в нише, она только что видела ее там. Что же это может быть? Санобар не имела привычки проверять карманы мужа, но тут любопытство пересилило. Она вытащила из кармана маленькую коробочку. Открыла. В ней оказался перстень с крупным рубином. «Наверно, мне купил, а скрывает», — обрадовалась она. Надела на палец с трудом. Ничего, можно отдать в растяжку. Смотри-ка, какой красивой сделалась ее рука — прямо как у шахини. До сих пор у Санобар не было иного украшения, кроме обручального кольца, которое Сабир-ака надел на ее палец в загсе. Правда, сережки у нее есть. Маленькие, с розовыми камешками. Их подарил отец, когда она была еще совсем девчонкой. А муж не любил всякие украшения и презрительно называл их «погремушками». Жемчуг, золото, рубин. Санобар и не заводит о них речь, муж сразу начинает хмуриться. Мещанство это все, считает он. И вдруг купил. «Что же с ним произошло такое?» — думает Санобар, а сама все поворачивает руку и так и этак, любуясь перстнем. Подставила под солнечный луч, пробивающийся сквозь вьющийся по жердочкам виноградник. Рубин вспыхнул и стал похожим на спелое зернышко граната. Но тут мелькнула другая мысль: если перстень предназначен ей, почему Сабир-ака не отдал его вечером? А вдруг — сердце у нее дрогнуло — этот подарок вовсе не для нее!

Тихо, на цыпочках, вернулась она в спальню. Муж лежал, заложив руки за голову.

— Проснулись, Сабир-ака? Смотрите-ка!..

Санобар протянула руку, повернула ладонь тыльной стороной к мужу, и Сабир Алиев мгновение смотрел, словно не соображая спросонок, что ему показывают, и вдруг крикнул:

— Сними сейчас же!

— Почему? — Санобар прикрыла перстень ладонью.

— Сними, тебе говорят!

Санобар поспешно стащила тугой перстень и швырнула мужу:

— Возьмите!

— Знаешь ли ты, чье это кольцо?

— Чье оно может быть, если находится в вашем кармане?.. Наверное, вашей любовницы...

— Убитой женщины!

Санобар испуганно смотрела на мужа.

— Ой, господи! Зачем же вы носите домой такие вещи? — упрекнула Санобар.

— А ты зачем роешься в моих карманах?!

— Извините... Я же никогда себе этого не позволяла.

— Где футляр?

— Вон, в нише.

Сабир Алиев положил перстень в коробочку и спрятал в карман.

— Вчера надо было кое-что проверить. Поэтому и брал его с собой, — примирительным тоном объяснил он.

Санобар, не сказав ни слова, принесла мужу чай.

— Сложную задачу предстоит решить. Пока не знаю, с чего и начинать...

Санобар молчала. Она так расстроилась, что не хотела говорить. Прониклась и жалостью к женщине, которая носила этот красивый перстень. Но была и огорчена тем, что он не оказался подарком, предназначенным ей.

Муж, конечно, догадался, чем она расстроена. Осторожно обнял за плечи, поцеловал в висок.

— И что ты в нем нашла хорошего? Грубое, тяжелое... Я куплю тебе другое. Вот получу зарплату, добавим из тех денег, что лежат на путевки, и купим.

— А курорт как же?

Сабир Алиев вздохнул, отводя взгляд:

— Поедем. Вот только с делами управлюсь.

Однако по тону, каким он это сказал, Санобар поняла, что их поездка не состоится в ближайшее время. Но рано или поздно они все-таки поедут. Как ни заманчиво было иметь дорогой перстень, она, вздохнув, отказалась от него. Отдых был необходим не столько ей, сколько мужу. Он очень устал. Старается, правда, скрыть это. А сам плохо спит по ночам. Поехать надо непременно, чтобы он хоть на месяц позабыл о своей работе.

— Ладно, не нужно мне никакого кольца. А на курорт если не поедем, вам несдобровать. Уйду от вас, вот увидите, — засмеялась она.

— Договорились, моя умница, моя любимая женушка!

Сабир Алиев взял Санобар за плечи и нежно привлек к себе.

Спустя полчаса капитан уже сидел в своем кабинете. За пять дней он не раздобыл новых сведений. А то, чем они располагали, было незначительно.

Капитан Алиев возлагал большие надежды на перстень с рубином редкой красоты. Перстень был куплен в Са-

марканде. Однако продавец, как ни старался, не смог припомнить, кто его купил. Во всяком случае, время, когда оно было продано, он назвал точное. У них это регистрируется в специальной тетради. В ней значилось четырнадцатое августа. И еще продавец припомнил, что куплен был этот перстень не женщиной. Таких перстней в магазин поступило всего шесть штук. Пять сейчас находятся в Самарканде. Он даже знает у кого. У его знакомых. Чего греха таить, он сам известил их. Конечно, этого не следовало делать, он понимает, но все перстни проданы по своей цене, любой подтвердит. А шестой перстень долгое время лежал на прилавке под стеклом.

Капитан Сабир Алиев, который сам ездил в Самарканд для выяснения этого вопроса, испытывал чувство, какое испытывает человек, бережно несший громадный арбуз и уронивший, разбивший его на пороге своего дома.

Капитан Алиев знал, что дважды Рахим Саидов — двенадцатого и пятнадцатого августа — был в Алмалыке. Там его опытный участок. Неужели оттуда он ездил в Самарканд? Капитан Алиев рассчитал: в принципе это возможно. Не знают ли об этом сослуживцы? Во всяком случае, придется их расспросить.

Собираясь в Самарканд, капитан Алиев поручил лейтенанту Султанову вызвать Рахима Саидова:

— Вызовите на утро. И дворничиху с Чорсу тоже.

Капитану Алиеву, честно говоря, очень не хотелось, чтобы преступником оказался Рахим Саидов, хотя он его еще не видел. Этот человек вызывал в нем симпатию. Интуитивно он чувствовал, что Рахим Саидов чистосердечен, мягок. И, судя по характеристике, данной сослуживцами, весьма и весьма порядочен. Однако чего в жизни не случается!

В кабинет вошел лейтенант Султанов:

— Рахим Саидов ожидает в приемной.

— А дворничиха?

— Тоже там. Сидят рядом.

— Пригласите ее ко мне.

Женщина вошла.

— Пожалуйста, садитесь. Извините, что опять побеспокоили.

— Что вы. Раз уж понадобилась, чего там... — Женщина опустила в кресло.

— Что нового могли бы нам сказать?

- Ничего, милый.
- А к человеку, который сидит в коридоре, пригляделись?
- Нет, не он. Этого не видала в нашей стороне.
- Уверены?
- Вай, братец, с того самого дня я только и знаю, что гляжу по сторонам, осматриваю всех. Не он, бог свидетель. Зачем же на человека напраслину возводить... А его тоже вы вызвали? — понизив голос до шепота, поинтересовалась дворничиха. — Кто он?
- Муж убитой.
- Вай-вай-вай, какой славный человек-то! Бедняжка! Он, видать, изболелся душой.
- Да, для него это большое потрясение, — сказал капитан и встал, давая понять, что разговор закончен. — Спасибо, до свидания.
- А зачем приглашали-то? — спросила дворничиха, дивясь тому, что так мало с ней разговаривали.
- Думал, скажете что-нибудь новенькое...
- Говорила же: если что замечу, сама прибегу. Коль попадетсЯ мне на глаза тот, узнаю. На людей память у меня прочная.
- Женщина ушла.
- Алиев нажал кнопку, вошла секретарша.
- Пригласите Саидова.
- В кабинет зашел человек, с которым капитан был знаком по фотографии. Но теперь он вряд ли узнал бы его, встретясь с ним на улице. Лицо вытянулось, глаза ввалились.
- Здравствуйте, товарищ Саидов.
- Капитан пошел ему навстречу, усадил в кресло.
- Понимаю, как тяжело вам, такое горе... Я искренне вам сочувствую.
- Спасибо, — еле слышно отозвался Рахим.
- Вы, конечно, знаете, почему мы вас вызвали, — сказал капитан. — Убийца до сих пор не найден...
- Он внимательно смотрел на Рахима. От его взгляда не могла скрыться ни малейшая перемена в его лице.
- Да. Конечно, — произнес Рахим Саидов. — Понимаю.
- Нас интересует очень многое, — продолжал капитан. — Мы рассчитываем на вашу помощь... Вы не знаете, с какой целью ваша жена поехала на Чорсу?
- Рахим Саидов отрицательно покачал головой:
- Не могу понять.

— Может, кто-нибудь из ваших знакомых или родственников живет там?

— Нет. У меня лично там нет никого.

— А у жены?

— И у нее тоже. И вообще у нее никого в Ташкенте нет. Она родом из Коканда.

— Нам это известно. Но, может, какие-то знакомые? Вы знаете всех ее знакомых?

Рахим Саидов задумался. Знал ли он всех знакомых жены? У нее было множество подруг. Прежде, когда они только еще встречались, она приходила на свидание всякий раз с новой. Рахиму Саидову хотелось остаться наедине с Мунисхон, но он вынужден был мириться с условиями, навязанными девушкой, и внешне никогда не проявлял недовольства.

После института почти все ее подруги разъехались. Фарида осталась в Ташкенте. Она вышла замуж. Еще Зубайда, работает переводчицей. И еще коллеги. Ее коллеги и его. Это их общие знакомые. А имела ли она знакомых, которых он не знал? Видимо, да...

— Скорее всего, я знаю не всех ее знакомых...

— А вы не помните, что она намеревалась делать в тот день?

— В тот день... мы утром поссорились. Из-за пустяка. Потом я ушел на работу, а она осталась...

— Если можно, поточнее. Из-за какого пустяка?

— Какое это теперь имеет значение?

— Для нас все имеет значение. Так что, прошу вас, поточнее. С чего началась ссора?

— Как вам сказать...

Рахим Саидов умолк, стараясь собраться с мыслями. Он никому, даже близким, не рассказывал о подробностях их ссор. И не жаловал людей, которые, как говорится, выносят сор из избы. Он всегда испытывал неловкость, если на службе догадывались по его настроению о том, что в семье у него нелады. Даже Хафизу он долгое время не говорил о ссорах с Мунис.

А капитан настаивал. И Рахим Саидов начал:

— Утром я увидел на ее руке новый перстень... С каким-то большим красным камнем. Поздравил с покупкой. Она сказала, что перстень этот медный, дешевый и не стоит поздравлений. И стала просить, чтобы я ей купил дорогой... Хотя нет, она не сразу стала просить. Если бы попросила в самом начале, мы бы не поссорились. А она стала упрекать, что я не делаю ей дорогих подарков. Ска-

зала, что за время нашей совместной жизни я ничего ей не подарил. Кажется, я тоже сказал что-то грубое. Она сняла с руки перстень, бросила на пол и вышла в другую комнату. Я ушел на работу. На работе поостыл и несколько раз порывался позвонить домой, но... позвонить — значит признать себя виновным. А мне этого не хотелось. К концу дня, однако, негодование во мне улеглось, и я уже чувствовал свою вину. Я пошел покупать перстень. В ювелирном на Урде облюбовал. Правда, не такой, какой она хотела, но тоже красивый. Дорогой. У меня не было столько денег, я позвонил приятелю Хафизу. Мы еще в школе учились с ним, а теперь вместе работаем. Он мне одолжил деньги. Но в магазин до закрытия я не успел. Поехал домой... По пути зашел в гастроном и купил торт. Мунис очень любила торт «Пахта». Прихожу домой — ее нет. Ждал допоздна. Потом стал обзванивать знакомых. Бродил по городу — думал, встречу... Мне и в голову не пришло это... Я думал, что она осталась у знакомых, чтобы досадить мне...

— Давно разладились ваши отношения с женой? С какого времени вы начали ссориться?

— С год примерно... Да, около года уже.

Рахим Саидов в упор взглянул на капитана. По лицу пошли красные пятна.

— Товарищ капитан! Неужели вы меня подозреваете? Неужели я?.. Неужели?.. — Ему стало душно, он рванул воротник.

— Возьмите себя в руки, — спокойно сказал капитан, и его спокойствие, кажется, передалось собеседнику. — У нас нет оснований подозревать вас. Однако поймите: вы главный, кто нам должен помочь и может помочь.

— Понимаю, — вздохнул Рахим.

— Нам необходимо знать все. В тот день ваша жена ушла из института в половине второго. Куда — нам неизвестно... До которого часа работала ваша жена?

— До четырех.

— И никогда не уходила раньше?

— Нет.

— Она часто уходила в половине второго, иногда и раньше. Вы об этом знали?

— Нет, что вы. Она всегда приходила только вечером. После работы обычно ходила в магазин, на базар...

Капитан сидел молча, задумчиво глядя в сторону. Потом выдвинул ящик стола и вынул обручальное кольцо.

— Вам знакомо это кольцо?

— У нее было точно такое.

— А часы?

— Мой подарок в день рождения. Вернее, я дал деньги, а она купила сама.

— А серьги узнаете?

Капитан положил на стол перед Рахимом серьги. Золотые, с бриллиантовым камешком. Рахим долго глядел на них, не притрагиваясь. Нет, таких никогда не было у Мунисхон.

— Чьи они? — спросил он.

— Вашей жены.

— Что вы, такие вещи нам не по карману. Это не ее серьги. Вы что-то перепутали.

— И вот этот перстень, — капитан раскрыл коробочку, которую Санобар нашла в его кармане и приняла за подарок.

— Это тот самый перстень, из-за которого мы поссорились! — быстро проговорил Рахим. — Медный.

— Медный, говорите? — усмехнулся капитан.

— Да. Она так сказала.

— А знаете, сколько он стоит... этот «медный» перстень?

— Она говорила и о цене... Кажется, шесть рублей с чем-то.

— Шесть с двумя цифрами впереди... Настоящая цена его: триста сорок шесть рублей!

— Сколько?! — изумился Рахим Саидов. — Неужели ей в магазине по ошибке...

— Ошибки тут нет, — перебил его капитан. — Какой же дурак вместо медного может дать золотой? Золото отличить от меди совсем нетрудно.

— Значит, она меня...

— Жена вам сказала неправду.

— А зачем? — растерялся Рахим Саидов. — Для чего ей это было нужно?

— Вот в этом как раз мы и хотим разобраться. Кстати, серьги эти принадлежат тоже ей. И стоят свыше четырехсот рублей.

— Ничего не понимаю. Где она взяла столько денег?

— Значит, раньше вы эти серьги у нее не видели?

— У нее были серьги. Но не эти. Моя мать ей подарила на свадьбу.

— А ее родители подарить не могли? Кажется, она у них единственная дочь?

— Да, одна дочь была у них... — Прошла целая минута, прежде чем он смог продолжать. — Но они не в состоянии делать такие подарки. Особенно сейчас, когда отец на пенсии... Пстойте, а может, взяла у какой-нибудь подружки? Поносить денек-другой...

— Никто вам не звонил по этому поводу? — спросил капитан.

— Нет.

— Вот видите, и к нам никто не обращался. А люди, давшие на время такую ценность, узнав о гибели вашей жены, захотели бы вернуть серьги. Не правда ли?

Рахим Саидов опустил голову. Он оказался в двусмысленном положении. У жены его было столько секретов от него, она жила какой-то невероятной жизнью...

— Товарищ капитан, неужели?.. — Он залился краской.

Капитан догадался, что хотел сказать Рахим Саидов.

— Об этом я собирался у вас спросить. Вы ничего не замечали... в поведении жены? — задал он наконец главный вопрос.

Рахим Саидов еще ниже склонил голову. Нет, ничего особенного не замечал. А вот теперь холодной змеей заползало в сердце подозрение. Почти каждую неделю у нее красивое белье, дорогие туфли. Муниسخон радовалась, показывая их мужу. Рахим Саидов не придавал этому значения.

Он сказал виновато:

— Постоянная занятость... Работы много. Третий год уже бьемся над созданием нового препарата. Ухожу утром, возвращаюсь поздно вечером. Часто уезжаю. Ничего не замечал... такого.

Но в памяти всплыл один случай. Кажется, это было в начале осени. В тот день он рано вернулся с работы. Муниسخон дома не оказалось. Ему хотелось есть. Он зашел в кухню, открыл стоявшую на плите кастрюлю. Пахнуло прокисшей едой. В сердцах захлопнул крышку. Пришлось вскипятить чай и довольствоваться бутербродом... Потом включил телевизор. Передавали последние известия. За окном сгущались сумерки, жена все не возвращалась. Он начал беспокоиться. Закурил и, чтобы проветрить комнату, открыл форточку. Форточка задела ветку клена, и с нее сорвались желтые листья. Рахим Саидов следил, как они, кружась, опускались на влажную землю. У подъезда остановилась «Победа». Из нее вышла Муниسخон со свер-

тком в руках. С минуту она стояла, разговаривая с водителем. Рахим слышал ее смех. Потом вбежала в подъезд.

Рахим Саидов поспешил в прихожую встретить жену. Щеки ее покраснелись, дышала часто, видно, по лестнице поднималась бегом.

— Рахимджан-ака, извините, что задержалась! В магазине была, — быстро проговорила она и подставила щеку для поцелуя.

— Ладно уж. — Рахим подавил в себе гнев.

— Поели чего-нибудь? Я не успела ничего приготовить, — продолжала она извиняющимся тоном. — Сейчас пожарю мясо.

— Если сама не хочешь есть, не стоит. Я напился чаю.

— И я сыта. Поела шашлык. Рахимджан-ака! — Мунисхон обняла мужа. — Почему вы не спрашиваете, что я купила? Вам и дела нет, где ваша жена пропадает, да?

— Почему же, я начал беспокоиться, — сказал Рахим, легонько отстраняя жену. В ее голосе ему послышалась фальшь. И еще он подумал, что она старается казаться веселой, чтобы скрыть какое-то беспокойство. — И что же ты купила?

Мунисхон принялась торопливо разворачивать сверток, приговаривая:

— Ой, умопомрачительная вещь! Давным-давно я мечтала о такой! Английская кофта. Поглядите какая! — Мунисхон быстро надела кофту. — Вы только поглядите, как она на мне сидит! Наши девчонки лопнут завтра от зависти.

Может, кофта и в самом деле была «умопомрачительная», только Рахим не разбирался в этом. Чтобы не обидеть жену, он похвалил:

— Хорошая кофта. Тебе идет.

— Как будто на меня шита! Анатолий Назарович тоже так говорит!

— Кто это — Анатолий Назарович? — удивился Рахим Саидов.

— А это продавец. Славный такой. Взял с меня всего пятерку.

— За что?

— Как — за что! Разве такую вещь просто купить?! Только из-под прилавка и достанешь. Одна моя подруга через него все достает. И меня познакомила. Те мои французские туфли тоже Анатолий Назарович достал.

— Кто тебя подвез сейчас? — спросил Рахим Саидов, не удержавшись.

Какое-то мгновение лицо Муниسخон было растерянным. Всего одно мгновение. Она тут же рассмеялась.

— Вай, вы, значит, видели? Анатолий Назарович. В его магазине кофт не оказалось. Пришлось ехать на склад. На обратном пути он подбросил меня к дому, — частила Муниسخон. — Вай, неужели ревнуете? К такому-то страшили? Да ну его! Не стоит он того, чтобы о нем говорить... Ну, успокоились?

Рахим Саидов рассмеялся и кивнул. Муниسخон звонко чмокнула его в щеку.

— О боже, я так устала! Пойду приму ванну.

Через полчаса она появилась из ванной, разомлевшая, в тонкой нейлоновой рубашке, сквозь которую просвечивало ее розовое тело. Рахим Саидов позабыл все, подхватил ее на руки...

Надо ли об этом говорить капитану? Рахим Саидов колебался. Подняв голову, увидел, что капитан все еще вопросительно смотрит на него.

— Был у нее один... знакомый, — глухо проговорил Рахим Саидов. — Продавец в магазине готовой одежды. Она иногда через него доставала дефицитные вещи. Анатолий Назарович...

— Вы его видели?

— Нет. — Рахим Саидов покачал головой и почувствовал, как сдавило сердце. — Нет, не может быть. Не может этого быть! Она же смеялась над ним.

— Мы с вами плохо знаем женщин, — невесело усмехнулся капитан. — Значит, говорите, Анатолий Назарович?

— У него есть «Победа». Однажды мою жену... Видел, как подвез ее.

Сказав это, Рахим почувствовал, как у него стали гореть уши.

— Можете припомнить, когда это было?

— В прошлом году. Осенью.

— А позже? Он никогда не бывал в вашем доме?

— Никогда! — с каким-то озлоблением сказал Рахим. — Сказал же вам: я его ни разу в глаза не видел!

— Еще вопрос. Скажите, вы женились по любви?

— Разумеется.

— А она?

— По-моему, она тоже... любила. Только с ее матерью отношения у меня были натянутые. Ей очень не хотелось, чтобы дочь после окончания института осталась в Ташкенте. Кроме того, у нее, видимо, был на примете более

выгодный жених для дочери. Во всяком случае, она была против нашей женитьбы. Но...

Капитан чуть подождал и напомнил:

— Вы что-то хотели сказать?

— Мунис ждала ребенка. И мать была вынуждена согласиться.

— Но у вас, кажется, нет детей?

— Не повезло нам... Роды были неудачные, чуть жива осталась Мунис.

— И вы ее упрекали?

— Никогда! Что вы! Я понимал ее, и она была мне за это благодарна...

— Вы часто надолго оставляли ее?

— Не очень часто. Раз в месяц на четыре-пять дней уезжал в командировку. Вначале она боялась оставаться одна. Мы приглашали ночевать мою маму, или она сама уходила в дом моих родителей. А позже оставалась одна, и я не настаивал, она не очень ладила с моей матерью... Мои командировки никогда не длились более недели.

— И последний вопрос. Вы никого не подозреваете?

Рахим Саидов долго молчал, прежде чем произнес:

— Даже не знаю. Если не брать во внимание того продавца...

— Анатолия Назаровича?

— Да. Если его отбросить, из тех, кого знаю, ни на кого не могу подумать.

— Благодарю вас. — Капитан поднялся с места и подал руку. — К вам просьба. Пройдите, пожалуйста, в соседнюю комнату и все, что мне только что рассказали, изложите письменно.

Лейтенант Султанов дал ему лист бумаги, ручку. Но Рахим вынул свою. Он сидел, думая, в каком все-таки нелепом положении он оказался! Несчастье, траур и... обман. Неужели Мунисхон, его любимая жена, лгала ему? Жила какой-то другой жизнью. Неужели же и смех ее, и ласковый взгляд, и то, как она выбегала ему навстречу, кидаясь в объятия, когда он возвращался с работы, слова, от которых голова кружилась, — неужели все это было притворством, лицемерием?

Рахим Саидов почувствовал себя таким униженным, таким оскорбленным! Он обхватил голову руками и крепко сжал ее.

— Вам плохо? — спросил лейтенант Султанов. — Принести чаю?

Рахим Саидов провел по лицу ладонями и кивнул. Ему хотелось остаться хоть на минуту одному, чтобы справиться с нахлынувшими чувствами.

Едва Султанов вернулся с чаем, его позвали к капитану.

В кабинете капитана Алиева сидел старший лейтенант Рузиев.

— Слушаю, товарищ капитан! — вытянулся Султанов.

— Запишите, Анварджан. Дома шахтеров. Магазин готовой одежды. Анатолий Назарович. Узнать, кто он, чем занимается, где живет. Словом, надо выяснить все, что касается его.

Когда лейтенант Султанов ушел, капитан попросил Рузиева продолжить доклад.

— Женщина, которая продает на Чорсу газированную воду, узнала ее, — сказал Рузиев. — По ее словам, Мунис Саидова на Чорсу появлялась довольно часто. Оттуда обычно шла в сторону Самаркандских ворот. Иногда задерживалась у ее будки, чтобы выпить. Поэтому-то запомнилась ей. «Я всегда ею любовалась, — говорит. — И сама симпатичная, и одета с иголочки».

— И всегда ее видели одну?

— «Слишком много, говорит, народу пьет у меня воду!» И при этом не смотрит в глаза. Чувствую, товарищ капитан, она видела кого-то с ней, да сказать не хочет. Или боится. Сержант Карабаев и сейчас там.

— Правильно сделали, что его оставили.

— В последний раз она видела ее в день убийства. В восемь вечера. Уже собиралась закрывать будку, когда она подошла и попросила стакан воды. Была взволнована и очень спешила. «В этот раз была одна!» — так и сказала. Я и поймал ее на слове. «Значит, раньше вы ее видели не одну?» — спрашиваю. Промолчала. Думаю, она все-таки покажет. Карабаев — дошлий парень, уговорит ее.

— Хорошо. С клочком газеты разобрались?

— Так точно, товарищ капитан. — Рузиев развязал тесемочки папки и вынул из нее картонку, к которой был аккуратно приклеен небольшой клочок газеты. В него была завернута коробочка с перстнем, найденная в сумке Мунис Саидовой. — Итак, это первая страница газеты «Вечерний Ташкент», верхний правый угол. За 20 августа этого года. Было нанесено несколько цифр карандашом. Видно, почтальон написал. Цифры стерлись, но эксперты установили, что написано «шестнадцать дробь сорок четыре». Скорее всего, это номер дома. Почтальоны обычно,

сортируя газеты и журналы, пишут номера домов и квартир. Но какой именно почтальон это написал, кто подписчик, по какой улице живет — этого пока выяснить не удалось.

Появилась секретарша.

— Товарищ старший лейтенант! Вас сержант Карабаев спрашивает.

Из радиорубки раздался голос Карабаева.

— Капитан Алиев слушает. Говорите.

— Докладываю из оперативного отдела с Чорсу. Женщина, продающая воду, опознала. Мужчина средних лет. Мной сфотографирован. Подъехал к будке на «Москвиче», купил ящик пива и въехал на территорию рынка. Номер машины записал. Товарищ капитан, жду распоряжений!

— Что вам сказала эта женщина?

— Когда он выходил из машины, она незаметно кивнула мне. И только. Она страшно испугана. По всему, он к ней навевался неспроста. Пиво — только повод... Вот она поспешно закрывает будку.

— При вас машина?

— Нет, я на мотоцикле.

— Воспользуйтесь такси или частной машиной и следуйте за «Москвичом». Фотопленку немедленно пришлите мне.

— Есть!

— Связь закончена. Следите за «Москвичом».

Капитан выключил радиорубку.

— Итак, знакомство она водила преимущественно с людьми состоятельными. У одного «Победа», у другого «Москвич». Не удивлюсь, если и с «Волгой» кто-нибудь обнаружится.

Капитан Алиев щелкнул зажигалкой и, раскурив сигарету, глубоко затянулся.

— Не могу понять я некоторых людей. Все пять пальцев стараются записать в рот одновременно. Спрашивается, чего не хватало этой женщине? Побрякушек? Разве нельзя существовать без них?.. Да я уверен, лет через пять-шесть она не знала бы, куда девать деньги. Видели ее мужа? Порядочный, а главное, умнейший человек. Перспективный. Правду, видно, говорят: ум имеет предел, а глупость безгранична.

— Может, муж у нее только... гм, для отвода глаз? — заметил Рузиев.

Капитан махнул рукой, будто отметая все, что мешает сосредоточиться на главном.

- Нам неизвестна одна частность...
- Какая? — спросил Рузиев.
- Где она была до того, как оказалась на Чорсу? Вспыхнул зеленый глазок радиорубки.
- Слушаю! — отозвался капитан Алиев.
- Товарищ капитан! «Москвич» выехал с рынка и направился в сторону Самаркандских ворот! — доложил Карабаев.
- Ого, это уже интересно. Продолжайте наблюдение. Постарайтесь остаться незамеченным.
- Он остановился! Я проеду мимо, а потом вернусь.
- Вы на чьей машине? Водитель в курсе дела?
- Да. Общественный автоинспектор... Вот он заехал в голубые ворота! Еду за ним. Приближаюсь. Номер дома — шестнадцать дробь сорок четыре! Какие будут дальнейшие указания, товарищ капитан?
- Алиев взглянул на Рузиева, который от волнения крепко потирал руки.
- Затем приказал:
- Возвращайтесь на пост!
- Слушаюсь, товарищ капитан!
- Кончик клубка найден! — Капитан живо встал с места. Начнем разматывать. Вы знаете, что делать?
- Да, — ответил Рузиев.

5

Рахим Саидов медленно шел через сквер Революции. Солнечные лучи не могли пробиться сквозь густые кроны могучих кленов. Здесь было прохладно. Еще не совсем просохли политые утром дорожки. А там, где листва пореже, просочились сверху лучи света и устлали землю золотыми монетками. В это время дня не очень многолюдно.

Рахим Саидов вышел к кафе «Дружба». Сквозь стеклянные стены виден пустой зал с рядами столиков, накрытых белыми скатертями. Между столами прохаживается официантка, вставляя в стаканчики бумажные салфетки. И ни одного посетителя. Это даже лучше. Рахим Саидов был бы рад сейчас никого не видеть. Ушел бы в горы, в лес — куда угодно, только бы не видеть никого и не слышать. Многое сейчас он воспринимает по-иному, будто прежде смотрел не своими, чужими глазами. То, что сейчас он узнал, перевернуло в нем все, обратило в пепел добрые чувства. Когда же это могло случиться?.. Ему не

хотелось верить в это. Но факты! Факты — вещь упрямая. Кто же просто так станет дарить дорогие вещи!

Рахим Саидов занял место за столиком под развесистым олеандром. Подошла молоденькая официантка.

— Бутылку шампанского, пожалуйста. И если можете, составьте мне компанию.

— Я на работе, не полагается.

— В самом деле, вы же на работе. Как я сразу не догадался? — Рахим Саидов посмотрел на свои часы. Все люди уже давно на работе. И ему следовало быть в институте. Там сегодня завершают сложный опыт. А впрочем, его присутствие теперь необязательно. Он свое сделал. Препарат, можно считать, готов. Дело за Хафизом. Как он сейчас там? Все-таки, конечно, сейчас ему, Рахиму Саидову, лучше бы находиться рядом с другом. Ладно, посидит немного, придет чуть-чуть в себя и поедет в институт.

«Был бы такой аппарат, — с горечью подумал Рахим, — нажимаешь на кнопку — и узнаешь, что у человека на душе. Насколько уменьшилось бы на земле обманутых людей. Да, недурно бы изобрести такую штуковину...»

Рахим даже отчетливо представил себе этот аппарат. Миниатюрный, со спичечный коробок. Можно носить в кармашке для часов. Чувствительная мембрана реагирует на удары сердца стоящего рядом человека. Пожалуйста, жми на кнопку и слушай его сердце. Говорят же, что сердце не обманет.

Давно Мунис стала его обманывать? Когда он в первый раз услышал имя Анатолия Назаровича? В прошлом году. Осенью.

Рахим не сразу заметил официантку. Она поставила перед ним фужер на длинной ножке и откупорила бутылку. Открыла блокнот и, что-то вписав карандашом, сказала:

— Пожалуйста, рассчитайтесь сразу. Боюсь, что потом с вами будет трудно объясняться, — дерзко пошутила девушка.

Рахим усмехнулся. В другое время он возмутился бы. А сейчас его чувства были притуплены. И как ни странно, эта резкая девушка почему-то нравится. Резкость ее была напускной, вполне соответствовала ее по-девчоночьи наивному лицу. Задиристый носик, широко распахнутые глаза. Своим звонким голоском она отвлекла его от мрачных мыслей.

— Вы должны хотя бы пригубить. Сегодня я... Родился я сегодня, понимаете?

— Ах, у вас день рождения? А я-то думала...

Она сбегала за фужером. Рахим Саидов наполнил его.
Спросил:

— За что выпьем?

— Вы же сказали,— насторожилась девушка,— что день...

— Ах да!

Рахим Саидов выпил до дна, до последней капли. Девушка пригубила, пожелав ему счастья. А будет ли он когда-нибудь счастлив?

— А я, как вас увидела, даже испугалась,— призналась девушка.

— Почему? — удивился Рахим.

— Думала, вы с утра уже где-то... Взгляд у вас был такой — понимаете? — как у пьяного.

Рахим провел по лицу ладонью.

— Дела у меня, сестренка, не совсем ладны. Спасибо вам.

— За что?

— Поговорил с вами, и легче стало.

Рахим попрощался с девушкой и вышел на улицу. Славная девушка. Ему даже показалось, что она чем-то похожа на Мунис.

Первая волна гнева отлила от сердца. Сейчас он уже обвинял себя в том, что проглядел жену, что мало уделял ей внимания. И вдруг вспомнились слова капитана: «Вы знаете всех ее знакомых? Вы ничего необычного не замечали в поведении жены? Вы никого не подозреваете?»

Какой стыд! И никому не расскажешь, чтобы облегчить душу. А может, все это только беспочвенные предположения? Их метод работы такой — выдвигать всякие версии. Неизвестно же им, кто хорош, а кто плох. Они вынуждены подозревать всех, кто попадет в поле их зрения. Такая работа... Ведь во время беседы с капитаном он почувствовал даже, что тот подозревает его самого, Рахима Саидова. А значит, возможны ошибки. Так рассуждая, Рахим немного успокоился. Но состояние успокоенности мгновенно покинуло его, как только вспомнил о драгоценностях.

Чьи же все-таки эти драгоценности? Как они попали к Мунис? Может быть, в день похорон хозяева колец и серег не посмели тревожить его вопросами? Никто и полусловом не обмолвился, припоминает Рахим Саидов. Может, явятся еще, и тогда все объяснится, имя Мунис очистится. А что, если самому порасспрашивать всех? В этом нет ничего зазорного. Только звонить по телефону

все-таки удобнее из дому, чем с работы. Рахим Саидов раздумал ехать в институт и направился домой.

Мухаббат, младшая сестренка, поселилась на время у него. Может, она что-нибудь знает? Подумав об этом, Рахим Саидов ускорил шаги. Мухаббат, в отличие от матери, дружила с Мунис. Мунис тоже ее любила. Даже дарила ей свои вещи.

Рахим Саидов отпер дверь и вошел. Сестра сидела на кухне, готовилась к семинару.

— Ну что?

— Обычные вопросы.

Рахим Саидов посмотрел на сестру и раздумал ее спрашивать. Если бы она что знала, сказала бы сама. А ему лишь еще более стыдно станет и горше. Зачем втягивать Мухаббат, которая с давних пор боготворит своего брата, в такую нечистую историю?

— Портфель дома оставил, — придумал он. — Пришлось вернуться, чтобы взять кое-какие бумаги. — И ему стало неловко, что приходится лгать. — Ты почему не на занятиях?

— У нас сегодня не будет первой лекции. Преподаватель заболел...

— Поторопись, а то и на вторую опоздаешь.

Рахим Саидов ушел в свой кабинет. Когда за сестрой захлопнулась входная дверь, Рахим Саидов вышел на кухню, где был телефон. Сперва он позвонил Фариде. Она была наиболее близкой подругой Мунис. Он схватил записную книжку и отыскал страницу с буквой «ф». Пробежал взглядом торопливо и неразборчиво написанные Мунис телефонные номера. Указательный палец задержался у надписи «Фар». Пожалуй, этот. Поспешно набрал номер.

— «Интурист»? Будьте любезны, Фариду. Это вы? Здравствуйте. Рахимджан говорит. Как поживаете?

— Спасибо. Как вы? — спросила Фариде, видно стараясь разгадать, что послужило причиной его звонка.

— Ничего. Около вас есть кто-нибудь? — осведомился он и тут же подумал: «А какая разница!»

— Никого. А что? У вас секреты? — И голос Фариды зазвучал вкрадчиво.

— Нет, нет, я просто так. Фариде, Мунис у вас ничего не брала?

— Я вас не понимаю. Что, к примеру?

— Ну, там, серьги, перстень...

— Не-ет. А почему вы спрашиваете об этом, Рахимджан-ака? У вас что-нибудь пропало?

— Наоборот, нашлось.

— Что?

— Перстень, — вынужден был признаться Рахим Саидов. — Серьги с бриллиантовыми камешками.

— Ой, что вы, Рахимджан-ака! Это же ее серьги! Малюсенькие такие, по форме похожие на фиалку, да?

— Да, похожи...

— Ой, разве вы забыли?! Вы же сами их купили ей!

— Я?! — удивился Рахим Саидов.

— На Восьмое марта, помните? Она в тот же день показала их мне и похвасталась, какие муж делает ей подарки. Я даже знаю, где их купили. Сказать?

— Где? — Рахим Саидов почувствовал, как покрывается потом.

— На Урде! Правильно? — засмеялась Фарида. — Вы тогда с ней зашли случайно в магазин, и Мунисхон очень понравились эти сережки.

— А перстень? — сдавленным от волнения голосом спросил Рахим Саидов.

— Что? Плохо слышно! Алё, алё!..

— Про перстень спрашиваю. Может, тоже...

— Какой перстень?

— Золотой, с большим рубином.

— Не знаю. Я такого не видела у нее.

— Извините, — пробормотал Рахим Саидов. — Значит, у вас она ничего не брала?

— Нет, Рахимджан-ака.

— Благодарю.

Он положил трубку. Посидел в растерянности. Оказывается, он сам «купил» эти серьги, которые никогда не видел.

Кому же еще позвонить? С кем она еще дружила? Зубайда! Они вместе учились. Но с этой женщиной Рахим Саидов виделся всего два раза, не больше. Зубайда несколько раз бывала у них в его отсутствие. С Мунис они чаще встречались вне дома.

Рахим Саидов разыскал в книжке телефон. Позвонить? Попытка не пытка. Можно рискнуть. Набрал номер.

— Пригласите, пожалуйста, Зубайду.

— Кто ее спрашивает?

— Знакомый.

— Извините, но знакомых у нее чересчур много, а телефон один — на моем столе. Что ей передать?

— Я вас очень прошу. Мне необходимо поговорить с ней лично.

В трубке послышались вздох, потом звуки удаляющихся шагов. Скоро он услышал красивый грудной голос:

— Я слушаю.

— Здравствуйте. Вас беспокоит Рахим Саидов.

— Кто?

— Рахим Саидов, муж Мунисхон.

— А-а, здравствуйте, Рахим-ака! Я вас слушаю.

— Хочу у вас спросить кое-что. Мунис... у вас ничего не брала?

— А что, Рахим-ака? — В ее голосе послышалась тревога.

— Нашел кое-что в доме. Не знаю, у кого она могла взять.

— Если это журналы, умоляю вас, никому не показывайте! Мунис выпросила их у меня всего на денек.

— Нет, это не журналы.

— Что же тогда? — удивилась Зубайда.

— Перстень.

— Ах, перстень! — расхохоталась Зубайда. — А я-то думала... У меня всего два перстня, и оба на руке. А какой?

— Золотой. С рубином. Я думал, он ваш.

— Нет, не мой. Может, спросить подруг? У Хадичи, помнится, был подобный перстень.

— Кто она?

— В инязе работает. Мы вместе учились.

— Спросите, если не трудно. Мне подождать?

— Я вам позвоню.

У Рахима Саидова разболелась голова. Хадичу он ни разу не видел. И Мунис, кажется, ничего о ней не говорила. Но не исключено, что он просто забыл.

Голова разламывалась. Он открыл форточку. Сел у окна на стул и закурил. Они, кажется, ни о чем не догадались. Ни Фарида, ни Зубайда. Ну и что с того, что догадываются? Может, они знают и... знакомых Мунисхон? Нет, нет, об этом спрашивать нельзя! Уж лучше провалиться сквозь землю. И потом, они ни за что не скажут, если даже знают что друг про друга. Может, вместе развлекались?

Рахим встряхнул головой, как бы желая отогнать от себя этот кошмар. «Нет, не может быть! — думал он, стараясь себя успокоить. — Им ничего не известно. Мунис... Она была скрытная».

Зазвонил телефон.

— Рахим-ака? Зубайда говорит. Я разговаривала с Хадичой. Это не ее перстень.

— Извините, столько доставил вам хлопот!

— Что вы, разве это хлопоты? — Зубайда помолчала, видно размышляя над чем-то. — Рахим-ака, а может, это перстень Муниسخон?

— Может быть... Конечно, скорее всего, так и есть.

Есть ли смысл звонить дальше? Проклятый перстень! Не могла же она его найти на дороге. Рахим попытался все спокойно продумать и путем логических сопоставлений прийти к определенному умозаключению. Но мысли вновь и вновь возвращали его к тому, на что недвусмысленно намекнули в милиции.

Вдруг он бросился в спальню и застыл посреди комнаты. Здесь все было как при жизни Муниسخон. Только на тумбочке трельяжа нет больше флакончиков, пестрых коробочек.

Рахим шагнул к шкафу и открыл дверцу. Почти все в нем — наряды Муниسخон. Белые, желтые, коричневые платья... Некоторые Рахим Саидов видел, а о существовании кое-каких и не подозревал. Мохерова кофта, костюмы из джерси... Вон висит и та черная английская кофта. Рядом пальто. Три пальто. Шуба. На полках — аккуратно сложенное тряпье. Что это, Рахим Саидов даже не знает. Но все вещи еще хранят запах ее тончайших духов.

Рахим Саидов опустил на корточки и стал перебирать нижние ящики. В первом ящике он обнаружил носки, чулки. Второй был забит всевозможными тканями, из которых жена шила себе платья. Выдвинул самый нижний ящик. Он был доверху наполнен тесемочками, лентами, катушками ниток и всякой всячиной. Он разгреб это и увидел черную шкатулку с тремя русскими богатырями на крышке. Красивая шкатулка палехской работы. Это подарок жены Хафиза. Он открыл шкатулку, поверх пуговиц лежало ожерелье. Это ожерелье он видел раньше. «Поглядите, похоже на настоящий жемчуг, — сказала Муниسخон, когда принесла его. — Настоящий знаете сколько стоит? Пятьсот шестьдесят рублей — всего одна нить! А это — две нити четыре рубля. По виду же ничем не отличается от настоящего... Но уж, дорогой муженек, когда станете доктором наук, купите настоящий».

Спустя несколько минут Рахим Саидов был в ювелир-торге на Урде. У прилавка стоял знакомый продавец. Заметив, с какой торопливостью Рахим Саидов вошел в магазин, он огорченно воскликнул:

— Какая досада! А я только вчера то кольцо продал, все ждал вас, поверьте.

— Я... по другому делу... Вот это... — Рахим Саидов извлек из кармана блестящий, переливающийся моток, протянул на ладони. — Это жемчуг или подделка?

Продавец долго рассматривал ожерелье.

— Это, конечно, жемчуг, — сказал он наконец. — Собираетесь купить или продаете?

— Покупаю... — дрожащим голосом произнес Рахим.

Рахим, едва передвигая ноги, направился к выходу. Теперь-то ему было ясно все. Он обманут! Мунис, любимая жена, ему лгала. Стало жарко, будто внутри вспыхнул огонь. Сел на скамейку и обхватил голову руками. Его трясло как в лихорадке. Долго сидел он неподвижно. Что делать? Ну что же ему делать?

Для начала он должен себя взять в руки, успокоиться. Вот так. Несколько глубоких вдохов — и придет успокоение.

Да, он должен успокоиться и все продумать. Жемчуг, серьги, перстень... Что еще обнаружится?

Вернувшись домой, он позвонил.

— Хафиз? Это я, Рахимджан.

— Здравствуй, дружище. Что не пришел?

— Ты мне очень нужен.

— Я весь внимание, говори.

— По телефону не могу. Можешь приехать ко мне?

— Вот только отпущу лаборантов. Могу тебя обрадовать. Коробочки на кустах, подкармливаемых нашим препаратом, открылись. Крупные, по шесть-семь граммов. Если и на опытном поле получим такие же результаты, считай, наша взяла!

— Превосходно. Я рад... Так ты приедешь?

— Минут через двадцать буду.

Рахим Саидов обыскал всю квартиру. Заглядывал во все углы и щели. Переворочил все в ящиках трюмо. Перелопачивал бумаги в письменном столе. Но ничего больше не нашел.

Появился Хафиз.

— Не вчерашний день ищешь? — пошутил он.

— Драгоценности.

— Ого! У тебя их столько, что не знаешь, где хранятся?

— Мунис мне оставила огромное наследство, — проговорил Рахим Саидов и горько усмехнулся.

— Ладно, шутки в сторону. Зачем ты звал меня?

— Для того и позвал, чтобы показать наследство.

Хафиз несколько мгновений недоуменно смотрел на друга.

— У тебя не бред?

— В детстве я слышал одну притчу, — начал Рахим. Он наполнил два фужера пивом, один придвинул Хафизу. — Жила старуха, бедная из бедных. Однажды явился к ней во сне пророк добра Хизр и молвил: «Ступай на базар, купи черную курицу. Да не вздумай торговаться!» Чуть свет побежала старуха на базар. Отыскала там черную курицу без единой светлой крапинки. Сколько за нее попросили, столько и отдала, возвратилась домой к себе с покупкой. И начала та курица нестись. Что ни яичко, то драгоценное, золотое или алмазное. Здорово!

— Здорово-то здорово, а к чему ты мне это рассказываешь?

— Вот и мне попалась такая курица...

— Что ты все к аллегориям прибегаешь! — рассердился Хафиз. — Говори толком!

Рахим Саидов вынул из кармана жемчуг.

— Тысяча рублей!

— Ну и что? — проговорил Хафиз.

— Нашел у себя дома! Нашел, понимаешь?.. Это ее, Мунис! В милиции тоже... всякие там серьги, перстни!

— Ну и что же? — повторил Хафиз.

— Где она взяла их? На какие деньги купила?

Хафиз только теперь понял, куда клонит Рахим.

Рахим Саидов стукнул о край буфета кулаком.

— Съезжу в Коканд. Может, все это ей мать надарила? — с надеждой сказал он. — Я знаю, что эта старая лиса многое скрывает от своего мужа и дочь этому учила...

— Конечно, съезди. Может, так оно и есть, — обрадовался Хафиз. — Я провожу тебя. И знаешь, не надо думать плохо.

Хафиз обнял Рахима за плечи. Они вышли на улицу. Им подвернулось такси. Ехали молча, пока Рахим Саидов, повернувшись к Хафизу, не спросил в упор:

— Скажи честно, ты ничего не замечал?

— Что именно?

— Да не притворяйся! — озлился Рахим.

— Нет. Не замечал.

— А жена? Она тебе никогда ничего не говорила?

— Нет, не говорила. Но Вазира твою жену недолюбливала. Не знаю почему, но это так.

— Может, знала про нее что?..

— Вот тебе мой совет: никого не слушай. Может, твои подозрения беспочвенны.

У Хафиза в аэропорту оказались знакомые. Велев Рахиму Саидову ждать у входа, он зашел в международный отдел и вернулся с билетом.

Через два часа Рахим Саидов был в Коканде.

Родители Мунисхон жили в центре, неподалеку от театра. Рахиму издавна нравился этот уютный город. И не только потому, что жена его была родом отсюда. Сам город очаровывал тишиной и необыкновенно яркой зеленью. Вечерами, когда выходишь погулять на свежем воздухе, прямо в центре можно услышать пение соловья. Рахим восхищался седобородыми стариками, разъезжающими на велосипедах. Иногда они с тестем отправлялись в одну из ближайших чайхан и заказывали плов из девзиринского риса. Кокандцы, как никто другой, любят посидеть в чайхане. Здесь в каждой махалле имеется своя чайхана. Кроме того, каждый кокандец имеет в ней свое излюбленное место. Убайдулла-ака считал самой лучшей в городе чайханой ту, что в махалле Теракзор — Тополиная роща. Там под сенью высоких, в три обхвата, серебристых тополей стоят семь или восемь сури — помостов, сколоченных из досок. Рядышком протекает арык. Вокруг всегда полито, чисто подметено. И тишина. Кто ни придет сюда, забывает, что живет в городе.

Тесть несколько раз водил туда Рахима и сам готовил плов. Плов у него получался отменный. Каждая рисинка — что жемчуг. Тьфу ты! Проклятый жемчуг не выходит из головы.

Тесть был дома. Он стоял на складной лестнице и обертывал бумагой кисти зреющего винограда — от птиц. Увидев зятя, осторожно спустился вниз.

— Добро пожаловать, сынок! Здоровы ли сваты?

— Здоровы. Передают привет... — механически отвечал Рахим, мучительно думая над тем, как приступить к тому, ради чего приехал. — А где же мать?

— За хлебом пошла. Сейчас придет. Ну, как там... в Ташкенте?

Рахим Саидов понял, что хочет услышать старик. После поминок он собрался было ехать в Ташкент — хотел зайти в милицию и узнать, не найден ли убийца его дочери. Рахим тогда отговорил его, пообещав, что сам зайдет

и обо всем узнает. Не хотелось ему, чтобы старик пережил все заново.

Рахим рассказал о своем сегодняшнем посещении милиции.

— Они интересовались знакомыми Мунис...

— Какими знакомыми? — спросил Убайдулла-ака.

— Которых я не знал, — проговорил Рахим, пряча глаза.

— У нее разве были такие?

— Наверное, были... Мне очень в это не хочется верить, отец, но это так. И в милиции хотят выяснить, у кого она была в тот день. Я рассказал все, что знал.

— А как же иначе, правильно сделали. Выпейте-ка чаю, не волнуйтесь. — Убайдулла-ака снял со стоящего на хантахте чайника стеганный колпак и налил в пиалу чаю.

Кажется, наступил удобный момент, чтобы начать главный разговор.

— Я приехал, чтобы вместе подумать, — ответил он.

— Ну...

— У Мунис обнаружили дорогие вещи. Очень дорогие. Перстни, серьги... Мне показали их. Я этих вещей прежде у нее не видел. Где она могла взять эти вещи? Может быть, ей мать подарила? И еще... дома я нашел вот это.

Рахим положил перед тестем нити жемчуга. Старик долго разглядывал ожерелье.

— Почему же вы у нее не спрашивали, где взяла?

— Спрашивал. Сказала, что это подделка и стоит копейки.

Убайдулла-ака нервно мямл бороду. Да, было над чем поразмыслить. Еще ребенком его дочь, бывало, своего не упустит. В этом она была копией матери. У матери она переняла страсть к тряпкам, украшениям.

Узнав, что дочь собирается замуж за ташкентца, Убайдулла-ака обрадовался. «Пусть поживет вдали от матери, самостоятельная жизнь пойдет ей на пользу», — решил он. Долго пришлось спорить с женой, убеждать. Наконец она сдалась.

Рахим ему сразу понравился. Он радовался за дочь — она была надежно пристроена. Но размышлял порой о том, что Мунис надо бы мужа властного, который смог бы крепко держать ее в узде.

Видя, какой заботой и вниманием Рахим окружил свою жену, старик еще больше полюбил своего зятя. Когда завязывался разговор о жизни, редко случалось, чтобы он не похвалил Рахима. А жене советовал: «Скажи дочери, та-

кие мужья на дороге не валяются. Деньги — это нужная вещь. Но на свете есть кое-что и подороже денег: честь, ум, культура. А знает ли дочка твоя о существовании таких понятий?..» — «Вай, как не совестно говорить такое о собственной дочери! — возмущалась жена. — Молодая, вот и хочется ей одеться. А того, о чем вы толкуете, тоже в моей доченьке предостаточно. Если сложить в мешок, завязать не сможете!»

Много слов — то же, что лишний груз для ишака. Убайдулла-ака не любил лишних слов. Знал: если жена разговорилась, трудно ее остановить. И умолкал. Появилась хозяйка. Как она изменилась! Рахим встал, пошел ей навстречу.

— Рахимджан, добро пожаловать, сынок!

Теща обняла его и, уткнувшись лицом в грудь, всхлинула.

— На какие черные дни я обречена! Хорошо, что вы приехали. Я словно доченьку увидела!.. Вай, доченька моя! В какую комнату ни зайду, голос ее слышу, веселый смех, сердце мое так и замирает. Может, это все неправда, а, Рахимджан?!

— Правда. К сожалению, это правда.

— А преступников-то еще не нашли, — вмешался Убайдулла-ака. — Сегодня Рахимджана вызывали...

— Что мне с того, что их найдут? Доченька-то моя все равно не воскреснет. — Мать снова заплакала.

Убайдулла-ака положил перед ней ожерелье.

Старушка вздрогнула и растерянно заморгала глазами.

— Чье это?

— Твоей дочери.

— Мунис? У нее не было жемчуга. Или, может, вы купили? — обернулась она к зятю.

— Сама...

— Он же стоит больших денег! Где она их взяла?

— А ты не давала? — спросил Убайдулла-ака.

— Вай, что вы! Откуда у меня такие деньги? А в чем дело? — забеспокоилась она, видя, как разволновался муж и еще больше понурился зять.

— Может, ты все-таки дала ей деньги? Одолжила у кого-нибудь?

— Пусть накажет меня аллах, если вру! За всю жизнь вас ни разу не обманула, стану ли на старости лет грех на душу брать?

Воцарилась неловкая тишина. Рахиму сейчас больше всего хотелось встать и уйти. Но не мог он оставить ста-

риков в таком состоянии. Он чувствовал вину перед этими несчастными стариками. Зачем? Зачем он приехал выяснять то, что, в сущности, теперь уже не имеет значения? Ведь они не знали ничего и ни в чем не повинны. Мунис все держала в тайне, никого не посвящала в свои дела.

— Извините, я не хотел...

— Вы не виноваты.— Убайдулла-ака покачал головой.— При чем тут вы?

— Я виноват, отец.— Рахим тяжело вздохнул.— Я очень виноват. Проглядел я Мунис.

Убайдулла-ака по-своему рассудил:

— Вы дали ей свободу, а она плохо ею воспользовалась. Сынок, не надо мучить себя. Вам тяжело, но мне во сто крат тяжелей. Я гордился, что у меня дочь красивая, образованная. Неделю назад лишился дочери, а сегодня лишился права гордиться.

Рахим удивился. Где этот старый человек находит мужество и добрые слова? Хотелось сказать ему в ответ что-нибудь доброе, чтобы утешить, да разве есть такие слова?

Рахим поднялся с места:

— Мне пора.

— Ох, что же это я, старая, и чаю не поставила? — засуетилась теща.

— Спасибо, мне не хочется. Надо успеть утром на работу.

— Я провожу, только как вы поедете? Рейсов-то сегодня на Ташкент уже не будет. Правда, в аэропорту обычно бывают такси.

— Поехали в аэропорт.

Действительно, долго ждать не пришлось.

Подкатило такси и, скрипнув тормозами, остановилось перед ними. Рахим открыл дверцу:

— В Ташкент поедем?

— Садитесь!

Уютный маленький Коканд погружался в темноту. Миновали несколько узких темных улиц и оказались на главном шоссе.

Рахим не заметил, как они миновали Пунган. Впереди сквозь фиолетовую темень проступали очертания гор. Когда Рахим ощутил обжигающий тело холод, понял, что они приближаются к перевалу. Рахим, поеживаясь, растирал руками плечи.

— На заднем сиденье пиджак,— сказал водитель.— Набросьте на себя.

Рахим послушался.

— Видно, очень спешите, что не захотели ждать утра? — полюбопытствовал водитель.

— Да. Срочно надо в Ташкент.

— Курите.— Он протянул пачку сигарет.— К часу ночи будем на месте.

Рахим хотел сказать, что не имеет значения, к какому часу они будут на месте, лишь бы успеть к началу рабочего дня,— дома его все равно никто не ждет. Но промолчал.

— Не проголодались? — спросил водитель, указав на чайхану.— Здесь и ночью можно поесть. Остановимся?

— Можно.

Оставив машину на обочине, зашли в чайхану.

Рахим занял место в углу. Чайханщик, проворный паренек, тотчас принес чай и кусковой сахар.

— Есть будете? — спросил он.

— Принеси два лагмана.

Шофер подошел, когда Рахим уже успел выпить пиалу крепкого зеленого чая. Приятное тепло разлилось по телу.

— Поедим и покатаем дальше. Доставлю вас прямо к порогу вашего дома.

Паренек-чайханщик принес две полные касы лагмана.

— Здесь хорошо готовят,— заметил шофер.— Ешьте... Я очень люблю лагман. Моя покойная жена здорово его готовила.

Рахим удивленно взглянул на шофера. Ему, верно, и сорока еще нет.

— Четыре месяца назад умерла. Пятерых детишек мне оставила. Трое, можно сказать, уже самостоятельные. Школьники. А двое еще совсем младенцы. Один в детский садик ходит, другой в ясли. Что вы задумались? Ешьте! На свете, знаете, нет никого выносливей человека. Думал, умру с горя. Но взял себя в руки. Живу вот, и дети растут. А что было бы, если бы я раскис?.. Ну, что же вы не едите?

— Сыт уже.

Шофер отодвинул от себя пустую касу.

— Тогда поехали.

Рахим проникся симпатией к этому человеку. Ему тоже хотелось рассказать о себе, о своих страданиях. Он потерял не только любимую жену. Он веру в нее потерял, а это не менее тяжелая утрата. Но Хафиз, верно, прав: не следует говорить плохо о тех, кто ушел из жизни.

Луч света неожиданно выхватил из темноты белую скульптуру льва.

— Остановитесь, пожалуйста!

Машина резко затормозила у края дороги. Рахим вышел. Здесь он впервые увидел Мунис. Он и сейчас видел ее такой, какой она была тогда. Ветер теребит на ней платье. Обернулась, ослепительно улыбаясь. Стройная, красивая.

Он провел по лицу рукой. Видение исчезло. Перед ним на постаменте каменный лев с отбитой передней лапой. А вокруг тихо. Моросит дождь.

Водитель посигналил.

Рахим зашагал к машине.

6

Капитан Алиев сличил фотографии, доставленные сержантом Карабаевым и лейтенантом Султановым. Оказалось, что человек, живущий в доме 16/44 в махалле «Самаркандские ворота», и старший товаровед магазина Анатолий Назарович Аллаяров — одно и то же лицо. Как выяснил лейтенант Султанов, он работает немногим более трех лет. В коллективе пользуется уважением. С его приходом магазин стал перевыполнять план. Сотрудники в один голос говорили, что Анатолий Назарович — общительный, деловой и очень дисциплинированный человек.

Сведения, собранные в махалле, где Аллаяров проживает, показали, что этот человек не должен вызывать подозрений. Четыре года назад поселился он в махалле «Самаркандские ворота». Откуда приехал, где до этого проживал — этого председатель махаллинской комиссии сказать не мог. Скромный человек махаллинский активист. Охотно участвует во всех мероприятиях. В прошлом году он для махаллинской чайханы раздобыл двадцать фарфоровых чайников и сотню пиал, которых сейчас днем с огнем не сыщешь. «И представляете? Ни копейки не взял!» — восхищался своим активистом председатель махаллинской комиссии. Рассказал, что с ним живет мать. Старенькая. Слепая, бедняжка. Сидит дома, никуда не ходит. Сам Тулаходжа попросил не беспокоить мать, когда ее однажды пригласили на той.

Вот как его на самом деле зовут — Тулаходжа.

Капитан Алиев показал фотографию Аллаярова дворничихе с Чорсу. Не он ли и есть тот человек с черным портфелем? Дворничиха долго разглядывала фотографию. И решительно сказала:

— Он! Узнала я его... Он. Ах, убийца!

— Ну, зачем вы так? Рано ругать человека, — заметил капитан. — Если мы вам устроим встречу, вы подтвердите, что видели тогда именно его?

— Конечно! Думаете, испугалась? Я и мужа своего, царство ему небесное, не боялась!

Капитан перебил ее:

— Завтра к одиннадцати пришло за вами машину.

— Вы на него думаете?

— Ничего еще не известно. Может, он просто ее знакомый.

Аллаяров явился в точно назначенное время.

— Проходите, гражданин Аллаяров, прошу вас! — пригласил капитан, указывая на кресло, стоявшее по другую сторону его стола.

— Благодарю.— Аллаяров сел. Голос его был низкий, спокойный.

— Вам известно, почему мы вас вызвали?

— Всю ночь ломал голову, товарищ капитан, но так и не взял в толк...

Аллаяров сделал попытку встать, но капитан жестом остановил его:

— Сидите, сидите. Вы курите? Прошу...— Алиев придвинул к нему портсигар.

— Спасибо, не курю.

— Мы вас пригласили по делу Мунис Саидовой,— сказал капитан, внимательно глядя на собеседника.— Вы с ней были знакомы.

— Мунис Саидова, говорите? Впервые слышу это имя. Кто она, могу я узнать?

— Разумеется. Одна из постоянных покупательниц вашего магазина. Вы лично помогали ей приобретать кое-какие вещи.

— Извините, не могу вспомнить.— Аллаяров сконфузился, улыбнулся.

— Неужели не помните? Такая красивая, приметная женщина.

— Наш магазин на людном месте. Столько покупателей перебивает в нем за день, товарищ капитан. Особенно женщин...

— Эту женщину не узнаете? — Капитан протянул Аллаярову фотографию.

— Такое впечатление, что я ее встречал.— Аллаяров внимательно рассматривал фотографию.— Пожалуй, видел. И наверное, в нашем магазине. Это Саидова?

— Да,— капитан взял у него фотографию.— Значит, видели, и скорее всего, говорите, в магазине?

— Да-да, скорее всего... Что-то случилось, товарищ капитан? Что-нибудь серьезное?

Капитан Алиев не ответил. Щелкнул зажигалкой, раскурил погасшую сигарету.

— Ах, женщины, женщины, всегда из-за них столько хлопот... — проговорил Аллаяров. — Сколько раз давал себе зарок быть глухим к их просьбам, но... характер слабый.

— Что просила у вас Саидова?

— Да сейчас уже и не припомню, товарищ капитан.

— Значит, вы с ней не были знакомы? Только где-то, скорее всего в магазине, видели? Так?

— Именно так, товарищ капитан. А в чем все-таки дело? — Аллаяров потянулся через стол, заговорщически взглянул на капитана. — Натворила что-то?

— Она убита.

— Что вы! Когда?

— В ночь на двадцать первое августа.

Аллаяров отвел глаза.

— Надо же! Молодая такая... — Он скорбно покачал головой. — И дети есть?

— Только муж.

— Ах, жаль беднягу... Убийцу не удалось разыскать, товарищ капитан? Ходят же по земле звери в облике людей! — Аллаяров слегка ударил по краю стола кулаком. — Ну разве тот, кто убил, станет дожидаться, пока его схватят? Давным-давно смылся куда-нибудь подальше.

— Может, и не смылся. — Капитан Алиев заметил его растерянность, даже испуг. Поигрывая зажигалкой, он спросил: — Что скажете?

Аллаяров снова овладел собой:

— Давно как-то мне рассказали историю. В доме одного человека пропали драгоценности жены. Он пошел и заявил об этом в милицию. Спустя месяц милиция разыскала вора. И кто же им оказался? — Аллаяров негромко хохотнул. — Он сам! На свете всякое бывает...

Капитан уловил тонкий намек. Надо отдать должное Аллаярову — хорошо держится.

— А где ваша «Победа»?

— Машина? — В глазах Аллаярова опять смятение. А голос ровный: — Она была очень старой, сдал в комиссионный магазин. Купил себе «Москвич». Тоже, правда, подержанный, но поновей.

— Какие газеты вы получаете?

— Извините, товарищ капитан, вы задаете какие-то странные вопросы... — Голос Аллаярова уже не был тихим и ровным. — Простите, на каком основании?

Капитан надавил на кнопку. Появилась секретарша.

— Пригласите Гавхар Шакирову, — распорядился капитан.

Вошла дворничиха с Чорсу.

— Товарищ Шакирова, этого человека вы где-нибудь видели?

— Да разве же я слепая?! Это тот мужчина, который пошел с Саидовой от остановки Чорсу в сторону Самаркандских ворот! Он тогда держал большой черный портфель...

— Не ошибаетесь?

— Память у меня, слава богу, не отшибло.

— И в какое время дня их видели?

— Вечером. Между восемь и девять вечера.

Капитан Алиев обратился к Аллаярову:

— У вас есть вопросы к этой женщине?

Аллаяров только слегка приподнял бровь, выражая этим, должно быть, удивление.

— Спасибо. Вы свободны.

— Что вы теперь скажете? — спросил капитан Алиев, когда та вышла.

— Ошибся, — покаянным голосом произнес Аллаяров. — Мне следовало сразу сказать правду. Поверьте, товарищ капитан, испугался я.

— Чего вы испугались?

— Сами понимаете, работа у нас тонкая — торговля... Знал я Мунис Саидову. Вернее, знал только ее имя. Мунис, Мунисхон. Она была очень милостивой женщиной. Любила наряды. Раз зашла ко мне с просьбой. Потом еще раз. Я помог ей приобрести кое-что.

— И бывала у вас дома?

— Да. Приходила раза два. Женщина эта права... Мне от вас скрывать нечего, я иногда беру в магазине что-нибудь дефицитное для знакомых. Они приходят за этими вещами ко мне домой. И Мунис была раза два... Ошибся я. Простите меня на этот раз, товарищ капитан, я больше этого никогда себе не позволю. У меня старая больная мать. Ради нее простите...

— Когда вы ее видели в последний раз?

— Дай бог памяти... Сейчас вспомню... Кажется, в начале августа.

— И что вы ей тогда дали? — спросил капитан, делая нажим на последнем слове.

— Голова, чтоб ей треснуть! Ничего в ней не держится. Извините, товарищ капитан, не помню. Если позволите, я завтра скажу, что она тогда купила. Какой позор, ох, какой позор! Вот и делай после этого кому-нибудь хорошее. Дурень я, дурень!..

— Возьмите себя в руки, гражданин Аллаяров! — резко сказал капитан. — Значит, не помните?

— Пусть покарает меня бог, если вру.

Капитан вынул из ящика стола коробочку с перстнем, положил перед ним.

— Может, теперь вспомните?

— Товарищ капитан, в нашем магазине продается только готовая одежда. Эту вещь я впервые вижу.

— Неужели?

— Поверьте, товарищ капитан, впервые вижу. Это нашли у Саидовой?

— Да.

— Вот тебе и на! Оказывается, она была не такой уж бедной! А передо мной всегда плакалась. Часто брала товар в долг...

— И вы давали?

— А что было делать? Как-то отказал, она пролила столько слез... Жалел я ее, товарищ капитан! — Аллаяров, прижав руки к груди, снова взмолился: — Виноват я, признаю свою ошибку. Черт попутал, товарищ капитан! У меня мать совсем больная, ничего не видит, пожалейте хотя бы ее!

Капитан Алиев, между прочим, это предвидел: Аллаяров признает в Саидовой только знакомую. Ну хорошо, их видели вместе. Если они были вместе даже в тот день, когда случилось несчастье, его еще нельзя обвинять в убийстве. То, что он продает товар из-под полы, к этому делу не имеет отношения. Этим займется ОБХСС. А сейчас... пока он его отпустит.

Капитан расхаживал по кабинету. Аллаяров внимательно следил за ним. Капитан остановился.

— Что же, ладно, — сказал он. — Вы свободны.

Аллаяров поспешил к двери. Но, что-то вспомнив, остановился:

— Товарищ капитан! Что подумают обо мне на работе?

— Если вы сами не расскажете, то ничего не подумают.

— Понял, товарищ капитан. Благодарю вас.

Аллаяров вышел, тихо прикрыл за собой дверь.

«Да-а, этот человек не так прост, каким хочет казаться, — подумал капитан. — А может, действительно не он?»

Алиев включил селектор.

— Лейтенант Султанов!

— Слушаю, товарищ капитан.

— Проследите, куда пойдет Аллаяров. Рузиев не появлялся?

— Нет, товарищ капитан.

— В таком случае вам еще одно поручение. Выясните, где был Аллаяров тринадцатого и четырнадцатого августа.

— Уже выяснено, товарищ капитан.

— Ну? — обрадовался Алиев.

— Тринадцатого и четырнадцатого августа Аллаярова на работе не было. Он ездил в Самарканд, товарищ капитан.

— Так-так-так... Почему не доложили сразу?

— Это выяснилось сию минуту. Его машина была задержана в Джизаке. Сообщили из автоинспекции.

— Нарушение?

— Превысил скорость.

— Благодарю. Выполняйте задание.

«Так-так-так, Аллаяров. Значит, он был в Самарканде. Следовательно, можно предположить, что перстень, который долго лежал на прилавке, куплен им. Затем подарен Саидовой. Такой дорогой подарок — за что?»

С бумагами в руках вошел в кабинет Рузиев:

— Разрешите доложить, товарищ капитан? Аллаяров родом из Ургенча. Тысяча девятьсот тридцать первого года рождения. В шестидесятом женился. Спустя два года с женой развелся. Работал буфетчиком в ресторане «Ургенч». В тысяча девятьсот шестьдесят третьем году приехал в Ташкент. Устроился работать водителем такси во втором таксопарке. Заочно учился в торговом техникуме. По окончании техникума работал продавцом. Поступил в Институт народного хозяйства, учился заочно. В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году устроился на должность товароведа. Год спустя он ездил по туристской путевке на теплоходе по Средиземноморью. В том же году он закончил институт и работал уже старшим товароведом. Под судом не был. Характеристики, данные ему при выезде за границу, безукоризненны. Находятся в его личном деле. Словом, товарищ капитан, Аллаяров чист, как кристалл.

— Как кристалл, говорите? — Алиев задумался.

— Так точно, товарищ капитан! — подтвердил Рузиев. — Если судить по личному делу...

— А сами вы как считаете?

Засветился глазок селектора.

— Слушаю, — сказал капитан.

— Товарищ капитан! — раздался голос Султанова. — Аллаяров пришел в магазин.

— Оставьте дежурного у его дома. Пусть даст знать, когда он вернется домой.

Капитан обернулся к Рузиеву:

— Товарищ Рузиев, займитесь вот чем. Надо выяснить, чем увлекалась Саидова последний год, чем более всего интересовалась — в свободное от работы время, разумеется.

— Это непросто...

— Но иного выхода нет! Знаете, о чем я сейчас думал: за что Аллаяров платил ей так дорого? Только ли за женские чары или за что-нибудь еще? Вы только вникните: если сложить ее зарплату и зарплату мужа, то и тогда невозможно будет окупить все эти драгоценности. Саидов утверждает, что не подозревал о существовании их у жены. Думаю, ему можно верить. Нам известно, что в день убийства он ушел на работу и с женой больше не виделся. Правильно?

— Да, товарищ капитан.

— А где была Саидова во второй половине дня? Об этом у нас никаких сведений нет. Аллаяров запирается. А может, и говорит правду — кто знает? Очень многое прояснится, если мы будем знать, где она чаще всего бывала, чем занималась, с кем виделась.

— На это потребуется несколько дней...

— Даю два дня. Подключите к этому делу весь аппарат. Если хотите, возьмите и Султанова.

— Ладно, — подумав, сказал Рузиев. — Как-нибудь справимся сами. Разрешите идти?

Капитан проводил старшего лейтенанта Рузиева до двери и, выглянув в приемную, позвал секретаршу:

— Мне нужны материалы Института биологии растений. В первую очередь, касающиеся последних научных исследований.

— Сейчас запрошу.

Возвратясь с обеда, капитан Алиев нашел на своем столе всевозможные брошюры по растениеводству, диаграммы, авторефераты. Усевшись поудобнее в кресло, полистал несколько работ. Ему было известно, что Научно-

исследовательский институт экспериментальной биологии растений — один из самых молодых в республике. Он также знал, правда поверхностно, об исследованиях, проводимых селекционерами и биохимиками этого института. Именно здесь был выведен новый вилтоустойчивый сорт хлопчатника, находившийся в стадии промышленного испытания. Сорт этот дает повышенный урожай. Успешно, знает Алиев, идут испытания препарата, который должен избавить растения от заболевания вилтом. И Рахим Саидов причастен к этой работе.

Среди брошюр Алиев разыскал материалы о хлопчатнике «Ташкент-1» и «Ташкент-2». О новом препарате, однако, в них не упоминалось. Впрочем, это и понятно. Эксперимент еще не завершен, и нет необходимости его разглашать.

Капитан отложил в сторону просмотренные брошюры, оставив один автореферат.

— Товарищ капитан! Аллаяров на своем «Москвиче» едет к старому городу. Сержант Карабаев следует за ним!

Капитан вздрогнул от неожиданности. Он не слышал, когда вошел лейтенант Султанов.

— Очень хорошо.

— Еще новость! — сказал Султанов. — Перстень четырнадцатого августа приобретен Аллаяровым. Продавец самаркандского магазина опознал его по фотографии.

— Это действительно стоящая новость! — устало улыбнулся капитан. — Спасибо, Анварджан! Чек получили?

— Он у меня.

— Сверьте отпечатки пальцев на чеке и вот на этой коробочке. Ее только что держал в руках Аллаяров. — Алиев протянул лейтенанту коробочку с перстнем. — Но, кроме перстня, мы располагаем еще одной уликой — вот этим обрывком газеты. Надо найти саму газету, тогда мы ухватимся, мне кажется, за конец веревочки.

— Товарищ капитан, вы полагаете, что преступник — Аллаяров? — спросил лейтенант.

— Рано еще что-либо утверждать.

Вспыхнул глазок селектора.

— Капитан Алиев слушает.

— Товарищ капитан, сержант Карабаев докладывает. «Москвич» свернул в сторону Самаркандских ворот. Жду распоряжений.

— Сейчас приеду, следуйте за ним. Если он подъедет к дому раньше меня, задержите на некоторое время. Вы меня поняли?

— Так точно, товарищ капитан!

Капитан Алиев оставил за себя лейтенанта Султанова и спешно уехал.

Приближаясь к Самаркандским воротам, Алиев увидел, что у въезда в узкую улочку собралось до десятка машин. Он вышел из машины и зашагал вдоль тротуара, чтобы узнать, в чем дело. Поперек улочки стоял красный «Москвич», а рядом, поставив ногу на колесо, долговязый сержант Карабаев записывал что-то в блокнот.

— Что здесь происходит? — сурово спросил капитан Алиев.

— Ездит без прав, товарищ капитан! — доложил сержант Карабаев.

Узнав капитана, Аллаяров выскочил из машины, кажется обрадованный тем, что встретил знакомого начальника.

— Товарищ капитан, права случайно остались в другом костюме. Я живу здесь, рядом. Говорю ему: давай принесу, а он не пускает.

— Товарищ сержант, простите его на этот раз.

Сержант понимающе кивнул, сказал Аллаярову:

— Больше не забывайте права!

Капитан Алиев отпустил сержанта и прошел дальше. У калитки с номером 16/44 остановился. Через минуту подъехал хозяин дома...

— Гостя примете? — весело спросил капитан.

— А как же! Прошу вас, прошу!

Аллаяров торопливо выскочил из машины, открыл ворота. Однако в его бегающем взгляде капитан подметил тревогу.

Двор был небольшой. Здесь росли всего две яблони и одна старая урючина. Под деревьями зеленела чахлая люцерна вперемежку с повиликой. Сразу заметно, что двор без хозяйских рук.

Дорожка, выложенная кирпичом, упиралась в ступени террасы.

— Прошу сюда. — Аллаяров жестом пригласил гостя пройти вперед.

Они поднялись на веранду. В углу ее на тонкой курпаче сидела сморщенная и почерневшая, как головешка, старушка. Капитан даже отступил, увидев ее. Она сидела не шевелясь, будто неживая.

— Мама, у нас гость, — сказал ей Аллаяров, проходя мимо.

Капитан поздоровался.

Старуха прошамкала что-то невнятное. Аллаяров горестно пояснил, что мать не видит. Он отпер дверь в комнату.

— Что с ней? — спросил капитан, когда Аллаяров плотно прикрыл за собой дверь.

— Э, лучше вам не спрашивать, а мне не говорить! От переживаний все. Извещение о гибели моего отца на фронте иссушило и сердце, и глаза матери.

Комната была уютной. Гостиный гарнитур, ковры, хрусталь и дорогой фарфор.

Аллаяров усадил капитана в кресло.

— Выпьем чаю или?.. У меня прекрасное марочное вино, холодное как лед!

Не успел капитан ответить, Аллаяров вышел из комнаты. Вскоре он возвратился с громадным арбузом и бутылкой болгарского вина. Достал из серванта поднос и рюмки.

— Добро пожаловать! Вы почетный гость в моем доме. Ваше здоровье! — сказал хозяин и опорожнил рюмку.

Капитан отпил глоток и поставил рюмку на журнальный столик, за которым они сидели. Его взгляд задержался на книжном шкафе. На полках Флобер, Мопассан, трехтомник Чехова.

— Вижу, любите читать?

— Кто не любит интересных книг... Недавно во второй раз прочитал «Минувшие дни» Кадыри. Вот это произведение!

— Да-а, мы все так загружены, что не успеваем следить за новинками. Иной день газеты некогда просмотреть. Вы, наверное, получаете журналы, газеты?

— А как же! «Гулистан», «Правду Востока», «Вечерний Ташкент»... «Вечерний Ташкент» обязательно читаю. Недавно печатали интересное произведение. Забыл, как называется. С продолжением. Восхищаюсь я нашими чекистами! Если пользоваться аллегорией, в темноте видят вещи, которые не толще конского волоса. Приезжают из-за границы всякие туристы. Думаете, к нам одни только друзья едут? Как бы не так. А вы читали это произведение?

— Начал было. Прочел одиннадцать глав. Потом вдруг перестали носить эту газету, а на почту сходить, выяснить почему, — некогда.

— Дальше еще интереснее. Если найдете время, непременно дочитайте.

— А у вас нет ли продолжения? — осторожно осведомился капитан, пригубив рюмку.

— Есть, есть! Я обычно ни одной газеты не выбрасываю.

— Если не жалко...

— Ну что вы! Сейчас.

Аллаяров открыл нижнюю дверцу секретера и вынул подшивку:

— Это за целый месяц. Августовские номера. Начало тоже вам дать?

— Нет, не надо, начало я читал, — сказал капитан.

— Я слышал, по этой повести собираются фильм снимать. Вы не в курсе, это правда? — спросил Аллаяров, листая подшивку.

— Не слышал. Позвольте, я сам.

— Пожалуйста, — Аллаяров положил подшивку на журнальный столик.

Капитан стал не спеша переворачивать страницы: «Странно, для чего он собирает газеты?»

— Вы аккуратный, ни одного номера не потеряли.

Капитан медленно листал подшивку «Вечернего Ташкента». Восемнадцатое августа, девятнадцатое. Сердце его билось учащенно, чуть подсказывало ему, что он приближается к разгадке. Медленно, медленно перевернул страницу за 20 августа. С надеждой взглянул на следующую, — как он и ожидал, верхний угол первой страницы был оторван.

Он не сомневался — именно отсюда оторван угол газеты, найденный в сумке Мунис Саидовой. Капитан перевел дыхание — вот она, столь необходимая расследованию улика!

— Да, интересное произведение. Можно будет и фильм снять, — проговорил Алиев, внимательно рассматривая Аллаярова. — Скажите, пожалуйста...

— Что? — с готовностью отозвался Аллаяров.

— Где вы были вечером двадцать первого августа?

— Двадцать первого? Вечером? Сейчас, сейчас... Был дома, товарищ капитан. Это что, снова допрос?

— С Саидовой. Не так ли?

— В тот день я ее не видел.

— Видели, не надо лгать, — капитан приставил оторванный клочок к газете. — Вот вам доказательство,

Аллаяров. Оторванный угол газеты найден в сумке Саидовой. В него была завернута коробочка с перстнем.

У Аллаярова дрожали руки. Он стал бледным как полотно.

— Что теперь скажете?

— Товарищ капитан,— проговорил Аллаяров глухим голосом, будто ему кто-то сдавил горло.— Товарищ капитан, я сказал вам неправду. Саидова была у меня. Спрашивала, не могу ли я ей кое-что достать. Потом показала этот перстень...

— Ну и...

— Только что купила, говорит, и попросила бумаги, чтобы завернуть. На столе как раз лежала газета, и я оторвал угол.

— При вашей-то любви к газетам? Аллаяров! На чеке остались отпечатки ваших пальцев. Перстень этот вы купили в Самарканде четырнадцатого августа.

Аллаяров съежился, будто над ним занесли топор.

— Рассказывайте, Аллаяров! Что вынуждало вас делать Саидовой дорогие подарки? Только правду.

Аллаяров кивнул. Тяжело вздохнул, закрыл обеими ладонями лицо и сидел так несколько минут. Капитан терпеливо ждал.

— Хорошо, хорошо, товарищ капитан. Только история эта длинная.

— Ничего, я не спешу.

— Я ее, знаете ли, любил. Просто без ума был от нее. Ни на работе успокоиться не мог, ни дома. Все время думал о ней, отсчитывал часы, оставшиеся до нашей встречи. Она была очень красива. О такой я мечтал! Я знал, что у нее есть муж. Но разве сердцу прикажешь? Первое время, правда, старался подавить чувство к ней — ничего из этого не вышло. Всякий раз, когда мы с ней виделись, рассудок мне говорил: «Парень, не лезь на рожон, ты же только недавно поднялся на ноги». А сердце не послушалось рассудка. Не знаю, к счастью моему или несчастью, оказалось, что Мунисхон любит модно одеваться. Души не чаяла в красивых нарядах! Как только на ком-нибудь увидит новинку, сразу бежит ко мне. А я, конечно, стараюсь... Однажды у подруги увидела английскую кофту. Пришла ко мне на работу. А к нам этот товар не поступил. Я обзвонил всех своих знакомых. Оказалось — одна единственная осталась в «Тахире и Зухре». Я посадил ее в машину, и мы помчались туда. Купили... Тогда, товарищ капитан, меня и попутал черт. Высказал я ей все, что до

сих пор в сердце носил. Пригласил в ресторан — не согласилась. Уже было поздно, и она спешила домой. А выходя из машины, пообещала, что завтра позвонит...

— Это было осенью прошлого года? — уточнил капитан.

Аллаяров изумленно поглядел на него:

— Вам... откуда это известно?

— Продолжайте.

Алиев закурил.

— Да, это было в прошлом году. Осенью... — Аллаяров опустил голову. — На второй день, часов в двенадцать, Мунис позвонила. Сказала, что вечерами она всегда занята и непременно должна быть дома. Если хотите, говорит, можем вместе пообедать. Я в тот же миг помчался за ней... Мы поехали в аэропортовский ресторан. Выпили немного. Потом... на обратном пути я повернул машину в сторону Бешагача. Она это заметила и спросила, куда мы едем. Я сказал, что у себя дома хочу ее угостить кофе. Я умею хорошо готовить кофе по-турецки... Хотите, сейчас для вас сварю? Вы же, кажется, не спешите?

— Спасибо, — ответил капитан. — Не беспокойтесь. Продолжайте.

— Она не возражала. Я привез ее сюда. В эту комнату... Товарищ капитан, дальше неинтересно... Словом, после этого она каждую неделю находила часок-другой, чтобы побывать у меня.

— Вы виделись днем?

— Главным образом. Только когда муж отсутствовал, она оставалась и на ночь... — Аллаяров поморгал. — Товарищ капитан, поверьте, у меня были самые благородные намерения, я собирался на ней жениться. Неоднократно предлагал ей уйти от мужа, выйти за меня замуж. Она только смеялась. «Вам разве этого мало?» — спрашивала она. По-моему, только из тщеславия она хотела, чтобы ее мужем был известный человек, ученый. Но я надеялся, что рано или поздно уговорю ее. Я ничего для нее не жалел. Покупал ей и жемчуга, и перстни, и серьги. Хотел ее убедить, что и я чего-то стою.

— Что еще покупали?

— Ничего больше. Пусть меня бог покарает, если вру!

— В котором часу она ушла от вас двадцать первого августа?

— Сейчас... — Аллаяров задумался. — После девяти, товарищ капитан. Да, конечно, было почти десять. По телевизору как раз показывали фильм. Я включил сразу же,

когда она ушла. Правду, видно, говорят, товарищ капитан, что несчастье путается у людей под ногами. Мог же я ее задержать. Мог отвезти на своей машине. Вот, товарищ капитан, жизнь какая штука — сегодня ты есть, а завтра тебя нет...

— Какой фильм вы смотрели в тот день?

— «Война и мир». Третья серия. «Андрей Болконский».

Капитан помолчал, думая с раздражением: «Выскальзывает из рук как рыба. Неужели связывала любовь? Непохоже. Но что же все-таки кроется за этим — дарить драгоценности, потом убить? Зачем? За что он убил ее? Чего-то испугался? Чего? Испугался, что об их связи узнает муж? Но муж в таком случае с жены спрашивает».

На веранде скрипнули половицы. Аллаяров, вскочив и пинком распахнув дверь, чуть не сшиб слепую старуху.

— Опять подслушиваешь?! — крикнул со злостью Аллаяров.

Старуха беззвучно пошевелила бесцветными губами, медленно повернулась и, держась рукой за стену, пошла прочь.

— Извините, — проговорил Аллаяров, усаживаясь на свое место. — Бедняжка целыми днями одна дома, даже поговорить не с кем, когда меня нет дома.

— Где стоит ваш телевизор?

— В той комнате. Поставил, чтобы мать если не видит, то хотя бы слушала.

— Значит, говорите, в десять начался фильм?

— Да, ровно в десять. Мунисхон ушла минуты за две до этого. Я не провожал, чтобы не пропустить эту серию...

— Тому, что Саидова ушла, верю. Если бы не ушла, не случилось бы того, что случилось.

— Вот именно, товарищ капитан! Я упрашивал ее посидеть, пока фильм кончится.

— Саидову убили между одиннадцатью и двенадцатью ночи.

— Эх! — вскричал Аллаяров. — Если бы я знал! А муж ее ничего не подозревает?

— О чем?

— Ну, о том, что мы...

— Имеет ли теперь это значение?

— Вы правы. Просто я бы не хотел, чтобы у него прибавилось переживаний.

— Вы очень благородны, — не без иронии отозвался капитан и подумал: «И все же, черт побери, мы не можем тебя арестовать».

— Во сколько Саидова пришла к вам? — Капитан поднялся.

— Часов в шесть, — ответил Аллаярров.

Когда капитан Алиев выходил во двор, старуха сидела на террасе на том же месте, замерев точно изваяние. Заслышав шаги, устремила на него невидящий взгляд.

Дорога от дома Аллаяррова до Чорсу заняла десять минут.

Капитан Алиев специально прошел этот путь пешком, хотя времени у него оставалось в обрез. Отыскав в кармане завалявшуюся двухкопеечную монету, позвонил по автомату лейтенанту Султанову:

— Анвар! Свяжитесь срочно с телестудией. Узнайте, что они давали двадцать первого августа с двадцати одного часа до двадцати четырех. Сверьте с объявленной программой.

— Есть, товарищ капитан!

Обстоятельства складывались теперь так. Мунис Саидова двадцать первого августа ушла из института в половине второго. В половине шестого она была на Чорсу. С шести до десяти находилась у Аллаяррова. «Почему же она засиделась так поздно, когда дома ее ждал муж?» — задал себе вопрос капитан Алиев. И не ответил. Ладно, в десять она ушла. Допустим. Через пятнадцать минут была уже на Чорсу. Ожидала трамвай. Появляется убийца, время — пятнадцать-двадцать минут одиннадцатого. Спор, ссора. О чем спорили и что вызвало ссору? Капитан Алиев мысленно нанес на бумагу еще одну пометку. Ссора их должна была длиться более часа. Разве стояла бы она столько времени с незнакомым человеком? В половине двенадцатого произошло несчастье. И никто не видел, никто не слышал. Странно. Очень странно. Центр города. Многолюдная площадь... А здесь ли совершено убийство? Может, ее сюда привезли уже мертвую? Тогда действительно никто не слышал ее крика.

Капитан заключил, что необходимо выяснить следующее: первое — где совершено убийство, второе — причину убийства. Не оставалось сомнения, что убийца — человек, знакомый Саидовой. У кого из знакомых может возникнуть повод убить ее? Этот вопрос снова возвратил капитана к мужу покойной. А что, если Рахим Саидов обо всем дознался? Ссора, возникшая в то утро между супругами,

вполне могла произойти не из-за какого-то там перстня, а из-за ревности. И в тот вечер он мог наконец выследить ее. В этом случае несчастье могло произойти и на Чорсу. Во всяком случае, и эту сторону дела нельзя упускать из виду.

В своем кабинете он застал лейтенанта Султанова, просматривающего программу телевидения за неделю.

— Ну и как? — спросил его капитан с порога.

— Выяснил, товарищ капитан! — ответил лейтенант, поднимаясь с места. — Пожалуйста! В двадцать один час показывали тележурнал «Хозяева грядущего». Передача началась вовремя, но закончилась на пять минут позже запланированного. Затем — телевизионные новости. И без двух минут десять началась трансляция из Москвы. Интервидение передавало соревнования на первенство мира по классической борьбе из Софии.

— Что? — изумился капитан.

— На первенство мира по классической борьбе, — повторил лейтенант Султанов.

— А по программе?

— По программе был объявлен кинофильм «Война и мир». Третья серия, «Андрей Болконский». Фильм начался с опозданием — в двадцать два часа сорок четыре минуты.

— Лейтенант!

— Слушаю, товарищ капитан?

— Преступник найден!

— И кто же он, товарищ капитан?

— Аллаяров!

— Смотри-ка... — все еще с недоверием смотрел лейтенант Султанов на капитана. — А я, грешным делом, думал на Саидова...

— И я немного подозревал его.

— Прикажете арестовать?

— Не спешите, лейтенант. Подготовьте ордер на обыск в его доме. На завтра.

— Есть.

— Обыск произведем вместе. Доведите до сведения своей группы, пусть не сводят с него глаз. А сейчас я ухожу домой. Устал.

— Всего хорошего, товарищ капитан.

Капитан Алиев вышел на улицу. Жара уже спала, веял легкий ветерок.

— Куда поедет? — спросил шофер, едва капитан сел в машину.

— Домой.

Шофер с удивлением обернулся.

— Что так смотрите? — пряча улыбку, спросил капитан.

— Я не ослышался, Сабир-ака? Вот ваша жена обрадуется.

— Вы правы, давно я так рано не приезжал домой. Поужинаю сегодня с семьей.

— Я тоже, — сказал шофер.

И оба весело рассмеялись.

7

Отец и сын сидели рядом на супе и молчали. Рахима-апа принесла свежезаваренный чай.

— Мало мне было одного горя! — причитала она. — Еще и это прибавилось. Сердце кровью обливается. Ночью глаз сомкнуть не могла.

— Довольно, мать! — сказал Саид-ака. — Неси лучше завтрак, что там приготовила?

Вчера прибежала к родителям Мухаббат, обеспокоенная тем, что брат не ночевал дома. Отец велел ей передать сыну, чтобы он, как появится, пришел к ним. Рахим чуть свет и явился в родительский дом.

— Как поживают наши сваты? — спрашивал Саид-ака.

— Ничего.

Несколько минут длилось молчание. Саид-ака маленькими глотками отпивал из пиалы чай. Ему хотелось знать, что заставило сына так срочно отправиться в Коканд. Но ничего не спросил — он никогда не вмешивался во взаимоотношения сына с родителями жены. Бывало, в праздники Рахимджан уезжал с женой в Коканд. Ну, тогда понятно, тогда невестка была жива. А теперь? За одну неделю ездил туда дважды. Что-то случилось у сына. Похудел парень. Как лимон пожелтел. Конечно, такое горе кого угодно согнет в дугу. Только почему он отводит взгляд, будто отцу в глаза смотреть боится?

Но Саид-ака решил ни о чем сына не спрашивать. Если сочтет нужным, сам откроется.

— Мунис... отец, оставила мне солидное наследство...

— Какое наследство? — не понял отец.

— Золото, жемчуг... Вот. — Рахим Саидов вынул из кармана ожерелье и положил перед отцом.

Он не собирался рассказывать им правды. Хотел придумать другую причину. Но, представ перед отцом, отка-

зался от своего намерения — отцу он не мог врать. Незачем, собственно, скрывать. Родители жены знают, товарищи знают, милиция знает. Рано или поздно дойдет до отца. Решив так, он переборол стыд.

Саид-ака не притронулся к жемчугу.

— Он принадлежал Мунис. Я не покупал.

— Значит, у нее водились деньги?

— Откуда! Даже на трамвай у меня клянчила.

— Клянчила? — удивился Саид-ака. — Разве вы не держали деньги вместе?

— Свою зарплату я почти целиком отдавал ей. Себе оставлял десятку и всегда говорил ей об этом. А ее зарплату я никогда не видел и не интересовался ею.

— В таком случае она могла и сама купить.

— А вам известно, сколько это стоит? Тысячу рублей! И в милиции лежат ценности на такую же сумму.

— Какие ценности? — насторожился старик.

— Серьги, перстни! Моей зарплату, если за год собирать, и то не хватит.

— Ты хочешь сказать... у твоей жены кто-то был?

Старик не щадил самолюбия сына. Рахим сделался пунцовым.

— Ездил в Коканд, чтобы узнать...

Саид-ака несколько минут безмолвствовал, устремив острый взгляд на мерцающий перед ним клубок жемчуга.

— Ты плохо поступил, сынок. Зачем ездил к сватам? У них и так горя хватает! Разве нельзя было с нами посоветоваться?

Рахим оправдывался. Он поехал, чтобы узнать, не дарили ли ей родители эти драгоценности. Но Саид-ака возразил: все равно это нехорошо. Рахим сейчас понимал — отец прав. Он не должен был травмировать стариков. Разве они велели дочери ступить на стезю позора? Как ни верти, а виноват он один, Рахим Саидов. Его передернуло от неприязни к самому себе.

Мать на большом глиняном блюде принесла плов.

— Вчера мы с отцом и глотка чаю не могли сделать. Хороший сын так не поступает. Мог бы сестре сказать, где останешься... — Вдруг она увидела жемчуг: — Что это?

— Добро твоей невестки, — буркнул Саид-ака.

— Это же жемчуг.

Рахима-апа опустила блюдо на хантахту и взяла ожерелье в ладони.

— Я ни разу не видела на ней его. Недавно купил?

Рахим взглянул на отца. Тот еле приметно кивнул.

— Да, — ответил Рахим.

— Не судьба была бедняжке его носить. А красивый-то какой... — запричитала мать.

— Ну-ка, Рахим, принимайся за еду, остынет, — сказал отец, сменив разговор. — Со вчерашнего дня небось голодный? Бери, бери, сынок.

Рахим был благодарен отцу. Он потянулся за пловом. Впервые за последние дни он почувствовал голод и стал есть с аппетитом. Ему нравилось, как готовила мать. Она была отличной стряпухой. Каждое ее блюдо имело свой неповторимый вкус. Когда Рахим поел, отец спросил:

— Сейчас на работу? Пойдем вместе.

— А вы куда? — удивилась Рахима-апа, увидев, что и Саид-ака поднялся.

— Схожу-ка на свой комбинат...

— Про путевку узнайте, — наставляла Рахима-апа.

Саид-ака у калитки, пропуская сына вперед, спросил:

— Что думаешь делать, сынок?

Рахим пожал плечами.

— Работать надо, сынок, за работой человек забывается. А того... преступника... его и без тебя разыщут. Ты меня понял?

— Понял, отец.

Он радовался тому, что отец рядом и что говорит с ним ласково. Хорошо, что они есть у него, мать и отец. Около них становится легче на сердце.

Рахим поехал на работу немного успокоенный. В воротах института встретил директорскую машину.

Сулейман-ака открыл дверцу:

— Вызывают в ЦК. — Лицо его было строгое. — Препаратом интересуются.

— И что вы скажете?

— Что скажу? Скажу, что через неделю будет готов.

— Недели хватит, — сказал Рахим Саидов, подумав.

— Ну, вот и хорошо. Прощу, Рахимджан, ты, пожалуйста, лично проследи. — Сулейман-ака с доброй улыбкой похлопал Рахима по руке. — Тебе лучше находиться в институте, в своем коллективе. Ну ладно, я поехал.

На проверку воздействия препарата на вилт в тепличных и естественных условиях ушло более года. Эксперименты все еще не закончились. Но уже вступили в завершающую стадию. Несчастье выбило Рахима из колеи. Хорошо, что есть Хафиз — золотые у него руки! Рахим Саидов последние испытания и лабораторные опыты переложил на него. И вот — результаты. Кажется, обнадежива-

ющие. Не случись беды, Рахиму, может, уже удалось бы завершить работу.

Едва он открыл дверь лаборатории, навстречу бросился Хафиз:

— Так скоро вернулся? Мог бы погостить в Коканде еще пару дней.

Рахим в первый раз за эти дни улыбнулся:

— Истосковался по работе.

— Могу обрадовать, нам выделили отдельный цех,— сообщил Хафиз.

— За неделю управимся?

— Если ты подключишься.

— Считай, уже подключился,— в тон другу ответил Рахим.

— А знаешь, как мы назвали препарат? «И-109-С». «И» — институт, «109» — номер изготовленного институтом препарата. Что такое «С», как думаешь?

— Что такое «С»? — переспросил Рахим.

— Саидов,— сказал Хафиз, не без гордости взглянув на друга. — Сулейман-ака сам предложил. Звучит?

Рахим смутился. Роль его в создании препарата, конечно, была немалая. Но работал-то весь коллектив. И сам Сулейман-ака сколько сил вложил в это дело!

— Нужно придумать название, в котором отразилось бы лицо всего нашего коллектива.

— «И-109» и есть лицо нашего коллектива,— сказал Хафиз.— Знаешь, и у скромности тоже должны быть границы.

Конечно, Рахим Саидов был рад.

Столько было им вложено в эту работу — веры и сомнений, успеха и неудач, времени своего и своих друзей. Никогда не угадаешь, что ждет тебя через пять минут. Еще вчера, когда он мчался в Коканд, жизнь казалась конечной. Сегодня жизнь продолжается. Все горести и обиды — пройдет время — исчезнут совсем. Так оно и должно быть. Иначе жить стало бы невозможно. Нужно только приложить максимум усилий, чтобы его всецело поглотила работа, и тогда он вновь попадет в объятия жизни, полной добра и надежд.

Хафиз расценил по-своему задумчивость друга.

— Ну а как твои личные дела? Все выяснил? — спросил он.

Рахим вздрогнул. Помедлив, ответил:

— А-а... Ничего хорошего.

Он вспомнил про лежавший в кармане жемчуг. «Зачем я ношу его с собой? Следовало бы оставить дома», — подумал он. И опять его чувства раздвоились. Он вышел из лаборатории и направился в свой кабинет. Сел в кресло, закрыл глаза. Заставил себя успокоиться, придвинул кресло к столу, заваленному схемами, таблицами, справками, которые он должен был просмотреть. Он так увлекся, что забыл про обед.

После перерыва зашел Хафиз.

— Рахим, дружище, — сказал он, с сочувствием глядя на приятеля. — Ступай прогуляйся по улице. Паровоз и тот постепенно набирает скорость, а ты хочешь сразу... Иди-иди. Вечером зайду за тобой. Давненько ты не был у меня в гостях. Закажем Вазире что-нибудь вкусненькое. Ашот приехал из Еревана. Отличный парень, веселый такой, на гитаре играет, поет. Посидим вместе, потолкуем. Ну как, договорились?

Рахим устало кивнул.

Саидов шел по улице и чувствовал, как этот проклятый жемчуг оттягивает карман. Он подошел к остановке. Но не сел в подкативший трамвай. Второй тоже пропустил. Решил идти пешком. Рабочий день еще не кончился, и на улицах было не очень людно. Только шумной лавиной неслись по дороге машины. Он долго стоял у одного из перекрестков и, наконец, как бы решившись, шагнул к переходу. Едва его не задев, заскрежетала тормозами машина. Водитель высунулся из кабины, крепко выругался.

Рахим Саидов дождался зеленого света. Надо же, чуть под машину не угодил. Рассеянный стал. Этот случай ему напомнил другой, происшедший недавно. Тогда он испугался куда больше, чем сейчас...

Они, кажется, были на свадьбе. Хотя нет, они возвращались от Фариды. Подруга Мунис отмечала день рождения одного из своих детей. Засиделись допоздна. Рахим был не в духе, но старался скрыть это от жены. Веселая компания, магнитофонные записи не улучшили его настроения, а наоборот...

Несколько дней назад они с Мунис повздорили. Жена уложила в чемодан вещи и отправилась в Коканд. Спустя неделю Рахим поехал следом и уговорил ее вернуться. Они помирились. Но неприятный осадок в сердце Рахима остался. И, видя добрые взаимоотношения Фариды и ее мужа, он им по-хорошему позавидовал. И совсем погруз-

нел. А Мунисхон шутила, весело смеялась, была радостной...

На мужа Мунис в тот вечер не обращала внимания. Когда Фарида стала подавать на стол, она пошла на кухню, помогать хозяйке, но тотчас вернулась — видно, подруга спросила, почему Рахим не в настроении, — и, склонившись к мужу, прошептала:

— Что ты такой угрюмый сегодня?

Рахим гневно взглянул на жену, но сдержался, не сказал ни слова. Не хватало еще у людей скандалить...

И еще припомнил Рахим.

Мухаббат, сестра Рахима, тоже любила принарядиться. Однажды она попросила у Мунис ее черную шерстяную юбку. Мунис не только дала ей юбку, но и ушила, подогнала ее Мухаббат по фигуре. Узнав, что Мухаббат собирается пойти на студенческий вечер, Мунис предложила ей надеть свои черные лаковые туфли. Мухаббат расцеловала Мунис и радостная выбежала из дому.

На второй день, возвратившись с работы, Рахим застал жену уныло сидящую перед трюмо. На ней была та самая черная юбка.

— Что случилось? — спросил Рахим.

Мунис не ответила.

— Ты здорова? — встревожился он.

И Мунис заговорила:

— Вы только о здоровье печетесь, на все остальное вам наплевать!

— Здоровье — наиглавнейшее в жизни, — попытался он отшутиться.

— Ваша сестра испортила мне юбку. Чтоб ей пусто было! Я еще не видела своих туфель. Бог весть, в каком они виде!

— И из-за этого ты расстроилась? — засмеялся Рахим, хотя грубый выпад в адрес сестры его задел.

— А как же не расстраиваться? — вспыхнула Мунисхон. — За целый год едва-едва одно платье могу купить. Ваш заработок целиком уплывает к вашим родителям. Вчера пришла мать и снова одолжила денег! — кричала она.

— Всего десятку взяла, не хватило денег на базар. Не ехать же из-за десятки домой. А когда мы еще им давали деньги?

— Бросьте, думаете, я слепая, ничего не понимаю? Всегда втайне от меня вы отдаете им деньги!

— Ты же знаешь, сколько я получаю! — стал раздражаться и Рахим. — Все до копейки отдаю тебе. Зачем же лгать!

— Вот как! Я, значит, лгунья. А ваша сестра, которая взяла мои любимые туфли на один день и не несет, она говорит одну правду! А мать — та прямо настоящая святоша! Только я одна плохая. Лучше бы мне умереть, чем стать вашей женой!

В такие минуты Мунисхон уже нельзя было ни остановить, ни успокоить. Правду она путала с неправдой, добрые слова с обидными. Рахим пытался защитить сестру и мать. Она, стараясь его перекричать, стала ругать их, как только умела. Затем наступила развязка, ибо у всякой ссоры бывает конец. Мунисхон побросала в чемодан вещи и отправилась в Коканд, в той самой черной юбке.

Вот что припомнил Рахим, находясь в гостях у Фариды. Домой возвращались поздно. Всю дорогу Мунис отчитывала мужа:

— Вы заставили меня краснеть! Неужели хоть в гостях нельзя вести себя по-человечески! Развесили губы, ни с кем ни слова...

— Я весь вечер думал о своей женушке, какая она у меня прекрасная! — ответил в тон ей Рахим.

— У-ух, скорпион! — процедила Мунис сквозь зубы и побежала через дорогу.

Ни Мунис, ни Рахим не заметили машину. В этот поздний час они обычно мчатся на предельной скорости. Машина резко развернулась, заскрежетала тормозами и, едва не опрокинувшись, остановилась, задев крылом руку Мунис.

— Надо смотреть по сторонам, апа! — крикнул шофер.

Рахим подбежал к жене, обнял ее, нервно глядя плечи, голову, руки:

— Не больно?

— Нет, — с трудом выговорила Мунис, прижавшись лбом к его груди. — Чуть сердце не выскочило от страха. — И улыбнулась, глядя в глаза мужу.

— Это тебе наука. Не будешь понапрасну кипятить-ся, — сказал Рахим и, тоже улыбнувшись, прижал к губам ее теплую ладонь.

Улица вывела Рахима к скверу Революции. Он любил этот сквер, большой, тенистый. Еще в былые годы, будучи студентом, бродил он по этим аллеям, посыпанным крас-

новатым песком, над которыми простирают гигантские кроны старые чинары. Подолгу сидел на скамье, строя планы на будущее, или следил за полетом падающих звезд. Ему кто-то говорил: когда падает звезда, то умирает человек. Одни звезды сгорали ярко, ослепительно, и путь их светился еще несколько секунд. Другие вспыхивали еле заметно и тут же гасли.

Вот здесь он однажды обнял Мунис и целовал ее мерцающие в темноте глаза, горячие податливые губы... Они встречались в этом тенистом уголке. Он приходил много раньше срока и ждал ее. Однажды она задержалась. Он прождал ее час. Огорченный, обеспокоенный, он решил поехать к ней в общежитие. И в это время в конце аллеи показалась Мунис. Обняв ее, он почувствовал, как сильно бьется ее сердце. Она с трудом переводила дыхание.

— Я так спешила... — еле выговорила она, прижимаясь лицом к его груди. — Уже вышла из общежития, а навстречу — отец! Устроила его в гостинице, и сразу — к вам. Спасибо, что дождались, — и она нежно погладила кончиками пальцев его брови.

Да, она была прекрасным человеком тогда. Ласковая, нежная, внимательная. Любящая. Она очень любила Рахима. В тот вечер она была в белых туфлях и в легком платье без рукавов. Волосы были гладко зачесаны, а сзади закручена в узел толстая тяжелая коса...

Странно, почему люди после женитьбы часто меняются, становятся другими? В чем причина? Сам он, конечно, остался прежним. Только возмужал, стал серьезнее. Да и забот прибавилось. А Мунис будто подменили. Кто знает, может, она и раньше была такой, да только он, Рахим, влюбленный в нее по уши, ничего не замечал?

Рахим обошел сквер, облюбовал одну из скамеек, сел. Здесь было тихо и прохладно. Он закурил и откинулся на спинку скамьи, раскинув руки. Поодаль, за площадкой, где возвышался памятник Карлу Марксу, промелькнуло знакомое лицо. Он всмотрелся. Это была девушка-официантка, составившая ему однажды компанию. Ему захотелось опять зайти в кафе. Он встал, но тут же раздумал. О чем он будет разговаривать с этой молоденькой девушкой?

К памятнику вышла высокая женщина. Приезжая — понял он. Женщина с интересом разглядывала памятник. У нее светлые волосы, коротко острижены. Через плечо висит пухлая коричневая сумка. Короткое, плотно облегающее ее стройную фигуру зеленое платье подчеркивало

белизну ее незагорелых ног. Наверное, откуда-то с севера, где солнце скупо. Рахим смотрел, бессознательно любуясь ею. Женщина вышла на аллею, она шла прямо на него. Она кого-то ему напоминала. Кто же она? Женщина почувствовала его взгляд и обернулась. Посмотрела, слегка щурясь, и вдруг вскрикнула:

— Рахим!

— Света! — вскочил с места Саидов.

— Рахим, дорогой! — ринулась к нему женщина.

— Света! Неужели ты?

— Я, Рахим, я! Здравствуй! Как я рада!..

— Садись.

Рахим усадил ее на скамью, сел рядом.

— Я не думала, что когда-нибудь встречу тебя.

— Ты давно в Ташкенте? Что тут делаешь?

— Третий день как приехала. Сегодня решила осмотреть город... Ташкент очень изменился.

— Да, трудно узнать. А как ты живешь? Как папа, брат? — Рахим не сводил с нее глаз и не скрывал, что любит ее.

— Папа вышел на пенсию. Мы теперь живем в Москве. И у Володи все хорошо устроилось. Только он далеко от нас.

— Где же?

— Он геофизик. И занесло его в Антарктиду.

— Ого! Это действительно далеко!

— Скоро уже приедет... Рахим, Рахим! Мы тебя так часто вспоминаем. Как ты живешь?

— Спасибо, ничего... — Рахиму не хотелось рассказывать ей о том, что произошло. — Володя женился?

— Да, у него уже двое детей.

— А ты? Ты не замужем?

— Я замужем... — Светлана сказала это легко, но опустила глаза, и легкий румянец выступил на ее щеках. — Муж... Саша, летчик. Он тоже в Ташкенте. Его командировали, и я увязалась за ним. Меня все время тянет в Ташкент, в город юности...

— Это хорошо.

— Я упросила Сашу остановиться не в гостинице, а у кого-нибудь на той улице, где мы жили... Слышала, Рахим, что тебе пришлось перенести большое горе.

— Да, — вздохнул Саидов.

— Любил ее?

— Да. Очень.

Рахим не кривил душой. Он действительно любил Мунис. Жизнь без нее для него с самого начала была бы бессмысленной, бесцветной. Он сказал Свете правду и вдруг почувствовал, что на душе полегчало. Мысли прояснились. Нет, ничто не омрачит память о Мунис, он сейчас это понял. Он любит Мунис. И будет помнить все самое лучшее, что связано с ней. Все остальное перечеркнет, выбросит из наболевшего сердца. И, чтобы пришедшая в эту секунду мысль утвердилась, он добавил:

— Она была очень славной... моя Мунис.

— Слышала. Твои соседи рассказывали мне, как она по вечерам выходила за калитку и ждала тебя. Бежала навстречу, увидев тебя вдалеке.

Было ли это? Рахим силился вспомнить. Было. Они тогда жили в старом доме. И в самом деле, он, выходя из трамвая, видел Мунис у калитки. Она взмахнет приветливо рукой и бежит навстречу. Берет под руку и трется щекой о его плечо. Так они вместе шли к дому. Она старалась шагать с ним в ногу и весело смеялась, когда ей это не удавалось.

— Ты ждешь кого-нибудь здесь? — спросила Света, нарушив течение его мыслей.

— Отдыхаю, — улыбнулся Рахим.

— Молодой ученый весь в творческих поисках...

— Может, и не совсем в творческих, но ты угадала — в поисках... Света, ты с мужем... Как, ты сказала, его зовут?

— Саша.

— Ты с ним приходи к нам. Сейчас напишу адрес.

— Ты тоже запиши мой, — сказала Света и легонько вздохнула. — Хотя бесполезно давать тебе адрес.

— Почему же? — спросил Рахим, уловив в ее интонации упрек за его давнюю-давнюю вину, когда не ответил на ее письмо.

— Все равно ты поленишься написать, — сказала Света. — Ты получил тогда мою фотографию?

— Да, конечно. Ты была такая красивая...

— А сейчас? — улыбнулась Света. — Уже не красивая?

— Сейчас ты и вовсе расцвела.

Она рассмеялась.

— А все-таки почему ты тогда мне не ответил? Я очень ждала.

Рахима смутил ее прямой вопрос. Он опустил голову:

— Я долго берег твою фотографию.

— А потом твоя жена порвала ее. Не правда ли?

Рахим поспешил переменить тему разговора.

— Вы придете? — спросил он.

Света испытующе посмотрела на него.

— Когда-нибудь в другой раз, — сказала она. — Саша часто летает сюда... Ну, я пойду. — Света поднялась.

— Спешешь?

— Мы условились встретиться с Сашей. Если хочешь, идем, познакомлю вас.

— В другой раз. Передай привет.

— Спасибо. Прощай. Не грусти, Рахим... И... не забывай, хорошо?

— Прощай, — сказал он, чуть-чуть задержав ее ладонь в своей.

Он все стоял и смотрел вслед Светлане, пока она не потерялась в толпе. Увидел у себя в руке авторучку. За чем-то он ее вынул? Ах да, они же хотели обменяться адресами. Кляня себя, он помчался в ту сторону, куда ушла Света. Но ее уже нигде не было.

Через полчаса Рахим вошел в магазин «Гюльчехра». За прилавком стояла девушка. Заметив, что он кого-то ищет, заинтересовалась — кого.

— Анатолия Назаровича, — решительно сказал Рахим и почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Его сейчас нет.

— А будет сегодня?

— Нет. Он бывает в первой половине дня.

Рахим растерялся. Не знал, что предпринять. Наконец догадался спросить адрес.

«Надо пойти, — решил он. — Пойти и вернуть ему». Этим он намеревался положить конец всему дурному, что порочило имя Мунис. Он верил, что тогда в его сердце останется лишь та Мунис, которую он любил.

Только надо сперва забежать домой. Может, еще что-нибудь завалилось чужое. Он соберет все, избавится от всего постыдного сразу. Сегодня же. Этот Анатолий... «А вдруг не он, не Анатолий Назарович? — обожгла мысль. — Вдруг кто-то другой?» Впрочем, это неважно: этот или другой, похожий на него. Важно отделаться от этих дорогих вещей.

Мухаббат дома не оказалось, чему Рахим обрадовался. Он распахнул дверцы шкафа. Все вещи были аккуратно сложены. Сестренка постаралась. Но придется опять все перевероршить. Он переложил вещи на кровать. Выдвинул все ящики, проверил их содержимое. Но ничего больше не

находилось. Перебрал всякую мелочь в ящичках трюмо, и там ничего нового не оказалось.

Закрывая шкаф, он оглянулся. Ему показалось, что позади него стоит Мунис и смотрится в трюмо. Но нет. Никогда не будет больше Мунис глядеться в зеркало. И не будет никогда больше ссор, не будет жарких поцелуев. Теперь он будет один входить в опустевший дом. С годами он будет стареть, а она навечно останется молодой, такой, какой он ее помнит.

Рахим, тяжело ступая, направился к выходу.

Спешить ему было незачем, он решил отправиться пешком. По пути можно будет еще о многом подумать. Проходя мимо Театра эстрады, он свернул на аллею Поэтов, сел на скамью. Здесь на высоких постаментах стояли бюсты великих русских и узбекских поэтов. Рахиму вспомнились стихи, ставшие теперь уже песней:

Можно ли розу оценить,
Шипами не исколовшую тебя?
Можно ли деву полюбить,
Ожиданьем не томившую тебя?

Кажется, это Навои.

На площадь Чорсу выходят три улицы. Та, что посредине, — Самаркандские ворота. Рахим обогнул площадь и вошел в эту узкую улочку. Он был совершенно спокоен. Ему самому это показалось немного странным, но он не мог бы объяснить, что именно его успокоило. Он не был рассеянным, как утром, мысли не путались, голова была ясной.

Вскоре по правой стороне улицы он увидел голубые ворота, о которых ему толковала продавщица в магазине. И на них нужный номер. Рахим шагнул к калитке и надавил кнопку звонка. Никто не отозвался. Постоял минуту и опять позвонил. Из глубины двора донесся недовольный мужской голос: «Сейчас!»

Калитка отворилась, и перед Рахимом предстал горбоносый мужчина в сетчатой майке, в наброшенном на плечи халате. Под майкой чернели густые волосы. Взгляд был настороженный, бегающий. «Смахивает на индюка. Мунис была права», — подумал Рахим.

— Входите, — не очень гостеприимно пригласил хозяин.

— Я Саидов, — представился Рахим. — Муж Мунисхон.

И заметил, что Аллаярлов побледнел. Взгляд его сделался жестким, даже хищным, но он тут же посторонился и пропустил незваного гостя.

— Заочно мы знакомы, кажется, — сказал Рахим.

— Да... слышал о вас.

Рахим стоял, рассматривая человека, которого ненавидел, которого будет ненавидеть всю жизнь. «Ударить? Или плюнуть?» — размышлял он. Но не сделал ни того, ни другого. А вытащил из кармана полную пригоршню жемчуга и сунул Аллаярову в руки:

— Берите, еще может понадобится. Остальное милиция вернет.

Аллаярлов залепетал что-то, но Рахим не расслышал. Он скорым, размашистым шагом удалялся прочь.

Вот и все. До чего же просто! И грязные вещи, и грязные мысли он оставил хозяину голубых ворот.

Он вышел к Чорсу. Постоял, раздумывая, куда пойти. Решил отправиться домой — Мухаббат небось ждет его, беспокоится. Чего доброго, помчится опять к родителям, переполошит их.

К остановке подходил трамвай. Он бросился через улицу, чтобы успеть на него. Слева что-то заскрежетало. Он ощутил сильный толчок в плечо, и... сразу ничего не стало. Все вокруг потемнело.

8

Алиев спал на кушетке у раскрытого окна. Его разбудил какой-то странный шелестящий шум. Он приподнялся на локте, в лицо повеяло влажной прохладой. Листья вьющегося по жердочкам винограда трепетали, как крылья разом взметнувшейся голубиной стаи. Через несколько секунд часто-часто забарабанило по железной крыше.

— Что это? — недоуменно спросил Алиев.

Санобар, спавшая лицом к стене, потянулась, сказала недовольно:

— Я в милиции не работаю, — и, подложив под щеку ладони, смешно почмокала губами.

Алиев промолчал. Скажи только слово — до утра не перестанет пилить. С тех пор как он отложил свой отпуск, ни одного доброго слова от нее не слышал. Что поделаешь, на работе начальник он, а дома — жена. Вот и приходится быть тише воды ниже травы.

Из водосточной трубы полилась вода.

— Дождь! — сказал Алиев. — Хорошо, что во дворе не легли спать.

— Что? — Санобар приподняла голову, сiallyсь разомкнуть веки.

— Дождь идет.

— Ой! — спохватилась Санобар. — У меня же белье развешано! От летнего дождя пятна аж до зимы не отходят! Не могли раньше разбудить? Случись что-нибудь в вашей милиции, не разлеживались бы! Помчались бы сейчас!

Алиев рассмеялся, следом за женой вышел во двор. Стал помогать Санобар снимать белье. Теплые капли, будто роса, падали на лицо, на плечи.

Алиев внес в комнату целую охапку волглого, пахнувшего свежестью белья. В этот момент зазвонил телефон. Капитан бросил белье на кушетку и схватил трубку:

— Слушаю!

— Извините, товарищ капитан. — Он узнал голос лейтенанта Султанова. — Рахима Саидова вчера вечером сбила машина.

— Жив? — быстро спросил Алиев.

— Жив. Легкое сотрясение... И, кажется, сломано ребро.

— Что значит «кажется»? — рассердился капитан, он терпеть не мог, когда подчиненные говорили приблизительно.

— Одно ребро, — поправился Султанов. — Он только что пришел в себя. Спит. Я разговаривал с врачами. Для беспокойства нет оснований, товарищ капитан.

— Пришлите машину. Сейчас приеду.

Алиев положил трубку. Санобар, которая слышала разговор, сказала:

— А я уж думать начала — что это телефон молчит, не испортился ли?

Алиев начал торопливо одеваться.

— Мужа той убитой женщины сбила машина.

— Что за напасть на эту семью!

Прибыв в отделение, капитан немедленно вызвал к себе лейтенанта Султанова:

— Шофер задержан?

— Он и не скрывался, товарищ капитан. Сам доставил пострадавшего в больницу. По свидетельству инспектора ГАИ, виноват Саидов. Водитель ему сигнализировал. Тот, видно, не услышал. Водитель утверждает, что Саидов намеренно шагнул под машину. Небезынтересен факт, товарищ ка-

питан, что и это несчастье произошло на том самом месте — на Чорсу.

— На Чорсу? — удивился капитан.

— Да, Саидов ходил к Аллаярову.

— Что он, спятил, этот Саидов?! — разозлился капитан. — Он нам все дело испортит! Аллаяров дома?

— Вероятно, дома. Карабаев ведет наблюдение.

— Вы свободны.

Султанов вышел. Капитан протянул было руку к кнопке, но вспомнил, что в отделении еще никого нет. Рано. Он запер кабинет, спустился вниз. «Что его заставило пойти к Аллаярову? — гадал капитан. — Зачем? И как он оказался под машиной? Случайно или хотел уйти из жизни? А может, его мучает совесть?..»

Нет, он решительно не хотел, чтобы Саидов оказался убийцей жены. Но кто знает... Производит впечатление положительного человека. Хотя всякое бывает. У человека на лбу не написано — хорош или плох он. За пятнадцать лет работы в Алиеве словно выработался некий внутренний компас, стрелка которого функционировала пока безошибочно. Аллаярова, например, Алиев в глаза еще не видел, только слышал о нем — и одно хорошее, кстати, а сразу же к нему зародилось подозрение. Конечно, интуиция интуицией, а всякие предположения требуют фактов и проверок, нельзя доверять одной интуиции. И все-таки Рахим Саидов не похож на преступника, хотя нельзя сказать, что он совсем не виноват. Капитан Алиев много раз ставил себя на место Саидова и, уподобясь искусному шахматисту, проделывал наиболее рациональные «ходы». Трудно представить, что поступки Мунис, которые должны были его насторожить, оставались не замеченными Рахимом. Или он не придавал им значения и, замкнувшись в кругу научных интересов, был абсолютно безразличен к ее жизни, не вмешивался в ее дела. Находясь под одной крышей, они жили врозь, каждый сам по себе... Выходит, и Саидов виновен косвенно.

Капитан сел в машину.

— Куда поедет? — спросил шофер, прикрывая рукой зевок.

— К Самаркандским воротам.

Около дома Аллаярова толпились махаллинцы. «Ничего не скроешь от внимания любопытных», — с досадой подумал капитан. Едва он вышел из машины, к нему подошел сержант Карабаев, отдал честь.

— Почему собрались люди? — строго спросил капитан.

Сержант развел руками, как бы говоря — что поделаешь? И зашпешил за Алиевым, направившимся к голубым воротам Аллаярова.

— Товарищ капитан, в чем дело? Зачем обижаете хорошего человека? — крикнули из толпы. — Или милиция всегда ищет себе работу?

Алиев остановился. Хотелось ответить как надо, но он подавил в себе гнев. Лишь тихо сказал сержанту, чтобы все разошлись. Во дворе его ждали двое сотрудников. Алиев кивнул им и поднялся на веранду. В углу на курпаче, как и в первый раз, устремив куда-то в пространство тусклые глаза, сидела мать Аллаярова. Голова ее была покрыта белым кисейным платком, в дрожащих пальцах она держала четки. Ее сморщенные губы еле приметно шевелились, будто она про себя читала молитву. Старуха походила на колдунью.

— Товарищ капитан! Что все это значит?! — появился Аллаяров в дверях. — Вчера какой-то психопат, наорав на меня, сунул в руки целую горсть жемчуга, а сегодня вы являетесь с обыском! Я требую объяснения, товарищ капитан! Я буду жаловаться!

— Вы разве испугались? — полушутливо спросил капитан.

— Мне нечего пугаться, но особого удовольствия от этого тоже не испытываю! Ни свет ни заря врывается в дом...

— Правильно, — согласился Алиев. — Но другого выхода нет, и вам придется потерпеть.

— Бог велел терпеть святому Тулаходже...

Капитан обернулся на голос старухи. Подождал, не скажет ли она что-нибудь еще. Опершись руками о курпачу, та медленно поднялась, взяла палку, прислоненную к перилам, и на ощупь стала спускаться по ступенькам во двор.

— Трудно бедняжке, — вздохнув, произнес Аллаяров.

— Помогите ей! — сказал капитан одному из милиционеров.

Но старуха жестом отстранила подскочивших к ней на помощь людей. Постукивая палкой, она дошла до калитки, затем свернула влево и пошла вдоль забора. Дойдя до полузасохшей урючины, уперлась в нее руками и стала медленно опускаться на корточки.

— Мама! — закричал не своим голосом Аллаяров и метнулся было к старухе.

Но капитан Алиев удержал его за локоть.

— Оставайтесь здесь! — сказал он.

Аллаяров, будто смертельно уставший человек, прислонился к столбу веранды и прикрыл глаза.

Старуха руками разгребла под деревом рыхлую землю и, отыскав что-то, поднялась. Медленно пошла обратно.

В руках она держала длинный нож, выпачканный в глине.

— Что ты наделала, мама! — простонал Аллаяров, закрыв лицо руками.

— То, что мне велел бог.

Старуха бросила нож на пол. Постукивая палкой, прошла мимо сына, села опять на свое место и снова замерла как истукан. Пораженный случившимся, Алиев безмолвно смотрел на нее. В ее неподвижных глазах он увидел слезы.

— За что убили? — спросил он в упор Аллаярова.

Тот поднял голову. В его лице не было ни кровинки.

— Я любил ее... — еле слышно пролепетал он.

Брови Алиева поползли кверху, но он сдержал усмешку.

— Да, я любил ее, — повторил Аллаяров и опустил голову. — Я ничего не жалел для нее... А она сказала, что не хочет больше меня видеть...

— И за это вы...

Аллаяров медленно покачал из стороны в сторону склоненной головой:

— Мы поссорились. Я сгоряча сказал, что убью ее Саидова, если она не уйдет от него. Если сам не смогу, найду таких, кто сможет! — торопливо говорил Аллаяров, брызгая слюной, постепенно повышая голос, переходя на визг. — А она... Она назвала меня вором! Сказала, что все в моем доме краденое! Сказала, что заявит на меня... А для кого же я все это?.. Для нее старался...

— Для нее... еще до того, как ее узнали? — усмехнулся Алиев.

Подошли двое милиционеров.

— Уведите! — приказал Алиев.

— Товарищ капитан! Я все расскажу! Все! Чистосердечно! Прошу это принять во внимание! — выкрикивал Аллаяров. Он пытался вырваться из рук взявших его с двух сторон милиционеров. — Вы меня слышите, товарищ капитан?

— Вам ничего другого не остается, — сказал Алиев.

Арестованного увели.

Из дому вышли лейтенант Султанов и председатель махаллинской комиссии Кадыров.

— Закончили? — осведомился капитан.

— Какое там! — с раздражением бросил лейтенант. — Только на опись найденных вещей потребуется дня два.

Алиев зажег сигарету и с наслаждением затянулся.

— Что ж, в таком случае продолжайте, — сказал он лейтенанту. — А я поехал.

Капитан дошел до ворот и, как бы что-то вспомнив, резко остановился. Он возвратился на веранду и подошел к старухе:

— Спасибо, мать. Вы очень помогли нам.

Ни один мускул не дрогнул на лице старой женщины. Устремив взгляд в пространство, она оставалась неподвижной — будто не слышала, что ей сказали. По щекам, теряясь в глубоких морщинах, катились слезы.

Алиев поехал в ТашМИ. Молоденькая медсестра, провозжая его до палаты, где лежал Рахим Саидов, осторожно спросила:

— А кто этот человек, товарищ капитан? С раннего утра к нему идут посетители.

— О, это очень большой человек, — с улыбкой ответил Алиев.

Лицо медсестры тут же приняло строгий вид.

Койка Рахима стояла у окна. Голова его была забинтована, ссадины на лице смазаны йодом. Узнав капитана, он хотел приподняться.

— Лежите, лежите! Как ваше самочувствие, Шерлок Холмс?

Рахим улыбнулся одними только глазами, еле слышно проговорил:

— Я отнес... Все вернул.

— Знаю, — сказал капитан. — И хорошо поступили.

— Он?

Алиев кивнул.

— За что?

— Хотела все начать заново.

— Что? — не понял Рахим Саидов.

— Жизнь начать заново...

— Почему? В чем она виновата-то?..

— Очевидно, они хотели втянуть ее в свои грязные делишки... Подарки — это был задаток... Она отказалась... Это все и решило...

Рахим закрыл глаза и долго молчал:

— Кто они? Их много?

— Главный в наших руках. От него потянется ниточка
Дверь приоткрылась, в палату заглянула медсестра.
Капитан вспомнил просьбу врача — не утомлять больного.
Он поднялся.

— Товарищ капитан,— обратился к нему Рахим.—
Шофер не виноват. Я сам... по рассеянности...

— Мы учтем,— пообещал Алиев.— Других просьб нет?
Рахим отрицательно покачал головой. И еле слышно
сказал: —

— Благодарю вас.

Алиев дружески улыбнулся, осторожно пожал ему руку
и вышел из палаты.

ЗЕЛЕНАЯ ЗВЕЗДА

Как не заплакать в небе
Жаворонку степному?
Как не поведать об участи
Бедной Гюльчехры?

Из песни

Давным-давно, в незапамятные времена, люди называли падишаха Муслима человеком мудрым и справедливым. Земли его были обширны и плодородны, города богаты, народ при нем жил мирно и зажиточно. Но не было у падишаха наследника. Это волновало и тревожило не только властелина, но и всех его подданных.

Проходили годы. И вот на склоне лет, когда владыка совсем уже отчаялся иметь детей, родился у него сын. Падишах, будучи вне себя от радости, повелел устроить невиданный пир. Сорок дней и сорок ночей пировал его народ. На сорок первый день он собрал всех своих ученых и мудрецов, предоставил им возможность полюбоваться наследником, которого он держал на коленях, и, по обычаю, попросил умных людей предсказать судьбу своего сына.

Мудрецы потупили головы, молчали... Падишах был немало удивлен.

— Что же вы молчите? — нетерпеливо спросил властелин.

Долго ждал он ответа, долго стояли молча мудрецы. И вдруг поднял голову и заговорил самый старый и самый мудрый из них, Сукрот Хондамир:

— Мой падишах, эти люди, которые, потупившись, стоят перед тобой, моложе меня. Я глубокий старик, никто не помнит времени, когда я явился на свет, и мне кажется, я испытал все в жизни, кроме смерти. Но я не хочу умирать. Если помилуешь, я попробую предсказать судьбу твоего сына.

— Говори.

И промолвил старый мудрец:

— Твоему сыну в этом мире не будет равных. Он превзойдет всех. Когда ему исполнится два месяца, он сможет делать то, что делает двухлетний ребенок, в два года его сила и разум будут подобны силе и разуму двадцатилетнего юноши. А в пятнадцать лет он объявит себя владыкой всех людей. Очень много бед он натворит, очень много горя причинит людям. И поэтому вторую половину жизни он будет только страдать...

— Палача! — крикнул падишах и прижал к груди своего маленького сына. Ребенок вдруг запустил ручки в седую бороду отца и вырвал большой клоч волос.

— Вот первое подтверждение моих слов! — печально сказал старый мудрец.

Но падишах не внял ему. Мудреца увели палачи.

Прошло время. Наследник рос не по дням, а по часам. Падишах не мог на него налюбоваться, радовался каждому его слову, каждому движению. В своей слепой любви он словно бы и не замечал, что наследник, замороженный своей красотой, силой и разумом, презирает всех людей, в том числе и своего отца...

Однажды ясным солнечным утром внезапно заколебалась, задрожала земля, и в один миг цветущее царство превратилось в развалины. Потом все небо над головой закрыла огромная черная туча. И столько воды пролилось из этой тучи, что начался потоп. Сильный ветер носил на гребнях волн людей и громадные деревья. Под толстым слоем бурлящей воды остались города, поля и горы. Когда стих ветер, падишах и его сын обнаружили, что они изо всех сил цепляются за доску, едва выступающую из воды. Слишком мала была доска. И сын сказал падишаху:

— Отец, ты должен умереть. Ты жаждал моего появления на свет. И теперь сделай так, чтобы я жил.

С этими словами он своей сильной рукой оттолкнул падишаха от доски. И падишах Муслим погрузился в пучину...

А сын его благополучно добрался до неведомого берега. Собрались люди, подивились на человека, вышедшего из моря. И тогда он объявил себя их владыкой. Однако недолго он правил этим народом. От жестокостей, творимых им, половина людей умерла, а другая половина разбежалась. И остался сын падишаха Муслима в одиночестве.

Жил он долго, но уже никакой радости не испытывал ни во сне, ни наяву. Он только мучился, страдал и раскисался до конца своих дней, как предсказал ему старый, мудрый Сукрот.

По преданию, такие люди рождаются раз в сто лет...

В предрассветной мгле сторож Сулейман-ата обходил строительную площадку новой гостиницы. Внезапно он заметил неподалеку от себя женщину в белом платье, лежащую на широкой бетонной плите. Женщина лежала ничком, раскинув руки.

Старик рассердился.

— Уж коли ты женщина, — проворчал он, — зачем тебе надо было так напиваться?

Он подошел к ней поближе и обмер. То, что он увидел, было ужасно. У женщины, можно сказать, не было головы. Только черные волосы и кровь, много крови... Глаза Сулеймана-ата расширились, он попятился. А потом повернулся и со всей скоростью, на какую был способен, побежал к своей будке, к телефону.

Вскоре подоспела милиция — один в штатском, двое в милицейской форме. Сулейман-ата повел людей к тому месту, где лежала женщина, и все повторял:

— Она там... мертвая... мертвая!..

Кроме этих слов, он ничего не мог произнести.

И по телефону старик не сумел сказать больше. Он шел спотыкаясь, крупные слезы катились по его щекам, незаряженная винтовка, которую он держал за дуло, то и дело ударялась прикладом о камни.

— Она там... мертвая, мертвая, — показал он рукой на тело.

Милиционеры подошли к бетонной плите и остановились. А старик чуть не наступил на туфельку, лежащую в пыли. Он поднял ее, сдул с нее пыль. Туфелька была белая, с золотым ремешком, на высоком каблучке. Сулейман-ата осторожно приблизился к плите и наклонился, чтобы надеть туфельку на ногу женщины. В это время его строго окликнули:

— Откуда вы это взяли? Отнесите на место!

Сулейман-ата отскочил, словно мальчик, опустил туфельку в пыль и выпрямился. Человек в штатском вынул

фотоаппарат и стал снимать. Однако Сулейман-ата не смотрел на него. Глаза старика были прикованы к маленьким часикам на левой руке женщины. Часики показались ему знакомыми. И вдруг Сулейман-ата задрожал всем телом и крикнул:

— Гюльчехра! Это Гюльчехра!

Ноги у старика подкосились, и он упал на землю. Когда старик пришел в себя и открыл глаза, то увидел над собой тех же милиционеров и еще человека в белом халате.

— Я... я ее... знаю,— проговорил Сулейман-ата, пытаюсь встать.— Я знаю ее...

— Отец, успокойтесь, вы можете говорить яснее? — спросил кто-то.— Когда вы в последний раз видели эту женщину?

Сулейман-ата приподнялся и сел на край плиты.

— Я видел ее вчера. Она сюда приходила...

— В какое время?

— Вечером. Она приходила вечером, уже поздно было. Я спросил у нее, сколько времени. Она ответила, что сейчас без пятнадцати двенадцать. Да, так она и сказала — без пятнадцати двенадцать... О аллах, как такое могло случиться?..

— Отец, возьмите себя в руки, расскажите все по порядку, вы понимаете, как это важно,— сказал человек в штатском.

Сулейман-ата покачал головой, как бы выражая свое согласие. И рассказал все, что знал. Вчера вечером он, как всегда, обошел строительную площадку почти готового здания. Днем внутри гостиницы шли отделочные работы. Сулейман-ата даже посидел немного на этой бетонной плите, которая оказалась лишней. Какая-то компания с транзистором остановилась у забора. Сулейман-ата поморщился. Днем он не отдыхал дома от шума, который подымали его резвые внуки. Старик с досадой встал с места. Зашел к себе в будку и поставил чай. Сколько с того момента прошло времени, он не знает. Помнит только, что выпил два чайника фамильчая.

А потом чей-то силуэт промелькнул в окне.

«Кого это носит в такой поздний час?» — старик помянул шайтана и, приоткрыв дверь, выглянул наружу.

— Здравствуй, отец! — послышался в темноте женский голос.

— Ты кто?

— Это я, Гюльчехра...

Сулейман-ата узнал молодую женщину и вышел ей навстречу. Она была архитектором, автором проекта этой гостиницы. Сулейман-ата уже месяц как караулил строительную площадку и за это время видел ее раз пять-шесть, говорил с ней. Однако архитектор Гюльчехра Саидова никогда не приходила в такой поздний час.

— Что, дочь моя, не спится? — спросил старик.

— Скучно мне стало. Вышла погулять, прошлась немного по улицам. Сулейман-ата! Как вы думаете, понравится здание людям?

Гюльчехра явно волновалась, нервничала.

Сулейман-ата попробовал ее успокоить:

— Дочь моя, еще как понравится! Гостиница будет самым красивым зданием в городе. О аллах, сделай так, чтобы век твой, доченька, был долгим!

— Спасибо, ата.

— Да, уж можешь мне поверить. Сулейман-ата не врет. Люди будут хорошо о тебе думать. Это уж точно. Гостиница будет местом радости.

— Да сбудутся ваши слова, ата.

Молодая женщина призадумалась. А Сулейман-ата посмотрел какими-то новыми глазами на здание, и показалось ему, что оно похоже на громадную птицу, распростершую широкие крылья. Старик даже удивился вслух:

— Ты погляди только, гостиница-то словно полететь собирается!

Молодая женщина не ответила. Она еще постояла в раздумье, а потом исчезла в темноте. Сулейман-ата немного подумал, окликнул ее раза два. Гюльчехра не отозвалась. «Наверно, ушла», — решил он и пошел к себе в будку. Старик снова захотел чаю.

После этого он до самого рассвета никого не видел, ничего не слышал.

— Она упала сверху, с балкона пятого этажа, — сказал ему милиционер в штатском.

Сулейман-ата закрыл лицо руками, заплакал.

— И почему я не поднялся тогда наверх?.. Почему не поискал ее? Эх, Сулейман-ата, Сулейман-ата, глупый ты старик...

Ни в здании гостиницы, ни на строительной площадке не нашли никаких данных, подтверждающих версию об убийстве.

Гюльчехра упала с неогороженного балкона пятого этажа, перила там установить не успели. И было неясно

только одно: случайно она упала, может, она оступилась — темно ведь было,— или же бросилась вниз сама. Следователь как раз над этим и раздумывал.

К часу дня в милиции уже знали, что Гюльчехра родилась в Коканде. Среднее образование получила в родном кишлаке Мингбулаке. Потом стала заочно учиться в политехническом институте. По ее проекту строится здание кафе «Ешлик» («Молодежное»).

Ректор института сказал только, что она была очень талантливая и скромная девушка.

— Может, ее кто-то обидел? — спросили у него.

— Нет,— ответил ректор.— Во всяком случае, в институте никто ее не обижал.

В таком же духе отвечали и секретарь партийной организации института, и преподаватели.

2

Скорый поезд Андижан — Ташкент точно по расписанию прибыл в столицу республики. Встречавшие и приехавшие длинным шумным потоком устремились к зданию вокзала. Когда перрон опустел, в дверях третьего вагона показался Абдулла. Он медленно спустился вниз. Абдулла не спешил, потому что не знал, что делать, куда идти. Рассеянно поглядывая по сторонам, он добрался до привокзальной площади и долго стоял там у фонтана, все смотрел на струйки воды, стекавшие по разноцветным плитам. Потом направился в сторону Дворца железнодорожников. Обойдя дворец, вышел на какую-то аллею. Уже начинало смеркаться. На скамейке перед фонтаном, напоминавшим раскрытую коробочку хлопка, сидели двое аксакалов и тихонько говорили о чем-то.

Их лица показались Абдулле такими умиротворенными, спокойными, что теперь больше всего на свете ему захотелось посидеть так же, как эти старики, тихо и мирно. И он стал искать укромное местечко. Абдулла прошел аллею до конца и возле самой ограды увидел зеленую скамейку. Перед ней пять-шесть воробьев и пара голубей азартно клевали хлебные крошки. Птицы, занятые своим делом, не обращали внимания на то, что уже наступил вечер. Они даже не заметили появления человека. Абдулла тяжело опустился на скамейку. И лишь тогда почувствовал страшную усталость. Эта история с Гюльчехрой перевернула всю его душу. Что же произошло? Почему она погибла? Зачем ей было умирать?.. Абдулла замотал голо-

вой, сморщился, как от боли. Неужели он теперь всю жизнь будет так мучиться? Нет, это невозможно.

В глазах у него зарябило. Абдулла испугался. С силой провел рукой по лицу — не помогло. Подумал, что это сейчас пройдет, исчезнет, откинулся на спинку скамейки и закрыл глаза. Однако теперь перед его закрытыми глазами стали происходить и вовсе странные вещи. Бешено закружились, завертелись похожие на патефонные пластинки маленькие железные колечки! «Наверно, давление поднялось, — промелькнуло у него в голове. — Но этого не может быть, ведь я молод! Значит, я с ума сошел», — решил Абдулла и неожиданно издал хриплый крик.

— Что с вами, молодой человек? — услышал он чей-то участливый голос.

Абдулла поднял голову и увидел высокого старика, сидевшего недавно со своим товарищем напротив фонтана. Когда только он успел подойти?

— Наверное, задремали и увидели страшный сон?

— Да, вы правы, — смущенно сказал Абдулла и тихо поднялся с места.

— Выпейте холодной воды, это помогает, — посоветовал аксакал.

— Спасибо.

Абдулла вытер лицо платком и, волоча ноги, пошел по аллее обратно.

Когда он добрался до улицы Карла Маркса, там уже горели фонари. Вся улица была отдана во власть пешеходов. Вечером машины по ней не ходили. Как и во всех других городах, центральная улица в Ташкенте по вечерам становилась местом отдыха, местом встреч.

Абдулла медленно ступал по краю тротуара и пытался не смотреть на людей. Ему ни с кем не хотелось встретиться.

Вдруг кто-то легонько взял его за локоть. Однако Абдулла не обернулся.

— Здравствуйте, — раздался звонкий голосок.

— Кого это шайтан принес? — прошептал Абдулла.

— Вы не узнали меня? — удивился голосок.

Абдулла обернулся. Девушка стояла рядом, улыбаясь, сверкая ровными белыми зубками. На боку у нее висела синяя сумка Аэрофлота. В маленьких ушах весело поблескивали клипсы в виде листочков. Абдулла узнал эти клипсы, где-то он их видел, может, в магазине? А вот девушка... Нет, никак он не мог ее припомнить... Одет

просто: белая блузка, темная короткая юбка. Симпатичная — стройная, талия тонкая, высокая грудь.

Абдулла все смотрел, смотрел и, наконец, смутившись, протянул ей руку.

— Вы одна?

— Как видите. Я с работы иду, — сказала девушка и подала ему свою мягкую ручку.

Абдулла хотел было прямо спросить ее: «Где вы работаете?» — но удержался и, стараясь быть спокойным, произнес:

— У вас так поздно кончается работа?

— Нет, это сегодня пришлось сделать лишний рейс.

Теперь Абдулла ее узнал. Не напрасно носит она сумку Аэрофлота. Девушка была стюардессой. Один раз он летел в ее самолете в Коканд.

— Что будем делать?

Девушка пожала плечами, она все время улыбалась. «Это у нее профессиональное, что ли, — подумал Абдулла и решил про себя. — Если я ее отпущу, умру один с тоски». Он взял девушку под руку и сказал:

— Заглянем сюда.

Они зашли в кафе. Народу было немного. Абдулла кивнул на столик, стоящий в углу:

— Подойдет?

— Да, пожалуй.

Подошла официантка, и Абдулла заказал ужин. Девушка развеселилась, разговорилась, порой заливалась смехом, что-то шептала ему на ухо. Абдулла понял только одно: он так понравился девушке, что она стала даже его разыскивать. И вот сегодня — подумать только! — такая удача. «Нет, вы можете мне объяснить, почему вы так мне понравились?» — с прежней улыбкой выпрашивала девушка.

Но Абдулла больше не слушал ее, он опять думал о своем: «Неужели это правда, что она разбилась? Неужели это правда, что ее теперь нет и не будет?» Как ни старался он себя обмануть, ничего не получалось. Гюльчехра погибла. Ее нет в живых. Абдулла вздрогнул. Он поднял голову, огляделся по сторонам. В зале никого не было, кроме официантки, прибирающей столы. А где же девушка? Неужели он не заметил, как она ушла?

Абдулла вздохнул, закрыл глаза. Почти в тот же миг, как тогда, на скамейке, появились маленькие вращающиеся железные колечки. Странно, теперь Абдулла уже не испугался. Привык, наверно. Он даже усмехнулся. Аб-

дулла все всматривался и всматривался в эти колечки. Оказывается, они разноцветные: одни белые, другие зеленые.

Все это продолжалось долго, но Абдулла вовремя открыл глаза: к столу подходила девушка, по-прежнему сверкали ее ровные белые зубки, весело поблескивали клипсы в ушах.

— Где вы были? — спросил Абдулла.

— Я ходила причесываться. Ну как, теперь лучше?

Никаких изменений в ее причёске Абдулла не заметил. Тем не менее он улыбнулся и сказал:

— Лучше.

И, не ожидая ответа, наполнил бокалы.

— Не много ли? — спросила девушка. — Я живу далеко...

— Не бойтесь.

— Мне некого бояться: я живу одна.

Девушка спокойно смотрела на него, и Абдулла, смутившись, опустил голову.

— А если я вас провожу?

Она рассмеялась и ответила:

— Можно и проводить.

Когда они вышли из кафе, народу на улице уже побавилось. Навстречу им во всю ширину тротуара шла большая компания студентов, считавших, очевидно, что теперь весь город принадлежит им. Однако они посторонились, пропустив девушку с ее спутником. Абдулла, не желая идти дальше по этой улице, свернул в переулок, остановил такси.

Девушка в самом деле жила довольно далеко, они ехали около получаса. Такси остановилось перед длинным четырехэтажным домом.

— Обрато вы поедете в этой же машине? — спросила девушка.

— Нет, я поеду не в этой, — невнятно произнес Абдулла, расплатился с водителем и вышел из такси.

Они поднялись на третий этаж.

— Вот, я живу здесь... — прошептала девушка.

Абдулла ничего не ответил...

Когда он уже выходил из квартиры, девушка поцеловала его и сказала, нахмурившись:

— Абдулла, запомни мое имя. Тамара...

Он быстро спустился вниз. На улице тишина, не видно ни людей, ни машин. Абдулла немного постоял около подъезда. Чувствовал он себя еще хуже, чем раньше, на

душе было мерзко. «Ладно, что было, то было,— подумал он и сплюнул на тротуар.— Теперь этого не исправишь». Приблизившись к троллейбусной остановке, Абдулла заметил возле фонарного столба человека, стоявшего к нему спиной. Абдулла кашлянул. Однако человек не повернул головы.

— Простите, пожалуйста, сколько сейчас времени? — спросил Абдулла.

— У меня нет часов,— ответил незнакомец, не меняя позы.— Все же приблизительно могу сказать. Сейчас начало третьего.

— Неужели? — удивился Абдулла.— Тогда... почему же вы здесь стоите?

Незнакомец наконец повернулся:

— А вам это обязательно нужно знать?

Абдулла пожал плечами:

— Нет, я просто подумал, что и вы ждете троллейбус.

— Вы ошиблись. Скажите, есть у вас закурить?

— Найдется.

Абдулла вытащил из кармана пачку сигарет и протянул человеку. Они закурили. Незнакомец тяжело вздохнул, выпустил колечко дыма, и затем сообщил:

— Я жду свою жену.

— Она так поздно приходит? — Абдулла сам не понимал, что заставляет его поддерживать этот разговор.

— Теперь, наверно, она уже не придет,— сказал незнакомец.

— Почему же?

— Мы с ней поссорились, вот она и ушла. Давно уже ушла, еще засветло. А сейчас вон уже сколько времени...

— Не расстраивайтесь, может, она еще и придет...

— Нет, не придет. Когда она раньше уходила, я всегда знал, где ее искать. Или сидит на берегу Анхора, или идет на улицу Карла Маркса. А сегодня я ее не нашел.— Незнакомец опустил голову.— Нет, теперь она не придет...

— Ну что вы, она ведь замужняя женщина, куда она денется, вернется...

— Я сам виноват,— незнакомец вытер глаза кулаком,— натерпелась она от меня. И сегодня сильно ее обидел. Не знаю уж, отчего возникла ссора. Мы сидели мирно за обедом, и все было хорошо. Потом одно резкое слово, другое, третье... Тут уж она и не выдержала, должно быть. Сказала мне: «Дело не в том, ученый ты человек или неученый, дело в том, чтобы стать человеком. Человеком стать нелегко». Эти слова задели меня. Я крикнул бранное сло-

во. Даже, кажется, поднял на нее руку. Сейчас уже не помню... Вот и ушла. Сама-то она хорошая... Плохую-то я бы давно выгнал. Люблю я ее. И дети у нас. Двое. Правда, дети от моей первой жены, но она любит их как своих. Завтра день ее рождения. Я даже подарок приготовил. Вот посмотрите.

Он вытащил из нагрудного кармана и протянул Абдулле маленькую коробочку. В ней были серьги с крошечными бриллиантами.

— Ну как?

— Отличный подарок, — сказал Абдулла, закрывая коробочку и возвращая ее незнакомцу.

— Вы не обратили внимания? На обороте надпись: «Маленькой Саиде от твоего неуклюжего Умара». Как только мастер сумел вывести такие мелкие буквы! А теперь все это ни к чему... Зачем это мне теперь?

Внезапно незнакомец насторожился, выпрямился, далеко отбросил сигарету и побежал по улице с криком:

— Саида! Саида!

Абдулла с удивлением глядел ему вслед. Убедившись через некоторое время, что троллейбус не придет, он медленно направился в сторону центра. Вдруг он услышал чей-то счастливый смех. Из-за поворота вышел тот самый незнакомец с миниатюрной женщиной на руках. Лицо она спрятала на груди у мужа.

— Вот и хорошо, — тихо сказал Абдулла, проходя мимо них.

Незнакомец остановился:

— Молодой человек! Приходите завтра к нам. Прямо к обеду, часам к трем. Вот наш дом, видите?

— Спасибо.

— Обязательно приходите! — крикнул незнакомец вслед Абдулле. — Не пожалеете. У меня такая хорошая семья, всех увидите!

Абдулла шел по пустынным улицам и думал об этом пожилом человеке. «Вот он теперь счастлив, — думал Абдулла. — Почему же его жена сказала: дело не в том, ученый ты или неученый, надо быть человеком, а человеком, мол, стать нелегко. Но так ли это? Значит, выходит, что ученым стать легко? Ерунда какая-то. Все мы люди. А вот ученым стать трудно. Не все могут стать учеными. Вот моя статья о космических лучах напечатана в «Вестнике Академии наук». Но стану ли я настоящим ученым? Я хорошо учился, получил диплом с отличием. Вот скоро буду работать... Но где работать? Что теперь будет?»

Эти вопросы он задавал себе еще в Ленинграде, когда получил страшную весть...

Абдулла поймал себя на том, что у него опять начинают путаться мысли...

Его мать, Шаходат-хола, совсем заждалась сына. Услышав наконец звонок, она бросилась к двери.

— Ты что так задержался?

— Задержался поезд, — ответил Абдулла. Он старался держаться непринужденно.

— Будь проклят этот поезд, я уже чуть с ума не сошла.

Шаходат-хола, шаркая домашними туфлями, отправилась на кухню. Абдулла зашел в свою комнату, снял пиджак, развязал галстук, швырнул его в нишу и рухнул на тахту. Когда мать принесла в касе разогретый суп, он уже спал.

— Да буду я твоей жертвой, ни кровинки в лице! — Шаходат-хола поставила касу в нишу и накрыла сына одеялом.

Абдулле приснилось, будто он сидит во дворе под яблоней. В руках у него книга. Он не знает, что это за книга. Но читает с увлечением. Только дошел до середины, яблоня превратилась в Гюльчехру. Гюльчехра улыбается и подходит к Абдулле.

«Вот и я здесь, — говорит она. — Мы теперь будем читать вместе».

С этими словами она обвивает руками шею Абдуллы и начинает душить. Абдулла пытается закричать, но не может издать ни звука.

«Ты не бойся, не бойся, — говорит Гюльчехра. Она отнимает руки, отходит от него. — Теперь ты свободен, слышишь, свободен».

Потом она исчезает. Абдулла вздыхает с облегчением и опять берется за книгу.

«Ах ты, проклятый, ах ты, поганец! Так вот ты где!» — слышит он во сне чей-то знакомый голос.

Абдулла поднимает голову. Перед ним с кетменем в руках стоит отец. Он в белой рубашке и шароварах. Вот он поднимает кетмень, Абдулла вскакивает, бежит от него. Отец гонится за ним. Пять-шесть раз обегают они двор. Наконец Абдулла выбивается из сил, бросается к яблоне и карабкается вверх по стволу, к верхним ветвям. Отец прыгает, хватается за ветку, на которой сидит Абдулла, и кричит ему: «Вот видишь, все равно от меня не убежишь!» Ветка с треском ломается, Абдулла падает на землю и кричит во весь голос:

— Мама, Мама!!!

Очнувшись, Абдулла увидел, что лежит на полу — упал с тахты. В комнату вбежала Шаходат-хола:

— Что, сынок, что случилось?

— Не знаю, — сказал Абдулла, поднимаясь с пола. — Кажется, я видел плохой сон...

Шаходат-хола взяла чайник из ниши, плеснула себе воды на ладонь, брызнула в лицо сына. Потом принесла пиалушку:

— На, выпей. Ехал бы сразу домой, что тебе нужно было делать в Коканде?

Абдулла присел на тахту рядом с матерью.

— Ты ходил на кладбище?

— Да, — ответил Абдулла и отвернулся.

И Шаходат-хола, увидев, как дрогнули его плечи, вдруг поняла, что ее сын плачет.

3

Несколько лет назад, в знойный летний день, молодой человек стучался в ворота дома под белой железной крышей, стоявшего на окраине кишлака Мингбулак. Было очень жарко. Белая поплиновая рубашка молодого человека прилипла к лопаткам, платок, подложенный под воротник, был мокрый насквозь, хоть отжимай. Он то и дело стирывал кончиками пальцев капли пота со лба.

Открывать ему не спешили, и молодой человек, переложив тяжелый чемодан из руки в руку, поднажал на дверь плечом. Новая, с резным узором дверь отворилась со скрипом. Он зашел в маленький квадратный дворик. Сури — деревянный помост возле дома — был пуст. Справа по каналцу, сложенному из кирпича, струилась вода и выливалась в цветник. Молодой человек подошел вплотную к виноградику и только теперь заметил на веранде старуху, сидящую за маленьким столиком — хантахтой. Глаза старухи были закрыты, тонкие губы, испещренные черточками морщин, шевелились, коричневые пальцы перебирали четки.

— Бабушка, — тихонько, чтобы не напугать ее, произнес парень.

Старуха открыла глаза и уставилась на молодого человека:

— О аллах! Никак, это ты, Абдулла?

— Это я...

Абдулла опустил чемодан на землю и поднялся на террасу.

— Ах ты, славный мой, смотри как вытянулся! Ах ты, милый мой, да буду я твоей жертвой! Вот и дождалась я тебя, дождалась! — Старуха с ловкостью, несвойственной ее возрасту, выскочила из-за хантахты. — Абдулла! Как же это я тебя не признала! Сижу себе, дремлю... Все ли в порядке? Как дела, сынок? Ты один приехал или еще с кем? Как отец, мать, живы, здоровы?

Абдулла очень любил свою старую, добрую бабушку, часами, не скучая, слушал ее рассказы.

Старуха постелила новый ковер на веранде и, усадив Абдуллу, все спрашивала, спрашивала... Абдулла не успевал отвечать и только улыбался. На этот раз он пришел в Мингбулак один. Теперь он вольная птица, потому что закончил школу с золотой медалью. Вот мать и нагрузила полный чемодан гостинцев и отправила его к бабушке одного. Абдулла почти каждое лето две-три недели гостил в этом кишлаке вместе со своей матерью — Шаходат-хойлой. Однако вот уже два года, как отец его лежит больной, два года не было здесь и Абдуллы.

Бабушка Ходжар-буви души не чаяла в своем внуке. Когда он приходил с улицы после возни с кишлачной детворой и она замечала на нем царапину, то поднимала на ноги весь кишлак, устраивала шумный скандал. У нее самой было двое детей. Дочь Шаходат и сын Абид — дядя Абдуллы. Бабушка жила вместе с этим сыном. Иногда приезжала она к дочери в город, но больше двух дней прожить там не могла: ей досаждали городской шум и хлопоты, она чувствовала себя не в своей тарелке.

Бабушка Ходжар-буви, несмотря на свою старость, все еще держалась независимо, самостоятельно. Сама ведала хозяйством, частенько покрикивала на сына, исправляла его недоделки. Молясь, говорила: «Чтобы один человек нуждался в другом человеке, о аллах, не допусти этого!»

В кишлаке ее называли «Атын-биби» или же «Завод-ая». Абдулла знал, почему бабушку зовут Атын-биби. Она была начитанной женщиной, знала на память много дастанов — поэм. В молодости в подражание Анбаратын она написала даже несколько газелей. А вот почему бабушку зовут Завод-ая, об этом Абдулла узнал сравнительно недавно.

Когда Ходжар-буви исполнилось восемнадцать лет, на руках у нее уже была маленькая Шаходат. И вот вдруг мужчин стали забирать в мардикеры — поденщики. Ее

муж Мирхалик работал в Мингбулаке на хлопковом заводе, принадлежавшем известному кокандскому богачу Дусимбаю. Мирхалик был парень ладный, высокого роста, плечистый, крепкий. После того как забрали из кишлака в мардикеры человек двадцать, попал в список и Мирхалик. С тех пор он помрачнел, словно держал по ком-нибудь траур. Три дня не выходил из дому, на четвертый рано утром поцеловал в лоб спящую Шаходат, погладил жену по голове, засунул за голенище кинжал и ушел куда-то. Этот кинжал с костяной рукояткой подарил ему товарищ — участник улака — козлодрания на свадьбе. Ходжар-буви поняла по виду мужа, что может произойти какое-то несчастье, однако не остановила его. Разве можно преградить дорогу мужчине, когда он на что-то решился?! В тот день Мирхалик вернулся домой в полночь, сказал жене: «Постели постель», вытянулся во всю длину возле хантахты и заснул. Ходжар-буви поутру чистила ему одежду и на правом сапоге увидела свежее кровавое пятно. Ближе к полудню кто-то принес весть: «Убили мингбаши¹, труп нашли в коровнике Дусимбая!» Ходжар-буви внимательно посмотрела на мужа, который работал кетменем в винограднике. Однако Мирхалик не выпрямился, не вздрогнул, он вел себя так, словно не имел никакого отношения к этому делу. Через два дня власти схватили восьмерых кишлачных парней, в том числе и Мирхалика. Куда их повели, что с ними сделали, никто об этом ничего не мог сказать. Месяца через два в овраге, под горой Шахимардан, нашли пятнадцать трупов. Вот где и отыскиались пропавшие без вести семеро конвойных стражников и восемь джигитов из кишлака Мингбулак.

Второго ребенка Ходжар-буви родила уже после смерти Мирхалика. Мальчик сильно походил на отца, у него был такой же выпуклый лоб, такой же длинный разрез глаз. И вот, чтобы всегда помнить о добрых днях, прожитых с мужем, Ходжар-буви дала сыну имя Абид — «Память». Уже спустя неделю после рождения Абида она пошла работать на завод — сушить, очищать хлопок вместо своего мужа.

Однажды по всему кишлаку пронесся слух, что на завод прибывает хозяин, сам Дусимбай-ата. Заводскую территорию подмели, полили водой. Бай подъехал в красивом фазтоне, его подхватили под руки, помогли сойти на землю. Обходя свой завод, Дусимбай заметил Ходжар, которая

¹ Мингбаши — должностное лицо, чиновник.

с ребенком за спиной очищала хлопок. Ему объяснили, кто она такая. Бай, уставившись на Ходжар, произнес:

— Этой бедняге и так живется несладко, такая черная работа ей не подоает.

Ходжар приходилось слышать о том, что баи — грубые, жестокие люди, и теперь она в смущении наклонила голову, увидев перед собой любезного, улыбающегося, незлого на вид человека лет сорока пяти, одетого в парчовый халат. Уходя из цеха, бай снова почтил Ходжар своим вниманием:

— Дайте ей легкую работу. Дочь моя, особенно не утруждайте себя...

Бай не поехал в Коканд, ночевать он остался в селении, в своем кишлачном доме. На следующий день, только показавшись на заводе, он сразу вызвал к себе в кабинет Ходжар.

— Ваш муж очень сильно провинился, — сказал бай, не глядя на молодую женщину, которая стояла перед ним на коленях. — Однако есть на свете справедливость. Вот аллах и покарал его. Вы еще молоды, дочь моя, я слышал, у вас двое детей. Вам нужно хорошо их воспитать. С этого дня я сам буду справляться о том, как вы живете. Да может вам аллах! А меня можете считать за отца. Что скажете?

— Спасибо, бай-ата, — произнесла Ходжар, у которой от жалости к себе катились по лицу слезы.

— А плакать не надо. Возьмите вот это. Золото возвышает человека, облегчает ему жизнь. — И бай вытащил из кармана пятирублевую золотую монету. — Берите, дочь моя. А людям скажете, что деньги дал ваш бай-ата. Берите.

Ходжар робко протянула руку из-под чадры и взяла монету. В жизни она не видела таких денег. Ходжар не знала, что и сказать. Дусимбай пристально смотрел на нее.

— А теперь я вас попрошу заварить чаю и принести сюда. Хорошо? Я люблю крепкий чай.

Ходжар поднялась с коленей и вышла во двор. «Нет, этот бай не такой, как о нем говорят, — думала она. — Он помогает бедным, значит, хороший человек».

Когда Ходжар с чайником в руках вошла в кабинет, Дусимбай сидел на постели-курпаче и длинным складным ножиком затачивал карандаш.

— Уже готово? Вот хорошо. Ну-ка подойдите поближе, налейте своей рукой! А то, если я сам налью, боюсь, невкусно будет. Тогда и пить незачем.

Ходжар осторожно присела возле хантахты. Два раза немного отлила из чайника в китайскую пиалу и вылила обратно. Потом снова наполнила тонкую посуду дымящимся душистым напитком и с поклоном протянула Дусимбаю. С каким-то странным выражением в глазах он наблюдал за каждым ее движением.

— Что вы так стесняетесь, дочь моя?..

С этими словами он неожиданно притянул Ходжар к себе и обнял ее. Чай выплеснулся на халат и курпачу. Ходжар опешила, растерялась. Бай сорвал с нее чадру.

— Что вы делаете, бай-ата! — крикнула Ходжар.

— Ничего особенного, дочь моя, ничего особенного...

Задыхаясь, он пытался повалить ее на постель. Сердце Ходжар чуть не разорвалось от обиды и отвращения. «Так вот какой этот бай-ата, вот зачем дал деньги бедной вдове!» Поняв, что вырваться из его объятий не удастся, Ходжар высвободила руку, нашарила лежащий на хантахте ножик и вонзила его в горло бая. Он захрипел и разжал руки.

Ходжар выбежала за дверь и только тут осознала, что произошло. Она остановилась как вкопанная. Подошедшим людям Ходжар показала рукой в сторону кабинета. Дусимбая нашли уже мертвым. Он лежал в луже крови, в горле у него торчал нож... Поднялся крик, шум. В общей суматохе какой-то добрый человек увел Ходжар с собой.

Полгода прятали ее, перевозили из кишлака в кишлак, из дома в дом, от соседа к соседу. Власти так и не дознались, кто виноват в смерти Дусимбая.

После того как в Коканде установилась Советская власть, Ходжар-буви снова стала работать на заводе. Вскоре ее избрали директором. Та самая злополучная комната бая стала теперь ее рабочим кабинетом. В этом кабинете она несколько раз встречалась с Юлдашем Ахунбабаевым — первым президентом Узбекистана. Двадцать лет проработала директором Ходжар-буви, а потом уступила этот пост одной молодой образованной девушке. С чьей-то легкой руки, давно еще, с тех пор как Ходжар занялась государственными делами, стали называть ее Завод-ая. Ходжар-буви это нравилось, но историю с Дусимбаем она хотела бы выбросить из своей памяти. Абдулла раньше часто приставал к бабушке: «Расскажи да расскажи», но она каждый раз говорила: «Лучше не вспоминать про этот страшный сон». Другие люди удовлетворили любопытство Абдуллы, рассказали ему о Ходжар-буви, боевой женщине, государственном деятеле.

И вот теперь он прислушивается к ее словам, внимательно смотрит на нее, замечает, что на ее лице за эти два года появились новые морщины. Абдулла удивлялся, что его бабушка до сих пор все еще крепка и подвижна.

После короткой молитвы Ходжар-буви расстелила достархан, заварила чай и присела рядом с внуком:

— Ах ты, внучек мой, Абдулла, дитя мое! Так вот, значит, тебя одного ко мне отпустили! Взрослый стал, совсем взрослый! Скажи-ка мне теперь, как здоровье отца?

— Спасибо, ему лучше, — ответил Абдулла. — Уже не так мучится. Он вам привет передает.

— Пусть будет он здоровым. Откуда только эта хворь к нему пристала? Бог даст, совсем поправится... А ты расскажи, как у тебя со школой-то. Закончил?

— Закончил. С золотой медалью.

— Ах ты, дорогой, я ведь от тебя другого и не ждала! Все же, наверно, трудно было, а?..

Абдулла передал ей гостинцы. Ходжар-буви прослезилась и еще раз прочитала молитву, благодаря бога за внука.

— А где же дядя? Где Абид-ака?

— Твой дядя в больнице: жена у него рожает, — Ходжар-буви тяжело вздохнула. — Не знаю, как будет на этот раз, — у каждого смертного свои печали, сынок. Четверо детей у них было, и все померли в родильном доме. О аллах, не дай свершиться новому несчастью! Сделай так, чтобы все было благополучно.

Ходжар-буви опустила голову, на минуту забыла про своего внука. Абдулла сидел тихо, опасаясь помешать ее мыслям. Но вот она встрепенулась, поднялась с места:

— Что же это я только чаем тебя угощаю? Ты ведь с дороги и поесть хочешь. Я сейчас приготовлю.

— Не беспокойтесь, бабушка, я сыт, — сказал Абдулла.

— Какое же может быть беспокойство? Сейчас подойдет твой дядюшка, а ты пока немного отдохни, полежи. Ступай в мою комнату.

Однако Абдулла еще долго сидел на террасе. Он был счастлив, что приехал в кишлак.

Во дворе, на ветке груши, ворковал голубь, у очага суетилась бабушка. Абдулла ощутил знакомый с детства едкий дым гузапай¹, улыбнулся и направился в комнату Ходжар-буви. Комната была большая, квадратная, с четырьмя нишами. В нишах стояли разноцветные большие

¹ Гузапая — сухие стебли хлопчатника.

и маленькие шкатулки, множество кас, чайников, пиал, надо всем этим висели на катушках выглаженные и надушенные полотенца. Окнами комната выходила на север, лучи солнца сюда не заглядывали, поэтому летом здесь всегда можно было насладиться приятной прохладой.

Абдулла вытянулся на холодном бекасамовом одеяле — курпаче. И сразу же ощутил запах мяты от мягкой пуховой подушки. Он раскинул в стороны руки и закрыл глаза. Во дворе все еще ворковал голубь, по временам слышался треск горячей гузапаи. «Как хорошо, что я сюда приехал», — успел подумать Абдулла и задремал со счастливой улыбкой на лице. Все у него было впереди. Он кончил школу, сдал экзамены, жизнь широко открывалась перед ним...

Его разбудил какой-то шум во дворе. Абдулла сладко потянулся, поднялся с курпачи и подошел к окну. Возле очага его дядя Абид-ака обнимал бабушку и говорил густым басом:

— Сын, мама! Сын! Живой! Живой!..

Абдулла метнулся во двор:

— Здравствуйте, дядя!

Абид-ака отпустил мать, обернулся на голос.

— Да это Абдулла! Вот молодец, приехал! Слушай, племянник, у тебя двоюродный братец появился!

— Поздравляю! — сказал Абдулла и пожал дяде руку.

— Эй, Абид, да видел ли ты своего ребенка? — спросила Ходжар-буви. Она в это время закладывала в котел морковь.

— Видел. Темненький комочек. Похож на щеночка, — ответил, улыбаясь, Абид-ака.

— Ты не огорчайся! Уж коли темненький, значит, нашего рода. Ведь недаром говорят: девочка родится похожей на мать, а сын — на отца.

— Мне все равно, на кого похож, только бы рос здоровый, матушка!

— Да сбудутся твои слова, Абид. Поставь-ка самовар, у меня вот-вот плов будет готов.

Абид-ака возился с самоваром, что-то напевая вполголоса. Внезапно он выпрямился:

— Послушай, матушка! А как мы его назовем?

— Откуда мне знать, вы уж сами придумайте, — сказала Ходжар-буви, не глядя на сына. В этом доме все починалось ей: то, что она говорила, было законом.

Всем своим будущим внукам, сыновьям Абида, она заранее выбирала имена, и домашние беспрекословно со-

глашались с ней. Однако малюткам это не помогало. На этот раз Ходжар-буви решила про себя: если родится сын, назвать его Тохтасин, а если дочь — Умриниса. Но у нее язык не повернулся сказать об этом своем решении Абиду.

— Откуда мне знать? Вам виднее, — повторила она.

— Тогда... — Абид подмигнул племяннику, — назовем его Абдуллой.

Ходжар-буви подошла к ним со стороны очага.

— Пусть будет, как ты сказал, — произнесла она со слезами в голосе. — Аминь! Пусть век моего внука будет долгим. Не роняйте чести дома. Будьте чуткими, заботливыми, цените и уважайте друг друга!..

Ходжар-буви провела масляными руками по лицу, кончиками пальцев вытерла влажные глаза. Абдулла был растроган...

Вскоре весь двор заполнили соседи и знакомые. Люди поздравляли с новорожденным, шутили, давали всякие советы, наставления:

— Завод-ая! Теперь тебе придется раскрыть свой железный сундук, раскошелиться. Одним только бешик-тоем¹ не отделаешься.

— Да что говорить! У Завод-ая в сундуке столько добра, что хватит на десять бешик-тоев!

— Вот и нам по этому случаю достанется по платью в подарок, не так ли, Атынай?

— Вам бы только болтать! — отвечала Ходжар-буви. — Кому какое дело до моего сундука?

— Это намек, чтобы вы его с собой не забрали, — сказала одна молодая женщина.

— Чтоб у тебя язык отсох, Бувиниса! — Ходжар-буви как будто даже всерьез рассердилась. — А я-то для тебя приготовила свой парчовый халат. Теперь жди! Ведь я еще собираюсь женить своего внука!

— Да сбудутся ваши слова, Завод-ая! Пусть ваш внук растет здоровым и крепким.

Женщины еще потараторили, посмеялись, а потом разошлись. Ходжар-буви, занятая разговором, и не заметила, как подгорел плов в казане.

— Да уж ладно, завтра вы сварите другой плов, — сказал Абид-ака. — А мы с племянником перепелок настреляем. Что скажешь на это, Абдулла?

— Вот было бы здорово! — обрадовался парень. — Я ведь еще ни разу не был на перепелиной охоте.

¹ Бешик-той — торжество в честь рождения ребенка.

— Ну и хорошо, значит, в новинку будет. Только встать придется пораньше. Да, вот еще какое дело. Ведь у нас одно ружье на двоих. Ничего?

— Ничего...

Абдулла поднялся на веранду бабушкиного дома. И мысли его, как свежий воздух Мингбулака, были чисты.

4

Абид-ака разбудил племянника перед рассветом:

— Ну что, пойдешь?

— А то как же! — бодро ответил Абдулла. Сказать-то он это сказал, но вставать не хотелось. Когда он спустился во двор, Абид-ака был уже одет в старый, латаный-перелатаный халат, на ногах у него были резиновые сапоги.

— Вон там одежда для тебя, — дядя показал на веранду. — Да и ботинки твои ни к чему, сейчас на клеверном поле роса, промокнешь в два счета.

Абдулла наспех плеснул в лицо водой, промыл глаза и взлетел на веранду. Там он надел потертый комбинезон с большими карманами и кирзовые сапоги. Комбинезон был ему великоват.

Абид-ака посмотрел на племянника и расхохотался:

— Да, теперь ты похож на настоящего тракториста!

— А это мне идет?

— Еще как!..

Ходжар-буви подала им в узелке завернутое в лепешки мясо из вчерашнего плова.

— Может быть, мы прямо сейчас и поедем? — спросил Абдулла. — А то я как будто уже есть захотел.

— Нет, надо спешить, — ответил Абид-ака. — Мы там позавтракаем. В этом есть своя прелесть. Ты как находишь?

— Ну что ж, ладно.

— Только не задерживайтесь, Абид, — сказала Ходжар-буви. — Ведь передачу надо Зухре отнести. Я приготавливаю для нее ширгурунч¹.

— Хорошо.

Только они подошли к воротам, Абид-ака крикнул:

— Тешабай!

Откуда ни возьмись подбежала к ним небольшая рыжая собака с длинными висячими ушами.

Абдулла удивился:

¹ Ш и р г у р у н ч — рисовая молочная каша.

— Дядя, а почему у нее человечесье имя?

— Э, племянник, это целая история, — принялся объяснять Абид-ака. — Есть у меня один друг-приятель. Его хлебом не корми, только дай поохотиться. Вот он мне щеночка-то и подарил. — Абид-ака покругил головой, рассмеялся. — Однажды прихожу к нему домой, вижу, он у себя во дворе занимается с собаками. А их у него целых четыре штуки. Да еще какие! Прикажешь им, к примеру, льва задрать — задерут! Да... Но этого мало. Еще три щенка по земле ползают! В тот день только глаза открыли. Стал я его просить-умолять отдать одного щенка. Ни в какую. «Не дам, говорит, и все тут». Уперся. Только через месяц выклянчил наконец. Так он чуть не заплакал, чужак. Взял щенка на руки, поцеловал его в нос. А я все боюсь, как бы он не передумал, не переменял своего решения. Ласково ему так говорю: «Слушай, друг Тешабай, не печалься...» Только это вымолвил, как песик повернул ко мне мордочку и стал смотреть на меня. Мы оба с другом рассмеялись. «Ну что ж, забирай», — сказал он и протянул мне щенка. «А какую кличку ты дал собаке?» — спросил я. «Ведь ты же сам сейчас назвал его Тешабаем», — ответил он. Вот так с тех пор и повелось — Тешабай, друг.

Пес услышал свое имя, замотал белым хвостиком, вытянул в сторону Абид-ака тоненькую темную мордочку.

— Иди, иди, иди, я тебя не звал, — сказал Абид-ака, указывая рукой на дорогу. — Хорошая собака. Ты еще посмотришь ее в деле.

Вскоре охотники свернули на тропинку, огибающую яблоневую рощу. Первые лучи солнца протянулись к ним из-за вершины горы. Яблоневые листья, уже начинавшие желтеть, засияли, словно золотые монеты.

Километра через два они вышли к большому арыку, сразу за которым росла кукуруза. Плотной стеной стояли высокие стебли, увенчанные крупными початками с красноватыми шелковистыми кисточками. Потом охотники миновали большое хлопковое поле. И наконец Абид-ака снял с плеча ружье.

— Вот мы и пришли.

Перед Абдуллой расстиралось бело-розовое море клевера.

— Давай-ка посидим немного, сейчас начнется, — промолвил Абид-ака.

Абдулла не понял, что хотел сказать дядя. Что же, в самом деле, «сейчас начнется»? А спрашивать постеснялся.

Кругом было тихо, даже птицы не пели. Легкий ветерок заставлял покачиваться круглые, кудрявые клеверные головки, от них исходил сладковатый аромат. Но вот Тешабай встрепенулся, высунул язык, проводил глазами шумную стайку воробьев, пролетевшую над зарослями кукурузы, заскулил тихонько, и Абид-ака погладил его по голове. И опять наступила тишина.

Абдулле надоело все это, и он спросил:

— Долго мы здесь будем сидеть?

— Тсс! — Абид-ака приложил палец к губам.

Со стороны кишлака послышалось мычание коровы. Потом издали, со стороны хлопковых полей, несколько раз донеслись звуки: гувак-гувак. Лягушка, что ли? Посидели еще немного, и наконец Абдулла услышал перепелиное «пид-пилик». Голос был высоким и чистым.

— Слушай! — толкнул племянника в бок Абид-ака.

И в самом деле, вот и еще громче, все отчетливее: пид-пилик, пид-пилик — перепелки перекликались уже по всему клеверному полю.

— Ну что, начнем? — спросил Абид-ака.

— Подождем еще немного.

Пид-пилик, пид-пилик. Абдулла думал об этих небольших птицах, которые выводили высокие трели, не чувствуя приближающейся опасности.

— Пора. Потом будет поздно. И люди здесь могут появиться. Стрелять опасно, — сказал Абид-ака, однако не тронулся с места.

Перепелиный хор зазвучал поглуше. Лишь кое-где слышались редкие высокие звуки.

— Пора.

Абид-ака поднялся, держа в руках ружье. Тешабай погрузился в клевер по самую шею. Сделав широкий полукруг, собака вернулась к хозяину.

— Пиль! — приказал Абид-ака.

Тешабай побежал вперед. Абид-ака поправил пояс, с которого свисали тесемки, и обратился к Абдулле:

— Ты должен идти рядом со мной. Не обгоняй и не отставай. Понятно?

— Хорошо, — сказал Абдулла, ступая по влажному клеверу. — А много мы настроляем?

— А сколько нужно?

— Да, наверное, пять-шесть?

Абид-ака рассмеялся.

— Пять-шесть настролять можно... А то и...

Он недоговорил, приложил ружье к плечу и выстрелил. У Абдуллы уши заложило. А к Абида-ака бежала уже собака, держа в зубах перепелку со свисающими вниз крыльями. Тешабай явно был доволен собой, вилял хвостом.

— К ноге,— сказал Абида-ака и хлопнул ладонью по колену.

Перепелка была еще жива. Абида-ака вынул ее из пасти собаки и подвязал к поясу. Перепелка трепыхнулась раза два и затихла.

— Жирные они нынче,— заметил Абида-ака, заряжая ружье.— Это на твое счастье.

Абдулла не ответил. В первый раз он был на охоте. Он раньше предполагал почему-то, что охотник после выстрела берет в руки добычу, уже переставшую быть живым существом. А тут... Он отвел взгляд от маленькой окровавленной птичьей головки, разможенной дробинками. «Надо же. Перепелка только что пела свое «пид-пилик»,— думал он,— а теперь она уже не будет петь. Теперь ее оциплют, выпотрошат и сварят вместе с пловом. Кто будет есть? Я не стану есть...»

— Что ты там делаешь? Почему отстаешь? — кричал Абида-ака.

Занятый своими мыслями, Абдулла и не заметил, что дядя от него отдалился. Охота была в самом разгаре. У Абида-ака и Тешабая все шло как по маслу. Тешабай делал стойку, потом по знаку хозяина продвигался немного вперед, птица взлетала, гремел выстрел, и перепелка падала. Тешабай бросался к ней, Абида-ака в это время перезаряжал ружье. Потом он хлопал ладонью по колену, и собака приносила ему убитую птицу. Абида-ака оказался хорошим стрелком, он бил перепелок влет наповал, и Абдулла перестал испытывать неприятное чувство.

Между тем солнце незаметно поднялось выше, золотистые лучи заливали всю округу. Послышался чей-то крик, потом вдалеке затарахтел трактор. Для колхозников начинался новый день, полный труда и забот. Легкий ветерок принес со стороны кишлака знакомую песню. «Наверно, по радио передают»,— подумал Абдулла. Звуки песни накладывались на голоса перепелок, все вместе звучало как-то по-новому. Абдулла забыл про охоту, всем сердцем прислушивался он к этой странной музыке, звеневшей над клеверным полем. Песня вскоре смолкла.

И снова грянул выстрел.

— Ну, как ты там считаешь, сколько уже? — кричал Абид-ака.

Дядя и племянник сошлись на берегу арыка.

— Ого! — сказал Абдулла. — Я вижу, вы много настреляли...

— Вот, считай.

Абид-ака отстегнул ремень со свисающими перепелками и передал племяннику:

— Сегодня их много. Настреляем еще столько же, и хватит. А ну-ка, Тешабай, вперед, ищи!

Абдулла пересчитал дичь. Всего было одиннадцать перепелок!

Когда они во второй раз обошли клеверное поле, Абид-ака подстрелил еще четыре штуки. Он был в отличном настроении.

— Слушай, племянник, давай теперь подзакусим немного. Самое время позавтракать. Ведь у нас в узелке мясо из плова. Ты как, не против?

Они снова подошли к арыку.

— Давай вот здесь и присядем, — предложил Абид-ака. — Ну как, хороша охота?

— Хороша.

— Сменю-ка я свою профессию, стану охотником.

— А вы до сих пор работаете на тракторе?

— Бери выше. Я сейчас руковожу трактористами.

— Стало быть, растете, — сказал Абдулла невнятно. Он уплетал мясо.

— Еще как расту! Для того чтобы стать бригадиром, мне потребовалось десять лет. Значит, если и дальше так удачно дело пойдет, через двадцать лет я стану председателем колхоза!

Абдулла рассмеялся.

— Работа у меня хорошая, — продолжал Абид-ака серьезным тоном. — В колхозе у нас тридцать тракторов. Зимой и летом они тарахтят, не простаивают. Вот и доходы идут. Я скоро машину куплю. Если у Зухры все обойдется благополучно, сын будет здоров, мы все сядем в машину и объездим всю республику — вот у меня мечта какая! Здесь у нас прекрасные места, с одной стороны — Арсланбобские леса, с другой — Чимган... На машине-то это просто доехать, только ее надо купить... Работа у меня неплохая, племянник. Плохо то, что я не учился, — Абид-ака вздохнул. — Еще на войне решил: если уцелею, обязательно буду учиться. Однако потом передумал. Сразу после войны трудно было, хозяйство подорвано, рабочие руки

вот как нужны, а в кишлаке, можно сказать, мужчин-то раз-два и обчелся. Тогда председателем был прекрасный человек — Манноп-ата. Умер он три года назад. Ты хоть видел его?

Абдулла отрицательно покачал головой.

— Да, Манноп-ата... Вот это был раис! Он своего здоровья не жалел, чтобы только колхоз побыстрее встал на ноги. Когда я вернулся с войны, он целую речь передо мной произнес. Говорил, что учеба никуда не денется, подойдет время, и станешь ученым. И пословицу привел: мол, ученым быть легко, человеком стать трудно. Кто в колхозе будет работать? Настоящий человек это сразу поймет. «Оставайся, браток», — сказал мне раис, и я остался. Столько было работы, что я и думать забыл про учебу. Теперь поздно. А сам ты что собираешься делать? Будешь работать или учиться?

— Буду учиться, — ответил Абдулла и смутился почему-то. — Хочу поступить на физмат.

— Дельно, — сказал Абид-ака. — Математику любишь?

— Да.

— Дельно. Учись, племянник, учись. У твоей матери вся надежда на тебя. Как отец-то себя чувствует?

— Ему лучше.

— Дай бог ему поправиться. Какую он болезнь-то имел? Гипер... гм... как это называется?

— Гипертония.

— Гипертония, — повторил Абид-ака. — Будь проклята эта хворь. Помню, года три назад он сюда приезжал. Сколько он тогда у нас прогостил, неделю, что ли?

— Неделю.

— На охоту с ним вместе ходили. Вон туда, — показал Абид-ака на край хлопкового поля. — Твой отец — настоящий стрелок, очень редко промахивался. Вот и настреляли мы тогда что-то около ста перепелок. А уж вечером такой плов приготовили, половину добычи в плов положили, а из другой половины шашлык сделали. Тогда твой отец и не вспоминал о болезнях.

Абид-ака призадумался. Машинально вынул из кармана смятую папиросу, закурил.

— Люблю я твоего отца. Много он добра мне сделал, женил, дружкой был на свадьбе.

— А вы приедете к нам погостить? — спросил Абдулла.

— Приеду. Вот Зухра вернется из роддома, и приеду. Вместе с перепелками.

— Ему их есть нельзя.

— Ну, скажешь тоже, парочку-то, наверное, можно... Ладно! Встанем, что ли, продолжим? Еще разок обойдем поле, и хватит. Эй, Тешабай, Тешабай, ты где?

Пес вынырнул из клевера, подбежал к хозяину.

И все началось сначала. Светило солнце, гремели выстрелы. Но только теперь Абдулла уже не отставал от дяди и вдруг даже «ура!» крикнул, когда Абиду-ака удалось подстрелить сразу двух перепелок.

Внезапно послышался протяжный крик арбакеша, и на дороге показался фургон, нагруженный арбузами. Абид-ака опустил ружье.

— Теперь стрелять уже опасно, — буркнул он.

Арбакеш, оказавшийся молодым парнем, подъехал поближе, поздоровался, спросил:

— Ну, как охота?

Абид-ака ответил скромно:

— Да вот, всего-то штук двадцать настроляли.

Парень окинул взглядом груды перепелок, улыбнулся недоверчиво:

— Да тут у вас больше! А вы пить не захотели, охотнички?

Он позвал Абдулла и протянул ему большой арбуз:

— Вот бери, бери, самый вкусный... Да, кстати, Абид-ака! Поздравляю с сыном!

— Спасибо.

— Теперь вам уж придется закатить плов из отборного, девзираинского риса. Да с перепелками.

— Отведаеть моего плова, Хамид. Это уж точно.

Арбакеш поехал дальше по дороге, Абдулла же с арбузом в руках пошел за дядей к рыку.

— Жажда замучила, давай-ка съедем арбуз прямо здесь, чего там еще нести его куда-то. — И Абид-ака на ходу достал из кармана складной нож.

Присели. Только Абид-ака вонзил острие в зеленую корку, как арбуз треснул. Красная сочная мякоть арбуза была на вкус сладка и прохладна.

— Вот и родниковой воды не надо, — заметил Абид-ака.

Один большой ломоть он дал Тешабаю. Пес завилял хвостом и стал есть арбуз. Да еще и семечки выплевывал!

Абдулла удивился:

— Никогда не видел, чтобы собака арбузы ела. Вот это да! Он у вас молодец.

— А ты думал!.. — Абид-ака хотел было еще что-то сказать, похвалить собаку, но в это время со стороны кукурузного поля послышалась высокая трель перепелки. Абид-ака так и замер с ломтем арбуза в руке. Абдулле показалось, что перепелка выводила теперь по-новому, как-то особенно отчетливо: «Так-тарак, так-тарак, так-тарак...» Абид-ака поднялся с места.

— Куда? — спросил Абдулла. Азарт охоты прошел, и ему не хотелось, чтобы и эта певунья была убита.

Тешабай по движениям хозяина догадался, что он намерен делать, и стремглав бросился в кукурузу.

— Дядя, не надо в эту стрелять! — сдавленно крикнул Абдулла. Горло у него перехватило.

Абид-ака не расслышал. Все произошло очень быстро. Тешабай сразу нашел перепелку и заставил ее подняться в воздух. Грянул выстрел. Перепелка тут же нырнула вниз, в заросли кукурузы. Собака побежала отыскивать дичь.

— Дядя, отзовите собаку! — закричал Абдулла.

Абид-ака хлопнул по колену, окликнул Тешабая. Тот нехотя остановился. Тут и подросел Абдулла:

— Дядя, ну зачем вы в нее стреляли?

— Ты бы сказал пораньше... — смущенно промолвил Абид-ака. — Похоже, дробинка только задела крыло...

Абдулла углубился в заросли кукурузы. Из одного ряда он перебрался на другой, на третий, на четвертый, но перепелки нигде не было видно. Он двинулся дальше, внимательно осматривал междурядья. Раздвинув в очередной раз стебли, Абдулла вдруг увидел шагах в десяти от себя девушку в белом платье и белой косынке. Она стояла, склонив голову, и держала в ладонях подранка. Абдулла подошел поближе.

— Живая перепелка? — спросил он.

— А если бы не живая, вы бы очень расстроились? Мало вы их настреляли, и эту надо было подбить? — сердито сказала девушка, не глядя на парня.

— Я тоже не хотел, чтобы ее убили, — виновато произнес Абдулла.

Девушка подняла голову, и Абдулла обомлел.

— Гюльчехра?

— Ой, так это ты... Это вы!.. — чуть не вскрикнула девушка и машинально свободной рукой потянула вниз подол платья.

«Как она изменилась! — пронеслось в голове у Абдуллы. — Была девчонка, угловатая, худая, кожа да кости,

а теперь... вы только посмотрите на нее! Красавица... Чистое тонкое лицо, большие удлинённые черные глаза, светящиеся мягким светом. Густые сросшиеся брови, нос с едва заметной горбинкой...» Полные губы девушки слегка дрожали, она была смущена неожиданной встречей.

Наверно, прошла целая вечность, прежде чем Абдулла заговорил. Он перевел взгляд на перепелку, кашлянул.

— Ее можно вылечить?

Внезапно на лице девушки выступил румянец.

— Наверно, можно, у нее крыло задето. Посмотрите сами. У бедняжки сердце так быстро бьется. Испугалась.

С этими словами Гюльчехра протянула к нему руку. На ладони лежала перепелка, мигая маленькими бусинками глаз...

— Она так хорошо пела,— сказал Абдулла.

— Да, очень хорошо,— оживленно поддержала его девушка,— я даже остановилась, заслушалась...

Она поправила косынку, наклонилась и подняла с земли небольшую корзину, наполненную кукурузными початками.

— Это для отца,— пояснила девушка.— А вы их любите?

Гюльчехра опять почему-то покраснела.

— Мой отец любит,— ответил Абдулла.

— Абдулла! Эй, Абдулла! — послышался голос дяди.

Абдулла не отвечал, он, улыбаясь, смотрел на девушку, раздумывая, что бы ей еще такое сказать. Ему совсем не хотелось уходить.

— Вас зовет дядя,— сказала Гюльчехра и протянула Абдулле перепелку.— Можете ее взять.

— Теперь она ваша.

— Почему же это?

— Вы отыскали ее, вот она и ваша.

— В таком случае я возвращу ее вам, когда она поправится.

Абдулла рассмеялся.

— Ну, теперь пойдём? — спросила Гюльчехра.

— Пойдем.

Абдулла поднял корзину и пошел вслед за девушкой. Осторожно раздвигая стебли, они выбрались из кукурузы и подошли к Абиду-ака, сидевшему на берегу арыка. Абид-ака сказал весело:

— Ну молодец, племянник! Вот так птицу поймал...

— Ну что вы, дядя... — смутился Абдулла.

— Как эта перепелка-то, жива? — спросил Абид-ака.

— У нее крыло задето, — ответила девушка.

— Гюльчехра собирается ее подлечить, — пояснил Абдулла, оправившись от смущения.

Они двинулись в обратный путь. Впереди шел Абид-ака, то и дело поправляя ружье за спиной. Молодые люди немного отстали. Долго шагали молча. Гюльчехра заговорила, когда они подошли к самому кишлаку.

— Кстати, я поздравляю вас.

— С чем поздравляете? — удивился Абдулла.

— С медалью.

Абдулла переложил корзину из руки в руку.

— Спасибо. Откуда вы узнали?

— Об этом весь кишлак знает, — Гюльчехра улыбнулась. Очень красивая у нее была улыбка. Абдулла невольно залюбовался девушкой.

— Дальше мне налево, через мостик... — Гюльчехра опустила глаза.

Абдулла протянул ей корзину.

— А мне когда вас поздравить?

— Можете хоть сейчас. Я ведь тоже закончила школу.

— Неужели? — Абдулла покраснел. — Простите, я забыл. Сколько времени не виделись...

— Два года, — подсказала Гюльчехра. — Естественно, вы могли забыть.

— Простите.

— Ничего особенного. Вечером у нас в школе праздник. Приходите.

— Спасибо...

Гюльчехра, легко ступая, направилась к мостику. На сгибе руки, касаясь тоненькой талии, висела корзина, в другой руке у нее была перепелка. Абдулла долго смотрел вслед девушке.

5

«Как это она сказала? Да так и сказала: «Прошло два года, вы, естественно, могли забыть меня». Значит, она не забыла его, Абдулла. А не то разве стала бы считать, сколько они не виделись? Кто бы мог подумать, что она станет такой красавицей! В детстве-то они вроде дружили, бегали вместе, озорничали... А давно ли это было? Отец Гюльчехры — хороший друг Абид-ака, они в войну два года прослужили в одной части. Рассказывали, Ганишер-ака в молодости был парень буйный, за словом в карман не лез, драться любил. А как вернулся с войны в родной

кишлак да женился, так другим стал. То ли фронт его сделал таким, то ли жена, во всяком случае, в кишлаке долго удивлялись, отчего это он такой тихий да смиренный. Ганишер-ака стал бригадиром хлопкоробов. Работал он хорошо и лет пять назад стал Героем Социалистического Труда.

Гюльчехра в детстве напоминала отца, была отчаянной девчонкой. Ни в чем не уступала она кишлячным мальчишкам. Чуть не каждый день приходила с улицы разлохмаченная, в ссадинах и царапинах. Мать бранила ее, а Ганишер-ака гордился дочерью. И Гюльчехра чувствовала себя свободно, понимая, что отец не даст ее в обиду.

До сих пор еще Абдулла помнит... В первые годы после войны жил в кишлаке один человек по имени Дадабай-амаки. Работал он в геологической партии. Уходил на утренней заре и возвращался домой поздно вечером. Одевался Дадабай-амаки всегда одинаково: носил короткие брюки с заплатами на коленях и даже в жаркие летние дни не снимал с головы остроконечной буденовки. Он, можно сказать, не участвовал в жизни кишлака, но почему-то имя его всегда произносилось с большим уважением. Почему так было — дети не знали. Дадабай-амаки был немногословен, иной раз вообще не здоровался, вот дети и недолюбливали его, и даже побаивались.

Как всегда, Абдулла приехал в кишлак на летние каникулы. Кажется, он тогда окончил третий класс. И вот Гюльчехра повела его к дому Дадабая-амаки.

— Посмотри-ка вон туда,— сказала она, показывая на глиняную крышу.

Абдулла сначала ничего особенного не увидел. А потом около дымовой трубы заметил какое-то странное существо.

— Что это такое? — спросил он, ничего не понимая.

— Орел! — прошептала Гюльчехра.— Беркут! Дадабай-амаки принес его вчера. Сейчас я тебе его покажу как следует.

Гюльчехра перешла на другую сторону улицы и бросила на крышу небольшой камешек. Орел вздрогнул и повел из стороны в сторону крючковатым клювом. Потом, нахохлившись, медленно обошел вокруг трубы. К одной его ноге была привязана цепь.

— Зачем он Дадабаю-амаки?

— Не знаю,— ответила Гюльчехра.— Может, он его оставил дом сторожить?

— Не может быть,— сказал Абдулла.

— Почему не может быть? Собака ведь сторожит?

— То собака...

— Если хочешь знать, беркут сильнее собаки.

Долгое время они стояли на улице и глазели на большую птицу.

— Ты знаешь, — заговорила Гюльчехра, — мне так его жалко...

— Почему?

— Наверно, он голодный. Дадабая-амаки целый день дома не бывает.

— Давай дадим ему что-нибудь поесть, — предложил Абдулла.

— А что? — Гюльчехра покачала головой. — Ведь беркуты едят сырое мясо!

— Ну вот и дадим ему!

— А откуда достанем? Было бы у нас мясо, мама давно бы уж суп сварила.

Тогда в кишлаке с мясом было трудно. Не так уж много лет прошло после войны...

Дети задумались.

— Может, он хлеба поклюет? — спросила с надеждой Гюльчехра. — Вчера мама испекла кукурузных лепешек.

— Не знаю! Ведь орел не курица, — важно сказал Абдулла. — Ну все же давай попробуем.

Гюльчехра сбегала домой за лепешками, и вскоре румяные толстые корки полетели на крышу Дадабая-амаки. Однако беркут не обращал на них внимания. Он даже не шевельнулся.

— Плохо дело, — сказал Абдулла.

Гюльчехра всхлипнула.

— Ты что плачешь?

— А почему он не ест?! Ведь он голодный, голодный, как ты не понимаешь...

— Ты погоди, — нахмурился Абдулла. — Не плачь, мы что-нибудь придумаем...

— А что придумаем? — вытирая глаза, спросила Гюльчехра.

— Подождем Дадабая-амаки. Посмотрим, чем он его кормит... Спрячемся вот тут за деревом.

В тот день до позднего вечера ждали они Дадабая-амаки. Наконец он появился с большой сумкой в руке, открыл дверь и зашел в дом.

Через некоторое время он зажег фонарь и поднялся на крышу, что-то бормоча про себя. Дети так ничего и не расслышали. Дадабай-амаки взял беркута под мышку и спустился вниз. Поставил фонарь посреди двора, высы-

пал какие-то темные куски из сумки на землю. Беркут сразу же начал клевать.

— Натерпелся ты, бедняга, натерпелся, — услышали дети голос Дадабая-амаки.

— Он дает ему мясо, — прошептал Абдулла на ухо Гюльчехре.

Немного погодя Дадабай-амаки отнес орла на крышу, и дети разошлись по домам. Утром они снова пришли посмотреть на беркута.

Как и вчера, он сидел, нахохлившись, около трубы.

— Почему Дадабай-амаки сказал, что орел натерпелся? Ты понял что-нибудь? — спросила Гюльчехра.

— Нет, не понял.

— Мясо доставать трудно. Дадабай-амаки редко его кормит. Вот орел и натерпелся... — объяснила Гюльчехра.

— Может, и так, не знаю.

— Чего там не знать, точно. — Гюльчехра вдруг подтолкнула Абдулла плечом: — Может, нам его выпустить?

Абдулла замотал головой:

— Дадабай-амаки крик подымет...

— А откуда он узнает, что это мы сделали? Покричит и перестанет. Орел подохнуть может на цепи, а мы цепь снимем. Пусть летит.

— Сейчас, что ли? — заколебался Абдулла.

— Нет, вечером.

— Ладно.

В сумерках дети перелезли через дувал и очутились во дворе Дадабая-амаки. Оказалось, хозяин закрепил один конец цепи на столбе террасы. Абдулла осторожно размотал цепь, потянул ее легонько. Беркут подошел к краю крыши.

— С цепью он лететь не хочет, — сказала Гюльчехра. — Надо ему ногу освободить.

— А как? Ведь он нас заключает...

— Мы на него мешок набросим.

Они так и сделали: взобрались на крышу, накинули на орла мешок. Дети даже удивились, до чего спокоен беркут: с курицей и то хлопот было бы больше. Они сняли со страшной, когтистой лапы цепь, сбросили ее во двор, сдернули с орла мешок и отскочили к лестнице. И что же? Беркут не хотел улетать! Он прижался к трубе и вдруг спрятал голову под крыло!

— Что это он? — удивился Абдулла.

— Не знаю... Ничего, сейчас полетит...

Гюльчехра схватила длинную палку и стала подталкивать беркута к краю крыши. Вот он уже на самом краю. «Ну, сейчас полетит», — подумал Абдулла. Орел и в самом деле полетел, но только вниз. Он тихо опустился во двор.

— Да у него крылья подрезаны! — вдруг догадалась Гюльчехра.

Беркут величественно прошел мимо террасы, приблизился к тому месту, где вчера ужинал, и снова, нахохлившись, спрятал голову под крыло.

— Что теперь будем делать? — испуганно спросила Гюльчехра.

Что было ответить? Не знал он, что делать. Пожал плечами. В первый раз он увидел, что Гюльчехра испугалась. Дети спустились с крыши и, пригорюнившись, сели у порога.

— Хорошо еще, никто не знает, что мы натворили, — вздохнув, сказал Абдулла.

— Конечно, — пришлось согласиться Гюльчехре. — Вот было бы крику! Я боюсь Дадабая-амаки. У него глаз дурной. Вот такой. — И Гюльчехра вытаращила глаза, пытаясь изобразить Дадабая-амаки.

Абдулла рассмеялся.

— Чего ты смеешься?

— Дадабай-амаки никогда так не таращится. У него глаза всегда одинаковые — рыбы.

— Нет, он таращит глаза, — настаивала на своем Гюльчехра.

— Не таращит.

— Нет, таращит!

— Ладно, пусть будет по-твоему. Послушай-ка, — сказал Абдулла, поняв, что спорить с ней бесполезно. — Самое лучшее сейчас удрать. А то подойдет Дадабай-амаки — целым отсюда не выберешься. Что ты скажешь на это?

Они поднялись с порога и пошли к воротам. Гюльчехра оглянулась: беркут ковылял за ними! Дети обошли вокруг дома — беркут не отставал! Они останавливались, и он замирал на месте. Но стоило двинуться вперед, он следовал за ними.

Гюльчехра растерялась и заплакала.

— Что теперь будем делать? Он от нас не отвяжется...

Абдулла молчал. Ему тоже стало страшно. Почему этот орел бежит за ними, как собака?

Вдруг дети замерли: ворота со скрипом отворились, и во двор вошел Дадабай-амаки. В руках он держал свою

большую сумку. Хоть и темновато уже было, он сразу заметил неожиданных гостей:

— Кто вы такие?

Дети молчали. Зубы у них выбивали дробь от страха.

Дадабай-амаки поднялся на террасу и зажег фонарь.

— Никак, это дочь Ганишера,— сказал он, посветив фонарем.— А этого сорванца что-то не припомню.

Гюльчехра заплакала.

— Перестань реветь. Как вы сюда попали? Ну что ж, не хотите разговаривать — не надо,— Дадабай-амаки опустил фонарь.— Я ведь в детстве тоже не был ангелом. Совал нос не в свое дело. Все-то мне было любопытно.

С этими словами он спустился с террасы во двор и увидел на земле нахохлившегося беркута.

— А вот это уж совсем нехорошо,— произнес он.— Зачем вы сбросили его с крыши! Слепому человеку трудно жить без поводыря. А этот беркут не только слеп, но и стар.— Дадабай-амаки покачал головой.— Когда-то он спас меня от голодной смерти в горах. Вот я его и кормлю...

— Мы не знали, дядя,— сказала сквозь слезы Гюльчехра.— Мы больше не будем его трогать...

— Верю, дочка, верю,— улыбнулся Дадабай-амаки.

Дети пошли домой, не глядя друг на друга. «А ведь дядя-то хороший человек»,— подумал про себя Абдулла.

Однако через какую-то неделю Дадабай-амаки исчез из кишлака вместе с беркутом. Долгое время о нем ничего не было слышно. А потом по кишлаку пронесся слух, что геологическая партия, в которой работал Дадабай-амаки, открыла месторождение какого-то важного, редкого металла... Абдулла вспомнил, как они с Гюльчехрой порадовались за этого доброго человека...

И еще один случай вспомнил Абдулла. Тоже давно это было, в шестом или седьмом классе. Их тогда попросили отвести лошадей на дальний полевой стан. Жарко было. Они ехали рядышком по берегу канала, а потом пустились наперегонки. Абдулла первый прискакал на стан и с удивлением обнаружил, что людей там нет. Наверно, не дождались подмоги, ушли работать на дальнее поле.

— Здесь и подождем! — крикнул он Гюльчехре.

Они спешились и присели на глиняном возвышении возле пруда — хауза.

Вокруг было тихо. Гюльчехра схватила камешек и бросила его в воду. Она долго следила за расходящимися, поблескивающими на солнце кругами.

— О чем это ты задумалась? — спросил Абдулла.

— Да просто так... — сказала она. — Я думаю о том, кем мы будем, когда вырастем.

— А кем мы будем?

— Ты будешь ученым.

— Ученым? — удивился Абдулла.

— Да, ученым. Будешь носить большой портфель, станешь похож на того очкастого профессора. Помнишь кино «Депутат Балтики»?

— Да брось болтать! — отмахнулся Абдулла. Однако в душе он был рад этому сравнению.

— Нет, правда, я таким тебя вижу.

— А сама ты? Кем сама станешь?

— Я? — Гюльчехра призадумалась. — Я... буду архитектором.

— Вон куда махнула! — прищурился Абдулла. — Слишком много на себя берешь!

— Почему много? Если ты будешь ученым, почему я не смогу стать архитектором? Буду учиться... Может быть, я стану архитектором в Мингбулаке...

— Скажешь тоже! Архитектор... В нашем кишлаке! Ой, не могу! — Абдулла захохотал.

— Что смеешься? Если сейчас нет архитектора, будет после. Обязательно будет. И тогда я построю высокие-превысокие красивые дома. А потом... — Гюльчехра запнулась, так и не смогла сказать, что будет потом.

— А я еще не знаю, кем буду, — Абдулла тоже бросил камешек в хауз. — Мой отец говорит, чтобы я, кроме школы, пока ни о чем не заботился.

— Конечно, может, и рано об этом думать. Вот недавно я хотела стать врачом, а потом — инженером. А теперь мне хочется стать архитектором... Как ты считаешь, что лучше?

— Наверно, все эти профессии хороши, — сказал Абдулла неуверенно. — А если бы не были хороши, то все люди были бы только врачами или только инженерами. И не шли бы на другую работу.

Эта мысль, кажется, ему самому понравилась.

Гюльчехра тогда ничего не ответила, промолчала, да и люди скоро появились, отвлекли...

«А кем же она сейчас собирается стать?» — глядя себе под ноги, раздумывал Абдулла. Он медленно приближался к дому. Вдруг кто-то хлопнул его по плечу.

— Привет! — услышал он рядом чей-то голос.

Абдулла поднял голову. Перед ним стояли двое знакомых ему парней. Одного звали Касымджаном, а другого то ли Саидом, то ли Самадом. Память подвела Абдулла, никак не мог вспомнить.

— О чем это ты замечтался? — спросил Касымджан.

— Мы с дядей были на охоте, — отвечал Абдулла, пожимая их крепкие руки. — Ну как жизнь? Все хорошо?

— Спасибо, — сказал Касымджан и щелкнул пальцем по танбуру¹, который держал в левой руке. — Мы последние экзамены сдали. Хватит, отмучились. А вечером у нас праздник, самодеятельность, сам понимаешь. Вот сейчас идем на репетицию.

— Кажется, и ты закончил школу? — спросил парень, которого звали не то Саидом, не то Самадом.

— Да...

— Хорошо закончил?

— Неплохо, — ответил Абдулла. — А вы как?

— И мы то же самое, — сказал Касымджан. — Когда ты приехал?

— Вчера.

— Долго здесь пробудешь?

— Еще не знаю...

— Ну ладно. Приходи вечером в школу. Повеселимся. Договорились?

— Хорошо, приду! — сказал Абдулла. Ведь сегодня его уже приглашали!

— Вечер будет что надо. Сам раис организовал.

— Ого! — улыбнулся Абдулла.

— Еще бы! Колхозу нужны кадры. А мы эти кадры и есть. Вот почему к нам такое внимание...

Все трое рассмеялись.

Абдулла проводил взглядом Касымджана с товарищем и зашел в дом. Бабушку он застал на кухне, она ощиывала перепелок.

— Что тебя задержало, сынок? — спросила Ходжарбуви.

— Товарищей встретил.

— Наверно, проголодался, милый ты мой, да будет легка твоя поступь... Сейчас, сейчас, — заторопилась бабушка. — Дядя-то твой в больницу побежал, только к обеду вернется.

¹ Т а н б у р — музыкальный инструмент.

Абдулла машинально ел что-то, а перед глазами у него стояла Гюльчехра. Она улыбалась, поправляла на голове косынку.

«Нет, я так не могу уехать, — думал Абдулла. — Останусь в кишлаке дней на пять-шесть». Придя к этому решению, он откинулся на мягкую пуховую подушку. Со двора послышался детский голосок:

— Бабушка! Бабушка!

— Заходи! — отозвалась Ходжар-буви. — Что говоришь? А, к Абдулле пришел? Ступай на террасу, он там сидит.

«Кто же это?» — Абдулла приподнялся, выглянул во двор. По ступенькам террасы поднимался мальчуган лет пяти-шести, смуглый до черноты; в руках он нес какой-то предмет, завернутый в полотенце. Мальчик переложил узелок из руки в руку, подул на пальцы и спросил:

— Абдулла-ака?

— Да, я, а что?

— Вот моя сестла велела вам плинести.

— А что это?

— Кукуюза. Она горячая.

С этими словами мальчик развернул полотенце, и на кошму вывалились три больших красных початка.

Не успел Абдулла сказать «спасибо», как мальчишку словно ветром сдуло с террасы. И след простыл.

Абдулла, обжигаясь, вынул из початка несколько горячих зерен, попробовал. Как вкусно! Интересно, почему же ему раньше не нравилась вареная кукуруза?

6

Когда вечером Абдулла пришел в школу, торжественная часть уже кончилась. Касымджан стоял посреди школьного двора и о чем-то разглагольствовал, размахивая руками, однако никто его не слушал. Ребята сидели за длинным столом и смотрели на девушку, которая пела куплеты под аккомпанемент дутара... Абдулла остановился, прислушался. Слов он не мог разобрать. После каждого куплета раздавался смех, и наконец все захлопали в ладоши. Касымджан, должно быть, подумал, что это ему аплодируют, поклонился, потом гордо выпрямился и сложил руки на груди. Тут-то он и заметил Абдуллу.

— Эй, медалист, где пропадал? — крикнул он.

Абдулла не ответил, он искал глазами Гюльчехру. «Где же она? Не пришла, что ли? Не может быть...»

— Товарищи! Минуту внимания! — закричал Касымджан. — Нам оказали большую честь! На наш вечер соизволил приехать из Парижа, простите, из Ташкента, товарищ Абдулла Шарипов.

Кто-то захлопал в ладоши, кто-то рассмеялся. Касымджан продолжал свою речь:

— Товарищ Шарипов не простой человек, не такой, как мы с вами. Он закончил школу с золотой медалью. Ура, товарищи!

Эта глупая выходка покорила Абдуллу, он хотел было уйти, но Касымджан подбежал к нему, крепко взял за руку и потянул к накрытому столу. Абдулла не оказывал сопротивления. Гюльчехры по-прежнему нигде не было видно. «Ну что ж, я посижу немного и уйду», — решил Абдулла.

— Ты не обижайся на Касымджана, — сказал вдруг его сосед по столу. Только тут Абдулла вспомнил, что зовут его именно Самадом, а не Саидом.

— Ничего особенного, Самад, — натянуто улыбаясь, произнес Абдулла.

— Понимаешь, нам раздали аттестаты, а потом все взрослые разошлись, чтобы не мешать нам. — Самад улыбнулся. — Ну вот Касымджан и...

Касымджан неожиданно заплакал:

— Абдулла, друг! Понимаешь, сбили меня с толку. Я не желаю оставаться здесь, не желаю! Понимаешь это, Абдулла?! Я хочу ехать в город, мне хочется учиться в городе. А что хорошего здесь, в кишлаке! Хлопок, хлопок и еще раз хлопок!..

— Не болтай чепуху, Касым! — сказал Самад.

— Это не чепуха. Разве мои слова не правда?

— Неправда!

— Зачем притворяешься? Я-то знаю, что и ты не любишь кишлак. Точно так же, как и я, ненавидишь кишлак. Но боишься об этом сказать, а я не боюсь! Я правду говорю! Кишлак у меня вот здесь, вот здесь, вот здесь!..

Касымджан взялся двумя пальцами за кадык, замотал головой.

— Отвели бы вы его спать, — раздался девичий голосок.

Двое парней подхватили Касымджана под руки, один из них что-то шепнул ему на ухо, тот хихикнул и, не сопротивляясь, ушел, покачиваясь, вместе с ними.

— Ничего не понимаю... — сказал Абдулла как бы про себя.

— А что тут понимать, — рассмеялся Самад. — Просто дурь свою показывает. А вообще-то дело в том, что два дня назад мы все решили остаться в кишлаке.

— Остаться в кишлаке? — удивился Абдулла.

— Да, и Касымджан тоже. Мы большую пользу можем принести. Рабочих рук не хватает. Все в кишлаке обрадовались, что мы остаемся. Глядишь, вместе с нами наш колхоз и в передовые выйдет!

— А вы разве не будете учиться дальше?

— Это почему же не будем учиться? — Самад даже как будто обиделся. — Будем учиться. Мы все будем учиться. Только заочно. Я, например, хочу поступить в сельхозинститут. Касымджан — в пединститут, на филологический факультет.

— Что же теперь будет с Касымджаном?

— А что может быть... — Самад нахмурился. — Будет так, как он захочет. Пожелает уехать — никто не станет его удерживать. Ведь мы остаемся не по принуждению. По доброй воле.

— Ты тоже по доброй воле?

— Да...

— Почему же тогда Касымджан говорил, будто ты не любишь кишлак? — спросил Абдулла с улыбкой.

— Как бы тебе объяснить... — медленно произнес Самад. — Не то что не люблю... Мингбулак стоит в хорошем месте, простор, родников много... И потом, ведь я здесь, в кишлаке, родился. Как можно родину не любить? Но вот, к примеру, ты ведь знаешь, какие у нас в кишлаке улочки? Кривые, узкие... Летом всегда пыль, зимой вечно грязь. Домов с десятков новых, а остальные все старые, глиняные, с камышовой крышей. И еще многое мне не нравится, но об этом сейчас бесполезно говорить. Делать надо. Вот мы с Гюльчехрой и думаем...

— С Гюльчехрой?

— Да, ей тоже многое не нравится в нашем кишлаке. Вот так, Абдулла. Но пройдет пять-шесть лет, и Мингбулак станет другим. Ты его не узнаешь.

— Да сбудутся твои слова, — вежливо сказал Абдулла. Он не переставал озиаться по сторонам.

Узнать у Самада, где Гюльчехра, ему казалось неудобным, и он тихо поднялся с места.

— Ты куда? — спросил Самад.

— Пойду, уже поздно.

— Погоди, сейчас подадут плов. Гюльчехра там у котла, она главная хозяйка. И без ее разрешения ты не уйдешь.

Абдулла обрадовался, однако постарался не показать этого:

— Засиделся я у вас...

— Какое там засиделся! За этот вечер тебя никто ругать не будет.

Абдулла пожал плечами, снова сел за стол.

Кто-то включил радиолу. Прозвучали первые такты вальса.

— Вставай, — сказал Самад. — Ты как-никак у нас городской, начал бы первым.

У себя в школе Абдулла танцевал лучше всех. Тем более не было ему равных здесь, в кишлаке. Все любовались его ловкими, красивыми движениями, а когда танец кончился, стали хлопать в ладоши. Абдулла, смущенный всеобщим вниманием, отвел девушку на место и направился к столу.

Только он собрался сесть, как у самого его уха зазвенел знакомый серебристый голос:

— Как хорошо вы танцуете!..

Абдулла повернул голову. Гюльчехра! И опять, как тогда, в кукурузе, он растерялся, так она была красива. На ней было красное атласное платье, сильно расширяющееся книзу, белые изящные туфельки на высоких каблуках. Волосы Гюльчехра заплела в две длинные косы, одна из них спадала на грудь. Блестящие глаза смотрели на Абдуллу с некоторым вызовом...

— Где вы были, почему вас не было видно? — наконец проговорил он.

Гюльчехра рассмеялась:

— Кто-то должен и плов варить... Однако я заметила, как вы пришли. Только не стала подходить к вам.

Но тут снова загремела радиолоа, и опять это был вальс.

— Вы танцуете? — спросил Абдулла.

— Я стесняюсь с вами танцевать, — произнесла Гюльчехра, склонив голову.

— Почему?

— У меня это плохо получается. Вы будете смеяться надо мной...

— Я! Над вами?! — Такое искреннее удивление прозвучало в голосе Абдуллы, что Гюльчехра улыбнулась и подала ему руку, приглашая его в круг. Абдулла ле-

гонько сжал горячую узкую ладонь, другой рукой осторожно обнял девушку за тоненькую талию.

Почти сразу же он убедился, что Гюльчехра — достойная его партнерша. Танцевала она и легко и плавно, вести ее было очень приятно. «Нет, это просто удивительно, — думал Абдулла, — надо же было найти такую девушку — и где, в Мингбулаке!»

— А вы обманщица, — заметил он вслух.

— Почему? — Гюльчехра сдвинула брови.

— Вы не то что очень хорошо — вы прекрасно танцуете!

— Ну уж прекрасно! — Гюльчехра рассмеялась. — В Мингбулаке мало танцуют. Ведь кишлак не город. И времени нет, и возможности.

— Почему? — удивился Абдулла. — Ведь сегодня...

— Сегодня другое дело. Сегодняшний день мы ждали давно.

Абдулла не понял толком, что хотела сказать Гюльчехра. Он танцевал с ней, и этого ему было вполне достаточно. Вот это девушка! Какая она простая, доверчивая. А потом, она очень красивая. Вот если бы сейчас пройтись с ней по городским улицам! То-то стали бы ему завидовать, смотреть им вслед! Это пока невозможно, так пусть хоть никогда не кончается этот вальс. В этот момент Абдулла осознал, что девушка как-то странно на него посмотрела, рассеянно, задумчиво... В своих мыслях она, казалось, была далеко отсюда.

— Что с вами, вы не устали? — спросил Абдулла.

— Нет, я просто призадумалась. Извините.

— Да? А я испугался, что обидел вас, может быть, сказал что-нибудь не так...

Гюльчехра улыбнулась, как бы издали возвращаясь к нему, и Абдулла сразу повеселел.

— Гюльчехра, — сказал он возбужденно, — знаете что? Пойдемте немного погуляем.

Он и сам не знал, как пришла ему в голову эта мысль.

— Пойдемте сходим к берегу канала. Сейчас там, должно быть, очень красиво.

Вальс кончился, и Абдулла взял Гюльчехру за локоть.

— Не отказывайтесь. Пойдемте.

Девушка не отвечала. Она смотрела на своих подруг. Что они скажут, если она уйдет сейчас вместе с Абдуллой...

— Что ж, пойдете, — наконец сказала она.

Постепенно отдалялся от них школьный двор, отдалялись радостные голоса и смех, только музыка еще долго их сопровождала. Небо над кишлаком было полно звезд, желтовато, словно молодой подсолнух, светила луна, кроны яблонь в саду были усыпаны бесчисленными серебряными сережками.

Абдулла шагал, стараясь не наступить на тень, которую отбрасывала девушка. И все же на повороте он был вынужден наступить на эту живую тень, но тут же отпрянул назад, словно его ударило током. К его удивлению, Гюльчехра поняла, в чем дело, сказала, сдвинув брови:

— Как вы неосторожны, наступили все-таки!

— Вам больно? — поддержал игру Абдулла.

— Очень даже. — И Гюльчехра неожиданно расхохоталась.

Смеялась она от души, и Абдулла не смог не присоединиться к ней. Отчужденность и смущение, которые сопровождали их, куда-то исчезли. Абдулла взял девушку за руку:

— Как здесь хорошо, Гюльчехра, правда?

— Мне нравится... — тотчас же ответила девушка. — Вечером я здесь ни разу не бывала. Вы только посмотрите на воду — прямо как серебряная бумага, в которую конфеты заворачивают. Мы здесь проходили днем. Тогда тоже было хорошо...

— Да, но сейчас лучше, — сказал Абдулла и легонько сжал ей ладонь.

Они стояли на берегу канала возле мостика со сломанными перильцами...

— Ой, что это? — вдруг промолвила девушка.

— Что?

— Мята...

— Мята?

— Да, расцвела даже в эту пору. Чувствуете запах?

— Как будто, — сказал Абдулла. — Может, достать вам ее?

— Да ведь темно...

Однако Абдулла уже спускался к воде. Как мог он отыскать маленькую веточку мяты в призрачном лунном свете среди других растений? Абдулла не думал об этом. Он обязательно должен найти мяту, обрадовать Гюльчехру.

«Какой замечательный парень вырос! — думала между тем девушка. — Два года прошло. И вот Абдулла — это он и не он. Умный, учтивый. И... красивый... Интересно,

встречается он с кем-нибудь в Ташкенте?» Гюльчехра вздрогнула. Какое ей дело до этого? Неужели она ревнует? Встречается.— так пусть и встречается. Почему бы ему не встречаться... Но сейчас она благодарна Абдулле. Она хотела танцевать, и Абдулла пригласил ее. Только она заикнулась о мяте, и вот он ее ищет. Пусть даже не найдет, дело-то не в том...

— Абдулла, хватит,— сказала девушка,— там глина, испачкаетесь.

— Ничего. Мята где-то здесь. Пахнет. Сейчас я ее найду.

Абдулла обеими руками шарил по траве:

— Хватит, Абдулла, поднимайтесь!

Девушка наклонилась, протянула руку, и ладонь ее коснулась головы Абдуллы, пригладив жесткие, упрямые волосы. «Ой, что я делаю! — подумала Гюльчехра и отдернула руку.— Что это со мной?»

— Ну куда ей деваться? — говорил между тем Абдулла.— Вот, кажется, она здесь.

Нельзя было понять, что он имел в виду. Однако Гюльчехре захотелось ответить:

— Да, здесь запах мяты всего сильнее.

— Вот и я чувствую. Но где она все же? Может, под этой колючкой?

— Будьте осторожны. Уколоться можно...

— Не уколюсь. Да если и уколюсь, что тут страшного?

Внезапно Абдулла поскользнулся и чуть не съехал в воду.

— Держитесь! — крикнула Гюльчехра.

— Ничего, ничего... Вот теперь я твердо стою на ногах.

— Укололись?

— Не укололся. Нашел, нашел, Гюльчехра! Вот она, мята!

— Ура! — закричала девушка, когда Абдулла благополучно выбрался наверх и преподнес ей пахучую веточку.— Как она пахнет! Какой дивный запах! Спасибо!

— Не за что,— сказал Абдулла.

— Вы знаете, я очень люблю мяту. А помните, как мы однажды ее собирали?

— Когда? — спросил Абдулла.

— Давно. Кажется, мы учились тогда в шестом классе.

Никак он не мог припомнить этого случая:

— Так вы говорите, это весной было?

— Да. Завод-ая попросила нас нарвать мяты, она суп-машхурду готовила. Вот мы вдвоем и отправились. Вон

к той плотине. В те дни мята вовсю цвела. Только мы стали собирать — пошел град...

Гюльчехра внезапно рассмеялась.

— Что тут смешного?

Девушка старалась удержаться от смеха, но у нее ничего не получалось.

— Понимаете, одна градина... величиной с орех... Ха-ха-ха...

— Ну и что, что тогда случилось? — Абдулла почему-то смутился.

— Эта градина, величиной с орех, ударила вас по голове. Большая шишка вскочила... — Гюльчехра снова приснула. — И мы с вами гладили эту шишку и горько плакали.

— Я этого не помню, — произнес Абдулла, невольно взявшись за голову. — Неужели я был таким плаксой?

— Ох и плакали же вы тогда! Но мяту мы с вами все-таки собрали — полную сумку.

— Она так же пахла?

— Нет, — сказала девушка, потупив голову, — тогда было другое дело...

— Гюльчехра...

— Что...

— Почему вы хотите остаться в кишлаке?

Девушка не отвечала. Они долго шли молча. Впереди, в свете фонаря у начала плотины, кружилась то ли ночная птица, то ли летучая мышь.

— Неужели Мингбулак лучше Ташкента?..

— Я люблю Мингбулак, — промолвила наконец Гюльчехра, — и не надо сравнивать его с Ташкентом. Настанет день, когда Мингбулак превратится в красивое, благоустроенное село. Но дело не в этом.

— А в чем же?

— Я не могу уехать отсюда, — вздохнула девушка. — У меня мать больная, кто же присмотрит за отцом?

— У нас с вами одинаковое положение, — сказал Абдулла. — Мой отец тоже болен. Но это не может быть причиной...

— Я все равно буду учиться.

— Заочно?

— Да.

— Заочно учиться трудно. А вот если бы вы поехали... мы были бы вместе...

— Это невозможно. Мы решили остаться здесь — всем классом.

— Это не имеет никакого значения. Вот Касымджан ведь отказался? Он поедет в город.

— Это еще неизвестно.

— Я очень хочу, чтобы вы приехали в Ташкент.

— Спасибо, Абдулла.

Этот разговор заставил их призадуматься. Абдулла переживал из-за того, что он сможет видеть ее только раз в году, во время каникул. А может, и вообще не увидит. Гюльчехра — взрослая девушка. А в кишлаке много парней. Как сказал недавно Самад? Мол, о будущем кишлака он думает вместе с Гюльчехрой. Значит, питает к ней симпатию. Чем это может кончиться?.. Ох, как бы все-таки было хорошо, если бы Гюльчехра училась в Ташкенте! Он бы встречался с ней каждый день, да, каждый день! Она бы, возможно, полюбила его...

Так думал Абдулла, время от времени поглядывая на притихшую девушку. Гюльчехра шла рядом с ним по темной дороге и никак не могла понять, что происходит. Что случилось? Ведь он такой же парень, как и Самад, Касымджан. Она увидела его утром, пригласила на вечер. Что ж, это естественно, ведь он не чужой... Однако уже эта первая встреча как-то странно подействовала на нее. Что-то было в теперешнем Абдулле такое, что с первого взгляда словно магнит притягивало ее к нему, поэтому она весь день торопила солнце, чтобы скорее наступил вечер. Еще вчера она раздумывала, что бы ей надеть на этот вечер — новое платье или самое свое любимое?

А когда встретилась с Абдуллой, сразу решила надеть любимое — оно ведь так ей идет. Непривычно долго прихорашивалась она перед зеркалом. Никогда столько времени перед зеркалом не проводила. Почувствовал ли это Абдулла? Судя по его лицу, он растерялся, внезапно увидев ее у стола. Вот и сейчас все еще смущается. И в самом деле, разве было бы плохо, если бы они жили и учились в одном месте? Ах, как было бы хорошо! Но почему она сразу отказалась? Ей надо было просто сказать, что она подумает, что впереди еще целых полтора месяца, — почему она так не сказала? Неужели из-за болезни матери учиться не поедет? Ведь и Абдулла говорит, что это не причина! Может, это и в самом деле так? Нет, нет, она не сможет уехать. Как же ее после этого назовут, каким она окажется человеком? Что скажет отец? Разве не обидятся ее друзья? Ведь они все договорились остаться в кишлаке!

— Еще не поздно передумать, — голос Абдуллы доносился до нее как будто издалека.

— Может быть, и так, — тихо сказала девушка.

Абдулле достаточно было и такого ответа, он обрадовался:

— Конечно, не поздно. Каждый должен спросить прежде всего самого себя, а потом уже слушать советы. Разве не так? Почему же...

— Пойдемте обратно, — перебила его Гюльчехра. — Уже много времени, поздно. Наверно, в школе вечер кончился, все уже разошлись.

Абдулла не возражал, потому что ему казалось, что он и так уже одержал большую победу. Ведь девушка сказала «может быть» — значит, еще не все пропало.

— Гюльчехра, а как поживает перепелка? — спросил он.

Девушка обрадовалась перемене разговора.

— Перепелка зернышки клюет. Мама говорит, что птичка скоро поправится. Я отдам вам ее потом. Но с одним условием...

— С каким условием?

— Я уважаю Абида-ака. Однако нрав у него жесткий, он может ее загубить. Вы заберете перепелку в Ташкент.

— Хорошо. Однако и я могу ее погубить.

Абдулла пристально, испытующе посмотрел на девушку.

— Нет, вы не можете. Я об этом знала еще тогда, на кукурузном поле...

— Кстати, вареная кукуруза оказалась очень вкусной, спасибо. Как бы она не стала моим любимым блюдом... Я бы и сейчас от нее не отказался.

Гюльчехра улыбнулась.

— Сегодня уже поздно, отложим на завтра, согласны?

— Согласен...

Они подошли к мостику со сломанными перильцами, и Гюльчехра остановилась. В школьном дворе все еще играла радиолоа. Только ребята сделали звук потише.

— Никак не угомонятся...

— Может, погуляем еще немного? — спросил Абдулла.

— Нет. Мама будет беспокоиться.

— Гюльчехра...

— Да, Абдулла?

— Вы завтра что делаете?

— А что?

— Если вы... будете свободны, то вечером я буду ждать вас на этом месте. Хорошо?

Гюльчехра не ответила.

— Я вас прошу.

— Там будет видно...

Девушка протянула руку. Абдулла крепко сжал ее теплую узкую ладонь.

Гюльчехра покачала головой и тихонько высвободила руку.

— Так вы придете?

Однако ответа он не услышал. Гюльчехра еле слышно сказала «до свидания» и растворилась в темноте.

«Придет! — думал по пути домой Абдулла. — Такой девушки нет в целом свете. Она придет, и мы будем вместе. Будем всегда вместе! Рядом...»

Он зашел во двор. В синих окнах плавала луна. Все спали.

Гюльчехра долго не могла уснуть в эту ночь. Она лежала в темноте с открытыми глазами, прижимая к лицу увядший росток мяты.

7

На следующий день с самого утра Абдулла стал размышлять, как бы ему встретиться с Гюльчехрой. Не только вечером, но и днем или вот хоть сейчас, утром. Совсем собрался было послать к ней мальчишку, что стоял на улице, ковырял в носу, но отказался от этой затеи. Ее мать может спросить, кто зовет Гюльчехру, и мальчик, не дай бог, проболтается. В доме Гюльчехры не должны знать, что он хочет видеть Гюльчехру. Один раз он может ее позвать, это еще ничего, а что он будет делать в другие дни? А потом он подумал, что Гюльчехру могут и вовсе не выпустить из дому. Ганишер-ака такой человек. Мало ли что ему может показаться, слишком уж он любит дочь. Наконец Абдулла решил подобраться к дому Гюльчехры со стороны сада, подождать ее.

Должна же она появиться во дворе! Тогда он как-нибудь даст ей знать... Но что, если Гюльчехра сочтет его назойливым, не захочет подойти?

Он сидел за столом и, занятый этими мыслями, даже не заметил, как Ходжар-буви расстелила перед ним достархан, как поставила на стол пиалу со сметаной, разломила лепешку. Старуха забеспокоилась, приметив, что внук смотрит на нее невидящими глазами.

— Ты еще совсем молодой, о чем же так призадумался? Выпил бы чаю!

— Чаю?! Конечно, конечно, сейчас, — заторопился Абдулла.

— Как у вас на вечере-то было? Ты домой поздно пришел, мы уж спать легли.

— Вечер прошел очень хорошо, бабушка.

— А я два раза посылала на улицу сына — тебя встречать. Мало ли что...

Абдулла, услышав о дяде, понял, какую он совершил бестактность, не спросил сразу о его жене. Ведь она в родильном доме!

— Бабушка, как здоровье вашей снохи?

Ходжар-буви с благодарностью посмотрела на внука:

— Слава аллаху, хорошо! Завтра уже здесь будет. Да, ребенок такой славный, такой красивый... глаза и брови в точности как у тебя. О аллах! Ниспошли ему долгий век!

— Его так и называли Абдуллой?

— А то как же! Как сказали, так и будет, дядя тебя очень уважает.

— Бабушка... — У Абдуллы на сердце кошки скребли, он хотел исправить свою ошибку. — Может, сходить к ней?

— Это в больницу-то?

— Да.

— Видишь, какое дело... — Ходжар-буви призадумалась. — Самое лучшее — ступайте завтра вместе с дядей. Сам и принесешь на руках своего двоюродного братца. А то сейчас там две соседки сидят. Да и сноха застесняется.

У Абдуллы словно гора упала с плеч, он облегченно вздохнул.

— Ну что ж, завтра так завтра. — Он вытер руки и поднялся из-за стола.

— Бабушка, может быть, есть какая-нибудь работа для меня?

— Съешь-ка лучше еще лепешку.

— Больше не хочу.

— Это что же за еда, словно бы и не ел. А работа от тебя не убежит. В честь рождения ребенка на бешик-тое поработаешь.

Ходжар-буви еще что-то говорила, но Абдулла уже не слышал ее. Он думал о Гюльчехре. Должна же она показаться, неужели целый день дома просидит?

Абдулла вышел за ворота. В кишлаке было тихо. Под балханой — балконом, нависающим над улицей, играли в кости три мальчика. Абдулла подошел к ним и постоял немного, наблюдая за игрой. «Вот ведь какая глупость, —

подумал он. — Неужели я и раньше этим занимался?» Он перешел улицу и направился к мосту... «А может, она на кукурузном поле?» Абдулла невольно ускорил шаги. Чуть поодаль виднелись красные ворота дома, в котором жила Гюльчехра. Ворота были открыты, во дворе никого... «Может, зайти? Нет... Вдруг она початки собирает?» И Абдулла пошел вдоль арыка.

Кишлак все никак не кончался. Дорога до кукурузного поля показалась на этот раз очень длинной. Вокруг было тихо, полное безветрие, ни шороха, ни шума. Добравшись до кукурузного поля, Абдулла осмотрелся, прислушался. Никого не было видно. Он двинулся вперед между двумя рядами высоких стеблей. Было жарко, душно. Пыльца от кукурузных метелок жгла глаза. Пришлось повернуть обратно. Неужели он до вечера не встретит ее?! Еще не все потеряно, может, она в своем саду?..

Когда Абдулла, взмокший от быстрой ходьбы, снова подошел к мостику, знакомые красные ворота дома Гюльчехры были закрыты. Вдруг ворота отворились, показался Самад, затем Гюльчехра. Они быстро направились вверх по улице. Самад что-то говорил, на ходу размахивая руками.

— Самад! — крикнул им вслед Абдулла.

Они оглянулись, замедлили шаги, и Гюльчехра, не останавливаясь, жестом пригласила Абдулла — догоняй! Абдулла, словно ждал этого, побежал к ним.

— Все ли в порядке? — спросил он, задыхаясь.

Гюльчехра, против ожидания, не застеснялась, не покраснела.

— В доме у Касымджана переполох, — сказал Самад.

— А что такое?

— Не знаю. Он со своей матерью поругался.

Вскоре они остановились у дувала, из-за которого слышались приглушенные голоса.

— Ну что, зайдем? — спросила Гюльчехра.

Самад приоткрыл ворота и первый вошел во двор. Посреди двора на супе — глиняном возвышении — сидела мать Касымджана, Зумрад-хола. Шлепанцы ее лежали у порога. Зумрад-хола причитала, не обращая внимания на появившихся молодых людей.

— Душу мне отравил, в грудь ранил... И зачем только я тебя вырастила...

— Хватит, хватит! И когда ты перестанешь?.. — донесся из окна комнаты голос Касымджана.

— Это почему же хватит? Я только теперь начинаю! Думаешь, я от тебя отстану? Погоди у меня...

Зумрад-хола легко поднялась с места, подошла к окну и воздела руки к небу:

— Да разве ты сын? Да чтоб ты сквозь землю провалился! Чума на твою голову! Ни отца, ни мать не слушаешь! Ты бы хоть подумал о своих маленьких братьях!

Позади глиняного возвышения показался босоногий мальчонка с грязным, темным лицом. Переваливаясь, спотыкаясь, он подобрался к матери, уцепился за подол.

— А тебе чего надо? — Зумрад-хола резко повернулась, мальчик упал на землю и заплакал.

Мигом подскочила Гюльчехра, подняла ребенка, прижала его к груди:

— Зумрад-хола, успокойтесь...

— «Успокойтесь»... Тут успокоишься... Этот негодяй, чтобы он сгинул со своей учебой! Два дня все в доме вверх дном из-за него!

Зумрад-хола выхватила сына из рук Гюльчехры и, присев на край супы, дала мальчику грудь.

Самад зашел в комнату к Касымджану. Абдулла же не знал, что делать, так и стоял у ворот. Зумрад-хола неожиданно заплакала навзрыд.

— Ох, милая Гюльчехра,— проговорила она сквозь слезы,— этот паршивец все твердит, что уедет в Ташкент учиться. А я-то на него надеялась... Думала, закончит школу, будет отцу подмогой. Подумай сама, дорогая, легко ли воспитать шестерых детей?

— Зумрад-хола, не плачьте!

— Как же не плакать, детка? Что мне еще остается? Я извелась вся уже, иссохла. Ты-то вот остаешься в кишлаке, разве нельзя и ему остаться, что он, умрет от этого? Отец пробовал говорить и по-хорошему, и по-плохому — не слушает...

— Я и в городе буду работать. Буду посылать вам зарплату! Я ведь тебе говорил! — крикнул из окна Касымджан.

— А тут тебе разве плохую работу дадут? Ведь ты, шайтан, слышал слова раиса?

— Уеду, все равно уеду!

Зумрад-хола побледнела как стена. Тонкие губы ее прошептали что-то беззвучно. Вдруг она встала с места, отняла ребенка от груди, протянула его Гюльчехре и подошла к окну.

— Так ты уедешь?

— Уеду!

— Тогда убирайся сейчас же, слышишь, сейчас же, чтобы глаза мои на тебя не смотрели!

— Как же так... — начала было Гюльчехра, но ее никто не услышал.

— Убирайся, говорю! — кричала Зумрад-хола.

— Хорошо, я сейчас...

Касымджан выскочил из комнаты, вслед за ним Самад.

— Напрасно ты обижаешься, мама... я...

— Убирайся!

И Касымджан, держа в руках документы, без денег, в одной рубашке и брюках пошел со двора.

Самад и Абдулла некоторое время молча глядели друг на друга. Потом, будто сговорившись, оба побежали за Касымджаном.

В лице Зумрад-холы не было ни кровинки. Опершись о подоконник, она плакала, вздрагивая всем телом. У Гюльчехры слезы выступили на глазах, так было ее жалко. Однако девушка не знала, что делать, как ей помочь, что ей такое сказать.

А Касымджан уже остановил попутную машину.

— У меня нет иного выхода, — сказал он на прощание Самаду и Абдулле. — В Ташкенте я буду учиться или заочно, или на вечернем отделении. А днем буду работать. И может, заработаю больше, чем в кишлаке. Но дело не в этом. Будущему литератору нужно быть там, где много книг, и потом, важно не только читать, но и слушать хороших преподавателей.

— Тебе лучше знать, — сказал Самад. — Желаю тебе успеха.

Абдулла дал ему свой адрес и добавил, что сам он приедет в Ташкент дня через четыре.

— Самад, я тебя прошу, ты как-нибудь успокой мою маму, — сказал Касымджан, влезая по колесу в кузов. — Теперь, если мне в городе не повезет, я сюда не вернусь.

— Не зарекайся... Пиши!

— Обязательно. Ну, привет!

Машина тронулась и вскоре скрылась в клубах пыли.

— Может, он и прав, — промолвил задумчиво Самад.

Абдулла не ответил. Он был сильно взволнован этим происшествием, искренне жалел Зумрад-холу и в то же время восхищался Касымджаном. Вот ведь, захотел — и уехал!

Гюльчехру тоже надо склонить к поездке. Как было бы здорово, если бы она приехала в Ташкент! Вчера она вроде

бы и согласилась. Сегодня Абдулла опять будет говорить с ней на эту тему. Приведет ей в пример Касымджана. Да и сама Гюльчехра видела все это, сама была свидетельницей семейной распри. Судя по всему, она не решилась уговаривать Касымджана остаться — не сказала ни одного слова. Да если бы и сказала что-нибудь, тот бы только отмахнулся. Ведь он против отца-матери пошел, а их, Гюльчехру и Самада, и подавно не стал бы слушать. Гюльчехра такая грустная стояла. Может быть, она завидовала Касымджану? Да и почему бы ей не позавидовать? Что в Мингбулаке хорошего? Кино, да и то редко, концерт раз в месяц. Пыль, грязь, однообразная работа. Абдулла как-то вдруг позабыл, что недавно все ему нравилось здесь. Ему уже определенно стало казаться, что Гюльчехра уедет из кишлака. Да. Теперь надо только дожждаться вечера.

А вечер в тот день, как назло, приближался очень медленно. Абдулла как заведенный ходил по комнатам, не зная, как убить время. Наконец, примерно в половине десятого, он вышел на улицу. В кишлаке, как и всегда почти, было тихо. Солнце уже закатилось. Приблизился к мостику, миновал его и сел под высокой ивой у самой воды. Посредине арыка, словно кусок лепешки, плавал на блестящей глади месяц. Абдулла взял камешек, поднял руку, примерился, но не бросил. Ему привиделось, будто длинная тень от ивы слегка заколебалась. Он резко обернулся. Позади него, поблескивая глазами, стояла Гюльчехра.

— Я вас не испугала? — спросила она, улыбаясь.

Абдулла мигом вскочил с места:

— Нет, но я не думал, что вы так скоро придете.

— Как мать заснула, так я сразу и вышла, — просто сказала девушка.

— Спасибо, — сказал Абдулла. — Это очень хорошо, что вы пришли. А то я уже начал волноваться.

— И я тоже. Я ведь никогда не выходила так поздно на улицу. Вы долго меня ждали?

— Нет...

Абдулла целый день обдумывал свою речь, ему казалось, что он наизусть ее выучил, но теперь все слова вылетели у него из головы. Он ругал себя, сердился, морщился, но ничего не мог из себя выдать.

Конец тягостному молчанию положила Гюльчехра.

— Ах, я и забыла, — сказала она, — я принесла вам кукурузу.

Она протянула ему обернутый листьями початок.

— Я доставил вам беспокойство...

— Какое там беспокойство!

И снова наступило молчание.

— Пройдемся немного? — голос Абдуллы дрогнул.

— Ведь уже поздно...

— Мы только немного, хорошо?

Гюльчехра улыбнулась:

— Хорошо.

Абдулла легонько взял ее за локоть.

— Не нужно... — Гюльчехра высвободила руку.

И они, как и в прошлый вечер, пошли по знакомой дороге. И снова Абдулла думал, что подруга его детства должна жить в Ташкенте. И не обязательно ей ходить в атласе да в парче, как вчера. Сегодня, в простом платье, она еще красивее, милее. Ни у кого нет такой легкой походки, такого нежного голоса, да и косы, наверно, никто так заплетать не умеет.

— Гюльчехра!.. — неожиданно обратился он к ней.

— Что? — девушка повернулась к нему, и он словно впервые увидел, какие у нее глаза. До чего они черные и жгучие, до чего большие...

— Вы... вы очень красивая!

— Я?.. Неужели? — немножко удивилась девушка и опустила голову.

— Да, вы очень красивая... Вы помните нашу первую встречу утром? Я как вас увидел, чуть не упал. Вы так изменились!..

— И вы тоже, — тихо промолвила Гюльчехра.

Абдулла рассмеялся:

— Нет, я все такой же.

— Ну и я все такая же.

— Почему же вы тогда говорите со мной на «вы»?

— Не знаю...

«А если я ее поцелую? — мелькнуло в голове у Абдуллы. — Что она скажет, если я ее поцелую?» И он взял Гюльчехру за руку.

— Так вы не знаете?

— Нет.

— Вы знаете, Гюльчехра, посмотрите на меня.

Она подняла на него свои глазищи. И в этот момент Абдулла слегка обнял ее и дотронулся губами до ее щеки.

— Что вы делаете? — тихо сказала Гюльчехра. Она отстранилась от него и закрыла глаза руками.

Абдулла испугался: «А вдруг она уйдет?»

Но девушка не ушла. Она лишь продвинулась вперед шага на три и остановилась.

— Вот как, оказывается. Вы всегда так поступаете с девушками?

Абдулла понял по ее тону, что она не разозлилась.

— Всегда... — ответил он.

— Ведь это нехорошо.

Абдулла улыбнулся.

— Нехорошо это... — повторила Гюльчехра. — Разве можно такое делать не любя?

— Можно! — сказал Абдулла. Он подошел к ней и снова взял ее за руку. Девушка попяtilась. — Подождите, Гюльчехра, подождите! Мои слова не от сердца, я вам сказал неправду. Я в первый раз вот так... вот так поступил. Я вас люблю, Гюльчехра. Вы слышите: люблю!

Гюльчехра растерялась. Она никак не ожидала, что так быстро будут сказаны эти слова, не ожидала, что все так просто получится. Абдулла между тем нашел и другую ее руку.

— Гюльчехра! Это было как гром. Только я не сразу понял. Вы верите мне?

Гюльчехра молчала.

— Почему вы не отвечаете?

Девушка уже не отстраняла его от себя. Она стояла, опустив голову.

Вдруг Гюльчехра подняла глаза, и Абдулла обомлел. Глаза Гюльчехры были полны слез. Она плакала.

— Что случилось, Гюльчехра? Я вас обидел? Вы обиделись на меня?

Она покачала головой.

— Почему же вы плачете?

— Просто так... Когда вы уезжаете?

— А что?

— Не уезжайте...

И Абдулла наконец понял то, что он мог бы понять и раньше. Он был на седьмом небе от счастья.

Этот и последующие вечера заметно изменили жизнь молодых людей. Что бы они днем ни делали, чем бы ни занимались, перед их мысленным взором снова и снова возникали мельчайшие подробности ночных встреч. Еще с утра словно подгоняли они время, чтобы скорее наступил вечер. Это было самое главное — чтобы наступил вечер,

чтобы была темнота. Теперь они уже не мучились, не обдумывали заранее, о чем говорить, как себя держать.

Они торопили солнце — ну что ему стоит поскорее опуститься? — а потом выходили из своих домов.

Встречались они чаще всего в ивовой роще, недалеко от плотины, где выбивался из земли прохладный говорливый родник. Полюбили они гулять и в ночном яблоневоm саду. Здесь каждая тропинка, каждый камень стали для них родными. Они так и говорили: «наш камень», «наш родник», и это нисколько не казалось им странным.

Наверно, они были вполне счастливы, особенно в первые вечера. Однако день отъезда Абдуллы все приближался. Надо было что-то решать.

«Что я должна делать? — думала Гюльчехра, возвращаясь домой, и не находила ответа на свой вопрос. — Что, если это неожиданное, небывалое счастье пройдет как сон?»

Ей было намного труднее, чем Абдулле. Она знала, что не сможет уехать из кишлака. Вот и мучилась. Откровенно объясниться с Абдуллой у нее не хватало смелости. Гюльчехре казалось, что только она заикнется об этом, как Абдулла сразу же к ней переменится, их отношения не смогут остаться прежними. Это было страшно.

Но не могла же она, в самом деле, уехать с ним в Ташкент! А как же больная мать? Это прежде всего...

Каждый раз, подходя к постели матери, Гюльчехра убеждалась в том, что никуда она не уедет от нее, она просто не сможет иначе.

Мать Гюльчехры Саодат была тяжело больна. В прошлом году весной простудилась и пролежала дней шесть. Потом как будто выздоровела. Но все чаще стала жаловаться на тяжесть в груди. Саодат думала, что это скоро пройдет, старалась забытья в работе. Не вышло. Осенью она слегла. Ганишер-ака повез жену в Коканд, и ее оставили в больнице.

Диагноз был страшный — рак легких... Конечно, Саодат об этом не сказали.

Кто-то посоветовал Ганишеру-ака обратиться к ташкентским врачам. Поехали в Ташкент. Диагноз подтвердился... Какие только врачи не осматривали Саодат! Но легче ей от этого не становилось. И Ганишер-ака привез жену обратно в кишлак.

У Саодат пропал аппетит, она сильно похудела. В кишлаке только три человека знали, какая у нее болезнь, — муж, дочь и председатель колхоза... Горе пришло

в семью. Бедный Ганишер-ака места себе не находил: ведь Саодат была для него и женой, и матерью, и верным другом. Отчаяние захлестывало его, когда он ночами сидел у ее изголовья. Утром он уходил на работу, но два-три раза в день урывал время, прибегал взглянуть на жену.

Хозяйство лежало теперь на плечах Гюльчехры. Днем она не знала ни минуты покоя. Внешне все в доме оставалось по-прежнему: везде чистота, порядок, маленький Алишер ухожен, накормлен.

В один из вечеров Гюльчехра с Абдуллой решили вспомнить детство и отправились на дальний полевой стан, возле которого был хауз. Обрато они возвращались чуть не бегом, и все же Гюльчехра пришла домой позже обычного. Она наскоро сполоснула лицо и руки и подошла к постели матери. Было тихо, только возле окна посапывал на тахте младший брат Алишер.

— Что-то ты припозднилась... — промолвила Саодат, обратив на дочь печальные глаза.

Гюльчехра в беспокойстве стала припоминать, под каким предлогом она вышла сегодня из дому.

— Мы сидели вместе с Зарифой... — сказала девушка еле слышно.

— Ведь ты, кажется, пошла к Халиде?

Гюльчехра ответила не сразу:

— Разве я сказала — к Халиде? Да... я была и у Халиды. А потом я пошла к Зарифе.

— Твой младший брат уснул голодный.

— Но я его накормила перед уходом...

— Хорошо, если так... — проговорила Саодат и закашлялась.

Кашляла она долго, мучительно. Гюльчехра, не зная, чем помочь, сменила ей подушку, потом принесла воды в пиале. Когда приступ кашля кончился, Гюльчехра спросила:

— Отец спит?

— Нет... Он ушел недавно к председателю, к Нормату-ака. Говорят, в Ташкенте новый врач объявился. Они хотят его вызвать.

— А что, хороший доктор?

— Говорят, даже очень хороший. Вот отец и старается... Твой отец — золотой человек, доченька. О аллах, дай ему долгий век.

— У тебя тоже будет долгий век, мама...

— И отец так говорит... Не знаю... Совсем я вас замутила...

— Не говори так, мама. Вот выздоровеешь, и все забудется.

— Спасибо, дочка, спасибо...

— Чаю тебе дать?

Гюльчехра поднялась было с места, но Саодат тихо махнула платком, как бы говоря: «Сиди на месте».

— Гулечка...

— Слушаю тебя, мамочка.

— Внук Завод-ая...

— Что?! — Гюльчехра густо покраснела, опустила глаза. «Неужели узнали о наших прогулках?!»

— Внук Завод-ая... как же его зовут-то? Забыла...

— Абдулла, — робко подсказала девушка и посмотрела на мать краем глаза. «Неужели по кишлаку уже пошли разговоры? Что будет, если узнает отец? Или он уже знает? Как теперь себя вести?»

— Этот... Абдулла, я слышала, здесь уже неделю... Говорят, вырос, не узнать... Ты его видела?

— Да, он приходил к нам на прощальный вечер, — сказала Гюльчехра дрожащим голосом. — Парень как парень. А что?

— Говорят, он стал ученым. Это правда?

Гюльчехра невольно улыбнулась.

— Ну что ты... Я слышала, будто он собирается поступать в Ташкентский университет.

— Вот и сын Зумрад-хола уехал... Он еще не вернулся?

— Нет, мама. Он, наверно, поступил на филологический. Потом приедет обратно, на каникулы.

— Гулечка...

— Да, мама.

Саодат закрыла глаза. Кажется, она совсем обессилела. Темные брови резко выделялись на ее бескровном лице.

— Что ты хотела сказать, мама?

— Сейчас... Гуля. Мы недавно разговаривали с твоим отцом. Я надеюсь на этого нового доктора. Может, поправлюсь. А если нет — ну что же, осталось уже недолго...

— Что ты говоришь, мама?! — Гюльчехра вздрогнула.

— Слушай. Немного уже осталось. Избавлюсь я от мук. Доченька, думаю я о тебе, об Алишере. Алишер еще маленький. А ты учись. В Коканд ли поедешь, в Ташкент ли — сама выбирай. Лучше в Ташкент. Хоть знакомые есть, Касымджан... И потом, внук Завод-ая... Одна не останешься...

— Мамочка!..

— Езжай. Мы с отцом не учились. Война. А потом работа, работа... Да простит меня аллах, я всегда завидовала ученым людям, специалистам. Ты знаешь, Гуля, твой отец однажды посылал меня учиться. Сказал, что пять лет пройдут быстро, он, мол, согласен подождать. А я не согласилась. Побоялась его одного оставить. Он ведь такой был сорвиголова... А ты... ты учись...

Никак не ожидала Гюльчехра такого поворота. Не ожидала такой доброты и щедрости. Какое чуткое сердце у матери! Раньше девушка думала, что, если она вдруг пожелает уехать, ее не отпустят. Слабая улыбка скользнула по лицу Саодат. Сквозь слезы, вдруг заставшие глаза, Гюльчехра почти ничего не различала.

— Мапочка, мапочка... — шептала она и все гладила край одеяла. — До чего ты у меня хорошая! Никуда я от тебя не поеду. И не думай. Мы ведь решили. Я заочно буду учиться. Ты только выздоравливай, вот новый доктор посмотрит... Поправишься... Все будет хорошо...

Неожиданно Саодат обняла дочь высохшими, легкими руками, провела ладонью по ее лицу и глазам.

— Я так и думала, что ты скажешь это, Гуля... Но все-таки, как ты говоришь, заочно — это не то... Чем ты хуже других? Ты у меня смышленная, головка у тебя светлая, ты с любым учением справишься. Не отказывайся, доченька, от своего счастья, поезжай. Отец согласен тебя отпустить...

— Нет, мама. Я не поеду.

В ответ слезы показались на глазах Саодат.

— Не плачь, мама. Вот увидишь, все будет хорошо. Только не плачь.

— Я не плачу. Я радуюсь, Гуля, я радуюсь...

Саодат, улыбнувшись сквозь слезы, положила руку на теплое колено дочери. Синие вены заметно выступили на бледной руке.

«Как я могу ее бросить? — подумала Гюльчехра. — Разве можно ее оставить? Нет, конечно. А сейчас надо что-то придумать, чем-то отвлечь мать, очень уж она разволновалась».

— Знаешь, мама, — сказала Гюльчехра. — Сегодня мне сон приснился. Рассказать?

— Расскажи, — прошептала Саодат.

— Слушай. Будто крутишься ты у очага. Что-то готовишь. Алишер еще с утра на улицу убежал. А я даже не помню, что делала. И вдруг во дворе кто-то закричал: «Эй! как там у вас насчет еды?»

Гюльчехра так удачно воспроизвела голос своего отца, что Саодат рассмеялась. Однако тут же закашлялась, поднесла к лицу вышитый платок. Через минуту дала дочери знак продолжать.

— Ну, так ты сказала отцу: «Сейчас» — и понесла на стол блюдо ширгурунча, рис напитался молоком, набух. Было так вкусно! У меня во сне даже слюнки потекли, — Гюльчехра улыбнулась. — А потом отец повел нас всех на улицу, но улицы почему-то не было...

— Как так — не было? — спросила Саодат. — Что это за сон у тебя такой?

— Вот такой сон, представь себе. Вместо нашей улицы была большая площадь. А над площадью висел большой белый шар. «Что это такое?» — удивилась ты. «Это дирижабль, — ответил отец. — Мы на нем полетим. Путешествовать будем. Видишь, внизу дирижабля домик? Это называется гондола. Ну-ка садитесь все». И мы забрались в домик. Отец сел за руль. И вот домик оторвался от земли и стал подниматься вверх, сквозь облака и тучи. Долго мы летели. Ты прижимала Алишера к груди, хоть он и ни капли не боялся. А еще ты все время толкала отца локтем и говорила: «Ай, хватит. Дети испугаются». Отец только смеялся...

Здесь Гюльчехра остановилась, фантазия у нее иссякла.

— А что было потом? — заинтересованно спросила Саодат.

— Что было потом? Ну, летели мы, летели, а внизу реки, горы, поля. А потом опустились. Смотрим, мы уже в Москве. До чего красивый город и такой большой!.. Долго мы ходили по улицам и только пришли к Красной площади, вдруг что-то загрохотало. Ну, тут я уже спать не могла, проснулась. Оказывается, Алишер радио включил.

— Хороший тебе сон приснился. — Саодат давно поняла, что дочка придумала все это на ходу, но не показала и виду. — Вот, если поправлюсь, будущим летом обязательно поедем в Москву. Все вместе поедем.

— Эй, поесть что-нибудь будет? — послышался со двора знакомый голос.

Мать и дочь рассмеялись: это возвратился Ганишер-ака. Гюльчехра выбежала во двор.

— Как мама? — с тревогой спросил Ганишер-ака. Вид у дочери был совсем не веселый.

— Маме лучше, лежит, смеется...

— Смеется?!

— Иди сам посмотри, если не веришь.

Ганишер-ака чмокнул дочку в лоб, в два прыжка преодолел лестницу, ведущую на веранду, и остановился перед дверью. Потом обычным своим шагом, вперевалку, зашел в комнату.

«Они похожи на маленьких детей,— думала Гюльчехра, приближаясь к очагу.— Разве их можно оставить? И мысли такой нельзя допустить. Но тогда... тогда Абдулла уедет в Ташкент без меня... Все кончится, он может меня забыть... Ему понравится другая девушка, там, где он будет учиться, в университете. Такой красивый парень, высокий, стройный, умница — да на него все там будут заглядываться. Найдется другая, красивая девушка, они там, в городе, сговорчивее. И он забудет бедную Гюльчехру, забудет плотину, родник, ивовую рощу, яблоневый сад. Все забудет...»

На другой день она подробно рассказала Абдулле о своем разговоре с матерью.

Абдулла не перебивал, слушал молча. А потом произнес:

— Странная ты, Гюльчехра...

— Почему странная?

— И мать и отец велют тебе ехать в Ташкент, а ты не хочешь. Я бы на твоём месте не раздумывал. Стрелой бы полетел. Неужели ты не хочешь, чтобы мы были вместе?

— Хочу... но...

— Что «но»?

— Но я не могу поехать.

— Ладно, хорошо, — холодно сказал Абдулла. — Когда же мы теперь встретимся?

Гюльчехра пожалала плечами:

— Откуда мне знать?

— И я не знаю.

Они прошлись немного вдоль канала. Абдулла не смотрел на девушку. Он еще не вполне осознал, что произошло. Мысли у него путались. Значит, так. Учиться пять лет. Что же, они пять лет не увидятся?

— Может быть, я приеду, — заговорила Гюльчехра, — я приеду на следующий год в Ташкент...

— На следующий год?

— Отец отыскал хорошего врача, если мама поправится, я, конечно, приеду... переведусь с заочного...

— Гюльчехра...

Лицо Абдуллы прояснилось, он обнял девушку. Однако она тут же высвободилась.

— Ты будешь меня ждать?

— А что мне еще делать? Конечно!..

Когда они попрощались и разошлись по домам, Абдулла, к своему удивлению, уже не ощущал себя самым несчастным человеком на свете. Конечно, очень жаль, что она не сможет поехать вместе с ним. Придется подождать. Год — это много или мало? Иной раз время тянется медленно, а иногда скачет, как будто его нахлестывают камчой! Год!.. А потом они встретятся.

Абдулла лежал на холодном как лед бабушкином одеяле и, глядя в потолок, представлял себе в красках эту будущую встречу. Он и не подозревал, что Гюльчехра в эти минуты плачет навзрыд, уткнувшись в подушку...

Наутро Ходжар-буви развила лихорадочную деятельность — еще бы, предстояло долгожданное торжество по случаю рождения ребенка — бешик-той. Абдулла порядком устал, помогал по хозяйству. Абид-ака был счастлив. Он то и дело широко улыбался, прислушиваясь к крику своего младенца. «Ничего, ничего, — говорил он, — кричи, сильный будешь».

Уже за столом, когда гости, человек тридцать, занялись вкусным дымящимся пловом, Абид-ака принялся угощать также и Абдуллу:

— Племянник! Хороший ты парень. Пусть мой сын будет похожим на тебя.

Когда гости разошлись, Абдулла стал собираться в дорогу. Не хотелось ему уезжать. Но ведь он приехал на три-четыре дня, а гостил уже чуть не две недели!

— Мама будет беспокоиться, — отвечал он на уговоры бабушки. — Я поеду.

Абид-ака наполнил большой таз — тагару — перепелками, насыпал туда побольше соли.

— Отвезешь отцу, — сказал он. — Ему нельзя это есть, так пусть хоть посмотрит на перепелок, пусть порадуетса душой.

— Приезжай почаще, сынок, — говорила бабушка. — Не забывай нас, мы тебя любим...

— Теперь я буду к вам чаще приезжать. — Для Абдуллы эти слова были исполнены особого смысла.

— Вот и хорошо, сынок, так и надо. — Бабушка Ходжар-буви погладила внука по плечу, прижалась лицом к его груди.

Абдулла вышел из дому, когда уже начало смеркаться. До вечернего поезда оставалось еще два часа.

Держа в одной руке чемодан, в другой таз — тагару, он перебрался через мостик и направился к яблоневоу саду. Здесь его должна была ждать Гюльчехра. Озираясь по сторонам, он медленно шел меж деревьев по знакомой тропинке.

Сердце его сильно забилося, когда неожиданно, в двух шагах от него, из-за толстого ствола старой яблони вышла на тропинку девушка. Абдулла опустил свою ношу на землю.

Некоторое время они стояли, не решаясь заговорить, как тогда, в первый их вечер. Они опять стеснялись друг друга.

— Так мы все решили? — наконец произнес Абдулла.

— Решили, — прошептала девушка.

— Как только приеду, сразу напишу письмо.

— А если у меня не получится на будущий год, ты приедешь на каникулы?

И столько ожидания и тревоги было в голосе Гюльчехры, что Абдулла понял, как больно ей сейчас, как сильно она его любит.

— Конечно, конечно, приеду! — поспешил ответить он.

Гюльчехра обвила его шею руками:

— Приезжай... Не забывай меня...

Он осторожно поцеловал черную прядку на виске девушки:

— Все будет хорошо, все будет хорошо, Гюльчехра...

Девушка не сказала больше ни слова.

«Как я могу тебя забыть, если все время о тебе думаю? — размышлял Абдулла, ощущая на своей щеке теплое дыхание девушки. — Мы будем вместе. Через год. Он пролетит как миг...»

В поезде Абдулла тоже думал об этом. Через год они встретятся и уже никогда больше не будут расставаться.

По-своему складывается жизнь каждой семьи. Абдулла был у своих родителей единственным ребенком. Семья была очень дружная. Жили они в квартале Янги-Мир-Абад, в центре Ташкента. Двор у них был большой, дом старинной постройки чем-то напоминал высокий замок.

Отец Абдуллы — Гафурджан-ака был одним из самых авторитетных и уважаемых людей в квартале — махалле. Ни одна свадьба, ни одни похороны не проходили без него, в квартале все от мала до велика шли к нему за советом.

Родился он в Паркенте, в юности был подручным у старого оружейника, мастер научил его нарезать затейливый орнамент на рукоятках кинжалов. Много лет спустя Гафурджан-ака поучал своего сына: «Надо уметь что-то делать своими руками. В трудную минуту ремесло всегда выручит».

После революции Гафурджан приехал в Ташкент и стал жить в доме своего товарища, который открыл в Мирабаде школу.

Не только учился отец Абдуллы. Он был человеком активным, вмешивался во все дела школы и постепенно стал там чем-то вроде завхоза. На одном из собраний он высказал дельные мысли об организации торговли в районе. Вскоре районное начальство доверило ему проводить свои идеи в жизнь — его назначили директором Мирабадского рынка. На этой работе он проявил себя как человек справедливый, зрелый не по годам. Теперь его и называли не иначе как «аксакал базара». Природный здравый смысл и смекалка помогали Гафурджану в его начинаниях. Торговцы были довольны установленными на базаре порядками. Люди, нечистые на руку, не могли провести Гафурджана, на лету усваивавшего тонкости торгового дела, не могли его и подкупить: он был честен. Через несколько лет его назначили заведующим районным торговым управлением.

Как-то пришлось ему побывать по делам в Коканде, и там он встретился с директором хлопкового завода Ходжар-буви. Завод-ая пригласила его в гости. Шаходат в это время только вступила в свое восемнадцатилетие. Гафурджан как увидел ее, так и замер, глаз от нее не мог отвести. Завод-ая заметила это, а между тем в разговоре выяснилось, что молодой начальник торгового управления до сих пор не женат, не успел еще обзавестись семьей и хозяйством.

Еще несколько раз побывал Гафурджан в кишлаке, а потом дело и сладилось. Сыграли свадьбу...

Завод-ая сама подыскала в Ташкенте жилье для молодоженов. Она была довольна своим зятем, а друзья Гафурджана-ака, отдавая должное скромности и красоте его молодой жены, радовались, что у «аксакала базара» такая разумная, умудренная жизнью теща.

На свете живет немало людей, настолько увлеченных работой, что им о себе и подумать некогда. При виде рослого, розовощекого Гафурджана-ака никак нельзя было подумать, что он из породы одержимых работой. Но,

в сущности, Гафурджан был именно таким человеком. В его доме долгое время не было ничего, кроме той мебели и утвари, которую подарила молодоженам Завод-ая, и часто, когда приходили гости, Шаходат шла к соседям, просила у них посуду... Шаходат была под стать своему мужу: когда Завод-ая советовала ей купить то, другое, третье, она беспечно отвечала:

— Была бы голова цела, а тубетейка всегда найдется.

Супруги, можно сказать, и не ссорились никогда, они души не чаяли друг в друге. «Вот ведь родственные души, слова один другому поперек не скажут», — удивлялись друзья Гафурджана. После рождения Абдуллы жизнь семьи пошла еще дружнее и согласнее. Под давлением Завод-ая они даже перестроили дом. И кое-что приобрели из вещей. Несмотря на это, Гафурджан-ака по-прежнему не изменял себе. Своим хозяйством он занимался как бы проходя, но зато соседские радости и несчастья Гафурджан-ака принимал близко к сердцу, никогда не отказывался помочь нуждающемуся человеку. Иной раз, когда были деньги, присылал он на соседскую свадьбу целого барана в подарок. Не корысти ради. Просто так. Однако это приносило ему удовлетворение.

— Вы похожи на пчелу, — не то шутя, не то всерьез говорила зятю Завод-ая. — Таскаете мед, а сами не едите, отдаете другим.

— Да что там, Завод-ая... — отвечал в таких случаях Гафурджан. — Доброе имя стоит гораздо больше, чем богатство. Я так понимаю: если кипит во дворе котел, значит, в доме достаток. Разве вы со мной не согласны? — лукаво улыбаясь, спрашивал он.

Однако находились люди, которые плохо думали о Гафурджане-ака. Они полагали, что подобную душевную щедрость может позволить себе только преуспевающий человек, богач, денежный мешок. Шаходат расстраивалась, когда эти злые разговоры достигали ее слуха. Гафурджан-ака говорил с усмешкой:

— Брось, не переживай. Скорпион только и умеет, что жалить. Хорошо еще, что скорпионов не так много. Все, что у нас есть, мы добыли честным трудом. Чего нам бояться, зачем расстраиваться?

Его недоброжелателям было не понять, что человек и на самом высоком посту может быть абсолютно честен. Гафурджан-ака пользовался доверием районных организаций. Он был крупным специалистом по торговле, замечательным снабженцем. Интересно, что время от времени

Гафурджан-ака вспоминал свою прежнюю, юношескую профессию: в свободное время занимался резьбой, чеканкой. Любил он подарить другу красивую вещицу, сработанную собственными руками. «Всякий честный труд славен, ремесло всегда выручит человека», — не забывал он повторять, а однажды рассказал Абдулле сказку-притчу, то ли придуманную им самим, то ли услышанную от кого-то.

— Жил-был один очень хороший мастер, ткал ковры. Однажды его красавица дочь попала на глаза падишаху. Падишах сразу влюбился в девушку и забрал ее к себе во дворец. Не понравилось ей во дворце: скучно и в то же время шумно — другие жены между собой грызутся. Девушка и говорит падишаху:

«Мой повелитель, или отправьте меня обратно к отцу, или прикажите принести сюда мой ткацкий станок. А то мне здесь делать нечего».

Не отпустил ее падишах. Принесли из отцовского дома станок, и сорок дней и сорок ночей девушка ткала ковер. Заперлась в своей комнате и даже падишаха к себе не пускала. На сорок первый день открыла ему свою работу. Долго смотрел падишах. На ковре была выткана большая алая роза с распустившимися лепестками. И показалась она падишаху прекраснее всех живых роз на свете.

«Велико твое искусство, — промолвил падишах. — Если это не колдовство, открой мне тайну своего ремесла. Проси за это что хочешь».

«Ничего мне не надо, — сказала девушка. — А научить я вас попробую, если вы пожелаете».

И поступил падишах в подручные к девушке и овладел ремеслом.

У падишаха была привычка раз в месяц обходить свой город в одежде нищего странника. Так ему было удобнее без помехи наблюдать, чем занимаются, как живут его подданные.

И вот однажды падишах бродил-бродил по городу и захотел есть. Зашел в шашлычную. Острый запах мяса ударил в ноздри. Повар-шашлычник встретил его, согнувшись чуть не до земли, показал ему рукой на почетный красный угол. Только падишах уселся, как вдруг почувствовал, что летит куда-то вниз. Очутился он в большом подвале. К стене цепями были прикованы люди. Падишаха тоже приковали. Он очень удивился и спросил у одного старика:

«Что здесь происходит?»

«Это бойня», — ответил старик.

«Бойня? Как это понять?»

«А так. Здесь из людей делают шашлык. Завтра очередь за мной».

И тогда падишах пришел в ярость. Он совсем забыл, что прикован к стене.

«Не беснуйся, смирись, — сказал ему сосед. — Это тебе не поможет».

Нет, не знал падишах, какие страшные дела творятся в его городе. Что теперь делать, как спастись?

И вдруг падишах обратился к старику:

«Отец, уступите мне вашу очередь».

Тот посмотрел на него как на сумасшедшего:

«Ты что, очень спешишь умереть? Это, конечно, дело твое. Давай, я согласен, если не шутишь».

Наутро падишаха вытащили наверх. Только повар подступил к нему с ножом, как падишах задал ему вопрос:

«Сколько я принесу тебе дохода?»

Повар окинул падишаха оценивающим взглядом и буркнул:

«Пожалуй, выручу тысячу динаров...»

«А если ты с моей помощью выручишь десять тысяч динаров, оставишь меня в живых?»

«Конечно, — ответил повар. — Но откуда ты возьмешь столько денег?»

Тогда падишах пообещал ему за одну ночь выткать ковер стоимостью в десять тысяч динаров и попросил принести шерсти и ткацкий станок.

«Ну что же, если обманешь, все равно никуда не денешься. Я тебя живым зажарю», — сказал повар и отдал приказ своим подручным доставить узнику все необходимое для работы.

Всю ночь, не смыкая глаз, ткал падишах ковер. Под утро он его закончил и посоветовал повару продать ковер младшей жене падишаха — мол, она даст настоящую цену. Повар так и сделал: побежал во дворец и запросил за ковер десять тысяч динаров. Младшая жена падишаха так и впилась глазами в сложный рисунок, она почти сразу же поняла, в чем дело. На ковре был выткан план города и синим цветком обозначено место, где находился падишах. Повару вручили деньги, но следом за ним по приказу жены падишаха отправились в шашлычную двести сарбазов. Так были освобождены падишах и другие узники. А разбойники поплатились за свои злодеяния...

Вот так, сынок, — говорил Гафурджан-ака своему сыну, — теперь ты понимаешь, что значит ремесло?!

И принимался рассказывать вторую притчу — примерно такого же содержания: случилось так, что караванщики бросили одного пастуха в колодец и угнали его овец. В колодце пастух увидел страшного дракона, однако не растерялся и начал играть на своей свирели. Дракон слушал-слушал чудесную музыку да и заснул, а пастух целый и невредимый выбрался из колодца на волю.

Абдулла не принимал близко к сердцу эти сказки, не появлялось у него и желания смастерить что-нибудь своими руками. Ему нравилась арифметика, потом алгебра, геометрия, физика, он с удовольствием решал задачи. Да и вообще учился он хорошо, вел себя достойно, не перечил старшим, внимал каждому их слову. Учителя его любили. Конечно, мальчик есть мальчик, иной раз Абдулла и шалил, но с оглядкой, не слишком сильно, и шалости эти сходили ему с рук. Он знал, что, если воротится домой поздно или появится грязный, в запыленной одежде, это не понравится его матери. А если, например, он захочет пройтись на руках по школьному коридору, это не понравится учителям.

До седьмого класса Абдулла каждый год получал похвальные грамоты. А в седьмом вышла осечка — грамоту он не получил. Это повергло его в уныние, но в то же время многому научило. Дело в том, что, когда Абдулла перешел в седьмой класс, здоровье его отца пошатнулось. Высокое давление, гипертония. Но это бы еще ничего. Хуже то, что у Гафурджана-ака стала слабеть память. Поймав себя на этом, он испугался. Посоветовавшись с врачами и женой, Гафурджан-ака оставил свой высокий пост и пошел работать заведующим небольшой столовой.

В это время в классе у Абдуллы появился мальчик по имени Инамджан. Как водится, все ученики, в том числе и Абдулла, с любопытством присматривались к новенькому. Он был старше Абдуллы года на полтора, одевался всегда с иголочки, носил красивый кожаный портфель. Почти сразу же два преподавателя стали уделять ему особое внимание. Когда Инамджан выходил к доске, не зная урока, и, понутив голову, переминался с ноги на ногу, его не ругали, а тихонько говорили: «Ладно уж, садись, спросим в следующий раз». И другому Абдулла удивлялся: эти учителя на глазах изменили к нему свое отношение. Особенно плохо стал относиться к Абдулле закадычный друг его отца Хасанхан. Если прежде он сам первый здоровался

с ним, то теперь вроде и не замечал приветствий Абдуллы. Однако к новичку он был чересчур уж ласков.

— Как поживаешь, Инамджан? — с улыбкой осведомлялся он, входя в класс. — Как поживают домашние, как отец? Вчера я видел уважаемого Иргаша-ака, его шофер гнал машину как на пожар. Должно быть, в верхах шло какое-то совещание?

— Да, наверно, он проводил совещание, — отвечал важно Инамджан.

— Трудно ему, трудно, — говорил учитель. — Как его здоровье, хорошо ли?

— Неплохо. Доктора говорят, чтобы он обязательно снова съездил на курорт.

— Куда он собирается?

— В Кисловодск.

— Это хорошо. Он непременно должен съездить туда. Самое нужное и важное для человека — это здоровье. Садитесь, садитесь, чего стоите-то? — Хасанхан вяло махал ученикам рукой и шел к столу.

Абдулла от злости кусал губы. Почти на каждом уроке родного языка звучали подобные вопросы и ответы.

Неприязнь к учителю почему-то перешла и на предмет, который он преподавал. В классном журнале постепенно стали снижаться отметки Абдуллы. Однажды он даже двойку получил. Почему это произошло? Почему его перестали замечать Хасанхан и Сиддик-ака, учитель географии? Абдулла не понимал причины. Однажды он сидел за партой и размышлял об этом, держа в зубах кончик колпачка от авторучки. Он даже не заметил, как вошел Сиддик-ака и начал урок. Когда Абдулла поднял голову, учитель географии стоял над ним. Он не стал ругать Абдуллу, не выгнал из класса, но произнес обидные слова, которые Абдулла запомнил на всю жизнь.

— У меня дома, — сказал учитель, пристально вглядываясь в Абдуллу, — есть маленький мальчик, годовалый сынок. Он лежит в люльке и сосет свою соску. В соске есть вкус, а какой вкус в этом твоём колпачке?

Девчонки хохотнули, кто-то, может, и нахмурился, Абдулла же покраснел до ушей, низко опустил голову и прижал ладони к лицу. Когда прозвенел звонок, Абдулла забрался на школьный чердак и расплакался. Почему они так делают? Ведь и Сиддик-ака, и Хасанхан — приятели его отца. Ведь по сравнению с другими учениками они его, Абдуллу, знают лучше! И потом, ведь он учится хорошо. Однако вскоре все прояснилось.

Как-то утром, еще до школы, Абдулла подошел к своему отцу, лежащему на суге посреди двора. Гафурджан-ака потрепал сына по плечу.

— Послушай, сынок,— промолвил он.— Хасанхан уже давно не навещал нас, я соскучился. Если увидишь, передай ему: пусть зайдет.

— Хорошо,— сказал Абдулла.— У нас сегодня его урок первый.

В школе мальчик сразу же начал искать Хасанхана. Его нигде не было видно.

Абдулла решил подождать учителя у дверей класса.

Наконец в дальнем углу длинного школьного коридора показался Хасанхан. Прозвенел звонок, и он, даже не взглянув в учительскую, направился прямо к Абдулле.

— Что ты хочешь сказать? — спросил учитель хмуро.

Подростку было не по себе. Однако он взял себя в руки:

— Мой отец хотел вас видеть. Просил, чтобы вы пришли...

— Хорошо, хорошо,— сказал тогда учитель и, отстранив Абдулла, открыл дверь в класс.— Я навещу его, но сейчас у меня нет времени.

Он с улыбкой, как всегда, подошел к Инамджану:

— Как поживаешь? Как здоровье Иргаша-ака?

— Сегодня отец дома, он отдыхает,— отвечал Инамджан.

— Ах вот как, отдыхает, говоришь? А я хотел как-нибудь зайти к нему, навесить... Но он так занят...

— Так заходите сегодня,— сказал Инамджан.

— А как это будет выглядеть? Если он сейчас отдыхает, не лучше ли мне прийти к вечеру?

— Можно прийти и пораньше.

— Вот как, значит, можно пораньше, в таком случае я зайду к вам сразу же после уроков.

— Хорошо.

— Ты уж передай отцу: мол, Хасанхан хочет вас видеть, ладно? Я только на минутку. Я не стану долго засиживаться.

— Можно и посидеть...— улыбнулся Инамджан.

— Можно, говоришь... Ладно, мы так и сделаем, Инамджан, я пойду вместе с тобой, хорошо?

— Хорошо.

— Спасибо. В таком случае я после уроков подойду к тебе.

И Хасанхан вяло махнул рукой, приглашая учеников садиться.

Абдулла был оскорблен до глубины души.

Когда урок кончился, он отвел в сторону старосту класса, спросил у него:

— Кто отец у Инамджана?

— А ты разве не знаешь? — удивился тот. — Да ведь он у него председатель райисполкома.

Абдулла насупился и отошел от старосты. Значит, отец у Инамджана председатель райисполкома, а его отец всего-навсего заведующий маленькой столовой!.. Вот где зарыта собака. Горько стало Абдулле.

Дома отец спросил у него, что сказал Хасанхан. Абдулла ответил не сразу:

— Он... передает вам привет. У него сейчас много различных дел. Обещал завтра или послезавтра прийти. Сказал, что обязательно придет.

— Вот хорошо-то, — обрадовался Гафурджан-ака. — Твой Хасанхан — золотой человек, золотой. Вот видишь, сынок, если сделаешь добро, оно тебе добром и откликнется. Никто тебя не забудет.

Тут уж Абдулла не смог удержаться, заплакал навзрыд. И убежал к себе в комнату.

— Что случилось, сынок? Что случилось? — встревожился Гафурджан-ака.

Абдулла швырнул портфель в нишу и бросился на кровать. Как ни старались Гафурджан-ака и Шаходат-хола, никак они не могли дознаться у сына, почему он плачет.

Между тем прошел ровно месяц. Хасанхан все не приходил. Вечером сквозь неплотно прикрытую дверь Абдулла услышал разговор своих родителей.

— Надоел мне этот диетический суп, жена. Уж лучше совсем не есть. Да... Послушай-ка, помнишь, как наш сын расплакался, когда пришел от Хасанхана? Теперь я понимаю причину. Хасанхан, наверно, сказал тогда, что не придет... Обманулся я в нем... А, Шаходат?..

— Выходит, так...

— Все же я никогда не думал... Тридцать лет знаем друг друга...

— Ладно, не думай об этом, лучше поправляйся... Диету надо соблюдать... А сын за тебя обиделся. Жалко Абдуллу. Пусть век его будет долгим и счастливым. У меня вся надежда на него...

Из этого разговора их сын вывел для себя, что Гафурджан-ака не очень дальновиден; Абдулла решил, что верить нужно только самому себе. В мире есть много плохих

людей, и поэтому надо суметь стать большим человеком, чтобы они, по крайней мере, тебя уважали. Значит, необходимо учиться, и учиться только на «отлично». Все же в тот год не вышло это у Абдуллы. Географию и родной язык он еле-еле вытянул на четверки.

Однако с восьмого класса все изменилось. Во-первых, вместо Хасанхана и Сиддика-ака стали преподавать другие учителя. Абдулла приналег на эти предметы, и результат оказался превосходным. Восьмой и девятый классы он закончил на «отлично». Инамджан, получивший похвальную грамоту в седьмом классе, теперь тащился кое-как, на тройках. Абдулла радовался этому. Он понял, что победил. Придут и другие победы. Нужно только трудиться, основой всего является труд. В этом отец прав. Только совсем не обязательно делать что-то руками. Сам-то отец был ответственным работником, а чеканка — это просто так... Он, Абдулла, будет трудиться изо всех сил. А способностями его аллах не обидел — так сказал учитель математики. И в один прекрасный день такие, как Хасанхан, упадут ниц перед ним. Вот тогда он им и отомстит. Но когда придет этот день? Когда?

Подошла к концу третья четверть учебного года в десятом классе, и Абдулла вызвали к директору.

— Мы намечаем тебя в медалисты, так что нажимай, — директор весело подмигнул ему.

Абдулла не знал, как вместить в сердце эту радость. Он ничего не видел, кроме занятий. Даже забывал справляться о здоровье больного отца. Однако мечта его исполнилась, школу он закончил с золотой медалью, а Инамджан провалился по математике и остался на второй год. Многие переживали за него, Абдулла же улыбался. Так ему и надо. Да и кто он такой, этот Инамджан?

Та-та-та-так, та-та-та-так... — постукивали колеса на стыках рельсов. Абдулла улыбнулся. Ему казалось, что поезд все-таки движется очень медленно. Было двенадцать часов ночи, а спать почему-то не хотелось. В купе он был один, и это было очень кстати. Никто не мешал ему думать и вспоминать. Он смотрел в окно на стремительно проносящиеся мимо темные столбы, разглядывал плавающие по небосводу бесчисленные звезды. Итак, он едет в Ташкент. Он хорошо отдохнул. И не только отдохнул. Он понял, что

такое счастье — Гюльчехра... Ясно, такая девушка не каждому достается!..

Где ты, Инамджан? Где ты, дурачок?! Посмотри, это вторая большая победа Абдуллы! Еще какая победа! Его полюбила самая красивая девушка на свете. Она готова ради него на все. Один год пройдет мгновенно. И тогда Абдулла возьмет ее за белые нежные руки и проведет по самым многолюдным улицам Ташкента. Всем ее покажет. Пусть завидуют! Есть другая такая девушка? Нет, такой быть не может.

Как хорошо, что он поехал в кишлак! Молодцы родители, это они настояли. А то он отправился бы с товарищами в Чимган, ведь они приглашали его, он с ними уже договорился! А родители в один голос: зачем тебе Чимган, поезжай в Мингбулак! Сколько времени бабушку не видел! Бедная бабушка очень соскучилась. К тому же какой там чистый воздух, какие прохладные родники! А еще вместе с дядей можно и на охоту сходить. Перепелки! (Это уж отец ему сказал.) Неужели не интересно поохотиться? Мингбулак — это вещь. А что хорошего в Чимгане? Чего он там не видел? И потом, что он там будет есть? Где питаться, в столовых? Что должен делать человек, который весь пожелтел от занятий? Он должен хорошо отдохнуть. А где это можно?! Только в кишлаке у бабушки!

Наконец Абдулла согласился с ними. Отправился в дорогу с подарками, с гостинцами. Это была его первая самостоятельная поездка. И первая же такая поездка неожиданно оказалась удачной. Мало сказать удачной — просто замечательной. Его товарищи любили поговорить о девушках. Иные рассказывали, куда ходили с девушкой, что делали, и все это без всякого стеснения... Когда перешли в десятый класс, почти у всех были свои девушки, у некоторых из своего же класса. Другие приводили на школьные вечера девушек из соседних школ. Один даже студентку привел с первого курса! А вот у Абдуллы не было девушки, ни с кем он не встречался. Конечно, на вечерах танцевал, его многие выбирали на белый танец, и записки он получал, когда в почту играли. Однако Абдуллу это хоть и трогало, но не очень. Нельзя сказать, конечно, что девушки не нравились ему. Вроде нравились, особенно симпатичные... И все же Абдулла ни одну из них не проводил домой с вечера. Танцевать танцевал, а провожать — нет. Если вечер затягивался, он исчезал...

— Сейчас нужно учиться, сейчас мне нужно быть дома, сейчас обязательно надо быть дома, — внушал он се-

бе.— А это все потом. Девушки никуда не уйдут. Делу время, потехе час...

Перед его глазами сверкала золотая медаль, она сверкала и во сне и наяву. Он только покажет ее краешек — и его сразу пустят в будущее, в любой институт! И пусть товарищи смеются над ним, пусть девушки качают головой, хихикают! Недолго это будет продолжаться!

Он занимался, усиленно занимался, не тратил зря времени. А теперь — теперь он опередил своих одноклассников. У него есть золотая медаль, у них нет, у него есть Гюльчехра, а у них что?.. Даже имя у нее прекрасное, Гюльчехра — цветок, да и сама она прекрасна, как цветок! Какие глаза! А косы!.. А голос! Музыка льется! Такого голоса ни у кого нет. И ноги стройные, чуть полненькие! Недолюбливал Абдулла тонконогих да еще того хуже — кривоногих.

У Гюльчехры ноги не такие. Нет. И потом, все идет, что бы ни надела, — и туфли на высоком каблуке, и босоножки...

Абдулла открыл окно побольше и подставил голову под холодную плотную воздушную струю. Стараясь не мигать, он смотрел в яркое ночное небо. Ему сейчас припомнились слова бабушки, будто у каждого человека есть своя звезда, она ему об этом давно говорила. Где его звезда? Вон их как много, одни поменьше, другие чуть побольше. Его звезда должна быть особой, непохожей на другие. Нет, маленькие, тусклые ему не подходят. Долго выбирал Абдулла и наконец выбрал одну — зеленую, мерцающую. Теперь главное — не потерять ее. Только не потерять. Она правее Луны, чуть повыше Венеры. Какую же звезду выбрать для Гюльчехры?

Может, Венеру? Нет, Венера не подойдет, Венера большая. Ярче его звезды. А они должны быть равными, должны светить одинаково! А как же иначе? Ведь они теперь связаны на всю жизнь. Они всегда будут вместе. Но что скажут на это его отец и мать? А родители Гюльчехры? И вообще, надо ли им об этом знать или нет? Конечно, надо, решил Абдулла. Если даже и не сказать им ничего, все равно в один прекрасный день узнают. Но все же лучше, если они пока будут не в курсе дела. До тех пор, пока он институт не окончит. До этого времени он никак не может жениться. По этому вопросу у него мнение твердое. Не приведет же он Гюльчехру в пустой дом. Постесняется. Он закончит институт, поступит на работу, купит все необходимое для совместной жизни и тогда женится. Однако это

означает, что ждать надо не год и даже не пять лет... Выдержит ли он? Ведь даже теперь его не вполне удовлетворяло то, что он держал Гюльчехру за руки, иногда целовал ее осторожно... Нет, он хотел большего. Однажды ему даже сон такой приснился. Проснувшись, Абдулла замотал головой, долго тер глаза, ударил себя кулаком по лбу. Целый день потом ходил будто в воду опущенный. А когда вечером встретился с Гюльчехрой, не мог смотреть ей прямо в глаза.

— Что это с тобой сегодня? — спросила тогда Гюльчехра и взяла его за локоть.

Абдулла словно током ударило. Он тихонько отстранил ее руку.

— У меня голова болит, — промолвил он.

— Голова болит? Сейчас мы ее вылечим! — Гюльчехра нагнулась к роднику, опустила в воду ладонь и приложила ее ко лбу Абдуллы. — Теперь лучше? — спросила она.

— Лучше. — Абдулла, по-прежнему не глядя на девушку, обнял ее за талию и поцеловал в губы. Он обнимал ее все крепче.

Гюльчехра попыталась высвободиться.

— А ты очень быстро поправился, — нахмурилась девушка.

— Гюльчехра... — Абдулла сам не узнал своего голоса, так хрипло он прозвучал.

— Подожди!.. Слышишь? Поет твоя перепелка!..

Тут Гюльчехра выскользнула из его объятий и побежала домой.

И хорошо сделала. Если бы они дали себе волю, то что бы тогда было? А доброе имя девушки?! Вместе бы и опозорились. Нет, Абдулла так не сделает. Даже если ему будет очень трудно, если он будет мучиться, все равно этого не допустит. Надо быть волевым человеком. Главное — воля. Как хорошо, что Гюльчехра тоже не из легкомысленных...

— Молодой человек, вы разве не сойдете?..

Абдулла испуганно оглянулся. В дверях купе стоял проводник.

— Мы уже в Ташкенте? — с неприятным удивлением спросил Абдулла.

— Ты угадал! — Проводник расхохотался.

Абдулла повернулся к окну. Из-за гор поднималось большое лучистое солнце. «Вот это звезда так звезда», — подумал он. Вот бы ему такую. Хотя нет, слишком уж он

размахнулся. Не такой уж он великан. Значит, и думать об этом нечего.

Абдулла медленно шел по перрону, с удовольствием взирая на вокзальную сутолоку. До чего хорошо жить в таком большом прекрасном городе! В ту минуту все его радовало: и красивое здание вокзала, и несущиеся вперед, обгоняющие друг друга машины, и памятник четырнадцати комиссарам, возвышавшийся среди широкой вокзальной площади.

Давно остался позади Мирабадский базар, где когда-то работал его отец, незаметно промелькнули знакомые улицы и махалли. Трамвай остановился со скрежетом. Абдулла подался вперед и увидел из окна родной дом с балаханой, заметил наверху висящую люльку — бешик. Вот он и приехал.

Абдулла бросился к выходу, соскочил с подножки. Проводив глазами трамвай, он перешел улицу, по давней привычке стараясь не ступить на рельсы. У края тротуара Абдуллу поджидал его одноклассник Рустам с большой хозяйственной сумкой в руке. Абдулла обрадовался встрече. Рустам за это время вроде не изменился. Да и что с ним могло случиться? Зато вот он, Абдулла...

— Ну, здравствуй! Жаль, что ты не поехал с нами, — сказал Рустам и опустил на асфальт свою сумку.

— А что?

— Хорошее место этот Чимган. Мы здорово отдохнули. Да и потом отец Ахрара не поспешил, зарезал барана. Два дня шашлык жарили. Все горы излазили, купались. Вот только я простыл немного, последние дни уже не купался. Тебе бы там понравилось, в Чимгане...

Абдулла улыбнулся.

— А в кишлаке хорошо было? — спросил Рустам.

— Неплохо, — ответил Абдулла. — На охоту ходил, стрелял перепелок.

— Перепелок? — глаза Рустама округлились.

— Да.

— И много настрелял?

— Штук тридцать.

— Вот молодец! Ну а еще чем занимался?

Абдулла снова улыбнулся. Конечно, он о многом мог бы рассказать, выплеснуть всю душу. Но зачем? Абдулла очень доволен своей поездкой, и этого достаточно. А другим об этом знать не обязательно. Да, совсем не обязательно. Поэтому он переменял тему разговора:

— Когда вы вернулись?

— Позавчера. А сегодня вечером договорились с Ахраром и другими ребятами немножко прогуляться. Наверно, на озеро пойдём. Посидим там на островке. Давай с нами?

— Я с удовольствием...

— Ну, тогда я к вечеру зайду за тобой.

— А сейчас куда с этой сумкой направился? — спросил Абдулла.

— Да на базар, вместо матери. Сам напросился. Скучно что-то стало. Хоть бы скорее приемные экзамены начались... Ну так мы с тобой договорились.

Абдулла кивнул. Уж ему-то, Абдулле, скучать не придется. Он будет учиться, хорошо учиться и думать о Гюльчехре.

11

Гафурджан-ака с нетерпением поджидал своего сына. Дело в том, что недавно их навестил один человек, который или забыл, или не захотел представиться. Гафурджан-ака поначалу никак не мог понять, кто это такой, однако, скрывая недоумение, тепло принял нежданного гостя. Пришедший был человеком средних лет, на нем ладно сидел добротный серый костюм, в руке была шляпа. Он сразу повел себя как старый знакомый.

— Я только вчера утром прилетел из Ленинграда, — сказал он. — Друзья мне и сообщили, что вы давно уже хвораете. Я бы и вчера вас навестил, да гости у меня были. А вот сегодня пришел, как видите.

— Спасибо, спасибо, — поблагодарил хозяин. Конечно, Гафурджан-ака чувствовал себя неловко, ведь он не знал, не мог вспомнить, с кем говорит. А спросить прямо постеснялся.

Между тем Шаходат-хола подала чаю. Гость рассказал, что он уже два года живет в Ленинграде и что там открылся новый физический институт, куда его пригласили читать лекции. Гафурджан-ака был в полном недоумении.

— Я побуду здесь около месяца, а потом заберу с собой дочь, — сообщил незнакомец. — Пусть она будет при мне, если, конечно, поступит в этот институт. А кстати, как поживает Абдулладжан? Я о нем только хорошее слышал.

— Да? — Гафурджан-ака просиял. — Он закончил школу с золотой медалью. Сейчас в Коканде. Мы отправили его в кишлак отдохнуть.

— Очень хорошо, очень хорошо. А что же он дальше собирается делать? В институт какой поступать?!

— В ТашГУ. На физмат.

— О, стало быть, он любит математику...

— Да, выпускную работу по математике он написал за двадцать минут.

— Тем лучше, — загадочно заметил гость.

— Да, учителя тоже удивились.

— Ну, моя Саяра целый час провозилась... Так вот, у института, о котором я говорил, большое будущее. Он, понимаете, с уклоном в ядерную физику...

— Ах вот как!

— Да, для девушки будет, пожалуй, немного трудно-вато...

Гость задумался. Гафурджан-ака тоже был поглощен своими мыслями. Вот если бы его Абдулла поступил учиться в этот институт!.. Он разумный парень, умеет себя держать, вернулся бы оттуда большим ученым...

— А стипендия там какая? — неожиданно для себя вдруг спросил Гафурджан-ака.

— Больше, чем в других институтах, есть общежитие. Что скажете на это, Гафурджан-ака? Может, вы пошлете своего сына учиться в Ленинград? Нам нужны способные студенты. А насчет материальной стороны... — Гость по-своему понял колебания Гафурджана-ака. — Со стороны материальной, я думаю, вы немного поможете, а потом, ведь я под боком. Я не оставлю его одного.

— Большое спасибо... — неуверенно произнес Гафурджан-ака.

— Я потому все это говорю, — продолжал свою речь гость, — что нам нужны таланты. И потом, у человека, закончившего этот новый институт, будет очень хорошая, нужная специальность. И еще меня устраивает другое. Они будут учиться вместе с моей дочерью, они будут поддерживать друг друга в этом большом незнакомом городе.

— Спасибо, — Гафурджан-ака приложил ладони к груди, — я обязательно поговорю с Абдуллой, когда он приедет.

— Отлично. Поговорите с ним, а потом пусть он встретится со мной.

Тут гость вырвал листок из записной книжки и что-то написал на нем.

После ухода гостя Гафурджан-ака взял в руки этот листок и закричал:

— Шаходат, эй, Шаходат! Ты знаешь, кто у нас был? Вот проклятая память!

— Кто же? — спросила Шаходат-хола. Она сидела на террасе и занималась шитьем.

— Когда я работал базаркомом, там был такой парень, Турсунали Курбанов, приемщик. Так это он самый. Узнала ты его?

Шаходат-хола подумала, отрицательно покачала головой. А Гафурджан-ака припомнил, как этот человек, стремясь к знаниям, желая учиться, убежал из родного аула Ура-тепа. Трудно ему пришлось, днем работал грузчиком на базаре, по ночам читал, занимался. Гафурджан-ака устроил его на более легкую работу. А потом Турсунали уехал куда-то. С тех пор они и не виделись... И вот, гора с горой не сходится, а человек с человеком... Сколько лет прошло, сколько воды утекло, а Турсунали не забыл его, пришел навестить. Мало того, он еще решил отплатить добром за добро. «Какой хороший парень этот Турсунали, — думал Гафурджан-ака. — Профессором стал, а не загордился. Пусть Абдулла поедет в Ленинград. Конечно, надо будет посылать ему денег. Да, с этим трудноато придется. Ну ничего. Денег занять можно на первое время. А потом, должен же я все-таки поправиться?! Вот только Шаходат будет против того, чтобы сын уехал».

Гафурджан-ака, не откладывая дела в долгий ящик, поговорил откровенно со своей женой. Шаходат-хола сначала воспротивилась, но потом как будто поддалась на уговоры мужа.

— Твоя воля, ладно, — промолвила она. — Но что скажет он сам? Что скажет на это Абдулла?

В этих ее словах был свой резон. «Абдулла любит отца, — думала она, — он не оставит его в таком состоянии. Когда он еще выздоровеет, да и вообще выздоровеет ли — неизвестно. Абдулла должен это понимать. И к тому же и здесь можно учиться, главное — как учиться. Если хорошо, то и здесь он станет большим человеком».

Гафурджан-ака раздумывал вслух:

— Что он скажет сам? Скажет: поеду. Учиться в Ленинграде, в таком интересном институте не каждому суждено. А если он будет колебаться, жена, — слышишь? — то ты уж не сиди молча, поддержи меня.

Шаходат-хола промолчала.

— Почему не отвечаешь? Или я тебя все-таки не убедил? Послушай меня... Разве плохо, если твой сын овладеет редким ремеслом?

— Я уже ответила.— Шаходат-хола не смотрела на мужа.— Твоя воля. Что найдешь нужным, то и делай. Однако твой сын уже не маленький. Если не захочет поехать, так и не поедет. Разве не так?

— Вот и я об этом говорю, жена,— сказал Гафурджан-ака.— Он уже не маленький, однако давать наставления ребенку — задача родителей. Когда я буду говорить, ты не стой молча. Договорились?

— Ладно, я что-нибудь скажу,— промолвила Шаходат-хола.

К удивлению родителей, Абдулла принял новость очень спокойно. Гафурджан-ака никак не ожидал этого.

— Что, разве такое предложение тебе не понравилось? — с удивлением спросил он.

— Нет, почему же? Понравилось...— ответил Абдулла.

Совсем не хотелось ему ехать в Ленинград. Ведь через год придет Гюльчехра... он сам на этом настоял, уговорил ее! Вот если бы и Гюльчехра вместе с ним сейчас поехала в Ленинград, тогда было бы чудесно! Однако этому не бывать. Значит, и ему ехать не надо. Конечно, институт хороший. Да и вообще учиться в Ленинграде — об этом он раньше и не мечтал. Однако он не поедет. Он без Гюльчехры никуда не поедет.

— А если нравится, то почему же раздумываешь? — спросил Гафурджан-ака.— Мать согласна тебя отпустить. Шаходат, что скажешь, ведь ты согласна?

Шаходат-хола устремила на сына полные любви глаза и слегка наклонила голову, как бы в знак подтверждения. Она была рада. Колебания Абдуллы она понимала по-своему.

— Турсунали-ака обещает тебе помогать. И к тому же там стипендия больше, чем в других институтах. Но дело не в этом, сынок, там сама учеба интересная... Мы с твоей матерью хотим, чтобы ты стал настоящим ученым. Для этого мы на все готовы. Сами желаем тебе счастливого пути, поезжай. Вот здесь Турсунали-ака свой адрес написал. Он хочет с тобой встретиться. Вот и поговори с ним.

— Я подумаю,— сказал Абдулла. Без видимой охоты взял он из рук отца листок с адресом.

И все же неожиданное приглашение не давало покоя Абдулле. Когда Рустам зашел за ним к вечеру, Абдулла уже почти решил посоветоваться со своим одноклассником, однако в последний момент передумал: «Что это я? Разве в таком деле может быть советчик? А потом, ведь я и не колеблюсь. Я должен остаться, и все тут».

Они с Рустамом вышли на улицу.

— Куда мы пойдём? — спросил Абдулла.

— Вообще-то договорились встретиться на площади, под часами, — сказал Рустам.

— Ну что ж, пошли.

Солнце приближалось к закату, из парка, из-за серебристой его ограды, доносилась веселая музыка. Там играл духовой оркестр. Тени от громадных чинар ложились на площадь. В сквере Революции было полно народу. Для горожан начиналась вечерняя отрадная пора отдыха. Абдулла вдруг остро почувствовал, как не хватает ему сейчас Гюльчехры. Вот пришли бы они с ней сюда, походили по аллеям, потанцевали, а потом сели бы на эту затененную скамейку.

— А вон и ребята, — сказал Рустам, показывая на аллею. — Пойдем туда. А то здесь, под часами, еще затакают...

Они перешли улицу. Навстречу им, оживленно споря о чем-то, вышли из аллеи одноклассник Абдуллы высокий курчавый Ахрар и какой-то незнакомый, щеголевато одетый темноглазый парень.

— Ну вот и ты приехал наконец, — сказал Ахрар. — А мы боялись, застрянешь в кишлаке. Знаешь, как здорово мы погуляли в Чимгане!

— Слышал, — Абдулла, улыбаясь, поздоровался с ним. — Вы там так здорово погуляли, что слегли!

Все рассмеялись.

— Ну что ты! — возразил Ахрар. — Один только Рустам и простудился. Он ведь у нас такой — кто-нибудь чихнет, а у него уже сопля текут!

И снова послышался смех.

— Кстати, Абдулла, познакомься, — продолжал Ахрар, показывая глазами на своего товарища. — Это Пулат. Из сорок шестой школы. У него тоже медаль. Он не то что мы — в Ленинград собрался.

— Здравствуй, — Абдулла протянул руку слегка смутившемуся парню. — А в какой институт?

— В новый физический институт, — с готовностью ответил Пулат. — Институт только недавно открылся. Вот я и еду, хотя отец против.

— Хорошо, — промолвил Абдулла. «А чем я хуже этого парня?!» — промелькнуло у него в голове.

— Еще как хорошо! — вмешался в разговор Рустам. — Как ты считаешь, Ахрар? Ведь это здорово!

— Конечно, — подтвердил тот. — Если бы у меня была медаль, я бы и не раздумывал.

— А ты подумай и поезжай, — ввернул слово Пулат.

— Боюсь, трудные экзамены. Не сдать мне...

— А ты? — спросил Пулат, обращаясь к Абдулле. — Куда ты собираешься поступать?

— Я... — Абдулла замялся. — Наверно, и я поеду в Ленинград, — вдруг вырвалось у него, — в этот твой институт.

— Вот это новость! — воскликнул Рустам.

— Ну, это еще не решено, — торопливо прибавил Абдулла. — Так говорит мой отец.

— Поехали вместе, — сказал Пулат. — Вместе веселее.

— Да, конечно, — Абдулла искоса посмотрел на него. — Но сам-то я собираюсь поступать на физмат.

— Ну, хватит! — Ахрар даже руками замахал. — Надоели мне эти разговоры об институтах, как... не знаю что. Пошли.

— Пошли, — отозвался Рустам.

И ребята направились к улице Карла Маркса.

«Никто меня за язык не тянул, — думал по дороге Абдулла. — Или захотелось похвастаться? Вроде у меня нет такой привычки. Может, стало завидно? Неужели я так уж хочу поехать в Ленинград?» Абдулла злился на себя и почти не вмешивался в общий разговор. В кафе он с трудом заставил себя выпить одну пиалу белого вина и раньше всех поднялся с места. А дома, уже в постели, перед тем как заснуть, несколько раз повторил тихонько: «Ничего не случилось, ничего не случилось. Ведь я не сказал определенно, что поеду...»

12

Идти к профессору или нет — было его первой мыслью утром. С одной стороны, идти незачем, потому что он все равно не поедет. А с другой стороны... Хотя что с другой стороны?

Абдулла поднялся с постели, оделся и вышел на улицу. У арыка, лениво текущего между двумя дворами, он приметил Рустама и направился к нему. Рустам грелся на солнышке.

— Загораешь? — спросил у него Абдулла.

— А что делать? — ответил Рустам, зевая во весь рот.

- Утреннее солнце полезно...
- Оно конечно. Послушай, Абдулла...
- Что?
- Ты действительно собираешься ехать?
- Куда? — Абдулла вздрогнул.
- Как куда, конечно, в Ленинград.

Абдулла в ответ пожал плечами, поморщился.

— Ну что жмешься? Будь я на твоём месте, птицей бы полетел.

— Вот и лети, если хочешь.

— Хотеть мало... Ахрар вчера правду сказал: экзамены там будут тяжелые. Не сдать... А тебе и сдавать не надо. И отец тебя отпускает...

— Мало ли что...

— Не пойму я тебя. Ты, может, с ума сошел? За то время, пока был в кишлаке. Поезжай! А если не поедешь, потом будешь мучиться. Всю жизнь будешь переживать.

«Может, он и прав, — подумал Абдулла. — Скорей всего, так оно и будет».

И в самом деле, к примеру, этот Пулат после окончания нового института, пожалуй, добьется большего в жизни, чем он, Абдулла. Это несправедливо. Он ничуть не хуже Пулата. Если не лучше. Все это так, однако, однако... Нет, ничего не мог решить Абдулла. А что, если он переговорит с профессором? Что здесь плохого? Он переговорит с ним, и все!

Абдулла крепко пожал руку Рустаму:

— Ну ладно, я пошел.

— Куда?

— Дело есть.

С этими словами Абдулла поспешил к себе домой. Он быстро выпил пиалушку чаю, переоделся.

— Сынок, — обратился к нему Гафурджан-ака, — сходил бы ты к дяде Турсуну.

— Хорошо, я имею это в виду, — сказал Абдулла.

Профессор жил в самом тихом и спокойном месте Ташкента, на Хорезмской улице. Абдулла несмело подошел к зеленым воротам и осторожно надавил на кнопку звонка. Подождал немного. Никто не вышел. «Это к лучшему», — сказал себе Абдулла. Однако перед тем как уйти, он нагнулся и заглянул через щелку во двор. Оказалось, почти сразу за воротами росли большие красные канны. Кроме этого, он ничего не увидел. И тут из глубины двора послышался звонкий голосок:

— Кто там?

Абдулла не знал, как ответить, и легонько постучал в ворота согнутым пальцем. Ворота отворились, и глазам Абдуллы предстала стройная девушка в брюках цвета морской волны и в желтой кофточке без рукавов. Каштановые волосы на ее маленькой красивой головке были подхвачены спереди узкой ленточкой. Абдулла заметил едва заметные капельки пота над верхней губой девушки, а увидев в ее руке мокрую тряпку, догадался, какой работой она была занята. Девушка завела руки за спину, чтобы спрятать тряпку.

— Салам алейкум, — сказал Абдулла.

— Здравствуйте, — ответила по-русски девушка.

— Мне нужен Турсунали-ака. Он дома?

— Дома, заходите. — Она произнесла это по-узбекски, но как-то неловко, с акцентом, что ли.

— Спасибо. Я постою здесь... у ворот.

— Нет, нет, заходите.

Девушка шире открыла ворота и, не ожидая, когда он войдет, направилась к дому, постукивая легонькими танкетками по камням.

— Папа!

Девушка поднялась на террасу, отбросила танкетки на ступеньки и босиком вошла в комнату. Абдулла подошел к лестнице и остановился, оглядывая двор. Он просто утопал в цветах. Посредине двора, под высокой яблоней, возвышался сури, ярко-зеленый плющ вился по голубым стойкам.

— Что ж вы там стоите? Заходите, — пригласила девушка из комнаты.

Абдулла, стараясь не смотреть снизу на ее ноги, поднялся по ступенькам. Он хотел было снять туфли, но девушка положила к его ногам тряпку:

— Что вы, не надо! Вытрите, и все.

Абдулла потоптался немного на этой тряпке и вслед за девушкой вошел в зал. Направо, по обе стороны маленького круглого столика, стояли два больших низких кресла. Девушка коснулась рукой одного из них:

— Садитесь. Отец скоро выйдет.

Абдулла осторожно опустился в кресло. В первый раз ему приходилось видеть такой дом, в первый раз он сидел в таком кресле! Как здесь было хорошо! Интересно, все профессора так живут? И потом, еще эта девушка. Она теперь окно протирала. Абдулла невольно загляделся на нее. Каждый раз, когда девушка поднимала руку с тряпкой, в зазоре между кофточкой и туго натянутыми брюка-

ми показывалась ее тонкая белая талия. Это длилось долго. В какой-то момент Абдулла почувствовал, что девушка смотрит на него, и смутился, отведя глаза в сторону.

— Папа! Ну хватит, человек ждет! — крикнула она рассерженно.

Вскоре в гостиную вошел Турсунали-ака. Абдулла поднялся с места.

— Я вас заставил ждать, — медленно произнес профессор. — Кажется, я догадываюсь, с кем имею честь. Здравствуйте, Абдулладжан.

— Здравствуйте, — сказал Абдулла улыбаясь.

— У меня привычка работать по утрам. Простите, Абдулладжан.

Своей обходительностью, спокойной манерой держаться профессор сразу понравился Абдулле.

— Кстати, поздравляю с золотой медалью, — продолжал Турсунали-ака.

— Спасибо, — Абдулла снова улыбнулся и опустил голову.

— Саяра! — позвал профессор.

«Ага, значит, ее зовут Саяра», — отметил про себя Абдулла. Девушка быстро подошла к столику. Теперь у нее на ногах были мягкие тапочки бирюзового цвета.

— Что, папа?

— Познакомься. Это сын Гафурджана-ака. Я тебе говорил о нем.

Абдулла протянул девушке руку.

— Абдулла, — представился он.

— Школу-то он закончил лучше тебя — с золотой медалью! — добавил профессор.

— Поздравляю, — сказала девушка улыбаясь. Носик у нее был точеный. А над верхней губкой чуть темнел едва заметный пушок.

— Да говори ты по-узбекски! — с легкой иронией произнес профессор.

Саяра сложила губы бантиком.

— Ну ты же знаешь, какой у меня выговор! Чаю заварить?

— Конечно. Где мама?

— Пошла в ателье. Где будете пить?

Девушка избегала смотреть на Абдулла.

— Здесь, — сказал профессор.

— А я хотела здесь убирать...

— Ну, тогда во дворе.

Саяра вышла из гостиной.

— Вот ведь как получается, Абдулла, — заговорил Турсунали-ака. — В молодости я мучился с русским языком, трудно он мне давался, вот я и отдал ее в русскую школу. У нее и подружки русские. А теперь я учу ее узбекскому. С матерью она теперь разговаривает только по-узбекски. А меня стесняется. Ну так рассказывай, как у тебя дела?

— Спасибо, хорошо.

— Недавно я к твоему отцу приходил. Поговорили. Как-никак не виделись долго. — Турсунали-ака вздохнул. — Мучится он, бедняга. Гипертония — модная болезнь. Но ведь как-то лечат же ее! Думаю, поправится. Давно я твоего отца знаю, много хорошего он для меня сделал. Кто знает, не помог бы он мне, может, я и не стал бы тем, кем стал...

Профессор задумался. Абдулла смотрел на его высокий гладкий лоб, отметил про себя седину на висках... В эту минуту ему очень захотелось быть похожим на Турсунали-ака. Пройдет время, он заведет семью, так же, как этот профессор, непринужденно будет разговаривать со своими сыновьями, как равный с равными...

— Мой отец много о вас рассказывал, — прервал молчание Абдулла, не найдя другого способа сделать приятное хозяину.

— Спасибо. С отцом вам повезло. Душа человек. Он всем делал только добро. А что же все-таки говорят доктора?

Абдулла не знал, что ответить. Как вернулся из кишлака, ни разу не говорил на эту тему ни с отцом, ни с матерью. Но до поездки в Мингбулак он слышал мнение одного врача, которое теперь и высказал:

— Ему нельзя есть мясо. Ничего острого тоже нельзя. Пробовал было отец выйти на пару дней на работу, но ему сразу стало хуже...

— Да, если он сейчас не станет как следует следить за собой, потом ему будет труднее. Конечно, надо пока оставить мысли о работе...

— Вот и я каждый раз говорю ему об этом, — сказал Абдулла и густо покраснел. Никогда он этого не говорил. Наоборот, ему нравилось, когда отца не было дома, он чувствовал себя свободнее. «Почему я так плохо отношусь к отцу? — подумал Абдулла. — Если уж профессор произнес такие слова, я-то должен был и подавно...»

— У нас часто бывает так, — промолвил грустно Турсунали-ака. — В большинстве случаев болеют хорошие

люди, добрые люди не живут долго. А плохие — ничто их не берет: ни простуда, ни другие напасти.

— Да, — несмело подтвердил Абдулла.

— Пап! Все готово! — услышали они со двора голосок Саяры. — Ну идите же!

— Что ж, пойдем, — Турсунали-ака поднялся с места. — Откушаем чаю. Саяра славно заваривает! Правда, дочка?

— Нет, неправда! — ответила Саяра немного жеманно.

Они устроились в беседке. На столе в большой хрустальной вазе лежали персики, яблоки, виноград хусейни, золотистые ягоды инжира. На голубом блюде — самаркандский миндаль. Жирная конская колбаса кази была искусно нарезана тоненькими кружочками. Абдулла был поражен. Вот это завтрак!

Саяра принесла большой фарфоровый чайник, села напротив Абдуллы и стала разламывать лепешки. Потом подала ему пиалу с фамильчаем.

Дымящийся напиток в пиале был яркого рубинового цвета и распространял тонкий, нежный аромат.

— Вот видишь, разве я тебе не говорил! — воскликнул, улыбаясь, Турсунали-ака.

— Не хвастай, папа! — буркнула Саяра, покосившись на Абдуллу.

— А разве я не прав?

— Чай получился очень хороший, — сказал Абдулла, — очень душистый, вкусный чай.

— Послушай, — обратилась к отцу Саяра, — так этот Абдулла поедет в Ленинград, да?

Турсунали-ака прищурился и спросил:

— А он тебе понравился, я вижу, а?

Саяра покраснела. Потом схватила чайную ложку и легонько стукнула ею отца по руке.

— Выдумываешь всегда. Я просто спрашиваю.

Однако профессор продолжал подначивать:

— А почему же ты тогда покраснела?

— Просто жарко! Вот и все!

— Знаю, почему тебе жарко.

— Папа!

— Ладно, ладно, больше не буду.

Абдулла, смущенный этим разговором, пристально разглядывал сложный рисунок на пиале. «Какая славная девушка! Неужели мы будем учиться вместе?»

— Отец, наверно, уже говорил тебе... — начал в этот момент профессор, обращаясь к гостю.

Абдулла поднял голову.

— Институт, в котором я работаю, — продолжал Турсунали-ака, — создан недавно. Это очень нужный институт. Сейчас много идет разговоров о ядерной физике, ты и сам слышал, наверное. В Москве, Ленинграде, Новосибирске построены атомные реакторы. Создаются электростанции. Через два-три года и в Узбекистане будет немало таких сооружений. Кроме того, в институте занимаются и космосом, частицами высоких энергий. Так вот я тебе и предлагаю... Подумай.

Абдулла посмотрел на Саяру. Девушка вертела в тонких пальцах чайную ложку.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Мне отец говорил об этом.

— Да, вот еще что. Взгляни-ка на это уравнение. — Профессор вынул из кармана карандаш и быстро написал что-то на бумажной салфетке. — Только ты не подумай, что это собеседование, мне просто интересно, что ты скажешь по этому поводу.

Абдулла положил салфетку перед собой. Лицо его словно окаменело. Потом он машинально протянул правую руку, и профессор вложил в нее карандаш. Саяра прыснула в кулачок.

— Это, по-моему, решается вот так, — произнес Абдулла слегка изменившимся голосом. — Вот. — И он вернул салфетку профессору.

Турсунали-ака удовлетворенно кивнул.

— Ну что ж, верно... Тем лучше, — прибавил он. — Ну а вот такую задачу ты раскусишь?

И опять словно окаменело лицо Абдуллы. Наконец он поднял глаза на профессора:

— Я знаю, как решать эту задачу. Но мне потребуется минут двадцать...

— Молодец, Абдулла. Правильно. Но ее можно решить и в два счета. Этому тебя научат в первом же семестре.

— Папа, ты ему настоящий экзамен устроил... А мне кажется, он не хочет ехать в Ленинград, — вдруг сказала Саяра.

Абдулла молчал. Турсунали-ака мельком глянул на него и произнес:

— Подумай, Абдулладжан. Посоветуйся с домашними. Вообще-то документы уже надо отправлять. Все же, думаю, через два дня не поздно будет. — Он поднялся с места, давая этим понять, что разговор окончен.

У ворот Саяра, улыбаясь, протянула Абдулле руку:

— До свидания.

— До свидания,— Абдулла крепко пожал узкую девичью ладонь.

Когда ворота закрылись за ним, Абдулла облегченно вздохнул, провел рукой по лицу. Кажется, он выдержал испытание. Надо же, какие хорошие люди! Какие интересные люди! С ними не то что в Ленинград... «До свидания». Почему она так с ним попрощалась? Почему это слово она произнесла по-узбекски — «хаир»? Однако у нее это получилось очень мило: «Хаир»...

— Сынок,— обратился Гафурджан-ака к сыну, когда тот пришел домой,— когда же ты наведишь Турсунали-ака? Ведь он приглашал тебя зайти.

— Я уже встретился с ним,— сказал Абдулла.

— Встретился? Когда?

— Только сейчас оттуда.

— Ну и как?

— Он, по-моему, хочет, чтобы я поехал в Ленинград.

— Вот видишь, а я тебе что говорил? Этот человек ничего, кроме добра, нам не желает. Что ты ему ответил?

— Пока ничего. Да он и не настаивал. Сказал, чтобы я подумал, посоветовался с домашними.

— Ну, наше мнение ты уже знаешь. А сам-то ты как? Сам-то что решил?

Гафурджан-ака с нетерпением ожидал ответа.

— Может, и поехать мне?..— тихо спросил Абдулла.

Внезапно с террасы послышался какой-то шум.

Это Шаходат-хола, услышавшая слова сына, нечаянно уронила на пол блюдо, которое она держала в руках.

Абдулла не знал, что профессор Курбанов по договоренности должен был читать лекции в новом институте только три года. Два года он уже проработал. Следовательно, опекать свою дочь в Ленинграде он мог только на первом курсе. Через год Турсунали-ака должен был вернуться на старую работу в Ташкент.

— Неужели только из-за меня ты хочешь заставить его поехать? — спросила у своего отца Саяра после ухода Абдуллы.

Профессор внимательно посмотрел на свою дочь и ответил:

— Нет, не только из-за тебя. Не только. Так что успокойся. Ты ведь уже не маленькая, за год успеешь при-

выкинуть к новой жизни. Я просто желаю добра этому парню. Отец у него из настоящих, честных людей.

— А если он не поедет?

— Это другой разговор. Не поедет так не поедет, дело его. Но я считал себя обязанным сделать ему это предложение, зная все про этот институт, понимая его значение. Что ты скажешь мне на это?

Саяра пожала плечами. Ей было все равно, поедет Абдулла или нет. Она впервые с ним виделась, впервые с ним разговаривала... Если не поедет, она не станет переживать. А коли поедет, тоже плохо не будет. Она попыталась вспомнить его лицо. Странно, ничего не получалось. А вроде симпатичный парень, высокий, широкоплечий. Да и задачки так здорово решает... Вот только он по-русски говорит неважно. Как она по-узбекски. Это, конечно, объяснимо. Он окончил узбекскую школу. Ну что ж, если ему будет трудно, Саяра ему поможет. Поможет не только правильно говорить. Она научит его танцам. Удивительно, почему это многие узбекские парни и девушки не умеют танцевать? Ведь это такое удовольствие, такая радость!

Саяра зашла в свою комнату и включила радиолу, свои любимые «Дунайские волны». Она постояла немного, покачиваясь в такт широкой красивой мелодии, потом схватила большого плюшевого мишку, подаренного когда-то отцом, и — раз-два-три! — плавно закружилась с ним по комнате. С этим мишкой Саяра до сих пор спала вместе.

— Вы танцуете? — сразу спросила Саяра, когда Абдулла пришел к ним вечером на другой день.

Абдулла такого вопроса не ожидал.

— Немного, — покраснев, ответил он. — Но я... я...

— Потом доскажете, пойдете.

Девушка взяла его за руку и потащила к себе в комнату.

— У нас дома нет никого. В гости ушли. А мне одной скучно.

С этими словами Саяра попыталась отодвинуть в сторону стол, стоящий посреди комнаты. Но сил у нее не хватило, и она, сдвинув брови, уставилась на Абдуллу. Абдулла стоял улыбаясь. Он не сразу понял, что от него требовалось.

— Помогите же мне! — сказала Саяра.

— Простите...

Абдулла мигом отодвинул стол. Саяра завела пластинку и подошла к нему:

— Фокстрот.

Всем своим видом, непосредственностью, свободными манерами Саяра резко отличалась от девушек, которых до этого видел и встречал Абдулла. С несколько смущенным видом он взял ее за талию и повел все расширяющимися кругами.

Через минуту Саяра сказала по-узбекски:

— А я-то, дура, думала научить вас танцевать...

— Ого! — удивился Абдулла. — Оказывается, вы по-узбекски очень хорошо говорите.

— Если мне об этом не напоминают, — призналась Саяра, поднимая голову и глядя ему прямо в глаза. — Отец смеется над моими ошибками, поэтому мне и не хочется говорить с ним по-узбекски.

— А с матерью разговариваете?

— И с матерью, и с соседями.

— Если будете упражняться, так еще чище станете говорить...

— Это верно... А у вас как дела с русским языком?

— Не очень важно. Можно сказать — плохо.

— Если поедете в Ленинград, я вас подучу. Вы поедете?

— Да. Я и пришел для того, чтобы сказать об этом вашему отцу.

— Ну что же, будем учиться вместе.

Эти слова Саяра произнесла с таким безмятежным спокойствием, что Абдулла не мог разобрать, рада она его сообщению или нет. «Ей все равно», — подумал он. Настроение у него сразу упало. И вот, забывшись, он наступил девушке на ногу.

— Простите, — сказал он, покраснев.

— Ничего, — Саяра улыбнулась. — Это случайно. Вы очень хорошо танцуете. А в узбекских школах это дело плохо поставлено.

— Если бы я танцевал хорошо, разве наступил бы вам на ногу? Вам не больно?

— Нет, уже прошло. А вы умеете танцевать твист?

— Нет, этого я не умею.

— В Москве танцуют только твист. И в Ленинграде. У меня есть одна пластинка. Завести?

Абдулла кивнул.

Девушка подбежала к радиоле, остановила ее и стала перебирать пластинки, в беспорядке лежащие на столе.

— Куда она запропастилась?

Абдулла стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на Саяру. Да, интересная девушка. Непосредственная, милая. Но Гюльчехра еще милее. Гюльчехра как-то ближе, она ему родная. А он едет от нее в Ленинград. Как Гюльчехре все это объяснить? Да очень просто! Почему только ему это раньше в голову не приходило? Столько времени зря мучился! Он пошлет ей письмо. Да, он будет учиться в Ленинграде. Что из этого? Все дело в том, что никому не известно, приедет Гюльчехра через год в Ташкент или нет. Об этом она и сама не знает. Все зависит от того, как сложатся обстоятельства. Если она сможет вырваться из кишлака, то почему бы ей не поехать учиться вместо Ташкента в Ленинград?! А если не сможет, то не все ли равно, откуда к ней будет приезжать Абдулла на летние каникулы — из Ташкента или из Ленинграда? Гюльчехра должна это понять. Ну а Саяра — что ж, вместе с Саярой они будут учиться в этом новом институте, только и всего. Ведь между ними ничего нет. И быть не может. Во-первых, он любит Гюльчехру, во-вторых, у Саяры может быть свой парень. И даже если нет, то все равно Абдулла ей не нравится. Если бы нравился, она, конечно, обрадовалась бы, когда узнала, что он едет. А то ведь нет.

— Вот, нашла! — сказала наконец Саяра, перебрав чуть не все пластинки. — Это очень хороший твист.

Зазвучала веселая, ритмичная музыка.

— Ну как, нравится?

— Нравится.

— Ну, тогда давайте потанцуем.

— Нет, — ответил, улыбаясь, Абдулла. — Я не умею это танцевать.

— Это легче, чем фокстрот. Смотрите.

Саяра развела руки в сторону, плечики ее вздрогнули... Абдулле пришлось на каком-то вечере увидеть, как танцевали твист. Тогда ему это не понравилось. Теперь же, наблюдая за движениями Саяры, он понял, что в этом танце нет ничего неприятного — наоборот, интересно и даже... красиво. Невольно стал он хлопать в ладоши в такт музыке.

Потом Саяра завела вальс. Тут уж Абдулла показал, на что он способен. Одно удовольствие было танцевать с Саярой. А после вальса — танго, потом снова вальс, фокстрот...

Когда кончился фокстрот, Саяра вдруг спросила:

— А вы не считаете меня легкомысленной?

— Нет, что вы, — ответил поспешно Абдулла. — Я очень рад знакомству с вами.

— И я тоже. Я люблю танцы. И вообще обожаю музыку. Даже когда что-нибудь делаю, слушаю радио. Скажите, а вам нравится опера?

— Какая опера?

— Вообще оперы. Например, «Аида», «Чио-Чио-Сан»...

— Да, — сказал Абдулла. — Недавно я слушал «Кероглы». Мне очень понравилось.

— Хорошая опера. Но мне больше нравятся итальянские. Хотите услышать арию из «Травиаты»? Поет Тито Гобби.

— Конечно, конечно, — вымолвил Абдулла. Он хотел было спросить, а что в нем такого особенного, в этом Тито Гобби, но не осмелился. Как бы впросак не попасть! Ведь он, признаться, не очень-то разбирается в серьезной музыке. Времени не было да, может быть, и желания...

— Когда-то я собиралась поступать в консерваторию. Потом передумала. — Саяра покачала головой. — Мне вдруг физика понравилась.

— А вы бы могли учиться в консерватории заочно?

— Тсс! — Девушка приложила палец к губам. — Началось.

Тито Гобби пел по-итальянски, и Абдулла, разумеется, ничего не понял, но слушал со вниманием. Саяра сидела с отрешенным видом, и, когда пластинка кончилась, Абдулле захотелось спросить, о чем таком грустном она думает, но Саяра сама обратилась к нему:

— Ну как, хорошо?

— Да. Очень.

— А вам раньше не приходилось слышать?

— Приходилось... слышать, — Абдулла смешался, — но... не эту арию, а... другую.

— Это очень хорошая ария. И к тому же еще никто не спел ее лучше, чем Тито Гобби. Если в «Фаусте» нет равных Шаляпину, то в «Травиате» — Гобби. А у нас нет такого голоса, нет у нас и подобной оперы. — Саяра вздохнула.

— Вы очень расстраиваетесь из-за этого?

— А вы разве нет? Республика у нас богатая, как будто все есть. А вот голосов — нет. Одна Халима-апа. Кого еще назовете?

Никого не мог назвать Абдулла. И не потому, что был согласен с Саярой, а потому, что у него на этот счет по-

просту не было собственного мнения. Кроме своих уроков и экзаменов, Абдулла мало чем интересовался. До него вдруг дошло, каким неотесанным выглядит он по сравнению с Саярой. «Да, мне далеко до нее, — с обидой подумал он. — Наверно, все дело в том, что она — дочь профессора, а я — сын торгового работника. Но ведь я в этом не виноват». Наконец Абдулла прервал затянувшееся молчание.

— А «Гюльсара»? «Гюльсара»... — неуверенно повторил он. — По-моему, это хорошая опера.

— Вот только она одна...

Абдулла улыбнулся. Слава аллаху, тут он попал в точку. Саяра с ним согласилась.

— Ведь это правда, — продолжала девушка, — после «Гюльсары» у нас ничего стоящего не появилось. Не появилось и новых голосов. Иной раз даже как-то не по себе становится...

Абдулла не отрывал от нее глаз. Наверно, еще трудней ему придется, если она заговорит о литературе. Но ведь этого не избежать...

— Саяра, у вас много книг? — неожиданно спросил он.

— Нет, не очень. А что?

— Можно мне посмотреть?

— Пожалуйста.

Саяра повела его в соседнюю комнату. На всех стенах были книжные стеллажи. Абдулла так и ахнул:

— Большая библиотека...

— Тут большинство книг научные. А вот здесь, в простенке, то, что я люблю.

— Вы все это прочитали?!

— Да. Сейчас перечитываю Хемингуэя. Вы любите его?

— Да как сказать... — Абдулла замялся. — А можно у вас брать некоторые книги?

— Можно. Но...

В это время зазвенел дверной звонок.

— Подождите. Я сейчас... — Саяра выбежала из комнаты.

«Я должен прочитать все эти книги. Почему она могла, а я не могу? — думал Абдулла. — Только где взять время!»

— Папа! — зазвенел голосок Саяры. — Он здесь!

— Кто?

— Абдулла. Он поедет.

— Очень хорошо, — сказал Турсунали-ака.

— Мы тут с ним слушали музыку, танцевали...

— А чай поставила? — слышался женский голос.

«Наверно, это ее мать», — догадался Абдулла.

— Ой! Забыла!

— Тебе бы только танцы. Давай-ка займись чаем!

Абдулла вышел в гостиную.

— Здравствуйте, Абдулладжан. Мадина! — профессор повернулся к жене. — Это сын Гафурджана-ака.

— Как поживаете, молодой человек? — немного растягивая слова, спросила жена профессора. — Так вы определенно решили ехать?

— Да...

— Очень хорошо, если так. Боюсь, эта проказница Саяра, наверно, уморила вас голодом!

— Я сыт, — улыбнулся Абдулла. — Только собрался уходить.

— Ну как же так... — Турсунали-ака покачал головой. — Теперь вы должны посидеть с нами. Или о вас будут беспокоиться?

— Нет, — сказал Абдулла. — Я их предупредил.

— Ну так в чем же дело?..

И Абдулла пробыл в доме профессора до самого позднего вечера. Теперь он уже не так смущался и меньше робел, чем в прошлый раз. В семье профессора царили искренность и радушие. Отец и дочь необидно подтрунивали друг над другом. Под конец Турсунали-ака взял у Абдуллы аттестат и попросил его написать заявление на имя ректора института. Абдулла должен прибыть в Ленинград спустя месяц, двадцать пятого августа, сам же профессор поедет раньше, через три дня ему уже надо быть в институте. С ним вместе поедет и Саяра...

Девушка проводила Абдулла до ворот.

— Смотрите не передумайте, — лукаво сказала она.

Абдулла рассмеялся:

— Куда я теперь денусь, если даже и передумаю?..

Ведь мой аттестат в руках вашего отца, Саяра.

Девушка протянула ему руку:

— Завтра придете?

— А можно прийти?

— Конечно! Мы ходим в кино. На новый фильм.

— Как называется?

— «Любовный напиток». Играет Джина Лоллобриджида.

— До завтра, Саяра...

— До завтра, Абдулла.

Он шел домой по тихой темной улице и улыбался. Еще месяц — и прощай Ташкент. Внезапно он остановился,

поднял голову, нашел в ярком ночном небе свою зеленую звезду и подмигнул ей. «Надеюсь, ты будешь светить мне и в Ленинграде», — подумал он и вдруг вспомнил, что еще не нашел звезду для Гюльчехры. «Надо будет заняться этим как-нибудь на досуге, так сразу не выберешь», — решил Абдулла. И все же настроение у него как-то потускнело, он почувствовал себя немного виноватым. Хотя в чем? Что он такого сделал?

Некоторое время Абдулла стоял у своих ворот, не решаясь войти. До чего их дом старый! До чего невзрачный! Случись, придет к нему Саяра, так он со стыда сгорит! И опять же эти книги. Всего-то их у него штук восемьдесят, все в нише помещаются. Саяра Хемингуэя перечитывает. Перечитывает! А он его и не читал. Все больше по программе, экзамен ведь надо было сдавать, золотая медаль не шутка. Но ничего. Он еще ее догонит. Обязательно догонит. А после окончания института первое, чем надо заняться, — это дом подновить или же купить новый. Одну комнату он отведет под библиотеку, другая, самая большая, будет залом-гостиной, ну и, конечно, отдельную комнату займет столовая... Да, так он и делает.

Долго не мог заснуть Абдулла. Все в родном доме казалось ему отталкивающим: и старый желтый самовар, стоящий в нише, и потолок из покоробившейся фанеры, и дряхлая балахана, и эта дурацкая люлька — бешик...

На следующий день он пришел к Саяре и застал у нее целую компанию молодежи. Весело было, шумно. Саяра про кино и не вспомнила. Абдулле это не понравилось. Не понравилось ему и то, что она никак не выделяла его среди других парней. И до Абдуллы внезапно со всей очевидностью дошло, что он для Саяры всего лишь один из многих, да, именно так, всего лишь один из многих. Это ощущение не покинуло Абдуллу и на другой день, когда они все-таки пошли вместе в кино...

Перед отъездом профессор пришел попрощаться с Гафурджаном-ака.

— Абдулладжан теперь наш, — пошутил он, поздоровавшись с хозяином.

— Я охотно отдаю его вам, как говорят старики: кости отроков наши, а мясо ваше.

Они рассмеялись.

— Турсунали, спасибо вам, — на глазах Гафурджан-ака вдруг заблестели слезы. — Я вам очень благодарен. Вся надежда у нас на Абдуллу. Когда мы состаримся, он будет светильником в нашем темном доме. И вот мы его от-

пускаем... Главное, чтобы вы там присмотрели за ним. И этого будет достаточно.

— Что вы, пока он не освоится, пока не разберется, что белое, а что черное, я ему буду помогать. А потом он уже сам будет знать, что делать. Я буду о нем справляться, — сказал Турсунали-ака. — Так что можете быть спокойны.

— Спасибо, спасибо.

Наутро Абдулла провожал профессора и Саяру в аэропорт.

— Приезжайте пораньше, — сказала на прощание Саяра. — Я вам покажу город. Покатаемся по Неве на «Ракете».

Когда самолет скрылся в облаках, сердце у Абдуллы защемило. И он не мог понять почему.

14

Когда он отворил ворота, его родители сидели рядышком на супе. Вид у них был невеселый. Абдулла тоже присел на край супы, вопросительно посмотрел на мать.

— Ну что, проводил? — спросила Шаходат-хола.

— Да.

— Скончалась Саодат-апа.

— Кто?

— Саодат-апа, соседка твоего дяди в Мингбулаке, — объяснила Шаходат-хола.

— Это кто же, мать Гюльчехры?! — Глаза Абдуллы расширились, он медленно поднялся с места.

— Да. Кажется, ей и сорока лет не было, так, отец?

— Во всяком случае, что-то около этого, — подтвердил Гафурджан-ака. — Что мы будем делать?

— Не знаю, — сказала Шаходат-хола. — Может, дадим телеграмму?

— Не говори глупостей, — отрезал Гафурджан-ака. — Человек умер, а ты — телеграмму! Съездила бы вместе с Абдуллой.

— Оставить тебя одного?

— А что со мной сделается? Я здоров как бык. И потом, два дня — не год. Поезжайте. Вечерним поездом.

Шаходат-хола задумалась.

— Слышала, что я сказал? Собирайся в дорогу. Ведь надо купить того, другого...

Абдулла стоял потупившись. Бедная Гюльчехра. Какое ей теперь! Прощаясь, они обещали писать друг другу. Письма Гюльчехры должны были приходиться на почту до

востребования. Он-то не сдержал своего обещания — неужели из-за Саяры? Нет, просто некогда было. А написала ли Гюльчехра? Почему он до сих пор не думал об этом?

И Абдулла заторопился на улицу.

— Куда? — бросил ему вслед Гафурджан-ака. — Не уходи далеко.

— Я скоро вернусь.

К счастью, почта еще не закрылась на обед. Абдулла вынул из кармана свой досаафовский билет и протянул его девушке, сидящей у окошка.

— Пожалуйста, мне должно прийти письмо из Коканда...

— Без паспорта мы не выдаем, — равнодушно сказала девушка.

— Я вас очень прошу, это важное письмо. Я сейчас сам еду в Коканд.

— А коли сами едете, зачем вам письмо?

— Беда случилась. Неожиданно приходится ехать. Да есть ли письмо-то?

Девушка лениво стала перебирать грудку писем. Вынула одно, повертела его в руках и покосилась на Абдуллу.

— От кого должно прийти письмо?

— От Саидовой. Саидовой Гюльчехры, — торопливо ответил Абдулла. — Есть?

— Есть. Кем она вам приходится?

— Знакомая. Хорошая знакомая.

— Гм... — Девушка покачала головой. — Знаем мы ваших знакомых. Сказали бы просто, что это ваша подружка, с которой вы встречаетесь.

Абдулла разозлился.

— А какое это имеет значение? — спросил он с вызовом.

— Если это для вас не имеет значения, то для нас имеет, — грубо сказала девушка. — Из-за нестоящего любовного послания вы доставляете беспокойство всей почте. Берите. В следующий раз приходите с паспортом.

Абдулла взял конверт и тут же надорвал его.

«Здравствуй, Абдулла. Немного прошло времени с тех пор, как ты уехал. А мне кажется, что много. Моей маме стало совсем плохо. Приезжал знаменитый доктор, ничего не смог сделать... Сказал, что нет надежды. Он ушел, а я целый день проплакала. Вечером оставила отца возле матери и вышла на улицу. Сама не знаю, как очутилась у нашего родника. Помнишь, сколько раз мы там сидели? Как ты живешь, Абдулла? Мне кажется, без тебя в киш-

лаке стало совсем пусто. Если будет у тебя возможность, приезжай перед началом занятий. Может, к тому времени и мать поправится. Я жду тебя с нетерпением. Гюльчехра».

И еще было выведено внизу страницы: «Прости, я писала у очага. Могут встретиться ошибки».

Абдулле стало не по себе. Почему он ей не написал? Ведь они условились. Бедная девушка, что она сейчас делает? И вообще, что она теперь будет делать?

До самого отъезда да и в поезде Абдулла был мрачен. Шаходат-хола после нескольких неудачных попыток вовлечь его в разговор замолчала...

Солнце уже начинало припекать, когда они подошли к Мингбулаку. В доме бабушки никого не было, кроме жены Абида-ака.

— Все на похоронах, — тихо сказала она.

Абдулла поставил чемодан на веранде и вышел на улицу. Возле дома Гюльчехры стоял понурившийся Самад. Абдулла тихо приблизился к нему, они поздоровались молча, кивком головы.

— Выносят! — прошептал Самад.

Абдулла заглянул в ворота. Над женщинами и мужчинами, заполнявшими двор, поднялся гроб, накрытый красным бархатом, колыхнулся в руках людей и поплыл к воротам.

Напрасно Абдулла искал Гюльчехру в густой толпе. Людские волны подхватили его и понесли по пыльной дороге за околицу кишлака.

Кладбище было довольно далеко от Мингбулака. Нещадно палило солнце. Многие изнемогали от жары. Когда гроб опустили на землю, подул легкий ветерок. Абдулла ощутил пряный запах бурьяна и огляделся. Ветви яблонь гнулись под тяжестью плодов. Если бы не гроб под красным бархатом, если бы не старики в чалмах, кладбище это вполне можно было принять за обычный яблоневый сад, в котором еще не собран урожай.

Со дна узкой ямы поднялся могильщик, одетый в белый халат, и что-то сказал высокому широкоплечему человеку, стоящему рядом с гробом.

— Кто это? — спросил Абдулла у Самада.

— Раис. Нормат-ака.

Председатель колхоза поднял руку...

— Слушайте, слушайте, — раздался голоса.

Нормат-ака провел рукой по лицу и начал тихим голосом:

— Товарищи, сегодня у нас большое горе. Мы прощаемся с нашей сестрой, мы прощаемся с нашей Саодат.

В толпе кто-то всхлипнул. На глазах Нормата-ака заблестели слезы.

— Наша сестра Саодат, — продолжал он, — была великой труженицей. Еще девочкой работала кетменем, сажала хлопок. А в годы войны она села за руль трактора. Саодат знают у нас в кишлаке и стар и млад, все с уважением относились к ней. Тяжелая болезнь замучила нашу сестру. Теперь нет среди нас Саодат. Однако она всегда с нами, она в наших сердцах. Прощай, любимая сестра, прощай, Саодат. Спи спокойно.

Женщины заплакали, зарыдали, и все звуки покрыл звенящий голос Гюльчехры:

— Мама!! Не оставляй нас, не уходи, мамочка!!!

Абдулла не выдержал, отвернулся. В глазах у него защипало. Понуро возвращались люди с кладбища. Ганишера-ака вели под руки...

Ближе к вечеру Абдулла отнес чаю старикам, по обычаю держащим траур на улице. Тут он и увидел Гюльчехру. Девушка была в черном атласном платье, на голове черный платок. Бледная, под глазами темные круги, веки воспаленные, красные. Гюльчехра посмотрела на него без выражения и тут же опустила голову, прошла мимо. Ни разу до этого Абдулле не приходилось видеть человека, настолько убитого своим горем. Он оглянулся на нее и медленно двинулся вверх по улице, к окраине кишлака. На огороде темными колышками торчала стерня кукурузы. С горьким чувством утраты вспомнил Абдулла, как встретились они с Гюльчехрой в веселых зеленых стеблях.

Незаметно стемнело. Издали послышался крик мальчика-подпaska: «Кур-куррей». Раз-другой залаяла, захлебываясь, собака, и снова стало тихо. Ночь, волшебная, умиротворяющая ночь растекалась над кишлаком. Однако не в пример тем недавним, прошлым ночам эта совсем не радовала Абдулла. Перед его глазами стояла бледная Гюльчехра в траурном платье, гроб, накрытый красным бархатом. «Что теперь делать бедной девушке? — думал он. — Гюльчехра должна теперь бежать из Мингбулака, бежать от своего горя. Зачем ей теперь этот кишлак?» Для нее лучше будет, если уедет, если уедет вместе с ним в Ленинград. Она может поступить в другой институт, не обязательно в физический. Это не имеет никакого значения, они будут в одном городе, этого достаточно. Но сможет ли она уехать?

Занятый этими мыслями, Абдулла и не заметил, как очутился возле самой плотины. Он оглянулся назад, на кишлак. Светились всего три-четыре окна. Остальные дома тонули во тьме. «И Гюльчехра не спит, — подумал Абдулла. — Хоть бы поспала часок. Что она сейчас делает? Плачет, наверно».

Он вздохнул и поднялся по цементным ступенькам. Если бы он сейчас увидел ее, то нашел бы самые лучшие душевные слова, он бы утешил ее. «Не печалься, Гюльчехра, — сказал бы он. — Всем суждено умереть. Конечно, Саодат-апа ушла преждевременно. Она могла бы еще долго жить. Могла бы сидеть во главе стола на твоей... на нашей свадьбе. Но что поделаешь? Изменить ничего нельзя. Не плачь, слезы теперь бесполезны. Больше не надо себя мучить...»

Внезапно Абдулла уловил звук чьих-то шагов. Сердце его сильно забилося. Шаги приближались.

— Гюльчехра!.. — позвал он. — Гюльчехра, это ты?

— Я, — послышался глухой голос. — Я...

Абдулла побежал ей навстречу:

— Гюльчехра...

Девушка стояла, опустив руки. Он взял ее за плечи, притянул к себе. Гюльчехра дрожала всем телом.

— Не надо, Гюльчехра, не надо...

Однако этими словами он только подлил масла в огонь. Девушка заплакала навзрыд. Больше Абдулла уже ничего не говорил, он только крепко прижимал ее к груди. А потом вынул платок и стал вытирать ей слезы, как маленькой.

Через некоторое время Гюльчехра перестала всхлипывать.

— Вот, — сказала она слабым голосом. — Одна я осталась. Похоронили маму... Не знаю, как это я переживу... Абдулла, теперь все кончено. Я не могу бросить отца, Алишера — он ведь еще ребенок. Их надо кормить, готовить, стирать... Я не смогу поехать в Ташкент. — И девушка снова зарыдала.

Никаких мыслей не было у Абдуллы, кроме одной: как бы ее успокоить.

— Ничего, — сказал он, — ничего. Мы будем переписываться. Я буду приезжать сюда на каникулы.

Абдулла вымолвил это и понял, что разговор о Ленинграде сейчас не к месту. И так хватит огорчений.

— Я приеду, Гюльчехра, приеду! Ты меня слышишь?

— Слышу... — тихо ответила девушка.

— Больше не будешь плакать, ладно?

— Не буду... — покорно ответила она. — Я... Я тебя люблю.

— Я тоже, — сказал Абдулла, прижимая ее к груди. — Я тоже тебя люблю.

«Разве можно не любить такую девушку? — думал он про себя. — Родная моя Гюльчехра, только ты успокойся. Я приеду, я обязательно приеду».

Письмо, которое он послал ей из Ленинграда, было в таком же духе. «Дорогая моя Гюльчехра, — писал он. — Ты, наверное, удивишься, получив это письмо. Это вполне естественно. В последнюю нашу встречу я многое хотел тебе сказать. К сожалению, не было возможности это сделать. Ты была в таком состоянии, горе так придавило тебя, что ты могла меня не понять, неправильно понять. Так и остались мои слова невысказанными. А я хотел посоветоваться с тобой. И вот теперь, через два месяца, я пишу тебе это письмо в надежде, что горе твое немного улеглось, что ты теперь сможешь меня выслушать.

Ты помнишь, Гюльчехра, как в нашем яблоневоm саду ты сказала мне, что через год сможешь приехать в Ташкент. Я тогда очень обрадовался. Я был просто вне себя от радости оттого, что через год мы будем вместе, что будем учиться вместе. Однако, возвратившись домой, я получил странное и неожиданное предложение. Один хороший знакомый моего отца — профессор Курбанов — приходил к нам и сказал, что в Ленинграде открыт новый институт и что если я согласен, то смогу там учиться. Я, конечно, не согласился. Ты будешь в Ташкенте, а я в Ленинграде — это меня никак не устраивало. Потом мне пришла в голову мысль: если тебя отпустят в Ташкент, то почему не могут отпустить и в Ленинград? Эта мысль показалась мне очень удачной. Несмотря на это, я все равно хотел с тобой посоветоваться, специально для этого приехать в Мингбулак. Вот тут-то и получили мы от дяди нерадостную весть. Я очень переживал. В тот же день мы с матерью отправились в путь. А когда увидел тебя в Мингбулаке, не мог ничего сказать, язык не повернулся. Гюльчехра, родная, на тебя больно было смотреть. Я боялся, горе тебя убьет... Я-то хотел бы, чтобы ты всегда радовалась. Увы, это невозможно. Не знаю, как ты сейчас себя чувствуешь. Успокоилась ли хоть немного? Неужели никогда не заживет

твоя рана? Знаешь, смерть у каждого стоит за плечами. Ты уже давно слышала от врачей о тяжелой болезни матери. Не плачь, Гюльчехра, теперь горю не поможешь. Слезами своими, муками ты не сможешь вернуть мать. Эти слова я хотел произнести тогда на плотине. Но никакие утешения в тот вечер тебе бы не помогли.

Гюльчехра, ты тогда сказала:

— Вот теперь я осталась одна.

Нет, это не так. Ты не одна. Если ты хоть немного любишь меня, верь моим словам. Я всегда буду вместе с тобой, никогда не оставлю тебя одну.

Вот уже полтора месяца я живу в Ленинграде. Институт наш, оказывается, один из самых больших институтов в стране. И я не сделал ошибки, приехав сюда учиться. Занимаюсь я много. Времени не хватает. Наше общежитие стоит на набережной Невы. Живем мы вчетвером в одной комнате. Но мне кажется, я все время думаю о тебе. Пройдет зима, весна, наступит лето, и мы встретимся. Мысли мои только об этом. Гюльчехра, все же как ты думаешь, ведь нет никакой разницы от того, в Ленинграде я или в Ташкенте? Не правда ли? Только письма идут немного дольше. А на каникулы я непременно буду приезжать в Мингбулак. Буду приезжать каждый год. Вот увидишь. Если бы я остался в Ташкенте, было бы то же самое. И все-таки я считаю себя виноватым, что не сказал тебе об этом перед отъездом. Поэтому прошу: прости меня, Гюльчехра. Где бы я ни был, всегда я буду думать о тебе, мечтать о том, как я тебя увижу. А ты, Гюльчехра? Часто ли вспоминаешь обо мне? Если б так было! Я бы тогда чувствовал себя счастливым.

Гюльчехра, на этом заканчиваю письмо. С нетерпением жду ответа. Абдулла».

Не прошло и двух недель, как он получил ответ. Письмо было очень короткое. «Здравствуй, Абдулла,— писала ему девушка.— Получила твое письмо и очень обрадовалась. Спасибо. Я не огорчаюсь из-за твоей поездки в Ленинград. Зачем мне огорчаться? Конечно, было бы хорошо, если бы и я поехала. Но это, ты сам понимаешь, Абдулла, невозможно. Заботы по дому теперь целиком легли на меня. Все же я поступила учиться. Сдала документы на заочное отделение политехнического института. Так будет лучше. До свидания. Пиши почаще. С горячим приветом, Гюльчехра».

Прочитав это письмо, Абдулла понял, что Гюльчехра любит его по-прежнему, и совершенно успокоился. Отно-

шения его с Саярой не пошли дальше того, что было в Ташкенте. Ему нравилось смотреть на нее, но это ведь ничего не доказывало. Саяра была неизменно по-дружески приветлива с ним, но так же относилась она и ко многим своим знакомым. Большую часть своего свободного времени Саяра посвящала музыке — ходила на концерты в консерваторию.

Абдулла же как будто и не знал, что такое свободное время. Он с удивлением обнаружил, что по своим способностям он, к сожалению, не превосходит некоторых других студентов на своем курсе, например того же Пулата. Абдулла же хотел быть первым. Он был первым в школе, будет первым и здесь, в институте. И вот, просиживая целыми вечерами в институтской библиотеке, он, как говорили его соседи по общежитию, «повышал свой уровень», «вгрызался в науку». Прилежания Абдулле было не занимать. Скоро он стал одним из лучших студентов на курсе. Турсунали-ака радовался его успехам.

Сдав на «отлично» весеннюю сессию, Абдулла приехал в Мингбулак.

Гюльчехра все еще носила траур по матери. Но жизнь брала свое: девушка еще больше похорошела, расцвела.

Они до полуночи прогуливались по своим старым местам. Абдулла говорил о Ленинграде, Гюльчехра рассказывала о своей работе в библиотеке, о том, как, приехав в Ташкент, благополучно сдала экзамены. Видно было, что она бесконечно рада приезду Абдуллы. Девушка этого не скрывала. Когда они сидели на полянке в яблоневом саду, она тихо промолвила:

— Я устала тебя ждать. Вчера вечером, перед твоим приездом, везде побывала: и у плотины, и в ивовой роще, и у родника...

— Ну а обо мне что говорить, — махнул рукой Абдулла. — Я долго не был дома. А пробыл там всего один день. Потом объявил, что соскучился по бабушке, — и на вокзал!

Они рассмеялись.

— Прошел год, — сказала Гюльчехра. — Была бы жива моя мама, мы бы сейчас сидели в каком-нибудь театре в Ташкенте.

— Конечно, я бы тогда не поехал в Ленинград.

Абдулла произнес это, но сам не поверил своим словам.

— Ты и вправду бы не поехал?

— Да. Не веришь?

Абдулла посмотрел на нее и тут же отвел глаза в сторону.

— Нет. Верю. Ты очень хороший.

Абдулла смутился еще больше. Однако тут же попытался взять себя в руки.

— А если бы я уехал, это было бы очень плохо? — тихо спросил он.

— Наверно, нет, — после паузы ответила девушка, а потом добавила: — Человек делает как ему надо. Ведь ты же не обиделся на меня, когда я сказала, что не поеду в Ташкент? Ведь верно? Не обиделся?!

— Верно, — обрадовался Абдулла. — Почему я должен был обидеться? Я... я нисколько на тебя не обижаюсь.

— И я тоже...

Потом Абдулла проводил ее домой.

И еще через год приехал Абдулла на каникулы в Мингбулак, а потом снова надо было ждать год, и снова он приехал. Обычно он проводил день или два дома, в Ташкенте, а затем отправлялся в Коканд. Шаходат-хола не знала, что и думать о такой привязанности внука к бабушке. В душе она не очень верила этому: не могла забыть, как вел себя на вокзале Абдулла, когда в первый раз уезжал в Ленинград. Проводить сына собрался и отец. Шаходат-хола говорила ему: лежи дома, зачем тебе мучиться, но муж не согласился с ней. Абдулла же молчал. А на вокзале он раньше всех уезжавших забрался в вагон. Когда поезд тронулся, он выглянул из окна, махнул рукой пару раз и исчез из виду. Матери стало не по себе. Она кляла себя за то, что согласилась отпустить Абдулла. «Теперь он совсем от рук отобьется, — подумала она. — Нет, не мягкое у него сердце. Похоже, мы с мужем не так уж хорошо знаем своего ребенка».

— Твой сын стал совсем взрослым, — сказал тогда Гафурджан-ака по дороге домой.

— А что?

— Я хотел было обнять его, а он отстранился.

— Он едет так далеко, один, вот и старается быть похожим на взрослого! — объяснила мужу Шаходат-хола, но легче ей от этого объяснения не стало.

Письма, которые Абдулла присылал родителям, были короткими, и писал он в основном о себе. Домом он почти не интересовался. «Похож на меня, — говорил Гафурджан-ака, читая письма сына. — Я тоже недолюбливал писать письма». Шаходат-хола только грустно улыбалась ему. Ей приходилось успокаивать себя словами: «Сын еще молод,

еще не поздно» — и с нетерпением ждать следующего письма. Каждый приезд Абдуллы из Ленинграда был для нее и для Гафурджана-ака большим праздником. За день до этого Шаходат-хола покупала на базаре все самое лучшее и вкусное, полночи возилась у очага, а потом ставила все на стол. Абдулла принимал это как должное, аппетит у него был хороший, но уже за столом он начинал придумывать повод для поездки в Мингбулак.

Однажды Шаходат-хола не выдержала, спросила с упреком:

— Почему у тебя все разговоры к этому кишлаку сводятся? Что там тебя, одним медом кормят?

Абдулла попробовал отшутиться:

— Никак не могу тебе угодить: раньше ты меня метлой не могла туда прогнать, а теперь сам еду — и опять плохо!

— Нет, в самом деле... Твой бедный отец только и ждет, когда ты приедешь, а ты не успел поставить чемодан — и сразу за ворота. Сам подумай...

— Не говори так, мама, — Абдулла снова попытался обратить все в шутку. — Вот закончу институт, посажу вас обоих на супе — на мягких одеялах — и только и буду на вас смотреть. Никуда не поеду. Согласна на это?

— Согласна-то согласна, — отвечала Шаходат-хола, — но я ведь даже и расспросить как следует не успеваю, все ли у тебя хорошо...

— Все хорошо, мама, все в порядке. А будет еще лучше, — уверенно говорил Абдулла. — Человек, закончивший наш институт, будет зарабатывать большие деньги.

— Не думай об этом, сынок. Счастье не в деньгах. В другом...

Абдулла посмотрел на нее вопросительно, но не стал дожидаться продолжения.

— И другое будет, — сказал он. — Все будет. И денег будет много. А в доме мы сделаем ремонт. Капитальный. Кое-что перестроить надо. Вот ты не была в доме Турсунали-ака. Чего только у них нет, полная чаша! Зайдешь — уходить не хочется. Послушай, мама, ты говорила, у отца была очень хорошая работа. Почему же мы теперь живем так бедно, в доме только старые вещи?

— Видишь ли... Отец был занят работой, не думал об этом.

— А ты? Тоже не думала?

— Не знаю... Большой страсти к вещам у меня не было. Бабушка для нашего дома накупила больше, чем я.

— Знаю, — Абдулла покачал головой. — У меня будет по-другому. Я все сам куплю. Все, что нужно! А потом сделаю так, чтобы вы с отцом не знали забот, жили бы спокойно.

— Да сбудутся твои слова. Да исполнится сказанное тобой.

Так проговорила Шаходат-хола и после этого как будто немного успокоилась. Абдулла становится взрослым. Ну и что из того, что ему дома не сидится?! Мужчины все такие: один день дома, а сто — на улице. И Гафурджан был такой. Ждала его по вечерам, глаз не смыкала. Теперь по-неволе домоседом стал. Она бы с радостью согласилась — пусть опять по вечерам задерживается, только бы выздоровел! Увидел бы лучшие дни своего сына. Что за несчастье эти болезни!

Шаходат-хола вышла на террасу к мужу. Он сидел, откинувшись на спинку стула. На коленях у него лежала нераскрытая книга.

— О чем призадумался? — спросила Шаходат-хола.

— Да есть о чем подумать... Например, о нашем сыне, — ответил Гафурджан-ака.

— А что случилось с нашим сыном?

— С нашим сыном ничего не случилось. Все в порядке... Он скоро закончит свой институт. Надо будет его женить. Хочется устроить хорошую свадьбу. А у нас такое положение... Надо бы сначала дом подновить...

— Значит, вот из-за чего голову себе ломаешь, — рассмеялась Шаходат-хола. — Только сейчас Абдулла об этом говорил.

— Ничего не пойму. О чем говорил?

— Абдулла сказал, что, как только начнет работать, первым делом сделает ремонт, капитальный ремонт.

— Да неужели? — обрадовался Гафурджан-ака.

— Да, а потом он очень хвалил дом Турсунали. Обещал, что наше жилище будет не хуже. А потом он нас обидел...

— Обидел? Как это понять?

— Он спросил меня: почему, если отец много зарабатывал, у нас нет никаких запасов, никаких приобретений по дому?

— И что же ты ответила? — Гафурджан-ака помрачнел, насупился.

— А что я могла ответить? Я сказала, что деньги-то у нас были, да не было разума в голове.

Шаходат-хола рассмеялась.

— Это зачем же ты так сказала? — возвысил голос Гафурджан-ака.

— Эх ты, и пошутить с тобой нельзя... Я ему ответила, что мы были заняты работой, а про хозяйство забыли.

— Это верно. Однако, Шаходат, было бы неплохо припасти что-нибудь на черный день.

— Ну, ты не из таких. Да и я тоже... — Шаходат-хола задумалась.

— А ты у меня хорошая жена, Шаходат. Если я, на твое счастье, оправлюсь — достану тебе звезду с неба, только скажи — и достану.

— Сначала тебе надо выздороветь, а там посмотрим. Так что же тебе приготовить на обед? Что это за еда, будь она неладна, без соли и без жира?!

Шаходат-хола направилась к очагу.

Абдулла же в это время предвкушал радость новой встречи с Гюльчехрой, как бросится она к нему, как засияют ее черные глаза. Да, разумеется, так и будет, но с каждым разом все сильнее Абдулла ощущал, что чего-то не хватает в их отношениях. Особенно в последний год. Он, конечно, знал, чего не хватает, вспоминая тот свой давнишний сон, и смущался, и надеялся, что это может произойти. Однако Гюльчехра как будто не понимала этого или же делала вид, что не понимает. Когда Абдулла увлекался и начинал переходить границу, она тут же переводила все в шутку или отвлекала его чем-нибудь. Захлебываясь, рассказывала она ему о своих делах. Есть у нее одна большая тайна, о которой знают только два человека: Абдулла и Самад. Тайна эта появилась у Гюльчехры, когда она перешла на третий курс. Девушка задумала сделать макет Мингбулака, рассказала об этом Самаду и, не откладывая, принялась за работу. Когда Абдулла спросил, для чего ей макет, она, рассмеявшись, ответила:

— Покажу раису.

Создание уменьшенной копии старого кишлака потребовало много времени и труда. Комната Гюльчехры постепенно превращалась в мастерскую.

Ганишер-ака не мог понять, зачем дочь натащила в комнату столько всякого хлама. Да еще засиживается до полуночи, что-то мастерит. В игрушки, что ли, играет, как Алишер? Однажды он прямо спросил у нее, что все это значит.

— Это нужно для моей работы, — услышал он ответ.

Порой Ганишер-ака подолгу рассматривал маленькие игрушечные домики на большом листе фанеры.

— Зачем это? — спрашивал он у дочери. — Что ты делаешь-то? Я ничего не понимаю.

Как-то раз Гюльчехра и Самад принесли откуда-то проволоки и наделали из нее целую рожицу маленьких деревьев. Неслышно вошел в комнату Ганишер-ака и устался на почти уже готовый макет.

— Да ведь это же наша плотина! — вдруг угадал он. Молодые люди рассмеялись.

— Правильно! — воскликнула девушка. — А теперь отыщи и наш дом, ну-ка, отец?

Ганишер-ака перевел взгляд с дочери на макет:

— Вот чудеса-то! Что ты собираешься с этим делать? Ведь это же наш Мингбулак?

— Он самый, — промолвил Самад. — Ну как, хороши?

Ганишер-ака снова стал смотреть на кривые узкие улочки, на осыпавшиеся стены, на камышовые крыши...

— Очень похоже, — сказал он под конец. — Да, неказистый у нас кишлак. Нельзя, что ли, было покрасивее его сделать?

— Ну уж нет! — Гюльчехра улыбулась. — Вот потому, что он некрасивый, мы и создаем его макет. Мы поставим этот макет в правлении. Пусть все смотрят. Разве можно жить в таком кишлаке? Ведь это стыдно!

— Колхоз у нас богатый, разве не правда? — подхватил Самад. — Нужно строить новый кишлак, новые красивые дома, новые широкие асфальтированные улицы. А то сейчас пройдет машина — весь кишлак в клубах пыли. И потом обязательно нужно построить клуб, а то вечером молодежи деваться некуда. Разве не так?

— Так вот вы что хотите... — протянул растерянно Ганишер-ака.

— Да, — подтвердил Самад. — Ваша дочь сделает и макет нового кишлака. Потом выставим его на обсуждение. Если будет одобрен, постепенно приступим к строительству.

— Вот что, — решительно проговорил Ганишер-ака. — Я сейчас пойду расскажу обо всем раису...

— Нет, не надо спешить, — удержал его Самад. — Всею свое время. Макет нового Мингбулака пока только в голове у вашей дочери...

Об этом случае Гюльчехра со смехом рассказала Абдулле, и ему тогда же захотелось посмотреть на этот макет. Но девушка не согласилась:

— Он еще не готов. Только наметки. На бумаге. А потом... потом, я стесняюсь тебе его показывать...

— Почему? — удивился Абдулла.

— Это моя первая самостоятельная работа. Может быть, она неудачна. Сначала я должна посоветоваться со своими преподавателями.

— Самаду показываешь, а мне так нет,— с легкой обидой в голосе сказал Абдулла.

— Самаду нельзя не показать. Ведь он у нас комсомольский секретарь. И потом, над макетом старого кишлака мы работали вместе. Да ты, я вижу, обиделся? Ну что ты, Абдулла...

Абдулла отвернулся:

— Ты мне только одно твердишь: «нет»...

— Вот и неправда! — рассмеялась Гюльчехра. — Я вместе с тобой такое делаю, что вспомню — в дрожь бросает.

— И что же ты делаешь?

— А ты будто и не знаешь?

— Не знаю, — искренне ответил Абдулла.

— Какая девушка в два часа ночи домой приходит, ты тоже не знаешь?

— Нет.

— Это плохая девушка. Иной раз я самой себя стесняюсь. А если отец узнает, что будет?

— Откуда он узнает... — Абдулла притянул ее за руку к себе. — Если только сама не расскажешь...

— А если расскажу?

И девушка испытующе посмотрела ему в глаза.

— Как хочешь...

— Нет, я пошутила. Ты сам ему об этом скажешь. Ведь все равно придется! Верно ведь, придется?

— Да, конечно, — проговорил Абдулла, обнимая ее. — Гюльчехра...

— Что?

— Это правда, что ты меня любишь?

— А как ты думаешь?

— Знал бы — не спрашивал.

— Люблю...

— А почему же ты мне говоришь «нет»?

— Я и сейчас скажу «нет»...

— Почему?

— Потому что мы еще совсем молоды!

Девушка выскользнула из его объятий:

— Ты плохой!..

— Гюльчехра...

— Смотри, кто-то идет!

И девушка метнулась в сторону. Абдулла испуганно оглянулся. Никого вокруг не было. Конечно, она опять его обманула.

Однако это не охлаждало его пыла, скорее наоборот. И он не слишком уж обижался на девушку. Она притягивала его все сильнее и сильнее. Надо же, в маленьком, неприметном, пыльном кишлаке живет очень красивая и умная девушка, всем остальным далеко до нее. Она его очень любит, и в то же время у нее хватает ума не делать глупостей.

Так у них все и продолжалось до тех пор, пока Абдулла не приехал в кишлак на летние каникулы перед пятым, последним курсом.

16

К дому бабушки Абдулла подошел в полдень. Было очень жарко. Его белая нейлоновая рубашка прилипла к лопаткам, платок, подложенный под воротник, был мокрый насквозь, хоть отжимай. Абдулла то и дело стряхивал кончиками пальцев капли пота со лба. Открывать ему не спешили, и Абдулла, переложив тяжелый чемодан из руки в руку, поднажал на дверь плечом.

Посреди двора бабушка Ходжар-буви купала внука и при виде Абдуллы с шумом уронила в таз большой кусок мыла, взметнув целый фонтан брызг. Она всплеснула руками и засеменила к Абдулле, вытирая руки о фартук.

— Да буду я твоей жертвой, дитя мое, Абдулла-джан!

Ходжар-буви целовала его в щеки, не переставая говорить:

— Ах ты, мой славный! А мы-то волновались! Почему на этот раз так задержался? Здоров ли? Как поживают домашние, как отец? Как его здоровье, ох, давно болеет, вот несчастье-то... Как Шаходат?

— А как вы сами поживаете? Как дела у дяди? Как поживает ваша сноха? — Он задавал ей свои вопросы, иначе она могла бы спрашивать без конца.

— Я-то здорова, сынок. Здоров и дядя твой, и сноха наша, слава аллаху, все трудимся. Да вот маленький меня замучил. Абдулла, эй, Абдулла! Чего же ты, глупыш, не здороваешься со старшим братом?

— Здравствуйте!

Сидящий в тазу малыш шлепнул звонко ладошками по мокрой груди. Ходжар-буви и Абдулла рассмеялись.

— Бабушка, а ведь он уже большой!

— Конечно, большой, уже четыре года исполнилось! Жалко, не в тебя пошел, ты смиренный был, послушный. А этот все куда-то пропадает. Целый день на улице. Вот и сейчас еле его дождалась. Прибежал — весь в пыли, с головы до ног. И рубаху порвал!

Абдулла присел возле малыша, вынул из таза кусок мыла, положил на траву.

— Значит, вот ты какой у нас шалун, а?

— Она неплавду говорит, — прошептал малыш. — Я не шалун. Бабушка! Я так и буду тут сидеть?

— Можешь вылезать, хватит. Все равно через минуту грязный будешь, — проворчала Ходжар-буви.

— Где мои штаны?

Абдулла достал с перилец помоста пыльные штаны, встряхнул их и подал малышу:

— Сможешь сам надеть?

— Конечно, Абдулла-ака...

Мальчуган отвернулся и стал надевать штаны.

— Ну, что вы там возитесь, идите сюда, — услышали они голос Ходжар-буви.

Абдулла взял за руку своего двоюродного брата и поднялся вместе с ним на террасу. После короткой молитвы Ходжар-буви стала приглашать Абдуллу сесть за стол, но он не соглашался.

— Жарко очень, бабушка, — оправдывался он.

— Ну подожди, я сейчас быстро чай приготовлю, попьешь с дороги.

— Тогда можно я немножко прогуляюсь с Абдуллой?

— Только не задерживайся.

Они вышли за ворота, и маленький Абдулла, увидев вдалеке, в самом конце улицы, детей, играющих в мячик, потащил туда старшего брата. Абдулла постоял там немного, посмотрел на ребятшек.

— Ну, пойдем обратно, — сказал он малышу.

Однако тот не послушался. Абдулла отправился один и на полдороге остановился. «Может, она дома?» — подумал он и пошел в другом направлении, к воротам Гюльчехры. Ворота были распахнуты настежь. Абдулла заглянул во двор — тихо, никого не видно. Он заколебался: то ли подождать, то ли зайти, то ли уйти. Только повернулся, как увидел Алишера, едущего на осле, с двумя большими вязанками клевера по бокам. Абдулла поздоровался с ним и спросил, где Гюльчехра.

— Она ушла к саю¹, — сказал Алишер. — Для ее макета нужна какая-то трава. Вот она и хочет собрать.

— Давно ушла?

— Да с утра. Может, позвать?

— Нет, спасибо. А до сая далеко?

— Далеко. Во-он, видите, это тальниковая роща. А потом сай. Абдулла-ака, может, сбежать за ней?

— Спасибо. Наверно, она сама скоро подойдет. Если увидишь, скажи, что я приехал.

— Хорошо.

— Абдулла-ака, — обратился к нему Алишер, — скажите, а в Ленинграде хорошо?

— Мне нравится.

— Я тоже, когда буду большой, поеду в Ленинград учиться. Так отец говорит, и мама согласна.

— Мама? — поразился Абдулла.

— Не родная мама, — пояснил Алишер и оглянулся, словно опасаясь, что его могут подслушать. — Моя новая мама...

«Вот уже и новости, — подумал Абдулла. — Значит, у них мачеха... Мачеха!»

Он окинул взглядом Алишера. Нет, вроде неплохо выглядит паренек. И одежда хорошая, исправная.

— Зачем тебе клевер? — спросил он, представляя себе в лицах, как мачеха грубо приказывает пасынку ехать на поле.

— Это для моих кроликов. У меня их десять штук. Пойдемте, Абдулла-ака, посмотрим. Большие-пребольшие.

— Ладно, потом... — Абдулла провел рукой по лицу, как бы стирая неприятное видение. — Так ты скажи сестре, что я приехал.

— Хорошо.

После разговора с Алишером он решил не откладывать свидание с Гюльчехрой. А бабушка подождет... Солнце пекло немилосердно. Может, поэтому очень длинной показалась ему дорога. Абдулла весь вспотел, наконец снял с себя рубашку, забросил ее за плечо.

С облегчением вздохнул он в тальниковой роще. Здесь было намного прохладнее. «А она хорошее место отыскала, — подумал Абдулла. — Почему же мы сюда раньше не приходили?» Тут он вспомнил, что они днем-то никогда и не гуляли, а ночью сюда, пожалуй, не доберешься: дорога трудная, неровная.

¹ Са й — небольшая речка.

Он быстро прошел через рощу и очутился у берега сая. Гюльчехры не было видно. «Может, ушла?» Сердце у него застучало. Встав на цыпочки, Абдулла увидел в просвете между кустами маленькую зеленую полянку и направился к ней. Раздвинув ветви тальника, он остановился как вкопанный. Прямо у самой воды на розовом мохнатом полотенце лежала на спине Гюльчехра, закинув ногу за ногу. Лицо ее было закрыто несколькими листиками щавеля. Короткое узкое платье открывало ноги до середины бедер. Девушка была босиком и слегка покачивала маленькой узкой ступней. Ложбинка на груди в вырезе платья то увеличивалась, то уменьшалась в такт ровному дыханию.

Пожирая ее глазами, Абдулла, стараясь не наступать на сучья, тихонько подобрался к девушке и замер. Потом опустил на колени возле ее изголовья. Когда его губы коснулись листика щавеля на ее глазах, Гюльчехра вскрикнула и схватилась рукой за сердце.

Абдулла расхохотался.

— Ух, я так перепугалась. Абдулла, это ты? — с дрожью в голосе спросила девушка и одернула платье.

— Нет, не я! Ты спишь?

— Как тихо ты подошел! Разве так можно?

— А ты очень испугалась?

— Чуть сердце не выскочило...

Девушка улыбнулась, села напротив Абдуллы.

— Когда ты приехал?

— Полтора часа назад.

— А откуда ты узнал, что я здесь?

— Я встретил твоего брата...

— Значит, он знает, что ты пошел ко мне?

— Может, и догадался. А что? Что тут такого, если он даже и догадался? Самад, например, может к тебе приходиться без всяких предосторожностей и днем и вечером. А чем я хуже его?

— Самад другое дело. Самад мой помощник. Все в кишлаке об этом знают. Ну ладно. А почему ты на этот раз так задержался? Я тебя ждала гораздо раньше. Уж не знала, что и думать.

— У меня были дела.

— Уж не с девушками ли? — спросила Гюльчехра. — Скажи честно.

Абдулла рассмеялся:

— Нет, я сочинял статью на основе своей курсовой работы. Ее хотят опубликовать в журнале «Известия Академии наук СССР».

- Да неужели? — обрадовалась девушка.
- Да. Об этом сообщил мой руководитель. Я этого никак не ожидал.
- А какая тема?
- О радиационных поясах Земли. Их недавно аппаратура на спутниках зарегистрировала.
- Ну и как, одобрили статью?
- Да, решили напечатать. Если напечатают, будет много разговоров.
- Хороших разговоров?
- Надеюсь... Мой профессор сказал, что надо продолжать работать в этом направлении. Может получится диссертация.
- О, это очень хорошо! Поздравляю, Абдулла, молодец!
- У русских есть такая поговорка: не говори «гоп», пока не перепрыгнешь... Послушай, я успел узнать... Говорят, в твоей семье перемены...
- Девушка нахмурилась:
- Я тебе не писала об этом. Потому что... потому что до сих пор сама не пойму, плохо это или хорошо... Давай пока не будем говорить на эту тему, ладно?
- Абдулла кивнул, спросил после паузы:
- А как твои дела?
- Гюльчехра со вздохом развела руки в стороны, потянулась.
- Я все со своими домиками вожусь...
- До сих пор?
- Закончила макет нового кишлака.
- Хорошо получилось?
- В институте одобрили... А здесь я еще не показывала. Но старый макет колхозники видели. Вот шуму было!..
- Неужели?
- Да. Самад вечером притащил его в правление, в кабинет Нормата-ака. Там наутро должно было быть заседание актива. И в тот день утром Нормат-ака пришел позже всех, зашел в кабинет, видит, сидят люди, смеиваются. Он спрашивает их, в чем дело, ничего не отвечают. Потом кто-то показал рукой на макет, стоящий на столе. Нормат-ака с удивлением стал его разглядывать. — Тут Гюльчехра изобразила, как удивился раис, и выпучила глаза.
- Абдулла невольно рассмеялся.
- Это мне все Самад рассказывал, — продолжала Гюльчехра. — Так вот, раис удивился и спросил: «Что

это?» Снова никто не ответил. Молчат, побаиваются. А то Нормат-ака раскричится, обидеть может. Он у нас человек горячий. «Что за детские игрушки у меня на столе?» — закричал раис. Тут Самад встал с места и сказал, что это уменьшенная копия нашего Мингбулака. Раис опять повернулся к макету. «Та-ак,— произнес он.— Ну что ж, поиграем в игрушки. Вот это что?» — спросил он, показывая на покосившийся домик. «Это наше правление», — ответил Самад. «А это?» — он показал пальцем на полуразвалившуюся хибарку под камышовой крышей. «А это ваш дом».

Тут все заулыбались, а Нормат-ака побагровел. Усы у него стали дергаться, как мышинные хвостики. Так всегда бывало, когда он злился. «Это чьих же рук дело?» — закричал он страшным голосом. Самад немного помедлил с ответом, а мой отец испугался, что сейчас будет скандал, и говорит раису: «Стоит ли из-за этого огорчаться? Это моя дочь сделала ради забавы. Сейчас мы все уберем...» — «Так, говоришь, твоя дочь? — переспросил Нормат-ака, повернулся к Самаду и приказал ему: — А ну-ка приведи ее сюда!»

А я тогда дома сидела. Самад прибежал как сумасшедший. «Что такое стряслось?» — спрашиваю. «Э, плохи дела, говорит, раис рассердился, тебя вызывает». Я пошла в правление и по дороге все думала, как себя вести. С одной стороны, это хорошо, что он рассердился. Стало быть, понял, как выглядит наш кишлак. Это уже большое дело.

Пришли мы с Самадом в правление, встали на пороге. Нормат-ака, прищурившись, тихо обратился ко мне: «Это твоя работа?» Так он всегда спрашивал у своего сына, когда тот набедокурит. Озорной парнишка. Достается ему от отца... Ну, я прямо так и отвечаю раису: да, мол, это моя работа. «А что ты с этим макетом собираешься делать?» Я и придумала на ходу. «Отправлю, говорю, в институт в качестве курсового проекта...» — «Что?! — Нормат-ака подошел ко мне поближе. — Повезешь это в Ташкент?» — «Да, — повторила я, — повезу в Ташкент». И тут раис положил мне руку на плечо: «Дочка, ты что же это, хочешь выставить всех нас на посмешище?» Я же притворилась наивной и ответила: «Почему же, вот, например, скотный двор на макете выглядит гораздо лучше, чем на самом деле». — «А разве нельзя изменить в таком направлении весь макет?» — «Можно, — отвечаю, — но это было бы обманом. Зачем мне обманывать людей?» — «А ты и не будешь их обманывать, — сказал Нормат-ака. — Через пять-шесть лет

наш кишлак станет благоустроенным поселком. Мы построим новые, красивые здания. Подумай-ка об этом, дочка». Я подумала немного и сказала: «А что, если я сделаю макет нового кишлака?» — «Если дельно получится, мы по нему и начнем строительство,— сказал серьезно раис и прибавил: — Давай делай новый макет. А этот припречь. Мы его уже видели. А другим, я думаю, неинтересно будет»,— усмехнулся он. На другой день было собрание, и Нормат-ака выступил с речью о новом Мингбулаке, о будущем строительстве. Он так красиво говорил, что я даже рот открыла. А потом назвал меня «архитектором нашего кишлака»...

— Что же, мечты сбываются,— произнес Абдулла, внимательно слушавший девушку.— Помнишь, ведь это была твоя мечта?

— Все пока еще на бумаге да в макете.

— А макет уже закончен?

— Не вполне,— Гюльчехра сдвинула брови.— Я все ломаю голову, как быть с жилыми домами. Все равно ведь будут строить по типовым проектам. А это стандарт, шаблон. Но вот со зданиями клуба и правления колхоза можно будет пофантазировать, здесь я попробую развернуться... Потом надо озеленить кишлак, это тоже целая проблема.

— Да поможет тебе аллах, вернее, Нормат-ака!

Девушка вопреки ожиданию не расхохоталась.

— Эти здания и будут моей дипломной работой,— сказала Гюльчехра, уставившись в одну точку невидящими глазами.

Абдулле очень нравилось, когда она смеялась, но еще больше нравилось, когда она вот так задумывалась. В это время губы ее напоминали готовый вот-вот распуститься розовый бутон. Абдулла и смотрел на этот бутон до тех пор, пока он не раскрылся.

— Кстати,— промолвила девушка,— в нашем институте объявили конкурс на проект кафе «Ешлик». Я тоже участвую, хотя, наверно, это громко сказано. Целую неделю сидела не отрываясь... Раньше это было невозможно, пока отец... пока отец... не женился... Знаешь, Абдулла, построить бы такое здание, чтобы оно было похоже на взлетающую птицу. Вот-вот оторвется она от земли и полетит! Именно этот момент. Я это очень хорошо вижу, не знаю, смогу ли передать... Да и одобрят ли такую идею? Состязаться с опытными, талантливыми архитекторами, уже проявившими себя,— не много ли я на себя беру?..

— А если все-таки выберут твой проект?

— Ну что ты... это невозможно... — Гюльчехра пожалала плечами.

— А вдруг?! Знаешь, что я бы тогда сделал?

— Что?

— А вот что!

Абдулла обнял девушку и стал ее целовать в глаза, в губы...

— Абдулла! Не надо! Сюда могут прийти!..

— А ты по мне разве не соскучилась? — прошептал он, не выпуская ее из рук.

— Нет! — ответила Гюльчехра и поднялась с места. — Я ведь сюда пришла по делу, и ты можешь мне помочь.

— Ну давай помогу.

— Вон ближе к тому берегу траву видишь? Корни у нее под водой. А мне нужны стебли — это строительный материал для макета.

— Только и всего? Сейчас разденусь и достану.

Гюльчехра отвернулась и посмотрела на Абдулла, только когда он залез в воду по грудь.

— Бррр, холодно!.. — крикнул он.

Сай был глубиной всего метра в полтора, в родниковой, прозрачной воде отчетливо просматривалось песчаное дно.

— Ты не будешь купаться? — спросил Абдулла, пошлепывая себя мокрой ладонью по шее.

— Если бы тебя не было, я искупалась бы...

— Опять чего-то боишься?

— А вдруг кто-нибудь подойдет?

— Никто не подойдет. Давай.

— Нет.

— Ну как хочешь, вода отличная!

Выполнить задание Гюльчехры оказалось не так просто. Стебли травы, длинные, гибкие, скользкие, крепко держались корнями за дно. Гюльчехра только смеялась над его напрасными усилиями.

— А еще говорил — только и всего! А ну-ка попробуй, попробуй!

Наконец Абдулла вынырнул с длинным стеблем в руках. Оказывается, все дело было в том, чтобы братья за стебель у самого дна.

— Вот... — задыхаясь, он протянул свою добычу Гюльчехре.

— Теперь понимаешь, что это довольно трудно, — сказала девушка. — Поэтому я тебя и попросила.

Абдулла снова нырнул и на этот раз вытащил уж целых пять стеблей.

— Ерунда! — он махнул рукой. — Надо только приновиться...

— Смотри не замерзни...

Скоро на берегу была уже целая охалка стеблей.

«Как бы и ее заставить искупаться», — подумал Абдулла и решил пойти на хитрость. Он немного отдышался, набрал побольше воздуха, нырнул и уцепился руками и ногами за большой камень, который он приметил во время прежних погружений.

Прошла минута. Гюльчехра забеспокоилась. И вдруг заметалась, забегала по берегу, крикнула: «Абдулла, Абдулла!» — и наконец бросилась в воду. В один миг она очутилась возле Абдуллы. Он был вынужден оторваться от своего камня, и девушка поволокла его к берегу. Он закрыл глаза и не сопротивлялся.

Гюльчехра с трудом вытащила его на розовое полотенце, лежащее возле самой воды, и приникла ухом к его груди.

Абдулла неожиданно обнял ее, и девушка бессильно опустила рядом с ним на траву.

— Ты очень испугалась? Прости... — Он поцеловал ее холодные как лед губы.

Гюльчехра не отстранилась. Наоборот, она обвила рукой его шею.

— Я тебя люблю, Гюльчехра!

Вместо ответа девушка прижалась к нему еще теснее...

Гюльчехра подняла голову и увидела, с каким обожанием смотрит на нее Абдулла... У девушки немного отлегло от сердца. «Да, очень многие в кишлаке сочтут это бесчестьем, грехом», — подумала она. Но с кем она согрешила? Ведь с Абдуллой! С Абдуллой, которого любит! Ведь все равно бы это случилось. Это неизбежно. Потому что они любят друг друга.

Абдулла закончит свой институт, и будет свадьба. А то, что сегодня произошло, останется в тайне. Это в их власти. Они никому не скажут об этом. Абдулле можно верить. Какой хороший парень, как сильно он ее любит, с какой любовью смотрит! Неужели эти глаза могут обмануть? Этого быть не может. Они всегда будут вместе. Она будет счастлива в любви, как ее мать, но она будет жить долго. Она будет жить столько же, сколько будет жить Абдулла! Так чего же она испугалась? Как будто уже не маленькая. И вроде совсем самостоятельная. Вот и сделала что хотела. Она ведь хотела этого? Ну и что? Что в этом плохого? Главное, чтобы они были вместе. И они будут вместе.

Так уговаривала себя Гюльчехра, но в глубине души сознавала, что обрести спокойствие ей не удастся, что она все равно будет мучиться.

Теперь она уже избегала взгляда Абдуллы. Он поднял связку стеблей и обратился к ней тихо:

— Пошли?

Они медленно двинулись по тропинке и не проронили ни звука, пока не выбрались из тальников.

— Я пойду одна. Ты подожди немного... — сказала Гюльчехра и взяла у него связку.

— Придешь вечером к роднику? — еле слышно спросил Абдулла.

Девушка не ответила. Ушла.

Придет она вечером? А если не придет? Если вообще больше не придет? Как он сможет жить без нее?

Однако его опасения были напрасны: Гюльчехра пришла. Потому что она любила Абдуллу, потому что не было на свете человека более близкого и родного, чем Абдулла...

Гюльчехра пришла и на другой день, и на третий...

О будущем они говорили мало. Будущее было для них ясным, как спелое крупное яблоко, лежащее на ладони.

Надо только закончить учебу. Пятый курс. И тогда никто и ничто на свете не сможет помешать им быть вместе.

И при прощании они тоже не тратили слов. Они только смотрели в глаза друг другу... Потом Гюльчехра поднялась на носках и тихо поцеловала его в губы.

Саяра босиком подошла к окну и с высоты пятого этажа попыталась различить в тумане Петропавловскую крепость. Ничего не видно. Рановато в этом году туманы наступили.

Она открыла тумбочку, нашарила на нижней полке яблоко, завернутое в бумажную салфетку, и опустилась на диван. «Все-таки человеку необходимо какое-то время побыть одному, — подумала она. — Можно и халат не надевать, если тепло в комнате, можно развалиться как хочешь на этом вот диване, можно и подремать, а можно и на руках походить — никому мешать не будешь».

На четвертом году обучения Саяре, как и всем старшекурсникам, предоставили в общежитии отдельную комнату. Но Саяра редко оставалась одна. Характер у нее был

общительный, и, если к ней никто не приходил, она сама шла к своим друзьям.

Девушка рассеянно обвела глазами свою обитель. Взгляд ее задержался на письме, небрежно брошенном на стол. Письмо было от отца, вчера она мельком просмотрела его, и теперь ей предстояло составить ответ. Отец очень сердился, когда она долго не писала. Ну что ж, отвечать так отвечать, только для этого надо его как следует прочесть. Саяра взяла письмо со стола. Так. Ну, у них как будто все в порядке. Здоровы. Ага! Вот: «Тебе надо аккуратнее относиться к деньгам. Недавно посылал, а ты опять просишь». Девушка улыбнулась. Дело в том, что вчера же она получила от матери почтовый перевод на семьдесят рублей. Отец об этом, конечно, не знает...

Многие в институте считали, что Саяра очень хорошо, красиво одевается. Странно, но она не гонялась за модой и за модными заграничными вещами, как некоторые другие девушки. Безошибочный вкус позволял ей выбирать из одежды то, что безусловно было ей к лицу. И тут уж она за ценой не стояла.

Никакой косметикой Саяра не пользовалась. Да в этом и не было нужды. Руководитель ее дипломной работы, старый профессор, не называл ее иначе как «красавица Востока». Девушке часто приходилось слышать подобные слова, может, поэтому они и не производили на нее особого впечатления.

Обычно на парней какая-то оторопь находила, когда они впервые видели Саяру. До того щемяще она была красива. А потом, поняв, что она недотрога, постепенно привыкали к ее красоте. Чего терпеть не могла Саяра, так это ухаживаний, особенно наглых. Все знали, как отшила она одного из любимцев курса, веселого, бесшабашного Сергея. Он вздумал вольно повести себя с нею и получил звонкую пощечину. Самое смешное, что после этого они с Сергеем помирились, а потом и друзьями стали.

Вообще у Саяры было довольно много друзей и подруг, в обращении со всеми она была проста и весела, но особенно никого не выделяла. Пожалуй, больше всего ей нравилось общество Абдуллы и Пулата. Но ведь это естественно, все они из одной республики, из одного города, из Ташкента. Кстати, сегодня они собирались в Петродворец. Не поедут, наверно, из-за погоды. Жаль.

Девушка поднялась с дивана и распахнула окно. Сквозь туман блеснул золотистый шпиль Петропавловской крепости. «Наверно, скоро туман разойдется», — подумала

Саяра и вернулась к письму. Она пробежала глазами страницу и ничего интересного для себя не обнаружила, кроме слов: «И мама твоя говорит, что ты уже не маленькая, пора знать цену деньгам». Тут Саяра снова улыбнулась. Так, вот тут еще что-то на обороте написано. Вчера она этого не заметила: «Как поживает Абдулла? Какие у тебя с ним отношения? Передай ему от меня привет, мы с мамой ждем номер журнала, в котором опубликована его статья...»

Интересно, почему это вдруг отец заинтересовался их отношениями? Странно...

Саяра бросила письмо на стол и машинально стала перелистывать журнал «Огонек», который забыл у нее кто-то недели две назад. Из головы никак не выходили слова отца об Абдулле. «На что это он намекает? Неужели отец подсказывает мне, кого надо любить?.. С него станется, — подумала она. — Отец всегда расхваливает Абдуллу. Да и мать вечно говорит о нем». Что ж, Саяра не исключение, ей тоже нравится Абдулла. Хороший парень. К тому же он очень изменился. Изменился в лучшую сторону. Перестал быть таким стеснительным, как прежде, таким букой. За последние два курса свое время научился нормально распределять. Вроде понял, что на свете существует не только учеба. В консерваторию стал с ней ходить, читает довольно много. Пожалуй, с ним стало интересно разговаривать. Но самое главное — он очень способный. Ребята в шутку называют его «будущим Эйнштейном». Кто знает, может, в этой шутке есть доля правды. Никто не думал, что курсовая работа, которую он сделал недели за три, окажется такой успешной. Да он и сам, наверно, не ожидал. И вот теперь выйдет его статья в серьезном журнале. Абдулла все в институте уважают, и Саяра тоже, конечно. Но ведь отец намекает на другое. Что ж, был один такой случай сравнительно недавно. Но об этом отцу не напишешь. Да, пожалуй, и никому не расскажешь.

В комнате ниже этажом отмечали начало нового семестра. Посидели, включили магнитофон. Танцы затеяли. А народу тем временем прибавлялось. Саяра танцевала с Абдуллой. Душно было, тесно. В какой-то момент их сильно прижали друг к другу. Саяра грудью ощутила тело Абдуллы, он был в легкой рубашке. Ощущение было таким жгучим и неожиданным, что у девушки ноги подкосились. «Мне дурно», — прошептала она. Абдулла услышал и вытащил ее в коридор, проводил в комнату. Он был, как всегда, безукоризненно вежлив, принес ей воды, посидел

немного и, убедившись, что все в порядке, отправился к себе.

Вот какой у нее был случай... с Абдуллой. Можно ли назвать это «отношениями»? «Конечно нет», — решила Саяра. Просто она наконец повзрослела. Это ей предсказывала еще на первом курсе Лиля, соседка по комнате. Потом она перевелась в другой институт. «Ты, Саяра, еще ребенок, — говорила Лиля, — смеешься, когда девушки о своих парнях рассказывают. А я их понимаю. И ты поймешь, — она пристально посмотрела на Саяру, — сейчас скажу когда... Перед пятым курсом»:

Как в воду глядела Лиля. Теперь Саяра уже не маленькая. Мать права. Прошло время, когда она порхала словно стрекоза. Многие в ее возрасте уже детей имеют. А у Саяры даже любимого человека нет. Действительно, она «случай замедленного развития», как говорит другая ее подруга — Света. Поэтому, наверно, родители и беспокоятся. Даже подсказывают! Абдулла... А почему бы и нет? Ведь он ей нравится, ей-богу, нравится, по крайней мере, больше, чем все другие. Серьезный человек, будущий ученый. И потом, он просто красивый парень. Удивительно, но он тоже «случай замедленного развития». За девушками не ухаживает, нет у него никакой девушки в Ленинграде. Да и в Ташкенте тоже нет. А то бы не торчал все лето в кишлаке. А как он относится к Саяре? Хорошо относится. Может, он ее даже и любит, только не говорит? Он такой сдержанный... Однажды он как-то странно на нее посмотрел, когда они загорали на пляже, там, внизу, возле стены Петропавловской крепости...

И вообще все-таки что такое любовь? Сейчас умные люди нам все объяснят. Саяра расхоталась, взяла с книжной полки томик Стендаля и принялась перечитывать знаменитый трактат «О любви».

Через некоторое время за стеной, в соседней комнате, включили радио на полную громкость. Девушка поморщилась, бросила взгляд на будильник, стоящий на столе.

— О-ля-ля! — проговорила Саяра. — Ведь уже шесть. Они, наверно, меня заждались! Что бы такое надеть?

Девушка вскочила с дивана, подбежала к шкафу и вынула брюки. Немного подумала и положила их обратно. Сняла с плечиков темно-зеленое платье. Быстро оделась и, посмотрев на себя в зеркало, осталась довольна собой. Оглядела напоследок комнату, тряхнула коротко подстриженными волосами, взяла на руку плащ и быстро спустилась вниз. Около двери ее остановил вахтер:

— Вам телеграмма.

— Спасибо! — Саяра взяла бланк, порвала узкую бумажную ленточку и прочла: «Отца избрали академиком мама». Девушка захлопала в ладоши и выбежала за дверь.

Абдулла и Пулат стояли напротив общежития, опираясь на парапет набережной. Она побежала к ним через проезжую часть, не обращая внимания на машины.

Водитель серой «Волги» притормозил, высунулся из окна, погрозил ей вслед кулаком.

— Ребята, простите! — взмолилась девушка. — Я больше никогда не буду опаздывать.

— Прощаем, — сказал Пулат. — Ладно хоть под машину не попала. В другой раз уж лучше не спеши. Абдулла, ты только посмотри, в каком она красивом платье. Хорошо бы к такому платью еще и денег полные карманы...

— Ты угадал, Пулат, — девушка улыбнулась ему. — Вчера пришел перевод от матери на семьдесят рублей.

— Семьдесят рублей? — переспросил Пулат.

— Да. Их надо получить. Пойдем?

— Еще спрашиваешь... Не пойдем, а полетим!

Они направились к почте. Саяра взяла парней под руки.

— Сегодня я вас угощу.

— В чем причина такого великодушия? — спросил Абдулла.

— Сейчас узнаешь. Вот, — Саяра вытащила из кармана плаща телеграмму, — читайте.

— Поздравляю! — произнес Абдулла и протянул ей руку. — Это большое, даже очень большое событие.

— Я рад за тебя, — серьезно сказал Пулат. — Турсунали-ака настоящий ученый. Верно, Аду?

Друзья иногда называли его так.

— Верно, — с чувством произнес Абдулла. — Академик... Это звучит! Академик...

— Аду, — девушка повернулась к Абдулле, — и ты будешь академиком. Вот увидишь.

— Я тоже так думаю, — сказал Пулат. — Могу поспорить: через десять лет Аду станет академиком. Эй, слышишь? Через десять лет...

— Оставьте ваши шуточки, — буркнул Абдулла и покраснел.

Конечно, ему до академика еще ой как далеко... А интересно, что сейчас чувствует Турсунали-ака?! Что он сейчас делает? Может, в институте или дома? Но где бы он

ни был, все идут к нему, поздравляют... А он так слегка улыбается и произносит, наверно, нараспев: «Спасибо, спасибо...» И Абдулла живо представил себя на его месте. Вот он сидит в кресле. Кресло большое, мягкое, как в доме у Саяры... И вот идут чередой люди с поздравлениями. На лицах у всех улыбки, но есть и такие, которые поглядывают искоса. Но Абдулла тепло здоровается и с теми и с другими. Что они теперь могут поделать, ведь он академик! Вот подходит на цыпочках Хасанхан. Он прижал ладони к груди, улыбается сладко.

«Абдулладжан, поздравляю, поздравляю от чистого сердца, — произносит учитель, и голос у него такой заискивающий. — Я горжусь тем, что когда-то, хоть и немного, имел счастье быть вашим преподавателем: Как поживает Иргаш-ака... э-э, Гафурджан-ака? Как его здоровье? Как это будет выглядеть, если я навещу его? Найдет ли он время принять меня?»

Абдулла отрицательно качает головой.

«Понимаю, понимаю, — торопливо продолжает Хасанхан. — Сейчас он очень занят. Столько гостей, всех надо уважить, принять... Я беспокоюсь за его здоровье. Если бы вы передали, чтобы он себя не слишком утруждал...»

Да... Вполне мог быть подобный разговор, если бы он стал академиком...

— Он долго смотрел себе под ноги вдумчивым взором ученого, — услышал он голос Пулата.

Саяра рассмеялась.

— Что? — спросил Абдулла.

— Да ты призадумался, а он шутит, — объяснила Саяра.

— А... Я и в самом деле задумался, — сказал Абдулла.

— О чем же это, Аду? — спросила девушка.

— Во-первых, где мы будем ужинать?

— Да там же, в Петергофе, — ответил Пулат.

— Побежали! — Саяра потащила их вперед. — Боюсь, как бы касса не закрылась.

В Петергофе Саяра сразу повела ребят к Большому каскаду. Веселый блеск высоких водяных струй, позолота скульптур, нарядный фасад дворца, зелень листвы и газонов — все сливалось в удивительную картину.

Они приблизились к богатырской фигуре Самсона, раздирающего пасть льва. Из пасти зверя бил могучий двадцатиметровый фонтан — самый высокий в Петродворце.

— Вот красотища-то, а? — сказала Саяра.

— А мне Самсон не очень нравится, — вдруг заявил Пулат. — Другие скульптуры хороши, а Самсон как-то грубовато сделан.

— Это оттого так кажется, — объяснил Абдулла, — что мы подошли к нему слишком близко...

«Правильно, — подумала про себя Саяра, — четыре года назад он бы этого не сказал...»

— Разве не так? — спросил Абдулла.

— Ладно, я сейчас не буду с тобой спорить, — Пулат махнул рукой, — мне надо сначала поесть!

— Не торопись, может, мы здесь в последний раз. В последний раз, понимаешь?

— Ты прав, Аду! — грустно сказала Саяра. — Когда мы это еще увидим, кто знает?

— Не переживай. У нас такая работа, — сразу посерьезнел Пулат, — будем приезжать сюда в командировки.

— Ну, приезжать по работе...

Эти слова Саяры заставили парней задуматься. Да... Осталось всего восемь месяцев. Восемь месяцев юности, восемь месяцев студенческой жизни.

— Интересно, — проговорил Пулат, — что лучше — учиться или работать?

— Я бы так и осталась студенткой, — сказала Саяра.

— Какая бы в таком случае была от тебя польза?

— Стало бы на одного плохого физика меньше. Только и всего. Вот вы с Аду — другое дело.

— Не равняй меня с Абдуллой, — сказал Пулат. — Он, по-моему, создан для работы. А я, говоря откровенно, получил бы еще годика два. Жаль, что это невозможно.

— Всем нам будет трудно на первых порах. Но ничего, привыкнем... — Абдулла улыбнулся. — Однако, Саяра, я никак не могу представить тебя, к примеру, возле реактора.

— Может, мне поступить в библиотечный институт?

Абдулла рассмеялся, покачал головой:

— Нет. Мы будем работать вместе. Мы так будем работать, что...

— Все станем академиками, — заключил Пулат.

— Вот именно...

В ресторанах Петергофа осетрины в тот день не оказалось. Они погуляли немного по парку, а потом поднялись по лестнице и встали над каскадом у балюстрады, протянувшейся перед фасадом дворца. Вдали серебрился Финский залив, по сторонам в бесконечном разнообразии тонов

зеленел парк, вперед к морю уходила узкая полоска Морского канала с двумя небольшими мостиками. А ближе, прямо у их ног взлетали и падали, пенились, кружились, шумели бесчисленные водяные струи...

В город они вернулись опять на «Ракете» и по настоянию Абдуллы направились в «Асторию».

Хорошо они там провели время, славно; под конец этот пышный ресторан показался Пулату обыкновенной студенческой столовой.

— Непонятно, почему это мы сюда раньше не заходили, — говорил он.

К своему общежитию они подошли, когда уже было довольно поздно. Поднялись на пятый этаж. И тут Пулат неожиданно стал прощаться.

— Мы же договаривались чай пить... — удивился Абдулла.

— Хватит мне, — невнятно сказал Пулат и провел рукой по лицу. — Что-то меня ко сну клонит.

И он ушел. Саяра прислонилась к стене.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Абдулла. — Или тоже спать хочешь?

— Нет, все в порядке, — сказала Саяра. Голос ее звучал приглушенно.

— Ты очень рада?

— Чему? — не поняла девушка.

— Что стала дочерью академика...

— Я рада за отца. Академик Академии наук Узбекской ССР. Ты тоже им станешь, не беспокойся...

— Не надо шутить.

— Я хорошо знаю тебя, — сказала Саяра и взяла его за руку. — Ты этого достигнешь.

— Не смейся.

— Я не смеюсь. Я не смеюсь над тобой.

— Я тебе не верю.

— Зря...

Они зашли в комнату. Девушка повернула выключатель и бросила плащ на диван.

— Я сейчас, — сказала она. — Ты посиди пока, не скучай. А я заварю покрепче.

— Делай по своему вкусу.

— Ладно...

Саяра сняла с подоконника фарфоровый чайник,хватила со стола жестяную коробку с фамильчаем и вышла. Абдулла постоял немного у окна, открыл форточку. Все равно в комнате не стало прохладней. Когда он снял пид-

жак и стал прилаживать его на спинку стула, от его рубашки внезапно отскочила пуговица, упала на пол. Абдулла поднял ее и положил на стол. Потом уселся на диване. В это время и вернулась Саяра.

— Скоро будет готово, — сообщила она и стала прибирать со стола. — Откуда взялась эта пуговица? — вдруг удивилась девушка.

— Прости, Саяра, это моя, — сказал Абдулла. — Сейчас только от рубашки оторвалась.

— Что же ты мне сразу не сказал? — обиделась Саяра. — Я тебе пришью.

— Не надо, я сам...

— А почему не я?..

Она открыла шкаф и стала выдвигать ящики один за другим. «Какая милая девушка, — подумал Абдулла. — Красавица. Дочь академика и не кичится, не важничает. Вот пуговицу мне будет пришивать... Но это впечатление обманчиво. Потому что, несмотря на внешнюю простоту, она совсем не простая. Как правильно сказал Сергей, Саяра не нашего поля ягода. Тонкая, художественная натура... Она необыкновенная, и нравиться ей, конечно, должны люди особенные, например музыканты или поэты. А потом в один прекрасный день узнаешь, что это неземное существо вышло замуж, разумеется, за существо высшего порядка. Жаль».

— Саяра...

— Что?.. Куда я положила белые нитки, никак не могу отыскать...

— Оставь ты это. Я сам пришью. Саяра...

— Да, Абдулла?

— Я слышал, что ты... выходишь замуж. Это верно?

Саяра рассмеялась:

— Как сказать... И за кого же, по-твоему, я выхожу?

— Тебе лучше знать.

— Тот, кто тебе об этом сказал, должно быть, не в курсе дела... Нашла!

Саяра присела на диван рядом с Абдуллой, стала продевать нитку в ушко иголки.

— Не в курсе дела, — повторил Абдулла, глядя на ее открытые колени. — А как, на свадьбу-то позовешь?

— Если она будет. Куда пришивать?

— Непременно будет. Вот сюда, вторая пуговица сверху.

— Значит, по-твоему, я выхожу замуж?

— Тут нет ничего невероятного. Это может случиться с каждым человеком.

— Но только не со мной.

— Почему?

— У меня нет никого, — печально сказала девушка и положила иглу на стол. — Нет у меня никого...

— А вот это уже невероятно. Этого быть не может, — сказал Абдулла, — потому что ты красавица. Или это для тебя новость?

— Это все пустые слова.

— Нет, это правда. Ты очень красивая. Ты всем нравишься.

Саяра глянула на него краем глаза:

— А тебе? Я нравлюсь тебе?

«Что я слышу?» — пронеслось в голове у Абдуллы. Нравится ли ему Саяра? Да если бы не Гюльчехра, он бы давно влюбился в нее без памяти, а потом бы страдал. Любовь без взаимности... Подумать страшно! Как Чередниченко с третьего курса — тот чуть с собой не покончил. Нет, но неужели она... Неужели он ей...

— Да, — наконец ответил он. — А я? Нравлюсь я тебе?

Саяра улыбнулась.

— Давай пришью пуговицу.

После того как пуговица была пришита, Саяра наклонилась, чтобы зубами оторвать нитку, и горячей своей щечкой коснулась его открытой груди. И тут Абдулла не смог удержаться. Он порывисто обнял Саяру и стал целовать ее шею, затылок, уши. Саяра не поднимала головы.

В коридоре раздался какой-то шум. Саяра неловко высвободилась и побежала к двери. Абдулла с силой провел ладонью по лицу. Вот это да... Ну, Инамджан, такое тебе, дорогой мой, даже и не приснится.

Виновато улыбаясь, вошла Саяра с двумя половинками чайника в руках:

— Вот, расколола. Не ошпарилась. Это к добру, к счастью. Так говорят русские.

Он подошел к ней, взял у нее из рук то, что осталось от чайника, и положил на стол.

— Ты веришь этой поговорке?

Саяра кивнула.

— Снова заварить? Чайник есть у соседей.

— Нет, — сказал Абдулла и притянул девушку к себе.

Длинная пристройка под камышовой крышей, примыкавшая к правлению колхоза, была заполнена людьми до отказа. Раис Нормат-ака поднял руку, призывая к тишине и кивнул Самаду:

— Начинай.

Самад придвинулся вплотную к столу, стоящему по середине сцены, и обратился к людям:

— Товарищи, в повестке дня нашего общего собрания только один вопрос — вопрос о будущем нашего кишлака. Но сначала о настоящем. Наш колхоз — миллионер. Живем мы неплохо, зерна и всякого добра у нас как будто в достатке. И даже есть избытки. Однако, товарищи, облик нашего кишлака не переменялся. Каким он был двадцать — тридцать лет назад, почти таким и остался. Вот эта пристройка, в которой вы сидите, гордо именуется клубом. Но разве это клуб? А что сказать про другие дома в кишлаке, про узкие кривые улочки? Теперь нам не к лицу жить в таких условиях. Иное дело, если бы у нас не было средств. Но у нас теперь достаточно средств, чтобы построить новый кишлак. Конечно, не все сразу. Но надо начинать. Вот перед вами макет нового Мингбулака, — тут Самад осторожно снял покрывало со стола. — Вот смотрите. Этот макет создан нашим молодым архитектором Гюльчехрой, дочерью уважаемого Ганишера-ака. Она же будет и начальником всего строительства. Так решило правление колхоза.

Люди захлопали в ладоши, раздались голоса:

— Дай аллах тебе здоровья, дочка!

— Будь счастлива!

— Пусть не будет дня худшего, чем этот!

— А теперь, — сказал Самад, — мы дадим слово Гюльчехре. Она расскажет нам, каким будет новый Мингбулак, а потом перейдем к обсуждению. Нет возражений?

— Нет.

— Слово предоставляется Гюльчехре Саидовой.

Гюльчехра, сидящая между раисом и отцом, поднялась с места. Краска смущения залила ее лицо. Вопросительно посмотрела она на Нормата-ака.

— Говори. Расскажи обо всем, что думаешь, что у тебя на душе, — поддержал ее раис.

Гюльчехра подошла к своему макету. Дома она готовилась к речи, даже репетировала, с чего начать и чем закончить. Однако сейчас, при виде множества устремлен-

ных на нее глаз, растерялась. «В самом деле, с чего же начать, с чего же начать?» — лихорадочно думала она.

Между тем люди задвигались на своих местах, зашептались. Кто-то кашлянул. Гюльчехра подняла голову, и тут ее взгляд упал на Алишера, сидящего на подоконнике. Брат подмигнул ей, махнул рукой и этим словно бы сказал: «Да говори ты, чего стесняешься?» Девушка взяла себя в руки и, не отрывая глаз от брата, тихо начала:

— Товарищи! Этот макет — моя дипломная работа. У нас в институте студенты-выпускники создают макеты больших зданий, макеты целых районов. А я выбрала свой кишлак. Я с детства мечтала о новом Мингбулаке, мечтала избавить его от пыли, от узких улиц, от домов, напоминающих погреба. И вот моя мечта перед вами. Конечно, этот макет несовершенен, в нем есть недостатки, и к тому же это моя первая самостоятельная работа... — Гюльчехра остановилась. Волнение снова сковало ее.

— Говори, дочка, мы все слушаем тебя, — сказал один из аксакалов, сидящих в переднем ряду.

— Не бойся, мы сами тебе укажем на твои недостатки...

— Вызовешь на хашар — исправим...

— Не скромничай, дочка, продолжай.

Гюльчехра снова взглянула на брата. Алишер опять подмигнул ей.

— Каким должен быть новый Мингбулак? — проговорила, запинаясь, Гюльчехра. — Вы видите здесь, на макете, трехэтажное здание. Это новый клуб. Нормат-ака посоветовал назвать его Дворцом культуры. У нас много молодежи. И нужно специальное помещение, в котором бы люди вечером могли отдохнуть, повысить свои знания, прослушать лекцию, посмотреть кино, принять концертную бригаду. Все это можно будет сделать в клубе.

— Когда? — крикнул кто-то.

— Через три года, — ответила Гюльчехра. — Теперь смотрите: справа от Дворца культуры расположено двухэтажное здание — здесь будет размещаться правление колхоза. А слева — гостиница «Мингбулак», видите — с верандой? Таким образом, в центре кишлака будут эти три больших здания, а между ними будет сад с фонтаном. Этот сад, вот с этой стороны, видите, протянется до самого канала. А по берегу канала пройдет автострада, которая свяжет кишлак с одной стороны с Кокандом, с другой — с Алтыарыком...

Тут девушка увидела, что в одном из средних рядов поднялся высокий седобородый старик.

— У меня есть вопрос, — услышала она его голос.

— Подождите, ата! Пусть она закончит свое выступление!

— Она может и потом закончить. А я, если сейчас не спрошу, забуду... — промолвил аксакал.

— Пожалуйста, спрашивайте, ата! — согласилась девушка.

— Все, о чем ты говорила, дочка, все это хорошо. Все эти Дворцы культуры нам нужны, но ты мне скажи о другом. Что станет с нашими домами? Вчера мой внук целый час болтал, что Мингбулак разрушат, а на его месте поставят небоскребы. Я сказал внуку: «Погоди, что же это такое получится? У нас не такой уж плохой дом, чего ради мы должны переселяться в этот небоскреб и жить друг под другом? Мы к такому не привыкли». В Ташкенте есть место, называется новый район Чиланзар. Года три назад приехал я в Ташкент, и меня потащили в этот Чиланзар, на панихиду. В комнате люди не уместились, и мы читали молитвы на улице. Это бы еще ничего. Но когда гроб стали спускать на веревках из окна, да еще чуть не уронили, тут уж я разозлился. И я не хочу, чтобы в Мингбулаке так было. Узбеку не только дом нужен, ему нужен свой двор, хотя бы клочок земли, и чтобы на этом клочке земли росло хотя бы одно дерево. Или я не прав?

— Верно говоришь, ата, верно!

— Кабилджан-ата, — обратился к аксакалу Самад, — вы целую речь произнесли. Подождали бы немного, а потом выступили.

— Э, сынок, я же говорю, память у меня стала слабеть, забыл бы все. Ну так, дочка, скажи, правду говорил мой внук? В самом деле ты будешь строить такие дома?

— Нет, отец, — ответила, улыбаясь, Гюльчехра. — Я постараюсь вам объяснить... От центра кишлака в радиальном направлении, на четыре стороны света протянутся четыре улицы. По обеим сторонам этих улиц будут построены одноэтажные дома для колхозников. Вот здесь вы видите макеты этих домов. Позади каждого дома обязательно будет двор. В Мингбулаке пока нет надобности строить многоэтажные жилые здания. В кишлаке всего пятьсот семей. Лет через десять — пятнадцать положение изменится. И вот тогда по ту сторону канала можно будет запланировать многоэтажные дома. А пока достаточно и этих. Кабилджан-ата, смотрите, в каком доме вы будете

жить: впереди веранда, три комнаты и гостиная. Или же — четыре комнаты и гостиная. А свой дворик вы можете огородить, сделать, если хотите, ворота.

— Кабилджану-ата ворота нужно сделать в самом доме. А то вдруг гроб в двери не пройдет.

Люди заулыбались, раздался смех.

— Таким образом,— заключила Гюльчехра,— работы у нас очень много. Чтобы построить все, что изображено на макете, потребуется по меньшей мере лет пять, а то и шесть. Если есть вопросы, пожалуйста, задавайте.

И Гюльчехра направилась на свое место. Раис благодарно кивнул девушке.

— Молодец, выдержала,— сказал дочери Ганишер-ака.— А я уже хотел бежать к тебе на помощь...

— Товарищи, у кого есть вопросы? — обратился к собранию Самад, постукивая по столу карандашом.

— У меня вопрос! — из второго ряда поднялась худенькая женщина средних лет.— Будут ли в новом кишлаке ясли? Почему об этом ничего не говорите? Или же нам так и работать по старинке, ребенка к спине при-вязывать?

— Ясли будут! — ответил с места Нормат-ака.— В первую очередь мы построим ясли на шестьдесят мест. Это не вошло в план. Потому что строительство яслей начнется в этом году.

— Вы удовлетворены, Карамат-апа? — спросил Самад.

— Это другое дело.

— Какие будут еще вопросы?

— Разрешите мне!

Мальчик, стоящий возле Алишера, поднял руку.

— О чем ты хочешь спросить?

— Когда построят Дворец культуры, кино будет каждый день или, как сейчас, два-три раза в месяц?

— В день два раза. Устраивает?

Парнишка заулыбался.

— Будут еще вопросы?

— Я не могу взять в толк одну вещь,— сказал, не вставая, пожилой человек, сидящий в первом ряду.— Вот вы показываете наши новые жилища. Все это хорошо. Ясно, что правление и клуб будут построены на деньги из общего фонда. Это я понимаю. Но кто будет строить наши жилые дома. На чьи деньги? Вот это я прошу объяснить.

Самад вопросительно посмотрел на раиса. Нормат-ака поднялся со своего места, подошел к столу.

— Вы дельный вопрос задали, Муким-ака. Колхоз, конечно, не может бесплатно построить все дома. Мы посоветовались в правлении и пришли к одной мысли. Надо создать строительную бригаду, человек тридцать — сорок. Это выход из положения.

— А кто ей будет платить? Кто даст на это деньги? Деньги?

— Сейчас я все разьясню, — Нормат-ака поднял руку. — Деньги даст каждый по мере своих сил. А у кого сил не хватит, тому поможет колхоз. Предоставим кредит. Возьмем, к примеру, вас, Муким-ака. Вы сами трактором работаете, а в полеводческой бригаде работают ваш сын и сноха. Если доходы двоих членов вашей семьи будут тратиться на хозяйство, то доход одного будет идти на покрытие долга. Если на это будет идти лично ваш доход, то вы за первый же год рассчитаетесь. Ну как, подходит?

— Еще как подходит, — сказал Муким-ака. — Включите в таком случае меня первым в список, а то мне надоело все время кланяться, когда в дом захожу. Ох, приземисты у нас дома...

— Ну кто еще выступит?

— У меня вопрос...

— Можно мне?..

— Подождите, не все сразу...

Еще много было вопросов и ответов. Гюльчехра никак не ожидала, что ее работа послужит для них поводом.

Счастливая возвращалась она домой между отцом и Самадом. На полпути Ганишер-ака о чем-то вспомнил и пустился обратно, искать раиса.

— Не помню, чтобы у нас раньше на собраниях столько народу выступало, — сказал Самад.

— Я тоже не ожидала, — отозвалась девушка. — Никак не думала, что этот макет за живое всех заденет.

— Это естественно. Хорошее жилище много значит в нашей жизни. — Самад потупился. — Ты знаешь, я тоже хочу построить новый дом...

— Значит, свадьба уже не за горами? — спросила Гюльчехра.

— Если девушка даст согласие, то не за горами, а если не даст согласие...

— Кто она?

— Да есть такая... Очень хороший человек.

— Она из Мингбулака?

— Да, из Мингбулака. Я учился с ней вместе, вместе работаем...

Гюльчехра давно поняла, в чем дело, она и раньше об этом догадывалась, но никак не думала, что робкий, стеснительный Самад пойдет на этот разговор.

— Кто же это такая? — наконец она обратилась к нему.

— Сказать?

— Да.

— Ты...

Гюльчехра покраснела. Вот он и сказал... Дождалась... Она сама вызвала его на этот разговор. А зачем? Бедный Самад! Мало ей сегодняшнего успеха, ну зачем она это сделала?

— Я тебя не обидел? — заволновался Самад.

— Нет, нет.— Девушка готова была казнить себя за легкомыслие.— Самад, то, о чем ты говоришь,— невозможно.

— Понимаю, тебе нравится Абдулла.

— Откуда ты знаешь? — спросила Гюльчехра поспешно. «Неужели он видел нас,— подумала она,— о аллах, там, на берегу сая!..»

— Когда он приезжает, ты становишься совсем другой.

— И только? — Девушка перевела дух.

— Это уже о многом говорит.

— Да, наверно. Ведь я... его люблю.

— А он?

— Он тоже. Уже давно.

Ну вот, теперь все сказано. Все-таки когда-то надо было выяснить отношения. Может, это к лучшему. Ему теперь все совершенно ясно. Теперь он постарается не думать о ней. Пройдет время, наверно, полюбит другую. Ведь в кишлаке столько хороших девушек. И красивых. Вот, например, младшая дочь Нормата-ака Джумагуль, недавно десять классов окончила. Очень милая. И Гюльчехра представила себе ее лицо, глаза, всю ее фигуру.

— Прости меня, Самад,— сказала она.— Прости...

— Нет, это ты меня прости. Я мог бы и промолчать. Вырвалось почему-то... Ну вот мы и пришли к твоему дому.

Самад остановился у ворот, и девушка протянула ему руку:

— До свидания.

— До свидания.— Самад легонько сжал ее ладонь и сразу отпустил.

— Самад!

— Что?

— Подожди... Ты обиделся на меня?

— Нет.— Самад грустно улыбнулся.— Не обиделся, честное слово. Ведь мы не дети. До свидания.

Однако Гюльчехра не могла отпустить его так:

— Ведь мы все равно останемся друзьями? Я считаю тебя самым лучшим и близким другом.

— Я тоже. До свидания. Все в порядке, Гюльчехра, не беспокойся.

— Спасибо, Самад, счастливо тебе...

Гюльчехра долго смотрела ему вслед. Самад не оборачивался. Горько ему сейчас. Но что она может сделать? А если бы не было Абдуллы? И тогда бы она дала такой ответ. Самад хороший парень, хороший товарищ. На него можно положиться. Но этого мало... И снова перед ней возникло лицо Джумагуль. Он может полюбить эту девушку! Или какую-нибудь другую. Человек не может жить без любви.

Эта мысль почти успокоила Гюльчехру, и она вошла во двор. Сейчас ее встретит мачеха. Мачеха? Нет, Гюльчехра уже не может так ее называть. А сначала было очень тяжело. Когда Зумрад-апа впервые появилась в их доме, девушка не могла на нее смотреть, не могла она смотреть и в глаза отцу. Зумрад-апа была родом из Алтыарыка, муж давно с ней развелся, обвинив ее в бесплодии. Она состояла в каком-то дальнем родстве с Норматом-ака и по временам наезжала в Мингбулак.

Прошел год после смерти матери Гюльчехры, и раис заговорил о своей родственнице со своим другом Ганишером.

— Я очень уважал твою жену Саодат,— сказал он,— память о ней у меня в сердце. Но ты подумай о своих детях. До каких пор твоя образованная дочь будет служанкой в доме? Она должна учиться, должна работать. Потом сообрази: она уже не маленькая. Выйдет замуж, что будешь делать один? Кто поднимет на ноги твоего сына?

Крепко задумался Ганишер-ака. Полтора года думал. Не мог он забыть свою жену. А Гюльчехра совсем замоталась — хозяйство, учеба, работа.

И вот, глядя на свою бледную, осунувшуюся дочь, Ганишер-ака решил: созвал пятерых друзей, сделал плов и привел Зумрад-апа к себе в дом. И — чудо! — дом почти сразу стал полной чашей. Такой поворотливой, хозяйственной, ласковой оказалась эта круглолицая застенчивая женщина. Алишер очень скоро стал звать ее мамой. Гюльчехра же часто плакала, на нее не действовали уго-

воры отца: «Доченька, я привел Зумрад, думая о тебе, о твоём брате. Я привел ее, чтобы вы не были сиротами, чтобы не остались без присмотра. Если же она вас станет обижать, то я... Но ты же видишь, какая она. Она не делает этого. У нее не было детей — она полюбила вас. Да она ковром готова перед вами расстелиться». Все же девушка постепенно оттаивала. А потом случилось так, что Зумрад-апа перед сбором хлопка решила съездить на неделю в Алтыарык проведать сестру. Алишер попросил взять его с собой. Гюльчехра не хотела, чтобы он поехал, но Ганишер-ака не возражал, и девушка промолчала. Неделя прошла незаметно. А когда они вернулись, девушка не узнала брата: на нем были новые туфли, белая рубашка с отложным воротником, красивые шерстяные брюки. И, самое главное, до того он был ухоженный, розовощекий — просто прелесть.

Алишер сразу бросился к сестре.

— Ой, как было хорошо! — закричал он. — Ой, как хорошо!

И тогда девушка подошла к своей мачехе и обняла ее со слезами на глазах. Они вместе поплакали, и с тех пор Гюльчехра перестала ее дичиться. Они подружились.

...Зумрад-апа увидела девушку из окна и вышла во двор.

— Как прошло собрание, все хорошо? — спросила она мягким, грудным голосом.

— Даже очень, — ответила Гюльчехра. — А я так боялась! Вопросы градом посыпались. А сколько народу было в правлении — полным-полно! Все хорошо получилось, и макет понравился...

— Да буду я твоей жертвой, милая, у меня за тебя сердце болело. Сейчас будешь есть или отца подождешь?

— Подожду. Он скоро придет. На полдороге вспомнил о чем-то и пошел обратно к раису.

— Так, говоришь, все остались довольны?

— Как будто. Назначили меня начальником стройки... А мне ведь сначала институт надо закончить.

— Кстати, — промолвила Зумрад-апа, — тебе пришла телеграмма.

— Да? — Гюльчехра сразу подумала об Абдулле.

Они вошли в дом. Телеграмма лежала на подзеркальнике. Девушка поспешно вскрыла ее, прочитала раз, потом другой, и вдруг залилась счастливым смехом. Она долго не могла остановиться.

— Что такое, доченька, что такое? — спросила Зумрад-апа.

Наконец девушка протянула ей телеграмму:

«Коканд Мингбулак Саидовой Жюри конкурса поздравляет вас успехом Ваш проект кафе Ешлик принят Премия будет вам вручена несколько позже тчк Согласно условиям января будущего года вы должны принять участие строительстве тчк Ташкент улица Куйбышева Горпроектинститут председатель жюри Захидов».

— А знаете, кому я обязана этим счастьем? — загадочным тоном спросила девушка. — Вам, вам, дорогая, милая Зумрад-апа. Если бы не вы, я бы не смогла работать над этим проектом, у меня просто не хватило бы времени... — И Гюльчехра звонко расцеловала смутившуюся женщину в обе щеки.

— Поздравляю, поздравляю, доченька... Значит, тебе надо будет поехать в Ташкент...

— Это не так скоро. И потом, я поеду ненадолго!

Размахивая телеграммой, Гюльчехра закружилась по комнате. Мечта сбылась! Теперь она настоящий архитектор, ее признали... Все будут рады в кишлаке — отец, раис, Самад! Самад... Нужно немедленно написать Абдулле, как он обрадуется! И девушка побежала в свою комнату.

«Абдулла, у меня сегодня очень-очень большая радость. Во-первых, общее собрание колхозников одобрило мой макет будущего Мингбулака. Меня назначили начальником стройки. А когда пришла домой, получила телеграмму. Оказывается, я победила на конкурсе! Мой проект кафе «Ешлик» принят! Никто не мог этого ожидать, а я — меньше всех. Это какое-то чудо. Я никак не могу прийти в себя. Абдулла, если ты приедешь на зимние каникулы, мы с тобой встретимся в Ташкенте. Меня приглашают консультировать строительство по моему проекту. Ты разделяешь мою радость? Твоя Гюльчехра».

Все эти дни Абдулла ходил сам не свой. Все перепуталось у него в голове. Он понимал, что это добром не кончится. Ведь у человека должна быть одна твердая линия поведения, пытался рассуждать он. Человек не должен разбрасываться, он только тогда добьется успеха, когда идет прямо к цели, не сворачивая.

А что получается у него? Поспешили они с Гюльчехрой, ох как поспешили! Но это она виновата, она проявила слабость. Если бы она сказала «нет», он бы просто немного огорчился, но это бы скоро прошло. А теперь они связаны. Он, Абдулла, связан. После того, что произошло, расстаться с ней значило бы совершить непорядочный поступок.

Ну что ж, значит, выхода нет? Значит, он останется с ней навсегда? А как же Саяра? Эта удивительная девушка, неземное существо, ангел, веселый, добрый ангел? Ведь он обнимал ее, целовал, и она называла его «милый» — разве можно это вытравить из памяти? Ничем не вытравить.

Но он будет жить с Гюльчехрой в этом своем доме с балаханой. И все думать о Саяре. И не только о Саяре — об упущенных возможностях. С ума сойти можно. Какие возможности! Если бы он связал жизнь с Саярой, то уж точно через два года был бы кандидатом наук. Еще через три года была бы готова докторская диссертация. А потом — руководство в каком-нибудь крупном научно-исследовательском институте... Все это вполне реальные планы. Конечно, не исключено, что всего этого он мог бы добиться сам. Но когда? Через сколько лет? И где все же гарантия, что он бы этого добился? Если бы они с Саярой поженились, все пошло бы как по маслу. Турсунали-ака, большой ученый, академик, помогал бы ему по мере сил, указал бы путь. Ведь Абдулла был бы для него не просто ученым, а зятем! Мужем единственной дочери, в которой он души не чает...

Если бы знать заранее, если бы знать заранее... Конечно, он сдержался бы тогда, в тальниковой роще! И они бы с Гюльчехрой разошлись спокойно. Он бы сказал: «Гюльчехра, прости, ради аллаха, я ошибся, мы не подходим друг другу». Вполне можно было бы написать такое письмо. И делу конец. Теперь такое письмо не напишешь, так просто не объяснишь... Каким скверным человеком покажется он Гюльчехре! А он совсем не скверный. Его уважают, с ним считаются, он один из лучших студентов института. Он никому не делал плохого, он никогда даже не думал об этом. А в результате он может оказаться виноватым. Как это несправедливо! Ну в чем он виноват? Ведь он не знал, что так получится. И Саяра не знала. Она тоже не виновата. Саяра — еще ребенок. Как она ему недавно сказала: «Абдулла, ты такой хороший. Но я и не знала, что я такая трусиха. Я боюсь тебе не понравиться. Всего бо-

юсь. Ты подожди немного, Абдулла». Вот смешная! А потом посмотрела искоса и добавила: «Я по вечерам не буду тебя в комнату пускать. Приходи днем». Что ж, может, она и права...

Как-то Саяра показала ему то письмо отца, в котором он спрашивал: «Какие у тебя отношения с Абдуллой?»

— Ты... ему ответила? — Лицо Абдуллы стало напряженным.

— Да...

— Что ты ответила?

— Написала, что мы поругались.

Абдулла перепугался. От этой девушки всего можно было ожидать.

— Не шути.

— А что тут такого?.. Я захотела узнать, как он будет после этого к тебе относиться...

Абдулла побледнел.

— Зачем ты это сделала?.. — еле слышно спросил он. Девушка расхохоталась.

— Эх ты, шуток не понимаешь... Я написала, что ты даже лучше, чем он о тебе думает. Ну как, ты доволен?

— Очень даже, — ответил Абдулла.

Прошла еще неделя, и он получил сразу два письма: одно — от Гюльчехры, другое — из дому. Абдулла сначала взял в руки письмо Гюльчехры, потом передумал, положил его на стол и накрыл сверху книгой. Надорвал отцовский конверт.

Гафурджан-ака осведомлялся о его житье-бытье, сообщал, что мать по нему очень соскучилась, и после того как поведал о том, что чувствует себя намного лучше, написал:

«Вчера вечером навестил нас Турсунали-ака. Долго сидел и расспрашивал о тебе. И рассказывал о своей дочери. Насколько я понял, Саяра милая, славная девушка. Он сказал, что вы с ней очень хорошо относитесь друг к другу. Еще сказал, что ты ему нравишься. Что ты можешь стать хорошим ученым. Что он возьмет тебя в свой институт после окончания учебы, будет рекомендовать тебя в аспирантуру. Мы с твоей матерью очень обрадовались. Абдуладжан, сын мой, мы только и думаем, что о твоём счастье. Мы хотим, чтобы ты стал большим человеком, и считаем, что ты на пути к этому. Дай аллах тебе здоровья!

После ухода Турсунали-ака мы с твоей матерью полночи не спали, так разволновались. Если твоя звезда

и звезда Саяры окажутся рядом, то для нас будет большим счастьем породниться с Турсунали-ака. Как я мог понять, Турсунали-ака тоже к этому склоняется. Прошу тебя написать, что ты обо всем этом думаешь?

Твой отец Гафурджан».

Тем лучше, сказал себе Абдулла. Вот и родители об этом узнали. Все идет к тому, чтобы он был вместе с Саярой. Стало быть, Турсунали-ака возьмет его к себе в институт. Это теперь совершенно ясно. Он будет учиться в аспирантуре. Это тоже ясно. Прекрасная девушка, чудесная семья. Что ему еще нужно? И его родители об этом мечтают. А прислушиваться к родительскому мнению его сыновний долг.

Абдулла снял со стола учебник и посмотрел на послание из Мингбулака. Раньше, когда от Гюльчехры приходило письмо и он брал его в руки, девушка представляла перед ним как живая, улыбающееся лицо ее было совсем близко. Теперь же Гюльчехра, как бы не смея приблизиться, остановилась на некотором расстоянии от Абдуллы, и улыбка ее была какой-то далекой.

Наверно, опять пишет, что «соскучилась», «скорее бы прошел год».

Он надорвал конверт и вынул то самое письмо, в котором Гюльчехра сообщала о своих успехах.

Прочитав его до конца, Абдулла невидящими глазами уставился в крашенный пол. Да, правильно она пишет: никто не мог этого ожидать... Какой потрясающий успех! Кишлячная девушка оказалась самородком, талантом! Недаром он ее полюбил еще четыре года назад, недаром все каникулы проводил в Мингбулаке. Но, оказывается, он был слеп, не разглядел как следует, с кем имеет дело. Гюльчехра ему ровня. Теперь в этом не может быть никакого сомнения. У него столько связано с нею, столько радостей доставили они друг другу, столько планов строили! Неужели все это впустую?!

Абдулла поднялся с места и заходил по комнате. Как нужен ему сейчас чей-то добрый совет! Он запутался, окончательно запутался. А ведь надо что-то ответить отцу, надо что-то ответить и Гюльчехре. Нет, он пока ничего не станет писать. Надо сначала разобраться в себе.

Гюльчехра добилась всего сама. Абдулле тоже никто не помогал стать одним из лучших студентов и написать курсовую работу, которая теперь опубликована. До этих пор все шло как надо. Так почему же он не сможет достичь

своих целей без помощи Турсунали-ака? Когда тебе покровительствуют, в этом есть что-то не очень хорошее, не очень приятное. До сих пор он без этого обходился, вполне может обойтись и в дальнейшем.

Пожалуй, будет трудно все объяснить отцу в письме. Лучше приехать в Ташкент на зимние каникулы, в спокойной обстановке переговорить с отцом, а потом жениться на Гюльчехре. Родители должны понять его, они не будут противиться.

Однако и эти мысли не успокоили Абдуллу. Он прилег на кровать, снова взял в руки письмо Гюльчехры и прочитал: «Если ты приедешь на зимние каникулы, мы с тобой встретимся в Ташкенте. Меня приглашают консультировать строительство по моему проекту».

Абдулла представил себе, как они идут вместе по улице Карла Маркса, все обращают на них внимание, ведь Гюльчехра очень красива. Вот они проходят мимо универмага, и вдруг навстречу им Саяра... Нет, это невозможно. Надо найти какой-то выход, надо как-то так сделать, чтобы не пришлось обманывать ни Саяру, ни Гюльчехру.

В дверь постучали.

— Кто это? — крикнул Абдулла.

— Это я, — раздался голос Пулата.

Он вошел в комнату.

— Что это ты валяешься на кровати, когда надо заниматься?

— А ты что слоняешься по коридорам? — в свою очередь, спросил Абдулла.

— Я из библиотеки. Понимаешь, диплом-то я вроде написал, а вот введение никак не получается. Может, посмотришь?

— Послушай, Пулат, я сегодня не в форме, — сказал Абдулла. — Ты уж извини.

— Хорошо.

И Пулат выскочил за дверь.

«Мне бы его заботы, — подумал Абдулла. — Счастливец. А советоваться с ним просто опасно. Если ему все на чистоту рассказать, этот прямой парень вместо совета еще обругает, оскорбить может».

Абдулла встал, подошел к окну. Выпить пива, конечно, не помешает. Все равно ничего путного в голову не приходит.

— Ну вот и я. — Пулат, тяжело отдуваясь, вошел в комнату. — Лифта не стал ждать. Вот пиво.

- Пулат... — сказал Абдулла.
- Что?
- Я хочу задать тебе один вопрос.
- Ну?
- Если бы тебе предложили сильно обидеть твоего друга, причинить ему боль и за это наобещали бы тебе всяких благ, что бы ты ответил?
- Выпей, — предложил Пулат. — А то какие-то дурацкие вопросы задаешь.
- Нет, в самом деле.
- В самом деле? Ну что ж, я бы, конечно, попытался причинить боль... тому, кто мне такое предложил. А что?
- Абдулла молчал. Конечно, Пулат не мог иначе ответить. Зачем же он тогда его спрашивал? Глупо все это...
- У тебя все в порядке?
- Абдулла не успел ответить. Дверь широко распахнулась, и в комнату вошла Саяра:
- Ребята, можете меня поздравить!
- С чем?
- Я отдала диплом на машинку!
- Ура! — захлопал в ладоши Пулат. — Стало быть, мы снова пойдем в «Асторию»?
- Пожалуйста!
- Пошли, Абдулла? — Пулат толкнул его локтем.
- Абдулле никуда не хотелось идти, но он понял, что расспросов в случае отказа не миновать. Саяра обязательно станет допытываться, почему да отчего он такой невестель.
- Хорошо, — согласился он.
- Вы сначала объясните мне одну вещь, — с довольным видом сказала девушка. — По какому случаю вы тут сидите и к тому же без меня?
- Просто у Абдуллы оказались лишние деньги.
- Еще гонорар?
- Нет, это то, что осталось, — промолвил Абдулла. — Выпьешь немножко пива?
- Фу! Нет. — Саяра поморщилась.
- Что ж, тогда пошли, — заторопился Пулат.
- Подождите немного. Я должна переодеться.
- Вот еще! Ты и так хорошо одета...
- Я быстро. — Девушка выбежала из комнаты.
- Вот диво! — произнес Пулат. — Что бы мы делали без нашей Саяры? Хорошо бы нам всем троем и работать вместе. Как ты считаешь, Абдулла?

— Наверно, это не удастся.

— Почему?

— Я слышал, заканчивается строительство одного объекта. Кого-нибудь из нас уж точно туда пошлют.

— Только не меня. Саяра тоже не пойдет. Неужели ты?

— Не знаю. Что поделаешь, если вдруг распределят?

— А как же аспирантура? Ведь это твоя мечта?

— Мечта — одно, а жизнь — другое. Неужели ты этого не понимаешь?

— Странно... — Пулат пожал плечами. В коридоре послышался стук каблучков Саяры. — Ну вот и она. Пошли.

Абдулла нехотя поднялся с места. «Может быть, это и выход. Уехать куда-нибудь подальше от всех», — подумал он.

В «Астории» Абдулла отвлекся от своих мрачных мыслей. Он танцевал с Саярой, и она вновь казалась ему самой прекрасной девушкой на свете. Потом они долго гуляли по городу. Прошли Невский из конца в конец. Саяра негромко читала Пушкина:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит;
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...

Однако, вернувшись в общежитие, Абдулла понял, что это была лишь отсрочка, что надо на что-то решиться и времени для принятия решения остается все меньше и меньше.

Так проходили дни. Абдулла через силу заставлял себя заниматься. Отцу он так ничего и не написал, а для Гюльчехры составил в муках коротенькое послание. Он поздравил ее с большим успехом и сообщил, что, возможно, приедет в Ташкент на зимние каникулы.

Ответ пришел очень скоро. Абдулла прочитал письмо Гюльчехры и побледнел как стенка.

«Абдулла, здравствуй!

Я знаю, на этот раз мое письмо тебя не обрадует. Боюсь, что случилось то, чего мы не ожидали. Я никому не могу сказать об этом, даже и тебе стесняюсь.

Абдулла, после нашей последней встречи произошла задержка того, что обычно случается у меня раз в месяц. Ты понимаешь? Прости, я не могу по-другому написать. Сначала я себя успокаивала, что это иногда бывало и раньше. Но вот уже прошел и второй срок, два месяца прошло. Я очень боюсь, что мои опасения подтвердятся. Подожду еще неделю, и тогда уже все станет совершенно ясно, не останется никаких сомнений. Ты понял меня, Абдулла? Зачем только мы это сделали?.. Я в полном отчаянии. Я уже теперь не могу смотреть людям в глаза. Если бы ты был рядом со мной, тогда бы другое дело, я бы так не мучилась. Мы бы с тобой что-нибудь придумали. Но ты далеко. Что мы теперь будем делать?

Жду ответа. Гюльчехра».

Все закружилось перед глазами Абдуллы. Гюльчехра беременна! Только этого еще не хватало. Теперь всему конец... Вся жизнь насмарку. Вот результат легкомыслия! Что теперь он скажет Саяре? Что теперь у него будет с Саярой? Ужас! Ужас!

Картины одна другой страшнее замелькали перед ним. Абдулле придется ввести в дом женщину с ребенком. Вот он говорит об этом матери. Она не верит своим ушам. А потом покачивает головой и произносит: «Сын мой, мы не ожидали от тебя этого. Ты опозорил нас».

Вот отец. Он в один миг постарел. Смотрит с болью на сына, потом отводит взгляд. Он ничего не скажет. Он может простить. Вот бабушка... Нет, старуха не простит. У нее нрав крутой. Не простит. Дядя? Этот еще ничего. Поругает, конечно, а вот как Турсунали-ака?.. Вот это всего ужасней. Он может с Абдуллой сделать все, что захочет. Достаточно одного его слова — и он смешает Абдуллу с грязью. А Саяра? Вот она получила неожиданную весть. Пришла к нему в комнату, на глазах слезы, нет, она не станет плакать. Она придет и плюнет ему в лицо. Или отвесит пощечину. Без сомнения, она так и сделает. Что будет потом? Нет, нет! Может быть, Гюльчехра напрасно тревожится? Может быть, и нет ничего такого? Может быть, задержка произошла из-за болезни? У женщин это бывает, он слышал. Гюльчехра, наверно, этого не знает, вот и испугалась...

Он еще раз прочитал письмо. Ну да, она и сама сомневается, пишет, что надо подождать еще неделю...

Гюльчехра выглянула из своей комнаты и сказала маме, что сейчас переоденется и выйдет к столу. Потом подошла к большому зеркалу. Перед ней стояла девушка с бледным, осунувшимся лицом, под глазами были заметны темные круги. Она знала, отчего это: от бессонницы, от слез, от всех ее тревожных мыслей. Но почему у нее стали такие толстые губы? Или это так кажется? Неужели это признак беременности? Значит, и Зумрад-апа может заметить... Девушка невольно провела рукой по животу, по груди. Нет, как прежде, как будто все без изменений... От Абдуллы до сих пор нет вестей. Двадцать дней назад она отправила письмо. Или он уехал из Ленинграда? Но тогда письмо бы уже вернулось.

Гюльчехра так часто ходила на почту, что под конец это показалось ей уже неудобным, и она стала посылать Алишера.

— Апа!

Девушка вздрогнула. В окно она увидела брата.

— Чай остынет!

— Я сейчас, — сказала Гюльчехра. — Отец здесь?

— Недавно ушел.

— Я сейчас...

Она отложила в сторону узкое платье, которое собиралась надеть, и перебрала чуть не весь свой гардероб, прежде чем остановилась на платье из ханатласа, которое сшила ей недавно Зумрад-апа. Зеркало подсказало, что обнова ей к лицу — даже темных кругов под глазами не стало заметно. Настроение у Гюльчехры немного поднялось, она ободряюще улыбнулась себе в зеркало и вышла на веранду.

— Ты что так задержалась? — спросила Зумрад-апа.

— Долго платье выбирала, вот выбрала ваш подарок...

— Чтобы ты его долго носила, ты все хорошеешь, стала еще красивее, — Зумрад-апа залюбовалась девушкой. — Немного пополнела, но это тебе идет.

Гюльчехра прикусила губу. «Неужели догадывается?!»

— Говорят, красота девушки в ее сердце, — продолжала Зумрад-апа, наливая чай. — Конечно, не только в этом. Важно, как девушка выглядит... Разве худенькой подошло бы такое платье?!

С благодарностью посмотрела Гюльчехра на свою маму.

— И вы совсем неплохо выглядите, Зумрад-апа.

— Где уж неплохо, вот твоя мама... говорят, была очень красивой женщиной.

Гюльчехра растерялась. Неужели она ревнует... к человеку, которого нет в живых? Или, может быть, отец чем-нибудь обидел? Или родственники? Надо ее как-то поддержать. Бедная Зумрад-апа!

— Мать у меня была красивая,— сказала девушка,— однако сама она этого не замечала. И я тоже не замечала. Для нас она была просто мамой. И вы, Зумрад-апа... Вы для меня и для Алишера просто мама.

— Спасибо...

Слезы показались на глазах Зумрад-апа.

— Вас кто-нибудь обидел?

— Нет,— ответила Зумрад-апа, снова протягивая ей пиалу с чаем.— Бери. Нет. Меня никто не обижал.

— Не надо, не расстраивайтесь...

— Я ничего... Только бы вы были счастливы, здоровы.

Гюльчехра не знала, чем еще ее утешить, поднялась с места.

— К обеду придешь? — спросила Зумрад-апа, когда девушка спустилась во двор.— Я приготовлю вкусную кисленькую шурпу. Приходи.

— Обязательно! Вы не печальтесь, ладно?

Зумрад-апа улыбнулась сквозь слезы, кивнула.

У ворот девушка поняла, что послужило причиной слез мачехи. Дувал подпирала темная мраморная плита. На плите была выбита надпись: «Саодат Саидова». И годы жизни и смерти.

Мать прожила всего тридцать семь лет! Комок подступил к горлу девушки.

— Мама! Мамочка! — еле слышно вырвалось у нее. Гюльчехра зажала рот ладонью. Зачем причинять боль бедной женщине, оставшейся в доме? Она закрыла ворота за собой.

Если бы мать была жива! Гюльчехра упала бы перед ней, заплакала, и мать помогла бы ей, поделила бы ее горе.

Ноги сами привели девушку к почте. Там стоял у окошечка старик и пересчитывал деньги. Гюльчехре пришлось подождать, когда он закончит. Старик считал не торопясь, поплеывая на пальцы. Наконец он наклонился к окошку и спросил:

— Нигяра, это все?

— Все, ата, — раздался голос Нигяры, девушки лет шестнадцати, работающей на почте.

— Спасибо, дочь моя.

Старик направился к выходу.

— Скажите спасибо своему сыну, ата! — крикнула вслед Нигяра.

— Сын меня не забывает. Спасибо ему, спасибо и тебе.

Еще что-то пробормотав, старик вышел из комнаты, не заметив Гюльчехру.

— Заходите, апа! — сказала Нигяра, приподнимаясь с места. — Вы насчет письма?

Гюльчехра кивнула.

— Нет, апа. Вам ничего нет. Не волнуйтесь, — принялась утешать ее Нигяра. — Должно быть, все в порядке, вот и не пишут.

Гюльчехра была вынуждена облокотиться о стойку.

— Если вы очень беспокоитесь, — добавила Нигяра, — то можете дать телеграмму.

— Верно! — Гюльчехра выпрямилась. — Дайте мне, пожалуйста, бланк.

Она села за стол. Если сегодня дать ему телеграмму, завтра уже может прийти ответ. Почему она раньше этого не сделала? Наверное, он не получил последнего письма. Конечно, не получил. Письмо затерялось в дороге. Разве нет таких случаев? Или попало по чужому адресу. Кто знает? Все решит телеграмма. Все станет известно завтра.

Гюльчехра торопливо написала адрес Абдуллы и вдруг отложила ручку. Почему же до сих пор он получал все ее письма? Ведь не было никакой путаницы. Нет, письма не пропадают. Значит, он просто молчит... Не хочет отвечать...

Значит, бросил... Девушка закрыла глаза... «Что это, о чем это я подумала? Как я могла такое подумать... Письмо придет, придет не сегодня, так завтра. Оно не может не прийти».

Гюльчехра смяла в руке бланк с адресом и подалась к выходу.

— Вы что, апа, не будете посылать телеграмму? — спросила Нигяра.

Гюльчехра остановилась:

— Нет... Я еще подожду...

Она вышла на улицу. Письмо придет. Должно прийти...

Однако письмо не пришло и на следующий день.

И тогда прямо с почты девушка отправилась куда глаза глядят. Вышла в поле. Мыслей у нее никаких не было.

Возле хауза она услышала звук мотора и подняла голову. Ей навстречу ехал газик. За рулем сидел Нормат-ака. Раис увидел Гюльчехру и остановил машину.

— Куда путь держишь?

— Я просто так... гуляю,— голос ее задрожал.

Раис открыл дверцу, выбрался из машины.

— Все ли у тебя в порядке? Что-то вид у тебя такой... Ты не больна?

Девушка не выдержала, заплакала. Нормат-ака положил ей руку на плечо и сказал:

— Я понимаю, почему ты плачешь. Не надо. Твоя покойная мать была очень хорошим человеком, но смерть никого не щадит. Завтра мы приведем в порядок ее могилу. Ты, наверно, увидела надгробную плиту, что мы заказали...

Гюльчехра ничего не ответила.

— Или Зумрад-апа тебя обижают? — задал раис новый вопрос.

— Нет,— выдавила из себя девушка.— Зумрад-апа очень хорошая...

— Вот видишь! — обрадовался раис.— Ганишер не приведет в дом плохого человека. Ну, успокойся, не к лицу тебе плакать. Ты ведь у нас архитектор, начальник, а плачешь как ребенок. А ну-ка посмотри на меня!

Гюльчехра вытерла слезы, перестала всхлипывать.

— Ну вот так-то лучше. Садись, подвезу до кишлака.

Девушка покачала головой:

— Спасибо, я пойду пешком.

— Ну ладно, как хочешь...

Раис сел в машину и уехал... А Гюльчехра, глядя себе под ноги, тихо пошла вдоль канала.

Вечером Алишер принес ей с почты телеграмму. Ректор вызывал Гюльчехру в Ташкент.

Никто в институте не знал, что творится в глубине души у этого способного, трудолюбивого студента. Дипломную работу он защитил на «отлично». Его похвалил заведующий кафедрой профессор Марков.

Поговаривали, что ему будет предложено остаться в аспирантуре.

По-прежнему Абдулла так и не мог ни на что решиться. Но все же временами он еще пытался рассуждать логически. Если он женится на Гюльчехре, то в Ташкенте им будет делать нечего. Он ничего не достигнет в Ташкенте, потому что Турсунали-ака не даст ему там хода. Что перед ним Абдулла? Соринка! Академик дунет — и Абдулла полетит в сторону. Они будут жить в Ленинграде, конечно, если его оставят в аспирантуре. Здесь он защитит и кандидатскую диссертацию.

Но что скажут на это его родители? Ведь они ждут его в Ташкенте, ждут не дождутся. И согласится ли Гюльчехра поехать в Ленинград? Хотя работа там для нее отыщется, архитекторы везде нужны...

Удивительно, чем больше думал Абдулла о Гюльчехре, тем больше нравилась ему Саяра. Ведь она была рядом, веселая, милая, озорная...

В тот вечер ему стало совсем невмоготу. За окном шумел дождь. Абдулла взял плащ и спустился вниз. Сначала он направился в сторону Мойки, а потом неизвестно как очутился на Литейном проспекте. Людей было много, почти все шли под зонтиками. Каких только зонтов не было — большие, маленькие, белые, красные, желтые, черные... Абдулла остановился, вытер мокрое лицо платком. И, задрав голову, посмотрел вверх, в черное небо. Когда только кончится этот дождь...

— Что, Аду, звезды считаешь? — спросил кто-то рядом.

Перед ним стоял его однокурсник Виктор в длинном плаще с капюшоном. Виктор был старше Абдуллы года на четыре, пришел в институт из армии.

— А ты что здесь делаешь в такую погоду? — удивился Абдулла.

— Навещал жену. Она лежит в больнице.

— А что с ней?

— Аборт сделала, дурочка, — сокрушенно сказал Виктор.

— Аборт?

— Она думает, нам достаточно одной Светки. Светка — это наша дочь. Ей уже три года, славная девчушка. Так вот, жена до вчерашнего дня ходила как ни в чем не бывало, не было у нас об этом никаких разговоров. А сегодня прихожу из библиотеки, на кухне под чайником письмо. Мол, прости, Витенька. Я пошла в больницу. Через три дня выйду...

Через три дня? — переспросил Абдулла.

— Да, через три дня, мол, выйду, если хочешь, можешь навестить. Я бросился со всех ног... Не повезло, Аду. Опоздал.

— А она здорова? Когда выйдет?

— Здорова. Полежит еще завтра и послезавтра, а потом выпишут.

— Значит, там долго не держат? — взволнованно спросил Абдулла.

— А что?

— Нет, нет, ничего!.. Что теперь будешь делать?

— А что теперь сделаешь? Светку я у соседей оставил, надо скорей забрать. Надоела им небось. Что случилось, то случилось. — Виктор вздохнул. — Ладно, до свидания.

— До свидания.

Абдулла, широко улыбаясь, смотрел вслед Виктору, но не видел его. Выход найден! Он сейчас же напишет письмо Гюльчехре. Нет, даст телеграмму. Ведь это же, оказывается, просто. Всего три дня! Да пусть хоть неделю. Неужели Гюльчехра не сможет этого устроить? Не такая уж она маленькая.

Поблизости нигде не было видно почты. Но Абдуллу это не обескуражило. Он бодро зашагал в сторону гостиницы «Ленинград», там почта работала круглые сутки. Надо составить телеграмму так, чтобы было понятно только Гюльчехре. Он немного подумал и написал на бланке: «Если обратишься нужное учреждение все будет порядке Приветом Абдулла».

Он заплатил за телеграмму и вышел из гостиницы. У него словно гора с плеч упала.

Без сомнения, Гюльчехра тоже размышляла об этой возможности, о «нужном учреждении». Конечно, рано ей заводить ребенка, рано... Вот почему они никогда об этом и не говорили, им это просто в голову не приходило. Надо сначала встать на ноги, а уж потом думать о детях.

Разумеется, аборт — очень неприятная вещь, очень. Больно, наверно, и вообще... ужасно. Вряд ли после этого ему захочется близости с Гюльчехрой... Как нескладно все у них получилось! Конечно, теперь о женитьбе не может быть и речи. Гюльчехра будет переживать, она будет мучиться, но что поделаешь? Он думал, что любит ее, и ошибся. А кто не ошибается? Бывает, люди разводятся после десяти — пятнадцати лет совместной жизни. Разве он виноват в том, что полюбил Саяру? Сердцу не прика-

жешь, нет. Недаром люди говорят, что первая любовь счастливой не бывает. Гюльчехра должна это понять.

Абдулла дошел уже почти до самого общежития и вдруг остановил такси. Он поехал обратно, в гостиницу «Ленинград», и отбил еще одну телеграмму. В Ташкент, отцу. «Воля ваша Согласен с вами Приветом ваш сын Абдулла».

В Ташкенте Гюльчехра решила остановиться у своей однокурсницы Санобар. Девушка надеялась, что Санобар, эта немногословная, серьезная женщина, хоть и поругает ее, но зато и поможет больше, чем кто-либо, подскажет, как найти врача, принимающего на дому. Санобар вместе с мужем работала в горсовете, жили они в Чиланзаре. Гюльчехра была у них однажды, помнила, что напротив их дома находится большой гастроном, однако точного адреса не знала.

Долго кружила она в такси по Чиланзару, прежде чем обнаружила знакомое здание. Поднялась с чемоданчиком на третий этаж, нажала на кнопку звонка. Вот сейчас выйдет Санобар. Однако никто не открывал. Девушка еще раз позвонила — с тем же результатом.

Вдруг открылась соседняя дверь, и на лестничную клетку вышла девушка в синей форме стюардессы, с сумкой Аэрофлота через плечо. В маленьких ушах ее поблескивали клипсы в виде листочков.

— Вам кого? — спросила она, улыбаясь и показывая свои ровные белые зубки.

— Санобар-апа. Санобар Кадырову, — ответила Гюльчехра.

— А кем вы ей приходитеесь? — неожиданно прозвучал вопрос.

— Я ее знакомая, мы вместе учимся. Я приехала из Коканда. Так дома ли Санобар?

— Ах вот как, так вы и есть тот самый архитектор из Коканда? Ведь вы победили на конкурсе? — продолжала спрашивать девушка, не переставая улыбаться.

— Да.

— Санобар-апа много о вас рассказывала. Значит, вы раньше бывали здесь, как же я до этого ни разу вас не видела... Я тоже хочу поступить в ваш институт, стать ар-

хитектором. Мне так нравятся красивые дома... Скажите, а вы знакомы с академиком Сагдулаевым?

Гюльчехра отрицательно покачала головой.

— Я однажды была у него, — продолжала девушка. — Двухэтажный дом. На первом этаже зал, кухня, столовая. На втором этаже спальня, тут же рядом большая ванная... И все внутри — это, кажется, называется интерьером — до чего чудесно!.. Зайдешь — и не хочется уходить. Давайте знакомиться. Тамара. Я пока работаю в Аэрофлоте. На всесоюзной линии.

Гюльчехра пожала ей руку и тихонько напомнила:

— Так вы не сказали, где Санобар...

— А они уехали, — спокойно ответила стюардесса. — На Иссык-Куль. Всей семьей.

— Давно?

— Да неделю назад. А вернутся они дней через десять. Вам очень нужна Санобар?

Гюльчехра вместо ответа подняла свой чемодан.

— Ах, так вы хотели пожить у нее? Остановитесь у меня, — радушно проговорила девушка. — Я ведь одна живу. Пожалуйста, располагайтесь, пока они не возвратятся.

— Спасибо, спасибо, — промолвила Гюльчехра и направилась по лестнице вниз.

Стюардесса пошла за ней следом. Словно сквозь сон слышала Гюльчехра ее голос:

— Вы ведь с дороги. Хоть бы посидели немного у меня, отдохнули...

Они вышли на улицу.

— А у вас есть куда пойти? — спросила стюардесса.

Гюльчехра кивнула.

— Ну, в таком случае до свидания. Вон мой автобус подъехал. Может, нам по пути?

— Большое вам спасибо, — сказала Гюльчехра. — Вы не беспокойтесь, пожалуйста, я такси здесь подожду...

— Если не найдете, где остановиться, приходите ко мне! — крикнула стюардесса с подножки автобуса. — Я к вечеру вернусь!

Гюльчехра помахала ей рукой и, когда автобус скрылся за поворотом улицы, устало опустила на свой чемодан. Куда она теперь пойдет? В институт — уже поздно, а без предупреждения нагрянуть с чемоданом к какой-нибудь знакомой студентке со своего курса вроде и неловко.

Значит, остается только к бабушке Абсутай. Но это не так уж и плохо. Она веселая, гостеприимная. Только вряд

ли она сможет помочь в таком деле... Еще в первый приезд в Ташкент Касымджан предложил ей устроиться у этой старухи. Гюльчехра согласилась с благодарностью, она не считала для себя удобным жить одной в гостинице.

Дом Абсутай был на Лабзаке. Большой двор. Несколько комнат. Раньше она жила с сыном. Потом он вместе с женой уехал на строительство газопровода Бухара — Урал, и старуха осталась со своим внуком Зубайдой, который учился вместе с Касымджаном.

Гюльчехра остановила свободное такси и поехала на Лабзак. Уже стемнело, когда она зашла в ворота Абсутай. Старуха сидела посреди двора на супе и стегала ватное одеяло.

— Как поживаете, бабушка Абсутай? Как ваше здоровье? — спросила девушка.

— Да что может со мной случиться, дочка, слава аллаху, пока здорова. Вот скучно только. Не привыкла я одна. Ты садись посиди, сейчас я чай заварю.

— Куда ушел Зубайда?

— На практике, вместе уехали с Касымджаном. Садись, дочка, я сейчас!

И Абсутай засемила к очагу. Гюльчехра в душе даже обрадовалась тому, что молодых людей не было сейчас в Ташкенте. Ей теперь не до развлечений.

Вскоре бабушка Абсутай пригласила ее к столу.

— Надолго ли приехала?

Гюльчехра не знала, что ответить. И в самом деле, на сколько времени она приехала? Это, наверно, будет зависеть от врача...

— Поживу, пока не закончу дела. Может, неделю или две.

— Хорошо, дочка, хорошо. К этому времени и ребята подъедут. А теперь так. Ты тут посиди, попей чаю, а я быстренько приготовлю парамач. Я сегодня на базаре была, хорошее мясо купила.

Они долго разговаривали о том, о сем после ужина. И вот в какой-то момент Гюльчехра не выдержала: она посмотрела с болью на ласковую, предупредительную бабушку Абсутай и расплакалась. А потом раскрылась, поведала ей все, что лежало на сердце. Как могла старалась Абсутай успокоить девушку, хоть немного приободрить ее. А под конец сказала:

— У меня есть одна дальняя родственница, хороший человек, врач. Я завтра к ней схожу, посоветуемся. Только ты не плачь, не плачь, милая, мы что-нибудь придумаем.

Гюльчехра уснула в слезах.

Утром после завтрака Абсутай проводила девушку до ворот.

— Ты теперь не думай об этом негодном парне, — сказала старуха. — Он не человек. Если бы был человеком, разве бросил бы тебя? Не думай о нем.

Гюльчехра пообещала. Но как она могла о нем не думать?..

Возле трамвайной остановки кто-то взял ее под локоть:

— Что случилось, дочь моя, почему плачете?

Гюльчехра подняла голову. Слова участия произнес высокий седобородый аксакал. Он всматривался в нее добрыми близорукими глазами.

— Или кто обидел вас?

— Нет, — промолвила девушка. Она не знала, куда деваться от стыда, от смущения.

— Возьмите себя в руки, — произнес аксакал. — Я потому так говорю, что вижу: вы девушка волевая. Да, не спорьте...

Подошел, погромыхая, трамвай. Гюльчехра поспешила подняться в вагон.

В институте ее принял сам ректор.

— Проходите, проходите, товарищ Саидова, — проговорил он, выходя навстречу Гюльчехре. — А мы ожидаем от вас телеграммы. Где вы остановились?

— У своих знакомых, — ответила девушка и, подчиняясь знаку ректора, опустила в кресло.

— Это недалеко?

— Нет, прямо здесь, на Лабзаке.

— Ну что же... Если желаете, мы предоставим вам место в гостинице.

— Нет, спасибо. Мне там хорошо... Я всегда там останавливаюсь, когда приезжаю в Ташкент.

— Прекрасно. Гюльчехра, прежде всего я поздравляю вас с наградой. Ваша работа всем нам по душе. Конечно, есть в проекте отдельные, частные недостатки. Но это и в самом деле частности, мы потом об этом поговорим. Замечания в основном по интерьеру. Что же касается внешнего вида, то ваше кафе очень удачно komponуется с новой гостиницей. Строители предлагают возводить оба здания одновременно. Но ведь гостиница-то почти уже готова. Хотите посмотреть?

— Было бы неплохо.

— Хорошо. Я сам вас отвезу.

Ректор нажал на кнопку в углу стола, и в комнату вошла секретарша.

— Послезавтра в двенадцать собрание. Будут вручаться премии победителям конкурса...

Гюльчехра никак не ожидала, что все будет именно так. Она ехала в машине с ректором и как будто даже отвлеклась от своих волнений и тревог.

Через полчаса они подъехали к будущему студенческому городку. Строительство здесь велось ускоренными темпами. Куда ни глянь, везде подъемные краны, самосвалы...

— Вы посмотрите только, — с гордостью произнес ректор. — Через два-три года здесь все преобразится, все будет прекрасно, как сама молодость! И что примечательно, проекты многих зданий создали молодые архитекторы. Вот взгляните, уже можно себе представить, каким будет этот Дворец культуры. Его строят по проекту нашего аспиранта. Вам нравится?

— Очень даже!

— А вот это гостиница «Ешлик». Мы приехали.

Машина остановилась. Ректор вышел и протянул руку Гюльчехре.

— Но ведь здание уже готово, — с удивлением сказала девушка.

— Еще много работы. Однако к концу года обещают сдать.

Они вышли на широкую строительную площадку. Старик сторож двинулся навстречу гостям.

— Здравствуйте, Сулейман-ата! — любезно поздоровался с ним ректор. — Как ваши дела? Вот познакомьтесь с нашим молодым архитектором. Гюльчехра Саидова.

— Очень хорошо, очень хорошо! — старик оглядел девушку с головы до ног. — Говорите, архитектор?

— Ну да! — рассмеялся ректор.

Гюльчехра смутилась, опустила голову.

— Глядите-ка, оказывается, и из девушек выходят архитекторы.

— Да еще какие! А ну-ка, отец, показывайте свое хозяйство! Пойдемте!

Вечером бабушка Абсутай встретила уставшую Гюльчехру словами:

— Была я у своей родственницы. Она обещала помочь. Только она сначала хотела с тобой поговорить. Пойдем

к ней в начале будущей недели. Она сказала, чтобы ты не волновалась, все будет в порядке...

И Абсутай обняла девушку, погладила ее вздрагивающие плечи.

В тот день, когда вручались премии и награды, институтский зал был переполнен. Гюльчехру усадили в президиум. Было много всяких речей. Председатель жюри Захидов поздравил ее и вручил премию. Потом выступил ректор.

— Я очень рад, — сказал он, — что победительницей оказалась наша студентка. Вижу, что эту радость разделяет весь наш коллектив. Я от души желаю Гюльчехре новых успехов.

Гюльчехра вышла из института ошеломленная, у нее кружилась голова. «Я недостойна таких похвал, — думала девушка. — Надо будет обязательно посоветоваться с преподавателями насчет типовых построек в Мингбулаке. Как все-таки избежать однообразия?»

— Можно бы и отметить премию! — услышала она чей-то голос.

Группа третьекурсников окружила ее:

— Поздравляем, поздравляем!

— Спасибо! — Гюльчехра пожала всем руки. — Я готова. Можем сейчас и отметить.

— Отлично! Тогда — в ресторан «Бахор»! — крикнул вихрастый молодой парень.

— Нет, нет! — возразили ему. — Пусть сначала построят кафе. Вот когда мы увидим его в металле, стекле и камне, тогда Гюльчехра-апа устроит нам хорошее угощение!

— Согласна! — Гюльчехра улыбнулась. — Мы непременно так и сделаем.

Студенты весело попрощались и ушли. Гюльчехре еще рано было возвращаться домой, и она направилась в сторону Урды. В самом деле, что она будет делать с премией? Девушка открыла сумочку и потрогала конверт с деньгами. «Да, большая сумма. Отправить домой, отцу? Или же купить подарков? Тут на все хватит», — решила она.

Следующие два дня Гюльчехра почти целиком посвятила хождению по магазинам, покупкам. Позаботилась она и о бабушке Абсутай: преподнесла ей голубой шерстяной отрез на платье. Старуха растрогалась, даже молитву прочитала. Конечно, Гюльчехра и себе купила кое-что из одежды. Еще в прошлый свой приезд в Ташкент она мечтала приобрести белые индийские туфельки. Не нашла она

их и теперь. Однако продавщица отдела обуви в ЦУМе посоветовала ей зайти послезавтра, туфельки привезут чешские, но они ничуть не хуже индийских.

В тот же день Гюльчехра решила поехать в строящийся студенческий городок. Девушку тянуло туда, ведь там будет стоять ее здание!

Старик сторож обрадовался Гюльчехре, угостил ее большим ломтем дыни хандалаки. Девушка походила немного по строительной площадке, а потом поднялась на пятый этаж гостиницы.

— Будь осторожна, дочка! — крикнул ей снизу Сулейман-ата. — Далек ли до греха, здание еще не закончено!

Гюльчехра не послушалась его, вышла на балкон, еще не огражденный перилами, и прислонилась к дверному косяку.

Город был перед нею, рядом с нею.

Сквозь изумрудную листву громадных чинар и тополей просвечивали белые и красные крыши домов. Вдалеке вырисовывались контуры гор. Вершины их отливали серебром на солнце. Легкий ветерок шевелил пряди волос, оведал лицо, шею.

«А что, если крышу кафе превратить в веранду? — вдруг подумала Гюльчехра. — Нет, к сожалению, придется во многом изменить проект... Стоит все-таки попробовать — вчерне». Девушка спустилась вниз.

— Ну как, нравится? — спросил Сулейман-ата.

— Что и говорить... И воздух такой хороший, так легко дышится.

— Э, дочка, здесь будет рай, да и только. Ну да тебе лучше знать, как здесь будет, — сказал старик.

Гюльчехре было пора домой, на Лабзак. Когда она добралась до Хадры, вдруг вспомнила о чешских туфельках в ЦУМе. Трамвай довез ее до театра Навои.

Народу в магазине было много, однако продавщица, увидев Гюльчехру, поманила ее к себе:

— Вот, можете примерить.

Гюльчехра села на стул рядом с прилавком. Туфельки и в самом деле оказались очень красивые: аккуратно скроенные, белые, по началу подъема — тоненькая золотая цепочка, и каблук не слишком высокий, удобный.

Девушка примерила их — подошли на диво!

— Большое вам спасибо, — сказала она продавщице.

Та в один миг вложила туфельки в коробку и выписала чек.

— Поздравляю с удачной покупкой, — произнес кто-то сзади.

Девушка обернулась и увидела Шаходат-холу. И сразу словно туман поплыл перед глазами Гюльчехры.

— А я давно за тобой наблюдаю, думаю: Гюльчехра это или нет? Ну, как поживаешь, как домашние? Все ли в порядке? Когда приехала?

— Я здесь уже четыре дня, — девушка сама не узнала своего голоса. — Меня вызвали в институт.

— Ну разве так можно, милая? Уж сколько прошло времени, а ты даже к нам не заглянула!

— Загляну. Как ваше здоровье? — спросила девушка. А глаза помимо ее воли отметили поразительное сходство в выражении лица Шаходат-холы и Абдуллы. — Как поживает Гафурджан-ака?

— Слава аллаху. Сейчас ему немного лучше. Мы, старики, сейчас живем предстоящей свадьбой...

— Свадьбой?!

— Решили поженить нашего Абдуллу.

Гюльчехра была вынуждена облокотиться о прилавок.

— Он учится вместе с ней, — продолжала Шаходат-хола. — Она славная девушка. Знаешь, кто у нее отец? Академик Курбанов. Ты, наверно, о нем слышала. Так вот. Наверно, в июне и соберемся. Все уже слажено...

— Поздрав... Поздравляю, — у Гюльчехры было впечатление, будто кто-то другой говорит за нее. — Пусть будут счастливы... — Она собрала все свои силы и выпрямилась. — Пусть будут счастливы...

У нее совершенно выпало из памяти, как она простилась с Шаходат-хойлой, как вышла из магазина, как пришла на Лабзак. Она что-то проговорила Абсутай, которая суежилась во дворе, поднялась в дом, в свою комнату, и легла на кровать.

Через некоторое время бабушка Абсутай заглянула к девушке. Гюльчехра посмотрела на нее ничего не выражающими, безразличными сухими глазами.

— Что случилось, дочь моя?! — спросила старуха.

Гюльчехра не ответила. Так она пролежала до самого вечера. А потом вдруг поднялась с постели, вынула из корбки белые туфельки, надела их и вышла во двор.

— Куда ты в такую пору, доченька? — забеспокоилась бабушка Абсутай.

— Я прогуляюсь немного, у меня голова болит, — сказала Гюльчехра и направилась к воротам.

— Не задерживайся, поздно ведь уже! — крикнула ей вслед Абсутай.

Девушка шла пешком до самой Урды. «Хорошие я купила себе туфли,— подумала она у поворота.— Совсем новые, а не жмут, мягкие, легкие, красивые...»

Подошел трамвай. Двери его открылись, как бы приглашая Гюльчехру войти. Безотчетно взялась она за поручень, поднялась на подножку, вошла в полупустой вагон. Трамвай тронулся, рывками набирая скорость.

Девушка села у окна. Огни рекламы, бесчисленные фонари, подобно ханатласу, переливались, горели на широкой улице.

Гюльчехра долго кружила по городу. Сошли последние пассажиры, она осталась одна... вагон был без кондуктора. Это не испугало девушку, она казалась очень спокойной.

Дзинь-дзинь!.. Трамвай остановился. Гюльчехра сидела, по-прежнему не отрывая глаз от окна.

— Девушка, вы где выходите?

Гюльчехра подняла голову. Перед ней стоял вагоновожатый.

— А мы куда приехали?

— К студенческому городку.

— Я здесь выйду.

Гюльчехра торопливо поднялась с места.

— Вот диво,— тихо проговорил ей вслед вагоновожатый.— Бывают же странные люди на свете.

Она напрямик направилась к гостинице «Ешлик» и вскоре очутилась на строительной площадке. Как раз в это время сторож Сулейман-ата выглянул из своей будки.

— Кто там? — крикнул старик.

— Это я, Гюльчехра,— ответила девушка.

— Что, дочь моя, не спится? — сразу узнал ее старик.

— Скучно мне стало... Вышла погулять, прошлась немного по улицам. Сулейман-ата, как вы думаете, понравится мое здание людям?

Гюльчехра теперь явно волновалась, нервничала. Голос у нее был такой... Сулейман-ата попробовал ее успокоить:

— Дочь моя, еще как понравится! Гостиница будет самым красивым зданием в городе! О аллах, сделай так, чтобы век твой, доченька, был долгим!

— Спасибо, ата.

— Да, ты уж можешь мне поверить. Сулейман-ата не врет. Люди будут хорошо о тебе думать. Это уж точно. Твое кафе будет местом радости, отрады.

— Да сбудутся ваши слова, ата.

Девушка призадумалась. А Сулейман-ата какими-то новыми глазами посмотрел на здание гостиницы, и показалось ему, что оно похоже на громадную птицу, распростершую широкие крылья. Старик даже удивился вслух:

— Ты погляди только, гостиница-то словно полететь собирается!..

Молодая женщина не ответила. Она постояла еще в раздумье, а потом исчезла в темноте. Сулейман-ата немного подумал, окликнул ее раза два и пошел к себе в будку. Старик снова захотел чаю.

А Гюльчехра, чуть слышно постукивая каблучками по ступенькам, осторожно поднялась на пятый этаж темного здания. Как и утром, вышла она на балкон, еще не огражденный перилами, прислонилась плечом к стене.

Лунный был вечер над Ташкентом, светлый. Легкий, прохладный ветерок поправил прядку волос на виске девушки. В отдалении листья громадных чинар и тополей блестя, словно великое множество серебряных монет.

Вдруг луна поплыла, замелькала в заблудившемся дырявом облаке, подгоняемом ветерком. Гюльчехра пристально смотрела на луну, всем своим существом ощущая ее плавное стремительное движение. Она даже подалась немного вперед, и какое-то мгновение она и луна словно бы плыли вместе. Но тут Гюльчехра вспомнила, что находится на балконе, и резко отпрянула назад. Она отвела назад и обе руки, чтобы опереться о спасительную стену. Но ее не было. Гюльчехра забыла, что она стояла боком к стене!

«Мама!» — хотела крикнуть она, но крик застрял в ее горле. Она уже падала.

Касымджан и Зубайда вернулись в Ташкент с практики через три дня. Когда бабушка Абсутай поведала им о смерти Гюльчехры, они онемели от ужаса.

— Ее позвала за собой мать, ее мать!.. — причитала старуха. — А во всем виноват этот парень! Этот проклятый Абдулла!

Касымджан сразу же отправился на вокзал. Вечером он уже был в Мингбулаке. У ворот дома Гюльчехры толпился народ, слышался женский плач.

Касымджан подошел к Самаду, еще издали увидевшему его.

— Когда похоронили?
— Вчера, — ответил Самад, не поднимая глаз.
— Как чувствует себя Ганишер-ака?
— Не спрашивай, — прозвучал ответ. — Со вчерашнего дня он ничего не сознает. Мы уложили его в доме Нормата-ака. Врача вызвали.

— Абдулла знает? — спросил Касымджан.

— Да...

— Кто сообщил?

— Нигяра. Она на почте работает.

— Откуда она взяла его адрес?

— Гюльчехра ходила на почту, получала от него письма... Ну-ка давай отойдем в сторонку.

Они перешли через мостик и сели на берегу канала.

— Вот что не пришлось увидеть Гюльчехре, — сказал Самад и протянул товарищу последнюю телеграмму Абдуллы.

— От кого это?

— От кого еще может быть?..

Касымджан прочитал телеграмму. Пальцы его сами собой сжались в кулаки.

— Да его убить мало... Мерзавец! А мы еще ему завидовали... Да... Ученым стать можно, человеком стать нелегко...

Они долго сидели молча.

В это время Абдулла подъезжал к Мингбулаку на попутной машине. Он сидел в кузове, его трясло. Впрочем, его трясло и в самолете, на всем пути от Ленинграда до Ташкента, и в поезде — от Ташкента до Коканда. Никак не мог он унять дрожь, которая охватила его, когда он прочитал телеграмму Нигяры. В телеграмме было написано, что Гюльчехра умерла. Как, что, почему — не сообщалось. Но Абдулла знал, твердо знал, что именно он виноват в ее смерти.

На всем пути следования, куда бы он ни смотрел, перед ним стояла Гюльчехра, глядя на него своими черными глазами. Ее лицо было так близко от его лица, руки ее с тонкими красивыми пальцами разве что его не касались...

Он подошел к знакомым воротам на окраине кишлака. Не заперто! Во дворе никого не было. Абдулла поднялся на веранду.

— Бабушка! — позвал он тихо.

Никто не отвечал.

— Дядя!

Никакого ответа.

Вдруг со скрипом отворилась дверь внутри дома. Абдулла вздрогнул. К нему вышел, протирая заспанные глаза, его маленький брат:

— Это вы? Здравствуйте...

— Где все домашние? — спросил Абдулла, обнимая ребенка.

— Они в доме у Ганишера-ака. Умерла его дочь.

— Как это случилось?

— Она упала с высокого дома. Этот дом она сама построила в Ташкенте. И разбилась.

Абдулла опустил голову.

— Бабушка проклинала вас, — сообщил мальчик таинственным тоном. — И мой отец вас ругал. Бабушка сказала, что у нее больше нет внука. Что вы такого натворили, Абдулла-ака?

Абдулла не ответил. Он медленно спустился с веранды и, спотыкаясь, пошел к воротам. Сквозь слезы, застилавшие глаза, он почти ничего не видел.

ПУСТЫНЯ

Недавно приводил я в порядок старые бумаги и нечаянно наткнулся на забытую фотографию. Увидел стариковское утомленное лицо, худое и в морщинах, отсутствующий взгляд, взгляделся — и вспомнил этого человека...

Шесть лет назад я возвращался домой из-за границы, побывал как журналист в одной из стран Ближнего Востока. В небольшом портовом городке на берегу Средиземного моря мне пришлось задержаться на сутки: пароход в Одессу уходил лишь на следующий день. Я устроился в гостинице, принял душ, позавтракал, отдохнул — больше в номере делать было нечего.

Хотя час стоял полуденный и на улице было жарко, я вышел из гостиницы — пройтись по незнакомому городу.

Небо было чистое и блеклое, воздух прозрачен, и полудневная улица казалась если и не вымершей, то погруженной в какой-то колдовской сон. Впрочем, может быть, я и ошибался, — вдруг в этом городке всегда так тихо и сонно, и никакого колдовства нет, а просто городок и его жители чувствовали себя частью этого мира, этого сонного дня, неподвижного солнца, нагоняющего дремоту неба и жаркого воздуха, пустого и неподвижного... Может быть...

У дверей гостиницы сонно склонил голову чистильщик сапог.

На мостовой тележка — род такси: крохотный черный ослик запряжен, деревянный кузов украшен резьбой, на козлах тощий старик в залатанном халате машинально перебирает четки, но и в монотонном этом движении нет течения времени, а лишь неподвижность и сон...

Направо от гостиницы — низенький плоский домик, сладко похрапывает на полу веранды волосатый толстяк. Здесь же, у веранды, стойчески ждет покупателей мальчуган в длинной, по колено, рубашке и, видать, без штанов — в руках у него, нанизанные на бечеву, отливают красным рыбешки...

Тихо...

Но тут с моря потянуло вдруг ветерком, до меня долетел пряный запах какой-то снеди — и разбудил меня. Наверное, несколько минут я достойно дополнял мирную картину сонной улочки...

Я отправился побродить, посмотреть порт и город.

Тихим и малолюдным показался мне этот городок, и все в нем противоречило шумному понятию «порт» и привычной для нас переменчивости: прибытие — убытие, прилив — отлив толпы, гомон, свистки...

Пустынные улочки тихо убаюкивали извивами и меж тем ползли в гору, — я и не заметил, как поднялся довольно высоко над морем и портом — здесь кончался город. Еще несколько шагов — и я понял, что нахожусь у цели своего путешествия; ведь, наверное, не просто так ноги принесли меня сюда: неуклюжая каменная глыба вздымалась над землей, издали — лишь слегка наклонившаяся, поближе — нависшая, а вблизи — уже и угрожающая, будто тигр, который вот-вот бросится на вас, но пока лишь рычит, показывая страшные клыки.

Два туриста, как будто немцы, светловолосые, с загорелыми лицами, в шортах, фотографировали каменную глыбу. С площадки открывался вид на город и море; я опустил на скамеечку и закурил.

Безмятежная водная гладь сливалась где-то у горизонта с голубым небом и нет-нет сверкала золотом под набежавшим ветерком. Я не помню, сколько времени я просидел здесь, любуясь простором воды и неба, живой игрой солнечных бликов и ощущая себя причастным к этому сверкающему дню, счастливым и вольным... Как вдруг моего слуха коснулся тонкий и протяжный звук, будто прилетевший из голубого с золотом царства, дремлющего передо мной... Еще, еще — но это же най, камышовая свирель, совсем как у нас в Узбекистане! Я прислушивался, я ждал со счастливой уверенностью: вот-вот опять сейчас заиграют... И правда — невидимый най зазвучал опять, и голос его теперь слышался близко. Мелодия вначале была грустной, даже печальной, потом оживилась и вдруг рассыпалась радостными трелями, зазвенела, как весенний ручей.

И я увидел цветущие долины родного Узбекистана, увидел пушистых ягнят в ароматных травах — радостно звенели их колокольчики, увидел горные кряжи, и пропасти, и вершины в вечном снегу, и наконец, мне откры-

лась прекрасная картина южной ночи — бездонное черное небо с золотой россыпью звезд...

Я побывал в разных странах и не однажды восхищался их музыкой, но подобной игры мне слышать не приходилось — да и кто не у нас, не дома, мог с таким искусством владеть наем?

И оборвалась радостная, сверкающая мелодия, полилась тихая, грустная — точно горькая жалоба, точно прощание с людьми и с жизнью, — безутешно плакала тростниковая дудочка... И опять запел най, взяв тоном выше, — дрожь прошла у меня по спине...

— Хорошо играет, да? — это у меня вдруг спросили, на родном моем языке, на узбекском.

Я обернулся — увидел седого незнакомого старика, чуть косо поставленные глаза разглядел, щеки смуглые, широкие брови, слитые над переносицей и, как волосы, начавшие седеть. «Вы узбек?» — бился во мне вопрос, но прямо спросить незнакомца показалось мне неприличным, и я поднялся со скамьи и ответил только:

— Хорошо...

Мы поздоровались.

— Да, а я вот каждый день сюда прихожу, игру ее послушать... — Старик жестом пригласил меня сесть.

— «Ее»? Это женщина играет?..

— Да... одна женщина несчастная... — старик вздохнул и опустил голову. — В молодые годы была красавица... Ну, а теперь состарилась, живет в бедности, чуть ли не нищая и никому не нужная...

— Вы... с ней знакомы?

— Как же, конечно, она ведь тоже узбечка, из Самарканда... Бог знает когда, в юности, бежала за границу с каким-то байским сыном, тот, года не прошло, умер, вот из нее чужбина-то жилы и вытянула... Ни здоровья, ни красоты... а когда ослепла... это при мне уже было, недавно, так еще будто и рассудком помutilась, говорят...

— Но как же она играет?.. А нельзя ли ее повидать?

— Отчего же... Пойдемте.

Старуху мы нашли на соседней улочке — она сидела, скрестив ноги, на убогой веранде с покривившимися столбами. Лоб и глаза закрыты ветхим кисейным платком, на плечах обтрепанная рубаха... Легонько раскачиваясь, старуха что-то шептала. Най лежал рядом...

Мой новый знакомый наклонился к ее уху.

— Да умножится ваше потомство! — громко поздоровался он. — Пришли проведать вас...

Старуха покачала головой, погладила металлическое блюдце у себя на коленях и ничего не сказала.

— Плохо слышит... — объяснил мой знакомый.

Я достал из кармана несколько монет и положил на блюдце.

Старуха протянула к блюдцу руки, на ощупь сосчитала монеты, продолжая что-то шептать, потом коричневые морщинистые щеки ее дрогнули и губы растянулись в улыбке.

— Салам алейкум, бабушка! — поздоровался я.

— Ваалейкум ассалам! — ответила наконец старуха, спрятала монеты где-то на поясе, погладила блюдце и обратила лицо ко мне: — Кто ты, сынок?

— Я проезжий, возвращаюсь на родину...

— Да-да, тут много проезжих, много вас, странников. На этом свете все мы странники, и Мухаммед, пророк аллаха нашего всемогущего, странствовал, все мы в руке господней, все странники. — Она пробормотала еще что-то, потом, тихонько раскачиваясь, затянула вполголоса песню-плач.

Старик тронул меня за руку, я обернулся и увидел слезы у него на глазах. Мы тихонько ушли. Звук свирели, тонкий и жалобный, долго провожал нас.

На берегу моря мы остановились. Старик взглянул мне в лицо и вдруг сказал:

— Простите, я вижу, что огорчил вас.

— Не каждый день приходится встречать... вот так... земляка...

— Если вы не против, давайте выпьем по чашечке кофе, здесь в гостинице умеют приготовить...

Я согласился в надежде, что разговор со стариком поможет стряхнуть подобравшуюся тоску, однако мне суждено было сегодня услышать рассказ еще более грустный...

Мы добрались до гостиницы, устроились за столиком, выпили по чашечке чудесного кофе — и на душе у меня стало поспокойнее. Старик тоже как будто повеселел.

— Откуда вы, из каких мест родом? — спросил он приветливо.

Я назвал родной кишлак.

— Слышал, как же, да побывать не пришлось... Я, как видите, тоже узбек... Только вот уже сорок лет почти не видел родины... И не судьба уж, наверное...

Старик опустил голову, задумался: я не хотел мешать ему... Чем-то он был похож сейчас на давешнюю старуху, что-то близкое в выражении лица почудилось мне...

Я попросил принести еще кофе. Старик поднял голову:
— Хотите послушать мою историю?
— Хочу, — сказал я.

II

— Родился я в кишлаке Чалыш. Это под Хорезмом, на берегу Амударьи. Может быть, приходилось бывать в тех местах?.. Ну вот, а когда мне минуло четырнадцать лет, мы всей семьей переселились в Новый Ургенч.

Отец мой считался по тем временам человеком ученым, занимался же торговлей и еще умел лечить. Во дворе у нас вечно сидели несчастные в язвах, струпьях, с нечистыми повязками... Я смотрел на них с отвращением, отец заметил это и сказал так: «У русских есть пословица: от тюрьмы да от сумы не зарекайся. Не считай себя, сын мой, выше этих больных людей, ибо страдания их — от бедности, от нищеты. Многие болезни может побороть знание, но нет лекарства от бедности. Берегись ее...»

Моя мать, любившая отца и всегда помогавшая ему, согласно кивала головой, слушая его наставления. Мама была молодой, моложе отца на двадцать лет; отец — я видел — баловал ее. Она могла не заниматься обычной женской работой, на то были служанки, а мама много читала, знала наизусть древних поэтов; иногда вечерами она, чуть нараспев, читала отцу вслух, и я тоже слушал — и мог слушать ее без конца. Счастливое было время... И еще помню: мама сама пробовала складывать газели, отец в минуту отдыха весело просил ее почитать свое... Семья наша была дружной, и сам я был всему причиной: отец долго хотел иметь сына, но женился поздно, уже под пятьдесят, — мол, только шайтану не на что надеяться! И вскоре родился я, единственное и ненаглядное дитя, и рос, видя в родителях внимание, заботу и любовь...

Но светлое мое детство неожиданно оборвалось. Я запомнил эти дни, ибо переменялось многое: в Хиве свершилась революция, прогнали Джунаид-хана, и провозглашена была Хорезмская народная республика...

Отца я теперь часто видел озабоченным и встревоженным. Мама тоже была невесела и даже сильно похудела, — она вообще была некрепкая здоровьем, наша мама... А рассказывал мне о происшедших событиях и толковал их один русский человек, давний друг нашей семьи, инженер, звали его... звали его... да, Константин Степанович Лойко. Он многому научил меня и необыкновенным

образом повлиял на мою судьбу, поэтому расскажу о нем немного...

Так вот, был он инженер, сосланный в наши края еще в девятьсот двенадцатом году... Помню — высокий, худой, сильно загоревший под нашим солнцем, и кожа на носу облуплена. С отцом они были приятели, и Константин Степанович частенько навещался к нам, сперва в Чалыш, а потом и в Ургенч. Помню его рассказ о том, как отец мой вылечил его, спас от смерти, когда он только приехал к месту ссылки... Может, было еще что, не знаю, но помню, что отзывались они с отцом друг о друге с почтением, и, отправляясь в дальние торговые поездки, отец просил Лойко не забывать нас с матерью, и помочь, и защитить, если потребуется... И я любил Константина Степановича, — он свободно владел узбекским и рассказывал мне о России, о Петрограде и Москве, от него я впервые услышал имена Пушкина и Толстого, узнал о Горьком... Наверное, одним из первых в нашем городе прочитал я с его помощью «Капитанскую дочку»... и до сих пор помню, как хотел быть Гриневым, как мечтал вырвать свою Машу из рук неведомых злодеев... Прочитали мы и «Песню о Буревестнике»... А город Ургенч в это время гудел, как встревоженный улей. Народ, ставший вдруг хозяином земли, хозяином воды, почувствовавший себя хозяином жизни и смерти, — народ толпился на улицах, ибо стены домов не в силах были вместить его радость и гнев... Кого-то проклинали, кого-то славил, благодарил аллаха за избавление от ханской власти, передавали слухи...

В один из этих взбудораженных дней отец вернулся домой сгорбленным и постаревшим, заперся у себя и не выходил до вечера. Вечером приехал Константин Степанович, при новой власти он сделался значительным лицом; они с отцом долго беседовали и, кажется, впервые за все время дружбы поспорили. Я слушал их разговор — так захотел отец.

— Я понимаю, вам нелегко смириться с утратой, — тихо говорил Лойко, глядя в невидящие глаза отца, — но вы из самых образованных людей города, вы должны понять нас: революция — это равная жизнь для всех...

— Прекрасно, но я-то, я-то при чем? — потрясенно спрашивал отец, и мне было жалко и страшно видеть его слабость. — Вся жизнь... Все, что имею, собрано по копейке, ничего, понимаете, ничего не нажито обманом или чужим трудом... Ведь вы же видели сами, правда?.. Посмотрите на моего сына — для него трудился, собирал, чтобы

ему жить по-человечески, чтобы ему не знать бедности! Я — старик, я болен, сколько мне осталось! — но что будет с ним? Я ли не видел нищих, я ли не говорил...

— О Бекджане и о будущем его не беспокойтесь, — утешал Лойко. — Старое богатство ему и не понадобится, он будет учиться — в этом его богатство и счастье... Революция, социализм — это ведь все и для наших детей, для молодых. Скоро вы сами увидите и поймете...

— Не могу, не желаю вас понимать! — крикнул отец и вдруг поднялся, схватившись за сердце, пошатнулся...

Мы с Лойко подхватили его, не дали упасть, усадили в кресло... В лице отца не было ни кровинки, губы побелели...

— Не желаю... — прохрипел отец и закрыл глаза, будто не хотел видеть Лойко.

Константин Степанович поднялся, виновато попросился, вид у него был растерянный, а отец не ответил ему.

Провожая гостя, я спросил:

— Что же именно стряслось, я не понял из разговора.

— Маргеланский банк национализирован, перешел в руки государства, — объяснил Лойко.

Я знал, что в этом банке хранились все деньги отца, и понял одно: мы стали нищими...

Лойко увидел, что мне не по себе, и добавил:

— Ты не тревожься о будущем... Поедешь учиться! Твоему отцу трудно понять революцию — он совсем старик уже, и у вас разные пути... Для будущего твоего не богатство важно, а учеба, знания... — Он еще что-то говорил, но я плохо понимал его, да и не слушал — все мысли мои в эти минуты были об отце.

Так ничего и не ответив гостю и не попросившись с ним, я поспешил к отцу. Он, по-прежнему неподвижный, полулежал в кресле, сжав кулаки и закрыв глаза...

Я подбежал к отцу, взял его за руку — и выронил ее...

— Папа, папочка, папа... — звал я — и не дождался ответа.

Отец не перенес потери всего своего состояния, не выдержало сердце...

...Мама слегла от горя. Помочь, утешить и ободрить нас приехали из нашего кишлака родственники и друзья отца, дни проводили у маминой постели. Но удивительно — слова утешений будто давались им с трудом, зато с охотой рассказывали о собственных несчастьях — и было что послушать. Оказывается, несколько дней назад, ночью, на кишлак напали вооруженные всадники, и будто бы видели

люди у них на шапках красные звезды. Разграбили эти всадники с десятков дворов, немало забрали разного добра, и угнали с собой коров, и увезли несколько молоденьких девушек. И особенно пострадал близкий наш родственник — мой дядя Алибек, брат отца, с детства немой... Его дом остался стоять пустым... Женщины, приехавшие из кишлака, плакали, рассказывая о беде, и дядя тоже беззвучно раскачивался в плаче, хоть и не мог сказать...

Я знал про него, что еще мальчишкой, чем-то сильно напуганный, он лишился речи; отец мой долго пытался вылечить его и, потерпев неудачу, возил брата к знаменитым врачам. Но немота осталась. Дядя все слышал и понимал, мог читать и писать, но говорить ему не было дано.

Отца похоронили, родственники гостили у нас, оставив собственные несчастья, и старались помочь нашей осиротевшей семье; шли дни, но правильно говорят: беда одна не приходит...

На сороковой день после смерти отца, когда собрались в нашем доме родственники и друзья помянуть усопшего, мама моя покинула эту жизнь... И я остался один, осиротевший и в осиротевшем доме.

Родственники мои рассудили, как быть со мной, и решили так: ко мне должен был переехать и жить в нашем доме дядя Алибек.

Но как говорить с немым, как выразить, рассказать ему боль души, как получить ответ, в чем найти утешение?..

С дядей мы встречались за едой — он прекрасно умел готовить, а остальное время надо было чем-то занять... Я был так потрясен смертью родителей, что даже в шумной толпе на улице, среди праздника с песнями и музыкой, чувствовал себя неприкаемым... Я не знал, куда пойти, тосковал и, наконец, нашел какое-то прибежище и покой в чтении книг, оставшихся после отца. Я почти перестал выходить на улицу и, кажется, потерял всякое представление о происходившем в городе, навещал лишь могилы отца и матери. Поднявшись утром и позавтракав с дядей, я забирался в комнату отца и читал, и читал запоем. Дядя Алибек куда-то уходил на весь день, а вечером я читал ему вслух — совсем как недавно мама читала отцу... Дядя слушал и, если нравилось, довольно покряхтывал, если же нет — тихонько валился на бок и мирно засыпал, мой удивительный дядя...

Сколько так времени прошло — не помню, но окончилось это время неожиданно.

Однажды я стоял у могилы отца, и на душе у меня было страшно тоскливо, хоть вой, как бездомная собака. И тут кто-то взял меня за руку. Я обернулся — Лойко! После смерти отца я плохо думал о нем, но сейчас, когда я увидел его доброе худое лицо, жалость к себе сжала мне сердце, и я заплакал, уткнувшись ему в плечо...

В тот же день я уехал с Константином Степановичем в Хиву — он не бросил меня. Подготовившись с его помощью, я сделался учителем — стал работать на курсах ликвидации неграмотности. Хива была тогда столицей молодой советской Хорезмской народной республики. Хива бурлила, увлекала и притягивала, народ начинал строить новую жизнь, что-то разрушалось, что-то воздвигалось, кипели страсти, открывались новые горизонты, и я был захвачен стремительным потоком...

Ах, судьба сыграла со мной злую шутку! Зачем остался я в тихом Ургенче, вдали от страстей, опасностей и забот? Ведь если б я не уехал с Лойко в Хиву, жизнь, может статься, не послала бы мне тех испытаний, не стал бы я одиноким скитальцем в чужом краю, не измучил бы душу в тоске...

Но не дано нам знать наперед, чем обернется завтрашний день, и двигался я по жизни с закрытыми глазами. О, если б прозреть мне раньше, твердо стать ногами на землю, укрепнуть душой!.. Но нет — жизнь вела, несла меня, и я подчинялся ходу событий. Хотя, конечно, этого я не понимал, — я пришел в себя, вернулся наконец к жизни после смерти родителей, будущее манило меня, я строил планы, собирался поехать учиться...

О радужные мечты, необузданные желания молодости, кого не манили вы призраками далеких столиц, и сверканьем звездного неба, и пылью дорог, и шумом амударьинской волны на закате, и загадочной улыбкой девушки!..

О радужные мечты молодости, кого не обманывали вы и кто не предавал вас! Человек — раб судьбы своей... Нет! — скажете вы? Но я, я оказался рабом...

Я уже работал в Хиве на курсах по ликвидации неграмотности, меня считали способным преподавателем, и когда в городе появились комсомольцы и образовался комитет комсомола, я готов был идти с ними.

Однажды на курсах, где я был учителем, объявилась комиссия из какого-то высокого правительственного учреждения. Комиссия проверяла всю работу курсов, и в том числе интересовалась классовым происхождением преподавателей. На мое счастье, в составе комиссии оказался

и Лойко; он, видно, поручился за меня, поэтому мной особенно не интересовались, проверили только, как идет учеба. Когда комиссия закончила работу, председатель пригласил меня к себе. В кабинете находился Лойко. Он заговорщически подмигнул мне.

— Константин Степанович,— начал председатель комиссии,— хорошего мнения о ваших способностях, а мы — хорошего мнения о вашей работе здесь, на курсах. Нам нужна способная молодежь, вы неплохо зарекомендовали себя, и мы хотим предложить вам продолжить образование. Мы отправляем в Москву (сердце мое радостно дрогнуло!) группу молодежи — учиться. Вы можете поехать с этой группой.

От счастья я, как говорится, головой неба коснулся.

— Спасибо, спасибо... — благодарил я, а сердце прыгало в груди, и хотелось обнять их, председателя и Лойко, кричать от радости, бежать, оповестить весь мир о своем счастье — его и хватило бы на весь мир.

— Нам жаль отпускать хорошего преподавателя, но мы понимаем: через несколько лет нам понадобятся тысячи знающих людей, много тысяч, и времени терять нельзя. Не теряйте его и вы — жизнь открывает перед вами дверь в чудесный сад знаний... Дерзайте! Но это в будущем, а завтра приходите в комитет комсомола, мы говорили там о вас...

— Помнишь,— сказал мне Лойко,— помнишь мои слова, что знания — твое богатство? Не деньги, нет, а знания и работа для народа. Республика посылает тебя учиться!

Домой я прилетел как на крыльях, легкий и обновленный радостью. Здесь, в Хиве, я снимал комнату у старушки, сын которой, красноармеец, преследовал сейчас под Ходжейли отряд басмачей. Увидев меня, добрая старушка подумала, видно, что я заболел, — взмок, запыхался — бежал от самых курсов...

— Вай, что с тобой, что стряслось, сынок?

— Все отлично, не бойтесь, просто я еду в Москву! — Я обнял старушку. — В Москву, понимаете?

— Как, как? Москов?!

— Да, да, в Москву, там, в Москве, живет Ленин!

— Вай улай! — Изумленная старушка забыла закрыть рот; я же отправился к себе в комнату и стал перебирать свои вещи, не зная, что укладывать в первую очередь.

И вдруг я сообразил: «Дядя! Нельзя же уехать, не известив его!» Я написал короткое письмо и отправился на

базар — там можно было встретить арбу с зерном, отправляющуюся в Ургенч.

Я заплатил арбакешу, объяснил, кому передать письмо, и вернулся к себе.

Ночь тянулась без сна, счастливые мысли не давали мне заснуть, жизнь в столице представлялась раем. О чем я мечтал в те безмятежные часы? Кажется, я прожил в своем воображении целую счастливую жизнь. Если бы эти мечты сбылись! Но не дано нам знать наперед свою судьбу...

III

И на следующий день ощущение праздника не оставляло меня — радостные события сменяли одно другое, как в счастливом сне.

В комитете комсомола меня приняли как товарища по общему делу, как своего, да так оно и было в действительности. Я узнал, что в Москву едут учиться еще двенадцать человек и что вся группа отправляется через два дня... Как провести их, как дожидаться отъезда? Время, прежде несшееся вскачь, теперь будто застыло.

Простившись с работниками комитета, я брел в задумчивости по улице, и вдруг звонкий девичий голос окликнул меня:

— Бекджан!

Я обернулся и увидел девушку в кожаной куртке, в каких ходили у нас в городе комсомольцы; девушка была очень красива, и почему-то запомнились мне тугие ее косы, черной короной уложенные вокруг тубетейки. Я смотрел — и узнавал, и не узнавал, и, наверное, глупо тарачил глаза, потому что девушка рассмеялась и спросила:

— Не узнаешь?

Но я увидел уже знакомую ямочку на щеке и обрадовался:

— Гавхар!

Мы подали друг другу руки.

— Что, сильно я изменилась?

— Очень! Совсем большая стала, а?

— Ты тоже переменялся... Я не сразу поняла, что это ты. Гляжу — и понять не могу: кто ж такой? То ли ты, то ли похожий кто...

Она снова рассмеялась, а я слушал и все не мог отвести от нее взгляд.

Наконец я почувствовал неловкость — нельзя же любоваться девушкой и ничего не говорить ей. Я смущенно откашлялся и спросил:

— Слушай, а как ты здесь оказалась?

— Да я вот тут работаю, — она кивком указала на комитет комсомола. — А ты?..

— А я уезжаю... через два дня. В Москву, учиться!

— Как — в Москву?! — Гавхар радостно захлопала в ладоши. — Я ведь тоже еду!

— Правда?! — Я схватил ее за руки и счастливо смеялся, а говорить больше ничего и не нужно было уже. — Слушай, что мы тут стоим, идем пройдемся по городу, ведь надолго уедем...

— Идем... Подожди меня здесь, я скажу на работе.

Гавхар побежала к дому комитета комсомола, а я, как во сне, глядел ей вслед...

Гавхар была родом из того же кишлака Чалыш, что и я, и знали мы друг друга с детства. Дом их стоял у самого берега Амударьи, отец ее рыбачил и еще работал в мастерской, где ремонтировали баржи, ходившие по реке до самого Арала, но все равно семья их жила бедно, гораздо беднее нас. Я любил играть на берегу, у дома Гавхар, и подружился с ней.

Гавхар очень уж сильно отличалась от всех других девочек кишлака и пользовалась неслыханной свободой, как я сейчас понимаю, оттого, что отец ее работал в мастерской вместе с русскими рабочими и дружил с ними. Рабочие любили Гавхар и, когда она приходила к отцу в мастерскую, старались угостить чем-нибудь повкуснее — то пряником, то куском сахара. А вот родственники наши не одобряли ни Гавхар, ни ее отца; меня даже бранили, если становилось известно, что я был в мастерской... Но мне и горя мало! Гавхар любила принимать участие в наших мальчишеских затеях и играх, но часто мы с ней, оставив приятелей, уходили вдвоем вдоль реки, далеко-далеко, или смотрели, как работают в мастерской... Когда я выходил из дома, я всегда знал, где найти Гавхар: летом чаще всего мы сидели вдвоем на берегу Амударьи в зарослях джиды, болтали, мечтали, смеялись, выдумывали разные разности, и нам не бывало скучно друг с другом.

А когда наступали сумерки, и воздух наполнялся стрекотом кузнечиков, и начинали свой концерт лягушки, а от кишлака слышалось бляенье ягнят, мы поднимались

на холм возле зарослей джиды и слушали в прохладном воздухе нехитрую эту мелодию, и было нам страшно и хорошо в темноте среди звуков ночи, и все это еще больше сближало нас...

Однажды, как раз перед нашим отъездом в Ургенч, Гавхар упала с дерева и вывихнула ногу. Позвали людей моего отца, и он сердито ворчал — никогда, мол, не видал такой озорницы, безобразия какое!

А мама моя смеялась и сочувствовала. Может, даже завидовала такой свободе, а?

Через несколько дней мы всей семьей уезжали в Ургенч.

Я пошел проведать Гавхар — она лежала на веранде, на тахте, и скучала и маялась без беготни и игр. Увидела меня — обрадовалась, заулыбалась, попробовала подняться. Но разговор вышел грустный.

— Значит, уезжаете?

— Да, завтра...

Она молчала, я тоже — у меня комок подступил к горлу... Ну зачем, для чего родители переезжают в Ургенч? Чем здесь было плохо? Как я не любил их в эту минуту, как хотел остаться!

— А у нас корова отелилась! — сказала вдруг Гавхар.

— Когда?

— А ночью... Теленочек красивый такой, я за ним ухаживать буду... А завтра мы молозиво будем варить. Ты любишь?

— Да.

— Я тоже... Я уже ела один раз — ох, до чего сладкое! — она даже зажмурила глаза от удовольствия. А когда открыла их, они снова были грустные. — Значит, мы теперь больше не увидимся?

— Как... не увидимся? — растерялся я.

— А разве... разве вы еще приедете?

— Не знаю...

— Ну, когда вернешься, я уже поправлюсь, вместе пойдем джиду собирать, в этом году много-много соберем... ее много в этом году... А этот Ургенч, куда вы едете, далеко от нас?

— Папа говорит, целый день ехать надо.

— А я вот поправлюсь и тоже приеду в Ургенч, мой папа обещал взять меня!

Гавхар улыбнулась, и я успокоился. На прощанье я принес ей подарок — выстрогал деревянный кинжальчик, покрасил грифелем от карандаша, и получилось —

будто стальной; я незаметно сунул кинжальчик под подушку Гавхар.

Дома уже сердились, ожидая меня: пора трогаться, куда пропал! Я взобрался на арбу, уселся на вещи и с высоты увидел: у ворот своего дома стоит, опираясь на палку, Гавхар — допрыгала, что ли, на одной ноге? У меня защипало в носу и на глаза навернулись слезы...

Арба тронулась, и Гавхар смотрела нам вслед, а я смотрел на нее, пока туча дорожной пыли, взбитой колесами арбы, не разделила нас.

С тех пор минуло несколько лет, и я не видел все это время ни Гавхар — так ей и не удалось приехать в Ургенч, — ни ее отца... И вот теперь не сразу узнал ее — тощий черненький чертенок с косичками превратился в красавицу...

Но вот Гавхар вернулась, и мы пошли по улочкам нашего города, сами не зная куда, — девушка впереди, а я, стесняясь и все еще немного робея, чуть сзади... Вышли к ханскому дворцу, — горячий воздух, казалось, дрожал у раскаленных под солнцем глинобитных стен.

Миновали духовное училище — медресе; теперь в этом здании была школа, и оттуда почему-то вкусно пахло жареной рыбой. Я потянул носом и сказал:

— Давай завернем на базар, а?

— Да, — согласилась Гавхар, — я тоже голодная.

Базар напоминал большой муравейник, со своей особо устроенной жизнью, приливами, отливами, течениями и водоворотами. Мы едва не потеряли друг друга. Наконец добрались до цели — и наградой нам были куски только что поджаренного сома на глиняной плошке. Потом мы ели, обрывая по одной, длинные, с мизинец, и прозрачные виноградины, и, кажется, я в жизни не ел ничего слаще. Гавхар не отставала от меня...

— А там... — она помолчала, давая мне время сообразить, где «а там», — ...а там есть виноград, как ты думаешь?

— Давай заглянем сюда...

Вдруг базар вокруг нас угрожающе загудел, толпа с криками хлынула к воротам.

Гавхар встревожилась:

— Идем посмотрим, что случилось.

— Идем.

Вместе с толпой нас вынесло на улицу.

— Что случилось, куда все бегут? — спрашивал я у людей, но они, кажется, и сами не знали, почему опустел базар и что ожидает нас там, куда мы направляемся.

Вот мы поравнялись с караван-сараям, и движение замедлилось. Я почувствовал, что толпа накалена. Прислушался к крикам:

— Выше его подымите, чтоб всем видно было!..

— На арбу его, проклятого богом, поставьте, на арбу!..

Толпа качнулась, подалась назад, отступая от караван-сарая. В образовавшемся круге встал на что-то, поднялся над головами незнакомый мне человек, в халате, пожилой и седоусый. Рядом с ним появилось еще несколько мужчин, и у одного из них руки были связаны за спиной, а черная папаха лихо надвинута на самые глаза. Его сразу признали. Толпа грозно загудела, люди тесно обступили возвышение, где стояли, видные всем, связанный человек и сопровождавшие его, замелькали поднятые кулаки, раскрылись в крике рты, загорелись глаза... Послышались ругательства и проклятия, забились в истерике женщина...

— Лю-у-уди! Тихо! — закричал с возвышения седоусый, и голос его слышен был в реве и плаче. Он поднял над головой руки. — Лю-у-уди!

Толпа поутихла, только всхлипывала поблизости женщина.

— Слушайте, люди! — бросил в толпу седоусый — его, видимо, знали и потому слушали. — Есть здесь кто-нибудь, кто не знает этого человека? — Он показал на связанного в черной папaxe.

— Нету, нет! — раздалось несколько голосов у возвышения.

— Кто же перед вами, скажите, люди!

— Палач! — в несколько голосов будто выдохнула толпа.

— Да, это палач! Он перед вами! Палач хана! Он убивал вас, люди, сегодня он в ваших руках! Что делать с ним, какого наказания он достоин?

— Смерть! — снова выдохнула толпа.

— А ты что скажешь? Подойди сюда! Вот он, перед тобой... — И пояснил толпе: — У этой несчастной двух сыновей зарезал, отродье собаки!.. Говори же! Вот он, перед тобой, — убийца твоих сыновей!

Связанный попятился.

Но старуха не поднялась из толпы, я услышал лишь сдавленный голос:

— Пусть ослепнут мои глаза, если еще увижу его!

— Грех говорить так! — прервал ее седоусый. — Пусть он не увидит тебя — правильно я говорю, люди?

Толпа загудела, палач втянул голову в плечи. И вдруг я увидел его глаза — каким огнем, какой злобой горели они!

Говоривший с толпой старик придвинулся к палачу, сорвал с его головы папаху, бросил вниз. Легкое движение толпы — и клочки папахи пропали под ногами.

Палач нагнул бритую голову и стал похож на быка, готового броситься и растоптать.

Седоусый снова обратился к толпе:

— Аминь! Аллах велик! — Он поднял руки, будто в молитве. — Аминь! Возьмите его!

Сильным пинком он столкнул палача вниз, под ноги ждавших этой крови людей...

— Господи, как же... — я не мог даже договорить.

Гавхар обернулась ко мне, лицо ее побелело.

— Да, его нужно было судить. Но кто из этих людей сейчас поймет...

Толпа с криком боли и торжества сомкнулась, и уже не было пустого места у возвышения, а было лишь колышущееся море голов и движение...

Вдруг послышался вопль старухи:

— Мне! Дайте мне!..

Гавхар потянула меня за рукав, и мы стали выбираться из толпы. Молча прошли по улочкам, вышли за городскую стену и, не сговариваясь, направились к небольшому озеру, поблескивавшему невдалеке, и все это время мы не могли говорить друг с другом, чувствуя себя причастными к расправе там, на городской площади...

— Страшно... — первым заговорил я. — Один — и толпа... Этим и страшен самосуд — пощады просить не у кого, на милосердие или жалость надеяться нечего...

— А он... он вспоминал о жалости? — Гавхар приостановилась, лицо ее побледнело от гнева. — Ты думаешь, он считал за людей тех, кого убил, или посчитал бы людьми нас с тобой?.. Такие, как он, — голос ее зазвучал тише, — такие звери убили моего отца... А маму... связали, и руки и ноги скрутили — и в огонь, в горящий дом... сожгли в собственном доме...

Я слушал тихий рассказ Гавхар и не мог поверить — не ей, а себе, что вижу и слышу ее, что она стоит передо мной и говорит наяву, а не в кошмарном сне... Я же знал их, я же... господи, да как же это может быть!

— Как же это может быть! Когда?.. И кто?

Мы двинулись дальше, к озеру, и Гавхар рассказывала, не глядя на меня.

...Это случилось почти два года назад. На кишлак напали басмачи, неожиданно — кто-то из местных предупредил их, когда соберется и будет заседать кишлачный комитет. Схватили всех и тут же, не рассуждая долго, всех расстреляли, и отца Гавхар тоже, он был председателем комитета... Потом согнали жителей кишлака, и на глазах у них подожгли дом председателя, и связали мать Гавхар, и бросили живую в огонь... «Кто выйдет за большевика — каждую ожидает такая судьба! От нас не спрячешься!»

— Их поймали?..

— Нет. Сумели уйти от погони... А ты говоришь — самосуд, страшно... А я бы своими руками задушила... За отца, за маму, за всех наших... Совсем одна я теперь осталась, вот... — печально закончила она.

— Прости меня... — Я хотел еще добавить: пусть она не думает, что одинока, я буду охранять и защищать ее, но не посмел сказать.

Наконец мы подошли к озеру и присели на траву; плакучая ива опустила тонкие ветки к самой воде, было тихо и грустно, Гавхар сняла свою кожаную курточку; она сидела по-восточному, скрестив ноги, и закрыла глаза, то ли прислушиваясь к чему-то, то ли просто отдыхая. Я хотел заговорить с ней, она не ответила, сидела задумавшись. Так мы просидели долго, наверное с час. Но я хорошо знал Гавхар и помнил, что она и в детстве была такая: что-нибудь встревожит ее — притихнет и долго-долго сидит, спрятав лицо в ладонях... Да, но тогда я знал, что взволновало ее, а сейчас я только гадал о том, где ее мысли — в кишлаке ли, в местах нашего детства, или у пожарища — всего, что осталось от ее дома, или у могилы родителей, или, может быть, она уже в Москве? Как хорошо, что мы едем вместе!

Вечерело. От воды потянуло прохладой, набежал, поиграл прядкой волос Гавхар и улетел куда-то ласковый ветерок. Где-то поблизости заквакали, залились на разные голоса лягушки. Гавхар надела кожанку, взглянула на меня, улыбнулась:

— Помнишь, сколько джиды росло на берегу?

— Гм... ты с какого дерева тогда свалилась?

Гавхар засмеялась:

— Вовсе и не там... Это когда я воровала джиду...

— Господи, зачем же воровать — в каждом дворе полным-полно, везде растет!

— Да, но я охотилась за чилан-джидай, она особенно вкусная, — принялась объяснять Гавхар. — Для мамы... Она не знала, конечно, что без спросу таскаю... Настаивала она эту джиду и пила... Полезно для здоровья, говорят. Только вот росла эта джида в саду у твоего дяди, больше ни у кого не было. Я сколько раз собирала — понемножку, никто и не замечал... А тут вот прыгнула неудачно, показалось, дядя твой в сад пришел...

— Что ж меня не попросила, я бы сам для тебя нарвал!

— Постеснялась я... И так твоя мама, я видела, целое сито унесла от дяди в тот день...

Я погладил руку девушки, она печально улыбнулась.

Мы еще долго разговаривали в этот вечер, вспоминали детство, родителей, наш кишлак... За то время, что мы не виделись, и Гавхар и я потеряли родителей, и общее горе сближало нас...

Стемнело, на бархатном небе разгорелись крупные звезды, показался неяркий месяц; вода засеребрилась в лунном свете; протяжная светлая песня послышалась за озером, — мы замолчали, прислушиваясь, потом, не сговариваясь, обошли озеро. В темноте мы разглядели лишь удаляющуюся тень: человек, видно, разобрал запруду в арыке, пустил воду на поле и уходил дальше.

— Красивая песня, — сказала Гавхар, — красивая и счастливая... А ты — счастливый? — вдруг спросила она.

Я улыбнулся:

— А ты?

— Я — да. Я очень счастливая...

— И я тоже...

Она коснулась моей руки, и сердце мое запрыгало в радостном волнении.

Когда мы вернулись к комитету комсомола, где жила Гавхар, было уже поздно, город казался вымершим, и было трудно представить, что днем эти улицы наполняла бурлящая, разгневанная толпа... Все спокойно было и тихо...

— До свидания!

— Увидимся завтра?

— Нет, завтра я должна съездить в Хазарасп, — родители одной из девушек не хотят отпускать ее в Москву... Но послезавтра я буду ждать тебя...

— До свиданья...

Гавхар ушла к себе в дом, я же побрел по сонным улицам, не видя, куда несут меня ноги.

Я чувствовал себя счастливым избранником, баловнем судьбы: я повстречал Гавхар, мы вместе едем в Москву!

Позади останется этот, так и не ставший мне родным, город, его пыльные закоулки и глиняные домишки, чахлые, полусохшие деревья и нескончаемая духота, наполненная страстями и схватками тревожная жизнь — все, все останется позади.

А впереди — учеба, Москва, Гавхар будет рядом со мной...

Я тихонько брел куда-то, кажется, даже начинал петь и не видел вокруг развалившихся глиняных стен, — меня окружали пышнолистые деревья и дивной красоты цветники, а среди них поднимались белые дворцы... Так я представлял себе Москву...

Я брел, как во сне, и понимал, что это сон, и не хотел, чтобы он прервался, — никогда в жизни еще не было мне так хорошо.

У бывшего ханского дворца — теперь здесь помещалось правительство республики — меня окликнул грубый голос:

— И не стыдно тебе, парень! В твои-то годы так напиваться! Куда смотрит твой отец!

Я очнулся от грез и увидел перед собой старика с ружьем — сторожа у ворот дворца.

— Да не пил я, отец, не беспокойтесь!

— Гм, вроде на пьяного ты не похож! — удовлетворенно заметил старик и добавил, довольный: — А я вот, правду говоря, не без греха — выпиваю, случается со мной, да... Сейчас-то я, конечно, как стеклышко, — он покачнулся, — на посту я стою, вот! Видишь, — он поднял ружье, — вся власть у меня, вот! В этих трудовых руках! Но когда радость в доме — отчего ж... Сын у меня уезжает учиться в Москов, не слыхал?..

— В Москву?

— Ну да... Не знаешь его? Сам, наверное, нездешний, да? Его тут все знают, моего сына, — Джуманазар зовут, не слыхал? Так я — его отец! Знай: учиться едет мой сын Джуманазар, послезавтра его провожаю, всего двенадцать их едет, и мой сын там... — Старика так и распирало от гордости: видно, не будь он на посту, тоже не прочь был бы, как и я, побродить по городу и напевать что-нибудь себе под нос. — Скажи ты мне, сынок, вот что — какое, по-твоему, по-молодому, самое лучшее ученье? Сам-то чему учен, а? Чему сына научить?

— Не знаю, отец, он сам выберет.

— Да глуп он еще! «Хочу, говорит, при машине быть... На пароходе плавать по Амударье хочу...» Я ему: «Дурень

ты, говорю, что ж ради машины в такую даль забираться, в Москов ехать? Нет, ты учись самому лучшему ученью, а самое лучшее ученье — у товарища Ленина! Не сделаешь по-моему — не дам тебе родительского благословения и в Москов не пущу!»

Старик, видно, был очень доволен собой и ждал одобрения своим словам. Когда я, соглашаясь, закивал головой, он внушительно закончил:

— Вот и ты, сынок, с пути не сбивайся! И не пей — ни-ни!.. Погоди-ка! — Он вернулся к своей скамье у ворот, достал из-под нее мешок, добыл оттуда дыню и отрезал мне тяжелый ломоть: — Бери на здоровье!

Домой я вернулся поздно. Моя хозяйка, старая Султанпаша, не ложилась, ожидая меня.

— Слава аллаху! Пришел наконец! — обрадовалась она. — А я уж думала, не уехал ли, часом, и попрощаться не зашел...

— Ну что вы!

Но добрая старушка уже не слушала меня, суетилась у очага и скоро поставила передо мной ужин — яичницу с кислым молоком. Села рядом и ласково, как на сына, смотрела на меня — как я ем. А я был голоден, еда была вкусная, и яичницы вмиг не стало...

Кажется, это было в последний раз — я чувствовал себя дома, будто у родных, и ел пищу, приготовленную для меня заботливыми руками...

IV

Утром я отправился на курсы, где работал, получил расчет и простился с товарищами. Все завидовали мне, моей поездке, и я стал уже считать часы, оставшиеся до отъезда.

Когда я вернулся домой, тетушка Султанпаша встретила меня на улице и предупредила, что пришел какой-то человек и ожидает меня.

Смутное беспокойство шевельнулось во мне, когда я увидел чернобородого мужчину в годах, увидел щелочки его глаз. Будто взгляд этот кольнул меня...

— Вы Бекджан? Я привез письмо от вашего дяди. Прочтите при мне.

Я удивился, взял письмо. Никогда дядя не писал мне, что-то особенное должно было случиться...

Я встревожился уже не на шутку.

«Бекджан, мальчик мой,— писал дядя,— я получил весточку от тебя и узнал о твоей поездке. Не хочу таить от тебя свои мысли: не по душе мне твое намерение. Ты знаешь о моей любви к тебе, плохого не посоветую, и говорю откровенно, и надеюсь, что простишь, не обидишься на меня, не отвернешься...

Я хотел бы приехать к тебе, увидеть и обнять тебя, но человек нынче не хозяин своей судьбы!

Как раз в тот день, когда пришло твое письмо, власти выгнали меня из дома твоего отца, и я должен уйти из Ургенча. Власти описали имущество и тут же увезли; дом, библиотека, все хозяйство разорены... Что я, несчастный, мог сделать? И еще ты знаешь: за два дня до того приехали люди из нашего родного кишлака и принесли скорбную весть — все мои земли, и дом, и все имущество власти отобрали себе... Теперь мы нищие с тобой, мой Бекджан... Что мне остается, горемыке, — пойду по миру, буду искать себе пристанище. Но я еще вернусь! Еще найду я тех, кто разорил меня, лишил дома и земли!

Власти говорят, что я — бай, что, мол, как паук, сосал кровь дехкан... Ну, обо мне разговор впереди, они меня еще не раз вспомнят, — но в чем провинились твой отец, твоя мать и ты сам? Что плохого твой отец, твоя мать сделали этим голодранцам? Лечили их, призирали, кормили — и те, как бешеные псы, кусают дающую руку! Почему ты, мой племянник, должен быть нищим?

Перед уходом побывал я у могил твоих отца и матери. Кто теперь присмотрит за ними, кто зажжет светильник в изголовье?.. Не пора ли вернуться к могилам родных и защитить их от позора.

Впрочем, ты человек взрослый и, конечно, подумаешь, прежде чем сделать важный шаг. Скажу одно: я на твоем месте не поехал бы в Москов — не поехал из уважения к памяти отца и матери, к их погубленным жизням. Пусть отправляются туда голодранцы, им нечего оставить здесь.

И еще предупреждаю: ехать опасно, мало ли что может случиться в дороге...

Если захочешь увидеть меня, тебя проводит тот человек, что привез письмо, или можешь спросить обо мне в Ургенче у Бердара-сапожника...»

Меня словно окатили ледяной водой, я смотрел в растерянности на незнакомца, мысли мешались в голове. Наконец я спросил:

— Где сейчас дядя?

— Два дня пути.

Я не знал, что делать.

Приезжий поднялся:

— Если понадоблюсь, найдешь меня на базаре.

Он ушел, а я все не мог сообразить, что же мне делать. Наконец я словно очнулся. Бросился на курсы, — там у нас были на случай хозяйственных надобностей лошадь и арба, а при них арбакеш. Я упросил его дать мне лошадь до завтрашнего утра и, не теряя больше времени на сборы и раздумья, отправился в Ургенч.

К вечеру я добрался до нашего с дядей дома, принадлежащего раньше моим родителям. Первое, что я увидел, — настежь распахнутые ворота... Из дома, волоча за собой наш самовар — отец привез его из Ташкента, — вышла незнакомая старуха...

— Бабушка, что это вы делаете? — окликнул я ее.

— Ничего, сынок, домой вот иду. — Старуха смотрела удивленно.

— А это вы зачем взяли?

— Вах, а я и не пойму, о чем ты! — Она сладко заулыбалась. — Да ведь почти ничего и не осталось в доме... Пустой стоит. А я вот — на память об Айпаше взяла, чтоб кому чужому не досталось. А меня она так любила, так любила!.. Да и хозяев-то нет, кому он теперь нужен, — она ласково поглядела на самовар. — Сын хозяйский уехал куда-то, и не слышать его, немой Али тоже уехал, говорят... Так и стоит дом без призрения... Да сам-то ты кто будешь, сынок?..

— Я Бекджан, племянник немого Али и сын Айпаши...

— Вай улай! — Старуха испуганно прижала самовар к груди, потом, виновато улыбнувшись, повернулась к дому: — Сейчас чай поставлю!

Я вошел в дом. Окна были распахнуты, стекла выбиты, на полу — грязные следы, ошметки глины, — видно, побывало здесь немало людей. Разлетевшиеся листы какой-то книги... В кабинете отца книги грудой лежали на полу, разодранные, без переплетов...

В душе моей не осталось ничего — только горечь и гнев. Я попытался разобрать книги, рукописи — мне попались Фараби, Бируни, Авиценна... Попались сборники газелей, — мама читала из них по вечерам отцу...

Наконец я собрал все, что сохранилось из отцовской библиотеки, перевязал и погрузил на лошадь. Старуха спросила:

— Больше не приедешь, сынок?

— Нет, — сказал я. — Не вернусь... А самовар возьмите себе... Здесь он никому не нужен...

— Спасибо, сынок, да будет счастливым твой путь! А чай-то, может, вскипятить, а?

Я вывел лошадь на дорогу и пошел, повел ее в поводу... Пошел, не видя ничего вокруг... Мысленно я был в нашем осиротевшем, разоренном доме... Кто же надругался над нами? Неужели большевики?

Я вспомнил Константина Степановича, вспомнил товарищей по курсам, вспомнил Гавхар... Нет, это сделали не такие люди! А какие?

И я увидел площадь у караван-сарая, себя и Гавхар среди распаленной толпы, ханского палача с окровавленным лицом... Да, эти люди могли разорить наш дом... Я снова вспомнил Лойко — как он стоял перед отцом и как отец, уже чувствуя, наверное, смерть, спрашивал его: «Чем я-то провинился? В чем моя вина?»

Ведь он помогал всей махалле и лечил всех нищих, я же помню! Может, это достойно наказания, да? А отобрать и разорить наш дом — может, это лекарство от бедности? Средство сделать богатой ту старушку?

Я услышал, что разговариваю сам с собой вслух, и очнулся. Оказывается, ноги привели меня к кладбищу.

Начало темнеть. Я привязал лошадь к дереву и вошел за ограду... И сразу меня обступило особое молчание, а воздух стал полон особенных запахов, они что-то мучительно напоминали... и мне вдруг почудилось, что я — в нашем доме, а в соседней комнате — мама... Она каждый вечер сжигала у себя несколько сухих благовонных травинок исирык, я хорошо запомнил этот аромат, и сейчас он слышался мне в теплом неподвижном воздухе... Я шел по тропинке, и вишневые деревья вдоль нее низко и печально склонили ветви, а свет луны пробивался сквозь них и серебряными бликами, будто рассыпали целый поднос монет, ложился на песок. Мне показалось, что деревья похожи на могильщиков — стоят, скорбно скрестив на груди руки, и не движутся — боятся потревожить святую тишину...

Я свернул к могиле отца. Терпкий аромат трав смешивался здесь с теплым запахом отдыхающей от жары земли; у меня закружилась голова и запершило, защипало в горле... Я опустился перед могилой на колени и заплакал, горько и безутешно...

Раньше, давным-давно, когда мы жили здесь, я боялся один ходить на кладбище. Но сейчас я не замечал ни жут-

кой тьмы, окутавшей затаившиеся деревья и кусты, ни мертвящей тишины, ни своего одиночества... Я думал об отце с матерью, вспоминал их, свое счастливое детство и еще, и еще раз прощался с ними... Я зажег свечу на могиле отца и на могиле мамы, я очистил обе могилы от колючек, и я долго стоял у святых для меня могил на коленях...

В Хиву я вернулся под утро, напугал своим появлением старую Султанпашу, отдал ей поводья, бросился к себе в комнату и, не раздеваясь, повалился на кошму.

Смерть родного дома была как бы частью смерти родителей, обе потери слились, и я, в мальчишеских горьких мыслях своих, винил во всем Лойко, власти, большевиков, и мне почему-то все вспоминался окровавленный палач там, на площади.

V

Утром меня разбудил Константин Степанович:

— Смотри, отъезд проворонишь! — Он широко улыбался, веселый был.

— Я поздно лег... В Ургенч ездил... — Ответной улыбки у меня не получилось.

— Мне хозяйка уже сказала. Хорошо сделал, что книги привез... Пригодятся не раз...

Я вышел во двор умыться, и мне не хотелось возвращаться в дом и говорить с Лойко — как будто он сам приложил руку к тому, чтобы мой родной дом сиротливо глядел на мир без стекол...

Наконец я заставил себя вернуться в комнату. Тетушка Султанпаша поставила уже для нас миски с кислым молоком, принесла стопочку лепешек. Я не мог есть...

— Вы отправляетесь в полдень, — рассказывал Константин Степанович. — Доберетесь до Чалыша, потом лодкой вниз, к Аральскому морю, и на пароход... А там на поезд, а там и Москва не за горами! — Он засмеялся и стал пробовать угощение тетушки Султанпаши. — Да, я тебе принес... потом посмотришь, — он показал на сундук — там лежало что-то завернутое в бумагу. — Со студенческих лет сохранял... В Москве пригодится... — Он грустно покачал головой. — Жил бы сейчас твой отец, сколько радости бы узнал... Сын в Москву едет!

— Жил бы сейчас мой отец, он бы не радовался...

Константин Степанович встревожился:

— Что случилось, Бекджан?

— Я был вчера в Ургенче и видел разоренный дом моего отца!

— Ваш дом? Кто это сделал?

— Кто... Власти. Большевики!

— Бекджан, ты понимаешь, что говоришь? Впрочем... расскажи все сначала — все, что знаешь.

Когда я рассказал, он побелел от гнева. Я решил, что не стоит упоминать о письме дяди, — ведь все подтвердилось...

Лойко был взбешен:

— Невероятно! Ну, от таких «большевиков» мы быстро избавимся! Ты не волнуйся, Бекджан, — дом и имущество тебе вернут, мы все проверим. Все знают: твой отец не был нашим врагом... Но погоди-ка... А дядя твой — он ведь жил в вашем доме — ничего не сообщил тебе?

Я промолчал.

— Понимаешь... в Чалыше было несколько похожих случаев... А теперь вот в Ургенче... Ну ладно, не беспокойся, мы все расследуем и накажем виновных... Все, что случилось, не должно сбивать тебя с прямой дороги, запомни! — Он поднялся, достал часы, поднял крышку. — Пора... Через час жду тебя в комитете комсомола.

После разговора с Лойко на душе у меня полегчало. Конечно, такие, как он, большевики не тронут дом моего отца — врача, лечившего бедняков...

Взгляд мой упал на сверток на сундуке, я вспомнил слова Лойко о подарке и развернул бумагу. Увидел — почти новые студенческие тужурка и брюки. Я обрадовался, скорее надел — пришлось точно впору.

— Вах-вах, до чего красив! — одобрила тетушка Султанпаша, когда я позвал ее полюбоваться на мой новый наряд. — Этот русский... ты для него все равно что сын, я вижу...

— Он друг моего отца и мамы.

— Да будет его дорога гладкой! А скажи, сынок, — Султанпаша заговорила тише, — Ленин, он тоже урус... или наш, правоверный? Может, татарин?

— Русский он, — сдерживая улыбку, объяснил я.

Старушка вздохнула и покачала головой:

— Ну что стоило всевышнему аллаху сотворить урусов правоверными... Такие хорошие люди...

— А что бы вы сказали, если бы аллах вас превратил в кяфира — иноверца?

— Что ты, что ты! — старушка испуганно замахала руками. — Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед — пророк его! Не дай, всевышний, опозориться на старости лет!..

Стараясь не обидеть тетюшку Султанпашу, я удерживал улыбку, но все же рассуждения простоватой старушки немало позабавили меня.

У комитета комсомола меня встретила Гавхар:

— Что же ты так долго собираешься! А я только что из Чалыша и жду тебя... Пошли скорее...

Я посмотрел на нее и не мог глаз отвести — до того была она хороша! И светлое платье, и белые туфельки, и тюбетейка с белыми цветами, и черная тугая коса на высокой груди, и шаловливые искорки в глазах... Я таял от восторга и глупо молчал, а Гавхар, кажется, рассердилась:

— Ну что, языка лишился, да?

— Ты... я... ты... так и поедешь, в этом платье? — наконец нашелся я.

— Тебе не нравится? Я — не нравлюсь? — Она покраснела от собственной смелости.

— Смотри, украдут тебя по дороге, до Москвы не доедешь!

— Да ведь ты меня будешь сторожить! Кто ж посмеет! — Она рассмеялась, схватила меня за руку: — Побежали, на собрание опаздываем.

В комитете комсомола собрались провожающие — отцы и матери, и друзья, и городские комсомольцы, и партийцы.

В Москву отправлялось нас тринадцать человек — тут мы наконец собрались все вместе. Двое из нашей группы были туркмены, и еще была девушка-туркменка, один — каракалпак, остальные — узбеки.

Выступали провожающие, говорил секретарь комитета комсомола, говорила Гавхар, под конец выступил Лойко — ему хлопали больше всех, кто-то плакал, но я не слышал ничего и глядел только на Гавхар, видел только ее, а все остальное было как бы в тумане, и звуки доносились как бы издали.

Когда собрание кончилось, я пошел проститься с Лойко. Мы обнялись, как отец с сыном.

— Вы — наши первенцы, — сказал он, — с вас — самый большой спрос. Не подкачай! И пиши — сам знаешь, я тебе теперь вместо отца!

Я прижался головой к его груди:

— Спасибо вам за все!

— Счастливого пути тебе, Бекджан!

Во дворе уже стояли арбы, разукрашенные кумачовыми полотнищами. Я увидел своего ночного знакомца, старика сторожа, он провожал высокого молодого парня, а тот поторапливал отъезжающих.

Меня окликнули — я обернулся и увидел тетушку Султанпашу, она стояла у ворот подле большого таза, накрытого материей. Я подошел к ней.

— Вот, возьми на дорогу, путь неблизкий. И там, на арбе, еще мешочек с боорсаками... — Она вытерла слезы. — Ты ведь как сын мне... Да будет гладкой твоя дорога! — Она опустила голову и тихонько стала молиться — просить у аллаха счастья для меня в далеких краях...

Наконец арбы тронулись, и вот уже Хива осталась позади, а путь мы держали к Чалышу, кишлаку моего детства, моей родине и родине Гавхар.

Добрались мы туда к вечеру. Я сразу узнал густые заросли джиды на берегу реки... И будто ничего не переменялось здесь за минувшие годы, все было привычным и родным, будто я только вчера бегал мальчишкой по этим пыльным улицам. Те же низенькие, покосившиеся дувалы, те же домишки с плоскими крышами, те же клочки полей... Но над железной крышей дома в центре кишлака поднят был красный флаг. У этого дома мы и остановились.

Нас сразу окружила толпа. Гавхар разговаривала со своими друзьями, я же так и не слез с арбы, — я лишь смутно припоминал некоторых стариков, большинство же людей были мне незнакомы, и я чувствовал себя чужим среди них. Меня тоже никто не помнил...

И странное это было ощущение: глинобитные домишки, пыльные улочки, старые могучие чинары, богатые сады за дувалами — все переносило меня в далекий мир детства; но вот люди — люди были другие: на лицах их я видел гордость, в поведении — независимость, в разговорах — смелость... Я хотел бы стать рядом с ними, говорить как с друзьями — так говорила с нашими сверстниками Гавхар, — но я не узнавал никого, и меня не узнавали в родном кишлаке, и что-то удерживало меня, я не поднимался с арбы и не подходил к людям.

Тем временем долговязый Джуманазар, сын старика сторожа, развел у реки костер, и пора было готовить ужин.

— Бекджан, где твой таз? Иди сюда, помоги! — услышал я чистый голос Гавхар, и печали моей как не бывало.

Я будто ждал ее зова, спрыгнул с арбы и бросился к костру.

Все выкладывали свои припасы, кто-то притащил самовар, костер занялся на славу, в моем тазу решили сварить шурпу на всех, кругом звенел смех, слышались шуточки, и я с радостью обнаружил вдруг, что тоже участвую в общей веселой болтовне, и кто-то смеется над моими словами, а Гавхар смотрела на меня из-за костра, и на сердце у меня стало легко.

После ужина я подошел к Гавхар:

— Хочешь, навестим нашу джиду... Помнишь?

В густых зарослях на берегу было темно и страшно. Гавхар взяла меня за руку:

— Не пойдем далеко, я боюсь, ладно?

Я только сжал ее горячую ладонь, и мы пошли дальше.

Тихо шумела река, от кишлака долетел с ветерком аромат садов, и я необычайно сильно почувствовал, что Гавхар здесь, рядом со мной, дышит неслышно-испуганно и думает о том же, что и я...

Я посмотрел на нее, разглядел горячий блеск ее глаз — и ничего не стал говорить, только гладил тихонько ее руку. Она замерла и словно боялась шелохнуться, потом, будто в забытии, не сводя с меня глаз, неслышно и легко шагнула назад.

— Вернемся...

— Гавхар!..

— Нет, вернемся... потом... — Она не договорила, побежала по тропинке к нашему видневшемуся вдалеке костру.

Я остался на месте, счастливый, окрыленный предчувствием радости... Это ощущение жило во мне и тогда, когда я сидел уже у нашего костра и слушал вполуха какие-то увлекательные рассказы долговязого Джуманазара. Все наши внимали ему открыв рот. Только Гавхар задумчиво опустила голову... Я подсел к ней:

— Что ты?

— Отца и маму вспомнила... Пойдем завтра на кладбище, ладно? Я одна боюсь...

Мы просидели рядом до ночи, глядели на реку, слушали ее шум, наши лица озаряли всполохи огня, и будто какая-то стена отделяла нас от всех других людей...

Наутро мы с Гавхар пошли к могиле ее отца. Она была печальна и плакала, а я думал и о ее и о своих родителях и о том, как безжалостно отнеслась жизнь к нам с Гавхар. Как будто какая-то злая сила отняла наших близких! Хотя

смерть ее отца и матери была, наверно, страшнее... Я вдруг вспомнил вчерашние слова Лойко: «В Чалыше — несколько похожих случаев... А теперь — в Ургенче...» Что он хотел этим сказать? И почему вдруг спросил о моем дяде?..

Гавхар поднялась от могилы, и мы пошли.

— Бекджан, а ты веришь в бога?

— В таких местах — да, — я кивнул в сторону кладбища.

— И я тоже... У могил я чувствую, что бог есть. Но только я все равно не верю в него. Разве бог допустил бы, чтоб умерли мои родители?.. Разве они были виноваты в чем-то?..

— От судьбы не уйдешь, — сказал я, желая успокоить ее, но она рассердилась:

— Нет никакой судьбы! И бога нет, и судьбы нет! Мечь — вот что есть... Мечь тех, у кого отняли землю и богатство!

— Не все, у кого отняли богатство, — звери!

Гавхар взяла меня за руку:

— Не сердись, Бекджан, я говорю не о вашей семье. Не сердись, ладно? Ты же знаешь, как я отношусь к тебе...

Я улыбнулся.

— А ты помнишь, — вдруг смущенно спросила Гавхар, — давно, когда ты уезжал из кишлака, а у меня болела нога, ты тогда подарил мне деревянный кинжальчик... засунул под подушку и оставил, помнишь?

Волна радости накрыла меня с головой.

— Да, — сказал я. — Ничего не забыл.

— Я сберегла его... и везу сейчас с собой...

— Я люблю тебя... Я очень люблю тебя...

— И я... я тоже, — шепнула Гавхар и вдруг убежала от меня.

VI

Если существуют в этой жизни счастливые люди — я был среди них самым счастливым.

Гавхар — рядом со мной, и невозможно уже было представить мое будущее без нее и ее жизнь без меня. Подумать только! Всего несколько дней назад я не знал, встречу ли ту единственную девушку, что будет мне по сердцу, что разделит со мной все будущие дни, все радости и печали, какие пошлет судьба. А сегодня я ловил взгляд

Гавхар и видел в нем ласковый свет. Чего еще требовать от жизни?

В радостном волнении я и не запомнил, как мы простились с провожающими, как уселись в лодки. Над головой моей захлопал парус, скрипнула мачта, свежий ветерок овеял мое разгоряченное лицо — мы отчалили.

Может быть, вам приходилось спускаться на лодке по Амударье? Тогда вы поймете меня. Можно ли забыть речную гладь под голубым ласковым небом и тысячи красок по плоским, а иногда всхолмленным берегам, вспыхнувшее солнце в окне домика под чинарами, зеленые площади бахчей с крупными желтыми дынями...

Лодочники, рыбаки из Ходжейли, особенно старший, Шамурад-ака, были людьми общительными, быстро перезнакомились со всеми, как со своими. «И чего ж вас, бедных, погнало на край света, за каким таким ученьем? Остались бы лучше с нами, мы бы девушек замуж поывадали, джигитам невест нашли — и за свадьбу! Пир горой! А там и ребятишки пойдут — то-то весело! Сплошные праздники! Повернем назад, а?»

Мы смеялись, девушки краснели, Гавхар — я заметил — украдкой глянула на меня.

Полдня пролетело незаметно — мы были веселы, возбуждены, пели, шутили. У Джуманазара оказался красивый голос, а ребята-туркмены были учениками знаменитого в их краях певца — бахши. Втроем они устроили нам настоящий концерт.

Оба туркмена были похожи как близнецы, и мы путали их, не могли различить, где Атаджан, а где Берды. Каракалпак Новруз, кажется, единственный из нас был молчалив, говорил только «да» или «нет» и широко улыбался, показывая чистые и белые, точно зернышки отборного риса, зубы.

Девушки сначала стеснялись и не участвовали в нашем веселье, но Шамурад-ака сумел расшевелить их, так что вскоре разговор стал общим, будто собрались вместе близкие родственники. А самой бойкой оказалась неожиданно Раима, та девушка, выручать которую ездила Гавхар.

В полдень мы устроили обед. Рыбаки, помощники Шамурада-ака, угостили нас соленой рыбой, мы тоже достали у кого что было, и боорсаки тетушки Султанпаши были немедленно и дружно съедены.

— За что аллах наказал меня, зачем ты уезжаешь, сынок? — сокрушался Шамурад-ака. — Как можно — уехать

и не познакомить меня с такой прекрасной хозяйкой?! Женщина, приготовившая эти боорсаки, достойна моего внимания! Вы все свидетели: как только найду ее, сейчас же женюсь!

— Э-э, дорогой Шамурад-ака, что вам стоит подождать пять лет — пролетят как пташки, и Бекджан вернется и познакомит вас со своей прекрасной хозяйкой!

— Ну что ты говоришь, сынок! Знаешь ли ты, что такое пять лет? За пять лет такой мужчина, как я, найдет десять жен и всех успеет бросить!

Так мы и плыли, веселясь и балагурия, распевая песни и вспоминая смешные истории. Парус перед обедом спустили, течение несло нас к морю, и Шамурад-ака, примостившись рядом со мной на носу лодки, говорил беззаботно:

— Неплохо идем, неплохо. И ветер добрый, а сейчас парус поднимем — еще быстрее двинемся! С таким ветром за три перехода у моря будем, а там сядете на пароход, переправитесь к поезду, поезд вам подадут — поедете в Москву. Эх, мне бы ваши годы — ничего не удержало бы меня, поехал бы с вами!

— Шамурад-ака, — позвал старшего его подручный.

Что-то услышал старик в его голосе такое, что сразу оставил веселый разговор и подошел к молодому рыбаку.

Парень что-то тихо сказал Шамураду-ака и показал рукой в сторону берега. Я посмотрел — и ничего не заметил: берег ровный, за ним холмы тянутся, пусто...

— Поднять парус, — распорядился Шамурад-ака. Что-то его, видно, встревожило.

Я проследил за его взглядом, присмотрелся внимательнее — и по спине у меня побежал холодок: на одном из холмов маячил крошечный на таком расстоянии всадник.

Рядом со мной встал Джуманазар и тоже напряженно вглядывался в даль.

— Как думаешь, что это? — спросил я.

Он не ответил, а обратился к ребятам и девушкам:

— Сядьте все пониже, пригнитесь, чтоб с берега заметно не было!

— Что случилось? — поднялась Гавхар.

— Человек, — ответил за Джуманазара Шамурад-ака. — Правильно парень сказал — садитесь все.

Гавхар нехотя повиновалась. Я опустил на корточки рядом с ней, и все мы в тревоге разглядывали правый бе-

рег. Тем временем к крошечному всаднику присоединились еще два.

— Джапак, Салим, — приказал Шамурад-ака, — быстро на весла, нажимайте!

Но ветер, как назло, утих, и лодка не пошла быстрее. Шамурад-ака глянул на обвисший парус, выругался себе под нос и достал из-под скамьи прилаженное там ружье, охотничий дробовик.

Все, кто был в лодке, с тревогой следили за холмами. Всадников там было уже человек двадцать...

Ко мне подошел Джуманазар:

— Если нападут, девушек защищай. Понимаешь?

— Басмачи?

Джуманазар только головой покачал — сам не соображаешь, что ли?

Он прошел на нос, к Шамураду-ака, и там они и еще оба туркмена тихо стали о чем-то совещаться.

Один Новруз оставался спокойно-безучастным — сидел рядом с девушками, молчал и, кажется, не глядел на проклятый берег. Потом поднялся, шагнул к Салиму, который греб так, что обливался уже потом, сел рядом с ним, молча забрал у него весло.

— Ну-ка! — Он повернулся к второму рыбаку, Джапаку, улыбнулся. — Взяли! Р-раз-два, р-раз-два!

Лодка двигалась вперед мощными толчками. Салим стал прилаживать запасное весло, чтобы хоть как-то помочь товарищам, — и тут мы услышали выстрел. Потом еще... Несколько пуль свистнуло над нашими головами, но расстояние до стрелявших было велико, и это спасло нас.

Заплакала девушка-туркменка, тоненько и жалобно, опустила голову на колени и заплакала. Гавхар обняла ее за плечи...

Я подобрал какой-то металлический шкворень, ребята тоже вооружились чем попало, но ружье было одно на всех. Пока мы ничего не могли поделать и лишь напряженно ожидали то, что накатывалось на нас из пустыни.

Всадники успели уже спуститься с холмов к воде и нагоняли нас по низкому песчаному берегу.

— Много проклятых, — прохрипел Салим и угрожающе поднял весло.

Да, басмачей было человек двадцать, не меньше, они постреливали на ходу и, видно, рассчитывали догнать нас. Голыми руками нас не возьмешь, это ясно, но если дого-

нят — перестреляют с берега... Что мы им с нашими железками и единственным ружьем?

— Ну как, ребята, будем драться? — негромко спросил Шамурад-ака и каждому из нас по очереди заглянул в глаза.

Но мы и так уже стояли, не прячась, вооруженные кто ножом, кто железкой, кто веслом...

Гребцам Шамурад-ака сказал:

— Не останавливайтесь ни в коем случае! В реку они не полезут, нам бы только отмель проскочить! Устанете — сменим вас.

Налетел ветерок, захлопал и наполнил парус, лодка пошла быстрее.

— Ур-ра! — закричал Салим и потряс веслом. — Теперь не догонят, уйдем, ребята!

Джапак и Новруз гребли так, что гнулись весла. Салим помогал им своим веслом, ветер надувал парус, и все же всадники догоняли нас.

Скоро я мог уже различить лица преследователей, один был перепоясан пулеметными лентами, и сверкал в лучах опускавшегося солнца клинок над головой переднего — басмач лихо крутил им над головой.

Шамурад-ака заставил девушек лечь на дно лодки. Только Гавхар не захотела подчиниться. Девушки дрожали от страха, Раима билась в истерике. Мы все знали о зверствах басмачей, знали и то, что в кишлаках, куда они могли нагрнуть, женщины и девушки спали ночами ожидая набега, старались вымазать лицо сажей или грязью...

— Пригнись сейчас же, не видишь — стреляют! — крикнул я Гавхар, но она только покачала головой. — Пригнись, заденет!

Девушка нехотя присела на корточки, укрылась за бортом лодки. Она оперлась рукой о днище, и я заметил, что в кулаке у нее зажат кинжал — мой деревянный детский кинжальчик.

С берега ударили из винтовок, пули вспороли воду рядом с лодкой.

— Сто-о-ой! — заорал передний басмач. Он лихо поднял коня на дыбы над самой водой и грозил нам с берега шашкой. Догнал-таки!

— Ну, останови, сын собаки, попробуй! — Шамурад-ака поднял ружье.

Грохнул выстрел, всадник уронил руку с шашкой, потом завалился на бок и медленно сполз с седла.

— Ага, ну кто еще хочет попробовать, подходи! — закричал Шамурад-ака.

Мы смотрели затаив дыхание.

С берега снова хлестнули выстрелы, уже весь отряд догнал нас. Шамурад-ака ответил, и вдруг я услышал, как рядом коротко простонал Салим. Я оглянулся — и бросился к нему — на груди у него, у сердца, на белой рубашке расплзлось красное пятно.

Шамурад-ака передал ружье Джуманазару и тоже кинулся на помощь, но Салим опрокинулся уже навзничь на дно лодки; глаза его невидяще смотрели в небо.

— Салим, Салим! — молил Шамурад-ака. — Отзовись, Салим!

Но ответить Салим уже не мог.

— Гады, собаки, бей их, Джуманазар! Стреляй же! Давай я сам!

Еще один басмач сполз на песок с седла, но тут же несколько пуль пробиты борт лодки, и струйки воды показали места пробоин. Еще несколько залпов — и лодка начала потихоньку наполняться водой. Вот на что рассчитывали басмачи! Ведь впереди была отмель, и нам надо было пройти над ней, а лодка и так уже была перегружена!

Новруз и Джапак гребли что было сил; когда они откидывались с веслом назад, я видел их мокрые от пота лица. Остальные ребята помогали грести кто веслом, кто доской — чем попало; я пытался щепками, обрывками веревок заткнуть пробоины, но воды под ногами все прибавлялось, лодка заметно осела.

И вдруг под днищем заскрежетало, лодка дернулась, накренилась, и я, не удержавшись, шлепнулся на скамью...

— Джапак, что там? — обернулся с ружьем Шамурад-ака, но было уже понятно и без объяснений: мы не прошли над отмелью.

Джапак вместо ответа вдруг упал на борт лодки, перевалился в воду, и голова его скрылась под днищем.

От берега и от басмачей нас отделяло теперь метров тридцать, не больше. Шамурад-ака успел ссадить еще одного, но грохнули выстрелы из десятка винтовок, и старый рыбак повалился на дно лодки. Мы бросились к нему, он прохрипел только: «Простите меня... дурака старого... не доvez...» — и затих.

Человек десять басмачей въехали в реку и по отмели приближались к нам.

— Ну, собаки, подходи кому жить надоело! — Новруз вырвал весло из уключины, поднял над головой и достал ближнего к нему басмача — тот свалился в воду.

Джуманазар выстрелами в упор сбросил с лошадей еще двоих; я вместе с туркменами отбивался на корме, потом схватился врукопашную...

Но долго мы выстоять не могли, и скоро всех нас, избитых и окровавленных, вытолкали на берег. Всем ребятам связали руки. У меня голова раскалывалась от боли, и я плохо видел — получил сзади по голове, наверное, саблей плашмя попало... С нами не было Новруза и Атаджана; как погиб Новруз, я видел — он успел свалить веслом и второго басмача, а третий достал шашкой его самого... Куда делся Атаджан, я не знал: от удара я потерял на какое-то время сознание. Тела Шамурада-ака и Салима басмачи бросили в лодке... Джапак свалился в воду еще во время перестрелки...

С тоской, затравленно оглядывали мы реку, берег, пустыню — никого! Никто не мог помочь нам!

Думал ли я, что так скоро рухнут все мои надежды и мечты, что придется кончить жизнь на пустынном берегу под ногами вооруженных бандитов! Надежды спастись не было.

Когда мы отделились от реки, басмачи вновь окружили нас. Смеясь и грязно ругаясь, стали выталкивать из нашей группы девушек. Те заголосили. Раима вырвалась, хотела бежать. Ее сбили с ног, рванули на ней платье, она закричала. Я зажмурил глаза...

Джуманазар не выдержал. Бросился на басмача, схватил его за горло. Грохнул выстрел. Джуманазар упал на песок, опрокинулся навзничь. От уголка его рта протянулась струйка крови...

— Если хотите в живых остаться, не рыпайтесь, ясно говорю? — Плотный чернобородый басмач повел перед нами дулом винтовки, потом закинул ее за спину.

Я оторвал взгляд от тела Джуманазара, глянул на басмача и замер. Два дня назад он сидел в моей комнате!.. Это он привез мне письмо от дяди!..

Басмач тоже узнал меня, ухмыльнулся:

— И ты попался? Ай да Алибек! Знал, поди, что племянник в гости едет, а? — Он захохотал, я опустил голову.

Сразу вспомнилось мне письмо дяди с туманными угрозами обидчикам, расспросы Лойко о нем... А вдруг мой дядя Алибек тоже здесь? Ну нет, быть такого не может, какой же дядя бандит, — он же тихий... немой... поспать

любит... Я поднял голову, исподлобья оглядел оставшихся с нами басмачей. Нет, среди них дяди Али не было. Хотя неизвестно, что лучше в моем положении, — был бы он с басмачами, может, помог бы? Уж очень глупо погибнуть вот так... по дороге в Москву.

Все же тень надежды ожила во мне. Я отыскал взглядом Гавхар. Девушки испуганно жались друг к другу, у Гавхар в лице ни кровинки, губу закусилась... Почувствовала мой взгляд, посмотрела; я кивнул ей ободряюще, она отвела взгляд.

Басмачи уселись в седла. Один хотел посадить с собой Гавхар, потянулся за ней — она укусила его за руку... С проклятьями басмач тронул коня, но хоть стрелять не стал, и то хорошо...

Нас погнали куда-то в сторону холмов, видно, хотели увести в глубь пустыни; конные басмачи окружали нас широким кольцом. Так мы и шли, связанные.

Близилась ночь. С холмов мы в последний раз оглянулись на реку. Наша лодка, накренившись, оставалась еще на отмели, два басмача что-то делали с ней, похоже, хотели подтащить ближе к берегу. Огромное багровое солнце уже коснулось горизонта, и тело Джуманазара на песке у воды казалось освещенным пламенем.

Я посмотрел на Гавхар — она тоже глядела на реку, словно оттуда неожиданно могла явиться помощь.

— А ну шагай! Живо! — басмач замахнулся на меня плеткой.

Куда нас гонят, что готовит нам ночь?

VII

Уже было темно, когда главный среди басмачей, тот самый, посланец дяди, распорядился остановиться.

Место незнакомое — кусты, редкие деревья... Басмачи попрыгали с коней. Две девушки из наших без сил опустились на песок. Гавхар подошла, склонилась над ними.

Я посмотрел на ребят — лица измученные, почерневшие, губы потрескались.

— Воды... — попросила одна из девушек.

— Сейчас, красавица, не спеши, скоро не воду — вино пить будем! — басмач приоткрыл в хищной улыбке рот.

— Чего скалишься? — оборвал другой, постарше. — Или своих детей нету?

Он полез в суму, притороченную у седла, достал фляжку, протянул Гавхар:

— Пейте.

В глубине кустарника показался огонек; вышел человек с плоской, приблизился:

— Где столько пропадали?

— Да провозились с ними, кусались, сучьи отродья... — ответил за всех чернобородый.

Человек подошел к нам, посветил каждому в лицо и, ничего не сказав, двинулся прочь. Чернобородый последовал за ним, и я услышал:

— Зачем щенков притащил?

— Один — племянник Алибека...

Так... Значит, мой тихий дядя все-таки с басмачами! Как же он попал к ним? И я его сейчас увижу? А может, тут есть и еще обиженные на власть, как дядя, — такие, у кого отобрали дом, землю?.. Но как он мог?! Они же бандиты, убийцы!

— Бекджан! — услышал я тихий шепот. — Как потвоему, Джапак спасся?

Мысли о дяде сразу как ветром сдуло: я обернулся к Берды — это он мне шептал:

— Слушай, попробуем бежать, а? Доберемся до наших, pošлю отряд, накроют этих сволочей! Рожки да ножки останутся!.. Бежим?

— А девушек оставим, да?

Берды задумался, правда, девушек с собой ведь не возьмешь — они и так с ног валяются, далеко не уйдут... И бросить их тоже нельзя. Как быть?

— Эх, хорошо бы Джапак спасся, тогда он уже добрался до наших...

— Слушай, — сказал я, — бежать нужно одному из нас, сейчас ночь, может, до утра не заметят — за ночь далеко уйти можно...

— А кто — ты или я?

— Ты... — Я ни за что не ушел бы без Гавхар.

Берды кивнул.

Потом он поднялся, подошел к басмачу, охранявшему нас, — тот сидел на песке у костерка, винтовку держал на коленях и, кажется, клевал носом. Берды наклонился, что-то сказал ему, басмач выругался, потом смягчился; развязал ему руки и кивнул в сторону кустов. Мой товарищ исчез в кустах.

— Да не сиди там всю ночь, ты, отродье потаскухи! — крикнул вслед басмач.

«Только бы ушел подальше! Только бы ушел! — лихо-
радочно думал я. — Заснул бы этот, что ли...» Я вслуши-
вался, вглядываясь в кусты, смотрел на охранника, —
в кустах все вроде было тихо, охранник дремал...

И вдруг его точно ударили — он вскинул голову, по-
глядел на куст, за которым скрылся Берды, и крикнул:

— Эй, ты, падаль, подох там, что ли?

Кусты не отозвались.

Басмач нехотя поднялся, подошел к кустам — и тут же
заорал во всю глотку:

— Убежал, убежал, собака, сюда, эй, сюда!

Из темноты возникли, подошли к охраннику человек
пять. Он, показывая на кусты, стал им объяснять...

На плечо мне легла рука.

Я обернулся — чернобородый, главарь:

— А я было думал — ты дал деру! Ну, этого мы быст-
ро... Эй, джигиты, — по коням! Догнать!

Через полминуты десяток всадников, взметая песок,
ускакали в ночь.

Я почувствовал, что рядом со мной Гавхар, обернув-
шись, я увидел в отсветах костра страх в ее глазах.

— Догонят... — шепнула она.

— Темно... — возразил я, но сам понимал ясно и тоск-
ливо: далеко ли уйдет Берды, не зная местности, пеший,
когда за ним — десяток конных, знающих все вокруг как
свои пять пальцев.

Вдалеке грохнул выстрел, донесся крик, еще выстрел.
Все стихло.

Гавхар опустилась на песок, плечи ее вздрагивали.

Надаться нам больше было не на что.

Когда конники, уходившие в погоню, вернулись, тот,
что прежде сторожил нас, снова направился к костру
и мимоходом спросил с издевкой:

— Ну, сын потаскухи, может, и у тебя брюхо болит?

Я не выдержал, шагнул ему навстречу:

— Собака! Бандит!

— Смотрите, оказывается, он еще не проглотил свой
поганый язык! — Басмач подошел ко мне ближе. — Ты
с кем так говоришь, щенок, а?!

Свистнула плеть, боль обожгла мне лицо, из глаз по-
сыпались искры...

— Ах ты, зверюга! — Стиснув зубы, я что есть силы
ударил басмача в живот ногой.

Заорав, тот согнулся в три погибели, потом стал ка-
таться по земле...

— А ты парень крепкий, себя в обиду не даешь! — послышалось у меня над ухом.

Я обернулся — чернобородый. Хотя руки мои были связаны, он крепко взял меня за локоть и так держал, пока охранник не поднялся.

— Бек! — прохрипел охранник. — Бек, отдай его мне! Отдай! Ты же видел, бек!

— Замолчи! — распорядился чернобородый. — Этот пленник — мой, понял! Веди его за мной.

Он двинулся в сторону кустов, туда, куда ушел человек с плоской, и охранник погнался следом, толкая в спину прикладом и проклиная весь мой род до седьмого колена.

Шли мы недолго, и вот уже я разглядел в ночи несколько бесформенных в темноте строений. Где-то светился огонек...

Меня подвели к одному из строений, и басмач-охранник с руганью толкнул меня прикладом в черноту двери... Я упал лицом вниз...

Подо мной песок, кругом темно, ничего не разглядеть, и, кажется, никого... Слышно, как басмач снаружи подпер чем-то дверь. Так. Это, по-видимому, до утра. Я повернулся на бок, сел. Руки мне так и не развязали, гады! Боятся!.. За моей спиной что-то зашуршало коротко и сухо — ящерица, наверное, пробежала... Я почувствовал страх... А вдруг змея? Ну что я со связанными руками? Беспомощен, как теленок! Нет, так сидеть нельзя, надо что-то делать... Посмотрим хоть, где я... С трудом я поднялся на ноги и шагнул вперед... Еще, еще... и я уперся в стену... Где же дверь? Пошел вдоль стены... И тут... Снаружи доносились крики, шум, возгласы, ругань, мольбы о помощи, снова отчаянные крики... Я похолодел — кричали наши девушки... Гавхар! Что там происходит?! Я звал, орал, ногами бил в стену, но меня, наверное, никто не слышал...

Внезапно шум стал приближаться, послышался топот, потом голос бека:

— Держи ее, уйдет!

Снова топот, потом отчаянный крик:

— Проклятые! Отпустите, кровопийцы!

Я с ужасом узнал голос Гавхар. Как помочь?!

— Гавхар! — закричал я. — Держись, не давайся!

— Ух, дочь шакала! Кусается! — послышалось снаружи. — Чего возишься, бери за волосы...

— Силы — как у породистой кобылицы! Ах, сука, кусается! На тебе, получай! — послышался глухой звук удара.

— Ну вот, теперь до утра не очухается... Полегче надо было, — упрекнул другой басмач.

Голоса приблизились, дверь распахнулась, в сером проеме показались темные фигуры. Я прижался к стене.

...Гавхар бессильно замерла на полу, и дверь захлопнулась. Голоса удалялись:

— До утра отойдет...

— А хороша, а?

— Другие тоже неплохие. Пошли скорее...

Руки у меня все еще были скручены.

Я опустился рядом с Гавхар на колени и целовал ее волосы, плечи, лицо. Она не шевелилась. «Гавхар!» — звал я — она не отвечала. Не знаю, сколько времени просидел с ней... Вдруг я почувствовал, что она уже не лежит расслабленно, тело ее напряглось.

— Гавхар... — шепнул я.

Она шевельнулась.

— Ты, Бекджан?.. Ох, Бекджан... девушек... опозорили... — она захлебнулась рыданием.

Я молча сидел рядом.

Гавхар уже плакала почти беззвучно, не разобрать — то ли плакала, то ли постанывала, и вздрагивала всем телом.

— Гавхар, милая, не надо... — шепнул я. — Встань, развяжи мне руки.

Гавхар послушно поднялась, развязала ремень, стягивавший мне запястья, и прижалась ко мне, обняла и снова затряслась в рыдании:

— Бекджан, милый, надо бежать, спаси меня, слышишь!.. Я не смогу, не переживу... Бежим отсюда!.. Придумай же что-нибудь! Если мы спасемся — выручим всех!.. Что ты молчишь? Или, может, тебя дядя спасет?! Тебя одного? Я все, все слышала! А что будет с нами, со мной, завтра...

Я обнял ее:

— Бежим, Гавхар!

Стены нашей тюрьмы были крепкие, дверь тоже не поддавалась, а поднимать шум я боялся, — услышат нас, тогда уж не уйдешь!

Я искал хоть какую-нибудь щель, еще и еще ощупывал в темноте стены — и вдруг меня осенило. Ведь под ногами — песок!

Я расковырял ямку у стены, дальше пошло легче — песок был рыхлый, легкий, и скоро я смог просунуть под стеной руку. Гавхар все дрожала от нетерпения, торопила меня. Она помогла мне расширить ход, и наконец мы бесшумно выбрались наружу.

Было, наверное, уже за полночь, и в неясном свете ущербного месяца мы осторожно пробирались меж кустов... За спиной слышались пьяные возгласы, басмачи еще веселились... Раздался тонкий женский вскрик... Гавхар остановилась в нерешительности. Ведь мы оставляли девушек в лапах бандитов! Но как иначе можно было выволить их? Кто-то должен добраться до наших, позвать на помощь... Иначе всем нам — смерть, не сегодня, так завтра, в этом сомневаться не приходилось, привычки басмачей были хорошо известны...

Я тронул Гавхар за руку. Надо было спешить, — от того, сколько мы пройдем до рассвета, зависело наше спасение.

Мы вышли из кустарника на открытое место.

— Ты знаешь, где мы? — спросила Гавхар.

— Надо вернуться к реке.

Но ни Гавхар, ни я не знали, в какую сторону идти. Мрак окутал пустыню, тусклый свет месяца не мог побороть тьму — может быть, на наше счастье, — и мы с Гавхар пошли наугад.

VIII

До рассвета мы ни разу не остановились, не присели отдохнуть. Я оглядывался все реже — погони за нами пока не было, все было тихо там, откуда мы шли. А может, еще и не хватились нас... Вполне может быть: пили, гуляли — теперь спят... Но радоваться рано — главная опасность еще впереди. Так просто нас из рук не выпустят. Хватятся с рассветом — увидят подкоп, и два десятка верховых прочешут эту часть пустыни вдоль и поперек...

Да, наше спасение в том, чтобы уйти подальше. Добраться бы к восходу солнца до реки! Хотя именно там нас и будут искать в первую очередь.

К этим мыслям примешивались другие, светлые: Гавхар со мной, я спас ее, вот она, шагает рядом, и как знать, решил бы я без нее бежать, бороться до конца или валялся бы сейчас со связанными руками, надеясь на милость дяди...

Смерти я не боялся, за минувшие сутки я столько раз пережил ее, что страха не осталось. Понимал, конечно, что, если догонят нас с Гавхар, расправа будет короткой, никто не вспомнит о том, что я племянник Алибека... «Не нашли, и все,— скажут дяде.— Не видели, не встречали...» Да и мы с Гавхар скорее умрем, чем дадимся им в руки...

Пустыня тянулась без конца и края, темная, затаившаяся. Когда налетал ветер, шуршал песок — мне чудились тысячи маленьких змей, ползут куда-то, заполнили все пространство вокруг, подбираются к нам... Змей я всегда боялся...

Начало светать.

Идти становилось все труднее, ноги вязли в песке, рубаха у меня на спине была мокрой от пота... Наше счастье, что ночь выдалась прохладная и пока не мучила жажда...

Но вот и солнце показалось золотым краешком над горизонтом, поднялось, в розовое и желтое окрасило пустыню. На душе как будто легче стало, хотя солнце и несло нам главную опасность: днем найдут скорее.

— Отдохнем немного,— предложил я.

Гавхар посмотрела испуганно:

— Устал?

— Ничего, только в глазах рябит...

— И у меня... Ну давай еще немного пройдем, а? — Она оглянулась, долгим взглядом посмотрела назад — кажется, впервые за ночь.

Я кивнул, и мы зашагали дальше. Но идти было все труднее. Я потихоньку начал отставать от Гавхар. Откуда в ней столько силы — хрупкая, светлое порванное платье на спине прилипло к лопаткам, на лбу капельки пота... И все же шагает, и шагает, и шагает — видно, что не остановится. И мне не даст. И я, сжав зубы, месил и месил ногами песок и уже только старался не отстать.

— Смотри! — сказала Гавхар.

Я поднял голову и увидел впереди гряду холмов. Гавхар смотрела на меня, и наконец-то в ее глазах была радость.

Холмы тянулись вдоль реки, вчера мы перевалили их, когда басмачи гнали нас в пустыню. Значит, за ними должна быть река?

У меня уже не было сил радоваться. Я просто смотрел и говорил себе: вон холмы, за ними река, там будет легче... Туда надо идти...

— Доберемся до холмов и там отдохнем, ладно? — спросила Гавхар.

Я снова кивнул, и мы снова зашагали дальше. А холмы, такие уже будто бы близкие, все не становились ближе...

Солнце поднялось высоко над горизонтом, сделалось жарко. В горле у меня пересохло, я с трудом передвигал ноги, от пота щипало глаза. Гавхар тоже смахивала со лба капельки пота, шла все медленнее, но с прежним упрямым выражением на лице. Сколько мы так прошли, не знаю, мне уже начало казаться, что холмы странным образом удаляются от нас...

— Ну ладно, — сказала Гавхар, словно оправдываясь перед собой. — Давай передохнем... Уже недалеко...

Песок был горячий, и солнце горячее, и видно было, как воздух дрожит и струится над горячим песком.

Я огляделся: бескрайняя желтая равнина, не на чем остановить взгляд, только цепочка барханов справа да гряда холмов впереди выделяются в жарком желто-голубом мире, указывают нам путь.

— Я думаю, теперь уже не догонят. Только бы до реки добраться...

— По-моему, река недалеко. Холмы похожи на те, откуда они следили за нами.

Гавхар блаженно растянулась на песке, подложив ладонь под голову, и глядела в голубое небо.

— Может, и лодку нашу найдем...

— Да зачем она... На тот берег по отмели доберемся... Я сам незадолго до того, как погнались за нами, домики видел — кишлак, должно быть. Люди помогут...

И вот мы снова шагаем, и жжет солнце, и пересохло в горле, но зато холмы не удаляются больше, замерли на месте.

Потом начинают расти.

И вот мы у песчаной горы. Снизу кажется, что добраться до вершины невозможно. Мы с трудом переставляем ноги, по колено увязаем в песке, песок хрустит на зубах, но все же мы медленно поднимаемся. Потом ноги уже не держат нас, и мы ползем вверх, помогая себе руками. И вот наконец вершина холма, и мы одновременно видим где-то у горизонта серебряную полоску.

— Река... — выдохнула Гавхар и обвела языком пересохшие губы.

— Река... — подтвердил я.

Сколько времени пролежали мы в изнеможении? Наверное, немного, — серебряная полоска на горизонте манила к себе, и мы не сводили с нее глаз.

Вниз мы спускались бегом, но внизу Гавхар снова опустилась на песок.

— Что с тобой?

— Ноги...

Ступни у нее потрескались, шиколотки распухли, а выше кожа была покрыта красной сыпью. Я стал дуть ей на ноги, и она улыбнулась сквозь слезы боли...

— Ничего, река уже близко... Дойду...

— Знаешь что, давай я понесу тебя, ну-ка, забирайся ко мне на спину!

Гавхар покачала головой. Но я положил ее руки себе на плечи и заставил подняться. Она оказалась неожиданно легкой.

— Лучше ногам стало?

— Да... Только тебе тяжело, я же вижу!

— Ну что ты! Слушай, я тебя так до Хивы понесу, согласна?

Гавхар счастливо рассмеялась:

— Да! Как хорошо, что удалось бежать вдвоем... Что бы я одна здесь делала?

— Больше я тебя никогда никуда не отпущу! Остаешься со мной?

Гавхар прижалась ко мне горячей щекой. Я остановился:

— Знаешь что, Гавхар... Поцелуй меня!

Она не ответила, но я слышал, как забилося за моей спиной ее сердце...

Жаркое дыхание... и будто язычок пламени коснулся моей щеки...

— Бекджан... отпусти меня.

— Почему? Я совсем не устал...

Но она уже не обнимала меня за плечи, и я тихонько спустил ее на песок. Она закусила губу, но пошла сама, рядом со мной. Когда я нечаянно прикоснулся к ней — она отдернула руку.

— Что ты, Гавхар?

Она не ответила, молчала, все так же закусив губу, и я увидел, что она вся дрожит, ее трясло как в лихорадке... Я обнял ее, она прикинула ко мне и заплакала.

У меня от жалости комок подступил к горлу: ее слезинка обожгла, скользнула по моей щеке, я гладил ее хуленькие плечи и вдыхал горьковатый аромат ее волос...

— Если б нам удалось дойти... Ты ведь не оставишь меня, Бекджан?.. Я боюсь...

— Ну что ты! Не бойся, нас уже не догонят. Теперь мы всегда будем вместе...

Она продолжала всхлипывать, говорила сквозь слезы:

— Простите меня, подруженьки. Что с вами сделали? Сама не понимаю, как я вырвалась... кусала кого-то... бежала...

Я гладил ее волосы и шептал ей на ухо:

— Не мучай себя... Еще немного потерпи, доберемся до реки, до своих, тогда и девушек освободим! Не бойся, никто не тронет тебя, не плачь... Пойдем лучше, давай я опять понесу тебя...

— Ничего... я сама...

Она вытерла слезы, дала мне руку, и мы зашагали, и Гавхар ступала осторожно, а я хотел, чтобы ее боль через наши руки ушла от нее, передалась мне...

Так мы прошли несколько сот шагов, и когда я посмотрел вперед, сердце у меня упало: на месте серебряной полоски выросли какие-то холмики...

Гавхар тоже увидела их и в тревоге обернулась ко мне:

— Что это? Где река?

— Наверное, за теми холмами, — успокоил я ее, — мы смотрели сверху, а сейчас холмы ее загораживают... — Но в голосе моем не было уверенности.

Гавхар не ответила, но старалась теперь идти быстрее.

И вот мы у невысокой гряды холмов, перевалили ее, но река точно ушла в песок — нет ее! Да была ли она? Я сам испугался своей мысли. Неужели нас обманул мираж? Я без сил опустился на песок. Гавхар оглядывалась растерянно:

— Куда же она провалилась? В какую сторону идти?

— Не знаю.

Я закрыл слезившиеся от напряжения глаза, а когда открыл — на горизонте снова мерцала серебряная полоска.

— Смотри, река, — Гавхар протянула руку, показывая на нее.

— Это не река, Гавхар. Это мираж... Мы заблудились...

— А холмы? Ведь нас вчера гнали через холмы!

— Наверное, их тут много...

Река должна быть где-то недалеко. Но где, в какую сторону идти?

Я огляделся. Кругом, до самого горизонта, мертвая желтизна пустыни, и неоткуда ждать помощи... И серебряная полоска зовет дальше в пески...

— Что же делать? — спросил я растерянно.

— Надо идти...

— Но куда?

Гавхар уверенно показала рукой налево, и я вдруг почувствовал глухое раздражение — откуда она знает?

— Слушай,— торопилась объяснить Гавхар,— нас вчера басмачи вели к востоку от реки,— помнишь, солнце садилось за спиной? А сегодня мы только раз повернули — когда подумали, что видим реку. Значит, надо вернуться... И идти, как утром... Вот увидишь, мы найдем ее!

Я не стал спорить. Конечно, река не течет по прямой, и можно искать ее в песках хоть несколько дней... Но все равно — надо же куда-то идти... А правильно мы идем или опять плутаем — это увидим потом...

Теперь нас мучила не только жажда, но и голод... Губы у меня потрескались и болели, было трудно дышать... Я уже не думал о реке и хотел только одного — чтобы солнце вскоре опустилось и вечер принес облегчение... Ноги мои были растерты и саднили, я ощущал каждый гвоздик, каждый шов своих сапог, но стащить их с распухших ног уже не мог.

На ноги Гавхар я боялся смотреть. И все же сильнее всего мучила жажда.

— Господи, хоть бы глоток воды, хоть один, и тогда бы я уж дотерпела... — не выдержала, пожаловалась Гавхар.

Я не ответил. Где его возьмешь, этот глоток?... Колодцы в пустыне есть, но, как я слышал, только на старых караванных дорогах... Или наоборот, дороги прокладывали от колодца к колодцу... Вода в них, наверное, холодная, жара ведь под землю не проникает...

— О чем ты думаешь? — спросила Гавхар.

— О воде...

— И я... Сейчас бы выпила целое ведро... Помнишь колодец в нашем дворе? Я нашу корову всегда колодезной водой поила, сама для нее доставала... Мама говорила, пусть пьет из арыка, ничего с ней не сделается, только наша корова из арыка не пила, привыкла к чистой воде... Вода у нас в колодце холо-одная была, и в ведро попадались большущие жабы... Говорят, жаб надо опускать в молоко, чтоб не скисло...

Гавхар вдруг запнулась и показала рукой — смотри.

Чуть в стороне поднимался над песком небольшой кустик, вроде колючки. Мы скорей свернули к нему. Низенький, стебель сухой, мелкие веточки с желтыми листиками. Я оторвал веточку — излом был влажным — и отдал ее Гавхар, она слизнула влагу и сморщилась, выплюнула.

— Горько...

Я попробовал тоже — ужасная горечь. Мой отец умел лечить травами и не раз показывал мне полезные чем-то растения, рассказывал об их целебных свойствах. Но что это за куст с таким горьким соком, я не помнил. Машинально я подергал стебель — и вдруг песок вокруг него стал проваливаться, посыпался куда-то вниз, и я увидел отверстие, дыру с твердыми краями, и с них струился вниз песок...

Гавхар испуганно понялась, я тоже сделал шаг назад.

В самом деле, может, там гнездо змеи!

И вдруг я понял!

— Гавхар, ведь это колодец! Там должна быть вода!

Я легко вытащил с корнями куст и отбросил его в сторону, потом торопливо стал выбрасывать из ямки песок. Вот моя рука задела за что-то твердое, показались сухие ветки, какие-то корни... Я начал выдергивать их и понял, что это настил... Мы были над колодцем, прикрытым настилом и засыпанным песком!

Я уже не помнил ни об усталости, ни о реке, ни о басмачах. Лихорадочно раскидал песок, расчистил настил из корневищ саксаула... Разобрал — под ним оказался еще настил, плотно уложенные жердинки. И вот — застоявшийся воздух, запах сырости, в темном провале — звонкое шлепанье: кап, кап, кап, кап... О, какая это была музыка! Я смеялся, я орал в полный голос:

— Вода, Гавхар, вода! Ты слышишь? Иди послушай! Какает!..

Гавхар склонилась над колодцем и жадно всматривалась в звенящую глубину.

— Как часто капает... Будто что-то живое там... Как же мы ее достанем? Наверное, здесь глубоко, да?

— Попробую спуститься.

Стенки колодца оказались плотными. После недолгих поисков я обнаружил углубления в них, куда можно было поставить ногу... Колодец был неглубокий, в полтора моих роста, и в полутьме на дне я увидел посудину, полную до краев: с наклонного желоба, спускавшегося от стены, в нее бежала по капле вода... Я осторожно поднял посудину — чугунный котелок. О, какая вкусная, какая холодная была в нем вода! Я мысленно благословил неведомого нашего спасителя, того, кто нашел источник и вырыл колодец... Второй глоток был еще слаще первого — каждая моя жилка отозвалась на него, исчезло мутное безразличие,

голова стала ясной... Третьего глотка я не сделал — подал котелок наверх, Гавхар.

Она приняла котелок и тут же жадно стала пить... Я мучительно хотел глотнуть еще, но увидел, как дрожат ее руки, и жалость сдавила горло. Я отвернулся, не стал смотреть, как она пьет, и сказал только:

— Осторожнее. Не пролей...

Она поставила котелок на песок, передохнула и снова стала пить. Потом отдала воду мне.

И вот снова капли стучат о пустое дно котелка, а я поднялся из колодца к Гавхар и вижу наконец ее счастливую улыбку... Лицо бледное и осунувшееся, но в глазах — свет.

— Отдохнем здесь, Бекджан, хорошо? А быстро котелок наполнится?

— Быстро. Слышишь, как шлепает, — значит, на дне уже есть вода.

— Хорошо бы умыться, а, Бекджан?

— Потерпи, скоро будет тебе полный котелок.

— Я готова ждать без конца... никуда не уйду от воды! Как хорошо здесь, правда, Бекджан?

Пока мы умывались, пока снова наполнялся котелок, пока мы пили и снова и снова наслаждались колодезной водой, прошло время, и над пустыней сгустились сумерки, загорелись на фиолетовом бархате неба яркие близкие звезды. Посвежело, но песок еще отдавал тепло, и мы, перед тем как растянуться у колодца в блаженной истоме, разбрызгивали на песчаном ложе несколько пригоршней воды.

Я смотрел на звезды и ни о чем не думал. Гавхар закрыла глаза и не шевелилась, лишь чуть заметно подымалась и опускалась в такт дыханию грудь...

Я чувствовал это в себе и догадывался, что и в Гавхар совершается то же: долгожданный покой, разлившийся по клеточкам и жилкам моего тела, коснулся и души. Теперь я мог вздохнуть свободно, наконец, мы не бежали, а просто надо было хорошенько отдохнуть перед завтрашней дальней дорогой, собраться с силами и выйти во что бы то ни стало к реке. Если бы еще голод не мучил так... Но налитый водой желудок чуть притих, а о том, что будет завтра, я старался не думать... Хорошо было лежать в теплой тьме, не чувствовать своего тела — будто плывешь между звездами и землей...

Да, было хорошо, и я вспомнил ласковые теплые вечера в родном кишлаке, молочный свет луны, шелест речных струй.

У нас с Гавхар были любимые местечки, и там можно было сидеть, и молчать, и слушать реку, ветер, ночь, а из кишлака доносились женские голоса — матери сзывали ребятишек по домам.

И рождалось сладкое и тревожное ожидание наступающего дня, — казалось, он несет загадочное и волнующее, что-то случится радостное, он не пройдет просто так, он откроет неведомое... Наверное, это и было счастье...

Наутро я забыл о вечерних мечтах, и день пролетел, как обычно, в ребячьих заботах, радостях, играх, ссорах, учебе... А потом снова приходил вечер, и воздух наполнялся ожиданием таинственного, и снова я ждал, чтобы скорее наступило завтра...

— Бекджан, о чем ты думаешь?

— Вспомнил наш кишлак... Как мы там быстро находили реку...

— Да... А я думала о Москве — будем жить там долго-предолго, пять лет... Будем ходить по улицам, где жил Пушкин... Я полюбила его стихи, знаешь... «Я вам пишу, чего же боле, что я могу еще сказать...» Они у меня здесь, — Гавхар тронула рукой грудь.

— А я люблю «Капитанскую дочку»...

— И тебе нравится Маша Миронова?

— Очень... Как она любила Гринева! И сама красивая — у нас дома была книжка с рисунками... Наверное, и в жизни была красивая... А больше всего нравится то место, где Гринев ее из неволи освобождает... Он — герой!

— А по-моему, герой — Пугачев! Настоящий большевик.

— Разве тогда были большевики?

— Конечно! Они были всегда, только их называли иначе... Но как Гринев освобождает Машу — мне тоже нравится... Если бы у нас было все как у них, правда?

— Так и будет...

Гавхар снова надолго умолкла, смотрела широко открытыми глазами в небо и улыбалась. О чем она думала, куда залетели ее мечты?

Наконец она посмотрела на меня.

— Ты была где-то далеко?

— Я думала о тебе... о нас.

Она приподнялась на локте, склонилась надо мной, лицо ее приблизилось к моему лицу, и я увидел ее глаза —

в них был вопрос, и тревожное ожидание, и сомнение, и... свет — вот что было в них.

И я захотел, чтобы ее глаза стали еще ближе, я обнял ее и прижал к себе, и она обняла меня...

Вот так, под звездами пустыни, где стенами были стороны света, а крышей — небо, тропинки нашей любви слились в одну...

Потом Гавхар сладко спала, свернувшись калачиком, а я смотрел на нее, и радость в моей душе мешалась со страхом, — я не был готов получить то, что отдала мне Гавхар, и близость наша не принесла мне покоя... и я влюблен был, и счастлив, и одновременно встревожен и испуган...

Что нас ждет? И до чего же беззащитны мы перед пустыней! И хоть огромно чувство, распирающее мою грудь, — как мала и беспомощна наша любовь перед песчаной бескрайностью, перед сотней злых ее сил, что обрушатся на нас с рассветом, — палящее солнце, голод, басмачи... и выйдем ли мы завтра к реке... и если нет, то пощастливится ли нам еще набрести на колодец? И сколько раз обманет нас, увлечет в сторону от реки коварный мираж?

Когда же началась эта дорога, что завела меня сюда, где ступил я на нее? Ах, если бы вернуть все к тому счастливому времени детства, к той счастливой жизни в кишлаке! Если бы не было всех этих потрясений, жили бы мои родители, и мы с Гавхар были бы счастливы в тихой, мирной жизни, в нашем доме с садом... Но нет, нет нашего дома, и не только горячие версты песка отделяют меня от него... Ведь дом отобран, имущество конфисковано, я нищий... Кто прав, где правда? У Гавхар она есть, своя правда, я знаю, но одна ли она у нас, или моя правда должна быть иной? И не ее ли правда завела нас сюда, в пустыню?

И снова я смотрел на спящую Гавхар, и тревога уходила, волна радости смывала сомнения...

Я долго не мог заснуть...

IX

Первое, что я увидел утром, — Гавхар, сидит рядом на песке, смотрит на меня, улыбается.

— Долго же ты спишь, смотри, солнце уже поднялось! А я рано проснулась, испугалась — где это я? Потом тебя увидела... — Она покраснела и опустила глаза.

— Доберемся сегодня до реки?

— Обязательно!..

...Я спустился в колодец, подал Гавхар котелок, мы напильсь и ополоснули лица. Потом я поставил котелок под желоб и растянулся на песке: ноги не держали меня — все-таки вторые сутки ничего во рту не было...

— Ты... не хочешь идти?

— Подождем, пока котелок наполнится, возьмем с собой.

— Как же можно? А если еще кто-нибудь, как мы, придет к колодцу — ведь они не смогут даже напильсь! Не во что будет набрать воды! Не мы принесли сюда котелок, не нам его и забирать! Надо его оставить, Бекджан... А мы дотерпим... река должна быть где-то близко!

— Ладно, дотерпим... — Я невесело усмехнулся: вот они, две разные правды, — ее и моя... Попробуй соедини их в одну!

Я закрыл колодец настилом, воткнул сверху давешний кустик, чтобы заметно было издали: здесь вода, — и мы тронулись дальше.

Мы одолели гряду барханов — впереди замаячила цепочка холмов. Добрались до холмов, вскарабкались наверх — впереди, куда ни достанет глаз, песок и снова барханы...

А за ними — опять холмы?

Я понял, что так будет повторяться без конца, что мы заблудились окончательно, и без сил повалился на песок.

Гавхар, не сказав ни слова, опустилась рядом со мной. Сколько времени я пролежал так — не скажу, кажется, я забылся каким-то тревожным полусном. Но и закрыв глаза, я видел только желтую бескрайность...

Когда я пришел в себя, Гавхар начала ободрять меня; она глядела на меня с жалостью, говорила, что мы идем правильно, что мы не можем заблудиться, говорила, что нельзя оставаться на месте, надо идти... Она хотела помочь мне подняться...

А я, казалось, не в силах был пошевелить рукой, я будто растекся по песку, меня не было, и я не знал уже, хочу ли я встать, хочу ли я идти — или только лежать и не двигаться... И то, что Гавхар пыталась заставить меня подняться, было насилием и раздражало, и глухая злоба рождалась в груди...

Когда же я усилием воли стряхнул с себя оцепенение, стыд залил мне краской щеки: что ж это я? Гавхар, жен-

щина, — сильнее меня? Она может идти, а я — нет? Разве ей не труднее?

Превозмогая слабость, я поднялся и сделал первые не-твердые шаги. Меня тянуло лечь, я чувствовал дурноту, но заставлял себя считать шаги и шел вперед...

И снова был песок, барханы, холмы, снова песок, бар-ханы, холмы, и снова, и снова... Гребни барханов сверкали под солнцем, и нам несколько раз казалось, что это након-ец лента реки... Но реки не было, и где она — мы не зна-ли. Может быть, мы уходим от нее? Хоть колодец-то наш мы сможем отыскать? Ведь без воды в пустыне конец один...

Стоило ли бежать от дяди, чтобы плутать несколько дней в пустыне и погибнуть мученической смертью от жажды?

Солнце замерло в зените, я ослеп и оглох от света, от жары, от песка, голод и жажда мучили меня, и наконец я почувствовал, что даже одежда, даже сапоги — непо-сильный для меня груз. Я повалился на песок — решил стянуть сапоги и идти дальше босиком, как шла Гавхар. Мне почему-то стало казаться, будто ей оттого легче ша-гать, что она идет босиком, — в этом все дело, это самое важное...

Я попробовал стащить сапог, но он, и без того тесный, не желал слезать с распухшей ноги. Гавхар старалась по-мочь мне, но ничего не получалось, и это почему-то злило меня, будто она во всем была виновата и нарочно не же-лала помочь, чтобы и дальше ей идти было легче, чем мне.

Наверное, сознание мое помутилось. Но в этом полу-бреду у меня вдруг хватило сил грубо оттолкнуть ее и вскочить в злобе на ноги.

— Бекджан, что ты? — она испуганно расширила глаза.

— Что, что — Бекджан?! Что ты еще можешь сказать мне? Опять — идем к реке? Опять — до нее совсем немно-го, да? Дойдем, как же! Не видишь, что ли, подохнем мы тут! Птицы глаза выключают!..

— Бекджан! — крикнула Гавхар, у меня зазвенело в ушах. — Замолчи! Ну что ты говоришь...

Она хотела подойти ко мне, но в сердце у меня не было ничего, кроме злобы, и злоба эта рвалась наружу:

— Сама замолчи! Ты, ты и твои оборванцы-большеви-ки затащили меня сюда! Убить хотите? Чтобы змеи мою кровь повысосали?!

Кажется, я даже замахнулся на нее, и вдруг что-то обожгло мою щеку... затуманенное сознание послало вдогонку: тебя ударили по лицу, она ударила тебя...

Я схватил Гавхар за плечи и стал трясти, она что-то кричала мне в лицо, и в глазах ее я увидел вдруг жалость и страх, и очнулся, и протрезвел — господи, да что же я делаю! Ведь это Гавхар!

Она погладила меня по голове:

— Пойдем, Бекджан. Надо идти, нельзя останавливаться...

— Нет, нет! Надо вернуться, если мы хотим остаться в живых!..

— Вернуться?! Куда же?

— К колодцу...

— А оттуда? К твоему дяде, да, Бекджан?

— Он не даст нас в обиду, это лучше, чем сдохнуть в песках! Ты хочешь сойти здесь с ума? Хочешь достаться воронью на поживу?

— Бекджан... Ты... ты предлагаешь мне вернуться к басмачам?.. Ты предлагаешь вернуться к ним, да?

Это было больнее, чем удар по лицу.

— Я скажу ему, что ты... что мы...

— Какой же ты низкий, Бекджан, — спокойно проговорила Гавхар. В глазах ее было презрение. — Что ж, иди к своему дяде! Торопись!

Я резко встал и пошел.

Когда я сделал несколько шагов, услышал позади:

— Бекджан!

Я остановился, не в силах был ступить дальше. И не хотел обернуться, потому что знал: если обернусь, снова последую за ней, как верный пес.

Сколько я так простоял — память моя не говорит ничего. Потом, когда я обернулся и хотел позвать ее, — увидел ее еле приметную фигурку уже далеко. Она взбиралась на бархан, измученная, но несломленная. Я с тоской подумал, что она все же, наверное, дойдет, выйдет к реке. А я остался один среди песков...

Я побежал за ней, упал. Звал ее, я кричал ей что было сил. Она не обернулась. Мой голос был слаб, и не мне было одолеть безмолвие пустыни. Она меня не услышала.

Я с трудом поднялся, опустив голову, поплелся обратно — туда, где прошлой ночью убили Берды, где басмачи надругались над девушками... Чувства правоты не было в моей душе, я ненавидел себя...

Я шел обратно, и, чтобы примирить мою совесть со случившимся и меня с самим собой, сознание увело меня в прошлое, память услужливо рисовала милые сердцу картины: вот наш сад в кишлаке Чалыш, он был из самых красивых и богатых. Ветки деревьев гнутся под тяжестью плодов, посреди сада — виноградник, кисти огромные — с локоть, «буаки» и «чарас», за виноградником — бахча... А там, где наш сад примыкал к саду моего дяди Али, — десять деревьев моей любимой айвы. Мама тоже любила айву, варила из нее варенье... Эх, мама, мама... Что она видела, что получила хорошего от жизни? А отец мой? Он что получил? Копил деньги к старости, хотел хоть последние годы прожить в довольстве, хотел дать мне образование, оставить дом. Во всем отказывал себе ради этого. И что же — все отобрали, все, что накопил трудом, а заодно и жизнь... И мамину — тоже... А что взамен? Что получил я от Лойко, от большевиков? Убогую комнатку в доме старой Султанпаши? Что я видел?.. Разве я должен защищать эту власть?

Так утешала меня моя память, отыскивая и подбирая объяснения, почему я вправе был повернуть назад...

К вечеру я добрался до колодца, откуда мы с Гавхар двинулись утром. Бросился скорей к настилу, споткнулся, упал и с трудом поднялся на колени. И так и застыл: ужас сковал меня — прямо перед собой увидел я небольшую пеструю змею, она подняла голову над песком и не шевелилась, только стеклянно блестели глаза.

«Вот она, смерть... — промелькнуло у меня в голове. — От чего хотел уйти, к тому пришел... Видно, судьба... Это мне за Гавхар... Может быть, она умирает сейчас в песках...» Змея не шевелилась, но сама поза ее, напряженная, с поднятой головой, внушала мне такой страх, что я не смел дышать...

«Сейчас она бросится, — думал я, — примерится и... Куда она нацелилась?..»

Что делать? Может, мне самому броситься вперед, ударить ее ребром ладони по голове?.. Успею ли?.. Нет, конечно, змея быстрее...

Время шло, змея все не нападала, спину мою ломило от напряжения, — сколько я так еще простою, полусогнувшись, на коленях?

И вдруг — я сначала подумал, что это мне чудится, —

я услышал далекие голоса. Но я боялся отвести взгляд от змеи — она могла испугаться людей и броситься...

Холодный пот выступил у меня на лбу, — я услышал, что голоса приближаются... Я так и не повернул головы, а змея не двинулась... Голоса смолкли, и вдруг — мне показалось, над самым моим ухом, — грохнул выстрел...

Я повалился без сознания, уткнулся лицом в песок.

Потом я почувствовал, что в рот льется вода... Я открыл глаза. Это Джапак поил меня из фляги. Рядом стояли два красноармейца. Я поднялся. Змея валялась на песке, голова ее была раздроблена пулей...

— Что, змея напугала? — Джапак весело улыбался мне.

— Да старая она, яду уже нет... — заметил один из красноармейцев.

Меня напоили, дали лепешку, а Джапак, пока я жевал, коротко объяснил, как они нашли меня. Оказывается, тогда, во время перестрелки, он сообразил, что басмачи осият нас и захватят, и нырнул в воду, отплыл, и в суматохе его никто не заметил... Он видел, как басмачи схватили нас, как погнали в глубь пустыни... Берегом добрался до кишлака, что миновали мы незадолго до нападения, отсюда сразу же сообщили о басмачах в ближайший гарнизон... В погоню за бандой пошел кавалерийский эскадрон, утром их нашли. Часть банды была перебита, часть сдавалась... Девушек и ребят из нашей группы успели спасти от верной гибели...

Тут только и обнаружилось, что мы с Гавхар бежали. Несколько конников были посланы искать нас. И вот наконец нашли меня.

— А где Гавхар? — спросил Джапак.

Я не знал, что ответить. Джапак встревожился:

— Погибла?

— Нет... Она ушла...

— Ушла?! Куда? Как ты отпустил ее?!

— Она... пошла вперед... Я не мог... Я звал ее с собой...

Джапак молчал, и молчали оба красноармейца. Я не смел поднять голову.

— В какую сторону ушла? — изменившимся голосом спросил наконец Джапак.

Я показал рукой направление.

Они, все трое, поднялись в седла, и Джапак бросил мне с высоты вниз:

— Трус несчастный! Увидишь ты теперь Москву!

Я не смел шевельнуться. Они ускакали.

И только тут я испугался. Ведь они отыщут Гавхар, и та расскажет им, куда я звал ее с собой!

Я поспешно поднялся и тронулся в путь. Объясняя, как меня искали, Джапак показал, в какой стороне река, и теперь я шел уверенно. Я спешил.

К ночи я добрался до Амударьи. Я хорошо умел плавать — вырос-то на берегу реки! — и легко достиг другого берега. Вдали мерцали огоньки селения. Я не боялся темноты — теперь она защищала меня, была моей заступницей... Только бы меня не нашли! Теперь я боялся встречи и со своими, и с басмачами.

И вот — незнакомый кишлак. Я постучал в дверь крайнего дома. Отворила старуха. Я попросил воды и кусок лепешки. Она сжалилась надо мной:

— На тебе лица нет, сынок! Где ты так намучился? Зайди в дом, я накормлю тебя.

Но я уже боялся всего, — мне казалось, что за мной по пятам гонятся красноармейцы с Джапаком во главе, и я продолжал бежать — только преследователи сменились: вместо басмачей меня теперь ловили, как я думал, красноармейцы...

Я побоялся войти в дом сердобольной старухи: тогда она принесла мне воды и круглый хорезмский хлеб, совсем свежий... Я жадно выпил воду и впился зубами в хлеб... Старуха смотрела на меня с жалостью. Но в меня словно бес вселился, я уже не мог остановиться и, поблагодарив добрую хозяйку, зашагал дальше...

Справа от дороги что-то чернело. Мне показалось, что это скирда соломы. Так оно и было. Я сошел с дороги, огляделся и прислушался — тихо, никого, только от кишлака доносился лай собак... Я бросился на солому и сразу же провалился в сон...

К вечеру следующего дня я был уже в Ургенче и стоял у ворот нашего дома, где жил когда-то, в далекой счастливой жизни, вместе с родителями, и где умерли мой отец и мать...

Сейчас дом сделался чужим. Ворота были открыты, я вошел во двор и увидел, что на веранде мигает керосиновая лампа. Кто живет под нашей крышей?

Из комнаты моей мамы вышла какая-то старуха, заковыляла к огоньку на веранде, опустила на тахту... Я не выдержал.

— Тетушка!

— Кто там, не вижу в темноте, подойди сюда!

Я поднялся на веранду.

— Заходи, сынок, — приветливо пригласила меня старуха, встав навстречу.

Я решил притвориться, будто впервые вижу этот дом:

— Скажите, тетушка, здесь живет доктор Сафар?

— Эх, милый мой... Уж давно оставил он эту жизнь, мир праху его! Говорят, доброй души был человек. Да ты садись, не стой!

— Вы знали его?

— Нет, сынок... Рассказывал мне о нем один урус приезжий, сам из Хивы. Он-то и поселил меня с дочкой здесь, — говорит, сын Сафара в Москов уехал, учиться там будет долго, а вы живите пока, за домом смотрите... Вернется хозяин — переселим вас в новый дом... Так уж он хорошо говорит по-нашему, будто родился тут... А сам-то ты откуда будешь, сынок?

— Я из Чалыша, друзья мы с сыном доктора Сафара... Проведать хотел...

— Уехал он, сынок, уехал, пошли ему аллах удачи... — Старуха забормотала молитву, а я поднялся. — Куда же ты, милый, сейчас чай вскипит!..

— Спасибо, тетушка, меня ждут. Мир вам!

Я вышел на улицу. Куда ж мне идти теперь? Значит, Лойко был прав: дом мне, можно сказать, вернули — старуху поселили здесь до моего возвращения... Но что мне теперь до моего дома — не жить мне в нем! Бежать, бежать — меня будут искать здесь! Я звал Гавхар назад, к басмачам, и там, с басмачами, мой дядя... Такого мне не простят! Возбужденный, я подогревал свой страх, и он гнал меня все дальше и дальше...

Я пошел куда глаза глядят, и, как и в прошлый раз, какая-то сила привела меня на кладбище. Но и здесь не было мне покоя — одиночество и тишина царили кругом, и было тревожно, как в пустыне...

Я упал на могилу отца и дал волю слезам... Горькие это были слезы...

Я долго не мог успокоиться, и вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я поднял голову — могильщик. Услыхал, наверное, и подошел — хотя его-то рыданиями не удивишь...

— Не мучай себя, брат! Смерть у каждого в изголовье, с ней не поспоришь! И отца не вернешь!

— Ты знал его?

— Твой дядя тоже приходил сюда.

— Давно?!

— Вчера. Поклонился могилам близких перед дальней дорогой.

— Он еще здесь?

— Остановился в доме Джумабека.

Я бросился отыскивать дядю и нашел его без труда: могильщик дал верный адрес.

Мы проговорили до полуночи, то есть я рассказывал дяде обо всем, что случилось со мной за последние дни, расспрашивал, а дядя на бумажке царапал ответы. Оказалось, что басмачей действительно захватили и часть перебили в бою... Рахманкул-бек, тот самый, чернобородый, что привозил от дяди письмо, погиб. Самого дяди в ту ночь не было с басмачами, и это его спасло. Через два дня с помощью верных людей он отправляется вдоль Амударьи и в песках Каракумов перейдет границу.

— Хочешь, пойдем вместе в Иран. Там встретишь людей, знавших твоего отца. Большевики не тронули твое имущество, я его припрятал. Сможешь хорошо жить, будешь торговать. Узбеки — торговый народ, я научу тебя, и дело пойдет — только соглашайся.

И я согласился... Зачем, от кого продолжал я свое бегство?.. И все же сделанного не воротить: через два дня мы покинули Ургенч и благополучно добрались до Ирана.

XI

— С той поры прошло сорок лет, — закончил свой рассказ старик. — Я не оправдываю себя, но я был наказан жизнью: человек, бросивший родину, носит наказание в самом себе... На чужбине нельзя быть счастливым.

Сорок лет... Целая жизнь. Кажется, нет в этих краях города, где бы я не побывал, нет дела, за которое бы не брался. Дядя мой был человек оборотистый и способный к торговле, и мы жили хорошо. Но после его смерти я быстро разорился.

Кое-как существовал на то, что удалось спасти из наших денег. И вот теперь — пять лет уже в этом городе, служу на телеграфе. Иногда хожу наверх — слушаю, как играет та бедная женщина. Она ведь из Хорезма, мелодии ее — мне родные. Последняя ниточка...

Я понимаю: там все теперь по-другому, и домик наш в Ургенче, и сад в Чалыше не сохранились, наверное, но я закрываю глаза и вижу их такими, как оставил... Это — моя молодость... Увидеть бы ее напоследок — и ничего

больше не просил бы я у жизни... Простите... я, наверное, утомил вас — рассказ мой, увы, не очень-то весел...

— А что стало с Гавхар? Вы так и не узнали?

— Представьте, знаю. Шесть лет назад, это в Каире еще было, я встретил туристов-узбеков, и среди них были мои земляки... Я расспрашивал их о родине, о Хиве, об Ургенче... И один из них знал когда-то Гавхар! Я, конечно, ничего не сказал им о себе...

Да... так ее тоже нашли — видимо, одновременно со мной... Нашли и спасли... Позже она поехала все-таки в Москву, училась там и стала врачом. Семья у нее была, отыскала-таки свое счастье...

Мы оба молчали, и старик грустно вертел в пальцах свою пустую чашку из-под кофе. Я посмотрел на него, жалкого и опустошенного, и мне захотелось выйти на улицу. Старик, видно, чувствовал это.

— Простите меня... Увидел земляка — и вдруг захотелось рассказать о себе. Чтобы хоть кто-нибудь на родине знал, что я есть, что существую...

Он поднялся, поклонился молча и вышел.

Родина!.. Мирная и ласковая моя земля... Как представить жизнь без тебя! Как не глядеть с сыновней любовью в глаза твои! И если найдется человек, предавший тебя, — разве не будет похожа его жизнь на жизнь того старика, одинокого и не нужного никому? Разве может быть счастливым человек без родины?

СОДЕРЖАНИЕ

Две весны Дамира Усманова. Перевод Э. Амига	3
Слепой дождь. Перевод Э. Амига	201
Зеленая звезда. Перевод А. Орлова	303
Пустыня. Перевод С. Шевелева	467

Ульмас Рахимбекович Умарбеков

Повести

М., «Советский писатель», 1987, 528 стр.

План выпуска 1987 г. № 351

Редактор *Л. М. Анисов*

Худож. редактор *В. В. Медведев*

Техн. редактор *Е. Ф. Шареева*

Корректор *С. И. Крягина*

ИБ № 6194

Сдано в набор 2.10.86. Подписано к печати 19.06.87. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 30,02. Тираж 100 000 экз. Заказ № 589. Цена 2 р. 30 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15